В. Я. Ельмеев

Свободное время

МАРКСИЗМ ЛЕНИНИЗМ

эпохи диктатуры пролетариата

2006 – 2007

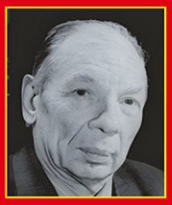
4

Ленинград

МАРКСИЗМ ЛЕНИНИЗМ эпохи диктатуры пролетариата 2006 4 2007

В этом томе представлена работа В. Я. Ельмеева «Социальная экономия труда: общие основы политической экономии», 2007 год.

ЕЛЬМЕЕВ ВАСИЛИЙ ЯКОВЛЕВИЧ

Советский и российский учёный, философ, экономист, социолог. Профессор, доктор философских наук, доктор экономических наук. Заслуженный деятель науки РСФСР, почётный профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

«Сокращение рабочего времени, обусловленное научно-техническим прогрессом, не может приниматься за признак уменьшения потребления. Наоборот, экономия рабочего времени должна вести к увеличению богатства общества и свободного времени. Последнее, превращаясь в мерило развития человека как истинного богатства, тем самым становится и мерой развития способности к потреблению, мерой потребительной силы общества. Это соответствует требованиям закона потребительной стоимости, согласно которому высвобождаемое в результате реализации потребительной стоимости время превосходит затраченное рабочее время и, следовательно, потребление, совершаемое в свободное время, должно измеряться последним. Когда же в качестве меры используется рабочее время, то такое потребление свидетельствует по существу о бедности. Рабочее время, в том числе прибавочное, поглощая почти всё время трудящихся масс, лишает их свободного времени, которое становится временем для немногих. Они и получают простор для своего развития, в том числе и для потребления»

svremya.org
vk.com/svobodnoev
youtube.com/@svobodnoev
t.me/SVremya
dzen.ru/svremya

Свободное время

КУПИТЬ И СКАЧАТЬ

ISBN 978-5-6054888-5-9

9 785605 488859 >

ВИДЕО

МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ ЭПОХИ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

ТОМ IV

Цикл научно-популярных работ

2006–2007

Ленинград

2026

УДК 330.1
ББК 65.01
М27

Автор:
Василий Яковлевич Ельмеев — доктор философских наук, доктор экономических наук, заслуженный деятель науки РСФСР, профессор.

М27 **Марксизм-ленинизм эпохи диктатуры пролетариата : цикл научно-популярных работ в 7 т. / М. В. Попов [и др.]. — Ленинград : Издатель Англинова Л. Н., 2026. Т. 4 — 884 с. ISBN 978-5-6054888-5-9 (Т. 4)**

Читатель, перед Вами — итоговый труд исследователя социологии социализма, являющийся результатом работы не только автора, но и нескольких поколений социологов и экономистов Ленинградского государственного университета (ныне — СПбГУ) советского периода. В науке он ознаменовался расколом на выразителей прогрессивной, коммунистической, тенденции, и их оппонентов, подтолкнувших общество на путь возврата к капиталистическому способу производства. Все позиции были выявлены отношением к печальным результатам XX съезда КПСС и действиям Хрущёва и его последователей — товарников в экономике, субъективистов в социологии. Сейчас, в 2026 году, уже все мы (и повсюду в мире) видим тупиковость капитализма с его стихийностью и потому постоянным сползанием в кризисы и войны.

Василий Яковлевич Ельмеев в своей работе всегда твёрдо опирался на научный социализм и материалистический подход к истории. Это продолжение школы русских революционных демократов (Герцен, Чернышевский и др.), марксистов, в том числе отечественных (Плеханов, Ленин, Сталин). Это позволило ему предметом своего исследования сделать человека как субъекта труда и сформулировать идею социального планирования — начав с исследований механизма образования и реализации растущих фондов общественного потребления на предприятиях, особенно в крупных производственных объединениях. Образование значительных объёмов этих фондов превращало трудовые коллективы в серьёзные социальные институты. На этой основе разработана теория воспроизводства общества и человека, а также политэкономическая концепция экономики науки. Идея была принята на вооружение большинством регионов и республик в советский период, а в современной России существует лишь формально — поскольку не опирается на трудовые коллективы как субъекты развития.

Опора же на них даёт ускорение научно-технического прогресса, обеспечивает выдвижение на первый план человеческого фактора, социально-экономического развития, развития планомерности вместо стихийности. И самое главное — превращение науки в непосредственную производительную силу.

ISBN 978-5-6054888-5-9 (Т. 4)
ISBN 978-5-299-01214-9

Сообщить об опечатке

© В. Я. Ельмеев, 2007
© Группа «СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ», 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 9

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Раздел I
ПРЕДМЕТ И МЕТОД ПОЛИТИЧЕСКОЙ (СОЦИАЛЬНОЙ) ЭКОНОМИИ ТРУДА 21
Глава 1. Труд как объект и предмет общей политэкономической теории 21
§ 1. О месте труда в политической экономии 21
§ 2. Предмет социо-политико-экономического изучения труда 31
§ 3. Понятие труда и метод его анализа 45

Раздел II
ПРОЦЕСС ТРУДА И ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ СТОИМОСТИ 57
Глава 2. Человек — субъект трудовой деятельности 61
§ 1. Человек — начало исследования труда 61
§ 2. Человек и труд в составе общественного бытия и социальной субстанции 65
Глава 3. Главная производительная сила общества 75
§ 1. Основная историческая роль человека 75
§ 2. Человеческие производительные силы труда 81
§ 3. Люди и вещественные производительные силы труда 89
§ 4. Труд и производственные отношения 103
Глава 4. Изменение соотношения умственных и физических функций работника 110
§ 1. Современный технический прогресс и изменение места и роли человека в производстве 110

§ 2. Научное развитие производителей материальных благ ... 122
§ 3. Применение науки и развитие человека — основа производства будущего общества ... 133
Глава 5. Продукт непосредственного процесса труда, его потребительная стоимость и стоимость ... 144
§ 1. Опредмечивание труда в его продукте ... 144
§ 2. Потребительная стоимость и её экономическая форма ... 151
§ 3. Из истории анализа потребительной стоимости ... 161
Глава 6. Производительный труд и производительный работник ... 174
§ 1. Понятие производительного труда ... 174
§ 2. Производительные и непроизводительные работники ... 180

Раздел III
ПРОЦЕСС ТРУДА И ПРОЦЕСС ВОЗВЫШЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ СТОИМОСТИ ... 193
Глава 7. Особенности производства потребительной стоимости ... 193
§ 1. Труд в роли источника увеличения стоимости и потребительной стоимости ... 193
§ 2. Инновационная сущность труда, производящего потребительную стоимость ... 204
§ 3. Способы увеличения потребительной стоимости, свойственные живому труду ... 226
Глава 8. Закон потребительной стоимости и формы его проявления ... 236
§ 1. Обратная зависимость меры труда от потребительной стоимости продукта ... 236
§ 2. Превышение результата труда над затратами ... 243
§ 3. Экономия времени как мера производительной и потребительной силы труда ... 252
Глава 9. Обмен и распределение потребительных стоимостей ... 262
§ 1. Обмен и обращение потребительных стоимостей ... 262
§ 2. Распределение благ по потребительной стоимости ... 274

Раздел IV
ПРОИЗВОДСТВО И ВОСПРОИЗВОДСТВО ТРУДА И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ 295
Глава 10. Потребительное производство 295
§ 1. От продукта труда к субъекту 298
§ 2. Потребление и потребительная деятельность 309
§ 3. Потребительная сила общества 323
Глава 11. Взаимодействие труда и потребления 332
§ 1. Приоритет потребления в определении размеров производства 335
§ 2. Взаимосвязь общественной полезности продукта и трудовых затрат 342
§ 3. Мера труда и мера потребления 357
Глава 12. Рабочее и свободное время общества 368
§ 1. Производство свободного времени 372
§ 2. Экономия рабочего и увеличение свободного времени общества 378
Глава 13. Потребление как накопление. Воспроизводство трудового потенциала и социального богатства общества 388
§ 1. Потребление как накопление социального богатства .. 390
§ 2. Развитая личность — главное социальное богатство общества 397

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Раздел V
ТРУД — ОСНОВА ВОСПРОИЗВОДСТВА ОБЩЕСТВА .. 409
Глава 14. Производство и воспроизводство общественных отношений 417
§ 1. Производство как производство вещей и общественных отношений 418
§ 2. Отношение по воспроизводству человека в системе общественных отношений 437
Глава 15. Труд и собственность 456
§ 1. Тождество (единство) труда и собственности 456
§ 2. Отчуждение труда от собственности 468
§ 3. Воссоединение труда и собственности 485

Раздел VI
ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА ВНУТРИ ОБЩЕСТВА: ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ И ОБЪЕДИНЕНИЕ ТРУДА 505
Глава 16. Общественное разделение труда и воспроизводство социально-классовой структуры общества 506
§ 1. Естественноисторическая дифференциация видов человеческой деятельности и разделение труда между людьми 506
§ 2. Социально-экономические условия преодоления общественного разделения труда 534
Глава 17. Перемена труда и развитие личности работника 556
§ 1. Перемена и сочетание видов труда — объективная потребность развития современного производства 557
§ 2. Перемена и сочетание деятельностей — основа развития личности работника 565
Глава 18. Обобществление труда и формы его социально-экономической организации 576
§ 1. Процесс обобществления труда 576
§ 2. Развитие форм организации ассоциированного труда 582
§ 3. Ассоциированный труд в условиях капиталистической глобализации 599

Раздел VII
ТРУДОВАЯ ТЕОРИЯ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА И ЧЕЛОВЕКА 617
Глава 19. Проблема развития общества 617
Глава 20. Труд — источник социально-экономического развития 622
§ 1. Несовместимость стоимостной парадигмы с признанием социально-экономического развития 622
§ 2. Экономическая динамика в стоимостном и потребительностоимостном измерении 630
§ 3. Проблема преодоления дуализма социальной статики и динамики 638
§ 4. Развитие как превышение результата над затратами 649

Глава 21. Человеческое развитие — обобщающий результат общественного воспроизводства. 666
§ 1. Труд — способ бытия и развития человека. 666
§ 2. Человеческое развитие в стоимостном и потребительностоимостном измерении. 672
§ 3. Ценность человека и его труда 687

Раздел VIII
БУДУЩЕЕ ЗА ОБЩЕСТВОМ ТРУДА 699
Глава 22. Нищета постмодернизма в трактовке настоящего и будущего 702
§ 1. Ущербность методологии постмодернизма 702
§ 2. Подмена социально-экономических критериев технологическими 723
§ 3. Отчуждение науки от производительного труда. 732
Глава 23. Виртуальный мир постэкономического общества. . . 746
§ 1. Отказ от экономики как жизненной основы общества. . 746
§ 2. Деструкция трудовой стоимости и виртуализация экономики 751
§ 3. К экономике трудовой потребительной стоимости 760
Глава 24. От капитала к труду 772
§ 1. Капитализм под маской постсовременности 772
§ 2. Перспективы развития общества — за развитием труда 779
Глава 25. Человек труда вместо человеческого капитала 792
§ 1. Труд как противоположность капитала 792
§ 2. Умственный труд вместо интеллектуального капитала 806
Глава 26. От общества гражданского к обществу человеческому. 815
§ 1. Гражданское общество и суверенитет народа. 815
§ 2. Обобществление труда и социализация человека 832
§ 3. Ассоциированный труд и очеловечивание общества . . . 845

ОБЩЕСТВО ТРУДА — ОБЩЕСТВО ПРАВДЫ И СПРАВЕДЛИВОСТИ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ) 863

Но предстояла ещё более значительная победа политической экономии труда над политической экономией капитала.

Учредительный манифест
Международного товарищества рабочих

ПРЕДИСЛОВИЕ

После долгих размышлений пришлось остановиться на названии книги «Социальная экономия труда (общие основы политической экономии)». На такого рода раздвоение названия пришлось пойти, с одной стороны, для того, чтобы защитить политическую экономию, с другой — показать, что она вовсе не сводится к учению о политике государства в экономике. Наука, изучающая экономику и соответствующая первоначальному значению понятия «экономия», имела дело с «социальной экономией». Не случайно классики, в частности К. Маркс, политическую экономию связывали с изучением общественного строя производства, с общественными (производственными) отношениями, складывающимися между людьми в процессе их трудовой деятельности. Аристотель, когда называл человека существом политическим, имел в виду, как показал знаток греческой древности К. Маркс, общественную сущность человека, т. е. то, что «человек по своей природе есть гражданин городской республики»[1], полиса, от деятельности которого берёт начало понятие «политика». Видимо, именно это послужило поводом А. Монкретьену утвердить за наукой об экономике название «политическая экономия».

Но главное не в этом. Для Аристотеля «экономия» была противоположностью «хрематистики», которую он осуждал, видя в ней «искусство делать деньги». «Экономия» же имеет дело с истинным богатством, с приобретением благ, необходимых для жизни и полезных для домохозяйства и полиса, т. е. с потребительными стоимостями[2]. К. Маркс, используя аристотелевскую

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 23. С. 338.

[2] Аристотель. Соч. в 4-х т., т. 4. М., 1983. С. 390–393.

«хрематистику» для характеристики капитала, замечал, что Аристотель исходит из «экономии», поскольку последняя ограничивается приобретением нужных для жизни благ. Что же касается «хрематистики», то она, подобно капиталу, не знает границ для богатства и собственности, делает накопление денег и их обращение самоцелью. Вся она построена на деньгах, ибо деньги суть начало и конец этого рода обмена, а абсолютное обогащение — его цель[3].

Из сказанного следует одно важное обстоятельство: политическая экономия («полисная экономия») с самого начала имела своим объектом изучения труд, искусство приобретательства необходимых для жизни благ посредством трудовой деятельности. У Аристотеля в обмене решающую роль играет потребительная стоимость и труд, производящий потребительные стоимости, а не труд, выраженный в стоимости. У него ещё не было понятия стоимости. Следовательно, можно сказать, что политэкономия в своём начале была политической экономией труда. Трудовая теория сохраняет значение основы и для классической политической экономии, сумевшей свести стоимость к общественно необходимому труду. Вне труда нет научной политической экономии.

Чтобы избежать излишней политизации экономической науки, не подгонять политическую экономию под учение о государственном хозяйстве или под институционализм, вполне допустимо название «Социальная экономия». Многие экономисты так и назвали свои работы (Л. Вальрас «Этюды общественной экономики», Ф. Визер «Основы социальной экономии», Г. Кассель «Теория социальной экономии»). В России недавно открыли Институт социальной экономики.

Для тех, кто не сводил политическую экономию к технологии производства или рыночному товарообмену (маркетингу), а трактовал её как учение об общественных отношениях людей по производству, об отношениях собственности, межклассовых отношениях и т. п., замена политической экономии на «социальную экономию» не имеет смысла. Если же отказываются от классической политэкономии в её социальном смысле, то приходится придумывать иные названия — начиная от «Принципов Экономикса»

[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 163.

А. Маршала и кончая современными «Макро» и «Микро» экономиками, т. е. экономиксом, отрицающим политическую экономию.

Есть и другая, более важная причина настаивать на сохранении названия политической экономии применительно к труду. Дело в том, что существование политической экономии как науки нередко ограничивалось рамками товарно-стоимостного производства и обмена в эпоху капитализма. Этого взгляда придерживались многие западные (К. Шмидт, В. Зомбарт) и отечественные экономисты (М. И. Туган-Барановский, П. Б. Струве). Сегодня тоже есть экономисты, которые не признают существования некапиталистической политической экономии. Под сомнение ставится существование политической экономии социализма, в частности в СССР. В своё время Н. И. Бухарин, Е. А. Преображенский и др. предрекали конец политической экономии после перехода к планомерному развитию экономики, преодолевающему её товарность и стихийность. К этому выводу в своё время пришли участники дискуссии в 1925 г., за исключением И. И. Скворцова-Степанова, настаивавшего на сохранении политической экономии в её широком смысле. Для сегодняшних сторонников так называемого «постэкономического», или «информационного» общества политическая экономия тоже не нужна, ибо исчезает сама экономика. Имеют место суждения отдельных авторов, приписывающих даже К. Марксу ограничительную точку зрения на предмет политической экономии: якобы он её считал теорией только товарного производства (С. Г. Кара-Мурза).

В этих условиях остаётся один выход из сложившейся ситуации: разрабатывать политэкономическую теорию в её широком смысле, показывающую общие основы экономической жизни всех формаций, любого общества, а не просто сумму экономических теорий этих формаций. Нужно согласиться с Ф. Энгельсом в том, что политическая экономия в широком смысле ещё должна быть создана.

До последнего времени мало кто из экономистов об этом заботился. Одни разрабатывали экономическую теорию товарно-рыночной экономики капиталистического общества, нередко выдавая его законы за общеэкономические, другие — теорию экономики социалистического общества. До общеэкономической политэкономической теории руки не доходили. Лишь теперь,

когда нависла угроза над существованием самой политической экономии, начались поиски способов её возрождения, причём прежде всего как всеобщей экономической науки.

Главное в этом деле — найти основу, на которой можно возвести политическую экономию в её широком смысле. Автор убеждён, что такой основой может служить всеобщая экономическая теория труда, причём труда, производящего потребительную стоимость. К такому убеждению автор пришёл после многолетней работы над проблемами труда и производительных сил, развитие которых непосредственно касается не меновой, но потребительной стоимости. Первая моя докторская диссертация «Главная производительная сила общества» (1963) была посвящена анализу человека как субъекта труда, вторая — «Экономика науки: теоретические основы» (1977) — анализу интеллектуального труда, науки как непосредственной общественной производительной силы труда. В дальнейшем основные мои усилия были направлены на разработку трудовой теории потребительной стоимости как альтернативы стоимостной концепции (хрематистики). Были опубликованы соответствующие работы: «Трудовая теория потребительной стоимости — новая парадигма экономической науки» (1996), «К новой парадигме социально-экономического развития и познания общества» (1999), «Будущее за обществом труда» (2003, в соавторстве) и др. Образовалась научная школа трудовой теории потребительной стоимости, в рамках которой моими учениками и последователями были защищены докторские диссертации по экономике и опубликованы соответствующие монографии: В. Г. Долгов «Управление научно-техническим прогрессом: потребительностоимостные основы» (1988); Н. Ф. Дюдяев «Промышленные работы и экономия живого труда: потребительностоимостной анализ»; В. Ф. Байнев «Электропотребление и экономия живого труда: потребительностоимостной анализ» (1998). Результаты этих исследований в то время были востребованы Государственным комитетом по стандартам и различными управлениями по качеству продукции и качеству жизни, поскольку стандарты можно было разработать на потребительностоимостной основе. С теоретических позиций школы выполнен ряд работ по социологии: Н. С. Савкин «Образ жизни: формирование, воспроизводство и регулирование» (Саратов, 1984); Н. А. Пруель «Образование как

общественное благо: воспроизводство, распределение и потребление» (СПб., 2001); Е. Е. Тарандо «Труд и собственность. Диалектика развития» (СПб., 2003); «Собственность: основы трудовой теории» (СПб., 2005); В. Г. Комаров «Правда: онтологические основания социального разума» (СПб., 2001).

Первое политико-экономическое обобщение итогов исследований на основе трудовой теории потребительной стоимости мною было сделано в монографии «Воспроизводство общества и человека» (1988), которая в новом варианте была включена в избранные труды, вышедшие под названием «Теория и практика социального развития» (2004). В предлагаемой монографии подводится окончательный итог предшествующей научной деятельности в указанном направлении с учётом заинтересованности в решении задачи по переводу общей политико-экономической науки на новую теоретическую основу.

Надо сказать, что разработке теории потребительной стоимости на трудовой основе не было уделено серьёзного внимания как в мировой, так и в отечественной науке. На Западе она была заслонена субъективной теорией предельной полезности, в отечественной экономической науке — сведением потребительной стоимости к вещественному носителю стоимости. От этого сведения не освободилось большинство авторов коллективных работ: «Общественная потребительная стоимость в системе производственных отношений коммунистического общества» (М., 1980); «Потребительная стоимость в экономике развитого социализма» (М., 1974); «Потребительная стоимость продукта труда при социализме» (М., 1978).

Обычно ссылаются на «Капитал», где К. Маркс потребительной стоимостью называет полезность вещи, трактует её как вещественный носитель меновой стоимости, как нечто натуральное, не имеющее достоинства определённой экономической формы. Действительно, в «Капитале» потребительная стоимость выглядит чаще всего с этой стороны, ей уделено очень мало места. И это понятно, ибо К. Маркса более всего интересовали стоимость и труд, выраженный в стоимости и капитале. Вместе с тем он не согласился с тем, что потребительная стоимость должна быть совершенно удалена из науки: «У меня, — писал он, — потребительная стоимость играет важную роль совершенно

по-иному, чем в прежней политической экономии, но — и это надо заметить — она принимается во внимание всегда лишь там, где такое исследование вытекает из анализа данных экономических образований, а не из умствований по поводу понятий или слов „потребительная стоимость“ и „стоимость“»[4].

Передо мной как автором стояла задача извлечь из работ К. Маркса всё, что было сказано им о потребительной стоимости, особенно в его экономических рукописях, а также о труде, производящем потребительную, а не меновую стоимость, о котором, по словам самого К. Маркса, в «Капитале» говорится лишь в немногих строках. Вопросы, связанные с потребительной стоимостью, для него оказались довольно трудными для решения. Достаточно привести одно из его суждений (в примечаниях), содержащееся в «Экономических рукописях 1857–1859 годов». «Не следует ли понимать стоимость, — ставит вопрос К. Маркс, — как единство потребительной и меновой стоимости? Не представляет ли сама по себе стоимость как таковая нечто всеобщее по отношению к потребительной и меновой стоимости, как к её особенным формам? Имеет ли это значение в политической экономии?»[5]. Из этой постановки проблемы становятся понятными высказывания К. Маркса о том, что в натуральном хозяйстве Робинзона можно найти все определения стоимости, а также суждения Ф. Энгельса об учёте затрат труда как об остатках прославленной стоимости в коммунистическом обществе.

Что касается потребительной стоимости, то о ней у К. Маркса сказано так: в простом обмене товаров, «где обмен совершается как раз лишь ради потребления товара обеими сторонами, потребительная стоимость, т. е. содержание, натуральная особенность товара как таковая, не существует в качестве экономического определения формы. Наоборот, определением формы товара является меновая стоимость. Содержание вне этой формы безразлично; оно не является содержанием этого отношения как отношения социального»[6].

---

[4] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19. С. 386.

[5] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 216.

[6] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 216.

Однако перед К. Марксом вновь возникает вопрос: «Но не развивается ли это содержание как таковое в системе потребностей и производства? Не входит ли потребительная стоимость как таковая в саму форму, в качестве фактора, определяющего саму экономическую форму, например, в отношении между трудом и капиталом, в различных формах труда? В какой мере потребительная стоимость остаётся в качестве предпосланного материала вне политической экономии и экономических определений формы и в какой мере она входит в политическую экономию, — выяснится и должно быть выяснено прежде всего при разработке отдельных разделов»[7].

Нельзя сказать, что К. Маркс оставил более или менее разработанную трудовую теорию потребительной стоимости. Но он оставил методологию и логику научного анализа, на фундаменте которых можно возвести политическую экономию труда, основанную на трудовой теории потребительной стоимости. Тем более это важно сделать, ибо такую задачу ставил сам К. Маркс, высказав уверенность в том, что предстоит победа политической экономии труда над политической экономией капитала. Что же даёт теория потребительной стоимости для становления политической экономии в её широком смысле?

Эта теория, прежде всего, формулирует и обосновывает в качестве общего основного закона производства — закон потребительной стоимости.

Что собой представляет этот закон?

Во-первых, согласно этому закону, в противоположность закону стоимости, в котором труд, выраженный в стоимости, остаётся вне её определений (труд не имеет стоимости), здесь затраты труда ставятся в зависимость от потребностей общества в тех или иных благах. Тем самым получает своё определение общественная мера труда, но в качестве непосредственного, живого труда и рабочего времени, определяемых потребительной стоимостью своего продукта.

Во-вторых, в противоположность закону стоимости, установившему эквивалентность и обратимость общественно необходимых затрат труда и его стоимостных результатов, закон

[7] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 217.

потребительной стоимости выражает превышение результатов труда над его затратами, возвышая труд как источник инновационного, прогрессивного развития общества.

В-третьих, вместо прибавочной стоимости (прибыли) закон потребительной стоимости условием эффективности экономической деятельности делает высвобождение, экономию труда и рабочего времени, что служит надёжным объективным соизмерителем потребительных стоимостей, критерием для замещения одних из них другими, потребительными стоимостями более высокого порядка.

На основе закона потребительной стоимости могут и должны решаться многие экономические проблемы, которые раньше оставались нерешёнными, или получали неправильную трактовку. Таковы основные из этих проблем.

С переходом на критерий высвобождения труда снимаются оковы с развития производительных сил. Это развитие может осуществляться лишь подчиняясь закону потребительной стоимости, а тормозиться — подчиняясь закону стоимости. Научно-технический прогресс становится действительным лишь приобретая соответствующую своей природе основу — превосходить высвобождаемым новой техникой (технологией) трудом затраты труда на их создание. Но это не те рабочее время и его экономия, которыми измеряется меновая стоимость техники. Уменьшение её меновой стоимости, как неизбежный результат роста производительности труда, как раз мешает получению высоких прибылей, погоня за которыми становится тормозом для научно-технического прогресса. Застой в этой области в нашей стране во многом был предопределён внедрением стоимостной формулы приведённых затрат в качестве критерия эффективности новой техники. Если добавленная к затратам (себестоимости) прибыль от капиталовложений, рассчитанная по нормативному коэффициенту их эффективности (т. е. по средней норме прибыли в 0,15), не достигалась, то новая техника, сколько бы много живого труда ни высвобождала, не внедрялась. В теории оставались не объяснимыми факты прироста ВВП из увеличения соответствующих затрат капитала, ибо в этом случае нарушался бы стоимостной принцип равновесия затрат и результатов, т. е. оказывалось, что результаты растут быстрее, чем затраты капитала. Получался

«таинственный» остаток, составляющий 75–85% роста производства национального дохода (С. Ю. Глазьев).

Теория трудовой потребительной стоимости позволяет решить другую важную научную проблему — объяснить возможность экономического и всего социального развития общества, что нельзя сделать в рамках стоимостной парадигмы. Одна из причин этого — господство стоимостной парадигмы в общественных науках, которая пригодна только для анализа статичного состояния, а не развития общества. Можно сослаться не только на К. Маркса, но и на Й. Шумпетера, который писал, что «теория стационарного процесса фактически образует основу всей теоретической экономической науки, и мы, будучи экономистами-теоретиками, не многое можем сказать о факторах, которые следует рассматривать как первопричину исторического развития»[8].

Возможность развития можно вывести только из потребительностоимостной сущности труда — из превосходства его результатов над затратами, в котором заключается инновационность человеческого труда вообще. К сожалению, это свойство труда, производящего потребительную стоимость, осталось не замеченным «большой» наукой.

С превращением предметов потребления из товарной формы в форму потребительных стоимостей отпадает необходимость в собственности работника на свою рабочую силу, противостоящую общественной собственности на материальные средства производства и землю. Восстанавливается собственность, основанная на собственном труде, т. е. принцип тождества труда и собственности, без которого трудно было преодолеть отрыв общественной собственности от индивидуальной. На основе труда, производящего потребительную стоимость, каждый работник становится собственником: а) той части продукта своего труда, которая входит в индивидуальное потребление и обеспечивает максимальное удовлетворение его потребностей, допускаемое существующей производительной силой труда; б) и той части продукта своего же труда, но как труда общественного, который идёт на формирование общественных фондов потребления и расширение производства. Каждый выступает как собственник в трёх лицах: как

[8] Шумпетер Й. Теория экономического развития. М., 1982. С. 52.

индивид, как член трудового коллектива, как член общества. Преодолевается запутанность вопроса о распределении по труду. Никто из классиков научного социализма не брал на себя ответственности считать этот принцип социалистическим. Не был дан ответ на вопрос: по какому труду происходит распределение благ — по труду, производящему стоимость, или по труду, создающему потребительную стоимость?

Редко кто задумывался над этим вопросом. Ведь если речь шла о труде, производящем стоимость, то приходилось признать заработную плату выражением стоимости рабочей силы. Совсем по-другому выглядит распределение по труду, производящему потребительную стоимость. Во-первых, здесь имеется в виду не тот средний общественно необходимый труд, затраченный на воспроизводство рабочей силы и уравнивающий зарплаты, а сам живой труд и непосредственное рабочее время, затрачиваемые на производство потребительных стоимостей. Во-вторых, за основу берётся не стоимость, а потребительная стоимость рабочей силы.

Последняя оставалась вне теории и практики распределения и лишь изредка напоминала о себе в виде требования учёта производительности труда. Между тем именно потребительная стоимость труда и рабочей силы составляет собственную основу справедливого распределения как распределения ***по условиям потребления***. Это, конечно, не относимый к будущему принцип распределения по потребностям, но реальный принцип, учитывающий цель производства. Он не получил признания в науке, как и сама трудовая теория потребительной стоимости.

В распределении благ по условиям потребления нет ничего невыполнимого. По этому принципу присваивают себе плоды прибавочного, но чужого труда, предприниматели. Почему же этого не могут делать сами производители — присваивать продукт собственного труда, в том числе и прибавочного, ставшего для них столь же необходимым. Имелся опыт распределения общественных фондов потребления по тем же условиям потребления — услуг образовательных организаций, медицинских учреждений, санаториев и домов отдыха и т. д. На этот принцип вполне можно перевести и распределение обычных потребительских благ. Мешает этому не столько уровень развития производительных сил труда, сколько их вложенность в «прокрустово ложе» стоимости.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Однако политическая экономия как наука об условиях и формах, при которых происходят производство и обмен в различных человеческих обществах и при которых соответственно этому в каждом обществе совершается распределение продуктов, — политическая экономия в этом широком смысле ещё только должна быть создана.

Ф. Энгельс

Раздел I

ПРЕДМЕТ И МЕТОД ПОЛИТИЧЕСКОЙ (СОЦИАЛЬНОЙ) ЭКОНОМИИ ТРУДА

Глава 1. Труд как объект и предмет общей политэкономической теории

§ 1. О месте труда в политической экономии

Объектом экономического изучения труд выступает сегодня прежде всего в отраслевой экономической науке — экономике труда. Что касается его места в политической экономии, то здесь дело обстоит по-другому. Если в классической политической экономии он ещё ставился во главу угла, то в неоклассике и в последующих маржиналистских концепциях труд начал исчезать из поля зрения, в итоге был отнесён к «отрицательным полезностям». На долю труда, по оценке Н. Г. Чернышевского, в господствующей экономической теории стало отводиться очень мало места. На труд стали смотреть только как на орудие, которым пользуются для увеличения собственности и оборотного капитала[9].

В политической экономии социализма значение труда было восстановлено. Однако это было осуществлено главным образом в рамках трудовой теории стоимости. Положение же труда как

---

[9] Чернышевский Н. Г. Избранные экономические произведения. Т. II. М., 1948. С. 343.

созидателя потребительной стоимости не получило достаточного теоретического обоснования. Этим во многом объясняется постепенный отход от непосредственной проблематики труда. Политическая экономия социализма, хотя и преодолела ограничительную версию трактовки её предмета, так и не стала политической экономией труда как такого объекта, который не является стоимостью.

В официальном учебнике «Политическая экономия», вышедшем в СССР в 1954 г. после экономической дискуссии, в разделе, посвящённом анализу социалистического производства, непосредственно труду была отведена лишь одна глава (гл. XXX). В то же время товарное производство и его характеристики формально заняли целых четыре главы, а по существу — всю основную часть учебника. Так что учебник недалеко ушёл от прежних традиций, ограничивающих предмет науки изучением товарного производства. Это объяснимо, ибо учебник строился на основе трудовой теории стоимости, что служило одним из аргументов в пользу сохранения политической экономии при социализме. Другой теоретической основы для изучения экономики социализма не было. Даже плановость как противоположность товарно-капиталистической системе базировалась на затратном принципе, на трудовой теории стоимости.

Эта тенденция сохранилась и в последующих работах по политической экономии социализма. Некоторое отступление от неё было сделано в «Курсе политической экономии», выпущенном Московским государственным университетом (редакция Н. А. Цаголова). В нём был сделан упор на непосредственно общественный характер труда и его продукта, на плановость и пропорциональность развития экономики, на общественную собственность как основное экономическое отношение.

В учебнике «Политическая экономия: социализм — первая фаза коммунистического способа производства», изданном в 1975 г., вопросы труда заняли более значительное место, но всё же намного меньше, чем разделы, посвящённые товарному производству и товарно-денежному хозяйству. То же самое можно сказать об учебнике «Политическая экономия», выпущенном в 1988 г. В отличие от прежних пособий, в нём была сделана попытка предпослать изложению обычной проблематики описание общих основ экономики как таковой, куда были включены

и вопросы труда. Однако и здесь товарное производство вместо исторически преодолённого натурального хозяйства было объявлено общей основой общественного хозяйства. Не случайно вместо живого труда в систему основных факторов производства была включена рабочая сила, которая, как известно, обозначает лишь возможность труда и может приобретать, в отличие от живого труда, стоимостную, товарную форму. Действительным же источником, а не просто фактором, в производстве стоимости выступает живой труд. Последнему, к сожалению, в общих основах экономики было отведено менее одной страницы.

Преодолеть односторонность товарно-стоимостного подхода в то время пытались представители теории оптимального функционирования экономики (СОФЭ). Наиболее прогрессивные из них, например, В. В. Новожилов и А. И. Анчишкин, исходили из трудовой основы развития экономики и её планирования. В. В. Новожилов предложил труд, необходимый по условиям производства, согласовать с трудом, необходимым по условиям потребления, установив между ними равенство. А. И. Анчишкин выдвинул в качестве критерия оптимальности экономию труда. В дальнейшем представители этой школы (С. С. Шаталин, Н. Я. Петраков и другие) перешли на позиции рыночно-капиталистической экономии и западных полезностных экономических концепций, отрицающих трудовую теорию стоимости. «Трудовая теория стоимости, — по мнению Д. С. Львова, — оказалась чрезвычайно разрушительной именно для тех стран, которые называли себя социалистическими»[10]. Вместе с трудовой теорией стоимости Д. С. Львов отбросил и сам труд, заявляя, что «основной вклад в прирост ВВП вносит не труд, и даже не капитал, а природно-ресурсная рента. Именно на долю этого фактора приходится не менее 75% получаемого дохода. Вклад же труда не превышает 5, а капитала — 20%. Таким образом, реальное соотношение между трудом, капиталом и рентой выглядит соответственно как 1:4:25»[11]. Что касается ренты, то она оказывается не делом рук человеческих, а дана от бога.

---

[10] Институциальная экономика. Учеб. пособие / Под ред. акад. Д. С. Львова. М., 2001. С. 9.

[11] Институциальная экономика. Учеб. пособие. М., 2001. С. 25.

В книгах и учебниках, написанных по экономической теории и отраслевым экономическим наукам «в условиях трансформации российского общества» (забывают добавлять — «в капиталистическое общество»), труду предоставляется место только на бирже труда, на рынке. Суть «новых» социально-экономических реалий в сфере труда сводится к тому, чтобы привносить в неё принципы рынка[12].

Труд исключается из источников стоимости, отрицается его субстанциональность применительно к ней. Обычный человеческий труд, к которому издевательски приклеивается ярлык «серп и молот», лишается возможности создавать не только новый продукт, но прежде всего — чистый продукт. Труд, уверяет «трудовик» Б. М. Генкин, «нельзя считать источником прибавочной стоимости»[13]. Что же касается прибыли предпринимателя, действующего в условиях реальной конкуренции и правового государства, то она, по мнению этого автора, становится формой авторского гонорара. Не случайно пошли в ход концепции «смерти труда» в будущем так называемом «постэкономическом обществе».

Отрицание роли труда как исходного пункта классической научной политической экономии осуществляется вместе с отрицанием самой политической экономии как науки. Для современного капитализма она становится ненужной. Отчасти это объясняется тем, что она в своём буржуазном варианте не смогла решить противоречие между производством прибавочной стоимости (капитала) и установленным ею же законом стоимости — законом эквивалентности, а также противоречие между стоимостью и потребительной стоимостью, что в итоге завершилось их эклектическим соединением в экономиксе.

В наше время вытеснение политико-экономической науки ведётся под флагом теорий постиндустриализма и постэкономического общества, якобы не оставляющих места для труда и для трудовой теории вообще. Особенно усердствуют в этом деле отечественные апологеты западных концепций.

---

[12] Экономика труда и социально-трудовые отношения / Под ред. Г. Г. Меликьяна, Р. П. Колосовой. М., 1996. С. 14.

[13] Основы управления персоналом / Под ред. Б. М. Генкина. М., 1996. С. 18, 29.

Главная же причина всего этого в том, что политическая экономия капитала не смогла смириться с тем обстоятельством, что научная экономическая теория, сумевшая разрешить указанные противоречия, но не в пользу капитализма, оказалась на стороне «Капитала» К. Маркса и его последователей. В общем и целом борьба против классической политической экономии имела своей истинной целью ниспровержение экономической теории марксизма, которая и поныне остаётся научной основой понимания современного капиталистического мира.

Если раньше, в 20-х годах у нас отрицалась необходимость политической экономии из-за того, что она была теорией товарно-капиталистической экономики и непригодной для перехода к социализму, то теперь, наоборот, она отрицается как непригодная для перехода от социализма к капитализму. После разрушения социализма, как справедливо пишет Д. В. Валовой, была ликвидирована и политическая экономия. Её замена неоклассикой по существу привела к устранению подлинной экономической науки. «Экономикс» не только прервал дальнейшее развитие общетеоретической науки, т. е. политической экономии, но и «отравил» её лучшие плоды. Названный «примитивной шпаргалкой» (В. В. Леонтьев), «выкидышем экономической науки», «экономикс» превратил блеск и богатство политической экономии в нищету[14].

Подвергается остракизму прежде всего основа политической экономии, которая сделала её наукой — трудовая теория, её положение о труде как источнике и мере богатства. Вульгаризация экономической науки дошла до того, что отвергли не только отличие производительного труда от непроизводительного, но и объявили деятельность рыночных игроков и спекулянтов производительным трудом. Сфера обращения, где новая стоимость вообще не возникает, отнесена к области, в которой «создаётся» чуть ли не половина валовой добавленной стоимости. Тем самым реальная стоимость заменяется фиктивной, виртуальной, а потому и ложной стоимостью. Достаточно сказать, что ежедневные спекулятивные операции с валютами уже превысили рубеж в полтора триллиона долларов, ещё большая ежедневная

[14] Валовой Д. В. Блеск и нищета политический экономии. М., 2003. С. 11, 25, 77.

сумма получается в результате спекуляций акциями и другими ценными бумагами[15].

В этой ситуации чрезвычайно важной задачей становится защита политической экономии. Можно только приветствовать обращение многих отечественных учёных-экономистов в Министерство образования Российской Федерации с настоятельной просьбой восстановить в образовательных стандартах политическую экономию. Против всесилия экономикса и за новую политическую экономию выступили студенты Франции.

Вопрос, подлежащий обсуждению, состоит в следующем: в каком качестве восстанавливать политическую экономию? Д. В. Валовой против того, чтобы она базировалась на «рыночном фундаментализме», была рыночной хрематистикой, ибо «рыночная экономика» — такая же химера, как и «развитой социализм». Как политическая экономия социализма, по мнению В. Н. Черковца, она не может использоваться для совершенствования ныне существующей рыночной капиталистической экономики России. Остаётся надеяться на классическую политическую экономию А. Смита, Д. Рикардо, К. Маркса, но она в трудах указанных классиков разрабатывалась прежде всего как политическая экономия капитализма. Как же тогда быть?

Поскольку путь к капитализму для современной России всё более и более демонстрирует свою бесперспективность и возникает необходимость возвращения к социалистическому пути, то, соответственно, встаёт вопрос об отношении к политической экономии социализма, её научности, а также о товарной или нетоварной природе экономики социализма в бывшем СССР. Из участников недавней дискуссии по этой теме, организованной экономическим факультетом Московского госуниверситета, заслуживают поддержки те, кто признаёт научное значение политической экономии социализма (В. Н. Черковец, Р. Т. Зяблюк, А. И. Московский, К. А. Хубиев и др.) в противовес тем, кто его отрицает (В. В. Радаев, М. И. Воейков)[16].

---

[15] Валовой Д. В. Блеск и нищета политический экономии. М., 2003. С. 85.

[16] Политическая экономия социализма в экономической теории XXI в. Материалы дискуссии / Под ред. А. В. Бузгалина, З. А. Корчагиной. М., 2003.

По мнению В. Н. Черковца, советская политическая экономия социализма, хотя и исходила из нерыночной природы экономики социализма, тем не менее составляет необходимую часть политической экономии в широком её смысле, и вместе с последней нуждается в возрождении и развитии. Это диктуется не только её востребованностью странами социалистической ориентации (Китай, Вьетнам, Северная Корея, Куба), но и необходимостью изучения материальных предпосылок социализма, создаваемых внутри капиталистического способа производства, особенно в системе производительных сил, общественного труда и производства, связанных с современным этапом их интернационализации в условиях глобализации[17]. А. В. Бузгалин полагает, что политическая экономия социализма нужна и для понимания будущего постиндустриального, постэкономического, информационного общества. Из неё, по его мнению, можно взять учения о планомерности, о собственности как основном экономическом отношении, о непосредственно общественном характере труда и продукта, о наличии дорыночных и пострыночных форм хозяйствования, о подчинении производства росту благосостояния и развитию человека.

Представляется, что политическая экономия социализма более или менее адекватно в научном отношении отражала этапы и предпосылки перехода от капитализма к социализму, а также начальный этап строительства экономики социализма в СССР. Она хотя и преодолевала ограничительную версию трактовки своего предмета, но так и не стала политической экономией труда, теорией социализма на его собственной основе, т. е. её предметом не стал не имеющий стоимости труд и его социальные формы. Учебники, выпущенные в СССР, в разделах, посвящённых экономике социализма, строились на основе трудовой теории стоимости, что, по-видимому, могло служить одним из аргументов сохранения политической экономии и её применимости к социализму. Это дало повод С. Г. Кара-Мурзе заявить, что «то хозяйство, которое реально создавалось в СССР, было насильно втиснуто в непригодные для него понятийные структуры

[17] Политическая экономия социализма в экономической теории XXI в. Материалы дискуссии / Под ред. А. В. Бузгалина, З. А. Корчагиной. М., 2003. С. 33–34.

„хрематистики“, превратившие политическую экономию социализма в химеру»[18].

В этой связи представляется важным оценить выдвигаемые предложения о восстановлении политической экономии с точки зрения того, в какой мере основанием для этого может служить трудовая теория, т. е. стремление воссоздать её как политическую экономию труда. К сожалению, как в прошлом, так и в настоящее время, когда речь заходит о необходимости политической экономии или о создании «новой» политико-экономической науки, её трудовая основа почти не затрагивается. Участники упомянутой выше дискуссии в Московском университете, справедливо защищая научную значимость политической экономии социализма, обходят вопрос о главном — о её трудовой основе. Акцент на принципе планомерности как на противоположности товарно-рыночной экономике не решает проблемы, поскольку оставляет в стороне действительную противоположность этой экономики — потребительностоимостную экономику, которая только и сможет заменить товарно-рыночное хозяйство. Вместе с тем противники товарного производства, выдвигавшие в своё время альтернативу: «либо товарное, либо социалистическое хозяйство» (Н. А. Цаголов, А. М. Ерёмин и другие) оказались правы — товарно-рыночное хозяйство, вопреки мнению И. В. Сталина, привело страну к капитализму. На это указывали и представители леворадикальной политэкономии на Западе (П. Суизи, П. Баран).

Несмотря на критику этой точки зрения в прошлом, позиция Д. В. Валового о месте труда в политической экономии заслуживает всемерной поддержки. Он, выступая против измерения экономического развития стоимостным валом, постоянно призывает всемерно использовать трудовые и натуральные показатели. Ещё в своей книге «Экономика в человеческом измерении» он подчёркивал, что целью производства является потребительная стоимость, что её примат над стоимостью позволяет оценивать экономику в человеческом измерении[19]. Что же касается стоимостных показателей, то они являются косвенными измерителями

---

[18] Кара-Мурза С. Т. Сталинизм и становление советского хозяйства // Феномен Сталина / Под ред. Ю. И. Осипова, Е. С. Зотовой. М., 2003. С. 46.

[19] Валовой Д. В. Экономика в человеческом измерении. М., 1988. С. 365.

затрат труда и сами по себе они не способны давать достоверную информацию о динамике экономических процессов. Нужны натуральные и трудовые показатели, позволяющие сопоставлять количество различных видов продукции с затратами, измеряемыми человеко-часами, что даёт наиболее достоверное представление об экономической динамике, об эффективности производства.

Сегодня о восстановлении политической экономии в её широком смысле на базе неоклассической теории (и тем более «экономикса») не может быть и речи. Нет оснований её возрождать и в прежнем виде: как политическую экономию капитализма, политическую экономию социализма или других докапиталистических формаций, даже взятых в их совокупности.

Пришло время разработать политическую экономию в широком её смысле как науку об условиях и формах, при которых происходит производство, обмен и распределение продуктов в различных человеческих обществах, которая, по мнению Ф. Энгельса, должна ещё быть создана.

Автор убеждён, что этой наукой может и должна стать политическая экономия, основанная на общей теории труда, т. е. социальная экономия труда. Эта убеждённость исходит прежде всего из той простой истины, что именно труд является вечным условием человеческой жизни, общим для всех её общественных форм, ибо каждое общество экономической основой своей жизни имеет труд, то или иное общественное производство, отношения которого выступают как экономические отношения.

Кроме того, сама политическая экономия становится наукой благодаря обращению к труду: как причине и источнику богатства (А. Смит); как определителю меры стоимости (Д. Рикардо) и прибавочной стоимости (К. Маркс). Если бы стоимость не имела источником труд, то отпала бы всякая рациональная основа политической экономии.

Казалось бы, что на этой трудовой основе можно было уже давно иметь наряду с политической экономией капитализма, политической экономией социализма и общую политическую экономию в её широком смысле.

Однако эта задача оказалась невыполненной. Анализ труда, образующего стоимость, т. е. созданная трудовая теория стоимости, вылилась в политическую экономию капитала. К. Маркс

намеревался после капитала рассмотреть земельную собственность, а после неё наёмный труд, но не успел выполнить задуманное, ограничившись лекциями о наёмном труде и капитале применительно к одной общественной форме — капиталистическому обществу. Вместе с тем он надеялся на предстоящую победу «политической экономии труда над политической экономией капитала», о чём было заявлено в Учредительном манифесте Международного товарищества рабочих.

В наше время лишь немногие авторы пытались подняться выше отраслевой экономики труда — к политической экономии труда. Имеются в виду раздел под названием «Политическая экономия труда» книги Г. М. Сорокина «Очерки политической экономии социализма» (М., 1984 г.), солидная монография «Труд» И. И. Чангли, посвящённая социологии труда. Г. М. Сорокин предлагал развить политическую экономию труда, что, по его мнению, предопределяло бы подход к проблемам планомерности, интенсификации и эффективности воспроизводства, а также к производственным отношениям как трудовым, поскольку последние составляют сущность отношений собственности. К сожалению, политическая экономия социализма так и не стала политической экономией труда, а отношения между людьми по их участию в общественном труде оставались малоизученными.

Трудовая теория стоимости, которую ныне отстаивают во имя сохранения научного подхода к экономике, должна, безусловно, войти в политическую экономию труда. Но труд не исчерпывает себя функцией определения стоимости. Исходным для него является создание потребительной стоимости, и именно в этом качестве он выступает общим основанием бытия всякого общества. Поэтому нужна трудовая теория потребительной стоимости, без которой политической экономии в широком смысле не создать, и именно по этой причине она не могла быть создана[20].

К сожалению, потребительная стоимость и созидающий её труд остались без серьёзного изучения в политической экономии. Даже у К. Маркса они нередко лишались социально-экономической определённости, общественной формы. Отсюда проистекала

[20] Ельмеев В. Я. Трудовая теория потребительной стоимости – новая парадигма экономической науки. СПб., 1996.

их трактовка как чего-то натурального, товароведческого. Кроме представленной нами научной школы трудовой теории потребительной стоимости (В. Я. Ельмеев, В. Г. Долгов, Н. Ф. Дюдяев, В. Ф. Байнёв, С. С. Губанов, Ю. С. Перевощиков, В. И. Сиськов и др.) лишь один из отечественных авторов — Р. И. Косолапов — призывал к созданию экономики потребительной стоимости[21].

Однако противостоящее товарному производству потребительностоимостное производство до сих пор не осознано существующей экономической теорией в качестве объекта изучения со стороны новой концептуальной парадигмы, законы и категории которой не вошли в состав основных понятий экономической науки. За потребительной стоимостью экономисты в лучшем случае признавали роль материального носителя собственно экономической категории стоимости.

В настоящее время, когда обнаружилась всеобщая продажность торгашеского общества с полуголодным населением, сложились благоприятные условия для перевода экономической науки на трудовую теорию потребительной стоимости как на свою собственную научную основу, позволяющую перейти к экономике в человеческом измерении.

§ 2. Предмет социо-политико-экономического изучения труда

Продолжая предварительный анализ места труда в политической экономии, необходимо теперь установить, в какой мере имеющиеся определения предмета этой науки применимы к труду и какова специфика предмета социальной экономии труда как политической экономии. Чтобы ответить на этот вопрос, нужно иметь в виду два обстоятельства: во-первых, должен ли труд изучаться как нечто всеобщее, присущее всем этапам развития человеческого общества, т. е. с позиций политической экономии, взятой в широком смысле; или же, во-вторых, речь должна идти об особой науке, объясняющей движение труда в пределах данной общественно-экономической формации, отличной, например,

[21] Косолапов Р. И. Идеи разума и сердца. М., 1996.

от общества, в котором господствует капитал, науке, изучаемой политической экономией не труда, а капитала. Возможно ли соединить эти два подхода, понять, скажем, капитал с позиций превращения труда в капитал?

Поскольку труд вместе с землёй составляет источник богатства любого общества, политическая экономия труда приобретает характер всеобщей науки, охватывающей движение всех общественно-экономических формаций, исторических форм развития общества. Но такой всеобщностью труд выступает как созидатель потребительной стоимости. Вместе с тем политическая экономия труда каждый раз приобретает форму особенной науки, отражающей специфические особенности экономического развития. До возникновения капиталистического товарного производства она могла отражать движение обществ, в которых господствовало производство потребительной стоимости. В последующем она стала теорией труда, производящего стоимость и прибавочную стоимость, т. е. теорией наёмного труда и его превращения в капитал. Противоположность наёмного труда и капитала тоже не является вечной. По мере научно-технического прогресса непосредственный наёмный труд перестаёт служить мерой стоимости, его место вновь займёт труд, производящий потребительную стоимость. Этим труд подтвердит свою высшую всеобщность.

Если исходить из известного определения политической экономии в её широком смысле — как науки об условиях и общественных формах, при которых происходит производство, обмен и распределение продукта, о законах, управляющих производством, обменом и распределением продукта, то такое определение вполне может быть использовано для определения предмета социальной (политической) экономии труда. Очевидно, что производство — это прежде всего труд, а обмен и распределение тоже касаются в первую очередь труда, его условий и результатов. Соответственно, как было сказано, политическая экономия труда охватывает изучение условий и форм трудовой деятельности во всех общественно-экономических формациях, хотя в каждой из них приобретает свою специфику.

Что касается политической экономии, трактуемой (особенно на Западе) как теория лишь товарного капиталистического производства и обмена, но законы которых объявляются естественными

и вечными, то на деле политическая экономия труда образует особенную науку о докапиталистическом и посткапиталистическом производстве и распределении. Она приходит на место политической экономии, являющейся учением об условиях и формах производства капитала и стоимости, и одновременно становится наукой в её общественном смысле для условий посткапиталистического общества, т. е. соединяет общее и особенное.

Последнее обстоятельство предполагает внесение ряда новых дополнительных характеристик в предмет и методологию классической политической экономии.

Это касается в первую очередь включения самого труда в полном его объёме в экономическую науку, имея в виду, что раньше экономическая теория не так много места отводила труду. К. Маркс тоже не успел выполнить задуманный план экономических работ: после «Капитала» написать книги, посвящённые анализу земельной собственности и наёмного труда. По вопросам труда он оставил нам лекции, прочитанные на тему «Наёмный труд и капитал» и достаточное количество статей о труде и заработной плате.

Во-вторых, вместе с трудом в предмет политической экономии должен входить сам носитель и субъект труда — человек, причём не только со стороны стоимостного значения своей рабочей силы, но и со стороны определения последней как потребительной стоимости, реализующейся в живом труде. Потребительная стоимость рабочей силы и труда, в отличие от потребительной стоимости продукта, осталась вне поля зрения политической экономии. Этот вакуум стал заполняться теорией «человеческого капитала», что имеет целью стереть всякую грань между трудом и капиталом.

В-третьих, вместо распределения и обмена меновых стоимостей подлежит изучению обмен деятельностями и их результатами в форме потребительских стоимостей, совершающийся не на основе стоимости, а по условиям их потребления. Обмен труда на труд, продуктообмен предстают областью, которая почти не изучалась политической экономией и экономической наукой вообще.

В-четвертых, одной из наиболее важных сторон предмета экономического исследования становится воспроизводство труда посредством потребления, образующего второй род

производства — производства самой человеческой жизни, а вместе с ней и самого человека. Без этой направленности потребительное производство превращается в новую сферу выжимания капиталом прибыли, а общество — в общество массового торгашества.

Труд, в-пятых, рассматриваемый не как источник стоимости, а как созидатель потребительной стоимости, как полезный труд, не лишает процесс труда социального характера. Наоборот, это делает его процессом производства и воспроизводства самого человека, его гармонического развития. Его результатом оказывается не просто продукт, даже если он не предназначен для рынка, а сам человек, который в своей сущности выступает как ансамбль общественных отношений, как представитель всего общества.

Труд входит в предмет политической экономии не как технологический процесс, а со стороны своего общественного устройства, социальных отношений, складывающихся между людьми в трудовой деятельности и по поводу самого труда, его общественной организации. Данное обстоятельство позволяет политическую экономию труда называть одновременно и социальной экономией труда, и социологической наукой, что соответствует требованию социологии рассматривать труд с позиции общества, ибо он возможен только в обществе и посредством общества.

Не случайно в поисках предмета социологии исследователи так или иначе обращаются к труду, к социальным отношениям по поводу труда. Труд в форме коллективного образования, субъектной деятельности или социального действия оказывался в центре социологических изысканий. Достаточно сослаться на разработку проблем общественного разделения труда Э. Дюркгеймом. Категории «социального действия» у М. Вебера и «человеческих действий» у Т. Парсонса были взяты из арсенала компонентов трудовой деятельности, выражали, в частности, её смысловую сторону.

Отечественный экономист и социолог С. Н. Булгаков имел полное основание считать политическую экономию социологией, характеризуя первую «как дисциплину социологическую»[22]. В. И. Ленин вполне обоснованно выступал против

[22] Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М., 1990. С. 223–224.

противопоставления социального экономическому, социологических категорий экономическим, что имело место у П. П. Струве и М. И. Туган-Барановского. «Я всё решительнее становлюсь, — писал он, — противником новейшей „критической струи“ в марксизме и неокантианства (породившего, между прочим, идею отделения социологических законов от экономических)»[23].

Тенденция соединения социологии с теорией труда обнаруживается и у современных западных социологов. Так, согласно французскому социологу А. Турену, социологическое понимание общества начинается тогда, когда общество рассматривается как результат своего труда. Социология не могла существовать раньше, чем общества оказались понятым и в качестве продукта своей деятельности[24]. У Э. Гидденса социальные институты предстают как устойчивые формы социальной деятельности, воспроизводимые в пространстве и во времени[25].

В последнее время предпринимаются попытки вместо вытесняемой политической экономии поставить экономическую социологию. Поскольку центральной проблемой этой науки является труд, возникает необходимость рассмотреть её отношение к политэкономии труда.

Экономическая наука, преодолевая ограниченность экономикса, начинает возвращаться к социальной проблематике. В этом смысле восстанавливается классическая традиция (К. Маркс, Й. Шумпетер и другие), придающая важное значение социологическому методу в экономических исследованиях. Другое отношение к политико-экономической науке сложилось у некоторых современных социологов. Вместо того чтобы использовать экономический метод в социологии, они всячески от него открещиваются, видя в нём орудие материалистического понимания общества.

Выход из этой ситуации, как мне представляется, — не в создании очередной «новой экономической социологии»,

---

[23] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55. С. 166.

[24] Touraine A. Production de la societe. Paris, 1993. P. 27; Pour la sociologie. Paris, 1994. P. 60.

[25] Гидденс Э. Социология. Краткое социологическое введение // Социологические исследования. 1994. №2. С. 134.

а в интеграции экономической науки и социологии, в их методологической и эпистемиологической реунификации. Практически это можно сделать на пути к междисциплинарному синтезу соответствующих отраслей названных наук. В отличие от естествознания, в котором соединение разных наук в междисциплинарную науку считается обычным делом, в области обществоведения, как правило, этого не происходит. Социологическая наука, например, насчитывая в своём составе более сотни разных «социологий», с трудом отказывается от своего положения науки над науками, в частности над экономической наукой.

Чтобы преодолеть тенденцию к ультраспециализации экономической науки и социологии, необходимо в первую очередь объединить в одну комплексную дисциплину вырастающие из них «социальные экономики» и «экономические социологии» и с позиций междисциплинарного синтеза определить предмет этой объединённой науки. Название в этом случае не играет роли, будем её считать политэкономией как социальной экономией труда. Важно правильно обозначить методологическую основу объединения, которая должна по определению быть синтезирующей, интегрирующей, и, с этой точки зрения, рассмотреть взаимодействие экономического и социального, обычно выставляемого в качестве предмета социологии экономической жизни[26].

Такое определение предмета, принимаемое и повторяемое всеми, само по себе вполне приемлемо, если его дальше не раскрывать и не ставить вопроса о том, какая из взаимодействующих сторон выступает причиной, а какая — следствием; какие из отношений являются субстанциальными, а какие — положенными, опосредствованными последними. Обычно простой констатацией факта их взаимодействия никто не считает нужным ограничиваться. И это вполне оправданно. Представители западной социологии экономической жизни (как старой, так и новой) определяющим берут социальное, а экономическое рассматривают лишь как частный случай или форму социального: Н. Смелзер находит в экономическом поведении лишь частный случай общего социального поведения; М. Грановеттер определяет

[26] Смелзер Н. Дж. Социология экономической жизни // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы / Под ред. Т. Парсонса. М., 1972. С. 190.

экономическое действие тоже лишь как форму социального действия. Эту же формулировку повторяет В. В. Радаев. В итоге взаимодействие получается «односторонним»: не допускается, чтобы социальное поведение было частным случаем экономического поведения, а социальное действие — формой выражения экономического действия, т. е. не признаётся первичность экономики по отношению к социальному.

Пренебрежительное отношение к возможностям экономической теории объяснять социальные процессы ещё более усилилось в так называемой «новой социологии экономической жизни», представленной М. Грановеттером и другими, и противопоставленной структурно-функциональному подходу Т. Парсонса и Н. Смелзера. В этой «новой социологии экономики» сама экономика оказывается «вложенной» в социальное и сконструированной социальным. Экономическое действие, взятое в качестве исходного предмета анализа, предстаёт всего лишь формой социального действия индивида, находящегося в сети межличностных отношений, трактуемых с позиций интеракционизма и феноменологической социологии.

На отечественную почву эта концепция перенесена В. В. Радаевым, выпустившим при содействии Института «Открытое общество» в рамках программы «Высшее образование» книгу «Экономическая социология. Курс лекций». Автор под видом «систематизации» предлагает нашему читателю обыкновенную компиляцию разнообразных подходов, выставляя на первое место и в качестве методологической базы «новую экономическую социологию» М. Грановеттера и «Социоэкономику» А. Этциони. Социальное им объявляется основой экономического, а всякое обращение к экономике для объяснения социальных процессов отвергается как материалистический подход. Чтобы не допустить возможности выводить социальное в экономике из самой экономики, автор вынужден был идти на принципиальное разграничение экономической социологии и экономической теории и тем самым отвергнуть логику междисциплинарного анализа. Говоря об экономической социологии, он превращает её в нечто принципиально противостоящее экономическому подходу даже в тех случаях, когда совпадают исследовательские объекты и методы сбора данных. Экономическое в этом случае исключается

из оснований социального, «корни» из экономики переносятся в социальную структуру, возвышающуюся над экономикой. Считается, что именно социальное является основанием экономического, а потому экономическое выступает неким вложением в это основание, т. е. в социальное. В доказательство подчинённости экономического сети социальных (межличностных) отношений приводятся всем известные случаи влияния социальных норм, интересов, мотивов на экономическое поведение лиц. Если, к примеру, есть социальная норма не торговаться в крупных маркетах, то человек при покупке товаров этого не делает. На самом деле это норма диктуется экономическим положением такого маркета.

То, что в обществе всё социально — это банальная истина. Человек ничего не делает, не имея для этого мотива, цели, интереса. Но это не доказательство того, что социальные, политические, культурные процессы приобретают значение основ, «корней» экономических процессов. Для обоснования этого надо было бы обращаться к результатам крупных исследований того или иного этапа развития общества, найти доказательства того, что, например, первоначальные социальные нормы обусловили и определили экономику капитализма, а не наоборот.

Можно было бы привести результаты исследования эпохи возникновения капиталистической цивилизации, проделанного К. Марксом, а также авторитетнейшим французским учёным Ф. Броделем. Последний вполне обоснованно заявлял, что не существует историка, экономиста или социолога, который не соотносил бы между собой экономику, социальные процессы, политику, культуру. Капитализм, по его мнению, надлежит соотносить, с одной стороны, с разными сторонами экономики, а с другой — с торговой иерархией, в которой он располагался на вершине: у основания — материальная жизнь, над нею — лучше выраженная экономическая жизнь, которая совпадает с рыночной экономикой, наконец, на последнем этаже — капиталистическая деятельность. Это обстоятельство привело Ф. Броделя к выводу о том, что «однозначное, „идеалистическое“ объяснение, делающее из капитализма воплощение определённого типа мышления, — всего лишь увёртка, которой воспользовались за неимением лучшего Вернер Зомбарт и Макс Вебер, чтобы ускользнуть

от [признания] мысли К. Маркса. По справедливости, мы не обязаны следовать за ними»[27].

Решение вопроса о взаимосвязи экономического и социального безусловно важно для выяснения предмета экономической социологии. Не менее существенно другое — что понимать под социальностью экономики, чем оказывается, например, социальность экономического действия как формы социального действия. У В. В. Радаева социальность экономического действия, рассматриваемого в качестве предмета экономической социологии, сводится: а) к внутреннему субъективному смысловому единству; б) к соотнесённости этого смысла со смыслом действия других людей (по М. Веберу). Социальное действие в этом субъективистском понимании положено в основание экономического действия. Предметом экономической социологии вместо экономического объекта оказывается смысл, мотивы действия, т. е. нечто субъективно духовное[28].

Если следовать этому определению, то из социальной формы экономического действия приходится исключить все те общественные отношения, которые складываются между действующими людьми, но ими не осмысливаются. Это, по мнению Ф. А. Хайека, весь мир рыночных отношений, которые не осознаются и не проходят через сознание и в этом смысле трансцендентны — выходят за пределы нашего понимания, желаний или намерений, а также нашего чувственного восприятия. Распределение ресурсов производится безличным процессом, в ходе которого индивиды, действующие в своих собственных целях, не знают и не могут знать, каков же будет конечный результат их взаимодействий[29]. Ещё раньше об этом писал В. И. Ленин: «Вступая в общение, люди во всех сколько-нибудь сложных общественных формациях — и особенно в капиталистической общественной формации, — не ***сознают*** того, какие общественные отношения при этом складываются, по каким законам они развиваются и т. д. Например, крестьянин, продавая хлеб, вступает

---

[27] Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 2. М., 1986. С. 400, 456, 460.

[28] Радаев В. В. Экономическая социология. М., 1997. С. 125.

[29] Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992. С. 125.

„в общение“ с мировыми производителями хлеба на всемирном рынке, но он не сознает этого, не сознает и того, какие общественные отношения складываются из обмена»[30].

Без этого рода общественных отношений в экономической социологии, в её предметной области не остаётся ничего собственно социально-экономического: ни стоимостного обмена (стоимости) как общественного отношения, ни распределения как социального отношения, ни производства как производства и воспроизводства общественных отношений и т. п. В. В. Радаев вынужден под предлогом «методологического индивидуализма» ограничить не имеющую истоков в самой экономике социальность экономики некими добавками к экономике от социальной формы экономического действия, сделанными по рецептам культурантропологии и замешанными на феноменологической основе: вместо социальности собственности предлагает совокупность социальных норм; вместо социализации труда — формирование навыков к труду; вместо социальности распределения — идею «справедливой» цены; вместо социальности потребления — следование «хабитусу»; вместо социальности производства — производство знаков и т. п. Весь методологический анализ собственно экономических объектов, вся проблематика экономической социологии умещается в перечне этих субъективных социальных «добавок» и подаётся под углом зрения места человека в системе культурных и властных отношений, т. е. в аспекте культурной и властной «укоренённости» смысла экономических действий. Получается нечто вроде экономической культурантропологии вместо социологии экономики.

В этой связи возникает сомнение в правомерности отнесения проблематики культуры, хотя и экономической, к предмету экономической социологии. В ряде учебников по экономической социологии много места отводится рассмотрению экономического мышления, экономической культуры, экономических интересов и т. п., которые составляют формы духовной, а не экономической жизни общества. Они должны изучаться в учебниках по социологии духовной жизни. Ведь имеется социология культуры, которая охватывает и социальные проблемы экономической

[30] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18. С. 343.

(хозяйственной) культуры. Социологи культуры могут с таким же правом ставить вопрос о связи культуры с экономикой, как и социологи экономики о связи социальных процессов с экономическими. Имеется и социология знаний (сознания), которая тоже может выяснить свои отношения с экономикой, поскольку экономические знания касаются экономической деятельности.

Такая ничем не обоснованная подмена предмета экономической социологии может быть объяснена восприятием методологической ориентации западной экономической социологии, её субъективизмом и идеалистически понятой социальной феноменологией. Поэтому из методологических основ экономической социологии изгоняются методы самой экономической науки, особенно классической политической экономии. Это делается потому, что экономическая наука так или иначе подводит под социальные процессы экономику и тем самым объективно подтверждает материалистический подход. Он как раз и не устраивает «новую» социологию экономической жизни в её желании изгнать материализм из его собственного лона — экономики.

Предмет экономической социологии не может быть научно обоснован, если не опираться на экономическую науку, особенно на её классическую традицию. Социология, если она претендует на звание «экономической», должна прежде всего обосновать социальное экономически, подвести под социальное экономическую базу. Для этого ей следует воспользоваться такой трактовкой предмета политической экономии, которая совмещается с предметом социологии. Надо, чтобы и социология, и экономическая наука своим предметом считали общественные, социальные отношения людей: в первом случае отношения людей во всем обществе, во втором — общественные отношения, складывающиеся по поводу производства экономической жизни, человека и общества.

Политическая экономия в её классической трактовке предоставляет такую возможность: политическая экономия имеет дело не с вещами, а отношениями между людьми и в конечном счёте между классами; предмет политической экономии вовсе не производство материальных ценностей, как часто говорят (это — предмет технологии), а общественные отношения людей по их производству и воспроизводству.

С этих позиций легко решается вопрос о соотношении экономического и социального. В обществе, рассматриваемом со стороны сущности, всё социально, поэтому возможна общая наука об обществе — социология, изучающая общественные отношения людей. Вместе с тем общественные отношения, социальность общества дифференцируются: есть социальность экономики; имеется социальность, выраженная во взаимоотношениях социальных групп и классов; особо проявляются социальность в политике и духовной жизни (культуре). Сообразно этому возникают различные отрасли социологии. Экономическая социология имеет дело с социальностью экономической жизни. Её предметом является социальная сущность экономики, её социальный строй, т. е. общественные производственные отношения, которые образуют социальную структуру экономики. При таком подходе политическая экономия и социология находят общий язык: экономика признаётся социальным образованием, а социальное в узком его смысле находит в экономике своё основание.

Человек в своём определении в качестве совокупности всех общественных отношений присутствует как в обществе в целом, так и в экономике. Следовательно, нет надобности создавать две модели человека — модель «экономического» и модель «социального» человека, или ставить над ними третью модель — «модель социологического человека». Лишено всяких оснований и неокантианское разделение мира экономики на два мира — мир объективных общественных (производственных) отношений, изучаемых объективными методами, и мир сознательной, понимающей социально-экономической деятельности (действий), постигаемый субъективным методом — методом понимающей социологии или при помощи этнометодологии.

В общественную деятельность люди включаются, безусловно, как сознательные существа, законы, по которым функционируют и развиваются их общественные отношения, — это законы собственной деятельности и отношений людей как сознательных существ. Сознание человека тоже подлежит изучению, в нём происходят феноменологические процедуры, при помощи которых реальные события, в том числе действия других людей, заменяются их смыслом, выражаемым в категориях и словах. Но изучать сознание — дело социологии знания или феноменологии духа,

а не только экономической социологии. Последнюю нельзя сводить к описанию субъективных сторон экономических действий — мотивов, интересов, ценностных ориентаций и т. п., что обычно связано с отказом как от собственно экономических методов (трудовой теории стоимости, например), так и от материалистического понимания общества.

По большому счёту в теоретическом плане в экономической социологии обсуждению и изучению подлежит социальное содержание основных категорий экономической науки. Это прежде всего вопрос о том, какую социальную нагрузку несёт стоимость, составляющие стоимости, формы её выражения, т. е. предстоит разработка своеобразной социологии стоимости и стоимостных отношений, стоимостного бытия общества.

Необходимо изучать вопросы о том, как и каким образом возникает социальная (общественная) связь людей в процессе обмена стоимостей. Человек, воплощая свой труд в продукте, делает его при обмене предметным бытием для других. Присваивая продукты друг у друга, люди тем самым создают социальную связь между собой. Если продукт полагается как меновая стоимость, то он тем самым превращается в общественный продукт. Отсюда проистекает известная феноменологическая процедура: человек в другом человеке обнаруживает себя, и, относясь к нему, он в лице последнего относится к обществу в целом, вступает в общественные отношения. Прежде чем человек совершает эту же процедуру в голове — придаёт выработанный им смысл человека другому человеку, он её осуществляет на практике — в стоимостном обмене. Стоимость тем самым обнаруживает свою социальную сущность — выступает способом превращения бытия одних людей в бытие других.

Социальность стоимости имеет и другие, не менее важные аспекты. Меновая стоимость составляет основу частной собственности, с которой до сих пор связывается статус человека как личности. Из стоимостного эквивалентного обмена товарами (продуктами труда) вырастают принципы социального и правового равенства, что тоже является важным объектом изучения со стороны экономической социологии. В стоимости заложена эксплуатация человека человеком и многое другое из области социальной жизни.

Столь же богата социальным содержанием другая экономическая категория — полезность блага, которая с самого начала своего существования противостояла стоимостному принципу экономической и социальной жизни. В отличие от стоимости потребительная стоимость непосредственно связана с удовлетворением потребностей человека и общества, на основе её принципов общество получает возможность достигать результатов, превосходящих затраты, и обеспечивать свой прогресс.

Итак, основным условием решения вопроса о предмете экономической социологии и политической экономии труда является признание единства экономического и социологического подходов. Если подойти к этой проблеме со стороны экономической науки, то заслуживают одобрения традиции классической политической экономии, которая, по словам Ф. Броделя, охватывала всю социальную систему целиком. Сам Ф. Бродель, обобщая многовековой этап исторического развития, пришёл к выводу, что социальный материал, который отливался в рамках мира экономики, в конце концов приспосабливался к нему, отвердевал и образовывал с ним одно целое. Социальный порядок постоянно строился в согласии с базовыми экономическими потребностями[31].

Ориентация на единство экономического с социальным в определённой мере обнаруживается в современных направлениях политической экономии, особенно в неоинституционализме. Экономистами этого направления учитываются многие социальные факторы, влияющие на экономику: институциональная среда, степень рациональности выбора, поведенческий оппортунизм, распределение правомочия на собственность и т. п. Стали разрабатываться проблемы экономики социальной сферы, общественного сектора. При этом в анализе социальной сферы широко используется категория социальных издержек, при помощи которых оценивается эффективность форм общественного взаимодействия людей, общественных отношений. Представляется, что на этом пути для экономической социологии могут открыться широкие перспективы развития.

---

[31] Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVII вв. Т. 3. Время мира. М., 1992. С. 56–57.

Что касается встречного движения со стороны социологии, то и здесь необходимо прежде всего опираться на традиции классиков социологии, которые много сделали в исследовании социальных проблем экономики, например вопросов общественного разделения труда, отношения к труду, собственности, распределения и т. д. Из современных социологических школ в этом отношении заслуживают внимания те, которые в анализе общества исходят из производства и воспроизводства обществом самого себя, рассматривают социальные отношения как отношения людей по поводу собственного производства и воспроизводства. В этом случае социология обращается к экономике за тем, чтобы обнаружить в ней генезис социального.

§ 3. Понятие труда и метод его анализа

Преобразование предметной области политической экономии, взятой в её широком смысле, возникновение новой проблематики не могут не сказаться на методе, используемом для познания труда.

Дело в том, что труд, составляющий ключ к пониманию экономики и истории в целом, сам тем самым выполняет функцию инструмента познания, метода. Надо, следовательно, найти методологическое основание для объяснения самого трудового метода познания общества. Здесь возможны различные варианты, и прежде всего поиск инструментов познания в сфере самого труда. Одни авторы динамику трудовой деятельности выводят из техники и технологии производства. На этом обычно настаивают представители теорий техницизма и технократии. Другие, наоборот, обращаются к субъективной стороне человека труда, к смыслу его действий, целям, мотивам, рациональности выбора и т. п., что соответствует принципам школы предельной полезности. Иногда полагают, что модель целей деятельности человека, его потребностей образует некий метаэкономический фундамент, лежащий в основе строительства всей экономической теории[32]. Здесь речь идёт о субъективном методе в экономике.

---

[32] Генкин Б. М. Введение в метаэкономику и основания экономических наук. М., 2002. С. 24.

В действительности фундаментом, с помощью которого объясняется экономическая жизнь, выступает сам труд как субстанция экономического бытия. Следует решительно отмежеваться от суждений, отрицающих за трудом вообще значение экономической категории. Он вроде бы приобретает такое значение лишь тогда, когда становится товаром, объектом купли-продажи. Но и в этом случае труд объявляется лишь средством создания ценности, а не её источником. Уже не труд выступает субстанцией стоимости, а, наоборот, стоимость (ценность) образует субстанцию труда.

Чтобы объяснить сущность труда, надо исходить из самого труда, из производства труда трудом, т. е. из того, что трудовая деятельность есть опосредствование себя самим собой. Сам человек, от которого исходит деятельность, выступает как субстанция, обладающая способностью к самодеятельности, т. е. спинозовской causa sui[33]. Действительно, человек сам есть овеществлённый труд: как в физических, так и в умственных свойствах его овеществлён прошлый чужой и собственный труд. Но этот труд функционирует и проявляет себя как живое пламя деятельности, которая опредмечивается в продукте. Тот же труд, но уже овеществлённый — вот что составляет общественную субстанцию как стоимости, так и потребительной стоимости, т. е. этих главных форм общественного богатства и главных категорий общественной науки. Соответственно, труд в качестве деятельности субъекта представляет форму бытия, форму и способ существования общества, т. е. его феноменологию.

Отсюда проистекает значимость способа производства, способа труда для объяснения движения самого труда. Действительно, если исходить из того, что метод должен реализовать специфику предмета данной науки, то первым требованием метода по отношению к труду является необходимость рассмотрения последнего в его социально-экономической форме, в системе первичных

[33] Causa sui — это латинское выражение, которое переводится как «причина самого себя» или «самообусловленный». В философии это понятие обозначает нечто, что существует или происходит из своей собственной природы, не имея внешней причины. Обычно оно используется в отношении субстанции, которая не нуждается во внешней причине для своего существования, и является центральным в философии Спинозы.

материальных общественных отношений, характерных для данного общества.

Надо, следовательно, исходить из общественного устройства труда, из тех социально-экономических отношений, в которых находятся люди, осуществляя свой труд. Это — требование материалистического метода.

В этой связи важно не отделять труд как способ существования людей от его материальности, не лишать его субстанционального содержания, не обходить его роли как овеществлённого труда. Труд всегда сохраняет своё значение созидающей субстанции богатства. Его нельзя сводить к чисто субъективному существованию, к способности человека, хотя и не отделённой от него, от его телесности. Сама по себе, без опредмечивания, без предмета деятельности, эта способность не может привести себя в действие, стать действительной производительной деятельностью.

В политэкономическом исследовании труда не обойтись без метода восхождения от абстрактного к конкретному, давшему столь блестящие научные результаты двум гениям — Гегелю в изучении диалектики разума, Марксу — в исследовании реальной экономической жизни общества. Применительно к труду данный метод позволяет перейти от первичных, простых и абстрактных определений труда вообще к раскрытию его мысленно-конкретного содержания в его целостности и всесторонности.

Анализ труда, как и любого другого предмета научного исследования, взятого в первоначальной всеобщности, предполагает его рассмотрение с общего понятия, в данном случае — с «труда вообще». Это — требование метода, поскольку метод имеет дело с объясняющим себя понятием (Гегель). Не случайно поэтому в экономической науке столь важное значение придаётся определению понятий, взятых в их всеобщности. «Все политэкономы, — отмечал К. Маркс, — делают ту ошибку, что рассматривают прибавочную стоимость не в чистом виде, не как таковую, а в особых формах прибыли и ренты»[34]. Это относится и ко многим другим понятиям экономической науки: производству, капиталу и др., анализ которых начинается с их определения как таковых.

---

[34] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I. С. 6.

Труд в его всеобщей и простой форме в познании сначала предстаёт как некое обобщённое представление об этой важной человеческой деятельности, обеспечивающей существование людей. Представление о нём в этой всеобщности — как о труде вообще — относится не только к истории его познания, но и имеет самое прямое отношение к современному его исследованию и преодолению ныне существующих односторонних трактовок.

Первой и, пожалуй, самой распространённой является трактовка общего понятия труда как совокупности (суммы) самых различных его видов. Обычно реально существующими считаются отдельные, единичные виды трудовой деятельности, а их общее понятие выдаётся за созданное в уме и придаваемое человеком имя (название). Реальное же существование «общего» труда в действительности отрицается: так делают номиналисты, которые, как говорится, «за деревьями не видят леса», полагая, что реально существуют лишь отдельные деревья.

Не может быть принятой и другая, противоположная первой трактовка труда вообще — как наличие некоего общего у него признака, присущего всем видам деятельности, всем её историческим формам, но существующего отдельно и независимо от них. Когда этому общему признаку придаётся самостоятельное, независимое от исторических форм труда существование, то общее превращается лишь в мысленный результат, в понятие, реальность которого осуществляется только в сфере мышления: номинализм заменяется так называемым реализмом, наделяющим понятия признаком, вне субъекта (человека) существующим.

В своей действительности труд как нечто всеобщее не существует вне отдельных своих видов и общественных форм. Наоборот, он реален как общее через свои особенные формы и виды. «Поэтому общее, являясь, с одной стороны, всего лишь ***мыслимой*** differentia specifica[35], вместе с тем представляет собой некоторую ***особенную*** реальную форму наряду с формой особенного и единичного»[36].

Конечно, труд вообще, производство вообще — это абстракции, но абстракции разумные, поскольку фиксируют действительное

---

[35] Differentia specifica — (лат.) видовое отличие.

[36] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 437.

общее — некоторую одинаковость труда, присутствующую в разных его видах и исторических формах. Однако это общее каждый раз облекается в особенную форму и существует в своих различных и многообразных видах, без которых независимость общих его определений становится лишь видимостью.

Первоначальное представление о труде как таковом, о труде вообще возникает на базе наблюдения над целой суммой различных видов труда. Однако познание труда на этом не останавливается: происходит расчленение представления о труде вообще на его составляющие виды, причём тот или другой его вид выставляется за главный, как простейшее определение всего труда. У первых монетаристов — это труд коммерческий, делающий деньги, у физиократов — земледельческий, у современных постиндустриалистов — умственный. Труд, сведённый к той или иной особенной форме, остаётся его простейшим абстрактным определением. Его многообразное чувственно воспринимаемое особенное содержание ещё не делает его понятие мысленно-конкретным.

Чтобы достигнуть этого, необходимо вновь вернуться к труду вообще, но уже к его пониманию как некоторой богатой совокупности его определений, к их синтезу посредством мышления. В этом направлении огромный шаг вперёд, по мнению К. Маркса, сделал в своё время А. Смит, отбросив «всякую определённость деятельности, создающей богатство; у него фигурирует просто труд, не мануфактурный, не коммерческий, не земледельческий, а как тот, так и другой. Вместе с абстрактной всеобщностью деятельности, создающей богатство, признаётся также и всеобщность предмета, определяемого как богатство; это — продукт вообще или опять-таки труд вообще, но уже как прошлый, овеществлённый труд»[37].

А. Смитом в трактовке труда вообще было найдено не только более богатое абстрактное выражение для простейшего и древнейшего отношения, в котором люди и их труд выступают как производители продуктов. Одновременно в его определении труда была отражена новая историческая (капиталистическая) действительность, когда труд на деле становится абстрактным трудом, выраженным в стоимости товара, и в этом отношении

[37] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 40–41.

труд перестал быть мыслимым только в какой-то особенной, качественной форме, для него эта особая форма становится безразличной. Для стоимости совершенно неважно, каким полезным видом труда она создаётся, соответственно, категории «труд», «труд вообще» приобретают значение практической истины. «Итак, — заключает К. Маркс, — простейшая абстракция, которую современная политическая экономия ставит во главу угла и которая выражает древнейшее отношение, имеющее силу для всех форм общества, выступает, тем не менее, в этой абстрактности практической истиной только как категория наиболее современного общества»[38].

Определение труда этого рода — не только результат его исследования и логического анализа. Оно отражает и историческое развитие самого действительного труда, когда безразличие к определённому виду труда остаётся реальностью, когда ни один его вид уже не является господствующим. Труд достигает такого уровня своего развития, когда всеобщая его абстракция соответствует действительному состоянию человеческой трудовой деятельности. «Труд здесь, не только в категории, но и в реальной действительности, стал средством создания богатства вообще и утратил ту сращённость, которая раньше существовала между определёнными индивидами и определёнными видами труда»[39].

И всё же труд, достигший формы абстрактной всеобщности, имеющий силу для всякого общества, предстаёт тем особенным трудом, который сначала производит потребительную стоимость. Это — трата живой человеческой рабочей силы, взятой как достояние каждого трудового человека и выражающейся в труде каждого. Такого рода абстракция всеобщего человеческого труда своим источником имеет значение затраты человеческой силы в физиологическом смысле, затем выраженном в среднем труде, который может быть выполнен каждым трудоспособным индивидуумом данного общества, но который сначала является определённой производительной тратой человеческих мышц, нервов, мозга и т. д. Его можно назвать простым трудом, которому опять-таки может быть обучен каждый средний индивидуум и формами

---

38 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 41.

39 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 41.

которого он может овладеть. При этом характер этого среднего труда и его носителя различен в разных обществах и на разных этапах истории, но каждый раз он выступает как нечто данное.

Однако труд в его первоначальной всеобщности, труд как таковой — это ещё не тот абстрактный труд, общественная сущность которого выражена в пропорциях обмена меновых стоимостей. Наоборот, труд вообще в качестве исходного пункта своего движения дан до категории меновой стоимости. Соответственно, его особенностью в рамках своей исходной всеобщности выступает его участие в производстве потребительной стоимости. Именно вследствие этого своего одинакового качества труд вообще одинаково присущ всем формам производства и общества. Можно, следовательно, конкретизировать понятие всеобщего труда через указанную его особенность, определяя труд как процесс, совершающийся между человеком и природой, в котором человек своей деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Для того, чтобы присвоить вещество природы в пригодной для жизни форме, человек приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки, ноги, голову, пальцы и др.[40]

Конкретизация этого определения труда в рамках его всеобщности, но через снятие выделенной первой особенности и перехода к единичности, осуществляется посредством указания простых моментов процесса труда: 1) целесообразной деятельности субъекта труда; 2) предмета труда; 3) средств труда.

Итоговое определение труда в его исходной всеобщности, соединившее абстракцию общего, особенного и единичного, К. Марксом даётся в следующем виде: «Процесс труда, как мы изобразили его в простых и абстрактных его моментах, есть целесообразная деятельность для ***созидания потребительных стоимостей*** (курсив мой. — ***В. Я. Ельмеев***), всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он не зависим от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем её общественным формам»[41]. Очевидно, что

---

[40] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 188.

[41] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 195.

приведённое определение труда базируется на его свойстве производить потребительную стоимость.

Движение понятия труда от абстрактного к конкретному не завершается сферой всеобщности и её формами, основанными на производстве потребительной стоимости. Дальнейшее развитие понятия труда предполагает переход к определённости его особенности, различённости: от труда, производящего потребительную стоимость, к труду, выраженному в стоимости продукта. Этому аналитическому расчленению труда, выявлению его двойственной природы К. Маркс придавал особо важное значение: он это считал отправным пунктом, от которого зависит понимание политической экономии, одним из теоретических положений, впервые им доказанных. Можно лишь удивляться, что до сих пор пытаются оспорить это достижение К. Маркса. И это делается в условиях, когда отождествление стоимости и полезности стало общим местом в так называемом «экономиксе».

Понятие труда в определённости его особенности повторяет те же стадии, которые оно проходит в сфере первоначальной всеобщности, но уже на другой основе. В условиях товарного производства исходной общей категорией выступает абстрактный труд, выраженный в меновой стоимости. Труд здесь рассматривается с иной точки зрения, чем при анализе процесса труда, производящего потребительную стоимость. Здесь речь идёт о количественной стороне труда, о его тождественности и пропорциях при обмене товаров, об одинаковом количестве затрат труда, выраженных рабочим временем.

Исходная общность в сфере определённости этой особенности заложена в простом товарном производстве, где ещё слиты живой и овеществлённый труд, а общее между различными потребительными стоимостями выражено в непосредственно затраченном времени, в том, что все они продукты одинакового количества труда и в обмене приравниваются друг к другу в качестве как живого, так и прошлого труда.

Различность труда, выраженного в стоимости, проявляется в различных формах меновой стоимости, начиная с простой, затем развёрнутой и, наконец, всеобщей денежной форме. Все эти превращения подробно проанализированы К. Марксом в «Капитале», с чем читатель может подробно ознакомиться сам.

Здесь надо иметь в виду уточнение, сделанное К. Марксом относительно того, что итоговым общим, что представлено в меновом отношении товаров, является стоимость, что под форму его выражения в виде меновой стоимости нельзя непосредственно подгонять общественный труд. Общественный характер труда может быть выражен без формы меновой стоимости, без товарного обмена.

Движение специфического абстрактного труда, выраженного в стоимости, завершается созданием прибавочным трудом прибавочной стоимости, превращением труда в капитал. Полагание же общественного труда в форме противоположности капитала и наёмного труда является последней ступенью развития стоимостного выражения труда и основанного на стоимости производства. Мы не останавливаемся подробно на этой ступени развития труда и отсылаем читателя к подробному его анализу в «Капитале» К. Маркса и в работе И. К. Смирнова «Метод исследования экономического закона движения капитала в „Капитале“ К. Маркса» (Л., 1984), хотя нельзя согласиться с И. К. Смирновым относительно того, что закон стоимости, присущий простому товарному производству, является основным законом капиталистического производства и присвоения.

Нужно иметь в виду, что конкретизация понятия труда по требованию метода восхождения от абстрактного к конкретному не завершается его определением как абстрактного труда, производящего стоимость и противостоящего конкретному полезному труду как чему-то более низшему и простейшему. Иногда полагают, что высший синтез различённого труда как создателя стоимости и созидателя потребительной стоимости достигается на основе его характеристики как творца стоимости. Но это неверно.

Определение труда в качестве созидателя стоимости остаётся его абстрактным определением, пригодным лишь для одной исторической эпохи — эпохи товарного производства. Для дальнейшего, посткапиталистического развития высшим конкретным понятием труда становится его определение как непосредственно обобществлённого труда, но творца потребительной стоимости. Это — не возвращение к первоначальному представлению о труде, возникшему на базе чувственного созерцания многообразия его

качественных видов. Здесь мы имеем дело с новым мысленно-конкретным понятием труда, когда труд в самом начале своего функционирования становится непосредственно общественным, труд каждого выступает как звено уже предпосланного всеобщего труда всего общества, посредством которого оно воспроизводит само себя.

Определение труда, взятого в этом качестве, должно быть рассмотрено тоже через прохождение стадий от абстрактного к конкретному, но уже в условиях господства производства потребительной стоимости, предназначенной для максимального удовлетворения потребностей всех членов общества, для человеческого развития.

Политэкономическое исследование труда предполагает в основном применение логического метода. Историзм в нём присутствует в виде сравнения различных олицетворённых форм труда. В отличие от классических работ по политической экономии, в которых в качестве точки отсчёта берутся господствующие стоимостные критерии, автор поступает наоборот: исходит из форм труда, производящего потребительные стоимости, и сравнивает их с противоположными им стоимостными формами.

Так, например, капитал и труд в их взаимодействии можно сравнивать двояким образом: а) как носителей меновых стоимостей (обмен стоимости рабочей силы на переменный капитал) и б) как носителей живого труда рабочего и овеществлённого в капитале труда (присвоение потребительной стоимости труда капиталом в процессе производства). В первом случае, т. е. при простом обмене и обращении меновых стоимостей (товаров) определяющим оказывается меновая стоимость, а её содержание — разные потребительные стоимости — выступает безразличным по отношению к меновой стоимости. Это обстоятельство, т. е. безразличие потребительной стоимости к меновой, давало повод исключить из политической экономии категорию потребительной стоимости, объявить её чисто натуральным, вещественным явлением, оставив за политической экономией лишь теорию стоимости. В рукописях К. Маркса мы находим следующее определение потребительной стоимости: «Это есть вещественная сторона товара, которая может быть обща самым различным эпохам

развития производства и рассмотрение которой поэтому лежит за пределами политической экономии»[42].

Отсюда можно было сделать вывод, что раз потребительная стоимость безразлична к стоимости, значит она находится вне политической экономии, вне экономической определённости формы. Вроде бы потребительная стоимость, будучи свойством вещи, не является овеществлённым трудом, она не социальна, а политическая экономия занимается изучением лишь стоимости, товарным производством (К. Шмидт, М. И. Туган-Барановский, Н. И. Бухарин и др.).

Чтобы избежать такого рода суждения, надо обратиться ко второму случаю — взаимодействию живого труда как потребительной стоимости с капиталом как стоимостью. Если ни один из предметных воплощений труда в виде товаров не противостоит капиталу, то, напротив, живой труд, живая рабочая сила (как потребительная стоимость) выступает прямой противоположностью капитала, она непосредственно противостоит капиталу. Существование последнего можно объяснить только обращаясь к обусловливающей капитал потребительной стоимости рабочей силы, к живому труду.

В той мере, в какой анализ ведётся с позиций потребительной стоимости как определяющего фактора, стоимостная форма оказывается в положении подчинённого момента, безразличного к потребительностоимостному результату, хотя и приходится учитывать затраты труда. Это обстоятельство тоже может приводить к неверным выводам, служить предлогом для отрицания значимости затрат труда и самого труда, как это делается в теориях предельной полезности и в современных концепциях информационного общества.

Таким образом, применение сравнительно-исторического метода предполагает выявление тех пунктов, где стоимостная форма является лишь исторически ставшей и преходящей формой процесса производства, которой предшествует или за которой последуют другие, противоположные ей потребительностоимостные формы. Если у К. Маркса мы находим больше противопоставлений стоимостных способов предшествующим нестоимостным

[42] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 393.

способам производства, то в наше время следует отдавать предпочтение тем пунктам, где начинается преодоление стоимостных отношений и намечается движение к победе труда над капиталом, потребительной стоимости над меновой стоимостью, человеческого мира над товарным миром.

Процесс труда... есть целесообразная деятельность для созидания потребительных стоимостей, присвоение данного природой для человеческих потребностей, всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни... одинаково общ всем её общественным формам.

К. Маркс

Раздел II

ПРОЦЕСС ТРУДА И ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ СТОИМОСТИ

Труд, рассматриваемый как созидающая продукт деятельность вместе со своими средствами, обычно называется производством: продукт делается трудом, т. е. производится. Соответственно, можно считать, что предмет политико-экономического исследования — это прежде всего материальное производство. Вопрос, однако, в том, каким предстаёт это производство в качестве предмета политической экономии в её широком смысле, т. е. в смысле социальной экономии труда?

Было время, как отмечал К. Маркс, когда считалось модой изложению политической экономии, как, например, у Дж. Ст. Милля, предпослать общую часть, которая фигурировала под заглавием «Производство» и в которой рассматривались общие условия всякого производства. К ним относились орудия труда, если даже этим орудием выступала рука человека, а также прошлый накопленный труд, называемый капиталом. Получалось, что этот капитал вместе с орудием труда представлялся вечным условием производства, а законы капиталистического производства — вечными естественными законами[43].

И в наше время отдельные авторы, в том числе отечественные, в качестве общих основ производства выставляют условия и законы товарного производства. Это видно хотя бы из того,

---

[43] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 21–22.

что продукт всякого производства наделяется свойствами как потребительной стоимости, так и стоимости, т. е. свойствами, принадлежащими лишь товару[44]. Кроме этого, вместо живого труда общим фактором производства объявляется лишь возможность труда — способность к труду, т. е. рабочая сила, которая, в отличие от живого труда, может иметь стоимостную характеристику. Там, где имеют место затраты труда, вроде бы всегда присутствует стоимость.

Этим обстоятельством можно объяснить осторожное отношение К. Маркса к общим определениям производства. С одной стороны, он подчёркивал высокую значимость таких определений, как «труд вообще», «производство вообще», «капитал вообще» и др., с другой — отмечал ограниченность их познавательных возможностей. Обычно они в ходе познания подвергаются многообразным расчленениям, которые надо иметь в виду и которые сами должны быть доведены до уровня мысленно-конкретных общих определений, пригодных для анализа данной конкретной исторической действительности. Без этого их использование связано с определёнными трудностями гносеологического порядка.

В поисках общих основ производства необходимо прежде всего обратиться к материальному производству, к его общим определениям. Они в своё время были предложены К. Марксом и составили важную часть «Введения» к экономическим рукописям 1857–1859 годов, в частности к рукописи «Критика политической экономии»[45]. Это «Введение», однако, не могло служить

---

[44] Политическая экономия: Учебник для вузов / В. А. Медведев, Л. И. Абалкин, О. И. Ожерельев и др. М., 1988. С. 51.

[45] Во «Введении» общая характеристика материального производства содержится в следующих разделах: «I. Производство, потребление, распределение, обмен (обращение):

1. Производство.

2. Общее отношение производства к распределению, обмену, потреблению

a) (потребление и производство);

b) распределение и производство;

c) наконец, обмен и обращение. Обмен и производство» (См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 17–36).

введением к «Капиталу». В нём нет анализа собственной предпосылки капитала — товарного производства, а содержатся определения производства в его широком смысле, т. е. производства потребительной стоимости, с которого начинает человечество и общие черты которого присущи любой формации. Для анализа понятия капитала эти общие определения не были нужны: например, понятие капитала нельзя было вывести из труда, из производства как такового. Исходными для понимания капитала были определения товара, его меновой стоимости, вырастающей из обращения товаров. «Перейти от труда прямо к капиталу столь же невозможно, сколь невозможно от различия человеческих рас перейти прямо к банкиру или от природы — к паровой машине»[46].

Необходимость предпослать анализу капиталистического общества рассмотрение общих определений производства отпала и потому, что К. Маркс не хотел давать буржуазным теоретикам повод для отождествления капиталистического производства с производством вообще, для подведения под капиталистическое производство и общество некоей естественной основы и доказательства вечности капиталистического строя. «Определения, — отмечал К. Маркс, — имеющие силу для производства вообще, должны быть выделены именно для того, чтобы из-за единства, которое проистекает уже из того, что субъект, человечество, и объект, природа, — одни и те же, не были забыты существенные различия. В забвении этого заключается, например, вся мудрость современных экономистов, которые доказывают вечность и гармоничность существующих социальных отношений»[47].

Если капитализм свои предпосылки находит в товарном производстве и сам является его высшей, развитой формой, то для общества вообще такой предпосылкой выступает производство потребительной стоимости. Общественные отношения не могут не опираться на коллективный (кооперативный) общественный труд как на свою историческую и логическую основу и соответственно на трудовые отношения людей, для которых производство

---

[46] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 207.

[47] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 21.

служит непосредственно удовлетворению собственных потребностей (община, кооперативные формы). Чем более производство подчинено этой цели, тем более оно развивает себя как историческую предпосылку будущего общества, хотя на определённом этапе и подвергается отрицанию. Отрицание отрицания в свою очередь вновь обнаруживает историческую обусловленность возникновения общества, восстанавливающего и дальше развивающего общие основы производства, служащего удовлетворению человеческих потребностей.

Я намеренно выделяю вопрос об общем основании производства общества, ибо он ещё не разработан в экономической литературе: нет ещё такого раздела ни в политической экономии, ни в социологии. Без него трудно построить научную систему анализа тенденций развития производства.

В поисках этого основания приходится обращаться в первую очередь к уже упоминавшемуся «Введению» к «Критике политической экономии» К. Маркса, а также к многократным высказываниям К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина об общих формах производства в прошлом и о будущих формах общественного производства. Например, потребительная стоимость при капиталистическом товарном производстве выступает лишь носителем меновой стоимости, отдавая ей свои социальные качества, в то время как непосредственно общественное производство является таким производством, в котором господствовала бы только потребительная стоимость.

С общими определениями, используемыми в качестве исходных логических предпосылок, нужно обращаться достаточно осторожно. Из их сферы берут своё начало многие концепции, в том числе антинаучные и вульгаризаторские. Здесь особенно важно удержаться на научных позициях, соблюсти методологическую дисциплину и помнить, что элементарные абстракции отражают лишь поверхностный слой явления; за ним нужно обнаружить сущность, познание которой только и позволяет решить принципиальные вопросы.

Глава 2. Человек — субъект трудовой деятельности

§ 1. Человек — начало исследования труда

В отличие от логико-философского рассмотрения движения понятия труда, началом которого выступает его общее понятие (труд вообще), политико-экономический анализ самого труда начинает с того, кто трудится. Здесь труд изучается в начале в его непосредственном бытии, как некая данность. В своём движении труд своим предметом имеет самого себя, производит и воспроизводит себя, а его началом является субъект, т. е. человек, от которого исходит это движение. Живой труд «может наличествовать лишь в качестве ***живого субъекта***, в котором он существует как способность, как возможность; следовательно, он может наличествовать лишь в качестве ***рабочего***»[48]. Соответственно, «индивиды, производящие в обществе, — а следовательно общественно-определённое производство индивидов, — таков, естественно, исходный пункт»[49].

Соответствует ли этот выбор человека требованиям, которые предъявляются к началу?

1. Начало может и должно быть взято из наличного, непосредственного бытия, из того, что имеется в жизни. Его непосредственное существование предполагается потому, что «начало» не доказывается, т. е. не выводится из чего-то первоначального, поскольку само есть первое. Оно является очевидным, не нуждается в выведении из какого-либо другого положения, но его выбор из многих очевидных форм бытия не так-то прост. Непосредственно даны, например, и труд, и товар, но в исследовании капитала К. Маркс исходил из товара, а не из труда, поскольку из последнего капитал непосредственно не выводится. Его предпосылками выступают товар и товарное обращение, хотя источник капитала находится в живом труде.

2. Начало представляет собой не только область бытия, а элементарную форму бытия изучаемого объекта. В нашем случае речь должна идти об элементарной форме бытия труда

---

[48] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 222.

[49] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 17.

и богатства общества, о «клеточке» этого бытия. В качестве исходного пункта «клеточка» образует предел аналитического расчленения предмета, ту единицу, которая не подлежит дальнейшему членению. Иначе начало не будет представлять специфику изучаемого предмета. В этом отношении человек представляет собой предел деления, соответствует предъявляемому требованию к началу.

3. Поскольку «начало» не покрывает собой весь объект изучения, а составляет одну из его сторон, его «клеточку», предел его разложимости, то оно неизбежно принимает форму абстрактного — форму предельной абстракции системы, например её существование как «зародыша», исходного элемента системы. Эта абстракция — не чисто мыслительное образование, она представлена в чём-то особенном, конкретном, имеющем реальное существование. Началом исследования «Капитала» у К. Маркса выступает не просто богатство вообще (абстрактное богатство), а элементарное и вместе с тем специфическая форма этого богатства — товар.

4. Начало чего-либо, будучи единственным для исследования данной системы (дуализм в его выборе не допускается), в то же время является общим для всей системы. Не данный товар, например сюртук, а товар вообще образует клеточку богатства общества, хотя по отношению ко всему миру богатства товар не перестаёт быть частным явлением, частной формой богатства.

Из этого следует, что началом не может служить что-то случайное. Чтобы «достойно» представлять изучаемый предмет, начало должно обладать формой исходной всеобщности, дать возможность интегрировать разные аспекты предмета исследования, быть близким к его сущности. Оно — начало такого результата, в который неизбежно превращается и которым обосновывает себя как действительный отправной пункт[50].

Всем названным требованиям к началу соответствует именно человек, но не только в анализе процесса труда и производства, но и движения всего общества. В том и другом случае человек предстаёт и как начало, и как результат, т. е. и в производстве

[50] Смирнов И. К. Метод исследования экономического закона движения капитализма в «Капитале» К. Маркса. Л., 1984. С. 16.

трудом труда и в воспроизводстве общества и человека. «Раз человек уже существует, он, как постоянная предпосылка человеческой истории, есть также её постоянный продукт и результат, и ***предпосылкой*** человек является только как свой собственный продукт и результат»[51].

Если рассматривать богатство общества как таковое, то его образуют люди, а отдельный человек выступает его элементарной формой. Поэтому анализ воспроизводства труда и общества следует начинать с человека.

Можно сказать, что люди, образующие население, составляют общую основу и субъект человеческой истории, субъект общественного процесса производства, его реальную предпосылку. «Предпосылки, с которых мы начинаем, — отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, — не произвольны, они — не догмы; это — действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это — действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью»[52].

Индивиды, живые люди, выступающие первой предпосылкой человеческой истории, образуют население, но его нельзя принимать за исходный пункт анализа того или иного общества. Первоначально требуется выразить наличное бытие общества в чём-то частном, отдельном, которое одновременно должно представлять его как некую эмпирическую целостность. К. Маркс считал неправомерным начинать анализ общества или особой его формы с эмпирически данного целого, с населения, ибо оно не выводит исследователя за пределы общего, хаотического представления о целом. Для познания сущности требуется сначала отвлечься от целого, данного в представлении, и подойти к отдельным его сторонам и определениям, получаемым аналитически. Вместе с тем надо выбрать такую отдельную его сторону, которая представляла бы целое. С этой точки зрения анализ человека применительно к обществу в целом оказывается началом, наиболее соответствующим целому, позволяющим затем вновь вернуться

---

[51] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III. С. 516.

[52] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3. С. 18.

к реальному наличному бытию общества, но не как к хаотическому представлению, а как к конкретной богатой совокупности многочисленных определений и отношений как человека, так и общества.

Таким образом, реальная целостность наличного бытия не отбрасывается. Из неё эмпирическое познание исходит первоначально, она всегда рассматривается как заранее данная. В то же время необходимость первоначального знания наличного бытия и его принятия в качестве исходного в познании не снимает проблемы отыскания элементарной клетки этого бытия, выражающей лишь одну из его сторон и, следовательно, представляющей его абстрактно. Конечно, «представитель» наличного бытия общества вместе с бытием уже является исходным. Но когда он выделяется в особую исходную форму, то имеется в виду не сохранение в нём свойства наличного бытия (быть исходным в познании), а нечто другое — из него надо исходить в поисках сущности бытия, которая не совпадает с бытием. Элементарная форма бытия как бы указывает путь перехода к сущности.

Именно понятие «человек», а не «население» обеспечивает движение мышления от абстрактного к конкретному, поскольку этот путь предполагает восхождение не от общего как от некоего целого к частному, а, наоборот, от частного к общему. Об этом довольно часто забывают, говоря о методе восхождения от абстрактного к конкретному. Его обычно представляют движением от общего к частному, от общих определений к их эмпирическим эталонам или индикаторам. Нелишним будет напомнить, что классическая реализация данного метода в «Капитале» совпадает с движением познания от частного к общему: по К. Марксу, читатель, который вообще захочет следовать за ним, должен решиться восходить от частного к общему.

Как элементарная форма общественного сущего, человек выступает не неким абстрактным, родовым существом: в нём всегда дана определённость того или иного конкретного общества, и сам он выявляет себя как определённый общественный индивид, представитель того общества, в котором живёт. В научном анализе исходным является не индивид вообще, как, например, у Л. Фейербаха, а человек, принадлежащий данной общественно-экономической формации и представляющий совокупность

существующих общественных отношений. «...В качестве исходного пункта следует принять определённый характер общественного человека, т. е. определённый характер общества, в котором он живёт, так как здесь производство, стало быть его процесс добывания жизненных средств, уже имеет тот или иной общественный характер»[53].

К. Маркс в своё время не принял точку зрения экономистов рождающегося капитализма, выдвинувших в качестве исходного пункта экономического анализа некоего естественного (и в этом смысле абстрактного) человека — Робинзона. Согласно К. Марксу, исходным пунктом анализа капитализма не является свободный общественный индивид. Но Маркс не отрицал самого принципа рассмотрения социального индивида в роли представителя данной общественной формации и в значении первой категории её логического анализа. Если, например, при исследовании производства как такового за исходное берётся индивид, то это не значит, что данное производство не имеет одновременно качества производства определённого общества и, стало быть, своего исторического носителя. Следовательно, и в случае анализа общих черт всякого производства без человека как исходного пункта не обойтись. В этом духе высказывался, например, Ф. Энгельс: «Мы должны, — писал он, — исходить из „я“, из эмпирического, телесного индивида, но не для того, чтобы застрять на этом, как Штирнер, а чтобы от него подняться к „человеку“... мы должны всеобщее выводить из единичного, а не из самого себя или из ничего, как Гегель»[54].

§ 2. Человек и труд в составе общественного бытия и социальной субстанции

Понимание человека в качестве элементарной формы бытия общества связано с правильным пониманием самого общественного бытия, особенно с толкованием его предметности и материальности. Вопрос стоит так: может ли человек и люди как таковые

---

53 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19. С. 376–377.

54 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27. С. 12.

представлять собой, своим существованием общественное бытие, его материальную сущность?

Нередко встречаются определения общественного бытия только как совокупности условий материальной жизни общества — средств производства, географической среды, вещных условий жизни. При этом люди в их социальных формах жизни исключаются из составляющих общественное бытие объективных форм. Наличное бытие общества представлено вроде бы не людьми с их материальной жизнью, а вещными факторами: машинами, зданиями, вещами, землёй, т. е. материальной средой. Человек и его деятельность (практика) иногда настолько субъективируются, что оказываются за пределами объективных явлений и процессов общественной жизни.

За этими объективными явлениями или рядом с ними располагают субъективные. К ним относится деятельность людей с её компонентами. В итоге в обществе как бы образуются два ряда явлений и процессов: а) объективных, прежде всего средств производства и производственных отношений, подчиняющихся в своём развитии и функционировании объективным закономерностям; б) субъективных, состоящих из сознательной деятельности людей и регулируемых целеполаганием, интересами, потребностями[55].

По отношению к деятельности людей производственные отношения, их законы и общественное бытие выступают как нечто внешнее, как бы не зависящее от практики. Объективная общественная закономерность и человеческая деятельность оказываются существующими рядом, параллельно друг другу. Действие объективных законов связывается с так называемой внешней по отношению к человеку средой — производственными, социальными отношениями, а живые люди и их деятельность представляются факторами, воздействующими на объективные процессы, т. е. люди могут лишь вмешиваться в объективный ход

[55] «Жизнь общества в целом есть единство двух взаимодополняющих начал: объективных, от воли и сознания субъекта не зависящих отношений и процессов, и деятельности субъекта» (Сагатовский В. Н., Сагатовская Л. Г. Система факторов детерминации деятельности // Диалектика соотношения факторов детерминации деятельности. Красноярск, 1980. С. 6–7).

исторических событий. Чем сильнее это вмешательство, тем вроде бы выше активность субъективного фактора.

Человеческая деятельность в этом случае выпадает из-под действия объективных законов общественного развития как естественноисторического процесса. Общество как естественноисторический процесс с его объективными законами развития противопоставляется обществу как совокупности живой человеческой деятельности. Производственные общественные отношения хотя и признаются результатом деятельности людей (история делается людьми), но развиваются как бы независимо от их деятельности. Общественное бытие в форме производственных отношений лишается субъекта как своего субстанционального основания.

Критика таких представлений была дана в своё время В. И. Лениным. Их носителями в России были, в частности, народники, воспринявшие неокантианский тезис о том, что объективный ход исторических событий лежит по ту сторону действий живых личностей, наделённых сознанием, чувствами, имеющих цели. В. И. Ленин отмечал, что общественные отношения и исторические условия, ход вещей и поток событий слагаются именно из деятельности людей, а не составляют особого потока, движущегося помимо действий живых личностей. «История вся и состоит, — считал В. И. Ленин, — из действий личностей, и задача общественной науки состоит в том, чтобы объяснить эти действия, так что указание на „право вмешательства в ход событий“ (слова г. Михайловского, цитированные у г. Струве, с. 8) — сводится к пустой тавтологии». Там же, имея в виду фразу Михайловского «люди всегда старались так или иначе повлиять на ход вещей», В. И. Ленин вновь подчёркивал, что «„ход вещей“ и состоит в действиях и „влияниях“ людей и ни в чём больше, так что это опять пустая фраза». В. И. Ленин не оставил без внимания и замечание Михайловского относительно возрастания роли деятельности личностей и силы их воздействия (с помощью чувств и разума) на ход вещей в современную эпоху по сравнению с периодом возникновения капитализма. «Что это за чепуха, будто разум и чувство не присутствовали при возникновении капитализма? Да в чём же состоит капитализм, как не в известных отношениях между людьми, а таких людей, у которых не было бы

разума и чувства, мы ещё не знаем. И что это за фальшь, будто воздействие разума и чувства тогдашних „живых личностей“ на „ход вещей“ было „ничтожно“?»[56].

Как видно из суждений В. И. Ленина, научный подход к истории предполагает признание того, что объективные законы, управляющие действиями и отношениями людей, являются законами их собственных действий, что речь идёт не о независимом существовании этих законов от людей и их деятельности, а от их общественного сознания, воли и чувств. С этой точки зрения неправомерно разделять объективные законы и сознательную деятельность людей (практику) и относить первые к миру объективному, а вторую — к миру субъективных явлений. Объективные законы общества и есть законы деятельности и отношений людей, обладающих сознанием, т. е. люди в своей практической деятельности с их сознанием подчинены общественным законам. Не надо поэтому выносить объективные законы по ту сторону человеческой сознательной деятельности и человеческой практики вообще, считать, что практическая деятельность людей состоит из воздействий людей на объективные законы. Последние функционируют как законы самой практической деятельности людей, выражают то, к чему приводит эта деятельность, и тенденцию её развития.

Общественное бытие, таким образом, не может быть сведено только к бытию вещей, как не может быть представлено и одними общественными (производственными) отношениями, без людей и их деятельности. К формам объективных процессов истории относится и целеполагающая деятельность человека, практика. Её нельзя выносить за пределы объективного и представлять как особый мир субъективных явлений.

Понимание места человека в системе общественного бытия затрудняется и в тех случаях, когда общественное бытие трактуется лишь как нечто процессуальное: живая деятельность, реальные процессы жизни, т. е. как некое социальное движение. Здесь не принимается во внимание первенство субъекта деятельности и определение общественного бытия как ставшего, опредмеченного, субстратного социального образования. Общественное

[56] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1. С. 415–417.

бытие предстаёт в первую очередь как бытие, образуемое самими людьми, субъектами. В той мере, в какой труд функционирует как живой труд, он может существовать лишь в качестве свойства живого субъекта (рабочего), в котором труд (живой) сначала существует в виде способности к труду, т. е. в форме субъективного бытия. Неопредмеченный, неовеществлённый труд есть субъективное существование самого труда. В таком состоянии труд ещё не выражается как социальная субстанция. Субстанциональность бытия труда реализуется в материальных формах, в частности в форме овеществлённого труда.

В отношении субъекта труда эта материальность выступает не в виде орудия или предмета труда и даже не в форме жизненных средств рабочего, а в форме овеществлённого в его рабочей силе общественного труда. Форма общественного бытия вещей соединяется с формой общественного бытия людей — речь идёт лишь о двух формах единого социального процесса. В одной из них обнаруживается наличное бытие общества в виде овеществлённого труда, но в потребительных стоимостях или стоимостях вещей, в другой — наличное бытие того же общества в форме субъекта самого труда, в котором последний тоже материализуется. Субстанцией общественного бытия является не просто человек, а тот же овеществлённый в нём труд, который одновременно составляет и субстанцию общественного бытия вещей. Разница между ними, безусловно, остаётся.

Хотя материализованный в человеке труд существует в иных формах, чем в производимых людьми продуктах, всё же материализацию труда в человеке нельзя сбрасывать со счетов: телесной организацией человека обусловливается его практическое отношение к природе, рабочая сила функционирует как сила и вещество природы, преобразованные в человеческий организм. Более того, сам человек, взятый как наличное бытие рабочей силы, «есть предмет природы, вещь, хотя и живая, сознательная вещь, а самый труд есть материальное проявление этой силы»[57]. Но рабочая сила приобретает значение общественного предмета и продукта, например, как только она становится товаром, её стоимость измеряется трудом, воплощённым в ней как

[57] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 214.

в общественном продукте; эта стоимость равна труду, общественно необходимому для её производства и воспроизводства.

Таким образом, труд, деятельность без воплощения в определённых предметных формах не становится способом бытия общества, поскольку последнему присуща субстанциональность. Труд должен переходить из формы деятельности в форму бытия, из формы движения в форму предметности, т. е. должен овеществляться в продукте. Формообразующая деятельность, с одной стороны, уничтожает предмет и саму себя тем, что формирует предмет и материализует себя. Следовательно, она уничтожает себя в своей субъективной форме в качестве деятельности и тем самым уничтожает предметное в предмете (снимает безразличие вещи по отношению к человеку). С другой стороны, формообразующая деятельность предполагает в качестве своей предпосылки человека, так как наличным бытием самого труда выступает прежде всего человек.

Бытие труда, деятельности выявляется не только в общественных свойствах произведённых вещей, в вовлекаемых в общественную жизнь предметах, но и в самих людях. Так, в качестве овеществлённой рабочей силы человек представляет собой бытие труда, в человеке как носителе труда реализуется потребительная стоимость его же рабочей силы как способности к труду, как субъективности в труде. Человек выступает наличным бытием своей рабочей силы, в нём овеществляется труд, причём это овеществление составляет не менее важную форму социального бытия труда, чем его овеществление в потребительной стоимости или стоимости вещи, которые образуют общественное бытие вещного мира[58].

---

[58] Начало как простейшая форма тем самым получает необходимое свойство – предметность. На это обстоятельство указывал К. Маркс: «...я исхожу не из „понятий“, стало быть также не из „понятия стоимости“, и потому не имею никакой нужды в „разделении“ последнего. Я исхожу из простейшей общественной формы, в которой продукт труда представляется в современном обществе, это – „***товар***“. Я анализирую последний, и притом сначала в той ***форме***, ***в которой он проявляется***. Здесь я нахожу, что, с одной стороны, товар в своей натуральной форме есть ***предмет потребления***, или ***потребительная стоимость***, а с другой стороны, ***носитель меновой стоимости***...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19. С. 383–384).

Признание человека в качестве формы бытия общества позволяет решить вопрос о том, предметным или непредметным должно быть начало анализа общества. Когда настаивают на вещном начале, обычно не принимают во внимание предметность бытия самого человека, что вынуждает переводить проблему в плоскость вещных форм выражения общественных отношений людей, т. е. рассматривать её с позиции лишь одной исторической реальности — товарного производства. Такое понимание нередко выдаётся за общее требование материалистического подхода к обществу, а выдвижение человека на место вещного начала трактуется как отступление от материализма.

Приняв человека за начало исследования бытия, необходимо продолжить анализ общественного бытия, воплощающегося в «неорганическом теле» человека — в средствах производства и жизни. Формой субстанции социального бытия последних делают, конечно, не природные свойства, а овеществлённый в них человеческий труд. В вещах имеется не только то, что заключено в них от природы, но и то, что им дано общественной формой, воплощённым в них трудом.

Общественное бытие в форме бытия как людей, так и вещей имеет одну социальную материальную субстанцию — овеществлённый человеческий труд. Бытие живого труда в виде его субъекта или в форме продукта составляют формы наличного бытия всеобщего человеческого труда. Стало быть, последний выступает единой социальной субстанцией. Исторический материализм не признаёт дуализма субстанции, т. е. разделения социального мира на мир человека с его практической деятельностью и естественноисторический процесс, называемый социальным объектом, или объективной стороной общества. Нет, следовательно, и двух «онтологий» общественного бытия: онтологии практики и онтологии объективной социальной субстанции, или онтологии социального субъекта и онтологии социального объекта. Социальный мир един.

Признание человека в качестве исходной формы наличного бытия общества также не предполагает, что исторический материализм исходит из наличия двух субстанций — материальной и духовной, что признание неделимости субстанции исключает гносеологическое противопоставление материи духу,

материализма — идеализму. Это противопоставление не может быть заменено мнимым дуализмом сущности общества, его разделением как такового на субъект и объект, которые якобы сливаются в деятельности, становятся неотторжимыми друг от друга, в результате чего снимается проблема независимости социальной материи от духа.

Роль человека как исходного начала чётко обнаруживается в материальном производстве. При рассмотрении предпосылок производства, кроме как из индивидов, исходить не из чего.

Труд не может выступать собственной предпосылкой. Производит посредством труда человек, а не труд посредством человека. В общественном производстве, как и во всяком историческом процессе, в качестве субъектов выступают только индивиды в отношениях друг к другу. Человек является основой осуществляемого им производства; его деятельность, его трудовые функции в той или иной степени модифицируются под воздействием на него как на субъекта производства разных обстоятельств.

И с этой точки зрения труд, человеческую живую деятельность нельзя считать первичной по отношению к субъекту, т. е. делать деятельность исходным пунктом анализа производства и исторического процесса в целом. По этой причине трудно согласиться с утверждением, что категория деятельности должна быть исходным пунктом теоретического воспроизведения исторического процесса[59].

Можно понять желание некоторых авторов рассматривать опредмеченный в вещах результат деятельности после самой деятельности, возвысить деятельность над её вещным продуктом, подчеркнуть творческую роль труда. Но в этом случае производство и деятельность вообще понимаются только как производство вещей, т. е. человек с самого начала исключается из результатов производства.

Отождествление такого узкого понимания производства с его действительной трактовкой в историческом материализме, особенно попытки выдать сведение всего вещного к отчуждённому (фетишизация вещного мира) за материалистический подход к обществу (высокая оценка определяющей роли материального

[59] Марксистско-ленинская теория исторического процесса. М., 1981. С. 18.

производства), во многом определило в своё время отрицательное отношение Д. Лукача к социальной субстанции и к материи. Вместо них ядром общественного бытия он объявил практику, а исторический материализм трактовал только как теорию практики. Общественное бытие в предметной форме у него оказалось вторичным результатом, т. е. продуктом практики, деятельности. «Бытие может выступать как продукт человеческой деятельности»[60], поэтому лишь последняя служит основой социальной действительности. Деятельность в качестве основы «человеческого мира» в итоге поглощает и субъект как форму бытия общества, и объект (продукт деятельности) как другую его форму, т. е. обе формы наличного бытия общества в деятельности становятся тождественными и исчезают в качестве самостоятельных форм социальной субстанции.

Эта концепция, изложенная Д. Лукачем в ранней работе «История и классовое сознание» (1923 г.), была широко использована ревизионистами[61]. На ней, в частности, базировалась теоретическая программа группы идеологов, объединившихся в своё время вокруг издававшегося в Югославии журнала «Праксис», её использовали представители франкфуртской школы, многие западные философы и социологи.

Так, Т. Парсонс утверждал, что действие составляет исходную точку системы координат любого социального образования. Наряду с субъектом деятельности действие предполагает свой объект, к которому относится и другой субъект. Кроме субъекта и объекта социальное действие имеет свои средства, в числе которых оказываются различные знаки, символы, знания и т. д., составляющие элемент культуры. В итоге социальная система определяется координатами действия[62].

---

[60] Lukacs J. Geschichte und Klassenbewusstsein. Berlin, 1923. S. 32.

[61] Д. Лукач впоследствии отказался от сведения общественного бытия к деятельности, признал не только объективность природы, но объективные основы социальной жизни, предметность мира социальных отношений (См.: Нарский И. С. «Онтология общественного бытия» Д. Лукача и «двойная» онтология Гегеля // Философские науки. 1985. №3. С. 124).

[62] Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В. И. Добренькова. М., 1996. С. 462.

Преувеличение значения категории «деятельность» встречается и в нашей литературе. По мнению одних авторов, отправным пунктом материалистического понимания истории являются «не безличные общественные отношения (они суть отношения между индивидами), а практика как совместная деятельность»[63]. Другие тоже считают, что присущая историко-материалистической концепции модель объяснения социальной реальности была выработана на основе структурного анализа самой деятельности людей.

Однако эта точка зрения не нашла поддержки среди ведущих философов того времени. Она отражала, по их оценке, явную абсолютизацию методологического значения категории «деятельность», проявляющуюся в придании ей роли «центрального звена», «исходной клеточки», «основания» всей системы историко-материалистического знания. С помощью категории «деятельность» нельзя провести достаточно чёткую границу между материализмом и идеализмом в понимании истории: многие представители субъективной социологии, например народники, исходили в своих построениях из деятельности «живой личности». Деятельностный подход необходимо сопровождается выдвижением на первый план категорий «цель», «потребности», «интересы», «мотивы» и т. д., в которых косвенно отражается специфика материалистического понимания истории. Из структуры деятельности нельзя вывести и сущность самой деятельности, поскольку она вне своих материализованных форм и средств остаётся лишь субъективной способностью к тому или иному труду, характеризуемой прежде всего сознательными, волевыми моментами, т. е. в ней ещё не выделено субстанционального начала, не зависящего от воли и сознания людей[64].

---

63 Кон И. С. Социология личности. М., 1967. С. 18.

64 Федосеев П. Н., Ильичёв Л. Ф. О некоторых методологических проблемах исторического материализма // Вопросы философии. 1984. № 6. С. 16.

Глава 3. Главная производительная сила общества

После того, как рассмотрен труд в его субъективном существовании в качестве способности человека, следует перейти к анализу производящего продукт человека, его функционирования в процессе труда в роли производительной силы.

§ 1. Основная историческая роль человека

Согласно материалистическому пониманию истории, определяющим в развитии общества является производство. Производство — первая предпосылка человеческого существования. Чтобы жить, люди вынуждены производить средства существования.

Осуществляя производство материальных благ, люди тем самым производят и свою материальную жизнь. Сама человеческая история поэтому есть не что иное, как порождение человека человеческим трудом и развитие человека посредством труда.

Этот основополагающий факт во всем своём значении для истории был впервые оценён К. Марксом и Ф. Энгельсом. В полном соответствии с ним исторический материализм определяет и сущность человека. В труде, и прежде всего в преобразовании предметного мира, человек утверждает себя как общественное существо. Его производственная деятельность составляет главное проявление человеческой сущности.

Формулируя материалистический взгляд на природу человека, К. Маркс и Ф. Энгельс противопоставляли свой материализм идеализму Гегеля. Гегель тоже считал сущностью человека труд, т. е. ту деятельность, в которой человек подтверждает себя как человек, становится *для себя* человеком. Однако Гегель свёл труд только к одному его виду — абстрактно-духовной деятельности. Поэтому, по Гегелю, сущность человека — это дух, самосознание. «***Человеческая сущность, человек*** для Гегеля, отмечал К. Маркс, — равнозначны ***самосознанию***»[65]. Что касается предметной, материальной деятельности, то её Гегель объявлял простым отчуждением самосознания, моментом этого самосознания,

[65] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42. С. 159–160.

не соответствующим человеческой сущности отношением. Л. Фейербах, выступивший против идеализма Гегеля, апеллировал к человеку как природному существу, к его естественным силам. К. Маркс и Ф. Энгельс не могли не приветствовать эту мысль Фейербаха, поскольку она была направлена против идеализма Гегеля. В то же время они видели узость позиции Фейербаха в данном вопросе. Хотя он упорно подчёркивал чувственную, природную сторону человека, деятельность его он не рассматривал как предметную деятельность. Он не понимал, что практика есть прежде всего производство материальных благ, имеющее историческое происхождение и развитие. Поэтому в конечном счёте Фейербах считал истинно человеческой только теоретическую деятельность.

Идеализм как в прошлом, так и в настоящем, отрицая первичность и определяющую роль материально-производственной практики людей, в принципе не может дать правильное толкование сущности человека и его труда, поскольку ищет её в сфере духа, сознания. Чтобы убедиться в этом, достаточно привести рассуждения Г. Зиммеля и одного из современных персоналистов-католиков А. Арвона.

Г. Зиммель, рассуждая о мускульном и психическом труде с позиций его субъективной ценности, утверждал, что физический труд приобретает характер ценности лишь благодаря затрате психической энергии. Соответственно, вознаграждение за труд обусловливается не необходимостью воспроизводства жизненных средств и за их счёт рабочей силы работника, а затратой воли, рефлексами чувств — словом, психическими условиями. «Подобно тому, что всякое обладание вещами, не действующими на психику, не имело бы для нас ни интереса, ни значения, точно так же не представляла бы ни интереса, ни значения наша собственная деятельность, если бы она не вытекала из внутренних побуждений, неудовольствия, чувства жертвы, которое и обусловливает требование вознаграждения и величину его»[66]. Это объясняется Г. Зиммелем тем, что источником ценности являются психические процессы, и соответственно, ценность труда определяется не его затратами, а его субъективной полезностью.

---

[66] Зиммель Г. Философия труда // Избранное. Т. 2. С. 481.

А. Арвон в брошюре «Философия труда» всячески принижает значение производственной деятельности, утверждая, что понимание труда как материальной деятельности низводит человека до животного, до вегетативного существования. А. Арвон считает труд усилием воли, сознания и размышления, которые и составляют, по его мнению, фундаментальное различие между человеком и животным. Труд, согласно А. Арвону, можно понять лишь с точки зрения тотальности, кардинальных ценностей, божественного содержания. Наиболее подходящим для А. Арвона оказывается определение труда, принадлежащее духовному отцу персоналистов-католиков Ж. Лакруа: «Труд — это дух, проникающий в материю и её одухотворяющий»[67].

Неправомерно преувеличивая духовную сторону труда и искажая природу человеческой деятельности, А. Арвон тем не менее предъявляет К. Марксу традиционное обвинение в одностороннем определении труда, в отрицании его многозначности. В марксизме, заявляет он, труд рассматривается только с практической стороны, а сама проблема человеческого труда низводится до уровня политических и экономических наук. Если, сокрушается Арвон, К. Маркс утверждает, что человечество ставит лишь такие задачи, которые оно может осуществить, то тем самым в марксизме философия труда сводится-де к простой науке о практическом действии, исчерпывается экономической и технической эволюцией, утопает в материальной, производственной, социальной практике как в чём-то частичном, фрагментарном. Марксизм, сетует он, не возвышает человека в труде, ибо он отрицает все пути к абсолютному, не видит в труде божественного назначения[68].

Исторический материализм действительно не признаёт божественного назначения труда. Но марксизм никогда не отрицал важности духовного труда, никогда не сводил труд к одним лишь материальным, производственным функциям. Наоборот, марксизм, преодолев односторонность идеализма, впервые научно оценил роль духовной деятельности.

Марксизм в противоположность идеализму считает материальное производство первичным, определяющим фактором,

---

67 Arvon H. La philosophic du travail. Paris, 1961. P. 51.

68 Arvon H. La philosophic du travail. Paris, 1961. P. 34–36.

от которого зависят и которым определяются все другие виды деятельности человека — политическая, умственная и т. д. Поэтому только исходя из решающего значения материального производства можно правильно понять природу человека, роль его труда.

Деятельность по производству материальных благ оказывается определяющей стороной человеческой сущности потому, что благодаря ей и посредством неё люди вступают друг с другом в определённые производственные отношения, которые образуют основу всех других общественных отношений. Кроме того, производство материальных благ с самого начала предполагает совместную деятельность людей, необходимость их соединения в общества, т. е. существование общественного человека. Отсюда следует, что понятие сущности человека относится не к отдельному индивиду и не к природным связям людей, а к человеку как части целого общественного организма и носителю общественных отношений. Сущность человека, писал К. Маркс, «не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»[69]. Разумеется, в эту совокупность кроме экономических входят и другие виды общественных отношений — социальные, политические, идеологические и т. д. Они тоже характеризуют сущность личности. Однако они не составляют её определяющей, первичной стороны. Природа человека как совокупности общественных отношений в конечном счёте определяется его трудовой, производственной деятельностью. Именно последняя составляет наиболее глубокую сущность человека. Соответственно деятельность по производству материальных благ служит основной характеристикой и решающим способом утверждения человека как личности. Человек становится личностью благодаря труду.

Производительные силы человека — это его сущностные силы, то главное, что делает его общественным существом и личностью. «...История ***промышленности*** и сложившееся ***предметное*** бытие промышленности, — указывал К. Маркс, — являются ***раскрытой*** книгой ***человеческих сущностных сил***, чувственно представшей перед нами человеческой ***психологией***, которую до сих пор рассматривали не в её связи с ***сущностью*** человека». Люди,

[69] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3. С. 3.

двигаясь в рамках отчуждения, разъясняет К. Маркс, «усматривали действительность человеческих сущностных сил и ***человеческую родовую деятельность*** только во всеобщем бытии человека, в религии, или же в истории в её абстрактно-всеобщих формах политики, искусства, литературы и т. д.». В действительности, «в ***обыкновенной, материальной промышленности...*** мы имеем перед собой под видом ***чувственных... предметов***, под видом отчуждения, ***опредмеченные сущностные силы*** человека»[70].

Поскольку трудовая, производственная деятельность людей составляет главное проявление их сущности, отсюда следует, что роль человека как производительной силы — его основная историческая роль. Народные массы являются творцами истории прежде всего потому, что выполняют функции производителей материальных благ, приводят в движение общественное производство и тем самым определяют развитие самого общества, всей истории. Их производственная деятельность — первое и решающее условие жизни и прогресса общества. Но она нечто большее, чем просто условие существования людей. Трудовая деятельность в то же время есть первоисточник, последняя причина развития как самих производительных сил (в том числе и человека), так и общества в целом.

Эволюция производительных сил, как известно, во многом зависит от существующих производственных отношений. Но, признавая активное воздействие производственных отношений на прогресс производительных сил, следует тем не менее учитывать, что в развитии производства определяющими выступают не они, а производительные силы. Именно развитие последних обусловливает изменения производственных отношений. Поэтому сами производственные отношения не могут выступать как причина, определяющая развитие производительных сил. Производственные отношения являются формой производства, которая при всей её активной роли не может быть причиной изменения содержания. Источник движения производства надо искать в содержании производства, т. е. в производительных силах. Таким источником служит труд, производственная деятельность человека. Производительные силы — продукт человеческой деятельности, которая

[70] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42. С. 123.

в свою очередь обусловливается теми условиями, в которых люди находятся: производительными силами, уже приобретёнными раньше, и общественной формой производства.

Предмет и орудия труда, применяемые человеком в процессе производства, становятся производительными силами лишь благодаря тому, что охватываются, по выражению К. Маркса, живым пламенем человеческого труда. Без этого техника остаётся мёртвой и лишается качества производительной силы. Труд — это тот живой пламень, тот огонь, горение которого и является источником развития производительных сил.

Если сравнивать по значению в развитии производства человеческий элемент производительных сил с вещественными средствами производства, то и в этом отношении главенствующая роль принадлежит труду, человеку. Орудия производства не могут быть определяющим элементом производства потому, что представляют собой лишь предметное воплощение человеческого труда, овеществлённый продукт целесообразной деятельности людей.

Наконец, называя людей главной производительной силой общества, мы тем самым подчёркиваем ***ведущую роль*** человека в производстве. В конечном счёте причины изменения производительных сил заложены в противоречивом взаимодействии человека с природой и орудиями производства. Это взаимодействие и означает, что труд осуществляется людьми, активной, творческой силой в нём является сам человек. Люди создают средства производства и создают их своим трудом, хотя всегда в условиях определённых экономических отношений. Такое решение вопроса само собой вытекает из основной посылки материалистического понимания развития истории: люди творят историю в процессе трудовой деятельности.

Говоря о решающей роли труда в возникновении и эволюции человеческого общества, мы тем самым подчёркиваем и первую, наиболее глубокую причину развития производительных сил. Однако подобная характеристика значения труда весьма обща и нуждается в разъяснении. Её надо к тому же привести в соответствие с оценкой роли других факторов, воздействующих на прогресс производительных сил. Необходимо прежде всего объяснить, что побуждает людей к труду, какие причины заставляют их трудиться и как эти побудительные мотивы зависят

от существующих в данном обществе социально-экономических отношений. Труд — это средство добывания материальных и духовных благ. Люди трудятся, занимаются производством для того, чтобы обеспечить своё существование и развитие. Имеется общеисторический побудительный мотив к труду — удовлетворение разнообразных потребностей людей. Это конечная цель производства во всех общественно-экономических формациях. Поскольку потребности человека непрерывно растут и изменяются, то необходимость их удовлетворения выступает как постоянный стимул развития производительных сил. Без учёта данного факта нельзя объяснить, почему в истории производство и техника в общем и целом прогрессируют.

Отводя определённую роль потребностям, нельзя, однако, считать их определяющей причиной эволюции труда и производительных сил. Если бы это было так, то мотивы и цели деятельности людей пришлось бы поставить на первое место. В действительности потребности хотя и побуждают людей к труду, в своём историческом движении сами определяются уровнем производства, производительности труда. Необходимость удовлетворения потребностей как стимул к труду в разное время выступает в специфической форме, обусловленной существующими производственными отношениями. Последние в свою очередь порождают особые стимулы к труду, присущие только данному экономическому строю.

§ 2. Человеческие производительные силы труда

Итак, люди, в труде которых заключён источник развития производительных сил, выступают как решающая, главная производительная сила. «Из всех орудий производства, — писал К. Маркс, — наиболее могучей производительной силой является сам революционный класс»[71]. Ту же мысль подчёркивал В. И. Ленин. «*Первая производительная сила всего человечества*, — отмечал он, — *есть рабочий, трудящийся*»[72].

---

[71] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4. С. 184.

[72] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38. С. 359.

Какие же силы самого человека, самих людей являются производительными?

Для того чтобы совершался обмен веществ между человеком и природой, чтобы можно было присваивать вещество природы в форме, пригодной для удовлетворения потребностей, человек приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы.

В процессе труда люди имеют дело с веществом природы и орудиями производства, составляющими материальный элемент производства. Уже поэтому во взаимодействии с природой сами люди должны выступать как носители физической силы, противостоять внешней природе как природная сила. Усвоение и преобразование материальных предметов было бы невозможно без соответствующей предметной деятельности человека и применения им своих естественных сил. С другой стороны, то, что человек наделён физическими силами, уже означает, что он может проявить свою сущность как производительной силы только во взаимодействии с предметами природы, в процессе практической деятельности.

Исторически производство было обусловлено в значительной мере и телесной организацией человека. Не только в возникновении, но и в дальнейшем развитии производства физическим силам человека принадлежит важная роль. Как бы ни изменялось место человека в производственном процессе, его природные, материальные силы необходимы для функционирования любого производства. Они — то обязательное средство, с помощью которого человек только и может материально взаимодействовать с природой и орудиями труда.

Труд, следовательно, есть проявление одной из сил природы — человеческой рабочей силы. Однако эта сила в качестве производительной выступает не просто как чистое создание природы, присущее человеку как части природы. Она, не переставая быть естественной, вместе с тем является продуктом исторического развития, преобразованной историей силой.

Человек не только природное существо. Он и общественное существо, и именно как таковое утверждает себя в своём существовании и функционировании в качестве производителя материальных благ. Подобно тому, как предметы, присваиваемые человеком из внешнего мира, не есть те самые предметы,

которые существуют в окружающей среде, так и природные силы человека представляют собой результат человеческой практической деятельности. Рука и костно-мускульная система вообще не только органы труда, но и продукты его. «Только благодаря труду, — писал Ф. Энгельс, — благодаря приспособлению к всё новым операциям, благодаря передаче по наследству достигнутого таким путём особого развития мускулов, связок и, за более долгие промежутки времени, также и костей, и благодаря всё новому применению этих переданных по наследству усовершенствований к новым, всё более сложным операциям, — только благодаря всему этому человеческая рука достигла той высокой ступени совершенства, на которой она смогла, как бы силой волшебства, вызвать к жизни картины Рафаэля, статуи Торвальдсена, музыку Паганини»[73].

Назначение физических сил человека состоит прежде всего в их функционировании как источника энергии производственного процесса. Многие века мускульная энергия человека служила главной двигательной силой производства. Пока средства труда носили характер ручных орудий и инструментов, они, как правило, приводились в движение непосредственно самими людьми. В этих условиях внешние природные силы или вообще не использовались, или применялись в небольших размерах. Энергетическая функция производителя не потеряла своего значения и теперь. Ручные, немеханизированные виды работ занимают всё ещё значительную долю в общей массе общественного труда. Даже в некоторых механизированных формах производства применяется мускульная энергия как двигательная сила. Мускульные силы человека нужны также для осуществления исполнительных функций по обслуживанию машин и механизмов.

В тех условиях, когда источником двигательной энергии производственного процесса служат природные силы (пар, электричество и др.), но производство ещё не является автоматизированным, применение человеком своих физических сил оказывается необходимым элементом в общей системе технологического процесса. Посредством использования своей энергии человек регулирует работу механизмов, заставляет машину воздействовать

[73] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20. С. 488.

на предмет труда, исполняет определённые операции по обработке сырья и материалов.

Типичным в этом отношении является работа станочников: токарей, фрезеровщиков и т. п. У токаря, например, физические силы служат для наладки станка, управления станком в процессе обработки тех или иных деталей, а также для их закрепления и снятия. В данном случае физическая деятельность непосредственного производителя входит в общую цепь материального технологического процесса.

Физические функции остаются необходимыми и в автоматизированном производстве. И здесь для обслуживания машин нужны определённые физические усилия работника. Не говоря о приведении в движение всевозможных рычагов и механизмов управления, человек должен ремонтировать систему, заниматься её наладкой, что требует затраты мускульной энергии.

Процесс труда кроме применения физических сил всегда одновременно предполагает и деятельность умственную. К духовным элементам труда относятся: 1) умение совершать целесообразные действия орудиями производства и органами труда; 2) эмпирический производственный опыт, практические знания о свойствах предметов и орудий производства и условиях их применения; 3) научные знания, получаемые в результате специального изучения науки.

Эти моменты составляют познавательную сторону труда, выражают его духовные силы. Они призваны выполнять определённые функции, отличные от задач физической деятельности производителя. Если физические силы человека служат для того, чтобы приводить в движение орудия производства и непосредственно воздействовать на предмет труда, то назначение его интеллектуальных сил состоит с самого начала в опосредствующей деятельности. Она заключается, во-первых, в регулировании и контроле обмена веществ между человеком и природой, в управлении производственным процессом; во-вторых, в познании свойств и закономерностей природы, техники, технологии. Для того чтобы совершался обмен веществ между человеком и природой, чтобы присваивалось вещество природы в форме, пригодной для удовлетворения жизненных потребностей, люди должны знать свойства употребляемых ими вещей, т. е. свойства природы.

Возникает вопрос: можно ли духовные силы работника считать производительными?

В литературе некоторые авторы отрицали возможность превращения интеллектуальных сил человека в производительные силы. Рассуждали они примерно так: производительные силы материальны, духовная деятельность идеальна и уже поэтому не может быть отнесена к производительным силам. Отсюда логически следует вывод: человек является производительной силой только как носитель физической энергии, входит в эти силы, так сказать, лишь своей телесной организацией.

Неправильно, на наш взгляд, рассматривать людей как часть производительных сил, имея в виду лишь их материальную деятельность. Они входят в производительные силы со стороны как материальной, так и духовной деятельности. Интеллектуальная деятельность людей, используемая в процессе производства, также выступает как производительная сила труда. Производство не может функционировать без определённого человеческого опыта, научных знаний, умения.

С этих позиций науку следует считать производительной силой, так как умственная деятельность производителя включает в себя элементы науки[74]. Человек же, будучи носителем умственных функций, научных знаний, составляет производительную силу общества. Вместе с ним, следовательно, к производительным силам должны быть отнесены и научные элементы его труда, которые как свойство производителя материальных благ сами становятся производительной силой. Безразлично, будет ли это труд рабочего или инженера, но если в нём задействована наука, то она необходимо превращается в одну из сил производительного труда.

Несколько иным оказывается положение науки в системе производительных сил, когда мы рассматриваем её взаимоотношения с вещественным содержанием производства, в частности с техникой. Вещественные элементы производства и наука отличаются друг от друга как материальное и духовное. В рамках основного вопроса философии они даже противостоят друг другу,

---

[74] Подробный анализ этой проблемы см.: Ельмеев В. Я. Наука и производительные силы общества. М., 1959.

и поэтому нельзя (конечно, в этих рамках) объявлять науку, например, частью техники или считать таким же материальным средством производства, каким являются орудия труда. Прежде всего нужно иметь в виду, что по отношению к материальным элементам производительных сил неправильно было бы характеризовать науку как их часть. Здесь точнее говорить: ***наука становится*** производительной силой, ***превращается*** в производительную силу.

Она превращается в непосредственную материальную силу в тех условиях, когда её данные реализуются в технике и технологии производства, в организации труда и т. п. В каждой современной машине материализована определённая доля научных знаний. «Природа, — писал К. Маркс, — не строит ни машин, ни паровозов, ни железных дорог, ни электрического телеграфа, ни сельфакторов и т. д. Всё это — продукты человеческого труда, природный материал, превращённый в органы человеческой воли, властвующей над природой, или человеческой деятельности в природе. Всё это — ***созданные человеческой рукой органы человеческого мозга***; овеществлённая сила знания»[75].

Поскольку техника представляет собой овеществлённую силу знания, то уровень её развития выступает показателем того, до какой степени наука превратилась в непосредственную производительную силу, до какой степени сами условия общественного процесса жизни подчинены контролю общего интеллекта и переделаны соответственно его требованиям, до какой степени производство общественных производительных сил совершенно не только в форме знания, но и в виде непосредственных органов общественной практики, реального процесса жизни[76]. Научные идеи, воплощаясь в технике, не исчезают, а существуют в ней, но только в ином, овеществлённом виде[77]. В той мере, в какой наука реализуется в орудиях труда, она из потенциальной духовной силы превращается в материальную силу общественного производства.

---

[75] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 215.

[76] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 215.

[77] Струмилин С. Г. Наука и развитие производительных сил // Вопросы философии. 1954. №3. С. 59.

Подводя итог сказанному, необходимо отметить следующее: производительные силы, воплощённые в самом человеке, складываются из единства его материальных и духовных, в том числе научных, сил. Соответственно, рабочая сила определяется как совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости.

Производительные силы людей, однако, не исчерпываются их индивидуальными физическими и духовными силами. В процессе труда люди организуются в коллективы, возникают ***общественные производительные силы труда***, не принадлежащие отдельному индивиду, а свойственные всей совокупности работников. Роль такой общественной производительной силы труда выполняет уже простая кооперация. Если, например, ту или иную трудовую операцию люди выполняют в одиночку, изолированно, то производительная сила всех их вместе будет равняться общему количеству сил участвующих в производстве лиц. Но эту же операцию при тех же условиях и усилиях они могут осуществить иным способом — совместной деятельностью, т. е. путём простого соединения в один коллектив. Эффект окажется совсем другим: общая производительная сила труда, образующаяся из слияния отдельных сил, будет существенно иной и большей, чем математическая сумма составляющих её отдельных сил. Здесь речь идёт не только об увеличении путём кооперации индивидуальной силы, но и о создании новой производительной силы, которая по своей сущности есть массовая сила.

Кооперация труда порождает новую производительную силу труда — силу коллектива. Она в отличие от индивидуальных сил рабочего должна быть названа общественной (массовой) производительной силой труда, или производительной силой общественного труда. Специфическая общественная производительная сила характеризуется тем, что она свойственна только коллективу определённым образом соединённых работников, т. е. совокупному рабочему. Если индивидуальные силы труда лежат на стороне отдельного производителя, то носителем массовой производительной силы выступает обобществлённый труд. Исторически процесс

обобществления труда совпадает с развитием его общественных производительных сил.

Каков источник происхождения общественных производительных сил труда?

Чтобы могла образоваться массовая производительная сила труда, необходимо, конечно, функционирование индивидуальных сил, присущих отдельным работникам. Без этого не может возникнуть и массовая сила. Весь вопрос в том, что последняя не простая сумма индивидуальных сил, а умноженная сила, возникшая в результате перехода количества в качество. Она образуется из той или иной ***организации*** индивидуальных сил, из ***способа*** совместной деятельности людей. Поэтому сам способ совместной деятельности выступает как своеобразная производительная сила.

Эту мысль необходимо особо выделить, ибо в литературе, как правило, за способом совместной деятельности и, следовательно, за определёнными формами сотрудничества и взаимодействия людей как производителей не признаётся значения специфических общественных производительных сил труда. Обычно утверждается, что способ совместной деятельности и конкретные формы её служат лишь фактором повышения производительности труда, а не производительной силой.

Между тем определённые общественные формы труда, образующиеся из связи отдельных производителей и их индивидуальных производительных сил, приобретают роль своеобразной производительной силы.

К конкретным формам общественного труда, приобретающим значение специфических общественных производительных сил, можно отнести, например, форму совместной деятельности, основанную на сочетании членами одного и того же коллектива различных видов работ. Примером может служить первобытный коллектив, представляющий собой первую массовую производительную силу становящегося человеческого общества.

Другой формой общественного труда является совместная деятельность, кооперация, основанная на разделении труда. Из комбинации различных видов труда также образуется специфическая производительная сила, принадлежащая совокупному рабочему.

Общественные производительные силы необходимо отличать от индивидуальных. Такое разграничение очень важно для

определения понятия производительного труда и производительного работника, для выяснения вопроса, кто составляет главную производительную силу современного общества.

§ 3. Люди и вещественные производительные силы труда

Люди и материальные средства производства, в частности техника, в процессе производства образуют неразрывное единство. Те и другие составляют производительные силы и как таковые связаны друг с другом, имеют ряд общих законов развития.

Совершенствование производителей материальных благ определяется изменениями в материально-технической базе производства, главным образом прогрессом техники. Люди, создавая технику и другие материальные условия производства, сами становятся в зависимость от творимых ими же материальных условий жизни, в частности орудий труда. Развивая производство, человек совершенствуется и сам. Характер материальных средств труда определяет формы и характер трудовых функций работника, его производственную культуру, уровень научно-технических знаний и производственного опыта, т. е. его общее развитие.

Однако воздействие техники на производителя и его производственную деятельность не столь непосредственно, как это может показаться на первый взгляд. Ясно, что техника и человек — это качественно различные элементы производительных сил. Техника относится к вещественным элементам, а люди составляют живую производительную силу. Трудовая деятельность человека принципиально отличается от работы машины. Машина была и остаётся лишь орудием труда, исполнителем воли человека.

Техника и люди в рамках общей взаимообусловленности имеют свои специфические закономерности, присущие им как качественно различным элементам производительных сил. Производители материальных благ, завися в своей эволюции в общем и целом от технического прогресса, обладают в то же время относительной самостоятельностью развития. Их совершенствование определяется не только состоянием средств производства в данный момент, но и многими другими факторами, лежащими в сфере действия специфических законов функционирования

самого человека как производительного работника, а также в области социально-экономических отношений людей.

Если не признавать качественных особенностей и относительной самостоятельности развития человека как субъекта труда, то нельзя дать правильную картину эволюции производителей материальных благ. Сведение развития человеческого элемента производительных сил к техническим процессам означает ненаучный подход к явлениям общественной жизни. Такого рода сведение было характерно для западной социологии, всё более склоняющейся уже в начале научно-технической революции к так называемому «техницизму». Не вдаваясь в подробный анализ этого течения и отсылая читателя к содержательной для того времени книге Г. В. Осипова[78], посвящённой данным вопросам, рассмотрим лишь, как тогда социологи решали проблему взаимоотношений человека и техники в производственном процессе.

Исходной позицией представителей «техницизма» служит отождествление работы машин с деятельностью человека. По их мнению, автоматы, кибернетические устройства могут полностью обесценить роль труда в производстве, вытеснить человека из производства, а вместе с ним и мыслящую личность. Этот вывод они обычно «подкрепляют» авторитетом представителей кибернетики, инженерной психологии, которые нередко отрицают всякие различия между человеком и машиной. Так, например, американский учёный Джон Г. Кемени в статье «Человек как машина» писал: «Мы систематически рассмотрели, что может сделать человек и какую часть его деятельности может дублировать машина. Мы установили, что превосходство мозга зиждется на большей сложности человеческой нервной системы и на большей эффективности человеческой памяти. Но является ли это принципиальным различием, или его можно преодолеть по мере дальнейшего развития техники? В этой статье мы попытались показать, что убедительного доказательства принципиального различия между человеком и машиной не существует. Для любой формы человеческой деятельности можно представить себе её машинную копию»[79].

---

[78] Осипов Г. В. Техника и общественный прогресс. Критический очерк современных реформистских и ревизионистских социологических теорий. М., 1959.

[79] Автоматическое управление. М., 1961.

Определённую общность и аналогию в функциях управления, осуществляемых человеком и кибернетическими машинами, отдельные авторы толковали настолько расширительно, что отрицали качественную грань между человеком и машиной. Ограничиваясь количественным подходом к вопросу, они обычно широко пользуются психологическими и логическими понятиями для обозначения машинных процессов (машинное «мышление», электронный «мозг», машинная «память» и т. д.), что ещё более затемняет различие между людьми и машинами. С другой стороны, делались попытки характеризовать деятельность и поведение человека, в том числе процессы познания с помощью терминов, взятых из технических наук. В работах по инженерной психологии, например, человек часто характеризуется как «частотный фильтр», «линейный низкочастотный усилитель» и т. п. При этом такие понятия берутся не в условном, а в прямом смысле или намеренно не учитывается их условность.

Из такого рода сомнительных высказываний делаются общесоциологические заключения о возможности замены людей машинами, появления «общества машин». Договариваются, например, до того, что якобы в будущем в результате технического прогресса на место людей придут роботы с электронным «мозгом». Допускается, что они могут даже выйти из-под власти людей, «осознать» свою самостоятельность и уничтожить человечество.

Отождествление деятельности человека с функционированием машин, сведение человеческого труда к роли простого компонента технической системы приобретают форму особой социологической концепции о «демонической силе» техники, подавлении человека техникой.

Эта теория в какой-то мере отражает фактическое положение рабочего в обществе, в котором, по словам К. Маркса, всё чревато своей противоположностью: машины, обладающие чудесной силой сокращать и делать плодотворнее человеческий труд, приносят людям голод и изнурение; новые, до сих пор неизвестные, источники богатства превращаются в источники нищеты; по мере того как человечество подчиняет себе природу, человек становится рабом других людей; даже чистый свет науки не может сиять иначе как только на мрачном фоне невежества. «Все наши открытия и весь наш прогресс, — говорил К. Маркс, — как бы приводят

к тому, что материальные силы наделяются интеллектуальной жизнью, а человеческая жизнь, лишённая своей интеллектуальной стороны, низводится до степени простой материальной силы. Этот антагонизм между современной промышленностью и наукой, с одной стороны, современной нищетой и упадком — с другой, этот антагонизм между производительными силами и общественными отношениями нашей эпохи есть осязаемый, неизбежный и неоспоримый факт... Мы, со своей стороны, не заблуждаемся относительно природы того хитроумного духа, который постоянно проявляется во всех этих противоречиях. Мы знаем, что новые силы общества, для того чтобы действовать надлежащим образом, нуждаются лишь в одном: ими должны овладеть новые люди, и эти новые люди — рабочие»[80].

В обществе силой, подавляющей человека, является не техника сама по себе, а власть капитала, в руках которого находится техника. Именно по этой причине орудия труда, технический прогресс выступают по отношению к рабочему как нечто чуждое, ему неподвластное. Однако силы капитала, воплощённые в технике, машинах, на поверхности проявляются как свойства самой техники, власть природы. Отсюда и возникает «технический фетишизм».

В своё время в плену этой иллюзии были сами рабочие. Они начинали борьбу против капиталистов с разрушения машин. Жизнь, однако, скоро развеяла эту иллюзию, показав, что дело вовсе не в самой технике, а в её применении в условиях господства капитала.

Видимость, выступающую на поверхности общественной жизни, идеологи довольно умело используют для защиты интересов класса, которому они служат. Они пытаются как можно надёжнее скрыть эксплуататорскую природу капитала, а всю вину свалить на технику.

Кроме классового мотива немаловажную роль в искажении истинной природы взаимоотношений человека и техники играют эмпиризм, поверхностное отражение явлений и неспособность отличить видимость от сущности. Необычайный технический прогресс, приводящий к неожиданным социальным последствиям,

---

[80] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12. С. 4.

представляется чем-то независимым от экономического строя, исходящим от самой техники. В результате технике приписываются свойства особой неукротимой силы, господствующей над производителем и обществом в целом.

Одни идеологи, оплакивая предстоящее подавление человека машиной, гибель человечества и его творений, призывают вернуться к «доброму старому времени». Другие, предвещая нарастающую опасность поглощения человека машиной и предлагая различные меры по его спасению, выступают за дальнейший технический прогресс. При этом они мыслят применение техники только так, как это происходит при капитализме, и считают, что тот, кто критикует такие методы использования техники, борется против самой техники и социального прогресса вообще. К. Маркс, иронизируя по этому поводу, в своё время писал: «Совершенно в духе знаменитого головореза Билла Сайкса: „Господа присяжные, конечно, этим коммивояжёрам горло было перерезано. Но это — не моя вина, а вина ножа. Неужели из-за таких временных неприятностей мы отменим употребление ножа? Подумайте-ка хорошенько! Что было бы с земледелием и ремёслами без ножа? Не приносит ли он спасение в хирургии, не служит ли орудием науки в руках анатома? А потом — не желанный ли это помощник за праздничным столом? Уничтожьте нож — и вы отбросите нас назад к глубочайшему варварству“»[81].

Многие авторы ставят развитие личности рабочего в зависимость исключительно от техники, от так называемой технической среды, рассматривают человека лишь в системе «человек — машина». Из неё они выводят все социальные последствия технического прогресса, полностью игнорируя роль социально-экономических отношений, в которых находится рабочий. Это другой методологический принцип индустриализма.

При его обосновании авторы обычно исходят из одностороннего определения понятия *труд*. Они видят в труде только один момент — обмен веществ между человеком и природой. Некоторые из них даже ссылаются на известное определение труда, содержащееся в «Капитале» К. Маркса. Например, Ж. Фридман с этим определением соглашается, видимо, потому,

[81] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 452.

что в нём Маркс абстрагируется от социально-экономической формы труда, а это вполне возможно, поскольку труд действительно имеет общеисторическую и естественную сторону (обмен веществ между человеком и природой), присущую ему во всех формациях. Как целесообразная деятельность, направленная на освоение элементов природы, труд составляет естественное условие человеческого существования, условие обмена веществ между человеком и природой, независимое от каких бы то ни было социальных форм[82].

Этот общесоциологический момент труда — его «независимость» от общественной формы — и привлекает Ж. Фридмана. Конечно, он абсолютизирует указанную сторону труда, искажает взгляды К. Маркса, который неоднократно подчёркивал, что труд всегда включает в себя социально-экономические отношения, всегда выступает как труд «определённой общественной формы». Но данное положение К. Маркса Ж. Фридману и его коллегам не по душе, и они его не замечают. «Состояние человеческого труда, — пишет, например, П. Навиль, — не может рассматриваться как сущность, принадлежащая отношениям между людьми»[83]. Почему Ж. Фридман и П. Навиль затушёвывают социально-экономическое содержание понятия *труд*? Оказывается, для того, чтобы социальные последствия, порождаемые применением труда и техники при капитализме, возложить на сам труд (на его вещественную сторону), на технику и доказать, что эти последствия обусловливаются технической средой.

Техника, техническая среда также рассматриваются ими независимо от социально-экономических условий. Техническая среда, согласно утверждениям Ж. Фридмана, специфически не связана с капиталистическими производственными отношениями и вообще её состояния не соответствуют состояниям экономической и социальной среды. Поэтому и изменения в производственных отношениях, происходящие в коллективном и планируемом обществе, например, в советском обществе, никак не модифицируют воздействие технической среды на личность. Разве, спрашивает Ж. Фридман, пятьдесят часов работы в неделю на сборочной

---

82 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 195.

83 Friedmann G. et Naville P. Traite de sociologie du travail. Paris, 1962. P. 347.

линии моторов тракторного или автомобильного завода должны быть более «привлекательными» в Горьком, чем в Детройте?[84]

Техническая среда, по мнению Ж. Фридмана, одинакова как в обществе капиталистическом, так и социалистическом. Она универсальна и по этой причине якобы одинаково влияет на личность рабочего. Притом она воздействует непосредственно, без вмешательства каких-либо экономических и социальных факторов[85]. Эту же мысль достаточно ясно выразил другой французский социолог — М. Рюстан: «В действительности как в капиталистических, так и в коммунистических странах прогресс техники порождает в конечном счёте одни и те же последствия»[86].

Многие из западных социологов и экономистов отрицают даже связь экономических кризисов и безработицы с капиталистическим строем и считают их порождением самой техники. Поскольку орудие и машина, рассуждает П. Навиль, рождаются из непосредственного отношения, существующего между индивидом и материей, а технический прогресс почти всегда непосредственно зависит от естественных потребностей, то социальные проблемы, вызываемые «машинизмом», не могут порождаться социальным организмом. Они являются следствием внедрения в социальный организм внешнего по отношению к нему элемента — естественной технической необходимости. Ввиду этого, продолжает П. Навиль, социальные последствия технического прогресса не имеют никакого отношения к существующей социально-экономической системе. «Безработица, условия труда рабочего, кризисы или экономический прогресс, — пишет он, — не являются проявлением особых экономических или социальных отношений; они не дают возможности судить об этих отношениях, потому что не соответствуют их природе. Машинизм, развиваясь вне системы ценностей, в которых наше общество ищет своё основание, и соответствуя природе внешней по отношению к культуре необходимости, может поэтому ставить технические проблемы, социально неразрешимые, давать социальным проблемам чисто технические решения»[87].

---

84 Friedmann G. Ou va la travail humain? Paris, 1956. P. 369–371.

85 Friedmann G. Ou va la travail humain? Paris, 1956. P. 40.

86 Rustant. L'automation. Ses consequences humaines et socials. Paris, 1959. P. 111.

87 Friedmann G. et Naville P. Traite de sociologie du travail. P. 347.

Общий итог теоретических рассуждений представителей индустриальной социологии таков: влияние технического прогресса на личность рабочего определяется не социально-экономическими условиями, а самой техникой, технической средой.

Многие авторы считают последствия технического прогресса отрицательными. Но признание отрицательного влияния социальных последствий технического прогресса не служит у них целям критики капиталистических порядков: причину всех бед они видят в технике и технологии производства. Доказывая подавление человека машиной, говоря о «дегуманизации» труда, они предлагают различные рецепты спасения человека лишь от «ига» техники.

Один из таких рецептов разработан Ж. Фридманом и назван им «гуманизацией» труда. Он призывает обратить внимание на человеческий фактор в производстве, который не принимался в расчёт в системах Тэйлора и Форда, так как они-де рассматривали человека только как машину. Он предлагает разные меры для повышения значимости труда в глазах рабочего, для придания ему смысла. В частности, Ж. Фридман советует создавать благоприятный моральный и психологический климат на предприятии, разнообразить труд, рационально организовать досуг, чтобы рабочий смог заниматься тем делом, которое его удовлетворяет. Подобные меры, по мнению Ж. Фридмана, должны заинтересовать человека в труде, «гуманизировать» труд.

Но это громкое название не предполагает действительной гуманизации труда, ибо рецепты Ж. Фридмана не затрагивают социально-экономических отношений, не направлены на уничтожение эксплуатации человека, что только и может привести к подлинной гуманизации труда. «Благотворительность» Ж. Фридмана по существу обращена к технике, так как он считает её фактором, определяющим характер труда рабочего, его отношение к труду, которые не могут быть модифицированы никакими социальными изменениями. В конечном счёте «гуманизацию» труда Ж. Фридман связывает с автоматизацией, притом когда она станет полной. Но и в условиях автоматизации, по мнению Ж. Фридмана, рабочий не получает возможности «поливалентного» выражения и развития своей личности в производительном труде.

Чтобы понять, почему искажается связь между человеком и техникой, необходимо иметь в виду, что взаимодействие техники и человека многогранно и его различные стороны необходимо строго различать, а не сводить одну к другой.

Одна из этих сторон касается взаимоотношения людей и орудий как производительных сил, элементов производственного процесса, рассматриваемого с его вещественной стороны, т. е. как процесса обмена веществ между человеком и природой. Здесь техника служит средством воздействия человека на предмет труда, естественным условием функционирования производства. Она помогает производителю в переработке природного материала, способствует историческому прогрессу. В данном случае машина не выступает как экономическая категория. «Машина, — отмечал К. Маркс, — столь же мало является экономической категорией, как и бык, который тащит плуг. Машина — это только производительная сила»[88].

Если иметь в виду указанное отношение человека и техники, то следует со всей определённостью сказать, что техника в данном случае не может социально отрицательно влиять на личность и развитие производителя, господствовать над ним и порабощать его. Наоборот, техника сама по себе увеличивает господство общества над природой, способствует развитию духовных и физических сил человека, облегчает его труд.

Конечно, машины в зависимости от характера их конструкции, уровня совершенства могут вызывать усталость обслуживающего персонала, требовать больших физических усилий. В данном случае технические условия труда отрицательно сказываются на физиологическом или психическом состоянии работника. Подобно тому, как чрезмерная жара утомляет косца или тракториста, конвейер однообразит труд операционника. Здесь влияние на работника природных условий и техники одного и того же порядка. Должны ли мы подобное воздействие техники считать социальным, отождествлять социальные последствия технического развития с его биолого-психологическими результатами? Очевидно, нет. Когда дело касается естественной стороны взаимодействия человека и машины, то нет оснований говорить

[88] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4. С. 152.

о социальном подавлении человека техникой, о социальном зле. Утверждать подобное — то же самое, что обвинять солнце в жаркую погоду во враждебном отношении к человеку.

Глубоко ошибочным является тезис об извечной «двойственной» социальной природе техники, о постоянной противоречивости социальных последствий, связанных с её использованием. Социально противоречива не техника сама по себе, а противоречиво её применение в условиях определённого общества. «Противоречий и антагонизмов, — писал К. Маркс, — которые неотделимы от капиталистического применения машин, не существует, потому что они происходят не от самих машин, а от их капиталистического применения!»[89].

В обществе, где средства производства являются общественной собственностью, применение техники не вызывает социальных антагонизмов. Технический прогресс здесь способствует росту материального благосостояния, повышению культурно-технического уровня трудящихся масс. Социально-экономическое использование техники совпадает с естественным её назначением. Собственно социальные последствия технического прогресса связаны с иным обстоятельством, с другими отношениями, существующими между человеком и машиной. Дело в том, что это взаимодействие всегда отражает присущие данному обществу экономические отношения. Являясь объектом тех или иных отношений собственности, средства производства в процессе своего применения неизбежно отражают эти отношения. Точно так же человек в процессе своего взаимодействия со средствами производства, техникой выступает и как носитель определённых социально-экономических отношений. Поэтому взаимоотношения техники и производителя в производстве всегда наполнены конкретным социально-экономическим содержанием, опосредствованным определённым экономическим строем. От этого содержания и зависит характер социальных последствий развития техники.

Поскольку способ и цели использования техники зависят от существующих социально-экономических отношений и её применение составляет одну из граней этих отношений, то машины имеют не только вещественно-природную, но и экономическую

[89] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 451.

сторону. Поэтому подходить к определению техники только с позиций математики, механики и технологии недостаточно. К. Маркс, например, критикуя определение машины математиками и механиками, отмечал, что с «экономической точки зрения это определение совершенно непригодно, потому что в нём отсутствует исторический элемент»[90]. Техника представляет собой продукт исторического развития, результат деятельности людей. И в этом смысле она имеет значение экономической категории.

Если нельзя игнорировать социально-экономическую сторону техники, то тем более неправильно толковать человеческий труд как техническую или вещественно-природную категорию. Бесспорно, при функционировании производителей применяются физические силы самого человека. Этого отрицать не следует, хотя у человека материальная деятельность выступает всегда в единстве с познанием. Но по своей сущности человек как производительная сила составляет социально-экономическое явление. Производительные силы общества приобретают значение экономической категории прежде всего потому, что в их состав входят производители материальных благ, люди, которые с самого начала включают в себя кроме экономического содержания социальный, моральный, эстетический моменты. Именно по той причине, что человек является производительной силой, отмечал В. И. Ленин, производительные силы в целом нельзя характеризовать как чисто техническое явление[91].

Известно, что Н. Бухарин в своё время, ссылаясь на положение К. Маркса о том, что машина не экономическая категория, а только производительная сила, полагал, что К. Маркс под производительными силами, очевидно, разумел вещественные и личные элементы производства, и сообразно с этим категория производительных сил является категорией не экономической, а технической. В. И. Ленин, критикуя Бухарина, отмечал, что у Бухарина «сообразности» как раз не вышло, ибо «личное» (неточный термин) не есть «техническое».

Люди и труд не относятся к техническим элементам производительных сил и, следовательно, в этом смысле выходят

---

[90] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 383.

[91] Ленинский сборник. Т. XI. М.; Л., 1929. С. 371.

за сферу действия технических закономерностей. Будучи зависимыми от технического прогресса, производители вместе с тем имеют свои особые законы развития, несводимые к техническим. Это обстоятельство следует особо подчеркнуть, так как иногда в литературе при объяснении процессов развития производителей материальных благ применяют технические категории, допускают смешение трудовых операций, производимых людьми, с техническими процессами.

В экономической науке имеются попытки приложить технические понятия к объяснению процессов человеческого труда. Можно встретить выражения «техническое разделение труда», «технические отношения людей».

Неправильно здесь прежде всего то, что принадлежность того или иного явления к производительным силам объявляется критерием его отличия от социально-экономических категорий. Ведь если согласиться с этим, тогда из производительных сил следует исключить людей, производителей материальных благ, и ограничить содержание производительных сил только вещественно-техническими элементами, лишёнными притом социально-экономических черт.

Попытки распространить технические понятия на процессы труда во многом объясняются недостаточной изученностью специфики человека как элемента производительных сил, что приводит к отождествлению чисто технических процессов с процессами развития человеческой деятельности. Нередко, например, разделение производства на определённые отрасли, распределение средств труда по сферам производства, расчленение машинных операций и процессов смешивают с разделением и распределением человеческого труда, людей. Но это не одно и то же. Первые процессы касаются технических, вещественных элементов производительных сил, вторые — живой человеческой деятельности.

Точно так же обстоит дело с категорией ***специализация***. Она имеет самые различные смысловые оттенки: а) может относиться к орудиям труда, производственной технике; б) характеризует дифференциацию человеческой деятельности, её протекание в конкретных, специальных формах; в) наконец, может означать специализацию самих людей, их закрепление за определённой

специальностью. Все эти значения понятия специализации в литературе часто не разделяются или даже отождествляются.

Процесс производства и процесс труда не во всём совпадают друг с другом. Процесс производства, конечно, предполагает трудовую деятельность человека, но не сводится к ней. Он включает в себя определённые технологические и технические операции, имеющие характер механического, физического, химического взаимодействия. Процесс же труда кроме функционирования средств и предметов труда имеет ещё свой узкий смысл — это сам труд, живая целесообразная человеческая деятельность. В одном отношении, следовательно, понятие процесса труда (когда он рассматривается как совокупность всех трёх его моментов) совпадает по объёму содержания с понятием процесса производства, в другом (когда имеется в виду только сама человеческая деятельность) не совпадает. В литературе нередко упускается из виду это обстоятельство, отождествляются эти два понятия и таким образом создаётся опасность сведения труда к чисто техническим, механическим процессам.

Итак, при анализе взаимодействия человека и машин в производстве необходимо, во-первых, строго отличать технические процессы от целесообразной и сознательной деятельности людей. Их отождествление приводит к неправильным теориям, сводящим роль человека в производстве к простому техническому компоненту, ставящим личность рабочего исключительно в зависимость от техники.

Ещё более значительное умаление значения труда, чем в концепциях техницизма и индустриализма, наблюдается в теориях так называемого «постиндустриального общества», в котором якобы труд вообще сходит с исторической арены. Если индустриальное общество вместо общества капитала ещё называют обществом труда, то постиндустриальное общество, согласно принципу постмодернистской дихотомии, уже перестаёт быть трудовым.

Виноватым в этом устранении труда оказывается не просто техника, а сам труд. Это происходит, по мнению Р. Дарендорфа, из-за того, что стоимость труда резко повышается и его выгоднее заменить дешёвой техникой. «Цена труда, — пишет он, — стала настолько дорогой, что некоторые вещи просто не могут быть

сделаны, другие перенесены в технический процесс. Внутренняя динамика самого общества труда ведёт к тому, что труд из него уходит»[92]. Свидетельства такого «ухода» он видит в том, что рабочая неделя сократилась до 40 часов, много времени из труда вычитается образовательной деятельностью, отпусками и праздниками, более ранним выходом на пенсию.

Р. Дарендорф не преминул воспользоваться суждением раннего К. Маркса об устранении труда при коммунизме, забывая, что у К. Маркса речь шла об уничтожении отчуждённого, наёмного и эксплуатируемого капиталом труда. В то же время он оспаривает положение К. Маркса из «Капитала» о том, что царство свободы в будущем обществе всё же будет опираться на естественную необходимость труда как на свой базис. «С развитием человека, — писал К. Маркс, — расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природе и адекватных ей. Но тем не менее это всё же остаётся царством необходимости»[93].

Р. Дарендорф, конечно, не согласен с этой мыслью К. Маркса, он её считает сомнительной. Но что же он предлагает вместо труда в нетрудовом обществе? Убедительного ответа он не находит: оказывается, труд у него заменяется «деятельностью», а трудовое общество — «обществом деятельности». При этом деятельность не может называться трудовой. Это вроде бы сбивает нас с толку. В итоге склоняется к тому, чтобы под деятельностью понимать всякую индивидуальную деятельность, но только не ассоциированный труд.

---

[92] Дарендорф Р. Если трудовое общество теряет труд // Социология труда (Часть I). Сборник текстов. Составители: проф. Ю. Фельдхофф, доц. Р. Карапетян. СПб., 1998. С. 306–307.

[93] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II. С. 387.

Утверждения о «смерти труда» появились и в отечественной литературе. Их перенесением на отечественную почву «успешно» занимается В. Л. Иноземцев. В его так называемом «постэкономическом обществе» труда уже не будет, он заменяется творчеством: «Как основная характеристика постэкономической эпохи, творчество противостоит труду и предтрудовой инстинктивной деятельности, характеризующим экономические и доэкономические эпохи»[94]. Люди, чтобы жить и удовлетворять жизненные потребности в материальных благах, уже не станут нуждаться в труде. Вместо того чтобы вести речь о придании труду творческого характера, отрицается сам труд.

Такую, далёкую от научности, постановку вопроса можно объяснить лишь тем, что автор не видит различия между трудом как общей основой, обеспечивающей существование людей жизненными средствами, и мотивацией трудовой деятельности: работать во имя удовлетворения потребностей благами или во имя творческой содержательности самого труда. Второй аспект в общем и целом зависит от тех производственных отношений, в условиях которых люди трудятся. И здесь нельзя смешивать физиолого-психические установки на труд, зависящие от содержательности работы, с общественной формой, в которой протекает производственная деятельность.

§ 4. Труд и производственные отношения

Чтобы правильно понять развитие труда и главной производительной силы, необходимо, как уже отмечалось, рассматривать их в системе определённых социально-экономических отношений. Труд всегда имеет конкретную общественную форму, и поэтому эволюция его носителей — производителей материальных благ — зависит от экономического строя общества.

Если разграничение процессов развития человека, процессов изменения материальных (вещественных) элементов производительных сил представляет определённую сложность, то, казалось бы, граница между человеком как субъектом

[94] Вопросы философии. 2000. №1. С. 4.

производительных сил и как носителем производственных отношений ясна и не вызывает особых трудностей при её определении.

На деле это не так. Факт существования определённых отношений между людьми в процессе труда и их воздействия на личность рабочего очевиден. Всё дело в том, что понимать под отношениями в производстве, под их сущностью и как трактовать характер их влияния на личность работника.

Представители как первой волны научно-технической революции, так и постиндустриализма из отношений, складывающихся между людьми в процессе труда, исключают социально-экономические отношения, и прежде всего их главный момент — отношения собственности. Ж. Фридман, например, обвиняет К. Маркса в том, что он якобы сводит все связи людей в труде к производственным отношениям[95]. По мнению Фридмана, главной сферой проявления человеческих отношений в производстве выступает социальная психология, которую якобы не признаёт марксизм. В действительности марксизм, не отрицая значения социальной психологии, идеологических отношений между людьми, подчёркивает первичную, определяющую роль ***материальных производственных отношений***, которыми обусловливается идеологическая и социально-психологическая сторона развития личности. Оставаясь идеалистами в понимании сущности трудовых отношений, представители индустриализма вместе с тем широко пользуются понятиями ***технические отношения***, ***отношения управления*** и т. п. Это вполне соответствует их общей концепции. Раз рабочий, по их взглядам, представляет собой лишь звено технологического процесса или системы управления, то и отношения между рабочими в производстве должны полностью укладываться в рамки «технической среды». Бельгийский автор С. Бернард, солидаризируясь с Ж. Фридманом, включает в «техническую среду» наряду с другими элементами, например, отношения по организации труда. По его мнению, социальная среда в индустриальном обществе принимает форму технической среды, ибо последняя обусловливает настроения, мотивы, формы выражения чувств и техническую активность людей[96].

---

[95] Friedmann G. et Naville P. Traite de sociologie du travail. P. 85.

[96] Bernard S. Les consequences sociales du progres technique. Bruxelles, 1956. P. 205–207.

Этот тезис необходимо отметить особо. Он направлен на то, чтобы на место социально-экономических отношений в производстве поставить «технические отношения» и тем самым выбросить из системы производственных отношений формы собственности и вместе с ними все социальные отношения, которые якобы поглощаются «технической средой». Идею, что изменение собственности может изменить что-нибудь в ситуации труда рабочих, заявляет П. Навиль в предисловии к книге А. Андриё и Ж. Линьона «Рабочий сегодня», можно считать мёртвой. Но тогда в производстве останется лишь связь между рабочими и инженерно-техническим персоналом, между управляемыми и управляющими, выступающими в своих взаимоотношениях не как носители определённых отношений собственности, а лишь как работники, выполняющие разные производственные функции[97].

Растворяя социально-экономические отношения в технических и организационных связях, некоторые авторы ставят затем личность рабочего в зависимость исключительно от организационно-технических отношений, которые якобы и определяют вместе со всей «технической средой» характер деятельности рабочего. Касаясь отрицательных сторон труда на капиталистических предприятиях, они не прочь объяснить их недостатками в организации труда. В западной социологии было модным объяснять пороки капитализма системой организации труда, в частности тэйлоризмом и фордизмом. Система Тэйлора, замечает один из французских защитников теории «человеческих отношений», Ф. Лемениль, имеет тяжёлые последствия по отношению к личности рабочего и социальной жизни вообще[98].

Системы Тэйлора и Форда обычно критикуют за то, что в них не учтены человеческие качества рабочего, а рассматриваются лишь его производственные свойства, его деятельность как рабочей силы. Казалось бы, тут-то и сделать вывод о необходимости установления иных социально-экономических отношений, учитывающих также человеческие качества рабочего. Увы, сторонники

---

97 Andrieux A., Lignon I. L'ouvrier d'aujourd'hui. Paris, 1960. P. 19.

98 Lemesnil F. Les relations humaines dans l'entreprise et la condition salariale. Paris, 1961. P. 35–36.

теории «человеческих отношений» предлагают лишь дополнить тэйлоризм «новой» доктриной «человеческих отношений», якобы способной восстановить достоинство человеческой личности рабочего.

При ближайшем рассмотрении теории «человеческих отношений» оказывается, что в ней под установлением человеческих отношений в производстве вовсе не подразумевается создание подлинно гуманных социально-экономических условий. Внедрение «человеческих отношений» предполагает лишь «улучшение» моральных факторов труда посредством всякого рода акций этического и правового порядка, призванных якобы оздоровить взаимоотношения между рабочими и управляющими, возвысить человеческую личность рабочего.

Теория «человеческих отношений» насквозь идеалистична. В ней общественные связи людей подменяются их субъективными отношениями, зависимыми от их идей, представлений, желаний; на место общественных производственных отношений, обладающих свойством объективности, подставляются идеологические отношения: мораль, настроения, мотивы к труду и т. д. Практически доктрина «человеческих отношений» не предполагает преобразования существующих порядков. Её цель — «освятить» символом человечности эксплуатацию рабочих капиталистами, предложить новый источник увеличения прибылей.

Отсутствие интереса к труду и невозможность создания заинтересованности рабочего в труде в рамках капиталистического общества признаётся самими западными идеологами. Известный французский экономист и социолог Ж. Фурастье отмечает, что ныне большая часть рабочих не связывает свой труд с энтузиазмом. В прошлом, пишет он, понятия ***жить***, ***производить***, ***работать*** сливались и не было определённых слов, чтобы раздельно выразить эти реальности. Теперь же, в XX в., мы строго разделяем слова ***труд***, ***энтузиазм***, ***жизнь***, рассматривая их как противоположности. «И это несоответствие между трудом и жизнью есть, по моему мнению, глубокая причина современного зла (mal). ***Мы не являемся счастливыми, когда работаем, потому что мы отделяем труд от жизни***»[99].

[99] Fourastie I. La grande metamorphose du XX-e siecle. Paris, 1961. P. 42–44.

Ж. Фурастье далёк, конечно, от того, чтобы причины названной им социальной болезни искать в капиталистической системе, и не с ней он их связывает. Ж. Фурастье в духе французских просветителей полагает, что причины подобного несчастья отпадут тогда, когда рабочие станут образованными, управляющие постигнут социологию и поймут истинное положение вещей. В общем, изменится человек, и тогда энтузиазм соединится с трудом. Ж. Фурастье не возлагает особых надежд на политику «человеческих отношений», на её способность вызвать трудовое вдохновение у рабочих современного капиталистического общества. Он уповает на новую цивилизацию, называемую им терциерной, которая, якобы обладая социалистическими чертами, вновь породит трудовой энтузиазм.

Представители теории постиндустриализма, как и их предшественники, тоже настаивают на удалении из процесса труда социально-экономических отношений, особенно отношений собственности. Уже упомянутый отечественный апологет западного постиндустриализма В. Л. Иноземцев охотно защищает тезис Т. Сакайя о том, что в обществе, ориентированном на информационные ценности, тенденция к отделению капитала от труда заменяется на противоположную. «Из этого, — делает вывод наш автор, — вытекает возможность вынесения экономических отношений за рамки непосредственного процесса производства»[100]. Особенно он усердствует по поводу вынесения за рамки производства и общества отношений общественной собственности, существование которых он вообще не допускает. Аргумент таков: если что-то принадлежит всем, то, значит, никому. Логика на самом деле требует иного ответа: если всем, то и каждому. Но соответствующее этому правилу «представление об общинной, или общественной, собственности, по его мнению, есть логическая фикция»[101].

Чтобы составить правильную картину взаимоотношений производства и труда, необходимо из всей совокупности

---

[100] Иноземцев В. Л. Собственность в постиндустриальном обществе и исторической ретроспективе // Вопросы философии. 2000. №12. С. 11.

[101] Иноземцев В. Л. Собственность в постиндустриальном обществе и исторической ретроспективе // Вопросы философии. 2000. №12. С. 5.

производственных отношений выделить главные — ***отношения собственности*** — и через призму данных отношений рассматривать развитие производителей материальных благ. Характер собственности и соответствующие отношения распределения и обмена определяют все существенные стороны труда и личности рабочего: социальные мотивы его деятельности, его отношение к труду, настроение и т. д. Моральные, психологические и иные взаимоотношения людей не образуют самостоятельной сущности, они обусловливаются социально-экономическим положением рабочего.

Марксизм, безусловно, признаёт существование в системе производства специфических отношений, связанных с организацией труда, разделением производственных функций. Очевидно также, что научные элементы в организации труда на предприятии могут быть использованы как в капиталистическом, так и в социалистическом обществе. В. И. Ленин, например, не отвергал рациональных моментов системы Тэйлора и советовал ими пользоваться на социалистических предприятиях. В то же время В. И. Ленин называл метод Тэйлора потогонной системой, уродующей личность рабочего в условиях капиталистического применения этой системы.

Та или иная система организации непосредственного трудового процесса сама по себе не вызывает отрицательных социальных последствий. Система организации непосредственного трудового процесса зависит от уровня производительных сил и не может быть выше его. Например, ручной труд или конвейерная система обусловлены общим состоянием развития производства, поэтому их влияние на производителей материальных благ имеет историческое оправдание. Здесь положение такое же, как и при оценке прогрессивности того или иного необходимого этапа в истории человечества, в истории производства. Уровень производительных сил в феодальную эпоху, например, ограничивал развитие личности производителя, но это ограничение нельзя считать отрицательным в смысле его исторической неоправданности, нецелесообразности. В противном случае нужно было бы отбросить достижения всей предшествующей истории на том основании, что тогда работник не имел условий для более полного развития, которые создаёт современное производство.

Иное дело способ применения определённой системы организации труда в условиях того или иного социально-экономического строя. Конкретные формы организации труда на предприятии и результаты их влияния на личность рабочего всегда опосредствованы существующими в данном обществе социально-экономическими отношениями. Без учёта природы собственности, системы организации труда внутри всего общества невозможно правильно понять характер воздействия на производителя непосредственных производственных связей людей, конкретных форм организации трудового процесса.

Когда, например, марксисты говорят о противоречии, конфликте между производительными силами и капиталистическими производственными отношениями, они имеют в виду отношения частной собственности. В истории были попытки приписать марксизму взгляд, будто при капитализме отсутствует непосредственная организация труда на предприятиях. В своё время П. Струве упрекал К. Маркса в том, что якобы, согласно его учению, при совершении социалистической революции вместе с уничтожением капиталистических производственных отношений должны быть ликвидированы и все существующие конкретные методы организации самого трудового процесса.

Критикуя П. Струве, Г. В. Плеханов справедливо указывал, что когда в марксизме речь идёт о несоответствии капиталистических производственных отношений характеру производительных сил, то понятие ***производственные отношения*** употребляется в более узком смысле — в смысле имущественных отношений. Что же касается непосредственной организации труда на современной фабрике, отмечал Г. В. Плеханов, то она прямо не характеризует хозяйственного порядка капиталистического общества, его имущественные отношения[102].

Такое разграничение двух видов отношений производства, по-разному влияющих на работника, имеет важное значение. В марксистской литературе при объяснении развития производителей материальных благ совершенно верно делается упор на отношения собственности, ибо от них в первую очередь зависит социально-экономическое положение рабочего, его социальные качества.

---

[102] Плеханов Г. В. Соч., т. XI. М.; Л., 1928. С. 164, 172.

Таким образом, принципиальными исходными посылками научного понимания природы воздействия производственных отношений на развитие главной производительной силы должны быть: 1) констатация того факта, что социально-экономические отношения составляют главную причину, определяющую общественное положение рабочего в системе производства, его отношение к труду и мотивы деятельности, социальный характер развития его личности и т. п., 2) признание невозможности сведения социально-экономических отношений к организационным производственным связям и неправомерности попыток ставить личность рабочего в зависимость только от этих связей.

Глава 4. Изменение соотношения умственных и физических функций работника

Развитие человека как производительной силы состоит прежде всего в изменении его места и роли в производственном процессе, что проявляется в преобразовании функций производительного работника и общей структуры труда в сфере материального производства. Рассмотрим закономерности, характеризующие изменение природы и соотношения трудовых функций в условиях современного технического прогресса.

§ 1. Современный технический прогресс и изменение места и роли человека в производстве

Исторический прогресс техники и человеческого труда, развитие форм их взаимодействия в общем и целом состоят в замене отдельных производственных функций человека работой машин.

В механизированном производстве, не подвергшемся автоматизации, за человеком закрепляются две основные функции: а) исполнительная (технологическая) функция по обслуживанию машин; б) умственная деятельность по контролю над производственными процессами и по их совершенствованию. Что касается третьей функции — применения двигательных сил человека в качестве источника энергии, то по сравнению с используемыми

энергетическими природными силами она играет незначительную роль[103], хотя в абсолютном масштабе энергия человека не теряет своего значения. Там, где имеется ручной труд, живая энергия человека выступает главной двигательной силой.

Какие же функции человека замещаются машинами, какие останутся и какие новые функции возникнут в результате научно-технического прогресса, и прежде всего вследствие автоматизации и информатизации производства? Как выглядит взаимоотношение между человеком и орудиями (а также предметом) труда в этих условиях?

В области *энергетической* функции труда техника освобождает человека от роли живого двигателя орудий производства. Эта задача решается уже в обычном механизированном производстве. Однако машинное производство, заменяя человека как двигательную силу машин природными силами, оставляет за энергией человека роль источника его собственных исполнительских функций у машин. Автоматизация идёт дальше: она вытесняет биологическую энергию человека не только как двигателя машин, но и как источник человеческой исполнительской деятельности по обслуживанию машин, так как последняя передаётся системе автоматических машин, приводимых в движение используемой природной энергией.

Можно ли из этого сделать вывод, что в будущем энергетическая функция труда исчезнет совершенно? Такое умозаключение, очевидно, не имеет оснований. Во-первых, биологическая энергия частично останется нужной человеку в его деятельности по обслуживанию, наладке, ремонту автоматического оборудования хотя бы потому, что для исполнения подобных работ человеку необходимо приводить в действие свои руки, что невозможно без соответствующего расходования собственной физической энергии. Во-вторых, никогда, видимо, биологическая энергия окончательно не уступит своего места какой-либо механической энергии в процессах управленческой, умственной, особенно творческой, деятельности человека, хотя по мере передачи

---

[103] По данным, приводимым в печати, энергия, получаемая в результате использования мускульной силы людей и домашних животных, составляет ныне около 1% мирового производства энергии.

определённых умственных операций кибернетическим машинам одновременно расширяется применение внешних природных сил и в этой сфере.

Ещё более значительно влияние технического прогресса на изменение ***исполнительской*** (технологической) функции труда.

В широком смысле исполнительская функция труда предполагает, что человек входит в непосредственный технологический процесс в виде его определённого звена, т. е. выполняет операции, без которых система машин не могла бы действовать. Указанными операциями могут быть: а) транспортные работы; б) воздействие на предмет труда при помощи орудий производства и инструментов; в) собственно исполнительские функции у машин (работа станочника), когда машина сама обрабатывает предмет труда, а человек обслуживает машину; г) наладка, сборка и ремонт механизмов; д) физическая деятельность по управлению машинами.

Что касается первых двух операций, то они в общем и целом вытесняются машинами на стадии механизированного производства, которое за счёт освобождения человека от данных функций существенно увеличивает долю его труда, используемого при обслуживании машин.

Основное назначение автоматизации в отношении технологических задач труда сводится к освобождению человека от исполнительных функций у машин. При автоматизации обработка сырья и материалов и превращение их в готовый продукт происходит без непосредственного участия и приложения человеческих рук. Автоматическая система машин «выполняет все движения, необходимые для обработки сырого материала, без содействия человека и нуждается лишь в контроле со стороны рабочего»[104].

Это обстоятельство коренным образом изменяет место человека в производственном процессе: автоматизация ***выводит человека из производства как носителя исполнительских функций по обслуживанию машин***. Здесь, говоря словами К. Маркса, рабочий уже не тот, каким он был, когда вклинивал видоизменённый предмет природы между собой и предметом труда; теперь он помещает между собой и неорганической природой естественный процесс, который он преобразует в промышленный.

---

[104] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 392.

Он становится рядом с процессом производства, вместо того чтобы быть его главным агентом[105].

Означает ли это, что человек полностью освобождается от исполнительной деятельности?

Имея в виду работу по обслуживанию машин, можно определённо сказать, что человек при автоматизации, вместо того чтобы быть включённым в непосредственный производственный процесс в качестве его живого звена, выходит из технологического процесса и в указанном смысле перестаёт быть его агентом. Но другие технологические функции остаются за человеком. К ним относятся, с одной стороны, пуск, наладка, ремонт автоматов, с другой — физическая деятельность по контролю и регулированию производственных процессов. В будущем они тоже в значительной мере будут заменены работой машин, но при всех условиях общественное производство не может обходиться без человека. Определённые технологические функции, притом физического порядка, и впредь сохранятся за людьми.

Если исходить из современного состояния автоматизации и перспектив комплексной полной автоматизации производственных процессов, то становится ясно, что главной сферой применения физической деятельности работника будет, во-первых, наладка и ремонт механизмов, а во-вторых, управление автоматическими машинами в той мере, в какой оно требует физических усилий. Человек как носитель физического труда, следовательно, перестаёт служить звеном той части производственного процесса, которая связана с непосредственным воздействием на предмет труда. Он вмешивается в данный процесс лишь при наладке и ремонте механизмов.

Что же касается управления машинами, то здесь в обозримый исторический период вряд ли можно будет обойтись без человека. Он сохранит своё значение главного звена в системе управления. Однако и в первом случае, и особенно во втором физический труд сведётся к лёгким операциям. В конечном итоге физический труд совпадёт с естественными движениями человека, необходимыми для обслуживания производства.

---

[105] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 213.

Существенные и качественно новые преобразования начинает вносить автоматизация в сферу *умственного* труда. Умственные функции труда выражаются в двух основных моментах: в чувственно-мыслительной деятельности по контролю, управлению и наблюдению за производственными процессами и занятиях по конструированию машин, развитию техники и науки. Первый момент преимущественно связан с выполнением обычных умственных операций, предполагающих наличие производственного опыта, умений и технических знаний, второй — составляет творческую, мыслительно-логическую сторону умственного труда.

До автоматизации производства все умственные задачи выполнялись, как правило, человеком, хотя и раньше люди пользовались различными приборами, облегчающими их работу по контролю и управлению машинами. С автоматизацией производства начинается усиленный процесс замещения умственных функций работой кибернетических машин. Он охватывает в первую очередь контрольные и управленческие формы деятельности человека, а также его определённые, пока что простые, хотя и трудоёмкие, логические операции.

Автоматизация несёт новые средства контроля и управления, действие которых основано на принципе обратной связи. С помощью электронных счётно-решающих устройств, обладающих большой скоростью выполнения операций, обширными возможностями накопления и систематизации информации, постоянно учитываются результаты работы всей системы машин, устраняются возникающие помехи, регистрируются сигналы, с тем чтобы автоматически регулировать движение всей системы при выполнении определённых задач. На машины, следовательно, возлагаются многие операции, раньше выполнявшиеся людьми.

В условиях автоматизации умственная деятельность людей приобретает новое содержание. Одной из главных её сторон становится управление машинами и контроль, наблюдение за их работой. Функция управления и контроля по сравнению с обычным производством значительно изменяется и усложняется: перед человеком возникает задача одновременного управления всё большим и большим количеством объектов; увеличивается скорость реакции людей и повышаются требования не только к мыслительной, но и к сенсорной деятельности работника; от человека

отделяется объект управления, и вместо его непосредственного восприятия человек должен пользоваться опосредствующими средствами, передающими информацию, которую он обязан декодировать.

Другой новой функцией умственного труда начинает выступать ***программирование*** и ***составление режимов технологического процесса***, что вызывает потребность в глубоких экономических, технических, математических знаниях.

Автоматизация, наконец, чрезвычайно повышает роль ***научного творчества***. Машины, замещающие или облегчающие определённые виды умственного труда, освобождая людей от многих утомительных и однородных мыслительных операций, дают возможность увеличить масштабы инновационной и научной деятельности вообще, направлять усилия человека главным образом на теоретические изыскания.

Анализ преобразований в деятельности человека, обусловленных техническим преобразованием производства, даёт возможность определить новую роль человека в производстве и соответственно выявить качественные особенности замены человеческого труда работой машин. Если критерием оценки считать степень вытеснения человеческого труда машинами, то в этом отношении можно выделить по крайней мере три признака, или особенности, автоматизации и информатизации. Они связаны с замещением машинами: а) определённых умственных функций труда, б) человеческой исполнительской деятельности у машин и в) энергетических сил людей.

Изменение места человека в производстве, обусловленное внедрением автоматики, имеет и другой аспект: дальнейшее превращение субъективного принципа построения производственного процесса в ***объективный принцип***. Как известно, между орудиями труда и производителями имеется внутренняя связь. Развитие орудий труда во многом зависит от способностей взаимодействующих с ними людей, и, наоборот, развитие производителя в значительной мере обусловлено состоянием и характером техники.

В мануфактурный период взаимоотношения между человеком и орудиями труда в процессе производства характеризовались тем, что производственный процесс и орудия труда соответствовали способности человека выполнять определённую частичную

операцию, что отражалось и в материальной форме самих орудий. Вследствие этого функционирование и развитие орудий труда непосредственно зависели от свойств субъекта, свою дееспособность они проявляли лишь в руках людей со специфическими функциями и способностями. Производственный процесс, заранее приспособленный к рабочему и учитывающий его возможности и умение, строился по субъективному принципу.

Субъективное начало организации производственного процесса неизбежно ограничивало развитие техники, её производительные возможности, поскольку сам характер орудий труда определялся узкой, односторонней, частичной функцией или способностью работника. Дальнейший прогресс производства необходимо должен был преодолеть этот субъективный принцип.

С возникновением крупного машинного производства взаимоотношения между человеком и орудиями труда претерпели существенные изменения. В силу того, что вместо двигательных сил рабочего стала использоваться в громадных масштабах природная энергия, а также вследствие передачи функций непосредственного воздействия на предмет труда рабочей машине, субъективный принцип построения производственного процесса уступил место объективному началу. «При машинном производстве, — писал К. Маркс, — этот субъективный принцип разделения труда отпадает. Весь процесс разлагается здесь объективно, в зависимости от его собственного характера, на свои составные фазы, и проблема выполнения каждого частичного процесса и соединения различных частичных процессов разрешается посредством технического применения механики, химии и т. д.»[106].

Новый принцип организации производственных процессов открывал исключительный простор для использования и развития производительных возможностей техники. Двигательная и рабочая машина были освобождены от ограничений, связанных со специфическими способностями человека к труду. Устранение из производственного процесса таких ограничений открыло новые пути дальнейшего технического прогресса.

На этапе механизации, однако, объективный принцип построения производственного процесса предполагает также

---

[106] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 391.

существование элементов старого, субъективного начала. Происходит это потому, что в механизированном производстве исполнительские функции у машин, а также задачи контроля и управления остаются за человеком и зависят от его довольно ограниченных в этом отношении возможностей. Указанное обстоятельство не может не воздвигать границы перед техническим развитием. Потребность устранить их вызывает необходимость автоматизации производства.

С переходом к автоматизированному производству объективное начало в организации производственного процесса приобретает новое качество, становится господствующим, что обусловливается передачей энергетических и исполнительских трудовых функций машинам и освобождением производственного процесса от ограниченных физических возможностей производителя. С другой стороны, присоединяя к существующим трём звеньям системы машин (рабочая машина, передаточный механизм, двигатель) четвёртое звено — механизмы управления и регулирования производственного процесса, вытесняющие контрольные функции людей, автоматизация устраняет ограничения, привносимые в производственный процесс свойствами психической отражательной деятельности человека. В результате этого создаётся возможность применять в производстве процессы огромной скорости и точности, самые многообразные машины, действующие в условиях высоких давлений, температур, производить расчёты, требующие больших и быстрых вычислений.

Делая производственный процесс независимым от ограниченных возможностей человека, автоматизация открывает путь к оптимальному использованию техники, т. е. к использованию всех потенций техники и природных явлений. На этом пути достигается невиданная в истории производительность труда. Но это означает в то же время выход работника из непосредственного производственного процесса, связанного с воздействием на предмет труда. В литературе вполне обоснованно утверждается, что в далеком будущем даже человеческие функции по управлению и контролю в значительной мере перейдут к электронным вычислительным устройствам, которые заменят операторов, управляющих технологическими процессами. Это позволит создать полностью автоматизированные заводы и фабрики, способные работать «на замке».

Тогда, спрашивается, как совместить подобную перспективу с необходимостью участия человека в производстве материальных благ? Автоматизированное производство, как уже говорилось, и теперь, и впредь не может обходиться без участия людей. Даже самое совершенное автоматическое предприятие для своего функционирования требует составления программы, параметров производственного процесса, что всегда будет функцией человека. Кроме того, машины будут нуждаться в человеческом труде для своего управления, где люди остаются главным звеном. Уже из этого следует, что автоматические машины и производственный процесс должны быть в определённой мере приспособленными к самому субъекту, соответствовать его возможностям. Не случайно при разработке новых конструкций машин инженеры-конструкторы вместе со специалистами по индустриальной психологии исходят из необходимости участия в их эксплуатации людей и соответственно учитывают физические и психические свойства работника.

Это объясняется во многом тем, что ныне в процессе автоматизации используются ещё старые формы и конструкции орудий труда и технологических процессов, рассчитанные на прежний тип производства и труда. Науке и технической мысли не сразу удаётся найти совершенно новые формы орудий и технологии, полностью соответствующие требованиям объективного принципа построения производственных процессов. Это чрезвычайно трудная задача. И всё же технический прогресс идёт в направлении создания качественно новых типов машин и технологий, максимально свободных от ограничений, связанных с участием человека.

Вместе с тем этот процесс порождает противоречие: с одной стороны, он ведёт к ослаблению необходимости приспосабливать производственные процессы к свойствам человека, с другой — нуждается в участии человека, и, следовательно, производственный процесс (особенно система управления) должен в определённой мере быть приспособленным к функциям производителя. Это несоответствие между развивающимся объективным принципом построения производственных процессов и сохраняющимися остатками субъективного принципа является реальным противоречием современного развития техники, составляет важнейшее движущее начало технического прогресса.

Небезынтересен вопрос и о приспособлении работника к производственному процессу. Необходимость освобождения процесса производства от ограничивающих его свойств человека не означает, что люди по характеру своей производственной деятельности перестают зависеть от техники, что они не должны совершенствоваться в связи с развитием техники. Это освобождение имеет смысл лишь в том, что перестаёт быть нужным отбор частичных способностей к труду, частичных рабочих, закреплённых за строго определёнными машинными операциями. В другом же отношении человек, чтобы обслужить автоматизированное производство, должен быть приспособлен к нему.

Для того чтобы совершался процесс производства, человек и в условиях автоматизации должен включаться в сферу производства. Но входит он туда со своими новыми свойствами и видами деятельности, которые уже не накладывают ограничений на производственный процесс, а, наоборот, способствуют его развитию. Такими свойствами выступают творческие способности человека, его всестороннее развитие. Полная пригодность человека к изменяющимся потребностям производства и технического прогресса — вот каким будет высшее приспособление человека к новым условиям производства.

Говоря о развитии производительных сил в будущем обществе, Ф. Энгельс писал: «... чтобы поднять промышленное и сельскохозяйственное производство на указанную высоту, недостаточно одних только механических и химических вспомогательных средств. Нужно также соответственно развить и способности людей, приводящих в движение эти средства»[107]. Противоречие между стремлением избежать приспособления производственного процесса к свойствам человеческого организма («выход» человека из непосредственного процесса производства) и потребностью его участия в материальном производстве решается в определённом отношении этим путём, т. е. всесторонним развитием умственных способностей человека, его изменением как производительного работника.

Подведём некоторый итог. Современный технический прогресс коренным образом преобразует содержание и характер

[107] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4. С. 335.

производительного труда. В каком же направлении идёт это преобразование?

Во-первых, при автоматизации человеческие энергетические и исполнительские функции передаются машинам, а за человеком остаётся контроль и управление производственными процессами. Первые из указанных задач — физические, вторые — преимущественно умственные. Процесс передачи функций от человека к машине сопровождается, следовательно, увеличением роли умственного и уменьшением значения физического труда.

Во-вторых, возлагая определённые контрольные и управленческие операции на кибернетические машины, автоматизация опять-таки ведёт к тому, что на долю человека выпадают, в основном, умственные занятия, творческая деятельность.

И наконец, заменяя субъективный принцип организации производственного процесса объективным и освобождая таким образом производственные процессы от ограниченных возможностей человеческого организма, автоматизация всё более превращает эти процессы в объект применения науки. Их расчленение и связь, обусловленные собственным характером материальных средств и сил, дают возможность создать технологию производства, основанную на принципах науки. И в данном случае происходит расширение масштабов использования умственного труда.

Перечисленные однопорядковые последствия развития техники дают возможность установить характерную для современности закономерность развития человеческого труда: непрерывное и всё усиливающееся ***возрастание доли умственного труда*** в совокупном труде, используемом в производстве.

Уже первые шаги автоматизации ставят рабочего в такое положение, при котором он больше занимается различными расчётами, наблюдает за работой механизмов и приборов, контролирует их, т. е. выполняет в основном умственные задачи. По данным, полученным в своё время Лабораторией экономических исследований Ленинградского государственного университета, труд наладчика автоматической линии содержал следующие затраты рабочего времени[108]:

---

[108] Обследование проводилось в цехе №7 Сестрорецкого инструментального завода им. Воскова (Ленинградская область).

а) наблюдение и контроль за ходом производственного процесса — 55%;

б) наладка и подналадка оборудования — 22%;

в) ремонт оборудования — 18%;

г) загрузка заготовок и съём готовых деталей — 5%.

Как видно из приведённых данных, труд наладчика всё больше превращается в вид умственной деятельности. В нём преобладают элементы инженерно-технического труда, расчётные функции, наблюдение и контроль.

На предприятиях с автоматизированным оборудованием по сравнению с предприятиями, оснащёнными неавтоматизированным оборудованием, выше удельный вес рабочих наиболее квалифицированных профессиональных групп: наладчиков, ремонтных рабочих и электромонтёров. На таких предприятиях они составляют основную часть рабочих. С внедрением автоматизации наблюдается и соответственный рост квалификационного уровня всех рабочих. Если в цехе штангенциркулей завода «Калибр», где всё оборудование является неавтоматизированным, средний разряд рабочих был 3–4-й, то в цехе автоматов 1-го Государственного подшипникового завода, где автоматизировано всё оборудование, средний разряд рабочих был уже 6-й. Чем больше удельный вес автоматизированного и специализированного оборудования, тем выше квалификационный уровень рабочих, тем выше удельный вес рабочих профессиональных групп широкого профиля, имеющих высокую квалификацию и значительную общеобразовательную подготовку.

Технический прогресс ведёт к существенному изменению структуры труда как совокупного, так и отдельного работника. И там, и здесь наступает перестройка пропорций труда за счёт непрерывного нарастания доли творческой умственной деятельности. На её сторону всё более перемещается центр тяжести всего человеческого труда, занятого в производстве.

Превращение умственного труда в основной вид человеческой производственной деятельности и есть тот новый фактор, который наилучшим образом отвечает участию человека в производстве.

§ 2. Научное развитие производителей материальных благ

Эволюция труда, изменение соотношения его физических и умственных функций нагляднее всего проявляются, как показано, в нарастании объёма умственного труда. Этот аспект эволюции труда давно замечен и довольно широко изучается и обосновывается экономистами и социологами.

Развитие труда, однако, не исчерпывается простым количественным ростом доли умственной деятельности, который уже преобразует структуру всего совокупного общественного труда. Гораздо важнее изменение качества самого умственного труда, которое сопутствует его количественному увеличению.

Это — новая проблема, она касается научного развития непосредственных производителей.

Чтобы яснее представить смысл поставленной проблемы, необходимо иметь в виду наличие двух уровней в умственной производственной деятельности работника. По отношению ко всему общественному сознанию указанными уровнями, или этапами, считаются обыденное и теоретическое сознание. Представляется возможным и даже необходимым распространение аналогичного деления и на производственное сознание, на познавательную деятельность человека в производстве. ***Обыденное сознание*** в производстве составляет совокупность эмпирических знаний и наблюдений, практического производственного опыта, умений и навыков умственного труда. Более высокий вид умственной производственной деятельности — ***научное мышление*** — предполагает знание определённой суммы научных принципов и их практическое применение, проведение экспериментов и опытов с целью изменения техники и развития научно-технической или экономической теории.

Отмеченные два этапа сознания в общем и целом выражают неодинаковую степень и различный характер отражения человеком окружающих его производственных условий. На одном уровне познаются поверхностные связи, внешние проявления природных и технологических процессов, на другом — их сущность, законы. В более конкретном виде различие двух уровней сознания можно было бы провести по ряду признаков.

Знания на этапе обыденного сознания приобретаются ***опытным*** путём, посредством наблюдений или усвоения наследия предшествующих поколений производителей и носят эмпирический характер. Научное же мышление предполагает овладение ***принципами науки***, знание научно-технических основ производства. Оно — результат изучения законов природы и технологии.

Обыденное сознание складывается ***стихийно***. Его носитель не осознает, какие законы или принципы науки он применяет в процессе труда: они им используются стихийно. Научное мышление связано с сознательным применением принципов науки или их развитием. В данном случае работник представляет, какие законы науки он применяет, и использует их вполне осознанно. Его творческая деятельность опирается на научные достижения.

Обыденное сознание по своей структуре, как правило, ***несистематизированно***, в нём отсутствует единое начало. Научное мышление, напротив, проникнуто единой идеей, выступает как некая ***система мыслей***, имеющих стройную логическую структуру.

Между обычным и научным мышлением не существует, конечно, пропасти. Уже в эмпирических знаниях и опыте содержатся элементы науки. Практический производственный опыт служит одной из важных основ развития научного познания. Поэтому их противопоставление относительно. Важно установить, какие изменения претерпевает взаимодействие между обыденным сознанием и научным мышлением в условиях современного производства, какого рода умственная деятельность более всего отвечает потребностям автоматизации и современного технического прогресса вообще.

До появления крупной машинной индустрии для функционирования производственного процесса оказывались достаточными эмпирический производственный опыт самих производителей, их личное искусство и мастерство. Техническая база производства — ручные орудия и ремесленные инструменты — не нуждалась, как правило, в технологическом применении науки и долгое время могла развиваться на основе практических знаний непосредственных производителей.

Положение коренным образом изменилось в крупной промышленности. Здесь средства труда, выступая в виде машин, получают такую форму существования, которая обусловливает замену

эмпирических приёмов сознательным применением естествознания[109]. Ещё в большей мере научный характер приобретает производство в XX в., в эпоху автоматизации. Автоматизированное производство невозможно без использования науки, которая органически с ним срастается, становится частью производственного процесса. Последний в свою очередь превращается в технологическое применение науки.

Понятно, что в этих условиях деятельности производительного работника не может соответствовать обыденное сознание. Научный характер производства предполагает труд, основанный на сознательном применении принципов науки. Само развитие производства, особенно автоматизации, порождает настоятельную потребность в замене обыденного эмпирического сознания производителя научным мышлением.

Однако степень превращения обыденного сознания в научное, уровень соединения науки с трудом зависят не только от эволюции технических средств, но и от социально-экономической системы общества. Последняя в значительной мере определяет использование науки, взаимоотношения между наукой и трудом, уровень и темпы роста образования трудящихся масс.

В условиях, когда труд подчинён капиталу, достижения науки, реализованные в машинах, выступают по отношению к рабочему как капитал, враждебная, чуждая труду сила, как средство эксплуатации рабочих, присвоения их прибавочного труда. Капиталистическая промышленность, увеличивая масштабы применения науки к производству, концентрирует духовные потенции на стороне немногих и сокращает их в труде большинства — непосредственных производителей. В результате нарушается единство труда и науки.

Объективно автоматизация производственных процессов требует передачи рабочему функции наблюдения и контроля; главным содержанием его труда становится надзор над производством и регулирование его. Это должно поднимать духовное содержание труда рабочего, требовать знания основ науки. Однако действие этой прогрессивной тенденции в условиях капитализма наталкивается на препятствия, создаваемые капиталистическими производственными отношениями.

---

[109] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 397.

Применение машин, как известно, увеличивает свободное время всего общества: сокращая необходимое рабочее время, оно как бы выделяет всем членам общества время для их собственного развития. Казалось бы, что по мере возрастания количества свободного времени создаются большие возможности для совершенствования интеллектуальных сил каждого индивида и общества в целом. Но свободное время в условиях капитализма принимает, во-первых, форму досуга для немногих, во-вторых, становится условием для увеличения прибавочного труда. Капитал уменьшает необходимое рабочее время, чтобы увеличить прибавочное время и прибавочный труд. Поэтому свободное время принимает крайне антагонистическую форму.

И наконец, ещё в одном отношении крупная машинная промышленность делает жизненной необходимостью знания рабочими основ науки, требует обобществления науки. Машинное производство вызывает замену частичного рабочего всесторонне развитой личностью. Чтобы осуществлялся производственный процесс, базирующийся на сложной технике, рабочий должен владеть определёнными общетеоретическими и техническими знаниями. Расстояние между рабочим и наукой объективно должно бы сокращаться. Но в то же время в условиях капитализма непосредственный производитель не имеет достаточных возможностей стать всесторонне развитой личностью, сочетающей в своей деятельности физический труд с наукой.

Все эти противоречия не могут быть разрешены в рамках капиталистического способа производства. Здесь они обостряются. Их преодоление требует замены капитализма.

Опыт СССР показывает, что при социализме небывало ускоряется процесс объединения науки с непосредственным трудом. Обусловливаемые природой крупной промышленности объективные процессы, ведущие к приобщению рабочих к науке, в социалистическом обществе получали широкий простор для своего развития.

Наряду с беспримерными темпами роста количества научных работников советское общество с самого начала организует мощный подъём образовательного уровня народных масс. Достаточно привести некоторые статистические данные, чтобы показать масштабы увеличения образовательного уровня населения СССР.

Изменения в уровне образования работников физического и умственного труда (на 1000 человек имеют высшее и среднее [полное и неполное] образование) за период с 1939 по 1976 г.

	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1976 г.
Все занятые в народном хозяйстве	123	433	653	767
Занятые преимущественно физическим трудом	44	322	540	684
Из них:				
рабочие	84	396	586	715
колхозники	18	226	393	537
Занятые преимущественно умственным трудом	542	907	954	970

Таблица рассчитана по материалам статистического сборника «Народное образование, наука и культура в СССР». М., 1977. С. 13, 15.

Образовательный уровень рабочих Невского завода имени В. И. Ленина (в %)

Годы	Всего рабочих	В том числе с образованием					
		4 класса и ниже	5–6 классов	7 классов	8–9 классов	10 классов	Средне-техническим
1948	100,0	50,1	25,6	16,0	5,5	2,8	—
1960	100,0	11,7	23,0	31,0	17,9	14,1	2,3

Материалы Лаборатории экономических исследований Ленинградского государственного университета.

Развитие народного образования привело к резкому повышению образовательного уровня рабочих промышленности. Это можно было проследить на примере отдельных промышленных предприятий г. Ленинграда. Приведём некоторые данные, полученные Лабораторией экономических исследований Ленинградского государственного университета.

Таблица показывает, что удельный вес рабочих с образованием 7–10 классов и среднетехническим образованием возрос с 24,3% в 1948 г. до 65,3% в 1960 г. Если в 1948 г. не было рабочих, окончивших техникумы, то в 1960 г. свыше 2% рабочих имели законченное специальное среднее образование. За этот период удельный вес рабочих завода, имеющих семилетнее образование, увеличился почти вдвое. Показательным является снижение численности рабочих, не имеющих семилетнего образования, с 75,7%

в 1948 г. до 34,7% в 1960 г., в том числе с образованием четыре класса и ниже — с 50,1 до 11,7%. Такие крупные достижения в повышении образовательного уровня рабочих были характерны не только для отдельных передовых предприятий, но и для целых экономических районов.

Конечно, на практике на автоматизированных предприятиях образование рабочих не всегда полностью соответствовало потребностям техники. Из-за неполной автоматизации, а также вследствие недостатков в планомерном распределении рабочих кадров нередко к работе с такой техникой привлекались слабо подготовленные люди и не всегда использовались более образованные работники, особенно из молодёжи.

С другой стороны, ввиду массового привлечения в промышленность и сельское хозяйство выпускников средней школы нередко возникало несоответствие между ограниченными требованиями к уровню знаний и высокой подготовкой молодого рабочего. Здесь обнаруживалось явное противоречие: культурно-технический уровень части рабочих настолько вырос, что не укладывался в рамки, обусловленные характером многих видов функционирующей техники.

Оценивая характер умственной деятельности работников, нельзя было её характеризовать только как научное мышление. Производственный опыт, личное искусство и мастерство, обыденное производственное сознание сохраняли свою ценность. В отраслях производства с наличием ручного труда, а также исполнительских функций у машин мастерство и опыт, навыки и сноровка рабочего играют и поныне немаловажную роль. Вместе с тем нельзя было не видеть новых явлений: технический прогресс, автоматизация и комплексная механизация производства вызывали к жизни поколения рабочих, в умственной деятельности которых происходили серьёзные изменения. Эта деятельность начинала представлять собой нечто большее, чем обычный эмпирический производственный опыт. В ней всё более преобладало сознательное использование науки.

Вот что писали по этому поводу передовые рабочие. «Раньше, — писал фрезеровщик Кировского завода И. Д. Леонов, — можно было преуспеть, полагаясь на физическую силу, ловкость, сноровку. Основанное же на высокой технике советское

производство, чем дальше, тем всё сильнее требует умения разбираться в сложных станках, приборах, автоматических устройствах, усовершенствованных инструментах. Короче говоря, для головы становится больше дела, чем для рук»[110].

Эту же мысль высказывал формовщик Минского завода имени С. М. Кирова А. П. Ковальчук: «Применение новой техники и технологии в металлургическом производстве настойчиво напоминает нам о том, что, как бы ни был велик наш опыт, низкий уровень общеобразовательной и технической подготовки всё более мешает нам хорошо трудиться. Я чувствую, что мне нужно знание физики, химии, умение разбираться в чертежах. Без этого я не смогу по-прежнему занимать передовое место в производстве»[111]. А вот слова рабочего И. Дегтярёва: «В наши дни, когда быстро развивается автоматика, когда всё больше становится на предприятиях станков с гидрокопировальными и программными устройствами, учиться необходимо. Эти станки требуют очень глубоких теоретических знаний, а не только навыков»[112].

Безусловно, научно-техническая деятельность характерна прежде всего для инженерно-технических и научных работников. Также верно, что преобладающая часть научных функций производственного процесса осуществляется специальными людьми: инженерами, техниками, работниками науки. Что касается основной массы рабочих, то в их труде пока что преобладают обычные духовные функции труда. Самым наглядным и вместе с тем исторически важным проявлением воссоединения непосредственного труда с наукой служило движение рационализаторов и изобретателей.

Казалось бы, например, что создание новых инструментов, изменение и совершенствование конструкций резцов, фрез и т. п. — дело специалистов, а не рядовых рабочих. Между тем практика показывала, что значительную часть творческих работ по изобретению и совершенствованию режущего инструмента осуществляют рабочие. Многое сделали в этой области

---

110 Леонов И. Д. Гордое звание рабочий. Л., 1960. С. 37.

111 Коммунист Белоруссии. 1962. №2. С. 45.

112 Дегтярёв И. Поиски и находки. Волгоград, 1962. С. 8.

труженики ленинградских предприятий. Несколько оригинальных конструкций фрез создали и внедрили в производство новаторы Кировского завода. Некоторые фрезы И. Д. Леонова вошли в Государственный стандарт взамен старых образцов. Рабочий Станкостроительного завода имени Я. М. Свердлова В. С. Кузнецов изобрёл новые, ещё более производительные фрезы, успешно конкурирующие с фрезой И. Д. Леонова.

Подобные факты свидетельствуют о том, что рабочие, выполняя многие научно-инженерные функции производства, становятся на путь научного мышления, подлинного творчества. В их труде эмпирический опыт и обычные навыки всё более уступали место научному познанию. И это закономерно. Технический прогресс преобразует характер самой духовной деятельности непосредственных производителей материальных благ. С уменьшением значения физических сил рабочего в производстве падает роль и обыденного сознания. Высокой производительности труда достигает тот рабочий, который изменяет, совершенствует технику, а не просто хорошо её использует. Спрашивая передовых рабочих, как они добиваются высоких показателей, можно было получить ответ: «изобрёл приспособление», «усовершенствовал технологию производства», «создал новый инструмент», «изобрёл новый механизм» и т. п.

Проблема замены обыденного сознания научным в своё время заинтересовала учёных. Мною и моим аспирантом Т. М. Даутовым было проведено конкретно-социологическое исследование на Кировском заводе в Ленинграде. Ставилась задача определить, насколько рационализаторы используют науку в своей деятельности, в какой мере их труд носит научный характер. Была изучена деятельность 50 рационализаторов и изобретателей. Применялись различные методы: анкеты, интервью, анализ материалов БРИЗа[113], заводской научно-технической библиотеки и др. Вот некоторые результаты этого исследования.

Об общей картине рационализаторской и изобретательской деятельности на заводе можно судить по приводимой таблице.

---

[113] БРИЗ — бюро по рационализации и изобретательству.

Рационализаторство и изобретательство на Кировском заводе

Годы	Общее количество рационализаторов и изобретателей	В том числе рабочих	Количество поступивших предложений	Количество внедрённых предложений	Экономия от внедрения рационализаторских предложений (в тыс. руб.)
1957	4 893	2 744	3 670	2 009	1 816
1958	5 065	2 563	4 328	2 524	1 908
1959	5 322	2 716	4 455	2 856	2 182
1960	5 569	2 854	4 549	3 044	2 320
1961	5 876	2 628	4 813	3 146	2 602
1962	6 061	3 188	4 183	3 358	2 631

Число рационализаторов и изобретателей на заводе в 1962 г. возросло по сравнению с 1957 г. на 1168 человек, а количество внедрённых в производство предложений — на 1349. Только в 1962 г.рационализаторы и изобретатели завода разрешили 78 крупных технических проблем. Из заводских новаторов 160 человек имеют от двух до трёх авторских свидетельств.

Для выяснения степени применения науки в рационализаторской работе было поставлено несколько вопросов, раскрывающих проблему с разных сторон. Надо было прежде всего установить сам факт обращения рабочих к науке, её сознательного применения. На вопрос анкеты: «Знание каких научных дисциплин помогло Вам в процессе работы над рационализаторским предложением или изобретением?» — были получены следующие ответы[114]:

Использование науки в рационализаторской деятельности

Количество опрошенных	Указали определённые научные дисциплины и законы науки	Не указали никакой науки или сослались на свой производственный опыт	Не ответили или неопределённо ответили
Всего — 50	38	7	5
В том числе 33 рабочих	23	5	5

В ответах рационализаторов, как правило, содержались указания на определённые науки, законы науки, которые они применяли в процессе работы над предложением или изобретением.

---

[114] Этот вопрос сопровождался другими контрольными вопросами, конкретизирующими и облегчающими ответы: «Какие принципы и законы науки Вами использованы?», «Знание каких свойств материалов Вы использовали?».

Один из рабочих, например, пишет: «Сочетание электротехники, химии и механики. Физика и химия — в главном, математика — во вспомогательном. В физике наиболее важными были для меня электротехника и механика».

Рабочие довольно чётко разграничивали применяемые ими принципы науки и производственный опыт. Одни из них ссылались одновременно на науку и личный опыт, разделяя их, другие прямо говорили об использовании только своего практического опыта. Последние обычно не имеют достаточного образования, это люди старшего возраста, они не читают научной литературы, не учатся.

О научном характере рационализаторской деятельности можно судить по факту проведения опытов. На анкетный вопрос: «Проводите ли Вы эксперименты в ходе работы над рационализаторским предложением или изобретением?» — ответы распределились таким образом:

Участие в проведении опытов

Количество опрошенных	Проводят эксперименты	Не пользуются экспериментами	Не ответили или неопределённо ответили
Всего — 50	37	5	8
В том числе 33 рабочих	20	5	8

Большинство опрошенных занимались экспериментированием в заводских условиях. Рационализаторы полагают, что без опытов невозможна никакая творческая деятельность.

Другим важным критерием научного характера рационализаторской деятельности может служить знакомство с научной литературой. И в этом отношении ответы рационализаторов и изобретателей чрезвычайно показательны.

Знакомство с научной литературой

Количество опрошенных	Изучают научную литературу	Не изучают научную литературу	Не ответили
Всего — 50	40	5	5
В том числе 33 рабочих	26	4	3

Подавляющее число опрошенных проявляют интерес к научной литературе, постоянно её читают, знакомятся с новыми книгами и журналами по *специальности*.

Многие из новаторов завода являются авторами опубликованных научно-технических работ[115]:

Общее число авторов	Из них имеют					
	по одной работе	по две работы	по три работы	по четыре работы	от 5 до 10 работ	10 и более работ
319	142	60	35	23	43	16

Значительная часть авторов — рабочие. В опубликованных работах они обычно обобщают свои достижения, раскрывают теоретические основы своих предложений или изобретений, делятся опытом. Много публикаций, например, у И. Д. Леонова, Л. К. Лалетина, П. А. Зайченко и другие. Примером замечательного рационализатора может служить слесарь-механик В. А. Богданов, 1911 г. рождения, со стажем работы 36 лет, окончивший семь классов и ФЗУ, имеющий смежные профессии токаря и фрезеровщика. В течение ряда лет (стаж рационализаторской работы 30 лет) В. А. Богданов занимался конструированием станков для электроимпульсной обработки металлов. На вопрос анкеты о применении науки в своей деятельности он ответил: «Использовал законы электрического разряда в жидких и газовых диэлектрических средах». В своих изысканиях он постоянно обращается к экспериментам, научной и технической литературе, в том числе изданной на английском языке. Результаты исследований опубликованы им в статьях «Опыт внедрения электроискровой обработки на Кировском заводе»[116]; «Электроимпульсное прошивание пазов и отверстий»[117]; «Изготовление на электроискровых станках большего количества отверстий в деталях машин» и в ряде других.

Рационализаторство и изобретательство имеют громадное значение в выполнении научных функций современного производства. Однако новаторство и творчество трудящихся масс всё же остаются на уровне научной самодеятельности и отличаются от профессиональной научно-технической работы. Основное своё

---

[115] Таблица составлена по материалам центральной научно-технической библиотеки завода.

[116] Обмен техническим опытом. Вып. 29. 1953.

[117] Техническая информация. ВПТИ. 1958. №5.

время и силы большинство рабочих и крестьян отдают ещё непосредственному физическому труду. Производство материальных благ и научный труд выпадают на долю различных людей и социальных групп. Соответственно этому сохраняется различие (как по характеру, так и по уровню) между научной самодеятельностью масс и умственным трудом инженерно-технических работников.

В перспективе деятельность работников производства достигнет уровня инженерно-технического труда, который тоже не останется без изменения. Уже современный технический прогресс настойчиво ставит перед инженерно-техническим персоналом задачи исследовательского характера.

Инженерно-технический труд подвергается изменениям и в другом отношении: он всё более трансформируется в преобладающий вид производственного труда и должен в итоге сделаться той основной формой производственной деятельности, которая воплотит в себе единство умственного (научного) и физического труда. В конечном счёте рабочий, инженер и учёный должны слиться в одном лице.

Труд в материальном производстве, писал К. Маркс, может стать свободным и творческим благодаря тому, что 1) дан его общественный характер, 2) что он имеет научный характер, что он есть одновременно с этим всеобщий труд, напряжение человека не как определённым образом дрессированной силы природы, а как субъекта, который в процессе производства выступает не в чисто природной, естественно выросшей форме, а в качестве деятельности, управляющей всеми силами природы[118].

Очевидно, что такая деятельность не может быть ненаучной.

§ 3. Применение науки и развитие человека — основа производства будущего общества

Проблема обыденного и научного сознания не чисто теоретический вопрос, по которому можно спорить, высказывать разные суждения и т. д. Процесс перерастания обыденного сознания в научное мышление — это главный канал действительного,

[118] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 110.

практического превращения науки в непосредственную производительную силу. Наука становится такой силой лишь тогда, когда реализуется в умах производителей, вливается в их живой труд и воплощается в нём. Эффективность науки в качестве производительной силы, по меткому выражению академика С. Г. Струмилина, «прямо пропорциональна объёму внедряемых знаний, умноженному на глубину их усвоения и широту распространения среди трудящихся масс»[119].

Поэтому чем больше масштабы вытеснения эмпирических знаний научными, тем выше степень превращения науки в производительную силу. То общество в этом отношении идёт впереди и быстрее всех, которое организует мощный подъём научного образования и его всенародное распространение. Здесь лежит один из главных путей достижения высшей производительности труда.

Производительная сила труда, как известно, зависит от ряда обстоятельств. К основным из них относятся:

а) размеры и эффективность средств производства, развитие техники, масштабы использования природных сил;

б) уровень развития и степень технологического применения науки;

в) средняя степень искусства рабочего, его культурно-технический уровень, научное развитие;

г) общественная комбинация производственного процесса, совершенствование общественных производительных сил труда.

В разные исторические эпохи те или другие средства повышения производительности труда играли неодинаковую роль. В один исторический период доминирующее влияние на производительность труда оказывает один фактор, в другой период — другой.

При рабовладельческом производстве с его консервативной техникой, не ушедшей дальше применения ручных орудий, производительность труда определялась главным образом максимальным использованием живого физического труда и рабочей силы домашних животных. В мануфактурном производстве исходной точкой изменения формы производства и главным условием

---

[119] Струмилин С. Г. Будущее принадлежит единству науки и труда // Проблемы мира и социализма. 1963. №4. С. 45.

создания новой производительной силы явилось разделение труда, основанное на прикреплении частичного рабочего к выполнению определённой функции производственного процесса. Здесь подъём производительности труда происходил в результате изменения способа применения самой рабочей силы. Новый способ применения рабочей силы (новое разделение труда) вызвал повышение искусства отдельного рабочего. Техника же производства существенных изменений не претерпела. Она носила ремесленный характер, а производительность машин, если они использовались, зависела от личной силы, личного искусства производителя, т. е. от мускульной силы, верности глаза, виртуозности рабочего.

С возникновением крупной промышленности на первое место выдвигается совершенствование техники. Здесь исходной точкой переворота в способе производства послужило изменение средств производства. Самое же изменение и развитие техники становится в теснейшую зависимость от науки, от изобретений.

Чтобы наука приобрела значение действительно решающего фактора развития производства и роста производительности труда, она должна воплощаться в труде рабочих. Существеннейшая и особая роль науки в производстве объясняется тем, что производительность человеческого труда находится в прямой зависимости от степени познания человеком свойств и закономерностей естественных условий труда, а также свойств тех вещей, которые он берёт из природы и, изменяя их, использует в качестве орудий труда. В этом отношении наука представляет собой важнейшее средство повышения производительности труда самого работника.

Если люди не знают свойств вещей и явлений окружающей среды, то они не могут использовать их в производстве. Это необходимое для процесса производства знание даётся наукой. Наука составляет творческие потенции самого человека, чья практическая деятельность, включающая в себя и знания об окружающем мире, выступает как основная движущая сила развития производительных сил, роста производительности труда. Именно это обстоятельство определяет важнейшую роль науки в совокупности других факторов, определяющих уровень производительности труда. «...Степень искусности наличного населения, — указывал К. Маркс, — является в каждый данный момент предпосылкой

совокупного производства, — следовательно, главным накоплением богатства, важнейшим сохранённым результатом предшествующего труда, существующим, однако, в самом живом труде»[120].

Овладение научными знаниями чрезвычайно повышает производительность труда непосредственных производителей материальных благ. Укажем на некоторые подсчёты С. Г. Струмилина, доказывающие экономический эффект школьного образования для общества. По его данным, выгоды от повышения продуктивности труда обученных рабочих превышают соответствующие затраты государства на школьное обучение в 27,6 раза. При этом затраты государства на образование окупаются уже в первые 1,5 года, а в течение следующих 35,5 лет (средняя продолжительность трудоспособного времени определяется 37 годами) государство получает ежегодный чистый доход без каких-либо затрат[121].

Даже то скромное овладение наукой, которое даёт семилетняя школа, оказывает довольно значительное влияние на рост производительности рабочего. При равных условиях неграмотные рабочие-металлисты зарабатывали в 1929 г. за день по ценам того времени 3 руб. 21 коп.; обучавшиеся в течение одного года — уже 3 руб. 96 коп. в день, т. е. на 24% больше; имеющие четырёхлетнее образование получали до 4 руб. 53 коп., т. е. на 42% больше, а семилетнее — до 5 руб. 36 коп., т. е. на 67% больше по сравнению с неграмотными рабочими того же возраста и с тем же стажем. Подобное повышение заработной платы происходит потому, что рабочий, обладающий определёнными знаниями, более рационально использует свои силы и тем самым увеличивает производительность труда. Каждый рубль, затраченный на обучение в семилетней школе, повышал народный доход страны минимум на 6 руб. в год[122].

Приведённый статистический материал и соответствующее исследование относятся к 20-м годам прошлого века и являлись, пожалуй, единственными в нашей экономической литературе.

---

120 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III. С. 306.

121 Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда. М., 1957. С. 163.

122 Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда. М., 1957. С. 598.

С. Г. Струмилин произвёл новые подсчёты (но уже в другом плане), доказывающие чрезвычайную эффективность научного образования. Так, по его расчётам, из суммы всего национального дохода (146,6 млрд руб. в ценах того периода) на долю качества труда, достигаемого за счёт повышения квалификации работников (в том числе их образования), приходилось в 1960 г. 23%, что в денежном выражении означает не менее 33,7 млрд руб. Затраты же государства на просвещение, науку, искусство в 1960 г. составили 16 237 млн руб.[123]

За период с 1940 по 1960 г. этот прирост увеличился более чем в шесть раз, а чистый доход за вычетом текущих затрат — раз в десять. В результате рентабельность вложений в эту сферу превзошла в среднем по стране все известные показатели, поднявшись с 52 до 144% в год[124]. Эффект действительно поразительный.

О производительных потенциях науки можно судить в какой-то мере по сумме экономии, получаемой от внедрения рационализаторских предложений и изобретений. Только в 1961 г. экономия от реализованных 2676 тыс. рационализаторских предложений и изобретений составила сумму в 1620 млн руб.[125], что опять-таки показывает чрезвычайную эффективность применения духовных сил человека, науки и образования. Они в огромной мере повышают производительность труда. При этом их воздействие на рост производительности труда проистекает не просто из самого факта увеличения массы духовного труда, а из того, что интеллектуальные силы непосредственно сочетаются с трудом людей, участвующих в материальном производстве.

В экономической науке, на мой взгляд, недооценивалось значение интеллектуальных сил как работников умственного труда, так и рабочих. Некоторые экономисты искали резервы роста производительности труда, лежащие на стороне производителей материальных благ, главным образом в рациональной организации

---

[123] Струмилин С. Г. Эффективность образования в СССР // Экономическая газета. 1962. 2 апреля. С. 29.

[124] Струмилин С. Г. Эффективность образования в СССР // Экономическая газета. 1962. 2 апреля. С. 30.

[125] Народное хозяйство СССР в 1961 году. С. 127.

физических усилий рабочего. Они обходили то обстоятельство, что в условиях современного технического прогресса затраты живого труда на производство продукции в значительной степени уже предопределены характером научного, конструктивного, технологического и организационного решения процесса производства определённого продукта. Поэтому главные резервы повышения производительности труда таятся в применении умственного труда вообще и научно-инженерной деятельности в частности.

Недооценку прогрессивного характера тенденции роста роли умственного труда нельзя признать правильной. Нельзя думать, что в развитии производительных сил общества, в создании материальных благ участвуют только работники физического труда, т. е. люди, которые заняты обслуживанием машин и механизмов. Безусловно, физический труд непосредственных производителей ныне является основным источником материального богатства общества, основой дальнейшего прогресса производительных сил. Однако наряду с работниками физического труда в создании материальных благ общества уже в настоящее время принимает участие большое число людей умственного труда: инженерно- и агротехнические работники, деятели науки. Их научно-техническое творчество не менее важно для прогресса производительных сил, чем труд непосредственных производителей.

При современном техническом прогрессе, когда наука становится решающим фактором роста производства, определяющим направлением повышения производительности труда начинает выступать духовное, научное развитие людей. Потенции науки как производительной силы реализуются не только в увеличении продуктивности живого труда, но и в росте производительности материальных средств производства. Воплощение науки в деятельности работника — лишь первый шаг её превращения в производительную силу. Вторым, окончательным шагом является её материализация в орудиях и предметах труда. Поэтому в настоящее время решающее воздействие науки на производительность труда идёт также через повышение дееспособности техники и источников энергии. Именно по той причине, что крупная промышленность овладевает для процесса производства колоссальными силами природы и естествознанием, она чрезвычайно повышает производительность труда.

В современных условиях эффективность техники, используемой в процессе производства, определяется главным образом состоянием науки, её применением к производству. Производительность новой техники уже теперь перестаёт соответствовать количеству непосредственного рабочего времени, которое идёт на её производство и обслуживание. Она больше соответствует силам науки, вложенным в технику, зависит от общего состояния науки и от её практического приложения. К. Маркс прямо указывал, что по мере развития крупной промышленности создание действительного богатства становится менее зависимым от рабочего времени и количества затраченного труда, чем от мощности агентов, приводимых в действие на протяжении рабочего времени. Их могучая производительность в свою очередь не находится в соответствии с тем непосредственным рабочим временем, которого стоит их производство, а обусловливается состоянием науки, степенью развития технологии или применением этой науки к производству[126].

Повышение производительной силы труда, как известно, означает всякое изменение в процессе труда, которое сокращает общественно необходимое время, нужное для производства данного продукта; в результате рабочий может производить больше продуктов за одну и ту же единицу времени. Наука, ставя на службу обществу новые силы природы, воздействуя на технический прогресс, обеспечивает огромное сокращение рабочего времени, необходимого для производства одного и того же продукта.

При этом, по мнению экономистов[127], сбережение умственного труда экономически намного эффективнее, чем механизация физического труда. На ступени механизации исполнительный физический труд возмещается затратами энергии моторов. Автоматизация же, заменяя или облегчая применяемый в производстве умственный труд, особых затрат энергии моторов не предполагает. Правда, здесь увеличиваются масштабы творческого научного труда по изобретению машин и соответственно растут затраты на развитие науки, но это не снижает громаднейшей экономической выгодности расходов на науку, поскольку достижения

---

[126] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 213.

[127] Струмилин С. Г. Экономические проблемы автоматизации производства. М., 1957. С. 21.

науки, требующие огромных умственных усилий человека, по мере роста культурно-технического уровня работников становятся общедоступными для всех и приобретают для общества значение «даровой» силы[128]. «Механизация» умственного труда, частичная замена его функций работой машин показывает, насколько важно значение науки, умственного труда вообще в повышении производительности труда и какой огромный экономический эффект даёт их применение в производстве. По замечанию Ф. Энгельса, только одно достижение науки, каким была паровая машина Джеймса Уатта, принесло миру за первые пятьдесят лет своего существования больше, чем мир с самого начала затратил на развитие науки[129].

Изменение соотношения умственных и физических функций в деятельности производителя и совокупного работника, возрастание доли научного труда не сводятся к простому механическому увеличению одного вида труда по сравнению с другим его видом. Они имеют далеко идущие последствия, революционизирующие всю основу производства и приумножающие богатства общества.

Там, где утверждение общественного труда происходит в форме противоположности капитала и наёмного труда, где производство основывается на отношениях меновой стоимости, предпосылкой самого производства, его главным устоем была и остаётся «масса непосредственного рабочего времени, количество затраченного труда как решающий фактор производства богатства»[130]. Правда, развитие крупной промышленности, указывал К. Маркс, обнаруживает и другой факт: растущее относительное несоответствие между затраченным рабочим временем и количеством созданного продукта. Капитал использует все возможности, чтобы сделать создание богатства относительно независимым от затрачиваемого на него рабочего времени.

Но при этом он делает рабочее время единственным мерилом и источником богатства, так как само капиталистическое

---

[128] С. Г. Струмилин отмечает и ту особенность знаний, что они в отличие от орудий производства не изнашиваются от употребления, а, напротив, расширяются и совершенствуются // Проблемы мира и социализма. №4. 1963. С. 43.

[129] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1. С. 555.

[130] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 213.

богатство держится на грабеже чужого рабочего времени, на присвоении прибавочной стоимости, создаваемой в рамках этого времени. Поэтому капитал представляет собой движущееся противоречие: он препятствует сокращению рабочего времени до минимума, тогда как, с другой стороны, измеряет богатство только количеством рабочего времени. Капитализм поэтому сокращает рабочее время в форме необходимого, чтобы увеличить его в форме избыточного, которое становится во всё возрастающей мере условием — вопросом жизни или смерти — для необходимого. В одном направлении капитал, стало быть, вызывает к жизни все силы науки и природы, равно как все силы общественного труда и общественных отношений, чтобы сделать создание богатства относительно независимым от затрачиваемого на него рабочего времени. В другом направлении он хочет созданные таким путём громадные силы общества измерять рабочим временем и втиснуть их в границы, необходимые для того, чтобы уже созданную стоимость сохранить в качестве стоимости[131].

Коммунистическая формация на высшей стадии развивает производство на качественно новой основе, по сравнению с которой грабёж чужого рабочего времени, эксплуатация массы непосредственного живого труда, на которых зиждется капиталистическое богатство, представляются, по словам К. Маркса, жалкой и ограниченной основой. Вследствие могучего развития производительных сил, преобразования функций рабочего, слияния умственного и физического труда в новом обществе непосредственный живой труд как таковой перестаёт быть основным устоем производства богатства, так как он превращается в деятельность по надзору над производством, а в качестве производителя выступает не единичный рабочий, а сочетание общественной деятельности. Соответственно прибавочный труд масс перестаёт быть условием для развития всеобщего богатства. Благодаря этому рушится производство, основанное на меновой стоимости, а непосредственный процесс материального производства теряет своё назначение только как средства удовлетворения элементарных нужд[132].

---

131 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 214.

132 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 214.

Что же будет устоем производства, когда полностью разовьётся новая материально-техническая база общества?

На этот вопрос научный ответ дал К. Маркс. Имея в виду изменение характера производства и места человека в нём, К. Маркс писал, что в этом преобразовании ни тот непосредственный труд, который выполняется самим человеком, ни то время, которое он трудится, а усвоение своей собственной, всеобщей производительной силы, понимание им природы и овладение ею, одним словом, развитие общественного индивида, — вот что выступает в качестве основы производства и богатства[133].

Приведённые слова К. Маркса не следует понимать в том смысле, что вообще человеческий труд перестаёт быть устоем производства. Человеческий труд всегда будет им. Речь идёт о новом виде труда, который начинает служить в качестве устоя производства. Если до сих пор этим видом труда был непосредственный физический труд (количество живого физического труда), то в развитом обществе он теряет указанное значение и уступает место такой деятельности, которая связана с наблюдением, контролем, управлением производством, развитием науки и техники, т. е. с осуществлением прежде всего умственных функций. Нельзя же в самом деле считать, что основой производства будет тот лёгкий физический труд, который при автоматизации всё более сводится к естественным движениям человека, выражающимся в его передвижении, в приведении в движение рычагов управления или даже в нажатии кнопок, хотя, безусловно, останутся и более серьёзные виды физического труда. Конечно, не они будут определять место и роль человека как главной производительной силы, не от них будет зависеть производительность труда. Человек как основная сила производственного процесса получит роль командира производства, осуществляя умственные задачи. Поэтому он будет выступать главным образом не как носитель физической деятельности, а как представитель умственных потенций, способный применять науку к производству и развивать её.

Почему же непосредственное рабочее время в будущем не может служить мерилом богатства?

---

[133] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 213–214.

По этому поводу у К. Маркса говорится: «Как только труд в его непосредственной форме перестал быть великим источником богатства, рабочее время перестаёт и должно перестать быть мерой богатства, и поэтому меновая стоимость перестаёт быть мерой потребительной стоимости»[134]. Смысл этой мысли К. Маркса состоит не в том, что в будущем обществе время труда теряет всякое значение как для определения количества богатства, так и для его создания. Богатство создаётся в процессе труда, продолжительность которого всегда остаётся мерилом издержек, требуемых для его производства.

Здесь речь идёт также не о том, что издержки не будут измеряться часами труда, а о том, что количество богатства перестаёт соответствовать той массе непосредственного рабочего времени и труда, которая идёт на его производство, и начинает в большей мере зависеть от дееспособности техники и развития науки. Решающим фактором производства становится не масса непосредственного рабочего времени и труда, а производительная сила того технологического процесса, который приводится в движение в период рабочего времени. Поэтому и получается обратная зависимость между количеством создаваемого богатства и временем, идущим на его производство: чем меньше рабочего времени затрачено, тем больше произведено богатства. Рабочее время сократится до минимума, а богатство общества вырастет необычайно.

В этих условиях, само собой разумеется, мерилом богатства не может считаться ***количество*** рабочего времени, хотя для определения производительности труда надо учитывать и его. Но здесь не возникает уже необходимости обращаться к меновой стоимости, сводить стоимость продукта и издержки рабочей силы к общественно необходимому времени. Можно результаты учитывать просто человеко-часами труда, идущими на производство определённого количества продукции.

Чем же тогда будет измеряться богатство общества? Тогда мерилом богатства, предсказывал К. Маркс, станет уже не рабочее время, а свободное время. Когда рабочее время является критерием богатства, само богатство основано на бедности

---

[134] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 214.

и свободное время существует в противоположной форме. Здесь всё время индивида закрепляется как рабочее время, и он таким путём обречён существовать только в качестве рабочего, полностью подчинён игу труда. Машинное производство в самом развитом его виде заставляет поэтому рабочего трудиться дольше, чем трудился дикарь, или дольше, чем трудился тот же рабочий, когда пользовался самыми простыми и примитивными орудиями.

Преобразование устоя производства и богатства общества совпадает, следовательно, с тем, что умственный труд, наука, научное развитие человека становятся важнейшим источником богатства. Сам процесс производства превращается в объект технологического использования науки, в поприще практического применения её сил, становится, по выражению К. Маркса, экспериментальной наукой, материально-творческой и предметно-воплощающейся наукой[135].

Наука приобретает значение могучей непосредственной производительной силы общества. Применение науки, овладение человеком наукой и развитие им науки начинают выступать решающим фактором развития производства, достижения высшей производительности труда.

Глава 5. Продукт непосредственного процесса труда, его потребительная стоимость и стоимость

§ 1. Опредмечивание труда в его продукте

Дальнейший анализ процесса труда предполагает обращение к его результату — продукту труда, в котором овеществляется (объективируется) труд как человеческая и в этом смысле субъективная деятельность (деятельность субъекта). «Во время процесса труда труд постоянно переходит из формы бытия, из формы движения в форму предметности»[136]. Это опредмечивание, если воспользоваться терминологией Гегеля, можно назвать отчуждением

---

[135] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 221.

[136] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 200.

труда, его превращением из субъективной деятельности в противоположное состояние — состояние предметности. Их противоположность проявляется уже в том, что овеществлённый в продукте труд наличествует в пространстве в покоящемся виде, а не-овеществлённый труд формой своего бытия имеет время.

Но не только в этом дело. Выявление противоположности не-овеществлённого и овеществлённого труда, а также обоснование их единства имеет существенное методологическое значение (как общее, так и в политической экономии). Речь идёт о признании за трудом социальной субстанции, т. е. о субстанциальном подходе, или об его отрицании в так называемом «деятельностном подходе».

Известно, например, что М. Вебер противопоставил материалистическому методу «Капитала» К. Маркса концепцию социального действия, в которой исходной берётся смысловая сторона действия, его целерациональность. У Т. Парсонса человеческое действие тоже образует исходное основание социальной системы. Вместо социальной субстанции, т. е. овеществлённого труда, выделяет деятельность и Г. Лукач. Он в качестве онтологической основы общественного бытия предлагает рассматривать практическую деятельность, взятую опять-таки со стороны целеполагающей установки на изменение действительности.

Обращение к не-овеществлённому труду, к живой человеческой целесообразной деятельности, безусловно, необходимо для познания социально-экономической жизни. Но этот принцип надо совмещать с признанием значения овеществлённого труда, со субстанциальным подходом и тем самым преодолевать их антиномичность.

Овеществлённый труд образует субстанцию всего созданного людьми социального богатства. Это всё то, в чём овеществляется человеческий труд, в том числе труд, воплощённый в самом человеке, в его рабочей силе. Именно та сумма материального результата в виде производительных сил, капиталов и социальных форм общения, которые люди застают на каждом этапе своего развития и передают новым поколениям, в философии, по мнению К. Маркса и Ф. Энгельса, получила название «субстанции» и «социальной сущности» человека[137].

---

[137] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3. С. 37.

Поскольку же овеществлённый в человеке труд как субстанция в качестве своей causa sui[138] имеет живую человеческую деятельность и распредмечивается через эту деятельность, то он выступает не как мёртвая предметность, а как нечто, содержащее в себе человеческую субъективную деятельность и трудовую меру. В этом смысл одного из известных тезисов К. Маркса о Фейербахе: «Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и фейербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берётся только в форме объекта, или в форме ***созерцания***, а не как ***человеческая чувственная деятельность***, ***практика***, не субъективно»[139].

Субстанция и субъект с его живой деятельностью образуют единство: с одной стороны, неопредмеченный труд, взятый до своего овеществления в продукте, остаётся как бы в своём субъективном существовании в виде возможности труда, с другой — продукт, в котором опредмеченный труд в движении производства и богатства выступает как постоянно исчезающий момент, и этим отличается от носителя живого труда — человека, являющегося постоянным созидателем богатства и в этом отношении существенно отличающегося от опредмеченного труда.

Необходимость различения живого и овеществлённого труда и одновременно умение преодолевать абстрактную противоположность субстанционального и деятельностного существования труда позволяют решать многие сложные социально-экономические проблемы. Так, овеществлённый в продукте труд может быть социально отчуждён от живого труда и оказаться в собственности непроизводительного класса, а живой труд — служить персонификацией производительного класса.

Многие серьёзные проблемы возникают из того, что овеществлённый в продукте труд и затрачиваемый живой труд не совпадают не только по качеству, но и по своей величине: одно дело, когда труд воплощается в потребительной стоимости продукта, другое — в его стоимости. В одном случае затраты общественного труда будут совпадать с овеществлённым в продукте трудом,

---

[138] «Causa sui» (причина самого себя) — латинский термин, обозначающий нечто, что порождает или является причиной самого себя.

[139] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3. С. 1.

в другом — этого не происходит, т. е. вопрос решается в зависимости от экономической формы продукта, его стоимости или потребительной стоимости.

Бытие и субстанция продукта, взятого в качестве стоимости, существенно отличается от таковых, отнесённых к его потребительной стоимости. Субстанцией стоимости, безусловно, является овеществлённый труд, но не только как абстрактный труд (трата человеческой рабочей силы как таковой), но прежде всего как труд в его особом историческом качестве общественно суммированного труда, затраты общественной, а не индивидуальной рабочей силы.

В стоимости как в общественном бытии товара нельзя обнаружить, как известно, ни атома вещества. Но это не значит, что лежащий в её основе общественный труд не обладает предметными формами своего существования, хотя речь здесь должна идти об их социальной предметности. Такими практическими формами меновой стоимости выступают, например, деньги. Они обладают реальным существованием вне человеческого сознания и столь же реальны, как и заменяемые ими товары. Они нуждаются в материальных носителях, хотя своего места в товарном обмене выполняют как чисто общественный продукт и общественно значимая, хотя и практическая идеальная форма. Как стоимостная, так и денежная форма товаров составляют нечто отличное от чувственно воспринимаемой телесной формы товаров и в этом смысле они являются идеальными. В своей функции меры стоимости идеальность денег означает, что для этой операции нет необходимости иметь наличное количество золота или другого эквивалента. В обращении меновых стоимостей самому эквиваленту тоже нет необходимости обращаться, товарное обращение замещается денежным как идеальным обращением товаров. Деньги выступают и всеобщим идеальным представителем богатства.

Очевидно, что за деньгами, как за идеальной формой, находится стоимость, а в конечном счёте — общественный характер труда. Казалось бы, вместо денег мерой стоимости можно было бы использовать непосредственное время труда, вместо обмена стоимостей — обмен продуктов труда — потребительных стоимостей, вместо денежного богатства — физические объёмы продукции. Такая замена не делает ли идеальные денежные формы, а вместе

с ними и стоимости чисто идеальными типами, конструкциями ума, а вовсе не действительными практическими способами функционирования товарного мира? На это следует ответить: пока продукт производится как товар и стоимость, деньги в качестве их идеальных представителей выражают реальное бытие товарного мира. Они составляют социальный способ бытия этого мира, хотя, как было сказано, этот социальный способ бытия не имеет ничего общего с той телесностью товаров, в которой они существуют. Более того, эта социальность, представленная в вещи, может быть фетишизирована — низведена до свойства самой вещи или вещное свойство возведено в ранг социальной формы.

Идея опредмечивания труда не исчерпывается тем, что на производство продукта затрачивается рабочая сила. Дело в том, что эта рабочая сила до своего овеществления в продукте выступает в виде способностей человека, в том числе и как духовная способность. Знания, умения опредмечиваются особым способом, отличным от материализации физического труда. К. Маркс предупреждал, что материализацию труда не следует понимать грубо, по-шотландски, т. е. только в виде чувственно осязаемых свойств продукта. Меновая стоимость выступает не как телесный, а как социальный способ существования товара.

В этой связи возникает вопрос об опредмечивании знаний, в частности о создании знанием стоимости, о чём много пишут представители теории постиндустриального общества. По мнению, например, Т. Сакайя, ныне стоимость создаётся знанием и такое её создание становится базой будущего общества. Такого рода стоимость уже не представляет собой общественный труд, она создаётся индивидуальным трудом. Созданная знанием стоимость обладает уникальной чертой: она создаётся индивидуализированными усилиями, в то время как обычная стоимость предполагает обобществление труда[140]. В. Л. Иноземцев полагает, что творческая деятельность, сменяющая труд, вообще не может воплощаться в стоимости, последняя подлежит деструкции[141].

---

[140] Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999. С. 354.

[141] Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999. С. 290–291.

Представляется, что трудовая теория стоимости, признающая возможность овеществления научного труда вместе с физическим трудом в продукте, вполне рационально решает эту проблему. Об этом свидетельствует известное суждение К. Маркса о том, что природа не строит машин, что они — продукты человеческой деятельности, «созданные человеческой рукой органы человеческого мозга, овеществлённая сила знания». Поскольку в технике как продукте производства реализован труд, то вместе с ним овеществляется и знание, наука, которые из потенциальной духовной силы становятся действительной производительной силой.

Чем объяснить отказ от стоимостного опредмечивания духовной, творческой деятельности и её результатов в виде знаний? Можно сослаться на авторитет Гегеля, который считал знания и иные духовные способности внутренним достоянием личности. Но Гегель, согласно существующей в то время политической экономии, считал возможным посредством овнешнения придать им внешнее существование и тем самым подвести под определение вещей, сделать их отчуждаемыми ценностями.

Конечно, опредмечивание духовного, умственного труда только его воплощением в стоимости продукта нельзя считать исчерпывающим объяснением этого сложного процесса. Нельзя, однако, согласиться с Т. Сакайя относительно того, что «разработка универсальной концепции (подобной теории трудовой стоимости), применимой в отношении к созданной знанием стоимости, невозможно; более того, трудно представить себе и то, каким образом теория полезности способна объяснить характер такой ценности. Понесённые производителем расходы в своей основе не имеют никакого отношения к стоимости созданного знанием продукта; помимо этого отсутствует то традиционное движение, которое сближает цены с затратами»[142].

Автор в качестве иллюстрации создания знанием стоимости приводит пример с галстуками: галстук знаменитой фирмы «Гермес» стоит 20 тыс. йен, а такой же галстук без коллективной мудрости фирмы, сделанный из такого же материала,

---

[142] Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999. С. 362.

оценивается в 4 тыс. йен. Эта разница и есть стоимость, созданная знанием, мудростью фирмы «Гермес». Представляется, что эту разницу вполне можно объяснить действием современных рыночных механизмов: погоней за модой, престижным, но не рациональным потреблением элиты, платой за товарный знак и т. д.

Другое дело — упомянутый выше пример, приводимый Ф. Энгельсом: изобретение Джеймсом Уаттом паровой машины принесло в течение 50 лет миру больше, чем мир с самого начала затратил на науку. Этот результат действительно не укладывается в систему отношений стоимости. Здесь нарушается принцип, согласно которому стоимость эквивалентна общественно необходимым затратам труда. Высокая производительность паровой машины не находится в соответствии с тем непосредственным рабочим временем, которого стоит её производство.

Но это не значит, что нет и не может быть, как утверждают Т. Сакайя и В. Л. Иноземцев, общей теории, объясняющей такого рода превосходство результатов над затратами, и также способы реализации труда в своих результатах. Такая теория есть — это трудовая теория производства потребительной стоимости, с которой они не знакомы.

Нужно иметь в виду, что труд овеществляется не только в стоимости, но и в потребительной стоимости своего продукта. Более того, прежде чем труд реализуется в стоимости, он должен материализоваться в потребительной стоимости продукта. Поэтому под овеществлённым трудом следует понимать прежде всего не стоимость (капитал), а продукты труда, являющиеся потребительными стоимостями.

Здесь нельзя упускать из виду, по крайней мере, три обстоятельства. Во-первых, не забывать, что за продуктом стоит труд в его двоякой форме — как источник стоимости и создатель потребительной стоимости. Реализуется он в продукте одновременно в том и другом виде. Во-вторых, абстрактный труд как трата человеческой рабочей силы в физиологическом смысле реализуется не только в стоимости, но и в потребительной стоимости продукта, делая её общественной потребительной стоимостью. В роли субстанции овеществлённый труд выступает опять-таки через свой материально-вещественный

продукт — потребительную стоимость[143]. У К. Маркса «вещь, „потребительная стоимость“ фигурирует как простое ***овеществление*** человеческого труда, как ***затрата равной человеческой рабочей силы***, и потому это содержание представляется как предметный характер вещи...»[144]. В-третьих, неуловимое в стоимостной трактовке «создание знанием стоимости» (Т. Сакайя) можно объяснить только потребительной стоимостью труда — из овеществления производительной силы труда, в росте которой проявляется сила знания в прибавочном продукте, взятом со стороны потребительной стоимости.

§ 2. Потребительная стоимость и её экономическая форма

Потребительная стоимость, как известно, — это прежде всего предмет, с которым имеет дело человек в воспроизводстве своей жизни. Он использует его для удовлетворения своих потребностей, и именно полезность предмета делает последний ***потребительной стоимостью***. Потребительная стоимость реализует себя в процессе потребления или в качестве непосредственного жизненного блага, или опосредствованно — как средство производства жизненных благ[145]. Потребительную стоимость можно назвать ***благом***, потребительским и хозяйственным (производительным), наделённым свойством полезности, ценности.

Полезность или ценность благ, поскольку их определителем является человеческая практика, могут быть по этой причине сведены к их субъективным значениям. «Ценностью мы называем, — писал Е. Бём-Баверк, — то значение, которое приобретает материальное благо или комплекс материальных благ как

---

143 Хвингия О. И. Актуальные проблемы общей марксистской теории стоимости. Тбилиси, 1982. С. 33, 36.

144 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19. С. 391.

145 Из этого очевидного различия К. Менгер выводит своё положение о делении благ на настоящие и будущие, из разницы цен на которые им объясняется возможность получения прибыли.

признанное необходимое условие для благополучия субъекта»[146]. На этой основе возникла субъективная ***концепция полезности*** в политэкономии. Субъективная не в том смысле, что не признаётся существование материальных благ в качестве ***носителей полезности***. Речь в данном случае идёт о методе их изучения и измерения.

Полезность благ, согласно К. Марксу, «не висит в воздухе, обусловленная свойствами товарного тела, она не существует вне этого последнего. Поэтому товарное тело, как, например, железо, пшеница, алмаз и т. п., само есть потребительная стоимость, или благо»[147]. В этой своей роли благо представляет собой соединение двух элементов — вещества природы и труда.

Потребительная стоимость не есть только свойство человека, она не в меньшей мере, чем стоимость, объективна, не существует вне предметного носителя. Со стороны своего вещественного бытия она составляет содержание общественного богатства.

Телесность (натуральность) потребительной стоимости тоже не следует преувеличивать. В противном случае она теряет определённость общественной формы, а её изучение становится делом товароведов. Натуральность потребительной стоимости — это лишь носитель её экономической определённости, причём отличной от меновой стоимости. К сожалению, очень часто потребительная стоимость сводится к роли ***материального носителя*** меновой стоимости, в то время как предметная сторона ***потребительной стоимости*** выступает лишь субстратом, причём не только стоимостной формы, но и своей собственной экономической формы.

Вот почему нельзя потребительную стоимость свести только к вещественному содержанию общественного богатства, какова бы ни была его общественная форма, т. е. к содержанию, безразличному к общественной форме богатства и не выражающему никакого специфического общественного производственного отношения. В этом своём безразличии к экономической

---

[146] Бём-Баверк Е. Основы теории ценности хозяйственных благ // Австрийская школа в политической экономии: К. Менгер, Е. Бём-Баверк, Ф. Визер. М., 1992. С. 259.

[147] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 44.

определённости своей формы потребительная стоимость, а вместе с ней и её потребление, оказываются вне круга вопросов, изучаемых политической экономией[148].

И сегодня можно встретить суждения, отрицающие за потребительной стоимостью значение общественной формы и экономического отношения. Для В. Л. Иноземцева, например, потребительная стоимость не выходит за рамки свойства объекта и не может быть противопоставлена, как у К. Маркса, стоимости как особое общественное отношение. До современных авторов такие позиции защищали М. И. Туган-Барановский и другие экономисты.

Это суждение во многом объясняет, почему потребительная стоимость выпала из предметной области классической политической экономии и в значительной мере ускользнула от внимания К. Маркса. Дж. М. Кейнс был отчасти прав, утверждая, что «великая загадка совокупного спроса» может жить украдкой, в подполье, на задворках у Карла Маркса, Сильвио Гезелля или майора Дугласа[149].

И всё же надо отдать должное К. Марксу, который не забывал, что потребительная стоимость во многих случаях обретает собственную экономическую форму, что в область политической экономии она входит тогда, когда сама выступает как ***определённость формы***[150].

К. Маркс отказывал потребительной стоимости в экономической определённости формы в условиях, при которых этой формой являлась ***меновая стоимость***, а ***потребительная стоимость*** выражала лишь натуральную сторону товара, ибо по отношению к данной форме она безразлична.

Вместе с тем К. Маркс, неоднократно размышляя над этой проблемой в рукописях «Капитала», высказал далеко идущее предположение: не развивается ли это содержание как таковое в системе производства и потребностей, не входит ли потребительная стоимость в саму ***экономическую форму*** в качестве её ***определяющего фактора***, например в отношениях между трудом и капиталом, в различных формах труда.

---

148 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13. С. 14.

149 Кейнс Дж. М. Избранные произведения. М., 1993. С. 246.

150 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13. С. 14.

При исследовании стоимости К. Маркс ставил себе задачу всё выяснить, а не абстрагироваться от этого, как делал Д. Рикардо, и не поступать, как Ж. Сэй, ограничиваясь словом «полезность». Лишь после этого при исследовании конкретных проблем должно, по словам К. Маркса, выясниться, в какой мере потребительная стоимость остаётся в качестве предпосланного материала вне политической экономии и экономических определений формы и в какой мере она входит в политическую экономию[151].

К. Маркс не принял в свой адрес упрёков в том, что будто у него потребительная стоимость не играет никакой роли. Она, по его утверждению, не играет роли своей противоположности, т. е. меновой стоимости. Но она играет важную роль по-иному, чем в прежней политической экономии[152]. Каждый раз, в соответствии с разработкой того или иного раздела «Капитала», К. Маркс обращался к услугам категории «потребительная стоимость» как к экономической форме.

Так, различие процесса труда и процесса увеличения стоимости, с которого он начинает объяснение производства капитала, К. Маркс безусловно относил к проблематике политической экономии. Здесь потребительная стоимость — вовсе не мёртвая предпосылка стоимости, она выполняет важнейшую функцию в познании причин её возникновения. При её помощи объясняется генезис наиболее трудной для понимания экономической категории «***прибавочная стоимость***». Последняя выводится К. Марксом из специфической потребительной стоимости рабочей силы, которая в процессе своей реализации в живом труде способна создавать продукт, превышающий по своей стоимости ту стоимость, на которую была куплена рабочая сила. Без обращения к труду как ***созидателю*** потребительной стоимости и к потребительной стоимости рабочей силы производство капитала не объяснить.

Жаль только, что К. Маркс так и не завершил предполагаемый первый раздел «Капитала» «О производстве вообще», в котором он хотел изложить проблемы производства потребительной стоимости.

---

151 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 217.

152 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19. С. 384; т. 46, ч. II. С. 149.

На различении процесса труда (потребительная стоимость) и процесса увеличения стоимости построена и теория ***структуры капитала***, в частности различие между ***постоянным*** и ***переменным капиталом***, отношение заработной платы к капиталу. Определение ***основного капитала*** как особой экономической формы также зависит главным образом от потребительной стоимости, от того, в какой мере, например, стоимость машины входит в цену товара, а представляемая ею составная часть капитала находится в обращении.

От характера потребительной стоимости, в которой воплощён прибавочный труд, зависит возможность части продукта вновь войти в процесс производства. Здесь перед нами ещё одно свидетельство того, какое важное значение имеет категория потребительной стоимости для определения экономической формы.

Всё развитие производительных сил, отражающее опять-таки различия между процессом труда и процессом увеличения стоимости, в частности между процессом увеличения производительности труда и рабочим временем, сохраняющим данную свою продолжительность, касается потребительной стоимости, а не меновой стоимости, но изменяет и модифицирует сами экономические отношения и отношения меновой стоимости.

Во всех перечисленных случаях обнаруживается, как потребительная стоимость, первоначально выступая у К. Маркса лишь в качестве материального субстрата стоимостных экономических отношений, превращается в ходе дальнейшего исследования в фактор, оказывающий серьёзное воздействие на экономическую форму производства. К. Маркс поэтому имел полное право заявить, что у него потребительная стоимость играет важную роль совершенно по-иному, чем в прежней, а мы добавим, и в современной политической экономии[153]. Это, конечно, не значит, что потребительная стоимость рабочей силы, природных сил, средств производства сама по себе составляет непосредственную причину стоимости и прибавочной стоимости. По отношению к последним потребительная стоимость остаётся их носителем, а не причиной.

Сказанного достаточно, чтобы признать наряду с ***натуральной*** и ***социально-экономическую*** сторону потребительной стоимости. Обычно в формальном отношении последнюю связывают

---

[153] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19. С. 386.

с функцией потребительной стоимости, предназначенной служить не отдельному человеку, а многим другим лицам, т. е. с её определением как ***общественной*** потребительной стоимости, предполагающей обмен потребительных стоимостей между людьми. Более глубокое понимание её общественной определённости всё же должно быть выведено из соответствующей характеристики труда как источника потребительной стоимости, т. е. из того, что труд, производящий потребительную стоимость, имеет не менее глубокую общественную природу, чем реализованный в стоимости абстрактный труд.

Можно и нужно говорить об абстрактной, но не стоимостной стороне производящего потребительную стоимость труда, ибо этот труд тоже имеет двойственную природу: с одной стороны, очевидно его расчленение на качественно разнообразные и не сводимые друг к другу виды в соответствии со столь же качественно различными и не сводимыми друг к другу потребностями людей; с другой стороны, это труд, реализующийся в определённом итоговом общественном результате, который имеет и свою однородность, выраженную в количественной определённости.

Если затраты труда, созидающего стоимость, можно свести к единому, одинаковому затраченному труду, то это можно сделать и по отношению к результатам труда, составляющим потребительную стоимость. Этим же результатом будут столь же необходимые обществу высвобождение труда, его экономия, благодаря которым общество получает свободное от материального производства время, затрачиваемое на другие виды деятельности.

Этот результат в качестве потребительной стоимости уже не имеет прямого отношения к затратам труда как источнику продукта, к положенности предмета посредством человеческой деятельности; в первую очередь он предназначен для человека, обеспечивает его существование и развитие. Его бытием является служение человеку, его нуждам. Индивид, осуществляя себя в продукте и обладая им, получает определённое развитие. Это развитие человека (а вместе с ним и общества), связанное с потребительным производством и распредмечиванием продукта, в каждую эпоху имеет свой определённый уровень.

Общество и люди научились определять потребительную стоимость своей рабочей силы и средств труда (технику) посредством

измерения производительной силы своего труда, его производительности. То же самое можно сделать и с потребительной стоимостью жизненных средств, предметов индивидуального потребления, взятых как в их общественном масштабе, так и в аспекте их влияния на индивидуальное развитие. Для этого можно воспользоваться многими приёмами измерения, в частности установлением уровня потребительной силы общества, объёма создаваемой дополнительной (прибавочной) потребительной стоимости (продукта) и т. д.

Главное в этой проблеме — отказаться от догмы о несоизмеримости потребительных стоимостей, отсутствии единого начала и общей объективной меры для их измерения и сопоставления. Утверждать такое — значит сводить потребительную стоимость или к субъективной, или к её натуральной, качественной стороне, к её роли ***носителя меновой стоимости*** и не признавать другой, общественной стороны, создающей единство и соизмеримость потребительных стоимостей, но не через стоимость.

К этому необходимо ведёт признание их в качестве общественной потребительной стоимости, общественной полезности. (Если наши потребности формируются обществом, то мы обязаны к ним прилагать общественную мерку). За всеми попытками устанавливать границы полезности (предельная полезность, оптимальные объективно обусловленные потребительские оценки) стоит не только субъективная мера насыщения потребностей, но и что-то объективное, общественно необходимое, составляющее основу для ранжирования потребностей и их очерёдности.

Надо ввести понятие ***общественно необходимых потребностей*** и общественно необходимого результата их удовлетворения (а не только затрат труда). Как открытие возможности сведения различных потребительных стоимостей к затратам абстрактного, одинакового, создающего стоимость труда составило эпоху в развитии экономической науки, так и отыскание ***общественной меры*** для количественной определённости самих потребительных стоимостей может быть делом исторического развития и новых научных достижений[154].

---

[154] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 43–44.

После того, как поставлен вопрос о возможности сведения потребительных стоимостей к некоему единству, заключённому в их потреблении человеком и обществом и приобретающему определённую социально-экономическую размерность, возникает необходимость в определении той общественной формы, в которой происходит движение ***общественных потребительных стоимостей***.

То, что потребительная стоимость выражает определённое социально-экономическое отношение и является потребительной стоимостью для других, доказывается ***обменом***. Известно, что обмениваются не только стоимости, но и потребительные стоимости и создающие их деятельности. Обмен и обращение последних обычно называются ***продуктообменом***, о котором очень мало известно науке, а также современной практике (за исключением бартерных сделок).

Вполне вероятно, что ***общественная форма потребительной стоимости***, как и форма ***стоимости***, возникает из ***обмена***, но из обмена потребительных стоимостей, и обслуживает его. Вот почему следует исходить из той его простейшей и непосредственной формы, когда *X* предмета потребления *A* обменивается на равный *У* предмета потребления *B*.

Условием такого обмена, как правило, считается наличие потребительных стоимостей у обменивающихся сторон в количествах, превышающих их непосредственные потребности, а также то субъективное обстоятельство, согласно которому каждая сторона больше нуждается в потребительных стоимостях другой стороны, чем в своих. Что же касается объективной причины этого обмена, то она заключается в ***качественной дифференциации*** общественного труда, в его разделении на различные виды, порождающие обмен деятельностями и их продуктами.

Продукт в качестве потребительной стоимости получает определённую характеристику и фиксируется посредством совокупной потребности в этом продукте тех потребителей, которые осуществляют обмен потребительных стоимостей, т. е. посредством объёма совокупного потребления. Оно в этом случае выступает в роли меры продукта как потребительной стоимости.

Для того чтобы потребительной стоимости придать всеобщую форму, её следует иметь в определённом количестве, причём

мерой последнего будет не овеществлённый в продукте труд, а нечто иное, проистекающее из природы самого продукта как ***потребительной стоимости*** для других потребителей. Эквивалентами, по которым устанавливаются общественные пропорции при обмене потребительных стоимостей, могут служить разные экономические формы в зависимости от уровня развития отношений потребительной стоимости. На одном этапе для этого достаточна ***минимальная потребительская «корзина»*** или ***дневное пропитание*** человека, на другом — ***набор потребительских благ***, достаточный для нормального благосостояния каждого человека, на третьем — сумма благ, обеспечивающая полное благосостояние и всестороннее развитие человека.

В результате исторического процесса неизбежно возникает некая всеобщая форма, представленная эквивалентом, аналогичным деньгам, но имеющим своим содержанием не меновую стоимость и затраты труда, а потребительное свойство результата (продукта) труда. В качестве последнего рекомендуются различные формы.

Дело, однако, ещё не увенчалось установлением общепринятой меры продуктообмена: одни предлагают за основу взять непосредственное рабочее время, устанавливаемое по условиям потребления; другие — трудоотдачу вместо трудозатрат; третьи — нормативно-плановую цену или цены оптимального плана и т. д.

Для того чтобы обосновать способ, наиболее соответствующий природе потребительностоимостного обмена, надо исходить из его основополагающих принципов, о которых многое неизвестно науке, и из правил экономической практики, которые могут действовать и без этого знания. Речь идёт прежде всего о принципах потребительного производства, в котором распредмечивается продукт. Он реализуется для человека, субъективизируется. Мы многое знаем о том, как ***опредмечиваются*** труд и человеческая деятельность в продукте, но мало сведений имеем о противоположном процессе — о ***распредмечивании*** продукта в процессе его ***потребления***, посредством которого воспроизводятся человек и его социальная сущность.

Очевидно лишь то, что в потреблении, в процессе воспроизводства своей жизни человек реально имеет дело не с меновой, а с потребительной стоимостью. Здесь, в потребительном

производстве, творится сама человеческая жизнь. Этот процесс, конечно же, более сложен и менее изучен, чем производство вещей. Он не стал ещё предметом политической экономии, ибо не укладывается в рамки трудовой теории стоимости, владения которой кончаются вместе с превращением товара в предмет потребления, вместе с его потреблением, переходом в «не-стоимость».

Однако этот процесс в жизни происходит постоянно и достоин того, чтобы его изучали не менее интенсивно, чем производство вещей (товаров), и не только методами психологии.

В поисках способов потребительностоимостного обмена прежде всего следует обратиться к принципам взаимодействия процесса труда и процесса потребления, производительного и индивидуального (общественного) потребления, производительной и потребительской силы общества, которые лежат вне объяснительной способности стоимостной парадигмы. На поверхности взаимодействие производства и потребления проявляется в форме взаимоотношения спроса и предложения, получающего к тому же ***превращённую форму*** движения меновой стоимости.

В действительности же здесь мы имеем ***движение*** потребительной стоимости, но используемое для объяснения ценообразования, когда его ставят в зависимость не от затрат труда, а от полезности блага, отождествляемой со стоимостью. Это создаёт полный произвол в ценах, преодоление которого требует возвращения спроса и предложения как ***превращённой формы движения стоимости*** к её собственной основе — обмену потребительных стоимостей. В этой области спрос и предложение остаются абстрактными категориями, присущими всем общественным формам обмена. Такого рода обмен осуществляется между производством и потреблением в рамках их потребительностоимостного взаимодействия. Соизмерителем выступает потребление, т. е. потребительная стоимость, выраженная в ***потребительной силе общества***.

Если производительные блага обмениваются и замещают друг друга по своей производительной силе, то потребительские блага — по потребительной силе. Применительно к сфере распределения потребительских благ экономическая определённость потребительной стоимости рабочей силы получает своё выражение в экономии рабочего времени, отношение которого к затрачен-

ному труду может служить основанием для распределения между индивидами как средств существования, так и средств развития.

Следовательно, распределение этих средств будет происходить не по затраченному труду (стоимость рабочей силы), а по сэкономленному труду. Через эту экономию рабочего времени возрастающая производительная сила труда превращается в его потребительскую силу, которая становится базой распределения как хозяйственных благ, так и предметов индивидуального потребления.

§ 3. Из истории анализа потребительной стоимости

В условиях, когда производство по своей господствующей общественной форме выступает производством стоимости, а в экономической науке ему соответствует теория стоимости, потребительная стоимость остаётся в тени. И всё же производству, основанному на меновой стоимости, исторически предшествует производство, в котором преобладает потребительная стоимость и которое осуществляется не для получения большей стоимости, а ради непосредственного потребления. В таком производстве потребление составляет его заранее данную предпосылку, оно непосредственно предопределяет затраты труда, а спрос — предложение.

Потребительная стоимость как выражение отношения людей к вещам, необходимым для удовлетворения их потребностей, возникает раньше стоимостного отношения к вещам. Люди начинают не с того, чтобы стоять в теоретическом отношении к природе, а с того, что овладевают посредством труда предметами природы и таким образом удовлетворяют свои потребности. Понятия «value», «valeur», «wert» первоначально обозначали не что иное, как потребительную стоимость вещей, такие их свойства, которые их делают полезными для человека. Это действительное бытие вещей для людей.

Производство во имя непосредственного потребления составляет исходную социальную форму производства, а потребительная стоимость — первоначальную социальную форму его продукта, пока последняя не заменяется другой его социальной

формой — меновой стоимостью. Первой форме исторически соответствует отношение работника к объективным условиям своего труда как своей собственности: или в виде общей (общинной), или в виде свободной, самостоятельной мелкой частной собственности, основанной на собственном труде. В том и другом случаях индивиды являются не наёмными работниками, а собственниками и членами определённого коллектива. Целью их труда служит не созидание стоимости, а существование самого собственника, его семьи, а также общины. В античном обществе к этому добавляется ещё и обеспечение существования государства, поскольку работник является его гражданином. Но и здесь для производства жизненных средств человек находился в таких условиях, при которых целью его было не приобретение богатства, а воспроизводство себя как члена общины, гражданина государства[155].

Вполне очевидно, что экономическая наука в своём становлении не могла не отразить эту форму производства, т. е. его способ существования как производства потребительной стоимости. У древних, по свидетельству К. Маркса, мы не находим ни одного исследования относительно того, какая форма собственности создаёт наибольшее богатство. Оно не выступает у них как цель производства, исследуется лишь вопрос о том, какая форма собственности обеспечивает государству лучших граждан. Само же богатство рассматривается не как стоимость (что имело место лишь у некоторых торговых народов), а как его вещная форма — совокупность потребительных стоимостей, служащих удовлетворению потребностей человека[156]. Например, у Платона в его учении об обществе господствует точка зрения потребительной стоимости. Разнообразие потребительских благ он связывал с разделением труда, а последнее — с расчленением общества на сословия. Аристотель тоже полагал, что истинная экономика имеет дело с приобретением благ, необходимых для жизни или полезных для дома, т. е. с потребительными стоимостями, в то время как хрематистика — с деланием денег и с товарной торговлей для увеличения денег, противостоящих созидаемому истинному богатству. Вследствие этого древнее

---

155 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 462, 467.

156 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 475.

воззрение, согласно которому человек выступает как цель производства, является, по утверждению К. Маркса, более возвышенным по сравнению с современным миром, в котором целью (вместо человека) выступает само производство стоимостного богатства[157].

Классическая политическая экономия в период своего возникновения тоже начинала с изучения конкретного труда, воплощающегося в вещественном богатстве, пыталась объяснить многие стоимостные формы посредством потребительной стоимости. Труд как источник вещественного богатства был также хорошо известен законодателю Моисею, как и таможенному чиновнику Адаму Смиту (К. Маркс). Для физиократов исходной основой была потребительная стоимость, состоящая из разных видов вещества, взятых из земли, у природы. Из конкретного труда и создаваемой им потребительной стоимости они выводили возможность увеличения богатства (прибавочной стоимости): земледелие делало очевидным тот факт, что работник из года в год производит жизненных средств больше, чем потребляет. Из этого избытка можно было объяснить образование прибавочной стоимости. Для определения величины оплаты труда работника тоже достаточно было обратиться к привычному объёму потребляемых им жизненных средств, чтобы увидеть разницу между величиной потребляемых и суммой производимых потребительных стоимостей. Соответственно масштабом стоимости предполагалось брать не простую субстанцию труда — абстрактный труд, а дневное пропитание взрослого человека (потребительскую корзину).

Не уяснив природы стоимости, физиократы сумели установить минимум заработной платы, приравнивая её к необходимым для работника жизненным средствам, к некоторой сумме потребительных стоимостей, достаточных для обеспечения существования. То, что производится сверх этого минимума, образует избыток потребительных стоимостей, т. е. ***прибавочный продукт***, возникновение которого можно было объяснить без уяснения общей природы стоимости. Этот процесс становится понятным и в том случае, когда стоимость сводится к потребительной стоимости[158].

---

157 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 476.

158 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I. С. 17.

Классическая политическая экономия, осуществив редукцию потребительных стоимостей к одному и тому же одинаковому труду, тем самым отодвинула потребительностоимостную основу в сторону и проложила путь к стоимостной парадигме в экономической науке. Это, однако, не означает, что классики не обращались к потребительной стоимости, хотя личное потребление они исключили из предмета политической экономии. Что же касается труда, то он ими рассматривался и как источник потребительных стоимостей, т. е. как конкретный труд, и как источник стоимости. Сведение стоимости товара к труду ими было сделано неполно и двусмысленно: от их внимания ускользнула необходимость чёткого разграничения труда на конкретный и абстрактный, что составляло тайну критического понимания вопроса, раскрытую К. Марксом. «Недостаточно, — писал он, — свести товар к „труду“, необходимо свести его к ***труду*** в двоякой форме»[159]. Несмотря на смешение конкретного и абстрактного труда, А. Смит, например, провозгласил труд в его общественной совокупности (в форме его разделения на конкретные виды) единственным источником материального богатства, разнообразных потребительных стоимостей.

Представители социалистических школ, страдая той же непоследовательностью в трактовке взаимодействия конкретного и абстрактного труда, пытались приспособить определение меновой стоимости рабочим временем и, следовательно, закон стоимости — в качестве характеристики потребительной стоимости товара. Так, Ж. Сисмонди полагал, что величина стоимости сводится к необходимому рабочему времени, к отношению между потребностью всего общества и количеством труда, которого достаточно, чтобы удовлетворить эту потребность[160]. П. Прудон исходил из того, что рабочее время, необходимое для производства продукта, выражает его истинное отношение к потребностям, причём чем меньше времени нужно для производства вещей, тем выше их полезность. Ф. Энгельс в своей первой экономической работе «Наброски к критике политической экономии» противопоставил толкованию стоимости буржуазными политэкономами её определение как отношение издержек производства к полезности.

---

159 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 49. С. 49.

160 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13. С. 47.

После уничтожения частной собственности, по его мнению, противоположность стоимости и потребительной стоимости из сферы обращения переносится в сферу производства и будет выражать уже отношение издержек производства вещи к её полезности. Впоследствии Ф. Энгельс, отмечая незрелость этой своей статьи, отказался от указанного сведения стоимости к отношению издержек производства к потребительной стоимости, поскольку это сведение исходило из предположения, что сам труд обладает стоимостью и в этом качестве может соотноситься с производимой им потребительной стоимостью.

Ф. Энгельс подверг критике формулу, согласно которой стоимость «определяется *полезностью*, т. е. меновая стоимость = потребительной стоимости, а, с другой стороны, пределом предложения (т. е. издержками производства), что есть просто запутанный и окольный способ сказать, что стоимость определяется спросом и предложением. Вульгарная политическая экономия везде и всюду!»[161]. Также бесплодными оказались попытки вывести полезность продуктов труда из общественной потребности, поскольку под последней в условиях рыночной экономики всегда разумеется платёжеспособная потребность.

Самое большее, что можно было сделать на старой теоретической базе, не знающей чёткого разграничения значений труда как источника стоимости и созидателя потребительной стоимости, — это сформулировать эмпирический закон о соответствии труда, разделённого на качественно определённые виды, специфическим потребностям общества. По этому поводу К. Маркс писал: «Всякий ребёнок знает, что каждая нация погибла бы, если бы она приостановила работу не то что на год, а хотя бы на несколько недель. Точно так же известно всем, что для соответствующих различным массам потребностей масс продуктов требуются различные и количественно определённые массы общественного совокупного труда»[162].

В той мере, в какой труд признавался источником вещественного богатства (потребительных стоимостей) и общей субстанцией потребительной стоимости и стоимости, можно было

---

[161] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37. С. 7.

[162] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 32. С. 460.

на эмпирическом уровне установить определённое соответствие между трудом (распределённым по сферам производства) и удовлетворением потребностей общества. Было обнаружено, что эта пропорциональность, хотя и прокладывает путь через форму меновых отношений, противоречит закону стоимости. Однако оставалась неизвестной сущностная основа этой пропорциональности, внутренний закон, которому она подчиняется вне стоимостной формы своего проявления. Нужно было доказать, что необходимое для производства конкретного продукта время должно соответствовать степени его полезности и разрешить противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью на другой теоретической основе.

Определённый вклад в разрешение этого противоречия внёс маржинализм, продолжив предшествующие попытки (физиократов и др.) объяснить затраты труда (издержки производства продукта) необходимостью удовлетворения определённых потребностей, ставя эти затраты в зависимость от полезности продукта, т. е. от его потребительной стоимости. Маржиналисты не отказались от принципа соответствия (тождества) полезности и издержек производства для материальных благ, производство которых может быть увеличено до любых размеров. Однако это соответствие, по их мнению, определяется не издержками (как в рамках закона стоимости), а полезностью продукта. Кроме того, они предложили устанавливать величину полезности её предельным значением, чтобы разграничить нужные затраты и ненужные, и, следовательно, определять издержки тоже посредством их предельных значений, т. е. понятие необходимых по условиям потребления издержек они переработали в понятие ***предельных величин***.

Отрицая возможность объективного соизмерения благ на основе затрат труда, маржиналисты обращаются к субъективным меркам: к степени важности для человека удовлетворяемых потребностей, имея в виду в одном случае предельную полезность блага по мере насыщения им человеческой потребности, в другом, при одинаковой полезности разных благ, — предельную полезность тех или иных их комбинаций.

Что касается ценности производительных благ (средств производства, труда и т. п.), то их полезность маржиналистами

определяется через полезность (ценность) создаваемых с их помощью продуктов (результатов) как потребительских благ. Сами по себе производительные блага не могут быть измерены, это невозможно сделать и посредством издержек их производства, в частности затратами труда. Обращение к последним, с точки зрения, например, Е. Бём-Баверка, неизбежно приводит к заколдованному кругу: если ценность человеческого труда объяснять издержками по содержанию работника, то в таком случае приходится ценность жизненных средств работника объяснять ценностью его труда и т. д. без конца[163].

В этой связи от теории предельной полезности ожидалось преодоление одного из важных противоречий трудовой теории стоимости — невозможности объяснить из эквивалентного обмена, почему меновая стоимость труда оказывается меньше меновой стоимости его продукта и откуда получается избыток стоимости (прибавочная стоимость). Для объяснения этого, как известно из работ К. Маркса, надо обращаться к потребительной стоимости рабочей силы (труда). Казалось бы, теория предельной полезности восполнит названный пробел теории трудовой стоимости и предложит решение проблемы.

Этого, к сожалению, не случилось. У представителей австрийской школы (Е. Бём-Баверк) образование прибыли свелось к свойствам средств производства (капитала) доставлять большие количества продукта из-за того, что они как отдалённые блага участвуют в создании разности между будущими благами, имеющими меньшую ценность, и настоящими благами, обладающими большей ценностью. Поскольку предприниматели покупают блага «отдалённого» порядка, например машины, труд, а при их помощи создаются сегодняшние блага с их большей ценностью, то разница остаётся у них и служит источником прибыли. Положительный результат, возникающий из предпочтения текущих благ будущим на рынке товаров и ссудного капитала, вроде бы не имеет другого источника, кроме фондовой биржи.

Многие аспекты потребительной стоимости изучены в рамках отечественной теории оптимального функционирования

---

[163] Бём-Баверк Е. Основы теории ценности хозяйственных благ // Австрийская школа в политической экономии: К. Менгер, Е. Бём-Баверк, Ф. Визер. С. 355.

экономики, претендующей на статус нового направления в экономической науке и специальной, «отдифференцированной» от других экономических наук теории. Несмотря на встречающееся игнорирование категории «потребительная стоимость» и использование в качестве базовой категории понятия «общественная полезность», в этой теории по возможности сохранены её трудовая основа и вытекающий из неё принцип объективности полезностных (потребительских) оценок.

Исходной для построения концепции берётся общественная полезность результата производства, которой в стоимостном отношении должны соответствовать определённые затраты труда. Соответствие затрат и результатов оценивается чаще всего на основе затрат труда: труд по условиям потребления должен быть равен труду по условиям производства[164]. Соизмерение затрат и результатов осуществляется посредством затрат по данному продукту или с помощью объективно обусловленных оценок, поскольку потребительные стоимости непосредственно несоизмеримы.

Сохранение в этом равенстве перевёрнутого ***принципа эквивалентности***, взятого из закона стоимости, не позволяет, однако, объяснить возможность получения большего результата из тех же затрат. Когда речь заходит о приращении результатов производства, увеличении того или иного блага на дополнительную единицу и соответствующем приращении степени удовлетворения потребностей, то приходится искать источник этого приращения в затратах: или в приращении дифференциальных затрат по данному продукту, или в их минимизации (экономии).

Поскольку из сэкономленной затраты не получить нового результата (этого не допускает принцип трудовой эквивалентности), то для объяснения возможности образования приращения результатов ничего, кроме как превращённых форм механизма образования прибавочной стоимости, не предлагается. Отсюда проистекает оценка эффективности производства посредством формулы приведённых затрат. ***Затратная основа*** соизмерения результатов не даёт выхода к объяснению источника

---

[164] Новожилов В. В. Проблемы измерения затрат и результатов при оптимальном планировании. М., 1967. С. 368.

приращения результатов — к потребительной стоимости рабочей силы (труда), к её объективным оценкам, поскольку эффект от потребления потребительских благ объявляется субъективным и неизмеримым.

Сведение основных положений теории оптимального функционирования экономики к тому, чтобы ими дополнить трудовую теорию стоимости, подвести под стоимостные формы принципы потребительной стоимости, в частности представить стоимость превращённой формой полезности, во многом ограничивает возможности этой теории, особенно её претензии на получение особого парадигматического статуса в экономической науке. От того, что стоимость товара без своего носителя — потребительной стоимости — не может существовать, она не лишается своей системообразующей функции в экономике.

Теория оптимального функционирования экономики и не ставила своей задачей преодоление стоимостной парадигмы. В лучшем случае предполагалось её «улучшить», приспособить к ней полезностные категории. «Практический учёт в народном хозяйстве полезностных характеристик, — признаются её представители, — не может, на наш взгляд, пониматься как создание особых взаимоотношений, самостоятельных отношений между экономическими системами и ячейками посредством самостоятельной системы показателей, призванных подменить действующую систему таких экономических категорий, как цена, прибыль, рента и т. д. Речь идёт о том, чтобы сами эти категории лучше были связаны с происходящими на различных экономических уровнях процессами соизмерения результатов и затрат»[165]. Рыночная экономика, переход к которой этой теорией не отрицался, не приняла ни критерия оптимальности, ни объективно обусловленных потребительных оценок, ни тем более рекомендаций по оптимальному планированию экономики.

Стоимостные механизмы в их собственном виде оказались сильнее улучшенных «***оптимизационных***» категорий СОФЭ (системы оптимального функционирования экономики): стихия и произвол рыночных цен не нуждались в оптимальных

[165] Введение в теорию и методологию системы оптимального функционирования социалистической экономики / Под ред. Н. П. Федоренко и др. М., 1983. С. 146.

полезностных оценках ни затрат, ни результатов, ни трудовых и природных ресурсов. Рыночная экономика не приняла и обещанное СОФЭ более высокое, чем централизованное планирование, саморегулирование экономики, хотя авторы СОФЭ претендовали на то, чтобы подготовить экономическую мысль к осознанию перехода к «саморегулирующемуся» рынку, оставаясь в то же время на позиции приоритета оптимального планирования. Добиться такой оптимальности на стоимостной основе не удалось и вряд ли когда-либо удастся, поскольку в итоге дело обычно сводится к оптимизации прибыли.

Переход ряда представителей СОФЭ от концепции оптимального функционирования социалистической экономики к открытой защите свободной от планирования рыночной экономики свидетельствует о том, что теория СОФЭ исчерпала себя применительно к современной рыночной экономике.

Проблемы потребительной стоимости достаточно широко изучались отечественными экономистами и вне рамок СОФЭ, хотя в литературе по данному вопросу преобладала трактовка потребительной стоимости как вещественного (натурального) носителя стоимости, не обладающего определённостью экономической формы. Многие экономисты, однако, выходили за пределы узкой её интерпретации[166].

Это выражалось прежде всего в попытках придания потребительной стоимости определённой экономической формы в виде её трактовки как непосредственно общественной потребительной стоимости или непосредственно общественной полезности, поскольку её производство согласуется с потребностями общества не через рынок, а непосредственно до рынка. Такой подход исходил из высказывания В. И. Ленина относительно характера результатов производства при социализме: они должны представлять собой не просто продукт, а продукт, идущий на общественное потребление не через рынок.

Общественная природа потребительной стоимости связывалась и с тем, что она в конечном счёте является определённым

---

[166] Потребительная стоимость продуктов труда при социализме. М., 1978; Общественная потребительная стоимость в системе производственных отношений коммунистического общества. М., 1980.

производственным отношением — выражает отношение по поводу формирования развитого человека, составляющего цель социалистического производства[167]. По этой причине отдельные авторы (например, Н. С. Шухов) общественную полезность считают выражением ***целевого производственного отношения***, имеющего онтологическое основание в объективном основном экономическом законе производства. Это обстоятельство позволяет общественной полезности выполнять роль соизмерителя различных потребительских благ.

Подводя итоги учениям о потребительной стоимости в рамках теории предельной полезности и общественной полезности (СОФЭ), можно сказать, что их авторам так и не удалось отказаться от определения полезности как стоимости или стоимости как превращённой формы полезности и найти собственную объективную экономическую основу полезности, преодолевающую стоимостную парадигму. Волей-неволей пришлось идти на компромисс, осуществлённый в своё время А. Маршаллом, который предложил в качестве «основы» для их синтеза превращённую форму стоимостного принципа — взаимодействие платёжеспособного потребительского спроса и предложения вместо единства производства и потребления в их потребительностоимостном значении, и цену вместо стоимости.

В отечественной литературе этот компромисс выражается в политике *«синтеза» трудовой теории стоимости* и *теории полезности*, начало которого связывается с именами М. Туган-Барановского, Л. Буха, Н. Столярова и В. Дмитриева. Н. Шухов, с чьей книги «Ценность и стоимость (Опыт системного анализа)» начиналась новая серия публикаций «Экономическая мысль России: единство теории полезности и трудовой теории стоимости», ведёт отсчёт такого «синтеза» с первой экономической работы Ф. Энгельса «Наброски к критике политической экономии», в которой якобы высказано гениальное суждение о том, что стоимость есть отношение издержек производства и полезности[168].

---

[167] Зяблюк Р. Т. Потребительная стоимость в экономическом учении марксизма и перестройка хозяйственного механизма. М., 1989. С. 141.

[168] Шухов Н. С. Ценность и стоимость (Опыт системного анализа), ч. I. М., 1994. С. 287.

Однако, как уже отмечалось, Ф. Энгельс впоследствии самым решительным образом отказался от этого суждения.

Наши авторы, в том числе и те из них, кто принял трудовую теорию потребительной стоимости, признают её лишь дополнением и развитием трудовой теории стоимости[169]. Полагают, что, поскольку трудовая теория потребительной стоимости обеспечивает экономическое решение проблемы полезности, становится возможным её «органический синтез» с трудовой теорией стоимости. Их синтез, в свою очередь, объявляется методологической основой концепции эффективной системы хозяйствования[170], реализуемой в условиях социализма, который представляет собой «высший синтез» товарной и натуральной форм хозяйствования[171]. Мы теперь знаем, что на практике в России этого синтеза не произошло, победила товарная форма.

Для новой системы хозяйствования нужна другая, противоположная стоимости основа. Этой противоположной основой является потребительная стоимость. Но теория потребительной стоимости может заменить теорию стоимости и приобрести самостоятельный парадигматический статус лишь на трудовой основе, т. е. на признании труда в качестве созидательной причины потребительной стоимости и всеобъемлющего объясняющего принципа. В зародышевой форме она возникла ещё до господства стоимостной парадигмы, долго продолжала существовать в подчинённом стоимости положении и может стать главенствующей парадигмой в будущем обществе, изменившем коренным образом характер своего развития.

Её разработка для условий будущей, посткапиталистической формации может происходить как продолжение направления, начатого К. Марксом и предназначенного для объяснения становления посткапиталистического общества. В трудах К. Маркса, а также Ф. Энгельса, В. И. Ленина и продолжателей их учения имеется ряд существенных формулировок на этот счёт.

---

[169] Шухов Н. С. Ценность и стоимость (Опыт системного анализа), ч. I. М., 1994. С. 4.

[170] Кизилов А. Н. Экономия труда в потребительностоимостной системе хозяйствования. Ростов-на-Дону, 1994. С. 7.

[171] Шухов Н. С. Ценность и стоимость (Опыт системного анализа). С. 274.

Ф. Энгельс, отмечая неверность включения потребительной стоимости в определение стоимости, вместе с тем защищал высказанную им ещё в 1844 г. мысль о том, что взвешивание полезного эффекта и трудовой затраты представляет собой всё, что останется в будущем обществе от понятия стоимости. Он полагал, что план будет определяться в конечном счёте взвешиванием и сопоставлением полезных эффектов различных предметов потребления друг с другом и необходимыми для их производства количествами труда. Общество должно знать, сколько труда требуется для производства своих жизненных средств и средств производства[172].

К. Маркс, высоко оценив названное положение Ф. Энгельса, уже в «Нищете философии» коснулся этого вопроса, показав невозможность определения полезности вещи рабочим временем, необходимым для её производства, т. е. стоимостью. Вместе с тем он считал, что в будущем обществе, где потребление уже не будет определяться минимумом времени, необходимым для производства, тем не менее количество времени, которое будут посвящать производству того или иного продукта, станет определяться степенью общественной полезности этого продукта[173].

Ф. Энгельс считал, что научное обоснование названного положения стало возможным благодаря «Капиталу» К. Маркса. Раскрывая трудовую основу своей теории и утверждая, что рабочее время и труд всегда останутся созидающей субстанцией богатства, К. Маркс всё же исходил из того, что меновая стоимость будет устранена и экономика будущего общества уже не станет базироваться на стоимости.

Очевидно, что К. Маркс не мог не задуматься над тем, что придёт на место стоимости и что составляет её противоположность. Его суждения на этот счёт и будут, как нам представляется, обоснованием того положения, о котором писал Ф. Энгельс и которое органически вытекает из «Капитала», из теоретических основ социально-экономического учения К. Маркса. Для К. Маркса дело должно было бы обстоять так, как «если бы производство являлось лишь средством для удовлетворения потребностей

---

172 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20. С. 321.

173 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4. С. 97.

производителей, таким производством, в котором господствовала бы только потребительная стоимость»[174].

Эту форму производства К. Маркс противопоставлял существовавшей в его время стоимостной форме, при которой универсальный процесс овеществления сопровождался опустошением внутренней сущности человека, его отчуждением, принесением его развития в жертву совершенно внешней цели.

Результаты же производства, основанного на потребительной стоимости, К. Марксу представлялись богатством, которое реализуется в виде универсальности потребностей, способностей, средств производства и потребления индивидов, т. е. богатством, предполагающим полное господство человека над силами природы, в том числе силами собственной природы человека. Соответственно богатством становится абсолютное выявление творческих дарований человека без каких-либо иных предпосылок, кроме предшествующего исторического развития, приводящего к тому, что целостность развития человека, не ограниченная каким-либо заранее установленным масштабом, превращается в самоцель. Человек в этих условиях воспроизводит себя не в одной какой-либо определённости, а во всей своей целостности, он не будет стремиться оставаться чем-то окончательно установившимся, а будет находиться в процессе постоянного становления и обновления[175].

Глава 6. Производительный труд и производительный работник

§ 1. Понятие производительного труда

После того, как проанализированы основные звенья непосредственного процесса труда — субъект труда, его функционирование в качестве производителя и результат труда, можно определить содержание производительного труда. Но из-за того, что результат труда имеет различные экономические формы, понятие

---

174 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III. С. 50.

175 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 476.

производительного труда тоже получает различные трактовки: стоимостную и потребительностоимостную. В современных условиях, когда всякий полезный результат наделяется стоимостью, господствующим становится старый тезис вульгарной политической экономии: производителен всякий труд, который что-то производит, т. е. стирается всякая грань между производительным и непроизводительным трудом.

В определённой мере это объясняется классовым интересом представителей непроизводительных классов, их желанием прикрыть своё существование за счёт труда производительных классов. Чтобы не обнаруживать эту сущность, производительным объявляют всякий труд, обмениваемый на деньги, создающий товар и товарную стоимость. Поскольку по мере развития капитализма всё и вся превращается в товар, всё становится предметом купли и продажи, то и всякая деятельность, в том числе и сексуальная, подгоняется под производительный труд. «Даже высшие виды духовного производства получают признание и становятся ***извинительными*** в глазах буржуа только благодаря тому, что их изображают и ложно истолковывают как прямых производителей материального богатства»[176]. Ныне, как было сказано, сплошь и рядом утверждается, что знаниями, а тем более информацией, непосредственно, создаются стоимости. Приобрёл знания — значит, приобрёл человеческий капитал, т. е. самовозрастающую стоимость и стал производительным работником.

В действительности различение производительного и непроизводительного труда имеет объективную основу. Её обнаружили ещё родоначальники классической политической экономии. У физиократов производительным считался только земледельческий труд, производящий прибавочный продукт в форме потребительной стоимости. А. Смит, смешивая конкретный и абстрактный труд, в одном случае признаёт производительным любой труд, создающий товар, стоимость вообще, в другом — лишь прибавочную стоимость, т. е. капитал. Непроизводительным же является труд, не производящий никакой стоимости. Его носители обменивают свой труд на доход, предоставляя другой стороне потребительную, а не меновую, стоимость. «Они — слуги общества

[176] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I. С. 282.

и содержатся на часть годового продукта труда других людей... К этому же классу должны быть отнесены... священники, юристы, врачи, всякого рода писатели; актёры, паяцы, музыканты, оперные певцы, танцовщики и т. д.»[177].

Все значительные экономисты, заметил К. Маркс, не вели полемику против этого определения производительной деятельности. Напротив, все «непроизводительные экономисты, которые решительно ничего не создают в своей собственной специальности, выступают против различения производительного и непроизводительного труда»[178].

Что касается определения А. Смита, согласно которому производительным он считал труд, создающий продукт вообще или товар вообще, то оно оказалось довольно спорным и противоречивым. Полагают, что здесь А. Смит выходит за пределы общественной формы труда. Дело осложняется ещё одним обстоятельством — можно ли считать производительным труд, если согласно закону стоимости его затраты эквивалентны его результату, а также если труд осуществляется в условиях простого, а не расширенного воспроизводства. Чтобы преодолеть такого рода трудность, пришлось обращаться к результату труда в виде прибавочной стоимости. Соответственно, определение А. Смита, а затем Д. Рикардо и Ж. Сисмонди производительного труда как труда, создающего прибавочную стоимость, К. Маркс назвал правильным, подходящим для условий капиталистического производства.

Но из этого не следует, что различение производительного и непроизводительного труда не имеет более общей основы, чем производство прибавочной стоимости. Такой основой является определение производительного труда с точки зрения процесса труда, производящего потребительную стоимость[179], которая А. Смитом иногда отождествляется с меновой стоимостью и что для условий простого товарного производства вполне допустимо.

---

[177] Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Т. I. М.; Л., 1935. С. 273, 279.

[178] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I. С. 157, 285.

[179] С этих позиций трактуется понятие производительного труда в книге А. В. Золотова и М. В. Попова «Философия производительного труда» (Ниж. Новгород, 2006).

В последнем случае важно принимать во внимание выставленное А. Смитом ограничение — продукт должен обладать предметностью и пригодностью для товарного обмена.

Можно полагать, что у А. Смита в данном случае производительный труд определяется через потребительную стоимость продукта, которая в условиях обмена равного количества одного труда на равное количество другого (в условиях простого товарного производства) обретает форму товара, в котором потребительная и меновая стоимость выступают в единстве, как нечто тождественное. Поэтому вполне оправдано его обращение к потребительной стоимости продукта как к критерию, позволяющему определить производительный или непроизводительный характер создающего его труда.

Другой вопрос — как трактовать потребительную стоимость и производящий её труд: сводятся ли они к вещественности, физическому труду, или же им придаётся общественная форма, т. е. сама потребительная стоимость рассматривается как общественная форма наряду с формой меновой стоимости. А. Смит для условий простого процесса труда их объединил и тем самым указал специфическую общественную форму данного вида производительного труда — форму простого товарного производства.

Если он согласился с положением о том, что «богатство народов состоит не в непригодном для потребления золоте и серебре, а в пригодных для потребления благах, ежегодно воспроизводимых трудом общества», то тем самым он указал на возможность потребительностоимостной трактовки различия между производительным и непроизводительным трудом. Вполне допустимо, что А. Смит в этом своём определении производительного труда материализацию последнего трактовал по-шотландски, т. е. грубо. Но это не снимает необходимости включения вещественного характера труда и его продукта как критерия для различения производительного и непроизводительного труда, когда речь не идёт о производстве товара, стоимости, прибавочной стоимости.

Стоимостный критерий не покрывает различий материального и духовного производства, производства вещей и производства идей при определении производительного или непроизводительного характера труда и его носителей.

С точки зрения производства потребительной стоимости, производительным в самом простом смысле слова будет всякий ***жизнеобеспечивающий*** труд, т. е. труд, который реализуется в потребительной стоимости продукта, необходимого для воспроизводства человеческой жизни. Здесь речь идёт не о вещественной характеристике труда и его продукта, а об их определённой общественной форме, связанной с жизнью общества, т. е. с трудом, производящим средства жизни для общества. Очевидно, что не всякий продукт и соответствующий труд предназначены для обеспечения жизни человека. Многие из них не имеют никакого отношения к этому, ибо служат для удовлетворения далёких от разумных, нужных для жизни потребностей. Если с точки зрения создания прибавочной стоимости (капитала) производство наркотиков является в высшей степени производительным трудом, то в отношении к их потребительной стоимости производящий их труд далёк от того, чтобы отнести его к жизнеобеспечивающему производительному труду. В то же время нельзя отказать деятельности быть производительной в многочисленных домохозяйствах, не производящих капитала, прибавочной стоимости, но создающих потребительные стоимости. Лишь с точки зрения капитала, а не работника, этого рода деятельность не считается производительной, а производство потребительной стоимости и её вещных носителей объявляется не имеющим никакого отношения к различению производительного и непроизводительного труда. «Только буржуазная ограниченность, — писал К. Маркс, — считающая капиталистические формы производства абсолютными его формами, а следовательно, вечными естественными формами производства, может смешивать вопрос о том, что такое ***производительный труд*** с точки зрения капитала, с вопросом, какой труд вообще является производительным, или что такое производительный труд вообще»[180].

Атрибут производства жизнеобеспечивающего продукта остаётся условием, хотя и недостаточным, для того, чтобы труд считался производительным в более высоком значении. Нужно ещё, чтобы труд производил дополнительный, прибавочный в общеэкономическом смысле продукт аналогично тому, как в условиях

[180] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 48. С. 41.

капитализма предполагается производство прибавочной стоимости, получаемой за счёт неоплаченного труда.

Однако в противоположность прибавочно-стоимостному критерию, согласно которому производительным труд делается благодаря наличию в нём прибавочной части (прибавочного времени), потребительно-стоимостной критерий производительного труда исходит из другой предпосылки — из превышения результата всего труда над его затратами. Эта предпосылка не предполагает стоимостного деления труда на необходимый и прибавочный, наоборот, она не нуждается в их различении. По мере роста производительности труда действительное богатство общества и возможность его постоянного расширения перестают зависеть от продолжительности прибавочного труда. Поэтому «если снять с заработной платы, как и с прибавочной стоимости, с необходимого труда, как и с прибавочного, специфически капиталистический характер, то останутся уже не эти формы, но лишь их основы, общие всем общественным способам производства»[181].

В любом общественном производстве всегда может быть проведено различие между той частью труда, продукт которого входит в индивидуальное потребление производителей и их семей непосредственно, и той частью труда, которая всегда есть прибавочный труд, продукт которого служит удовлетворению общественных потребностей, как бы ни распределялся этот прибавочный продукт и кто бы ни представлял эти общественные потребности[182].

К сожалению, в литературе очень часто понятие прибавочного продукта подгоняется под стоимостную форму, что затемняет его потребительностоимостную сущность — способность труда доставлять результата больше, чем затрачивается труда на его достижение.

Каковы условия этого превосходства, чем обусловливается создание этого прибавочного продукта в его общеэкономическом смысле, т. е. как дополнительной потребительной стоимости?

Прежде всего следует отметить, что в создании прибавочного продукта в форме потребительной стоимости участвуют, кроме

---

[181] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II. С. 386, 448.

[182] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II. С. 449–450.

труда и средства производства, и природные силы, используемые трудом. Можно сказать, что простое существование прибавочного продукта, а не только абсолютной прибавочной стоимости «не предполагает ничего иного, кроме такой природной продуктивности, т. е. такой ***естественно возникшей*** производительности труда, чтобы не всё возможное (ежедневное) рабочее время человека требовалось для поддержания его собственного существования или для воспроизводства его собственной рабочей силы»[183].

Соответственно, субъективным условием существования прибавочного продукта служит то обстоятельство, что непосредственные производители должны работать не только для воспроизводства своей собственной рабочей силы, но и на членов своей семьи, и на другие общественные нужды. Объективным условием является наличие природных, технических и общественных предпосылок, позволяющих людям не тратить весь свой труд только для сохранения и воспроизводства своей рабочей силы.

§ 2. Производительные и непроизводительные работники

Характеристики производительного и непроизводительного труда должны быть дополнены анализом различий между производительными и непроизводительными работниками, что вносит ряд новых моментов в содержание соответствующих видов труда.

С позиций производства стоимости, согласно его закону, все работники, если они получают заработную плату, могут быть включены в состав производительных работников в широком смысле этого слова. Научная классическая политическая экономия к производительным относила лишь тех работников, которые обменивают свой труд на капитал, увеличивая его стоимость. Непроизводительными в этом случае считались работники, которые обменивали свой труд на доход, оказывали услуги, получая оплату из зарплаты, предпринимательского дохода, ренты. Их труд не входит в тот продукт, в котором представлены заработная плата и прибыль. Этим работникам их труд оплачивается

[183] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 48. С.3.

при расходовании дохода другими лицами, т. е. из средств этих лиц, полученных в виде заработной платы, прибыли, ренты.

Соответственно, не все наёмные работники, оказывающие услуги, превращаются в производительных работников. Если всякий производительный работник при капитализме — это наёмный рабочий, то не всякий наёмный работник — производительный рабочий. Труд, покупаемый как услуга, не делает его носителя производительным работником. Их нельзя смешивать.

Иное значение приобретает определение производительных работников, если речь идёт о производстве не стоимости, а потребительной стоимости. Производительными в этом общем случае будут работники, занятые в сфере производства жизненных средств и средств производства, необходимых для существования и воспроизводства общества.

В прошлом в нашей экономической и социологической литературе производителей материальных благ определяли как людей, которые приводят в движение орудия производства и осуществляют производство материальных благ благодаря известному производственному опыту и навыкам к труду. Это определение вошло в учебники по политической экономии. В учебнике «Политическая экономия» сказано: «общественные производительные силы — это созданные обществом средства производства, прежде всего орудия труда, и люди, приводящие их в действие и осуществляющие производство материальных благ»[184].

Эта широко распространённая в прошлом характеристика человека как элемента производительных сил к условиям современного производства не подойдёт.

Прежде всего нужно отметить, что в указанном положении трудовые качества производительного работника ограничиваются производственным опытом и навыками к труду. Опыт и навыки производителя, конечно, и сегодня не утратили своего значения. Однако было бы неправильно не учитывать возрастающей роли науки и научных знаний, характерных для современного работника. Рационализаторство, изобретательство, наука всё более проникают в труд значительной части рабочих. Уже поэтому содержание их духовной производственной деятельности

[184] Политическая экономия: Учебник. М., 1962. С. 10.

образует нечто большее, чем простая совокупность производственного опыта и навыков. Да и вообще ныне производство требует от участвующего в нём человека научного развития, элементов инженерно-технической подготовки, ибо само производство предполагает постоянные перемены в технике, подчинение новых природных сил, создание автоматических и кибернетических машин.

В этих условиях человек становится настоящим творцом и руководителем производства, контролёром производственного процесса. Поэтому характеристику духовных потенций современного производителя, его производственный опыт необходимо дополнять его научными знаниями. Без них умственные силы рабочего были бы представлены не полностью, без нового, притом важнейшего, элемента — научного мышления.

Но, пожалуй, в современных условиях самым неприемлемым в разбираемой формуле является то, что роль человека сводится к двигателю орудий труда, и, соответственно, производителями считаются лишь люди, «приводящие в движение орудия производства».

Здесь, во-первых, производители материальных благ берутся только со стороны их индивидуальных сил и не учитываются общественные силы труда и стоящий за ними совокупный (коллективный) рабочий; во-вторых, производительными работниками считаются только люди, занимающиеся физическим трудом (приводящие в движение орудия производства). Как же тогда быть с людьми умственного труда, которые непосредственно не приводят в движение орудия производства, а выполняют духовные функции производственного процесса? Значит, они не могут быть включены в состав людей, составляющих производительную силу общества? И не случайно многие авторы полагают, что к производительным силам общества должны быть отнесены рабочие и крестьяне. Работников же, выполняющих задачи по руководству, организации, планированию производства, обычно не включают в производительные силы, поскольку в отличие от непосредственных производителей эти люди заняты обслуживанием производства и своим трудом не воздействуют напрямую на предмет труда, а лишь в той или иной форме обеспечивают условия, необходимые для процесса производства.

Воздействие на предмет труда и приведение в движение орудий производства являются, конечно, свойством производительного труда и производительного работника. Но это свойство, во-первых, больше всего характеризует работника индивидуального производства, в котором один человек осуществляет все трудовые функции: физические и умственные. Во-вторых, оно выражает характер производительного труда, рассматриваемого с точки зрения простого процесса труда, процесса труда как такового. Если мы производительными считаем лишь физические и духовные силы отдельного человека и не учитываем силы совокупного рабочего (общественные производительные силы труда), то производителями материальных благ действительно будут только те люди, которые приводят в движение орудия производства и осуществляют производство материальных благ благодаря своему опыту и навыкам к труду. Когда, например, процесс производства носил индивидуальный характер (ремесло, цех, натуральное хозяйство), производительным работником мог считаться лишь тот, кто применял в процессе труда свои физические силы, приводил в движение орудия труда, непосредственно воздействовал на предмет труда. Здесь производство не нуждалось в особой категории лиц, выполняющих духовные функции процесса производства. Представители умственного труда не входили в производительные силы общества. К последним относились только работники физического труда, которые одновременно осуществляли и духовные функции производства.

Производительный труд, рассматриваемый с точки зрения простого процесса труда, безусловно, содержит в своём определении общесоциологический момент. В любых общественных условиях характерным признаком производительного труда является его направленность на производство материальных благ и соответственно свойством производительного работника — его назначение осуществлять производство материальных ценностей. Подобного рода определение производителей материальных благ имеет, повторяем, смысл для всех общественно-экономических формаций. Но поскольку оно исходит из простого процесса труда, оно недостаточно для характеристики производительного работника определённой, исторически развитой общественной системы производства.

Содержание понятий производительного труда и производителей материальных благ с развитием производства претерпевает существенные изменения. По этой причине на вопрос о том, какие конкретно категории людей входят в производительные силы, по существу нельзя дать однозначного ответа, одинаково пригодного для всех исторических эпох.

Затрата физической энергии, например, связанная с непосредственным воздействием на предмет труда и приведением в движение орудий, не является теперь единственным специфическим признаком людей, создающих материальные блага и составляющих главную производительную силу общества. Этот критерий становится недостаточным применительно к современному производству, в котором наряду с людьми физического труда участвует значительное количество работников умственного труда.

В крупной промышленности с введением машин и обобществлением труда процесс производства необходимо порождает функции наблюдения и контроля за работой машин, их постоянного усовершенствования и т. п., требующие приложения главным образом умственных сил человека. Выполнение этих функций становится обязательным условием нормального движения производственного процесса, что вызывает к жизни особую категорию инженерно-технических работников, занятых наблюдением за машинами, созданием новой техники, применением достижений науки к производству. В связи с этим встаёт вопрос: можно ли включать в производительные силы тех людей, основной деятельностью которых является выполнение духовных функций производства? К числу таких лиц относятся инженерно-технический персонал, работники агрономического труда, определённая часть научных работников. При рассмотрении этой проблемы нужно иметь в виду, что содержание производительного труда изменяется прежде всего с развитием кооперативного характера процесса труда. В кооперации, основанной на разделении труда, формируется общественно комбинированный рабочий и общее понятие производительного труда утрачивает в известной мере свою применимость к отдельно взятому работнику. Оно соответствует совокупному рабочему организму, члены которого выполняют различные производственные функции.

Положение К. Маркса о совокупном рабочем имеет принципиальное значение для определения круга производительных работников и понимания производительного труда в современном обществе.

В условиях крупного машинного производства, как отмечал К. Маркс, продукт труда превращается из непосредственного продукта индивидуального производителя в общественный, в общий продукт совокупного рабочего, т. е. в продукт рабочего персонала, различные члены которого ближе или дальше стоят от прямого воздействия на предмет труда. Поэтому уже сам кооперативный характер процесса труда неизбежно расширяет понятие производительного труда и его носителя — производительного рабочего. Теперь для того, чтобы трудиться производительно, не обязательно непосредственно прилагать свои руки, достаточно быть органом совокупного рабочего, выполнять одну из подфункций совокупного рабочего[185].

С развитием общественного, кооперативного характера процесса труда не труд отдельного рабочего, а всё более и более социально комбинированная деятельность многих людей становится действительным исполнителем функций производственного процесса. Различные работники, которые соединяют свои силы и образуют совокупную производительную машину, весьма различным образом принимают участие в непосредственном процессе производства. Один больше работает руками, другой — больше головой, один выступает как управляющий, инженер, технолог и т. д., другой — как непосредственный рабочий физического труда или даже как простой подручный. В результате всё большее количество, по выражению К. Маркса, «функций способности к труду включается в непосредственное понятие производительного труда, а их носители — в понятие производительных рабочих»[186].

В развитом производстве расширение понятия производительного труда происходит в первую очередь за счёт инженерно-технических работников, труд которых становится производительным, а сами они — производительными работниками. Характер этой производительной силы общества имеет ряд особенностей.

---

185 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 516–517.

186 Архив Маркса и Энгельса. Т. II. С. 131.

Во-первых, инженерно-технический персонал в своём большинстве не оказывает прямого воздействия на предмет труда, непосредственно не приводит в движение орудия производства. Но отдельные виды производства уже в наше время и не требуют непосредственного воздействия человека на предмет труда. Наряду с ручным трудом, трудом по обслуживанию машин и механизмов, существуют высшие формы непосредственного производительного труда: труд по управлению машинами и механизмами, по наблюдению за производственным процессом, по составлению программ для автоматов.

Развитие техники, автоматизация и механизация производства вызывают к жизни новые формы труда. Многие производства уже сейчас основываются на этих видах труда.

Вторая особенность труда инженерно-технических работников состоит в том, что их основная деятельность умственная. Различное отношение к предмету труда станочника и инженера идёт здесь по линии разделения труда на материальный и духовный или на такие виды труда, в которых преобладает та или иная сторона. Может ли представитель духовного труда считаться производителем материальных благ, а сам его труд — производительным? Да, может, поскольку умственный труд, с одной стороны, составляет необходимое звено функционирования процесса производства, с другой — служит источником материального богатства, как и физический труд.

Следовательно, духовный по своей природе инженерный труд представляет собой вид производительного труда, а носитель его — производительную силу. Если отрицать это, то электронную машину, используемую в производстве и заменяющую умственную работу определённой группы людей, нужно отнести к производительным силам, а инженерно-технических работников, которые раньше выполняли те же функции, исключить из производительных сил общества.

Инженерно-технические работники не являются единственной категорией лиц умственного труда, занятых в сфере материального производства. С развитием крупного производства, связанного с высшими формами технического прогресса, небывало усложняется сам производственный процесс. Инженерно-технический труд становится недостаточным для выполнения чрезвычайно

сложных задач, которые встают в современной промышленности и сельском хозяйстве. В решении задач участвуют уже представители высших видов умственного труда — люди науки.

В соответствии с этим в настоящий период в производительные силы следует включать ещё один элемент — научных работников. До сих пор изобретательство и рационализаторство инженеров, техников, мастеров, рабочих были достаточными для осуществления непосредственных духовных функций процесса производства.

В настоящее время научное исследование становится необходимым условием нормального функционирования производства, выступает как своеобразная отрасль производства. Это обстоятельство подчёркивается как самими учёными, так и экономистами. Наука «стала совершенно сознательно и непосредственно тем, чем давно уже являлась бессознательно и от случая к случаю, а именно — существенной частью производства»[187].

Современное производство предполагает широкий размах промышленных исследований. На многих предприятиях существуют научные лаборатории и штат научных работников. Создаются научно-исследовательские институты, обслуживающие отдельные отрасли производства. Развитое крупное производство включает научный труд в качестве необходимого условия функционирования промышленного процесса. С помощью такого труда создаются материальные богатства так же, как и непосредственной физической деятельностью рабочих. Научные работники, занятые в лабораториях промышленных предприятий и в научно-исследовательских учреждениях, обслуживающих сферу материального производства, входят в совокупный рабочий персонал. Если использование труда инженерно-технических работников означало первый шаг в превращении умственной деятельности в вид производительного труда, то вторым шагом является превращение научного труда в производительный труд, включение людей науки в производительные силы общества, поскольку они участвуют в производстве материальных благ.

Но производительными, видимо, можно считать лишь тех работников науки, которые непосредственно связаны с производством, составляют элемент совокупного рабочего персонала.

---

[187] Бернал Дж. Наука в истории общества. М., 1965. С. 392.

К ним, например, относятся представители научно-технической мысли, работающие на заводах в отделах главного конструктора, технолога и т. д. Эти лица выполняют наиболее сложные, высшие инженерно-технические функции процесса производства.

Экономическим основанием превращения научного труда в производительный труд является дальнейший процесс обобществления труда. Современное производство предполагает тесную взаимосвязь не только между различными отраслями производства, но и между физическим и умственным трудом. Теперь устанавливается единство и взаимозависимость различных исторически разделённых функций общественного труда вплоть до единства физического труда с высшими формами умственного труда — наукой, за которыми в силу общественного разделения труда стоят различные группы общества.

Можно утверждать, что в настоящее время научный труд в некоторых новых отраслях промышленности приобретает значение непосредственного производительного труда. Например, управление ядерными процессами в атомных реакторах и контроль за ними требуют применения не только инженерно-технического, но и научного труда, необходимого при составлении программ для электронно-счётных машин. В этих условиях работник науки становится как бы производительным рабочим, т. е. превращается в непосредственную производительную силу. Инженерно-технические работники являются производительной силой не потому, что затрачивают физический труд, а потому, что осуществляют духовные задачи производственного процесса. Их знания, их интеллектуальные силы, необходимые для движения производственного процесса, — вот что делает их производительными работниками.

В том случае, когда человек науки становится производительным работником, наука приобретает роль непосредственной производительной силы. Поэтому в современном производстве физический и духовный виды труда, воплощённые в деятельности разных членов совокупного рабочего, одинаково необходимы для создания материального богатства. При этом применение умственного труда, науки делает определённую категорию лиц (инженерно-технических и часть научных работников) составным элементом главной производительной силы общества.

Означает ли отнесение определённых работников умственного труда к главной производительной силе общества стирание всяких граней между производительным и непроизводительным трудом, производительными и непроизводительными работниками? Отнюдь нет.

Несмотря на постоянное расширение состава и функций совокупного рабочего и усиление тенденции превращения всё большего количества населения в производителей материальных благ, для современного общества деление людей на производителей материальных благ и непроизводительных работников сохраняет свою силу. Неправы те авторы, которые из-за нечёткости границ между этими двумя категориями работников вообще отрицают необходимость их разграничения для настоящего периода развития общества.

Нельзя не видеть другой стороны дела. При всей своей подвижности и трудности для определения границы между указанными видами труда в настоящее время всё же существуют. Если в будущем производительный труд станет всеобщим, деление людей на группы производительных и непроизводительных работников потеряет силу, то разница между самим производительным и непроизводительным трудом, производственной и непроизводственной сферой сохранится.

Как для настоящего, так и для будущего времени нельзя отрицать различие производительного и непроизводительного труда и считать производительным всякий труд в области материального и духовного производства, т. е. вообще общественно полезный труд. Также вряд ли можно полагать, что к числу производительных работников наряду со всеми участниками материального производства относятся люди, занятые деятельностью в области искусства, а также вопросами воспитания, обучения, государственного управления и т. д.

Не настаивая на обязательности признака, характеризующего производительный труд как деятельность, производящую прибавочный продукт, и соглашаясь с тем, что не всякий труд в сфере материального производства является производительным, всё же следует, как нам кажется, этот вид труда связать с производственной сферой. При всех условиях общесоциологический признак производительного труда как деятельности,

направленной на производство материального продукта, материальных ценностей, не теряет своего смысла и должен служить общим, независимым от общественной формы критерием производительного труда. Научный и всякий иной духовный труд может стать производительным лишь при том условии, что он применяется в производстве материальных благ, воплощается в практической деятельности по созданию материальных ценностей. Если же труд не имеет отношения к материальному производству и его продуктом является ценность духовного (этического, эстетического и т. п.) порядка, он не будет и производительным в указанном смысле слова, хотя является общественно полезным.

Вопрос об изменении содержания производительного труда и понятия производителя материальных благ нуждается в дальнейшем изучении. Кроме теоретического он имеет важное практическое значение. Проблема, касающаяся состава совокупного рабочего и развития кооперативного характера процесса труда, непосредственно связана с задачами использования и развития общественных производительных сил труда, порождаемых формами совместной деятельности людей.

Между тем в литературе до сих пор остаются мало изученными общественные (массовые) производительные силы труда. В многочисленных книгах и статьях, посвящённых проблемам повышения производительного труда, как правило, эта сторона дела обходится, что нередко отрицательно сказывается на практике. В своё время, например, наши плановые и статистические органы при определении затрат труда на производство продукции учитывали только труд рабочих без труда инженерно-технических и управленческих работников. Это означало, что в качестве производительного работника рассматривался только рабочий. В результате показатель производительности труда связывался исключительно с трудовыми затратами, производимыми рабочими.

Теоретический анализ понятия «производительный работник» позволил бы определить совокупность всех реальных трудовых затрат на производство продукции, а следовательно, представить обоснованный расчёт показателей производительности труда. С другой стороны, изучение природы общественных производительных сил дало бы возможность на практике сознательно

применять такие формы совместной деятельности, которые увеличивали бы общественные производительные силы труда или даже создавали новые.

На практике всё это связано с решением вопроса о том, как нужно организовать совместный труд, чтобы получить новую массовую производительную силу и на этой основе продвинуть вперёд производство.

Подобно тому, как товар должен быть прежде всего полезностью, чтобы быть стоимостью, так и труд должен быть прежде всего полезным, чтобы считаться расходованием человеческой силы, человеческим трудом в абстрактном смысле слова.

К. Маркс

Раздел III
ПРОЦЕСС ТРУДА И ПРОЦЕСС ВОЗВЫШЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ СТОИМОСТИ

Глава 7. Особенности производства потребительной стоимости

§ 1. Труд в роли источника увеличения стоимости и потребительной стоимости

Чтобы объяснить возможность увеличения богатства общества, взятого как стоимость и потребительная стоимость, необходимо обращаться прежде всего к труду. Однако роль труда в их увеличении существенно различается.

Известно, что общественно необходимые затраты живого труда (необходимого и прибавочного) и такие же затраты прошлого труда, заключённые в потребляемых средствах производства и в использовании природных сил, в результатах труда получают свою эквивалентную величину в стоимости произведённого товара. Согласно закону стоимости результат труда по своей стоимости равен общественно необходимым затратам труда. Точно так же стоимость совокупного продукта остаётся равной применённому совокупному рабочему времени и не может его превосходить. Более того, в общем случае, когда повышается производительность труда, стоимость не только не возрастает, а, наоборот, уменьшается. Возрастать может лишь её прибавочная часть, но за счёт равного уменьшения её необходимой части, идущей на воспроизводство рабочей силы. Общая же стоимость

по отношению к общественно необходимым затратам труда возрастать не может. Отсюда проистекает принцип так называемого «нулевого роста» экономии.

Только так может решаться вопрос, если оставаться в рамках закона стоимости. Поэтому те экономисты, которые не хотят признавать неоплаченный прибавочный труд в качестве источника прибавочной стоимости, не в состоянии согласовывать свои суждения о прибавочной стоимости с признаваемым ими же законом стоимости[188]. Они вынуждены искать источник прибавочной стоимости в чём угодно, только не в живом прибавочном труде. У одних таким источником является обмен, при котором цена якобы превышает стоимость и даёт прибыль, у других она извлекается из «воздержания» предпринимателя, у третьих — это зарплата предпринимателя за свой труд и т. п. Чаще всего источником прибавочной стоимости объявляется производительная сила труда, которая хотя и влияет на величину прибавочной стоимости, но отнюдь не является её источником. Им является только неоплаченный живой прибавочный труд. Нарушается, следовательно, принцип эквивалентности в обмене между трудом и капиталом, а закон стоимости теряет свою силу при объяснении прибавочной стоимости, согласованности не получается.

Стоимостная парадигма с самого начала столкнулась со своей противоположностью — потребительностоимостным пониманием производства продукта. Попытки распространить понятие «стоимость» на процессы, объяснимые только законами движения потребительных стоимостей, приводили к серьёзным противоречиям в экономической науке и в самой стоимостной теории.

Противоположность между действительно полезным трудом и трудом, создающим меновую стоимость, волновала Западную Европу, по свидетельству К. Маркса, в течение всего XVIII столетия[189], а в дальнейшем (в XIX в.) привела к вульгаризации трудовой теории стоимости и в итоге — к отказу от её трудовой основы.

---

[188] «Экономисты никогда не могли примирить прибавочную стоимость с установленным ими самими законом эквивалентности» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 47. С. 94).

[189] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13. С. 43.

Несмотря на то, что классическая политическая экономия свела стоимость товара к труду (иначе говоря, ***потребительную стоимость*** — к целесообразному ***реальному труду***, а меновую стоимость — к среднему общественному труду), она запуталась в противоречиях, когда пыталась определить стоимость ***главного составляющего*** теории стоимости — самого труда, за которым всегда стоит живой человек. Названное ***главное противоречие*** выглядит так: если труд (рабочее время) определяет стоимость товара, то как можно определить стоимость самого труда или хотя бы его величину, поскольку рабочее время не может быть своей собственной мерой. Знать же, сколько труда надо затратить, чтобы обеспечить собственное существование, для человека и для науки не менее важно, чем определить величину стоимости товара. Оказалось, что на базе стоимостной формулы классической политической экономии эту проблему и соответствующее противоречие разрешить невозможно. Для того чтобы определить стоимость труда (рабочего времени), приходится обращаться к стоимости его продукта, приравнивать стоимость труда к стоимости его продукта, следовательно, зарплату к стоимости продукта. Это логически приводит к порочному кругу (стоимость продукта определяется трудом, стоимость труда — стоимостью его продукта) и никак не согласуется с практикой, поскольку ***меновая стоимость труда*** на деле оказывается меньше стоимости его продукта.

Выход из этого порочного круга нашёл К. Маркс. Он отказался от наделения труда стоимостью, сохранив за ним лишь свойства ***источника стоимости***. Стоимость труда он заменил стоимостью рабочей силы, представив её товаром особого рода. Только таким образом решается данная проблема в рамках парадигмы трудовой стоимости. Но это — не окончательное её решение. Столь же законно можно спросить: чем же определяется количество труда, заложенного в товарном эквиваленте рабочей силы и необходимого для нормального функционирования и развития самого человека? Найти ответ на данный вопрос в теории стоимости рабочей силы, её обмена на товарный эквивалент и вообще в трудовой теории стоимости не представляется возможным. Стоимость рабочей силы и её эквивалентный обмен на продукт не объясняют ни количества труда, нужного для выживания человека, ни возможности получения прибавочного продукта (прибавочной стоимости) для

его развития за счёт дополнительного труда. Решение этой проблемы упирается в ***потребительную стоимость*** рабочей силы, теория которой осталась неразработанной. Её не найти ни в трудах классиков политической экономии (А. Смит, Д. Рикардо), ни в работах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, ни в неоклассической политэкономии. Нужно, следовательно, выйти за пределы трудовой теории стоимости и решить проблему на основе другой теоретической парадигмы.

Из трудовой теории стоимости нельзя также вывести причину возникновения ***прибавочной стоимости***, поскольку вне поля зрения остаётся потребительная стоимость рабочей силы, в процессе реализации которой создаётся прибавочная стоимость. Трудовая теория совершенно справедливо в поисках её причины указывает на труд, но это должен быть не абстрактный, а конкретный труд. Абстрактный же труд позволяет установить лишь характер и величину труда (рабочего времени), в рамках которых создаётся прибавочная стоимость.

Законом стоимости не выявляется участие факторов производства (средств труда, земли и т. п.) в создании продукта, их превращение из формы средств и условий труда в новое качество — в продукт с новой потребительной формой. Этим во многом объясняются попытки искать источник прибавочной стоимости вне труда как созидателя стоимости — в средствах производства (технике), природных силах, используемых в производстве, в производительности живого труда и т. д., которые, в свою очередь, объявляются капиталом, им приписываются социально-экономические свойства самовозрастающей стоимости.

Отечественные авторы, пишущие о кризисе марксистской политической экономии, усматривают в этом утрату значения прибавочной стоимости для понимания сущности современного «постиндустриального» капитализма. Прибавочная стоимость, заявляет Ю. А. Красин, «не говоря уже о принципиальных трудностях её измерения, не объясняет современного механизма эксплуатации», понятие капиталистической эксплуатации по «Капиталу» размывается[190]. На место эксплуатации, объяснявшей

[190] Красин Ю. А. Кризис марксизма и место марксистской традиции в истории общественной мысли // Свободная мысль. 1993. N. 1. С. 26, 28.

вроде бы лишь в прошлом взаимоотношения труда и капитала, предлагается система взаимозависимости и согласования интересов, оснащённая гибкими механизмами урегулирования социально-политических конфликтов и противоречий, т. е. ***система социального партнёрства***.

Есть ещё одна форма противоположности меновой и потребительной стоимости, имеющая прямое отношение к формированию новой парадигмы в экономической науке. На поверхности это противоречие проявляется в том, что ***рыночная цена товара***, призванная выражать его меновую стоимость, оказывается (при своём падении или повышении относительно своей стоимости) непосредственно зависимой от ***потребительского спроса*** (соотношения спроса и предложения), хотя сама меновая стоимость зависит от труда. В этом противоречии обнаруживается тот факт, что труд по условиям потребления товара по существу не равен труду по условиям его производства, т. е. взаимодействие производства и потребления в чём-то не подчиняется закону стоимости, не объясняется им. Тогда значение вещи для человека, для удовлетворения его потребностей принимается за её стоимость, т. е. ***стоимость сводится к полезности***, а новой парадигмой экономической науки объявляется ***теория предельной полезности***.

Названные выше и многие другие противоречия свидетельствуют о том, что трудовая теория стоимости оказывается в затруднительном положении при объяснении ряда важнейших экономических явлений, в частности самого труда и производительных сил, особенно природных сил, не имеющих стоимости, поскольку они не являются ***овеществлённым*** трудом. Необходимость разрешения противоречий в понимании процесса труда и процесса образования стоимости, между полезным трудом и трудом, создающим стоимость, а также других противоречий не могла не привести по чисто логико-теоретическим основаниям к попыткам замены стоимостной парадигмы на новую и разработки другой парадигмы в экономической науке.

На Западе такой новой парадигмой была выдвинута ***теория предельной полезности***, отождествляемая с маржиналистской революцией в экономической науке. В противоположность классической политической экономии, исходящей из стоимости и её определения затратами труда (издержками производства),

маржинализм за исходный пункт предлагает брать потребительное отношение человека к вещи, т. е. человека с его потребностями. «Из нашего изложения, — писал К. Менгер, — вытекает, что человек со своими потребностями и своей властью над средствами удовлетворения последних составляет исходный и конечный пункт всякого человеческого хозяйства»[191]. Этот исходный пункт остался в основном и в неоклассической политической экономии. У Дж. М. Кейнса, например, он фигурирует в виде первенства и решающей роли потребительского спроса по отношению к предложению.

Под влиянием полезностной парадигмы возникли суждения относительно того, что производство ради удовлетворения потребностей ныне идёт на смену производству ради прибыли (А. Эйнштейн, представители Римского клуба и др.). В Декларации, принятой на Всемирной встрече на высшем уровне по социальному развитию (Копенгаген, 1995), было заявлено, что и в тот период, и в XXI столетии социальное развитие и удовлетворение потребностей людей выдвигаются на первый план. Выходит, что человек с его потребностями, человеческое измерение экономики, производство ради максимального удовлетворения потребностей людей становятся центральным пунктом новой, противостоящей трудовой стоимости парадигмы и что это принято господствующей ныне на Западе (да и у нас) неоклассической экономической теорией, призванной синтезировать принципы стоимости и полезности. Неужели, возникает невольный вопрос, здесь имеет место действительное намерение покончить со ***стоимостным принципом ведения хозяйства*** и общественной жизни вообще, отказаться от экономики, функционирующей ради прибавочной стоимости (прибыли), которая является основой существования всех непроизводительных классов и социальных слоёв, в том числе и гуманитарной интеллигенции. Не секрет, что на практике происходит обратное: товарную и стоимостную форму приобретают многие из тех вещей, которые раньше не продавались и не покупались: человеческое тело, человеческие органы (сердце, почки, печень и др.), информация и т. п. Перекачка прибавочной стоимости, в том числе

---

[191] Менгер К. Основания политической экономии // Австрийская школа в политической экономии: К. Менгер, Е. Бём-Баверк, Ф. Визер. С. 89.

и посредством превращения средств обращения (денег) в товарную форму, из многих развивающихся стран в развитые довела разницу между богатыми и бедными людьми до угрожающих цивилизации размеров. Неужели экономисты предлагают отказаться от стоимостных механизмов, приведших ко всему этому?

На поверку оказывается, что речь идёт лишь о том, чтобы стоимость и её законы представить в их противоположной форме: стоимость в виде потребительной стоимости (полезности), определяемой вроде бы только субъектом, а закон стоимости — в форме закона спроса и предложения. В этих формах труд как субстанция и созидатель стоимости, а вместе с ним и производитель — рабочий, отодвигаются настолько далеко, что всё общество как будто вращается не вокруг труда, а вокруг обмена и потребления, оно только то и делает, что меняет и потребляет. В странах Запада, где производительным трудом занято менее трети собственного трудоспособного населения, такая концепция впечатляет.

И всё же не все современные экономисты принимают тезис о производстве ради удовлетворения потребностей. Например, Ф. Хайек видит в нём угрозу стоимостному механизму: при таком производстве, по его мнению, каждый рабочий мог бы непосредственно требовать продукт своего труда, в то время как это есть дело рынка, который и определяет его долю в продукте. Только рынок и устанавливаемые им цены, а не некая разумная справедливость в пользу бедных или знания людей о разумных потребностях позволяют производителю учитывать интересы производства[192]. Реализация же принципа «производство ради удовлетворения потребностей», когда это удовлетворение происходит на стоимостной и рыночной основе, становится невозможной.

В отечественной экономической науке на установление новой парадигмы, отличной как от классической трудовой теории стоимости, так и маржиналистской концепции, претендовали представители теории оптимального функционирования экономики. Сохраняя формально своей ***базовой концепцией*** трудовую стоимость в её марксистской трактовке, многие представители этой школы тем не менее выставили исходным пунктом не затраты,

---

[192] Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992. С. 104–105.

а результаты труда, их общественную полезность, в конечном счёте — развитие человека и максимальное удовлетворение его потребностей, объявленные объективно обусловленной целью функционирования экономики и глобальным ***критерием оптимальности развития экономики*** и всего общества.

Вклад, вносимый тем или иным благом в реализацию этой цели, эта же теория предлагает брать основой для соизмерения благ. Соответственно, соизмерение затрат и результатов должно осуществляться на базе оценок общественной полезности. Это значит, что на место трудовой стоимости ставится превращённая форма её проявления — общественная полезность, а сама стоимость определяется как отношение издержек производства к полезности, т. е. к определению ***стоимости*** продукта добавляется его ***полезность***. Теория, предназначенная для ***оптимизации функционирования экономики*** социалистического общества, сохраняя вместе с полезностью трудовую стоимость, становится приемлемой и для рыночной экономики, в интересах которой она ныне переделывается. О социализме, общественной собственности, о которых раньше говорилось как об обязательном условии реализации оптимального функционирования экономики и её соответствующего планирования, теперь уже разговора нет. Многие из «оптимальщиков» (С. Шаталин, Н. Петраков и другие) открыто встали на позиции капитализации экономики, рыночной стихии, не нуждающейся не только в оптимальном, но и в обычном планировании[193].

Из вышесказанного следует, что ни ***теории предельной полезности*** применительно к капитализму, ни ***теории оптимального функционирования*** экономики по отношению к социализму не удалось преодолеть трудовую теорию стоимости, особенно в её развитой К. Марксом форме. И не только потому, что практика не преодолела стоимостные (рыночные) механизмы хозяйствования.

Остались невыполненными теоретические условия решения задачи:

а) превратить теорию стоимости в противоположную ей теорию;

---

[193] Петраков Н. От экономических фетишей к логике свободной экономики // Хайек Ф. А. Дорога к рабству. М., 1992. С. 7 (Предисловие).

б) найти в последней основание для новой парадигмы экономической науки, которая бы не только отрицала существующую (стоимостную), но и сохранила бы труд в качестве основы новой теории.

Никто, кроме К. Маркса, не вставал на путь решительного отрицания стоимостной парадигмы для будущего общества и не перешёл в этом вопросе рубикон. Самое большее, что смогли предложить западные неоклассики и отечественные «оптимальщики» — это эклектический «*синтез стоимости и полезности*» с преобладанием той или иной из них. Дуализм же, как известно, не есть решение вопроса. Некоторые отечественные экономисты даже пытаются пальму первенства в этом «синтезе» передать Ф. Энгельсу (а потому и марксизму), приведя высказывание из первой его экономической работы относительно определения им стоимости как отношения издержек к полезности, от которого он впоследствии отказался[194].

Нужно со всей ответственностью сказать, что ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс, ни В. И. Ленин не связывали себя на все времена с трудовой теорией стоимости. Они ограничивали её применимость определёнными историческими рамками. Последней ступенью развития стоимостного отношения и основанного на стоимости производства они считали «полагание общественного труда в форме противоположности капитала и наёмного труда»[195]. Что же касается будущего общества, в частности коммунизма или развившегося на своей собственной основе социализма, то они резко возражали против «социалистической теории стоимости», против использования в социалистическом обществе трудовой стоимости в качестве масштаба распределения материальных и духовных благ. Нет ничего ошибочнее и нелепее, утверждал К. Маркс, нежели предполагать контроль объединённых индивидов над своим совокупным производством на основе *меновой стоимости*[196]. Неудачи и трудности в построении социализма в бывшем СССР на этой основе подтвердили правоту К. Маркса.

---

194 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 33. С. 174.

195 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 212–213.

196 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 101–102.

Для обоснования этих положений К. Маркс обращался не только к теоретическим доводам, но и к действительным процессам экономического развития, прежде всего к научно-техническому прогрессу и процессам обобществления труда и производства. Именно К. Марксу принадлежит принимаемая в настоящее время критиками марксизма оценка воздействия научно-технического прогресса на стоимостные устои производства. Если предпосылкой основанного на стоимости производства, предполагающего в качестве примата отношение наёмного труда и капитала, является масса непосредственного рабочего времени и количество затраченного труда как решающий фактор производства богатства, то по мере развития крупной промышленности эта база отпадёт. Создание действительного богатства становится менее зависимым от рабочего времени и от количества затраченного труда, чем от мощи техники, приводимой в действие в течение рабочего времени. Возникает, следовательно, огромная диспропорция между затраченным рабочим временем и его продуктом, воплощённым в действительном (потребительностоимостном) богатстве общества.

В этом преобразовании производства в качестве его главной основы выступает уже не непосредственный труд, выполняемый самим человеком, и не время, в течение которого он работает, а присвоение его собственной всеобщей производительной силы, его понимание природы и использование её сил, т. е. ***развитие общественного индивида***. По сравнению с указанной новой основой производства кража чужого рабочего времени, а также прибавочный труд рабочих масс, на которых зиждется современное богатство, предстают жалким и недостойным человека основанием. Вследствие этого, как только труд в его непосредственной форме перестаёт служить основой богатства, рабочее время теряет своё значение меры богатства и, следовательно, меновая стоимость перестаёт быть мерой потребительной стоимости. Тем самым рушится производство, основанное на ***меновой стоимости***[197]. К этому ведут и постоянно углубляющиеся под влиянием развития техники процессы обобществления труда и производства, о чём неоднократно писал В. И. Ленин. Обобществление

[197] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 212, 214.

производства в условиях монополий вступает в постоянное и безысходное противоречие с общей обстановкой товарного производства[198].

Если всё вышесказанное дополнить данными о последствиях стоимостных оков научно-технического прогресса в современном мире, в частности тем, как «не-труд» немногих «цивилизованных» стран (в США, например, 70% работающих заняты в непроизводственной сфере) обеспечивается непосредственным живым трудом громадных человеческих масс стран третьего мира, как разрушается сравнительно развитое производство в странах бывшего СССР и Восточной Европы после внедрения стоимостных (рыночных) механизмов, да если ещё прибавить последствия распространения стоимости на окружающую природную среду (не имеющую стоимости) в виде губительного для человеческого мира экологического кризиса, то отношение к стоимостной парадигме становится уже предметом человеческой морали, нравственных оценок, а не только науки.

Что же касается научной стороны дела, то вывод очевиден: основатели марксизма предвидели кризис стоимостной парадигмы экономической науки, хотели этого кризиса, но это ни в коем случае не есть свидетельство кризиса марксизма в этом отношении. Это скорее кризис тех, кто у нас ещё недавно ходил в «товарниках». Ничего хорошего он не сулит и представителям теории предельной полезности и теории оптимального функционирования экономики.

Маржиналисты, отказываясь от услуг ***категории труда*** при анализе экономических ценностей, тем самым обрекали себя на субъективизм и психологизм, приведшие ко многим догмам, в частности к отрицанию ***соизмеримости*** потребительных стоимостей и вытекающим из этого субъективистским оценкам движения потребительских и производительных благ. Сторонники теории оптимизации экономики, обращаясь к труду во имя обоснования объективности полезностных оценок, неизбежно оказывались под властью стоимости, если не в затратном, то в субстанциональном аспекте. Отсюда проистекали многие искажающие влияния ***стоимостных критериев*** при объяснении явлений,

[198] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27. С. 396, 397.

подчиняющихся законам потребительной стоимости, например отождествление эквивалентности обмена меновых стоимостей с принципом равенства (уравнивания) затрат и результатов, спроса и предложения и т. д.

Современные представители постиндустриализма в решении этих вопросов ничего серьёзного тоже не предложили. Они, призывая к деструкции трудовой стоимости, не нашли чем заменить труд, как будто стоимость создаётся знанием (информацией) в обход труда, вероятно, даже умственного. Поскольку созданная знанием громадная стоимость не имеет почти никакого отношения к издержкам её появления, то приходится обращаться к потребителям, которые её формируют.

Преодолеть стоимостную парадигму в экономической науке и обосновать новую парадигму можно только в том случае, если исходить из трудовой основы экономической теории, т. е. преодолевается не труд, а лишь одна из форм его социального функционирования. Заслуга К. Маркса состоит не в том, что он свёл стоимость к труду (до него это сделали А. Смит и Д. Рикардо). Он подвёл трудовую базу под понимание всей экономики, предложил вращаться всему обществу вокруг «солнца труда». Именно по этой причине парадигматический статус марксистской политической экономии — не частный случай новой парадигмы политической экономии, а основа для её создания. Этой новой парадигмой, как будет сказано в дальнейшем изложении, является ***трудовая теория потребительной стоимости***. Её не удалось разработать К. Марксу, но она вытекает из логики его экономического учения. В целом же формулировка и обоснование экономических законов движения потребительной стоимости остаются одной из незавершённых областей экономической науки, анализ которых призван способствовать утверждению в ней этой новой парадигмы.

§ 2. Инновационная сущность труда, производящего потребительную стоимость

Результаты труда, выраженные в их стоимости, как было показано, не могут превышать стоимость затрат, те и другие эквивалентны. Именно поэтому труд в этом своём качестве

не приобретает свойства инновационности. Собственно инновационную сущность труд приобретает только в качестве созидателя потребительной стоимости.

В чем же состоят особенности этого труда, отличающие его от труда, связанного с производством стоимости?

Прежде всего, необходимо отметить, что производство потребительной стоимости и логически, и исторически составляет предпосылку производства стоимости. Первое первично по отношению ко второму: стоимость вещи не может существовать без своего носителя — потребительной стоимости вещи. Вторая может производиться только как потребительная стоимость. Кроме того, именно труд, производящий потребительную стоимость, тем самым сохраняет и переносит стоимость своих средств и предметов на стоимость продукта.

Далее, в отличие от производства стоимости, единственным источником которой является труд, в производстве потребительной стоимости участвуют кроме труда предмет и средства труда, а также используемые природные силы[199]. Это обстоятельство необходимо всегда иметь в виду, ибо очень часто, подменяя потребительную стоимость меновой стоимостью, возлагают на технику, технологию и природные ресурсы функцию создавать стоимость, причём не только вместе с трудом, но и без труда.

Ещё более важной особенностью, опять-таки в отличие от производства стоимости, которая или переносится на продукт, или просто воспроизводится (стоимость рабочей силы), является то, что, ***во-первых***, здесь происходит превращение участвующих в процессе труда факторов производства из одной, первоначальной потребительной формы в другую, новую потребительную форму, в форму продукта, в котором они получают качественно иной способ существования.

Это превращение у различных факторов производства происходит по-разному: предмет труда, сохраняя в продукте труда свой субстрат, изменяет свои свойства и получает новую потребительную форму; орудия труда, потребляясь в процессе

---

[199] «Относительно труда, поскольку он производит потребительную стоимость, ошибочно утверждать, что он есть единственный источник произведённого им, а именно – вещественного богатства» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13. С. 22).

создания продукта, своё действие реализуют в его форме; сам труд из формы своей субъективной потребительной стоимости превращается в овеществлённую форму потребительной стоимости продукта, т. е. трудовое действие своим следствием имеет изменение потребительной формы своих факторов и получение в продукте их новой формы, отвечающей новым потребностям людей.

Труд, материализуясь в предмете труда, формирует его, потребляя средства труда в качестве своего неорганического тела. И предмет, и средство вместе с трудом участвуют в производстве потребительной стоимости продукта.

Трудовая формообразующая деятельность как главное звено процесса, уничтожая форму предмета труда и себя в своей субъективности, т. е. в качестве самой деятельности, и материализуя себя, формирует продукт. Из ***формы деятельности*** труд переходит в ***форму бытия***, в итоге — в форму покоящегося продукта. Все его моменты в конечном счёте объединяются в продукте, представляющем собой ***новую потребительную стоимость***, удовлетворяющую новые потребности, отличные от тех, которые удовлетворялись до получения продукта, т. е. до и в процессе его производства.

Из этого обстоятельства вытекает ***вторая*** особенность производства потребительной стоимости: в нём осуществляется переход от первоначальных, относительно элементарных форм к более сложным и высшим потребительным формам, удовлетворяющим более высокие социально-экономические и иные потребности общества.

Потребительную стоимость продукта, полученную в результате преобразования предмета труда и использования орудий, можно отнести к потребительной форме более высокого порядка не потому, что она оценивается субъектом более высоко или занимает более высокий ранг в системе общественных потребностей. Она составляет более высокий порядок потому, что перерабатываемые в неё потребительные формы выступают лишь предпосылками или условиями её создания, а она — их новым результатом. Те же потребительные стоимости, которые предпосланы ей в качестве её элементов, являются по отношению к ней потребительными стоимостями низшего порядка. Потребительная

стоимость будет тем выше, чем большее количество процессов труда прошли те элементы, из которых она образуется, чем более опосредствованным является её бытие[200].

Данное обстоятельство позволяет подвести под градацию человеческих потребностей, под их анализ по степени насущности и предпочтительности объективную основу — реальную причинно-следственную связь различных общественных видов труда, их взаимообусловленность и взаимное дополнение, а также связь результатов труда — потребительных стоимостей.

И, наконец, в отличие от стоимости, которая каждый раз вновь создаётся трудом или переносится им в неизменном виде на продукт, потребительная стоимость формируется трудом вместе со всеми его факторами, в том числе и теми, которые берутся из природы и являются потребительными стоимостями без содействия труда.

Потребительная стоимость продукта создаётся в процессе ***производственного потребления***, в котором труд потребляет предмет и средства в качестве своих жизненных средств. Заложенный в их потребительной стоимости прошлый труд в процессе потребления выявляет себя лишь с качественной стороны, особенно если он был недостаточно высоким. В нормальном же состоянии (в отличие от своей функции носителя стоимости) прошлый труд в потребительной стоимости средств и предметов труда не обнаруживает себя (например, машина, которая не служит в процессе труда, хотя и имеет стоимость, в потребительностоимостном отношении бесполезна — она может лишь ржаветь).

Потребительная стоимость предмета и средств труда, созданная прошлым трудом, может быть сохранена и использована в процессе их производственного потребления лишь посредством ***живого труда***. Контакт с последним является единственным способом их сохранения и использования как потребительных стоимостей. Именно живой труд должен охватить их, воскресить из мёртвых, превратить из возможных в действительные и действующие потребительные стоимости. Охваченные живым пламенем человеческого труда, они становятся элементами и материалом для создания потребительных стоимостей новых продуктов,

---

200 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 47. С. 58–59.

способных впоследствии войти в сферу индивидуального или производительного потребления[201].

В пламени труда потребительные стоимости, созданные прошлым трудом, как бы уничтожаются, живой труд их «пожирает» как органов своего неорганического тела и вместо них создаёт новые.

Старая форма их потребительной стоимости исчезает, но не бесследно, а возникает в форме новой потребительной стоимости. Труд создаёт новое творение взамен используемых им: воскрешает средства производства из мёртвых, одушевляя их, он превращает их в ферменты процесса труда и соединяется с ними в продукте.

Процессу производства потребительной стоимости, представленному выше в его основных чертах, обычно не придаётся значения определённости экономической формы. Эти черты рассматриваются как абстрактно общие моменты, присущие всякому производству независимо от его общественной формы. Можно согласиться с К. Марксом в том, что необходимо проводить различия между процессом производства как таковым и процессом создания стоимости, который по отношению к первому приобретает определённость экономической формы. Иначе производство капитала может быть отождествлено с производством потребительных стоимостей.

Это, однако, вовсе не означает, что процесс производства потребительной стоимости, кроме своих абстрактно всеобщих однородных признаков, присущих производству любого общества, не приобретает каждый раз одновременно с абстрактностью общей формы и конкретную, специфически определённую социально-экономическую потребительностоимостную форму.

Определённость экономической формы производства не исчерпывается стоимостной формой. К тому же и в рамках стоимостного отношения, как было показано, общие абстрактные моменты труда как созидатели потребительной стоимости образуют основание и фактор, определяющие саму ***экономическую форму стоимости***, в частности отношение между трудом как потребительной стоимостью и капиталом как овеществлённым трудом.

---

[201] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 194.

Если же речь идёт о производстве, в котором целью является потребительная стоимость, а не стоимость вообще, т. е. производство самого человека, то в этом своём качестве само производство потребительной стоимости предстаёт как ***определённость*** особой общественно-экономической формы. Здесь тоже следует различать особенность этой формы и абстрактно-общие моменты процесса производства потребительной стоимости, лежащие в основе любой его особой общественной формы. Тогда общее определение процесса труда в его простых и абстрактных моментах будет совпадать с его определением как процесса созидания потребительной стоимости, и, следовательно, как обмена веществ между человеком и природой — этого вечного условия человеческой жизни. Процесс производства потребительной стоимости, в свою очередь, будет общим основанием как своих специфических общественных форм, так и противоположной им меновой стоимости. Труд, следовательно, сохраняет свой двойственный характер (свою абстрактность и специфичность) и как созидатель потребительной стоимости, а не только за этими рамками, при его сопоставлении с меновой стоимостью, как это имеет место в «Капитале» К. Маркса[202].

Рассмотрим более подробно потребительную стоимость самого труда (рабочей силы) и через неё инновационную сущность труда, производящего потребительную стоимость.

Особое значение и одновременно трудность составляет определение потребительной стоимости самого труда, рабочей силы и развития человека как ценности. Дело в том, что в рамках стоимостной, хотя и трудовой, теории сам труд как источник стоимости, его качественно-количественные параметры, его динамика не могут быть объяснены, ибо труд вне своего овеществления в продукте стоимостью не обладает. Труд обойдён и маржинализмом, и не только потому, что представители этой школы

---

[202] Деление труда на абстрактный и конкретный, обнаружение его двойственного характера являются, безусловно, важным достижением К. Маркса. Вместе с тем это деление не исчерпывается тем, что абстрактный труд имеет отношение к стоимости и только к ней, а конкретный – лишь к потребительной стоимости. Труд, производящий потребительную стоимость, тоже имеет свой абстрактный, общий аспект и свои конкретные, специфические стороны.

не принимают трудовую концепцию в экономике. У них человек с его трудом оказывается на стороне оценивающего субъективного «Я», но не может стать объектом оценки, ибо тогда некому оценивать. Труд сам по себе, с их точки зрения, тоже не является благом и не представляет собой ценности. Средства существования, на которые выменивается труд, также не могут служить ни непосредственной причиной, ни определяющим принципом цены труда[203].

Как же быть: если стоимость товара определяется овеществлённым в нём общественно необходимым трудом, то чем определяется сам труд, его необходимость и полезность, качество, те или иные затраты? Вот вопрос, на который нужно ответить от имени другой научной парадигмы — трудовой теории потребительной стоимости.

Попытки подвести живой труд под определение стоимости неизменно приводили и приводят к тавтологии, к порочному кругу: стоимость труда в конечном счёте оказывается обусловленной тем же трудом, затраченным на его воспроизводство. «Здесь масштабом стоимости и основанием для её объяснения объявляется сама стоимость, — получается, следовательно, порочный круг»[204].

Стоимостью, как известно, может обладать лишь овеществлённый в рабочей силе труд. Но и определение стоимости рабочей силы воплощённым в жизненных средствах трудом, т. е. посредством стоимости последних, мало что даёт для объяснения масштабов и динамики живого труда, поскольку его функционирование непосредственно зависит не от стоимости, а от потребительной стоимости жизненных средств. Оплата труда в этом случае сама определяется, как это утверждали ещё физиократы, средними жизненными потребностями.

Смитовское второе определение стоимости товара посредством стоимости самого труда, а стоимости труда — стоимостью обмениваемого на труд товара, может иметь силу лишь тогда, когда продукт труда отдельного работника или индивидуального производителя непосредственно измеряется затраченным на его

---

[203] Австрийская школа в политической экономии: К. Менгер, Е. Бём-Баверк, Ф. Визер. С. 147–148.

[204] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I. С. 44.

производство трудом (рабочим временем). Так, например, Робинзон должен был определять, какое в среднем количество рабочего времени требует производство каждого продукта, необходимого для удовлетворения его соответствующей потребности. В воплощённом в потребительной стоимости продукта труде Робинзона уже заключены, по словам К. Маркса, все существенные определения стоимости. Дело лишь в том, что время, затраченное на производство данного продукта, попадает в зависимость от его потребительной стоимости и соответствующей потребности Робинзона. Его прошлый и живой труд по величине совпадают.

Если же предположить наличие многих работников, которые являются индивидуальными товаропроизводителями и продавцами своих товаров, то при их обмене можно было стоимостью продукта труда (овеществлённым трудом) определить ценность живого труда: стоимость, например, восьмичасового труда отдельного работника была бы равна стоимости произведённого им товара, обмениваемого на другой товар, в котором содержится тоже восьмичасовой труд. В этом случае, во-первых, очевидно, что обмениваются равные количества овеществлённого труда согласно закону стоимости, во-вторых, и это надо подчеркнуть, определённое количество живого труда обменивается на равное количество овеществлённого труда, т. е. живой и овеществлённый труд оказываются тождественными. Но даже в этих условиях стоимость труда нельзя принимать за меру стоимостей в том же смысле, в каком мерой стоимостей является рабочее время, или самый труд, овеществлённый в данном товаре. Живой и прошлый труд здесь были бы лишь показателями друг для друга, т. е. один был бы всего лишь представителем другого. Разрешить противоречие, возникающее из введённого А. Смитом понятия «стоимость труда», особенно при анализе обмена труда на капитал, можно было только отказом от этого понятия и его заменой понятием «стоимость рабочей силы», которая не совпадает со стоимостью продукта, создаваемого рабочей силой.

Если живой труд не может быть измерен количеством прошлого труда, затраченного на его воспроизводство, то понятие «стоимость рабочей силы» тоже не годится для объяснения того, почему рабочее время, затрачиваемое на содержание и воспроизводство рабочей силы, весьма отличается от времени всего труда,

который выполняется рабочей силой. Из закона эквивалентного обмена стоимости рабочей силы на стоимость необходимых для её воспроизводства жизненных средств невозможно объяснить получение прибавочной стоимости и возрастание капитала. И не только это, но и коренное свойство труда и человека создавать прибавочный продукт, превосходить в результатах труда его затраты.

Чтобы создать теорию, объясняющую производство прибавочной стоимости, К. Марксу пришлось обратиться к категории, противоположной стоимости, — к потребительной стоимости труда и рабочей силы. Именно последняя, т. е. потребительная стоимость рабочей силы, и её реализация посредством труда образуют существо экономического отношения и экономическую определённость формы, в которой осуществляется производство капитала. Сама прибавочная стоимость у К. Маркса выводится из специфической потребительной, а не меновой стоимости рабочей силы, и соответственно у него потребительная стоимость рассматривается совершенно по-иному, чем в прежней политической экономии. В отношениях между трудом и капиталом потребительная стоимость рабочей силы не просто входит в экономическую форму в качестве фактора, определяющего эту форму. При обмене между трудом и капиталом потребительная стоимость обмениваемого на деньги труда (рабочей силы) образует сущностное отношение капиталистического производства, выступает как особое экономическое отношение[205]. Причём эта категория и выражаемое ею отношение приобретают самую важную познавательную силу для объяснения производства капитала.

Что же представляет из себя потребительная стоимость рабочей силы? В условиях производства капитала потребительная стоимость рабочей силы сводится к её способности доставлять труд и создавать стоимость, причём большую стоимость, чем она сама имеет. Получается, что прошлый труд, который заключён в рабочей силе, и тот живой труд, который она может выполнить, — это две совершенно различные величины. В их разности и проявляется величина потребительной стоимости рабочей силы, труда. Следовательно, потребительная стоимость рабочей

[205] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 216–217, 225.

силы сводится к избытку количества труда, доставляемого работником, над тем его количеством, которое затрачивается на воспроизводство самого работника. Поскольку эти затраты реализуются в стоимости рабочей силы, то избыток, доставляемый ею, принимает форму дополнительной продолжительности рабочего времени, т. е. прибавочного труда, превышающего необходимое рабочее время, нужное для воспроизводства самого работника. Потребительная стоимость его рабочей силы определяется не тем рабочим временем, которое нужно для её сохранения и воспроизводства, а тем, которое затрачивается сверх возмещения этого воспроизводства, например одним рабочим днём, а меновая стоимость — только половиной рабочего дня. Меновая стоимость будет минусом по отношению к потребительной стоимости рабочей силы. Из этого одновременно следует, что прибавочная стоимость может возникнуть и возрастать исключительно за счёт дополнительной продолжительности труда и рабочего времени, а не за счёт роста их производительности, так как последняя в рамках данного рабочего времени лишь изменяет соотношение необходимого и прибавочного рабочего времени в пользу прибавочного. В целом, т. е. в общем случае, рост производительности труда уменьшает стоимость продукта, в том числе и рабочей силы. Что же касается её потребительной стоимости, то её рост совпадает с увеличением производительности труда, здесь продолжительность дополнительного рабочего времени теряет своё определяющее значение.

Рабочая сила обнаруживает свою потребительную стоимость не только в использовании труда капиталом[206]. Специфика потребительной стоимости рабочей силы, выраженной в её способности создавать прибавочную стоимость, имеет под собой более общую основу — коренное свойство труда создавать результат, превосходящий его затраты.

К сожалению, это свойство обычного труда не только не возводится на уровень его сущностных характеристик, но и часто

---

[206] «Для капитала потребительная стоимость рабочей силы заключается именно в избытке того количества труда, которое доставляется рабочей силой, над тем количеством труда, которое овеществлено в ней самой и которое требуется для её воспроизводства» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 48. С. 50).

упускается из виду при анализе труда. Причина тому — обычное рассмотрение труда только в рамках процесса создания стоимости, т. е. как абстрактного труда. Изображение К. Марксом процесса производства и труда в «Капитале», как он сам об этом пишет, покоится «на анализе абстрактного труда, труда как затраты рабочей силы, — безразлично, каким „полезным“ способом она затрачивается»[207]. Но в этих рамках, т. е. когда имеется в виду стоимость затрат и результатов, превышение результатов труда над его затратами не обнаруживается. Даже прибавочная стоимость, выводимая из потребительной стоимости рабочей силы, имеет свой эквивалент затрат в виде прибавочного труда, следовательно, не превосходит этих затрат. Поэтому К. Марксу приходилось потребительную стоимость рабочей силы в общем случае ограничивать её способностью «доставлять труд», «создавать стоимость». Что же касается превышения на величину прибавочной стоимости рабочей силы, то это выходило за рамки эквивалентного стоимостного обмена, принятого К. Марксом в качестве исходного принципа в первом отделе «Капитала».

Превосходство результатов труда над его затратами — это уже другой закон, которому подчинён труд, производящий не стоимость, а потребительную стоимость. Такого закона экономическая наука, в отличие от хозяйственной практики, пока не знала и не знает.

В общеэкономическом смысле, тождественном потребительно-стоимостному подходу, прирост потребительной стоимости рабочей силы обнаруживается в том факте, что работник производит больше, чем потребляет, что из производства выходит большее количество потребительной стоимости, чем в нём потребляется. Что же касается избытка труда, доставляемого рабочей силой, над затратами её собственного воспроизводства, то это достигается тем, что потребительная стоимость рабочей силы увеличивается за счёт использования потребительной стоимости материальных средств производства и природных сил, с одной стороны, и умножением собственной производительной субъективной силы работника посредством потребления им материальных и духовных

[207] Маркс К. Замечания на книгу А. Вагнера «Учебник политической экономии» // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 19. С. 385.

благ в процессе воспроизводства своей рабочей силы. За счёт этого происходит замещение, высвобождение малоквалифицированного простого труда высококвалифицированным, сложным трудом, сопровождающееся уменьшением общего количества труда, поскольку большее количество простого труда равняется меньшему количеству сложного. Труд, высвобожденный в результате внедрения более квалифицированного труда, будет большим, чем затраты на подготовку квалифицированных работников.

Таким образом, потребительная стоимость рабочей силы может быть выражена: а) отношением всего количества функционирующего труда к его части, затрачиваемой на собственное воспроизводство рабочей силы; б) отношением высвобождаемого труда к затратам на подготовку квалифицированного труда, замещающего простой труд. Что касается затрат на покупку жизненных средств и их потребление, то они не имеют прямого отношения к процессу самого труда, являются его внешним условием, не входят в него, а если и входят (работник должен принимать пищу во время труда), то лишь как материал для поддержания дееспособности работника. Но это не значит, что за пределами процесса труда отпадает вопрос о потребительной стоимости жизненных средств. Здесь мы можем лишь предварительно сказать, что потребительная стоимость предметов потребления в конечном счёте реализуется тоже в высвобождении труда, достигаемом за счёт замещения сложным трудом более простого труда. Но это касается уже потребительного производства, в котором осуществляется воспроизводство человека и общества. В нём потребительная стоимость предметов потребления оказывается лишь моментом, а конечным результатом выступает уже не продукт производства, а сам человек и само общество. Закон потребительной стоимости, соответственно, приобретает форму социологического закона, выражающего человеческое развитие.

Превосходить своими результатами свои же затраты — это, как явствует из сказанного, коренное свойство труда и человека как работника. Чем же его объяснить, можно ли принять этот принцип за аксиому так же, как в случае со стоимостным принципом равенства затрат и результатов?

Очевидно, что превышение результатов труда над его затратами достигается в первую очередь за счёт использования

человеком энергетических сил природы и технико-технологических средств как усилителей сил труда. Этот источник возрастания потенциала труда не нуждается в особых доказательствах, на этом обычно строится теория роста производительности труда. Что же касается возвышения сил самого человека, применяемых им в своём труде, то здесь следует иметь в виду, по крайней мере, два не очень изученных источника, делающих результат труда выше его затрат. Ими являются: а) потребление людьми жизненных средств, повышающих потребительную силу общества и его трудовой потенциал, реализующихся в увеличении конечного результата труда; б) использование дополнительных производительных сил труда, возникающих из способов совместной деятельности людей (силы кооперативного, обобществлённого труда).

Относительно первого источника, т. е. как из потребительных жизненных средств может возникнуть превышающий соответствующие затраты результат, в научной литературе сказано очень мало. Можно сослаться на представителей теории потребления, опирающихся на концепции предельной полезности и данные психологии. Так, согласно С. А. Первушину, «экономически целесообразным будет лишь потребление, удовольствие от которого превышает тягостность затрат на него, которое даёт известную положительную разницу»[208]. Для обозначения этой разницы вводятся по аналогии с производством понятия «потребительская прибыль», «потребительский доход», «потребительская рента», призванные отразить дополнительный результат от потребительной деятельности. Соответственно, С. А. Первушиным делается поправка ко второму закону Г. Госсена. Вместо предельной полезности продукта ставится предельный доход потребителя: «моментом, определяющим потребление, является не предельная полезность, а предельный доход, предельная рента потребителя»[209]. Определяется предельный доход (как и предельная полезность) на основе ранжирования получаемого удовольствия от потребления последних долей благ, т. е. на основе субъективных

[208] Первушин С. А. Очерки по теории массового потребления // Экономист, 1922. №4–5. С. 40.

[209] Первушин С. А. Очерки по теории массового потребления // Экономист, 1922. №4–5. С. 84.

предпочтений людей. Определённым шагом вперёд в этом вопросе явилась теория потребительского излишка (А. Маршалл, Д. Хикс и другие). Особая заслуга здесь принадлежит французскому экономисту М. Алле («Theorie generale des surplus», Paris, 1989), предложившему концепцию распределяемого излишка, связанного с высвобождением того или иного блага.

Более плодотворным представляется объяснение дополнительной результативности, получаемой трудом от потребления жизненных средств, по объективным критериям, в частности посредством превращения энергии, воплощённой в предметах потребления, в человеческую энергию, позволяющую труду достигать результата, превышающего затраты. В этом отношении можно сослаться на работу С. А. Подолинского «Труд человека и его отношение к распределению энергии», в которой труд представлен процессом, увеличивающим бюджет энергии человека и обладающим, в отличие от механических процессов, коэффициентом полезного действия выше ста процентов. Автор, например, полагал, что энергия, накопленная в земледельческом продукте и реализуемая при его потреблении, в два десятка раз превышает количество энергии, затраченной человеком на земледелие. Можно, конечно, эти «разы» объяснить тем, что человек использует и сохраняет в земледельческом продукте солнечную энергию. Но это не отрицает решающей роли труда в сбережении этой энергии и в увеличении бюджета энергии, находящейся в распоряжении человека. Труд при своей реализации сберегает энергии в десятки раз более, чем он сам заключает. Соответственно, труд им трактуется как «действия, увеличивающие бюджет превратимой энергии человечества»[210].

Безусловно, жизненные средства должны быть включены в состав факторов (кроме природных двигательных сил, технических средств), усиливающих результативность труда. Здесь важно выяснить, какой вид энергии, получаемой человеком от потребления жизненных средств, более всего сберегает затраты труда и тем самым увеличивает его продуктивность. Известно, что мускульная сила человека, используемая в качестве двигательной

---

[210] Подолинский С. А. Труд человека и его отношение к распределению энергии // Подолинский Сергей Андреевич. М., 1991. С. 51, 63, 76.

силы, составляет мизерную долю в производимой для этих целей мировой энергии. Соответствующие расчёты свидетельствуют, что производимая, например, в 2000 г. в мире электрическая энергия способна была бы потенциально высвободить в течение года труд 70 млрд человек, занятых производством двигательной энергии на основе использования мускульной силы, т. е. число лиц, примерно в десять раз превышающее общую численность населения земного шара[211].

Другое дело — физическая и умственная энергия людей, используемая ими при обслуживании технических и технологических процессов и связанная с исполнительными функциями человека при машинах и механизмах. Эта функция, усиливающая продуктивность техники и технологических процессов, является основной формой, в которую превращается энергия потребляемых жизненных средств. И здесь через труд сберегается энергии тоже в десятки раз больше, чем расходуется в процессе труда: при помощи техники высвобождается громадное количество живого исполнительского человеческого труда.

Особая значимость в сбережении человеческого живого труда принадлежит умственной энергии, приобретаемой человеком вследствие потребления жизненных средств и духовных благ, затраты на создание которых не идут ни в какое сравнение с теми результатами, которые даёт практическое использование знаний, информации, опыта. Можно ещё раз напомнить, что только одно изобретение паровой машины Джемсом Уаттом, по словам Ф. Энгельса, принесло миру в первые пятьдесят лет своего использования больше, чем мир с самого начала затратил на развитие науки[212]. По подсчётам С. Г. Струмилина, результаты, получаемые от работы обученных рабочих, превышают соответствующие затраты на школьное обучение в 27,6 раза[213].

Эффект от потребления человеком материальных и духовных благ лучше всего выразить в обобщённом виде понятием

---

[211] Байнев В. Ф. Научно-технический прогресс и энергосбережение: потребительностоимостной анализ эффективности производства электроэнергии. Саранск, 1988. С. 50–51.

[212] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1. С. 555.

[213] Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда. М., 1957. С. 163.

«потребительная сила» труда (соответственно, человека и общества), которая вполне согласуется с подобными же характеристиками труда: «рабочей силой» человека, «производительной силой» труда и т. п. Можно, следовательно, ставить вопрос о превращении потребительной силы в рабочую силу и в производительную силу, и наоборот, а также говорить о возрастании потребительной силы общества и человека, о способах и факторах её увеличения. Введение в экономический анализ понятия потребительной силы, т. е. способности к потреблению, позволяет более основательно выделить объективное содержание потребительной деятельности, отмежеваться от часто встречаемой психологической её характеристики, ставящей её в полную зависимость от субъективных оценок.

Категория потребительной силы, и это главное в данном случае, позволяет потребительную деятельность объяснить законами движения потребительной стоимости и преодолеть ограничения, накладываемые на неё законом стоимости. Поскольку потребительная стоимость рабочей силы и её мера заключены не в труде, овеществлённом в ней, не в её стоимости, то обусловленность потребления (спроса) стоимостью (доходами), рабочим временем попадает в ложное положение. При обилии произведённых для рынка товаров человек может оказаться не только за чертой бедности, но и лишиться необходимых средств к существованию. Рынок признаёт только платёжеспособного покупателя, того, у кого есть деньги. Он в этом отношении безразличен к потребителю: товар достаётся тому, кто может заплатить, а не тому, кто больше всего нуждается, имеет настоятельную «склонность» к потреблению. В рамках закона стоимости для громадной массы трудящегося населения мера потребления обусловливается стоимостью рабочей силы, мерой необходимого по условиям её воспроизводства труда. В данном случае для определения величины потребления пользуются единицей труда и заработной платой за эту единицу труда — единицей заработной платы в её денежном выражении. Соответственно, потребности и потребление получают своё выражение в платёжеспособном спросе, а их зависимость от меры труда (производства) — в предложении товаров. Спрос и предложение выступают двумя переменными величинами, измеряемыми денежной мерой.

Другой характер носит общественная мера потребления, которая исходит из потребительной силы и базируется не на стоимостной, а на потребительностоимостной основе. Она должна отвечать природе самой потребительной силы. Там, где господствует потребительная стоимость и сами потребности обусловливают пределы рабочего времени, необходимого для их удовлетворения, рабочее время теряет своё значение меры потребления, ибо оно само удлиняется или сокращается в зависимости от того, сколько нужно доставить того или иного количества потребительных стоимостей. Смысл общественного прогресса в этом отношении сводится к тому, чтобы потребление не определялось минимумом времени, необходимым для производства, поскольку само «рабочее время перестаёт и должно перестать быть мерой богатства, и поэтому меновая стоимость перестаёт быть мерой потребительной стоимости»[214].

Сокращение рабочего времени, обусловленное научно-техническим прогрессом, не может приниматься за признак уменьшения потребления. Наоборот, экономия рабочего времени должна вести к увеличению богатства общества и свободного времени. Последнее, превращаясь в мерило развития человека как истинного богатства, тем самым становится и мерой развития способности к потреблению, мерой потребительной силы общества. Это соответствует требованиям закона потребительной стоимости, согласно которому высвобождаемое в результате реализации потребительной стоимости время превосходит затраченное рабочее время и, следовательно, потребление, совершаемое в свободное время, должно измеряться последним. Когда же в качестве меры используется рабочее время, то такое потребление свидетельствует по существу о бедности. Рабочее время, в том числе прибавочное, поглощая почти всё время трудящихся масс, лишает их свободного времени, которое становится временем для немногих. Они и получают простор для своего развития, в том числе и для потребления.

При характеристике потребительной способности общества нельзя ограничиваться её рассмотрением только «в-себе», т. е. в рамках взаимоотношения численности потребителей

---

214 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 214.

и величины их потребности в тех или иных благах, выраженных, например, в единицах этих благ или потребительской корзины. Потребительная сила должна быть определена не только как сущее «в-себе», но и в своём «для-себя» бытии, в зависимости от факторов, влияющих на неё. К этим факторам относится прежде всего производительная сила общества, а также состояние пропорций распределения продукта на части, предназначенные для личного и производительного потребления, пропорциональность распределения труда по подразделениям производства, соответствие этого распределения структуре потребностей общества. Потребительная сила общества в общем и целом, в конечном счёте, представляет собой функцию его производительной силы. Ещё классиками политической экономии было установлено, что чем больше производится потребительных стоимостей, тем выше уровень удовлетворения потребностей людей. Впоследствии, в частности, в работах Дж. М. Кейнса эта концепция была подвергнута критике. Она, по мнению Дж. М. Кейнса, была построена на основе натурального обмена, не учитывала самостоятельной роли денег[215]. Дж. М. Кейнс предложил исходить не из производства, не из предложения, а из спроса, объективные факторы которого лежат на стороне дохода и его различных компонентов.

Нельзя, конечно, недооценивать влияния потребления на величину производства, но оно не отменяет решающей роли производства в удовлетворении потребностей, т. е. не следует пренебрегать общей зависимостью потребительной силы от производительной силы общества. Более того, многие проблемы спроса и предложения, не решаемые с позиции опосредствующих их стоимостных механизмов, легко могут быть решены, если исходить из взаимодействия производства и потребления в потребительностоимостной плоскости. Ф. Энгельс был прав, видя истинный смысл конкуренции (соревнования) во взаимоотношениях потребительной и производительной сил. В будущем строе, достойном человечества, по его мнению, не будет иной конкуренции, кроме этой. Общество должно будет рассчитывать, что можно произвести при помощи находящихся в его распоряжении средств и сообразно

[215] Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1978. С. 73.

с отношением своей производительной силы к массе потребностей определять уровень удовлетворения потребностей[216].

Если производительную силу общества выразить величиной высвобождаемого из сферы материального производства труда (производительного рабочего времени), то этот высвобождаемый для других видов деятельности труд (время) в расчёте на душу населения будет индексом роста потребительной силы. Увеличение производительности труда в общественном масштабе предполагает, что существующие потребности удовлетворяются применением в производстве меньшего количества труда (времени), чем прежде. Следовательно, высвобождаемый труд (время) может быть затрачен на удовлетворение новых или других потребностей, не реализуемых в прежних условиях. Отношение же высвобождаемого из сферы материального производства труда к занятому в ней труду может служить нормой потребительной способности общества. Эта норма является критерием, по которому определяется возвышение потребностей. Содержанием этого процесса будет образование новых или реализация ранее не удовлетворённых потребностей. Их возрастание обеспечивается в первую очередь превращением сэкономленного в материальном производстве труда и рабочего времени в другие виды деятельности, порождающие и удовлетворяющие новые потребности. Тем самым в возвышении потребностей закон потребительной стоимости получает своё адекватное выражение.

С ростом производительности труда норма потребительной способности неизбежно повышается, что никак не умещается в стоимостную схему движения конечного совокупного продукта, предлагающую падение этой нормы в связи с растущим преобладанием труда по производству той части продукта, которая идёт не на личное, и на производственное потребление. Повышение же потребительной способности общества подчиняется другому закону — закону возвышения потребительной стоимости и может быть выражено схемами воспроизводства, построенными на потребительностоимостной основе. Из них следует приоритетность потребления и его определяющее влияние на объёмы производственного накопления. В этом случае конечным результатом

---

216 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1. С. 562.

общественного материального производства следует считать фонд индивидуального потребления, а затраты деятельности по реализации этого фонда, в том числе по воспроизводству рабочей силы, должны быть исключены из состава издержек материального производства.

Если же подходить к этому вопросу со стороны изменения стоимостного строения производства (капитала), то приходится признать постоянное увеличение труда, расходуемое на производство средств производства, и сравнительное уменьшение труда, затрачиваемого на производство предметов потребления. Из изменения этого соотношения ($C>V$) следует, что развитие производительной силы не сопровождается таким же развитием потребительной силы общества. Наоборот, ограниченное потребление населения становится полюсом, противостоящим стремлению капитала развивать производительные силы. В результате того, что этому стремлению противостоит падающее потребление масс, возникают кризисы, разрушающие производительные силы и ещё больше снижающие уровень потребления населения. Чтобы не допустить возможности делать такие выводы из анализа движения стоимости, её защитникам ничего другого не остаётся, как изъять из стоимости конечного продукта стоимость средств производства (C), растворить её в стоимости необходимого и прибавочного продукта ($V+M$), т. е. вернуться к положению А. Смита о том, что конечный продукт по стоимости полностью разлагается на заработную плату, прибыль, ренту. На деле же нет никакой необходимости возвращаться от К. Маркса к А. Смиту. Надо лишь признать, что законом эквивалентного обмена (законом стоимости) не объясняется ни источник происхождения прибавочной стоимости, ни соответствующий рост потребления общества. Для этого следует обращаться к потребительной стоимости рабочей силы — к труду, в горниле которого человек создаёт больше, чем затрачивает.

Не приводит ли эта асимметрия затрат и результатов к нарушению пропорциональности между производством и потреблением? Ведь мы привыкли видеть её в равновесии спроса и предложения, обусловленном рыночным механизмом и стоимостной эквивалентностью. Это представление, однако, поверхностно и ошибочно. В действительности стоимостной механизм

разрушает единство производства и потребления, их соответствие. Последнее достигается лишь в том случае, когда производство непосредственно подчинено потреблению, а условия потребления определяют время, затрачиваемое на производство материальных и духовных благ, причём пропорциональность достигается здесь на основе неравновесности результатов и затрат труда. Если бы потребительная стоимость рабочей силы равнялась затратам труда на её воспроизводство, то её полезный эффект составлял бы нуль, и мы имели бы дело опять-таки с «нулевым» ростом.

Другим источником превышения результатов труда над его затратами, лежащим на стороне самой человеческой деятельности, является, как уже сказано, её коллективный характер, общественный (совместный) способ её осуществления. В условиях совместной деятельности получается результат, намного превышающий сумму достижений отдельных тружеников, работающих изолированно. Он возникает из создаваемой совместной деятельностью общественной производительной силы, которая также превосходит сумму сил отдельных работников. Трудно даже представить, какое поистине громадное богатство создаётся благодаря превращению труда в общественный процесс, его обобществлению в масштабах всего общества, включая воссоединение физической деятельности с умственной на базе высоко развитых технологий и концентрации средств производства.

Преимущества совокупного работника, не интегрируемого и не сводимого к сумме сил его составляющих, дали повод говорить о создании некоего «социального капитала», нередко отождествляемого с обычным капиталом. В смысле особой общественной производительной силы, подчиняемой капиталом и используемой им для своего возрастания, можно пользоваться этим понятием в значении метафоры. Если же его трактовать как самовозрастающую стоимость, то это было бы не только неуместным, но и ошибочным. Дело в том, что продукт кооперативного процесса труда, взятого в качестве стоимости, не может быть больше суммы затрат рабочего времени отдельных лиц. С точки зрения производства стоимости, безразлично, создают ли её работники

по отдельности или они это делают совместно[217]. Дополнительный результат совместного труда является следствием возвышения общественной потребительной стоимости рабочей силы, а не её меновой стоимости, как бы ни эксплуатировалась её потребительная стоимость.

Результатом совместного, кооперированного труда в потребительностоимостном отношении является высвобождаемый применением его общественных производительных сил живой человеческий труд. Из объёма высвобождаемого труда должны быть вычтены затраты труда работников, обслуживающих этот совместный труд — главным образом, работников управления, необходимых для согласования индивидуальных работ, контроля, учёта и выполнения других подобных функций. Этого рода затраты ныне обычно называют «социальными» или «трансакционными» издержками, необходимыми для обеспечения взаимодействия людей в их общественном трудовом процессе (раньше они относились к затратам непроизводительного труда). Их экономия считается критерием, по которому оценивается воздействие системы управления и социальных институтов на аллокацию ресурсов и структуру производства, следовательно, на эффективность производства.

Такого рода критерий, т. е. затратный подход, отождествляя затраты с результатами, не выводит за пределы стоимостной эквивалентности, не позволяет выявить действительные результаты, касающиеся развития самого человека. Ведь затраты труда для обслуживания трансакционной сферы своим источником имеют тот же высвобожденный из производства и превращённый в управленческую и иную деятельность труд. Экономить его — значит или экономить уже затраченное, или увеличивать за счёт этой экономии сферу затрат производительного труда, что не согласуется с научно-техническим прогрессом и с ростом производительных сил труда.

---

[217] «В производстве стоимости множество всегда имеет значение только суммы многих отдельных единиц» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 333).

§ 3. Способы увеличения потребительной стоимости, свойственные живому труду

Если из анализа труда непосредственно нельзя переходить к объяснению увеличения капитала (в конечном счёте, труд при капитализации превращается в прибавочную стоимость и капитал), то для объяснения увеличения потребительной стоимости не только можно, но необходимо обращаться к труду. Поэтому производство прибавочной стоимости, её абсолютной и относительной формам мы должны противопоставить производство прибавочной потребительной стоимости и её форм, с которыми связано действительное экономическое развитие и преодоление самого отношения прибавочной стоимости к необходимому труду.

Преобразуется прежде всего содержание понятия общественно необходимого труда: этот труд становится необходимым не по отношению к стоимости рабочей силы, её воспроизводства, а по отношению к потребительной стоимости средств, необходимых для удовлетворения потребностей общества. Это означает, что имеется в виду не рабочее время, необходимое для создания стоимостей, равных стоимости жизненных средств, нужных для обеспечения существования рабочего, а относительная необходимость общественных потребностей, удовлетворяемых продуктами различных видов труда.

В рамках общественно необходимого труда, рассматриваемого и понятого с позиций производства потребительной стоимости, может быть выделено понятие прибавочного труда и прибавочного продукта в значении потребительной стоимости. В этом случае прибавочный труд отдельного работника, выполняемый им за пределами его насущных потребностей, по существу представляет собой труд для общества, а прибавочный продукт — общественные фонды потребления. Тот и другой вид труда, соответствующее им общее количество рабочего времени здесь определяются кругом расширяющихся потребностей общества и его членов.

В этом смысле прибавочный труд вообще как труд сверх меры данных потребностей всегда должен существовать. Его определённое количество требуется не только для создания страхового фонда и фонда для расширения процесса воспроизводства, но и как материальный базис всего общественного развития и всей культуры

вообще. Избыток в виде прибавочного продукта был и остаётся основой всякого общественного и духовного прогресса.

Там, где речь идёт о производстве потребительной стоимости, прибавочный труд предполагает ограничение всего рабочего времени, посвящённого материальному производству, пределами разумных потребностей, связанных с развитием человека и общества, а не с всякого рода бесполезными излишествами. От развития производительных сил, от производительности труда зависит величина производства нужных потребительных стоимостей, и, соответственно, продолжительность как общего, так и прибавочного рабочего времени общества. В итоге богатство будет определяться не продолжительностью прибавочного труда, а его производительностью. Прибавочный труд может быть велик при общей небольшой продолжительности рабочего дня и, наоборот, занимать небольшое время при более или менее большой продолжительности рабочего дня. При всём при этом там, где господствует производство потребительной стоимости, величина рабочего времени не приобретает важного значения, как это происходит при капитализме, ибо его продолжительность определена потребностями в жизненных средствах и средствах развития для самих работников. Они, следовательно, сами определяют продолжительность своего рабочего времени.

Это, однако, не умаляет общей значимости прибавочного труда и прибавочного продукта для судеб общественного развития. К. Маркс вполне обоснованно полагал, что та форма, в которой этот прибавочный труд выжимается из непосредственного производителя, отличает экономические формации общества друг от друга и может служить надёжным критерием социального прогресса. Лишь в обществе, в котором господствует производство во имя наилучшего удовлетворения потребностей всех, снимается противоположность и антагонизм между необходимым и прибавочным трудом, их различённость в социальном отношении теряет смысл. Весь труд становится необходимым, но таковым он делается по отношению к производимой потребительной стоимости, идущей на удовлетворение нужд всего общества. Это даёт основания для того, чтобы снять само деление труда на необходимый и прибавочный с тем, чтобы прибавочный продукт выступал в качестве продукта, необходимого для общества. Если ту часть общественного продукта, которая идёт на индивидуальное

потребление работника, довести до уровня, достаточного для его полного развития, а другую его часть свести к той мере, которая необходима в данных условиях для образования общественных фондов потребления и для расширения воспроизводства опять-таки в степени, определяемой общественной потребностью, то необходимый и прибавочный труд, и, соответственно, необходимый прибавочный продукт теряют значение двух противоположностей и приобретают значение лишь различных форм существования общественно необходимого труда и продукта[218].

Соответственно, при рассмотрении производства потребительной стоимости мы будем иметь в виду именно этот смысл общественно необходимого труда, т. е. труда, необходимого по условиям производства не стоимости, а потребительной стоимости.

Известно, какое серьёзное значение имеет повышение производительной силы труда для уменьшения необходимого и увеличения прибавочного труда как основы увеличения прибавочной стоимости. Но мы должны знать, что все способы, используемые для повышения производительной силы труда, имеют отношение не к труду, выраженному в стоимости, а к процессу труда, производящего потребительную стоимость. Действительное богатство общества, как известно, по своему содержанию тоже состоит из потребительных стоимостей. Объяснить возможность увеличения этого богатства законом производства стоимости тоже невозможно, ибо в этом законе предполагается тождество стоимостных затрат и результатов. Соответственно, всё развитие производительных сил касается не меновой стоимости, а потребительной стоимости.

Участие труда в увеличении производства потребительной стоимости может быть сведено к двум общим моментам: к продолжительности времени труда и его производительности. По аналогии можно говорить об абсолютной и относительной прибавочной потребительной стоимости.

Очевидно, что при данном уровне развития производительных сил масштабы производства продуктов как потребительных стоимостей будут зависеть от объёма применяемого рабочего времени:

---

[218] «Целью является уничтожение самого отношения необходимого и прибавочного труда; так, чтобы прибавочный продукт сам выступал в качестве необходимого продукта...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 111).

продукт восьми часов труда представляет собой вдвое большую величину, чем продукт четырёх часов труда. При производстве потребительной стоимости, как было сказано, важно лишь учитывать то обстоятельство, что общий объём рабочего времени будет определяться наличными потребностями общества.

По-другому воздействует труд на производство дополнительной потребительной стоимости со стороны своей производительной силы. Прежде всего, надо иметь в виду, что это воздействие существенно отличается от производства прибавочной стоимости. Стоимость, представленная в прибавочном продукте, может не возрастать, если в нём заключено одно и то же количество рабочего времени. Вовсе не обязательно, чтобы прибавочный продукт, полученный в результате повышения производительности труда, выражался в увеличивающейся стоимости. Если, например, восемь метров ткани являются продуктом такого же количества рабочего времени, которое раньше выражалось в четырёх метрах ткани, то восемь метров ткани заключают в себе стоимость не бóльшую, чем раньше включали в себя четыре метра. Прибавочная потребительная стоимость не обязательно влечёт за собой увеличение стоимости. Наоборот, повышение производительности труда в общем случае уменьшает стоимость, хотя увеличивает её прибавочную часть. Но последняя проистекает не из созданных дополнительно потребительных стоимостей, а из того, что уменьшается необходимый труд. Совсем по-другому производительность труда влияет на производство потребительной стоимости.

Развитие производительных сил и повышение производительности труда непосредственное отношение имеют не к меновой стоимости, а к потребительной стоимости. Поэтому все способы и средства повышения производительности труда относятся к процессу труда, а не к процессу увеличения стоимости.

Об этом свидетельствует, в первую очередь, исходная и основная форма повышения производительной силы труда — кооперация. Она одновременно является и всеобщей формой, поскольку имеет дело с общественной формой труда, которая составляет базис всех форм организации труда, предназначенных для увеличения его производительности. Вместе с тем она одновременно имеет и свою особую, исходную форму, отличную от своих развитых форм и одновременно образующих их основу.

В этой своей исходной форме кооперация представляет собой трудовое взаимодействие многих работников для достижения одного и того же результата, для производства одной и той же потребительной стоимости или одного и того же полезного эффекта. Особенность этого непосредственного трудового взаимодействия — это обмен и взаимодействие деятельностей, отсутствие обмена меновых стоимостей. С самого начала истории наивысшие достижения человечества, такие как ирригационные системы Месопотамии и Египта, Великая Китайская стена и пирамиды Хеопса, создавались на основе кооперативного обобществления труда, базирующемся не на товарном обмене, а на обмене деятельностью. Да и в наше время многие общечеловеческие достижения, например, использование атомной энергии, строительство международной космической станции, были сделаны благодаря системам обмена деятельностью, а вовсе не путём товарного обмена.

Дело в том, что новая производительная сила возникает из обобществлённого посредством кооперации труда, производящего не стоимость, а потребительную стоимость. С точки зрения производства стоимости, будет безразличным, производят ли её тысяча работников каждый отдельно, или вместе. В обоих случаях стоимость их продукта будет равна сумме общественно необходимого времени, затраченного на создание этой стоимости.

То же самое можно сказать о производстве прибавочной стоимости. Её масса будет равна этой же прибавочной стоимости, которую доставляет отдельный рабочий, помноженной на число всех одновременно занятых рабочих. Число это само по себе не влияет и на норму прибавочной стоимости. Качественные изменения в процессе труда тоже безразличны для производства товарной стоимости. В производстве стоимости множество всегда имеет значение только суммы многих отдельных единиц[219].

---

[219] По образцу стоимости и стоимостного отношения нередко трактуется само общество: оно сводится к сумме составляющих его членов. Тем самым отрицается значимость общества как первоисточника процессов обобществления (кооперирования) как в сфере труда, так и в других областях жизнедеятельности, позволяющих усиливать их потенциалы, проистекающие из специфических формационных образований общества. Методологический индивидуализм тоже оказывается порождением стоимостного отношения.

По-другому происходит производство потребительной стоимости. Именно из кооперированного труда, создающего потребительную стоимость, возникает новая (общественная) его производительная сила, умножающая результаты труда.

Эмпирически это подтверждается экономической практикой и данными, представленными в работах самых различных экономистов. Возросшая производительная сила труда посредством придания ему общественной (кооперативной) формы обнаруживается во многих случаях и получается разными способами его кооперирования.

а) Из сложения многих индивидуальных сил труда, например, при подъёме тяжестей возникает повышенная механическая сила труда. Десять человек могут поднять, например, громадное бревно, что не под силу двум или трём грузчикам.

б) Объединение однородных или разнородных операций или фаз трудового процесса позволяет достичь полезного эффекта, получение которого невозможно при обособленном их выполнении отдельными работниками. Даже простая цепочка лиц, передающих друг другу ведра с водой, позволяет потушить пожар быстрее, чем если бы каждый доставлял воду своим ведром отдельно.

Если же процесс труда сложен и состоит из различных специфических операций, то кооперация даёт возможность распределить их между различными работниками, выполнять одновременно и тем самым сократить время, необходимое для изготовления данного продукта.

в) Важную роль выполняет совместный труд, объединяющий много рабочих дней для производства, требующего приведения в движение большого количества труда в критические моменты, например, в уборке урожая, в сенокосе и др., требующих для своего завершения коротких промежутков времени.

Все эти и другие положительные результаты возникают из простейшей общественной формы труда, т. е. кооперации, порождающей специфическую производительную силу труда. Она реализуется в увеличении потребительной стоимости продукта и сопровождается уменьшением рабочего времени, необходимого для достижения определённого полезного эффекта. Его получение в хозяйственной практике является обычным явлением.

Не так просто обстоит дело с теоретическим объяснением создания новой производительной силы общественного труда. Из-за того, что её причина может быть изъята из состояния и возможностей самого труда, от его носителей и приписана, например, капиталу, её сущность может быть извращена настолько, что её возникновение отводится не труду, а капиталу, даже если последний называется «человеческим», «социальным» и т. п. капиталом.

При научном подходе к проблеме приходится обращаться к закону превращения количественных изменений в качественные, к вопросам о соотношении целого и части, множества и его составляющих единиц, общества и индивида. Предпосылкой образования новой производительной силы является, безусловно, общность труда, его общественная форма. Поэтому надо признать преимущество общественного над индивидуальным, родовых потенций работников над индивидуальными. Нельзя, конечно, отрицать и необходимость материального обеспечения кооперированного труда — концентрации средств производства, их пространственного расположения и распределения, обобществления их применения. И всё же главная причина возникновения новой производительной силы заложена в самом труде.

Чтобы её выявить, необходимо обращаться к потребительной стоимости труда и рабочей силы, что, к сожалению, осталось в тени из-за того, что труд в экономической науке до сих пор представляется лишь в его стоимостном выражении. Между тем всё то, что повышает производительность труда, имеет отношение, как было сказано, к труду, производящему не стоимость, а потребительную стоимость. Причина, порождающая повышение производительной силы труда, заложена в его свойстве создавать результат, превосходящий его затраты. В этом и состоит потребительная стоимость труда, умножение которой посредством кооперации предстаёт как общественная производительная сила труда.

Очевидно, что без названной способности индивидуального труда, т. е. из ничего (эмерджентно), новая общественная производительная сила труда возникнуть не может. Но она не может появиться и без соответствующей общности труда, за которой

в конечном счёте стоит такое социальное образование, каким является само общество в образе общественной формы трудовой деятельности.

К более развитым формам, чем простая кооперация, порождающим также новую производительную силу труда, относится кооперация, основанная на разделении самого процесса труда, производящего опять-таки потребительную, а не меновую стоимость. Подобное разделение труда имеет место внутри предприятия (фирмы), оно базируется не на обмене товаров, а на трудовом обмене, т. е. обмене деятельностями. Работники здесь объединены в общественные формы труда не как самостоятельные товаропроизводители, а как выполняющие различные виды деятельности в совокупном процессе производства того или иного продукта.

В отличие от простой кооперации, в которой совместный труд осуществляется преимущественно при выполнении одной и той же работы, при разделении труда, о котором здесь идёт речь, кооперируются многие рабочие, выполняющие различные работы, необходимые для производства данного продукта. Уже это соединение различных функций и особых видов деятельности, работа друг для друга делают данную форму кооперации мощным средством повышения производительной силы труда и сокращения непосредственного рабочего времени, необходимого для производства нужной потребительной стоимости.

Разделение труда и основанного на нём способа соединения и обмена деятельностей при производстве потребительной стоимости необходимо строго отличать от разделения общественного труда, при котором объединение совершаются на основе товарного обмена между разными отраслями производства, а также от общественного разделения труда внутри общества.

Двойственная природа, присущая труду, сохраняет своё значение и для разделения труда, т. е. для различения разделения труда, которое имеет место при производстве потребительной стоимости, от разделения труда, выражающего взаимодействие работников при создании товарных стоимостей. Первый тип разделения существенно отличается от второго типа. При первом типе происходит прямое, не опосредствованное обменом товаров сотрудничество особых видов труда для создания потребительных

стоимостей. Это разделение труда является предпосылкой существования второго его типа, т. е. исходным пунктом и основой последнего.

Отсутствие указанного разграничения двух типов разделения труда как в прошлом, так и в настоящее время, не может быть оправдано как с точки зрения науки, так и практики. В своё время К. Маркс за это упрекал А. Смита, который, начав своё «Исследование о природе и причинах богатства народов» с разделения труда, тем менее не понял разницы между двумя видами разделения труда, постоянно смешивал их не только как связанных друг с другом, но и как противостоящих друг другу форм разделённого труда. В производстве булавок, на примере которого А. Смит рассматривал разделение труда, в действительности объединяются различные трудовые операции, продукты которых не выступают особыми товарами. Другое дело, когда речь идёт о разделении труда между различными его отраслями, производящими особые товары, например булавки и пряжу. Подобное разделение возникает и развивается из товарно-стоимостного обмена, предполагая обособление и отделение друг от друга особых отраслей труда. А. Смит не усматривал в этом типе разделения труда характерную для капиталистического производства форму, смешивая её с разделением труда, происходящим вне товарного обмена.

Первоначальной форме разделения труда, происходящего в условиях производства потребительной стоимости, особо важное значение придавали мыслители древности. Платон, например, в разделении труда видел способ, благодаря которому продукты приобретают лучшее качество, т. е. оценивал его с позиций исключительно потребительной стоимости. Это качество достигается тогда, когда её производит не каждый, а тот, который к этому делу имеет особые способности. Разнообразию потребностей должно соответствовать разнообразие способностей отдельных работников к отдельным видам труда, посредством которого удовлетворяются разные потребности.

Родоначальники классической политической экономии обращают внимание главным образом на другой тип разделения труда — тот, который связан с производством меновых стоимостей и влияет на стоимость товара. У А. Смита разделение

труда выступает средством «увеличения производительной силы труда», благодаря которой уменьшаются издержки воспроизводства рабочей силы, сокращается необходимое рабочее время, что выгодно для предпринимателя, поскольку увеличивается относительная прибавочная стоимость за счёт сокращения стоимости рабочей силы.

Различие между типами разделения труда и соответствующими типами обмена нашло признание в современных теориях трансакционных издержек. Фирмы, по мнению Р. Коуза, возникли именно потому, что внутри них отсутствуют трансакционные издержки, связанные с обменом меновых стоимостей, т. е. с рыночным обменом, издержки которого здесь устранены. При этом их отсутствие и наличие издержек, связанных только с обменом потребительных стоимостей, ведёт к сокращению трансакционных издержек, ибо затраты на организацию фирмы и управление оказываются намного меньшими, чем получаемая фирмой экономия на трансакционных издержках.

Способы совместной деятельности, способствующие увеличению потребительной стоимости, не исчерпываются разделением труда. Другой, более высокой формой является кооперация, основанная на сочетании и перемене труда. Уже в условиях простой кооперации возникают формы деятельности, при которых работники сочетают основные виды трудовых функций. При обычной рыбной ловле, например, рыбаки могут попеременно грести, править рулём, опускать сети, не закрепляя этих функций за отдельными лицами.

В современном автоматизированном производстве обслуживающие разные машины рабочие-многостаночники тоже не нуждаются в закреплении разных функций за разными рабочими. Напротив, в условиях современного научно-технического прогресса нет необходимости мануфактурно закреплять распределение работников между различными машинами и прикреплять их навсегда к одним и тем же видам работ. С этого начинается перемена труда в качестве такого способа совместной деятельности, который противостоит разделению труда между разными людьми в производственном процессе. Труд в этом случае остаётся дифференцированным, но работники перестают быть узкоспециализированными людьми.

Глава 8. Закон потребительной стоимости и формы его проявления

Подход к производству потребительной стоимости с социально-экономической стороны позволяет ставить вопрос об общих и специфических законах его функционирования и развития. Этому вопросу мы придаём особое значение. Первое, что нужно сделать, — это сформулировать ***закон производства потребительной стоимости*** в простом виде, который отражал бы отношение (связь) между трудом и его результатом (продуктом), но вместе с тем был бы противоположностью ***закону стоимости*** (последний тоже является законом взаимодействия труда и его результата).

§ 1. Обратная зависимость меры труда от потребительной стоимости продукта

Если законом стоимости выражается связь, идущая от живого труда, взятого в его общественно необходимых затратах, к его результату, овеществлённому в стоимости, то закон производства потребительной стоимости, наоборот, устанавливает зависимость затрат живого труда от общественной потребительной стоимости продукта, от потребности в нём.

В первом законе стоимость результата определяется общественно необходимым для его производства трудом, т. е. мы исходим из затрат труда. Вторым законом выражается обратная связь — мы исходим из потребительной стоимости продукта и идём в обратном направлении — к созидающему её труду, чтобы определить, сколько нужно затратить труда, чтобы иметь данную потребительную стоимость и удовлетворить данные потребности в ней. По закону стоимости этого нельзя сделать, ибо в нём труд обусловливает лишь стоимость продукта, сама же «стоимость» труда, его величина остаются необъяснёнными. Труд, его затраты в рамках закона стоимости не приобретают своей причинной обусловленности, и поэтому мы лишены возможности их определить, что, безусловно, свидетельствует об ограниченности стоимостной теории и соответствующей ей практики.

Закон потребительной стоимости преодолевает эту ограниченность, — он является законом, по которому общество определяет, сколько времени необходимо уделять материальному производству, чтобы удовлетворять свои жизненные потребности. Ввести этот закон в экономическую науку, даже в его исходной общей форме, не так-то легко. Кажется чем-то само собой разумеющимся, что можно определить действие закона потребительной стоимости через отношение полезности продукта к овеществлённому в нём труду. Но как только трактовка данного закона переводится в эту плоскость, так неизбежно мы встаём на путь, который ведёт к закону стоимости.

Вековое господство стоимости, если даже результат берётся как потребительная стоимость, заставляет всякому взаимодействию труда и его результата придать стоимостный характер, рассматривать его в рамках теории стоимости и её законов. Конечно, производство потребительной стоимости (как и стоимости) требует определённого, причём необходимого для удовлетворения данной потребности количества затрат труда. Но если потребительную стоимость (полезность) результата хотят определить через эти необходимые (предельные, оптимальные, дифференциальные и т. п.) затраты, а не наоборот, то законы движения потребительной стоимости оказываются частным случаем (или дополнением) законов стоимости.

Этого, к сожалению, не избежал и В. В. Новожилов при анализе затрат и результатов труда. Он полагал, что общественные затраты труда и времени, необходимые по условиям потребления и равные затратам по условиям производства, а также соответствующие суждения К. Маркса об этом новом смысле общественно необходимого рабочего времени, свидетельствуют лишь о более развитом выражении закона стоимости, учитывающем не только условия её производства, но и условия её реализации в потреблении, т. е. если товар не покупается, то затраченный на него труд перестаёт быть необходимым. Вследствие этого, по мнению В. В. Новожилова, соответствие производства потребностям, а также труда, необходимого по условиям потребления (реализации стоимости), труду, необходимому по условиям производства стоимости, осуществляется на основе затраченного труда.

Все ***потребительские оценки*** как средств производства, так и предметов потребления должны быть выражены в той же единице, в какой измеряются затраты общественного труда[220]. В этом случае измерение осуществляется по закону стоимости, и речь идёт лишь о том, чтобы учесть зависимость меновой стоимости от потребительной, т. е. то обстоятельство, что потребительная стоимость есть предпосылка меновой стоимости, без первой нет и второй. По этой причине приходится обращаться к услугам потребительной стоимости как предпосылке меновой стоимости и на этой основе считать необходимыми только затраты на производство тех товаров, которые покупаются, потребляются. Затраты здесь ставятся в зависимость от платёжеспособного спроса, от товаропотребителей, что не выводит за рамки стоимостного отношения.

В рамках же закона потребительной стоимости необходимый труд и необходимое рабочее время приобретают совсем иной, противоположный смысл: не они служат мерой меновой стоимости, а сами становятся необходимыми по требованиям удовлетворения потребностей в данных потребительных стоимостях. Необходимый труд, взятый в этом смысле, не имеет отношения к меновой стоимости, не является её эквивалентом.

В законе потребительной стоимости предпосылкой в движении последней выступают не затраты труда на её создание, не её обусловленность этими затратами, а, наоборот, обусловленность затрат труда потребительной стоимостью продукта и стоящими за ней потребностями общества. Величина и пределы затрат труда в этом случае обусловливаются потребностями, а время труда, оставаясь полюсом данного экономического отношения, приобретает принципиально иное значение.

Когда говорится о ***необходимом рабочем времени общества*** в смысле того времени, которое нужно обществу израсходовать для удовлетворения данных потребностей, то это время не выступает мерой стоимости продукта. Такого рода необходимый труд имеет отношение к потребительной, а не к меновой стоимости[221]. Здесь имеется в виду не то рабочее время, которое нужно для

---

[220] Новожилов В. В. Проблемы измерения затрат и результатов при оптимальном планировании. М., 1967. С. 369.

[221] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 47. С. 214.

создания той или иной стоимости, в том числе стоимости суммы благ, необходимых рабочему для своего существования и для воспроизводства своей рабочей силы. Здесь, согласно К. Марксу, речь идёт об ***относительной необходимости потребностей***, удовлетворяемых продуктами тех или иных видов труда, например об удовлетворении потребностей в питании посредством земледельческого труда, который в этом отношении является самым необходимым[222].

В общем же виде такого рода необходимое рабочее время определяется и многими другими обстоятельствами, связанными с потребительной стоимостью, её потреблением и потребностями людей. Нужно указать прежде всего на то, что именно потребительная стоимость жизненных средств работника диктует сколько надо затратить труда и времени на их производство[223]. Рабочее время и количество производительного труда, необходимые для жизни общества, зависят от количества нуждающихся в средствах существования, т. е. от общего количества потребителей и потребительских «корзин», от ***потребительной силы общества***. Объём необходимого рабочего времени, в свою очередь, находится в зависимости от другого потребительностоимостного фактора — ***производительной силы общества***. Последняя во многом предопределяет численность занятых производительным трудом, и, следовательно, общий объём необходимого рабочего времени данного общества.

Зависимость затрат труда и рабочего времени от потребностей общества и от необходимых для этого потребительных стоимостей, существующих в виде средств для жизни и средств для труда, очевидна. Возникает, однако, вопрос: не будут ли эти затраты, взятые по отношению к потребительной стоимости, её мерой, измерением, т. е. нельзя ли потребительную стоимость измерять тем же затраченным трудом (как и стоимость), но с той лишь разницей, что он затрачен по условиям потребления, а не производства? Если воспользоваться примером К. Маркса относительно того, что Робинзон на своём острове распределял своё рабочее время

---

222 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 47. С. 214.

223 Если эти затраты определять стоимостью жизненных средств, то мы оказываемся в порочном кругу: трудом определяется их стоимость, а их стоимостью – труд.

и свои трудовые функции согласно полезным эффектам предметов потребления, то нельзя ли такое распределение рабочего времени (в зависимости от потребительной стоимости продукта) считать отношением, в котором «уже заключаются все существенные определения стоимости»[224].

Такое утверждение будет неправильным, ибо оно сводит потребительную стоимость к стоимости и возвращает к закону стоимости. Но отсюда не следует, что эти два закона нигде не пересекаются, что закон потребительной стоимости в снятом виде не содержит в себе отрицаемое стоимостное отношение продукта к созидающему его труду и что, наоборот, требование закона потребительной стоимости затрачивать в производстве рабочее время труда, лишь необходимого по целям потребления (лишнее, не потреблённое пропадает), не учитывается в законе стоимости. К тому же оба закона имеют общее основание — труд.

Поскольку потребительная стоимость продукта нуждается для своего производства в необходимом для этого рабочем времени, то между нею и трудом складывается определённое экономическое отношение, обладающее своими специфическими качественными и количественными характеристиками.

Прежде всего они касаются отношения соответствия или несоответствия (пропорциональности или непропорциональности) между потребительной стоимостью и трудом, их равенства или неравенства (в том числе, равен ли труд по условиям создания потребительной стоимости труду по условиям создания меновой стоимости). Ставя проблему таким образом и решая её, мы тем самым переходим к новой характеристике движения потребительной стоимости — к его стороне, выражающей направленность отношения между потребительной стоимостью и трудом, и теперь добавляем характеристику их взаимодействия в плане их пропорциональности, соответствия друг другу.

В целом, это другое определение закона, или ***второй закон потребительной стоимости***, касается общих рамок соотношения производства и потребления и обусловленных ими частных форм их взаимодействия, например спроса и предложения, взятых в плоскости производства и обмена потребительных,

---

224 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 87.

а не меновых стоимостей. Поскольку производство и потребление в этом аспекте должны в конечном счёте совпадать (соответствовать друг другу), то закон потребительной стоимости выступает как отношение пропорциональности между различными массами потребительных стоимостей и соответствующих им потребностей, с одной стороны, и различными количественно определёнными массами совокупного общественного труда, с другой.

В своём потребительностоимостном определении труд распределяется (разделяется) в соответствии с различными потребностями общества в разного рода потребительских благах. В этом разделении труда обнаруживается действие закона потребительной стоимости, который, как основание, в определённых исторических условиях реализуется в форме отношений меновой стоимости. Когда, например, промышленный и земледельческий труд внутри общества распределяется пропорционально потребностям в соответствующем роде продуктов, то их обмен осуществляется по их стоимостям (или по ценам производства). В этом случае необходимый труд по условиям производства потребительной стоимости совпадает с необходимым трудом по условиям производства стоимости, т. е. в том смысле, что труда употреблено лишь необходимое, пропорциональное количество. Если же продукта того или иного рода производится больше, чем это нужно для удовлетворения потребностей в нём, то часть продукта будет излишней, бесполезной, а соответствующий труд уже не будет необходимым.

Потребительная стоимость здесь обнаруживает себя опять-таки как предпосылка меновой стоимости: потребительная стоимость известной массы общественных продуктов зависит от того, адекватна ли она количественно определённой общественной потребности в продукте каждого особого рода и, следовательно, от того, пропорционально ли в соответствии с этой общественной, количественно определённой потребностью распределён труд между различными сферами производства. Именно ***общественная потребность***, т. е. потребительная стоимость в общественном масштабе, определяет здесь долю всего общественного рабочего времени, которая приходится на различные особые сферы производства. Но это всё тот же закон, который обнаруживается уже по отношению к отдельному товару, а именно: потребительная

стоимость товара есть предпосылка его меновой стоимости, а потому и его стоимости[225].

Совпадение требований этих двух законов (закона потребительной стоимости и закона стоимости) в одном из пунктов взаимодействия труда и его продукта нередко служит поводом для их отождествления, или, точнее, для определения стоимости через потребительную стоимость, и наоборот. Поскольку якобы для удовлетворения определённой общественной потребности требуется определённое, необходимое количество труда, то такого рода пропорциональность и есть ***эквивалентность*** необходимого труда и стоимости. Соответственно, труд, затраченный по условиям потребления (производства потребительной стоимости) должен быть якобы равным труду по условиям производства меновой стоимости. Это далеко не так.

Ограничение стоимости её предпосылкой — потребительной стоимостью (весь продукт удаётся продать лишь так, как если бы он был произведён в необходимой пропорции с потребностями), хотя и выражает более развитую форму закона стоимости (применительно ко всей массе товаров, а не просто к отдельному товару), вовсе не означает, что соответствие производства потребностям осуществляется при равенстве потребительной стоимости (и потребительских оценок) затратам труда в рамках закона стоимости (более развитого его выражения)[226].

Частный случай совпадения нельзя возводить в принцип, т. е. в конечном счёте в равенство потребительной стоимости и стоимости. Если бы это было так, то мы оказались бы безоружными в решении многих принципиальных вопросов экономической науки, не смогли бы объяснить главное — как возможно получение прибавочной стоимости и вообще превосхождение результата над затратами, что имеет прямое отношение к категории полезности по её определению. В самом деле, допустим, что потребительная стоимость пропорциональна, равна затратам труда, необходимым для её производства. Тогда потребительная стоимость рабочей силы (труда) будет эквивалентна (равна) обмениваемым

---

225 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II. С. 186.

226 Новожилов В. В. Проблемы измерения затрат и результатов при оптимальном планировании. С. 369.

на неё затратам труда (стоимости жизненных средств), необходимым для её воспроизводства, и объяснение прибавочной стоимости вообще становится невозможным.

Это касается не только потребительной стоимости рабочей силы, но и всех других факторов производства. Если, например, потребительная стоимость техники была бы эквивалентна затратам труда на её производство, то её полезный эффект равнялся бы нулю и не было бы смысла пользоваться техникой в производстве.

Невозможность объяснения такого рода явлений в рамках закона стоимости и трудовой теории стоимости заставляет обращаться к потребительной стоимости и её законам. Несмотря на то, что эти законы в некотором аспекте базируются на одном и том же требовании (и в том и другом случае, например, производство и потребление в конечном счёте должны соответствовать друг другу), ***законы потребительной стоимости составляют противоположность законам стоимости, являются отрицанием последних***.

§ 2. Превышение результата труда над затратами

Если закон стоимости основывается на принципе эквивалентности общественно необходимых затрат и стоимости товара, то закон потребительной стоимости в своём сущностном определении базируется на противоположном принципе — труд по условиям производства потребительной стоимости не равен, не эквивалентен труду не только по производству стоимости, но и по созданию потребительной стоимости. Казалось бы, например, что вне эквивалентности затрат и результата, содержащихся в законе стоимости, немыслимо соответствие между производством и потреблением.

Но это не так. На самом деле закон стоимости не предполагает такого соответствия, ибо движение стоимости находится в ***отношениях обратной пропорциональности*** как с ростом производительности труда, так и с возвышением потребностей. И наоборот, соответствие производства и потребления достигается тогда, когда потребительная стоимость продукта превышает затраты труда на его производство. Этого рода диспропорция как

раз и обеспечивает пропорциональность производства и потребления, поскольку здесь допускается возвышение потребностей при минимизации трудовых затрат.

Этот принцип — главное в определении закона потребительной стоимости, ибо им объясняется всё то, что не подпадает под объяснительную силу закона стоимости, например понимание того, почему при эквивалентном обмене рабочая сила производит прибавочную (дополнительную) стоимость.

Более того, превосходство результата труда по своей полезности (потребительной стоимости) над затратами труда на его достижение составляет, по нашему глубокому убеждению, смысл и назначение человеческой деятельности и всего развития общества. Вот почему объяснению того, как, по каким законам происходит ***прирост*** потребительной стоимости (полезности), мы должны уделить особое внимание.

До сих пор мы ограничивались довольно-таки абстрактными и поверхностными определениями потребительной стоимости — её трактовкой как ***полезности*** вещи, продукта, делающей их благами. Речь не шла о её возрастании, увеличении, о получении прибавочной (дополнительной) потребительной стоимости продукта или о её убывании по мере насыщения соответствующей потребности.

Для решения этих вопросов требуется более глубокое, сущностное определение самой потребительной стоимости, позволяющее понять её динамику, изменение степени полезного эффекта блага. Подобно тому как для объяснения самовозрастания стоимости (производства прибавочной стоимости) недостаточны законы простого товарного хозяйства, так и для понимания процесса увеличения потребительной стоимости факторов и продукта производства нельзя ограничиваться знаниями того, что полезность продукта и потребность в нём обусловливают время, необходимое для его производства, и что время и труд должны распределяться пропорционально потребности в определённой массе потребительных стоимостей. Необходимо ещё знать законы, согласно которым прирастает потребительная стоимость факторов производства в процессе их производительного потребления.

Прежде чем приступить к анализу этого рода законов, необходимо предварительно определить потребительную стоимость

основных факторов производства — средств производства и рабочей силы, с точки зрения их участия в увеличении потребительной стоимости результата производства, в создании новой производительной и потребительной силы общества.

Что касается потребительной стоимости материальных средств производства, полученной ранее в качестве продуктов производства, то она, реализуясь в производственном потреблении, сводится в конечном счёте к замещению ими живого человеческого труда, к его высвобождению и, следовательно, к повышению производительной силы функционирующего труда.

Конечно, это не исключает характеристики средств производства или производительных благ с точки зрения их служения удовлетворению человеческих потребностей, а также определения их ценности через ценность создаваемого при их помощи продукта, в частности заключительного, конечного продукта, удовлетворяющего непосредственно человеческие потребности[227].

Проблема заключается в том, как определить полезность (ценность) самого этого конечного продукта, что взять для его оценки вместо субъективного ***критерия полезности***. Трудовая теория потребительной стоимости предлагает для этого вполне объективный критерий — ***замещение***, ***высвобождение*** средствами производства живого человеческого труда, увеличение его производительности.

Потребительная стоимость машины, по утверждению К. Маркса, — это есть замещение ею труда. Прошлый труд, овеществлённый в виде потребительной стоимости средств производства, в этом случае выступает как средство высвобождения живого труда или уменьшения численности рабочих. При этом высвобождаемого труда должно быть больше, чем было затрачено на создание данных средств производства, на достижение данной экономии труда. Затраты же абстрактного труда (издержки производства), образующие стоимость, составляют некую ***антиполезность***, они должны вычитаться из полезного действия средств производства, из их потребительной стоимости[228].

---

[227] Бём-Баверк Е. Основы теории ценности хозяйственных благ // Австрийская школа в политической экономии: К. Менгер, Е. Бём-Баверк, Ф. Визер. С. 327.

[228] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 406, 414; т. 47. С. 363, 545.

В итоге разность между высвобождаемым и затраченным трудом будет характеризовать ***величину полезности*** средств производства, их потребительную стоимость, реализуемую в процессе производительного потребления[229].

Потребительная стоимость другого основного фактора производства — ***рабочей силы***, реализуясь в процессе живого труда, тоже сводится к избытку того количества труда, которое доставляется рабочей силой, над тем его количеством, которое затрачено на её воспроизводство.

Когда эти затраты реализуются в стоимости рабочей силы, то избыток принимает форму ***дополнительной продолжительности*** рабочего времени (прибавочного рабочего времени и прибавочного труда), превышающего необходимое рабочее время, затраченное на воспроизводство самой рабочей силы. Затраченный прошлый труд, который заключён в рабочей силе, и тот живой труд, который ею выполняется, — это две совершенно различные величины. Первая определяет величину меновой стоимости рабочей силы, вторая — величину её потребительной стоимости.

Потребление рабочей силы (её использование как потребительной стоимости) доставляет больше труда, воплощается в большем количестве овеществлённого труда, чем содержится в ней самой как меновой стоимости. Потребительная стоимость рабочей силы определяется не тем рабочим временем, которое необходимо, чтобы сохранить и воспроизвести эту силу, а тем, в течение которого она используется в труде, например одним рабочим днём, а меновая стоимость — только половиной рабочего дня[230].

С этой точки зрения меновая стоимость рабочей силы, равная необходимому для её воспроизводства рабочему времени, будет минусом по отношению к её потребительной стоимости. Это, однако, не означает, что дополнительная стоимость, создаваемая

---

229 «Стоимость, в которую обходится та или иная машина, всегда является минусом по отношению к её производительности» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I. С. 198). Подробный анализ потребительной стоимости техники в этом плане дан в работах: Долгов В. Г. Управление научно-техническим прогрессом. Л., 1989. С. 53–77; Дюдяев Н. Ф. Промышленные роботы и экономия живого труда: потребительностоимостной анализ. Саранск, 1991. С. 38–77.

230 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 47. С. 122.

сверх стоимости жизненных средств работника, является результатом производительности его труда. Новая стоимость добавляется исключительно за счёт продолжительности рабочего времени, прибавления дополнительного количества рабочего времени, а не за счёт потребительной стоимости труда, её возросшей производительной силы, которая в общем случае уменьшает стоимость продукта. Прибавочная стоимость может возникнуть только в том случае, если рабочая сила применяется в течение большего количества рабочего времени, чем время, которое было затрачено на её воспроизводство.

В противоположность этому возрастание потребительной стоимости рабочей силы зависит в первую очередь от производительности, качества рабочей силы. Здесь продолжительность рабочего времени теряет своё ведущее значение[231]. Наоборот, чем меньше времени тратится на воспроизводство той же самой потребительной стоимости, тем полезнее, производительнее рабочая сила, тем выше её потребительная стоимость.

В общеэкономическом смысле, тождественном потребительностоимостному подходу, прирост потребительной стоимости рабочей силы обнаруживается в том факте, что работник обычно производит больше, чем потребляет, что из производства выходит большее количество потребительной стоимости, чем в нём потребляется.

Что же касается доставляемого рабочей силой избытка труда над затратами её собственного воспроизводства, то это достигается тем, что потребительная стоимость рабочей силы увеличивается за счёт использования потребительной стоимости материальных средств производства и природных сил, с одной стороны, и умножением собственной субъективной производительной силы работника посредством потребления им материальных и духовных благ в процессе воспроизводства своей рабочей силы, с другой стороны.

---

231 «При всех состояниях общества, где господствует потребительная стоимость, рабочее время является более или менее безразличным, коль скоро оно удлиняется лишь для того, чтобы помимо жизненных средств для самих работников доставить господам какое-либо патриархальное богатство, определённую массу потребительных стоимостей» (Маркс К., Энгельс Ф., т. 47. С. 251).

За счёт этого происходит замещение, высвобождение малоквалифицированного простого труда высококвалифицированным, сложным трудом, сопровождающееся уменьшением общего количества труда, поскольку большее количество простого труда равняется меньшему количеству сложного. Труд, высвобожденный в результате внедрения более квалифицированного труда, будет большим, чем затраты на подготовку квалифицированных работников.

Таким образом, потребительная стоимость рабочей силы может быть выражена:

а) отношением всего количества функционирующего труда к его части, затрачиваемой на собственное воспроизводство рабочей силы;

б) отношением высвобождаемого труда (более простого) к затратам на подготовку высококвалифицированного труда, замещающего простой труд.

Что касается затрат на приобретение жизненных средств и их потребление, то они не имеют прямого отношения к процессу самого труда, являются его внешним условием, не входят в него, а если и входят, то лишь как материал для поддержания дееспособности работника.

Однако это не значит, что за пределами процесса труда отпадает вопрос о потребительной стоимости жизненных средств. Здесь мы можем лишь предварительно сказать, что ***потребительная стоимость предметов потребления*** в конечном счёте реализуется тоже в высвобождении труда, достигаемом за счёт замещения сложным трудом более простого труда, но это касается уже потребительного производства, в котором осуществляется воспроизводство человека и общества. В нём потребительная стоимость предметов потребления оказывается лишь моментом, а конечным результатом выступает уже не продукт производства, а сам человек и само общество. Закон потребительной стоимости соответственно приобретает форму ***социологического закона***. Об этом более подробно будет сказано в другом месте.

По отношению же к продукту производства потребительная стоимость средств производства и рабочей силы реализуется в более высокой потребительной стоимости самого продукта,

которая, однако, выявляется в процессе его производительного потребления в виде, с одной стороны, новых материальных продуктов (техники), а с другой — жизненных средств, потребляемых рабочей силой. Продукты, вступая в качестве средств труда в новый процесс труда, утрачивают свой характер продуктов, становятся «жизненными» средствами труда.

Из анализа потребительной стоимости продуктов труда, реализуемой в их потреблении как факторов производства, средств труда и рабочей силы, следует, что потребительная стоимость последних может быть сведена к одной и той же основе — ***высвобождаемому***, ***незатраченному труду***, взятому в соотношении с затраченным трудом. Эта общая основа делает потребительные стоимости соизмеримыми[232]. Тем самым получает решение одна из серьёзнейших проблем экономической науки — ***соизмерение*** потребительных стоимостей, причём оно осуществляется на объективной, трудовой основе.

О том, как на этой основе измеряется и соизмеряется потребительная стоимость материальных средств производства (техники), можно узнать из монографии В. Г. Долгова «Управление научно-техническим прогрессом: потребительностоимостные основы» (Л., 1988). Сравнительный анализ и соизмерение потребительной стоимости робототехники и рабочей силы с использованием математического аппарата содержатся также в работе Н. Ф. Дюдяева «Промышленные роботы и экономия живого труда: потребительностоимостной анализ» (Саранск, 1991).

Итак, закон потребительной стоимости в его общем сущностном виде выражает экономическую связь между трудом, высвобождённым в результате реализации конкретного труда в полезных свойствах продукта при его потреблении, и трудом, затрачиваемым на производство этого продукта. Полезные свойства продукта, его потребительная стоимость в данном случае заключаются в ***совокупной величине*** замещённого, сэкономленного труда, полученного при его использовании в качестве средств производства.

---

[232] Отпадает, следовательно, тезис о несоизмеримости разнородных потребительных стоимостей, о том, что они могут соизмеряться только косвенно, через затраты труда (стоимость), которые учитывают условия потребления.

На той и другой стороне отношения выступает труд, составляющий общую платформу для их взаимодействия и соизмерения: труд выполняет своё назначение созидателя продукта в качестве конкретного труда, реализующегося в его полезностных свойствах, и сохраняет своё значение затрачиваемого рабочего времени на производство данного полезного эффекта продукта, причём в количестве, определяемом объёмом потребности в этом продукте. Закон, таким образом, выражает ***условия и предпосылки движения труда*** как источника потребительностоимостного богатства, а вовсе не изменение натуральных свойств продукта или движение потребительной стоимости как носителя меновой стоимости, ибо в таком смысле потребительная стоимость относится к товароведению.

Сферой действия закона производства потребительной стоимости остаётся труд, рассматриваемый в качестве источника материального богатства. Теория закона исходит из решающей роли труда, и с этой точки зрения методологическим принципом исследования движения потребительной стоимости продукта труда выступает ***трудовая концепция***.

Сохраняет силу и отношение произведённого полезного продукта к источнику своего происхождения — к реальному труду и к его естественной мере — рабочему времени. Дело лишь в том, что это время перестаёт служить измерителем потребительной стоимости. Им выступает уже не затраченное, а ***высвобождённое время***. В этом суть решения проблемы. Поиски ***единицы*** (предела) ***полезности*** наподобие особого веса самой тяжести или особой температуры самой теплоты не могли увенчаться успехом, ибо в такой постановке эта проблема неразрешима.

Между тем закон потребительной стоимости имеет не менее чёткую количественную определённость, чем закон стоимости. Потребительная стоимость любого продукта труда может быть сведена к одинаковой основе — высвобождаемому благодаря его полезности живому труду, а единица этого сэкономленного труда может служить не менее добротной мерой потребительных стоимостей продукта, чем единица затраченного, овеществлённого в них общественного труда для измерения стоимостей. Надо лишь иметь в виду, что экономия труда в роли полезного эффекта не имеет затратного характера, а потому единицей его измерения служит

высвобождаемый труд, соизмеряемый с затратами труда на достижение указанного полезного эффекта. Величина потребительной стоимости продукта, соответственно, определяется экономией общественного труда, рассчитываемой как разность между количеством высвобождённого живого труда и объёмом труда, затраченного на достижение данного полезного эффекта. Как в первом, так и во втором случае речь идёт о труде, выраженном одной и той же мерой (временем), что создаёт общее основание для их соизмерения. Сведённые к нему различные потребительные стоимости становятся ***количественно сравнимыми***. Их нельзя выразить количеством воплощённого в них труда. К ним применяется другое мерило, которое лежит вне природы продукта как меновой стоимости[233]. Этой мерой, не обнаруживаемой в рамках отношений меновой стоимости и стоимостной формулы, является, повторяем, ***сэкономленный***, незатраченный труд, т. е. совсем не тот труд, который овеществляется в продукте, затрачивается на его производство. Общественно необходимые затраты труда из доминанты превращаются в условия производства потребительной стоимости.

Если в законе стоимости потребительная стоимость продукта выступает в роли ***ограничителя стоимости***, то в законе потребительной стоимости такую роль уже выполняют ***затраты рабочего времени***. Они, не теряя своей функции созидающей продукт субстанции, тем не менее не могут уже составлять меру его потребительной стоимости. Высвобождаемый последней труд должен быть больше затраченного. Нарушается, следовательно, ***стоимостное равенство***. Вместо него принципом хозяйствования становится другое правило: труд по условиям производства должен быть меньше труда по условиям потребления. Соответственно на практике мы должны вести хозяйство так, чтобы результаты производства росли быстрее, чем затраты, чтобы наращивание вклада в удовлетворение потребностей происходило при наименьших затратах всех видов ресурсов. Такая практика подчиняется закону потребительной стоимости.

---

[233] В качестве потребительной стоимости, отмечал К. Маркс, предложение не измеряется овеществлённым в нём рабочим временем, применяется иное мерило, которое «лежит вне его природы как меновой стоимости» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 389).

Мы полагаем, что только на этой основе можно преодолеть *затратный подход* к оценке результатов производства и построить *антизатратный хозяйственный механизм*, отвечающий условиям повышения эффективности производства. В рамках общих условий движения стоимости результат не может быть больше затраченного на его производство общественного труда. Закон стоимости неизменно устанавливает, что из меньшего нельзя получить большее. В этой плоскости названное выше общее условие эффективности не выполняется. В стоимостных рамках при уменьшении затрат необходимого труда увеличивается лишь стоимость прибавочной части продукта, но за счёт такого же уменьшения стоимости его необходимой части. Меньшими затратами необходимого труда достигается больший результат в виде увеличения прибавочного труда, воплощённого в прибавочном продукте, но в пределах того, что суммарная стоимость продукта не может быть большей, чем общественно необходимые затраты труда на её производство, т. е. согласно закону стоимости. Совсем по-иному выглядит эффективность в рамках отношений потребительной стоимости: здесь больший результат — увеличивающаяся масса сэкономленного в материальном производстве труда — достигается за счёт уменьшения затрат живого труда.

Обсуждённый выше закон потребительной стоимости выражает предпосылки и результаты движения этой стоимости с общей, сущностной стороны. Сущность же, как известно, выступает в формах своих проявлений, которые могут не только не совпадать с сущностью, но и скрывать её, и даже искажать. В своём действительном функционировании закон потребительной стоимости тоже облекается в конкретные формы, далеко не совпадающие с его абстрактно общим определением.

§ 3. Экономия времени как мера производительной и потребительной силы труда

Наиболее адекватной формой движения потребительной стоимости в сфере её производства является экономия труда, выраженная в соответствующем законе. Высвобождаемый труд, проистекающий из повышения потребительной стоимости

факторов производства, необходимо предполагает соответствующую экономию применяемого, затрачиваемого труда, в которой проявляется закон потребительной стоимости, хотя и в достаточно модифицированном виде. В частности, экономия труда, вызываемая возвышением потребительной стоимости, может выступать, во-первых, лишь как экономия затрачиваемого необходимого рабочего времени, которая реализуется в соответствующем увеличении затрат прибавочного труда. Экономия на труде здесь осуществляется за счёт рабочего, а не в пользу рабочему. Во-вторых, экономия принимает форму экономии прошлого труда (т. е. экономии на применении средств производства) и сбережения соответствующих затрат с тем, чтобы присвоить большее количество прибавочного труда. В указанных обоих случаях речь идёт об экономии в стоимостных рамках.

В действительности экономия на средствах производства возникает из их функционирования не как стоимостных, а как потребительностоимостных факторов, т. е. как производительных сил. В той мере, в какой средства производства входят в процесс производства и функционируют в нём, они выполняют эту свою роль исключительно со стороны своей потребительной, а не меновой стоимости. Та помощь, которую машины оказывают рабочим, зависит не от стоимости, а от потребительной стоимости машин. Точно так же то количество труда, которое способен впитать предмет труда (сырой материал), зависит не от его стоимости, а от его количества, если не изменяется производительность труда.

Противоположным по отношению к экономии труда выражением действия закона потребительной стоимости может служить наличие излишнего, несэкономленного живого или овеществлённого труда. В этом случае движение потребительной стоимости характеризуется с отрицательной стороны: если машина не используется в производстве, она ржавеет, теряет или не выявляет свою потребительную стоимость; если люди оказываются без работы, их рабочая сила также теряет свою потребительную стоимость. В итоге те и другие оказываются излишними. Стало быть, наличие экономии труда и рабочего времени свидетельствует о возвышении потребительной стоимости, их отсутствие, наоборот, делает полезный эффект нулевым.

Экономия, возникающая из концентрации средств производства, их применения в массовом масштабе, своим источником опять-таки имеет потребительностоимостные условия, поскольку средства производства функционируют в условиях обобществлённого, общественно-комбинированного труда.

Закон экономии труда в рамках отношений стоимости не выявляет своей настоящей, потребительностоимостной сущности. Наоборот, экономия труда предстаёт как экономия прошлого (овеществлённого) труда, т. е. стоимости, что может дать повод считать источником прибавочной стоимости не дополнительное количество затрачиваемого живого прибавочного труда, увеличивающегося за счёт сокращения необходимого труда, а экономию на самой стоимости (прошлого, овеществлённого труда), что противоречит самому понятию экономии.

Действительная экономия имеет отношение к движению потребительной стоимости, к её повышению. Когда К. Маркс писал о том, что ***всякая экономия в конечном счёте сводится к экономии времени*** и что экономия времени, равно как и планомерное распределение рабочего времени по различным отраслям производства, остаётся ***первым экономическим законом на основе коллективного производства*** и даже законом в гораздо более высокой степени, то он имел в виду не экономию того рабочего времени, которым измеряется меновая стоимость. К. Маркс специально подчёркивал, что смысл указанной экономии времени «существенно отличается от измерения меновых стоимостей (работ или продуктов труда) рабочим временем»[234]. Этим пояснением сформулированного закона он отчётливо противопоставляет его закону стоимости, на основе которого нельзя измерить экономию времени, возникающую из движения потребительной стоимости.

Это обстоятельство следует учитывать и при характеристике другой существенной формы проявления сущности движения потребительной стоимости — ***закона возвышения производительности труда***.

Известно, что производительность труда характеризует конкретный труд, производящий потребительную стоимость. По этой причине повышение производительности труда в его собственном

---

234 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 117.

смысле выражается в том, что ***доля живого труда***, заключающегося в его продукте, уменьшается, а доля ***прошлого труда*** увеличивается, но увеличивается так, что общая сумма труда уменьшается, следовательно, количество живого труда сокращается больше, чем увеличивается объём прошлого труда.

Повышение производительности труда — противоположный (минусовый) по отношению к стоимости результат, оно уменьшает последнюю. Все ***надбавки*** к стоимости не могут превысить её понижение, вытекающее из уменьшения живого труда, и, значит, понижение стоимости не может считаться экономией, если на оплачиваемой части живого труда не сберегается больше, чем прибавляется прошлого труда.

Поскольку производительность труда касается потребительно-стоимостной сущности труда, то её по существу нельзя определять и измерять посредством стоимостных категорий, а потому неуместно было бы утверждение о том, что в экономии труда как показателе его производительности должны суммироваться живой и прошлый (овеществлённый в стоимости) труд, что для этого недостаточна величина экономии живого труда.

Прошлый труд, поскольку он уже затрачен, овеществлён, не может быть причислен к сэкономленному труду. Экономия же в применении средств производства может обнаруживать себя лишь в росте несвершённого, неовеществлённого рабочего времени, к чему и сводится суть всякой экономии. Прошлый же труд оказывается на стороне затраченного, а не сэкономленного труда. Сэкономленный труд в этом случае будет на стороне результата, ибо он не суммируется с затраченным трудом, а, наоборот, из него вычитается последний.

С этой точки зрения не может быть признано достаточно адекватным закону потребительной стоимости определение производительности труда через отношение измеренной в натуральных единицах потребительной стоимости к затратам труда на её производство. Когда в результатах оказываются вместо величины высвобождаемого труда тонны, метры, объёмы и т. д. продукции, которые сопоставляются с затраченным на их производство трудом, мы неизбежно переводим измерение потребительных стоимостей в плоскость затрат рабочего времени, т. е. измеряем их меновой стоимостью.

Такой подход не освобождает нас от смешения результатов с затратами (об этом справедливо предупреждал В. В. Новожилов), не приводит к оценке производительности труда через его результат, а не затраты. Конечно, для этого надо знать, каких затрат стоит производство результата, но этого недостаточно. Надо ещё знать, каким является сам результат труда.

Безусловно, этот результат будет представлять собой разность между тем, что труд даёт, и тем, что он берёт, т. е. она выступает как приращение массы потребительных стоимостей. Однако в натуральных единицах эту разность, по мнению В. В. Новожилова, нельзя измерить из-за разнородности потребительных стоимостей и затраченных на них средств производства. Её, утверждает В. В. Новожилов, можно измерить лишь косвенно в единицах стоимости или в единицах затрат труда. Нужно только, чтобы при измерении производительности труда это косвенное измерение отражало «физический объём» произведённого приращения потребительных стоимостей[235].

Чтобы отказаться от услуг стоимости при определении производительности труда, как раз и нужно представить результат труда как высвобождаемый в процессе потребления разнообразных потребительных стоимостей труд и на этой основе преодолеть постулируемую несоизмеримость потребительных стоимостей как между собой, так и с затраченным на их производство трудом.

Этому собственно потребительностоимостному требованию более всего отвечает измерение ***общественной производительности труда*** (производительной силы общества) посредством величины сэкономленного, незатраченного обществом труда в производстве благодаря использованию потребительной стоимости различных факторов производства.

Когда же движение производительной силы труда, экономию труда укладывают в прокрустово ложе стоимости, а закон стоимости объявляют инструментом и конкретным выражением повышения эффективности производства, то это приводит к ложным выводам относительно судеб развития всего человечества. Примером могут служить суждения о том, что уже в первые десятилетия

---

235 Новожилов В. В. Проблемы измерения затрат и результатов при оптимальном планировании. С. 269.

XXI столетия экономический рост в мире практически прекратится, будет происходить спад всей мировой экономики и придёт конец саморазвитию общества.

В данном случае ограничения, накладываемые на экономическое развитие стоимостными механизмами (значением стоимости быть минусом по отношению к производительности), выдаются за пределы экономического роста вообще. Между тем действительное развитие производительных сил касается их движения как потребительной стоимости и не нуждается в стоимостном «обеспечении». Потребительностоимостные механизмы, призванные вытеснить и заменить стоимостные формы, могут и должны послужить гораздо более важным гарантом дальнейшего саморазвития общества, чем стоимость.

Если оценивать будущее мировой экономики с этих позиций, то нельзя согласиться с прогнозами относительного её всеобщего спада в начале столетия. Можно надеяться, что человечество сумеет осознать пределы своего роста и перейдёт на новые принципы экономической деятельности и соответствующим образом изменит общественное устройство. В потребительностоимостной экономике будущее общество найдёт своё экономическое основание и начнёт развиваться на адекватной себе основе.

Экономией рабочего времени и ростом производительности труда обусловлена закономерность движения потребительной стоимости — возвышение потребностей и уровня их удовлетворения. Если в результате роста производительности труда при том же объёме рабочего времени производится больше потребительных стоимостей, то этим создаётся возможность лучшего удовлетворения необходимых жизненных потребностей. Уровень их удовлетворения увеличивается при условии роста объёма продукции в единицах времени. Когда же сберегается рабочее время, то за счёт соответствующего увеличения свободного времени общества создаётся возможность для появления новых потребностей и для всестороннего развития личности, если новые потребности этому способствуют.

Итак, закон потребительной стоимости есть закон движения создающего потребительную стоимость труда, его производительной и потребительной силы. Его вполне можно назвать общим законом социально-экономического развития общества,

включающим в качестве своих всеобщих форм закон экономии времени труда, роста производительной силы труда (производительности труда) и возвышения потребительной силы труда (возвышение потребностей). Уже то обстоятельство, что всесторонность развития, потребления и деятельности как отдельного человека, так и общества, зависит от сбережения времени, свидетельствует о социальной сущности данного закона (законов).

Его (их) действие может быть выражено количественно, что сделано известными отечественными авторами книги «Математическое обеспечение управления. Мера развития общества» (М., 1996) М. И. Гвардейцевым, П. Г. Кузнецовым, В. Я. Розенбергом[236]. Исходным берётся социальное время как мера деятельности общества. Предполагается, что: а) всё социальное время затрачивается на удовлетворение потребностей общества, б) каждой удовлетворённой потребности соответствует часть социального времени и наоборот, в) между составными частями социального времени и удовлетворяемыми потребностями существует взаимно однозначное соответствие[237].

Количественно социальное время общества определяется как произведение численности его членов на тот или иной отрезок астрономического времени, например год. Удобным для вычислений масштабом социального времени предлагается единица, равная одному миллиону человеко-году (1 МГ). В СССР, например, в 1989 г. объём социального времени составил 286,7 МГ по сравнению с 264,5 МГ в 1980 г., 241,7 МГ в 1970 г. и 178,5 МГ в 1950 г. Социальное время, в свою очередь, делится на две известные части: необходимое (НВ) и свободное (HS). Объективным критерием общественного развития выступает сокращение необходимого и соответствующее увеличение свободного времени, т. е. смещение границы между ними в сторону сокращения необходимого времени.

---

[236] Гвардейцев М. И., Кузнецов П. Г., Розенберг В. Я. Математическое обеспечение управления. Мера развития общества / Под ред. М. И. Гвардейцева. М., 1996. С. 3–21.

[237] Гвардейцев М. И., Кузнецов П. Г., Розенберг В. Я. Математическое обеспечение управления. Мера развития общества. С. 59.

«Этот критерий, — как справедливо утверждают авторы, — в равной степени пригоден при обосновании любого практического решения, принимаемого при управлении в обществе. Он применим в масштабе планеты, страны, области, города, биржи, предприятия, фирмы. Только те решения, которые соответствуют данному критерию, способствуют прогрессу общества»[238].

Сокращение необходимого социального времени, выраженное в уменьшении рабочего времени при производстве данного объёма потребительных стоимостей, или же выраженное в увеличении объёма потребительных стоимостей при сохранении данной величины необходимого времени, отражает другая форма критерия общественного развития — рост производительности общественного труда. В качестве примера количественной оценки общественного развития на основе этого критерия можно привести расчёты, содержащиеся в работах К. Маркса, в частности расчёты, касающиеся роста производительной силы английского общества за период с 1770 по 1840 г.

Динамика производительности труда за период 1770–1840 гг.[239]

Показатели	1770 г.	1840 г.
Всё население Великобритании (млн чел.)	15	30
в том числе: производительная часть населения (млн чел.)	3	6
Производительная сила технических усовершенствований соответствовала (млн чел.)	12	650
Общая сумма производительных сил (млн чел.)	15	656
Отношение общей суммы производительных сил к численности населения	1 : 1	21 : 1
Отношение производительной силы технических усовершенствований к производительной силе ручного труда	4 : 1	108 : 1

Из приведённого расчёта видно, что производительность рабочего дня за указанный период (70 лет) увеличилась в 27 раз (108 : 4 = 27), т. е. в 1840 г. за день производилось в двадцать семь раз больше, чем в 1770 г.

---

238 Гвардейцев М. И., Кузнецов П. Г., Розенберг В. Я. Математическое обеспечение управления. Мера развития общества. С. 23.

239 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4. С. 125.

Что касается измерения общественного развития уровнем удовлетворения потребностей, то этот критерий в количественном отношении может быть представлен, с одной стороны, величиной свободного времени (для потребностей, связанных с развитием личности), с другой — ростом объёма производимых потребительных стоимостей (для удовлетворения жизнеобеспечивающих потребностей) на единицу времени. В последнем случае приходится пользоваться нормативами, необходимыми для установления уровня удовлетворения отдельных потребностей, т. е. по их видам.

Можно их измерить и обобщённым методом. Авторы указанной книги в качестве такого обобщения предлагают показатель мощности «энергетического потока, материализованной в средствах, нашедших потребителя в обществе»[240]. Этот показатель, по их мнению, гораздо более объективный, чем сравнение по денежному доходу на душу населения.

Представляет несомненный интерес измерение уровня удовлетворения необходимых жизненных потребностей по физическому объёму общественного фонда потребления, совмещённого с экономией (высвобождением) труда, исчисленного в человеко-годах, т. е. предполагающего взаимно однозначное соответствие между удовлетворёнными необходимыми потребностями и сокращением необходимого рабочего времени. Такого рода расчёты сделаны В. С. Вечкановым и Г. С. Вечкановым в книгах: «Эффективность производства и её слагаемые» (отв. ред. В. С. Вечканов. Л., 1983) и в совместной книге «Ускорение и эффективность производства» (Л., 1989).

Авторы исходят из того, что мерой развития и эффективности общественного материального производства должен быть взят физический объём фонда потребления, создаваемый в среднем одним производительным работником в единицу рабочего времени:

$$Э = \frac{Дп}{Тж},$$

где *Дп* — физический объём фонда потребления, *Тж* — численность производительных работников (затраты живого труда)[241].

---

[240] Гвардейцев М. И., Кузнецов П. Г., Розенберг В. Я. Математическое обеспечение управления. Мера развития общества. С. 25.

[241] Вечканов В. С., Вечканов Г. С. Ускорение и эффективность производства. Л., 1989. С. 150.

Расчёты показывают, что динамика фонда потребления совпадает с динамикой экономии рабочего времени, что свидетельствует о единстве форм (законов), выражающих общественное развитие. Это видно из приведённых авторами показателей движения фонда потребления и экономии рабочего времени.

Как явствует из приведённых данных, рассчитанных по статистическим сборникам ЦСУ, за 15 лет годовое производство фонда потребления увеличилось в расчёте на одного работника материального производства на 77,2%. Соответственно, экономия труда, полученная в 1980 г. от повышения эффективности производства (по сравнению с 1965 г.), в форме экономии живого труда выразилась в количестве 96,1 млн годовых работников. С вычетом перерасхода труда, связанного с повышением фондоёмкости (–22,7 млн) и потребляемого овеществлённого в средствах производства труда (–2,4 млн), общая экономия труда составила 71,0 млн годовых работников. Если эту сумму сэкономленного труда отнести к числу занятых в материальном производстве в 1980 г., то получится тот же самый искомый процент, который определяется по показателю фонда потребления $(71{,}0 : 91{,}9) \cdot 100 = 77{,}2$[242].

Динамика фонда потребления и экономии труда в общественном производстве СССР за период 1965–1980 гг.[243]

Показатели	1965 г.	1980 г.	Прирост (в %)
Произведено в расчёте на одного работника (в неизменных ценах 1973 г., руб.) фонда потребления	1 943	3 931	102,3
фонда потребления за вычетом части, полученной от снижения темпов экономического роста	1 943	3 443	77,2
Экономия (+), перерасход (–) труда от повышения (понижения) эффективности производства по отношению к уровню 1965 г., млн чел. Всего	—	71,0	
в том числе: живого	—	96,1	
потребляемого овеществлённого	—	–2,4	
накопляемого	—	–22,7	

242 Эффективность производства и её слагаемые. Л., 1983. С. 79–80.

243 Эффективность производства и её слагаемые. Л., 1983. С. 79.

Таким образом, заключают авторы, в показателе — производство физического объёма фонда потребления в единицу рабочего времени — выражается экономия всего потребляемого и накопляемого труда. Это значит, что повышение (уменьшение) уровня удовлетворения потребностей и сокращение (увеличение) рабочего времени могут быть выражены одной величиной.

Производительную и потребительную силу труда можно представить как силу развития. Авторы книги «Математическое обеспечение управления. Мера развития общества» предлагают в качестве единицы этой силы и, следовательно, силы социального развития, такую силу, которая сокращает долю необходимого социального времени на один человеко-год. При ограничении объёма социального времени одним миллионо-человеко-годом эта единица (РВ) будет означать 10^{-6} МГ. Соответственно, сила развития F = +1РВ уменьшает необходимое время (НВ) на 10^{-6} МГ, а F = –1РВ, наоборот, увеличивает это время на 10^{-6} МГ[244].

Посредством предложенной единицы одновременно измеряется и потребительная сила — уровень удовлетворения потребностей.

Глава 9. Обмен и распределение потребительных стоимостей

§ 1. Обмен и обращение потребительных стоимостей

Для того чтобы реализоваться, т. е. быть потреблёнными, произведённые потребительные стоимости должны пройти лежащие между производством и потреблением *фазы*: обмен (обращение) и распределение. Необходимость этих фаз обычно связывается с движением товаров как стоимостей. Что касается потребительных стоимостей, то их потребление может происходить непосредственно вслед за их производством, т. е. не предполагать обмена. В определённых условиях потребительная стоимость продуктов реализуется для людей помимо обмена, через непосредственное отношение человека к вещи. Там, где имеют место коллективное

[244] Гвардейцев М. И., Кузнецов П. Г., Розенберг В. Я. Математическое обеспечение управления. Мера развития общества. С. 95.

производство и коллективная собственность, возможно участие в ***коллективном потреблении*** без товарного обмена.

Это обстоятельство даёт повод придать обмену ***общественный*** характер лишь как обмену стоимостей. Если же дело касается обмена деятельности и продуктообмена на основе потребительной стоимости, то они лишаются определённости общественной формы. Именно поэтому ***обмен*** потребительских стоимостей оказался вне предмета классической политической экономии, чем соответственно воспользовался в своё время маржинализм. С целью не связывать обмен со стоимостной эквивалентностью, что только и делает его, согласно взглядам классиков, возможным, К. Менгер предложил другое основание для обмена благ — их ***неравноценность***. Обмен происходит потому, что в распоряжении одного хозяйствующего субъекта находится конкретное количество благ, имеющих для него меньшую ценность, чем другие конкретные количества благ, которыми распоряжается другой хозяйствующий субъект и который их оценивает ниже, чем первый субъект[245]. Обмен, следовательно, оказывается экономически возможным только между такими двумя лицами, которые определяют ценность предлагаемой для обмена и получаемой в результате обмена вещи неодинаковым, даже противоположным образом[246].

К. Маркс не ограничился анализом субъективных мотивов обмена потребительных стоимостей, а указал на объективную природу их обмена — общественный характер труда. При такой предпосылке не обмен первоначально придаёт труду характер всеобщности, а заранее данный коллективный характер труда определяет участие работника в общем продукте вне стоимостного обмена. Обмен, имеющий место первоначально в производстве, был бы не обменом меновых стоимостей, а обменом деятельностей и их продуктов, которые определялись бы коллективными потребностями.

Если при господстве меновой стоимости обмен обусловливает общественный характер производства (труда), то в условиях

---

[245] Австрийская школа в политической экономии: К. Менгер, Е. Бём-Баверк, Ф. Визер. С. 153.

[246] Австрийская школа в политической экономии: К. Менгер, Е. Бём-Баверк, Ф. Визер. С. 363.

потребительностоимостного обмена, наоборот, ***труд*** в качестве ***общественного труда***, ещё до обмена, предполагает его общественный характер. Именно поэтому отдельное лицо независимо от того, какую особую потребительную стоимость оно создаёт трудом, благодаря общественному характеру своего труда получает право не на особенную потребительную стоимость, а на участие в потреблении коллективной продукции, в ***коллективном потреблении***. В этом случае участие отдельного человека в мире продуктов не опосредствуется обменом его особого продукта на особый продукт другого лица, а определяется ***общественными условиями производства***[247].

Рассмотрение производства со стороны его потребительностоимостной основы предполагает, что обмен и обращение должны осуществляться на этой же основе. Речь должна идти не о тех формах обращения, которые касаются движения меновой стоимости, а о тех, в которых происходит обмен потребительных стоимостей. В этом своём качестве обращение в общем его виде можно представить, во-первых, как ***обмен*** деятельностей и способностей, совершающийся в самом производстве; во-вторых, как ***обмен*** различных производителей продуктами своей деятельности, обусловленный качественной дифференциацией (разделением) труда, и, в-третьих, как ***обмен*** продуктов, предназначенных для индивидуального потребления. Все эти акты обращения (обмена) имеют место в любом обществе. В производстве, основанном на стоимости, они составляют ***натуральное содержание*** обращения, выступают его внешними условиями.

Знание названного содержания имеет существенное значение для разработки теории обращения применительно к воспроизводству человека. Но оно недостаточно, если неизвестно, какую социально-экономическую форму принимает этот базис обращения в том или ином обществе. Вне формы товарно-денежного обращения, оборота капитала он, бесспорно, не остаётся чисто ***натуральным*** образованием. Более того, общественная форма, которую этот базис создаёт, обладает свойствами социального отношения не в меньшей мере, чем обращающиеся деньги и капитал. Например, обмен, имевший место в исторически первых формах

---

247 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 115, 116.

производства, не был обменом меновых стоимостей. Но, будучи обменом деятельностей, он не терял своего социального содержания — функции обслуживания коллективных потребностей, коллективных целей, предполагающих участие каждого члена общины в коллективном мире продуктов. Точно так же в будущем обществе, по мысли К. Маркса, когда отпадут денежный капитал и денежное обращение, функции по обслуживанию берёт на себя ***продуктообмен*** как социально-экономическая форма. Дело будет сводиться к тому, что общество наперёд рассчитывает, сколько труда, средств производства и жизненных средств оно должно тратить на то или иное производство, и производит соответствующий обмен деятельностей и обмен продуктов[248].

К. Маркс вслед за Ф. Кенэ обратил внимание на обмен прежде всего как на отношение, связывающее производство с человеческим потреблением. Именно это звено выпадает как из сферы обращения стоимости (стоимость не потребляется), так и из сферы обращения капитала. Трата прибавочной стоимости капиталистом на собственное потребление не входит в процесс обращения его капитала. Точно так же и расходование рабочим заработной платы на покупку товаров не составляет звена в обращении капитала, несмотря на то, что оно обусловливает его. Соответственно утверждение о том, что ***накопление капитала*** совершается за счёт ***индивидуального потребления***, представляется иллюзией, противоречащей сущности капиталистического производства, поскольку подобное представление означало бы, что целью и побудительным мотивом капиталистического производства является ***потребление***, а не получение и накопление прибавочной стоимости.

Иное дело, когда непосредственной целью производства становится наиболее полное удовлетворение потребностей самих трудящихся. В этих условиях именно потребление придаёт смысл всему обращению, становится его предопределяющим фактором. Обращение начинает базироваться на принципах движения потребительной стоимости подобно тому, как непосредственно общественный труд предполагает непосредственную, т. е. не опосредствованную стоимостью, подчинённость производства

248 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 115; т. 24. С. 354; т. 50. С. 101.

удовлетворению человеческих потребностей. Освободившись из-под ига стоимости, обмен продуктов находит в потреблении меру своего движения. При этом величина обращающейся потребительной стоимости продукта заложена уже «не в ***овеществлённом в продукте труде***, а проистекает из ***природы этого продукта как потребительной стоимости***, и притом ***потребительной стоимости для других***»[249].

Таким образом, если мерой продукта, обращающегося как стоимость, служит количество овеществлённого труда, существующее в обращении, то мерой продукта как потребительной стоимости является нечто принципиально иное — ***количество потребности*** в этом специфическом продукте. ***Совокупное потребление*** выступает в качестве меры всей обращающейся потребительной стоимости, а потому и определителем количества рабочего времени, затраченного на её производство. «Тем самым, — замечал К. Маркс, — в ложное положение поставлены: с одной стороны, безразличие стоимости как таковой по отношению к потребительной стоимости, а с другой стороны, овеществлённый труд вообще как субстанция и мера стоимости»[250]. В этих положениях К. Маркс развивает сформулированный ещё в «Нищете философии» тезис о том, что в будущем обществе потребление не только не будет определяться временем, необходимым для производства, а, наоборот, само время, нужное для производства того или иного продукта, будет определяться степенью его общественной полезности.

Если исходить из этой потребительностоимостной основы, то ***общей формой обращения*** (вместо такой же формы обращения стоимости: *Д–Т–Д* и *Д–Д'*) становятся фигуры «человек — продукт производства — человек» (***Ч–П–Ч***) и «человек — развитый человек» (***Ч–Ч'***), т. е. обращение капитала как стоимости заменяется обращением «человеческого» богатства — человеческого развития как формы основного богатства общества. Человек, присваивая продукт, тем самым и воспроизводит себя: при простом воспроизводстве он воспроизводит своё существование (жизнь), при расширенном — себя и как развивающуюся личность.

---

249 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 383.

250 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 383.

Иными словами, производство, превращаясь в арену непосредственного воспроизводства самого человека, неизбежно соответствующим образом модифицирует обращение. Будучи в материальном отношении обменом продуктов, обращение делает своим социальным содержанием движение и взаимообмен функций человека — функций по созиданию продукта и функций по его потреблению как способов собственного воспроизводства и развития.

В этом случае преобразуются сами стадии обращения. В той мере, в какой члены общества с самого начала выступают собственниками средств производства и жизненных средств, им нет необходимости покупать на рынке средства производства и рабочую силу, однако и здесь производству предшествует ***акт обращения***. Человек, чтобы вступить в процесс производства, должен сначала быть потребителем произведённых жизненных средств, т. е. в производство он вступает, осуществив функции потребителя. На этой первой стадии обращения происходит переход от человека как потребителя к человеку как производителю своей жизни ($Ч_п - Ч_{пр}$). Акт перехода от потребления к производству предполагает, что в процессе индивидуального потребления предпосланные производству жизненные средства превращаются в плоть и кровь производителя.

Потребление, предшествующее производству, придаёт обращению новое качество, не присущее обороту капитала. Личное потребление рабочего не входит в кругооборот индивидуального капитала, жизненные средства выталкиваются из его обращения, так как предназначены для потребления (чужого); их потребление только предполагается как условие производительного потребления рабочей силы капиталом, т. е. лишь постольку, поскольку рабочий своим индивидуальным потреблением поддерживает и воспроизводит себя как рабочую силу. Он «для того, чтобы постоянно находиться на рынке в качестве материала, пригодного для эксплуатации капиталистом, прежде всего должен жить, следовательно, должен поддерживать себя индивидуальным потреблением»[251]. При обращении потребительных стоимостей индивидуальное потребление не только входит в обмен, но занимает место первого акта обращения, поскольку речь идёт о движении,

[251] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 24. С. 68.

о воспроизводстве самого человека как главного богатства. Общество интересует в первую очередь, каким человек входит в стадию производства, ибо производство для человека должно стать ареной применения знаний, экспериментальной наукой, школой дисциплины труда. На этой стадии решается много новых проблем, не возникающих в условиях обращения стоимости. Потреблением задаются количественные пропорции вовлекаемых в обращение средств производства и труда, прошлого и живого. Решается, следовательно, вопрос о том, чтобы количество средств производства было достаточным для поглощения количества труда, соответствующего требованиям потребления. Жизненных средств, в свою очередь, также должно быть достаточно, чтобы данную массу труда вовлечь в производство. В итоге размеры продукта, создаваемого производством, должны определяться не масштабами самого производства и необходимостью его постоянного расширения, как это происходит при производстве стоимости, а кругом общественных и личных потребностей, подлежащих удовлетворению на данной ступени развития производительных сил.

На стадии ***производительного потребления***, т. е. производства ($П_р$), факторы последнего превращаются в продукт, обладающий независимым от процесса производства существованием и имеющим потребительную форму, отличную от потребительной формы элементов процесса производства. В производственный процесс индивидуальное потребление не входит: вместо жизненных средств в производстве фигурирует потребительная стоимость рабочей силы ($Ч_{пр}$), т. е. живой труд, живой работник. В этом смысле обращение потребительной силы человека прекращается, на её место вступает его движение как производительной силы, т. е. человек из состояния своего функционирования как потребителя переходит в своё функционирование в качестве производителя и соответственно расходует приобретённую в процессе потребления и развития физическую и духовную энергию, физические и умственные способности.

Последняя стадия обращения ($П–Ч$) начинается с вышедшего из производства продукта, в котором элементы процесса производства приобретают новую потребительную форму, а полезность конкретного труда превращается в полезность продукта. Она становится новой по сравнению с потребительными свойствами

израсходованных средств производства, является ***приращённой полезностью***, ибо предполагает затраты нового полезного труда. Продукт (***П***) одной своей частью возвращается в производство, а другой — переходит в индивидуальное потребление, образуя стадию обращения «человеческого» (не стоимостного) богатства. Обращение соответственно имеет две исходные составные оси: а) обращение средств производства; б) обращение функций человека, обмен деятельностей и способностей людей вместе со средствами их жизни и развития. Второй аспект обращения приобретает наиболее важное значение для будущего общества. В то же время он остаётся менее всего разработанным, несмотря на то, что человеческое общество должно интересоваться прежде всего лучшим удовлетворением потребностей и развитием трудящихся.

Весьма важной для теории обращения является проблема взаимодействия двух подразделений общественного производства на потребительностоимостной основе[252], т. е. без обращения денежного капитала и при первенстве производства средств потребления, которому принадлежит в данном случае роль первого подразделения. Эта основа позволяет решить вопрос о достижении пропорциональности и соответствия в обмене между производством и потреблением и является необходимым условием и базой планомерного развития общества, его планирующей деятельности. На стоимостной основе этого достигнуть нельзя.

Потребительная стоимость продукта и его потребление в принципе не могут соответствовать (быть пропорциональными) общественно необходимому времени его производства, составляющему стоимость продукта. Предложение продукта в качестве потребительной стоимости не определяется овеществлённым в нём трудом и рабочим временем. К продукту применяется совсем иное мерило, зависящее от объёма потребностей, а также от степени нужды в нём, но лежащее вне меновой стоимости самого продукта. Хотя индивидуальное потребление, отмечал К. Маркс, является

---

[252] В. И. Ленин, отвергая тезис Н. И. Бухарина относительно неизбежности конца политической экономии вместе с концом капиталистического товарного производства, указывал, что и в «чистом» коммунизме не потеряет своего смысла отношение $I_{v+m}-II_c$ и накопление (Ленинский сборник. Т. XI. М., 1933. С. 349).

необходимым, имманентным моментом процесса воспроизводства, потребление и производство никоим образом не идентичны. Капиталистический способ производства основывается как раз на том, что потребление и производство совершенно непропорциональны друг другу; напротив, они расходятся в той же пропорции, в какой развивается капиталистический способ производства[253].

Не будет идентичности (пропорциональности) производства и потребления и в том случае, если в обществе сохранится ***товарное обращение***. Каков бы ни был способ производства, на основе которого производятся продукты, входящие в обращение как товары, — это нисколько не изменит их характера как товаров, и в качестве товаров они одинаково должны пройти процесс обмена и сопровождающие его изменения формы. К. Маркс резко выступал против возможности совместить производство стоимости с установлением между ним и потреблением ***имманентной соразмерности***, регулируемой непосредственно членами общества. Не может быть ничего ошибочнее и нелепее, отмечал он, чем предполагать контроль объединённых индивидов над совокупным производством на основе меновой стоимости и денег[254]. К. Маркс называл иллюзорными представления сторонников тех социалистических школ, которые воображали, что можно покончить с капитализмом, применив к нему вечные законы товарного производства.

Такие иллюзии обычно сопровождаются попытками поставить на место производства, основанного на стоимости, производство, базирующееся непосредственно на потребительной стоимости, и соответственно вместо обмена стоимостей (товаров) — обмен труда и продуктов. В результате такой подмены производство и потребление «рисуются» ***имманентно пропорциональными***, не допускается превышения одного над другим, кроме случаев ошибочного, неправильного подсчёта. В наше время обычно говорят о равновесии спроса и предложения, об установлении равновесных цен, способных приводить предложение в согласие со спросом, ибо предложение вроде бы должно представлять собой спрос, измеряемый количеством (объёмом) самого предложения,

---

253 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 49. С. 489.

254 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 101–102.

т. е. тождественность в обмене стоимостных эквивалентов выдаётся как тождество стоимости и потребительной стоимости[255].

Действительное соответствие производства и потребления может иметь место только в том случае, если производитель и потребитель идентичны. Это происходит лишь в условиях производства и обращения, непосредственно основанных на потребительной стоимости. Как стоимость рабочая сила фигурирует в качестве составной части стоимости капитала, товарного мира и подчиняется вместе с ними законам их обращения. Однако человек как носитель рабочей силы, хотя и является продуктом общественного процесса воспроизводства вместе с вещественным продуктом, не составляет части последнего. Его движение как потребителя и производителя, а не как стоимости его рабочей силы предполагает, что речь идёт об общественном продукте, который, поступая в общественное потребление, обращается не как стоимость и, следовательно, не по законам рынка. Вот почему ***движение общественного продукта*** не может быть сведено к обращению и возмещению его стоимости. Обращение этого продукта обусловлено потребительной стоимостью составных частей. Выделение этой стороны обращения общественного продукта приобретает весьма существенное значение для практики в будущем, ибо оно должно стать ***главным содержанием обращения*** в условиях производства во имя удовлетворения потребностей.

Обращению общественного продукта как потребительной стоимости присуща та решающая особенность, что его основанием служит движение конкретного, а не абстрактного труда. И в области анализа обращения общественного продукта необходимо исходить из строгого разграничения сторон труда, из его двойственного характера: в качестве ***затраты рабочей силы*** труд создаёт стоимость; в качестве ***конкретного, полезного труда*** — предметы потребления (потребительную стоимость). «Сумма общественного продукта, I+II, предметы потребления и средства

---

[255] Предложение как мера собственного спроса может выступать лишь в качестве предложенной стоимости, равной определённому количеству овеществлённого труда. Предложение же в качестве потребительной стоимости вовсе не измеряется овеществлённым в ней трудом (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 389).

производства, рассматриваемые по своей потребительной стоимости, конкретно, в их натуральной форме, являются продуктами труда текущего года, однако лишь постольку продуктом самого этого труда, поскольку он рассматривается как полезный конкретный труд, а не как затрата рабочей силы, не как труд, создающий стоимость»[256]. Что касается присоединённого в течение года ***абстрактного труда***, то он воплощается лишь во вновь созданной стоимости, которая не имеет абсолютно ничего общего ни с конкретной природой средств производства, ни с конкретной природой вида труда, превращающего эти средства производства в продукт. ***Вновь созданная стоимость*** не представляет всего общественного продукта, поскольку она меньше стоимости этого продукта и не имеет отношения к его движению в качестве результата полезного труда, израсходованного в своих многочисленных формах. Только благодаря ***конкретному труду***, а не затрате рабочей силы как таковой средства производства приобретают в продукте новую потребительную форму, отвечающую человеческим потребностям и пригодную для производительного или индивидуального потребления.

Без выделения этой потребительной стороны обращающегося продукта и отграничения её от стоимостной стороны нельзя объяснить возможность расширенного воспроизводства потребительной силы самих непосредственных производителей и приращения в развитии их способностей. Ведь если исходить из динамики вновь создаваемой стоимости общественного продукта, то с ростом производительности труда эта стоимость должна уменьшиться. Значит, и потребление рабочих, определяемое в этих стоимостных рамках их необходимым рабочим временем, неизбежно должно сокращаться. Соответственно, сохранив названное условие, будущее общество не сможет не только поднять уровень потребления рабочих, но и ухудшит его. К этому ошибочному выводу, как показал В. И. Ленин, пришла в своё время Р. Люксембург, полагая, что «формула $C>V$, будучи переведена с капиталистического языка на язык общественного процесса труда, означает не более, как следующее: чем выше производительность человеческого труда, тем короче то время,

[256] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 50. С. 149–150.

в течение которого данное количество средств производства превращается в готовый продукт. Это — ***всеобщий закон*** человеческого труда, он имеет силу в будущем, при социалистическом общественном строе»[257].

Ошибка Р. Люксембург в данном случае проистекала из того, что ***динамику стоимости продукта*** (под влиянием роста производительности труда), подчинённую закону стоимости, она выдала за ***всеобщий закон*** человеческого труда, т. е. ***закон стоимости*** пыталась выразить посредством ***потребительностоимостной формы***. «Выраженный в вещественной потребительной форме совокупного общественного продукта, — писала она, — этот закон должен проявляться во всё более возрастающем применении общественного рабочего времени на производство средств производства по сравнению с производством средств потребления. В социалистически организованном и планомерно руководимом общественном хозяйстве этот процесс должен был бы продвигаться ещё быстрее, чем в современном капиталистическом обществе»[258].

В. И. Ленин назвал этот вывод вздорным, искажающим теорию К. Маркса[259]. Решение проблемы он видел в том, что доля труда, воплощённого в предметах потребления рабочих, при социализме должна намного превосходить долю труда, реализованного в накопленной части продукта. Если, например, в созданном в данном году продукте будет реализовано 1500 единиц труда, то потребление рабочих будет составлять 1200 единиц, а накопляемая часть — всего 300 единиц, т. е. фонд потребления эксплуататоров переходит в фонд потребления рабочих[260]. Дело, однако, не только в этом. Расширенное воспроизводство потребительной силы трудящихся осуществляется не просто на базе сокращающегося объёма вновь затрачиваемого рабочего времени, хотя и при относительном росте доли продукта, идущего на индивидуальное потребление, но и на основе роста высвобождаемого техникой труда, т. е. ***сэкономленного***, а не ***затраченного*** рабочего времени. Обращение этой экономии на базе расширенного

---

257 Люксембург Р. Накопление капитала. 4-е изд. М.; Л., 1931. С. 222–223.

258 Люксембург Р. Накопление капитала. 4-е изд. М.; Л., 1931. С. 223.

259 Ленинский сборник. Т. XXII. М., 1933. С. 361–365; Т. XXXVIII. М., 1975. С. 86.

260 Ленинский сборник. Т. XXXVIII. С. 90, 91.

воспроизводства — вот что должно стать главным предметом анализа в политической экономии, выходящей за пределы товарного обращения.

Без перевода ***теории обращения*** на эту основу, т. е. на платформу ***закона потребительной стоимости*** и его развитой формы, касающейся производства «приращения» в развитии личности и благосостояния каждого (вместо производства стоимости и прибавочной стоимости), не решить проблему внутреннего соответствия производства общественным потребностям, особенно вопрос о реализации дополнительной потребительной силы трудящихся, связанной с возвышением потребностей. Не помогает здесь и прогрессивное изменение соотношения между C и V, какого бы превосходства ни достигал C над V в результате роста производительности труда.

Потребление рабочего, замыкаемое на стоимостной принцип — затраченное необходимое рабочее время, — никогда не может быть больше затрат этого времени на воспроизводство рабочей силы. Из равенства труда по условиям производства и по условиям потребления не получить ни единой дополнительной единицы «приращения» в развитии личности непосредственного производителя. Такое «приращение» может дать лишь их неравенство, когда труда по условиям производства будет затрачиваться меньше, чем высвобождаться труда, необходимого для расширенного воспроизводства способностей и потребностей непосредственного производителя. Это зависит уже от роста потребительной стоимости средств производства, рабочей силы, а вовсе не от соотношения времени, затрачиваемого на производство средств производства и на производство жизненных средств, т. е. не от отношения $C>V$. Наоборот, чем больше в производстве будет действовать прошлого труда по сравнению с применяемым живым трудом, тем выше будет потребительная сила трудящихся.

§ 2. Распределение благ по потребительной стоимости

Закон потребительной стоимости, как и все экономические законы, представляя прежде всего движение производства, одновременно является ***законом распределения***. То, что производство

делает своей ***конечной целью***, распределение должно сделать ***результатом*** производства, т. е. оно выступает способом реализации цели производства.

Наиболее очевидно действие названного закона в сфере распределения условий производства и труда: их распределение между отраслями народного хозяйства в конечном счёте осуществляется в зависимости от потребностей в различных благах, т. е. удовлетворение разнообразных потребностей людей требует приложения соответствующего количества различных видов труда и производства различного количества продуктов. Это требование является условием функционирования любого производства в той мере, в какой конечным результатом производства являются потребление и воспроизводство самого человека. Всем известно, «что для соответствующих различным массам потребностей масс продуктов требуются различные и количественно определённые массы общественного совокупного труда. Очевидно само собой, что эта ***необходимость распределения*** общественного труда в определённых пропорциях никоим образом не может быть уничтожена ***определённой формой*** общественного производства, — измениться может лишь форма её ***проявления***. Законы природы вообще не могут быть уничтожены»[261].

Наиболее основательно этот закон может выявить себя при социализме, в котором производство должно находиться под действительным предопределяющим это производство общественным контролем. Обществом создаётся связь между количеством общественного рабочего времени, затрачиваемым на производство какого-либо определённого предмета, и размерами общественной потребности, подлежащей удовлетворению при помощи этого предмета, т. е. на основе планового распределения устанавливается надлежащее соотношение между различными трудовыми функциями и различными потребностями.

К сожалению, планирование этих пропорций в нашей стране не учитывало требования закона потребительной стоимости, оно базировалось на затратном, стоимостном принципе, что не могло не привести к серьёзным диспропорциям в распределении средств производства и труда, с одной стороны, и удовлетворении

---

[261] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 32. С. 460–461.

потребностей надлежащим количествам жизненных благ — с другой. Дальнейшее расширение затратного принципа в сфере распределения не могло не сопровождаться углублением разрыва между производством и потреблением, нарастанием кризисных явлений в этой области. Отсюда — настоятельная необходимость в преодолении затратных основ распределения средств производства и труда и перевода распределения на потребительностоимостную основу[262].

Закон потребительной стоимости является ***регулятором распределения*** не только труда и условий производства, но и предметов индивидуального потребления. Однако его применение к сфере распределения жизненных благ вызывает наибольшие трудности. По какому критерию они распределяются — остаётся тайной тайн экономической науки. По этому вопросу мы не находим чёткого ответа в работах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина.

На поверхности общественной жизни незыблемым «социалистическим» принципом выступает ***распределение*** жизненных благ по ***труду***. Редко кто задумывался над тем, что это значит по существу, по какому труду осуществляется распределение. Если речь идёт об абстрактном труде и имеются в виду его общественно необходимые затраты на производство жизненных средств или результаты труда в виде стоимости этих средств, то их распределение происходило бы по стоимости рабочей силы, по ***затратному принципу***. Соответственно рабочая сила воспроизводилась бы в ***сфере распределения***, как и всякий товар, — по ***закону стоимости***. Рабочий, получая ***эквивалент*** общественно необходимых затрат своего труда, никогда не смог бы рассчитывать на приращение своего благосостояния и развития: полученным продуктом он лишь возмещал бы затраты своего труда. Эквивалентный и тем более неэквивалентный обмен стоимости рабочей силы и жизненных средств этого не допускает. Но мы и не хотели этого признавать, полагая, что в социалистических условиях рабочая сила теряет свойства товара, а труд

---

[262] С обоснованием этого нового подхода к распределению условий производства и труда выступил С. С. Губанов. См. его статью: Истоки затратного подхода и возможности его преодоления // Плановое хозяйство. 1988. №4. С. 94–105.

перестаёт оплачиваться по стоимости рабочей силы. Тогда оставался открытым вопрос, по какому закону осуществляется распределение жизненных благ, как трактовать принцип распределения по труду.

К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин не считали возможным распределение при социализме по стоимости рабочей силы, по затратам абстрактного труда. Вместе с тем они не исключали труд из критериев распределения. Проводя параллель с простым товарным производством, К. Маркс считал, что рабочее время должно служить ***мерой*** не только индивидуального участия в совокупном труде, но и в индивидуально потребляемой части совокупного продукта[263]. Он допускал обмен трудовыми эквивалентами: то же самое количество труда, которое рабочий дал обществу в одной форме, он получает (после соответствующих вычетов) обратно в другой форме[264].

Эта аналогия может быть рационально понята в том случае, если здесь иметь в виду под трудом конкретный труд, т. е. рассматривать труд со стороны его роли созидателя не стоимости, а потребительной стоимости. К. Маркс, как потом разъяснил Ф. Энгельс, не мог принять тезис Е. Дюринга о том, что в будущем социалистическом обществе, сохраняющем товарное производство, «не только продукт труда, но и самый труд должен непосредственно обмениваться на продукт: час труда — на продукт другого часа труда»[265]. В более или менее развитом товарном производстве этого не может быть, ибо в таком случае продукт труда был бы товаром (стоимостью), а стоимость рабочей силы определяется вовсе не произведённым ею продуктом, а воплощённым в ней трудом. При подобном положении вещей, когда происходит только обмен труда на труд (в форме живого труда или его продукта), предполагается отделение работника от собственности и превращение продукта в стоимость. Обмен труда на труд, хотя и кажется условием наличия собственности у работника, на деле имеет своей предпосылкой отсутствие собственности у работника на объективные условия труда.

---

263 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 89.

264 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19. С. 18.

265 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20. С. 323.

Если же рабочая сила (труд) обменивается на свой (полный) продукт (одного часа труда на продукт другого часа труда), то обмен труда происходит уже не по закону стоимости, а по закону потребительной стоимости. Предпосылкой такого обмена будет не просто труд, а собственность работника на материальные условия своего труда. Там, где у К. Маркса или Ф. Энгельса встречаются формулировки, похожие на принцип распределения по труду применительно к социализму, имеется в виду потребительностоимостная, а не стоимостная природа труда. К сожалению, они не всегда чётко проводили это разграничение в вопросах распределения. А в молодости Ф. Энгельс допускал возможность потребительностоимостного выражения стоимостного обмена. Тем самым авторы давали повод отождествлять обмен ***стоимостных эквивалентов*** — стоимости рабочей силы на стоимости жизненных средств —с обменом ***трудовых эквивалентов***: час труда на продукт другого часа труда.

В потребительностоимостной трактовке распределения учёт труда нужно рассматривать не с позиций того, сколько среднего труда затрачено по условиям производства на жизненные средства, а по затратам труда, связанным с условиями их потребления, т. е. с той точки зрения, что удовлетворение определённых потребностей требует затраты определённого количества труда. Именно этот труд — труд по условиям потребления — должен учитываться в качестве меры участия как всего общества, так и отдельного человека в индивидуально потребляемой части продукта: чтобы получить определённую долю продукта для потребления, нужно затратить определённое количество труда.

Труд учитывается не только с точки зрения затрат на производство продукта, но и с точки зрения потребления, если общество не в силах обеспечить своих членов благами по потребностям. В той мере, в какой обмен потребительными стоимостями определяет смысл ***простого товарного производства***, правомерно проводить аналогию между распределением по труду на основе потребительной стоимости и распределением в условиях простого товарного производства.

Другой, не менее важный аспект состоит в следующем: обществу и людям недостаточно знать, что количеством затрат общественно необходимого труда определяется стоимость жизненных

средств и, следовательно, уровень платёжеспособного потребления; надо ещё знать, чем определяется величина того живого труда, который они должны затратить, чтобы получить то или иное количество жизненных благ. Люди должны знать, сколько надо трудиться, чтобы получить определённое благосостояние и развитие, а не наоборот — сначала трудиться, а потом ждать, насколько повысится их благосостояние. Эта задача не может быть решена на основе закона стоимости, она решается на базе противоположного принципа — закона потребительной стоимости. Если воспроизводство рабочей силы по её стоимости (иначе говоря, зарплата) определяется общественно необходимыми затратами труда на производство потребляемых рабочим жизненных благ, то сами эти затраты (затраты труда на их производство) определяются уже не стоимостью, а потребительной стоимостью жизненных благ. Последние потребляются не как меновые, а как потребительные стоимости. Как стоимости они лишь обмениваются, продаются и покупаются. Именно потребительная стоимость жизненных средств «определяет издержки производства рабочей силы»[266], и соответственно «доля рабочего в стоимости продукта определяется не стоимостью продукта, а потребительной стоимостью продукта, т. е. не затраченным на него рабочим временем, а его свойством сохранять живую рабочую силу»[267], потребительной стоимостью продукта.

Затраты конкретного труда по условиям потребления не могут быть определены в рамках закона стоимости. Согласно этому закону стоимость жизненных средств определялась бы тем, сколько на них затрачивается необходимого труда, а сами эти затраты труда — стоимостью жизненных средств, т. е. мы не смогли бы выйти из замкнутого логического круга: стоимость жизненных средств определяется необходимым трудом на их производство, а необходимый труд — стоимостью обмениваемых на него жизненных средств. Мы, таким образом, повторили бы то определение стоимости А. Смита, в котором он делал «мерой стоимости товаров ***меновую стоимость*** труда, фактически — ***заработную плату***; ибо заработная плата равна тому

266 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 48. С. 293.

267 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 46.

количеству товаров, которое приобретается взамен определённого количества живого труда, или равна тому количеству труда, на которое может быть куплено определённое количество товаров. Здесь масштабом стоимости и основанием для её объяснения объявляется сама стоимость, — получается, следовательно, порочный круг»[268]. Выйти из этого круга можно, лишь обратившись к потребительной стоимости жизненных средств и самой рабочей силы. Подобно тому, как закон стоимости не объясняет возникновения прибавочной стоимости, так он не объясняет, сколько обществу надо затрачивать конкретного труда, чтобы так или иначе удовлетворять потребности людей. Потребительная стоимость жизненных средств не имеет никакого прямого отношения к общественно необходимым затратам труда по условиям производства продукта.

Рабочее время может определять стоимость жизненных средств, необходимых для воспроизводства рабочего, но не наоборот: стоимость этих средств не может определять рабочее время, необходимое для воспроизводства рабочего. Это время определяется уже другим фактором — ***потребительной стоимостью жизненных средств*** и стоящими за ними потребностями. Реализуется же потребительная стоимость жизненных благ в потребительной стоимости самой рабочей силы, а последняя — в живом труде, в его созидательных качествах, в способности производить больше, чем надо для содержания рабочего. Отсюда следует, что стоимостному принципу распределения жизненных благ с самого начала противостоит другой способ распределения — потребительностоимостной. В рамках закона потребительной стоимости исходным в распределении выступает уже не стоимость рабочей силы, а её потребительная стоимость. Соответственно, этот способ распределения исходит из необходимости непосредственного удовлетворения жизненных потребностей и воспроизводства человека как носителя труда и субъекта общественных отношений. В этой плоскости лежат критерий и мера потребительностоимостного распределения.

Для обеспечения существования человека, восстановления и воспроизводства его жизненных сил этот критерий можно

---

[268] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I. С. 43–44.

установить исходя из обычаев и привычных потребностей. В первобытных обществах, не достигших высокого развития производительных сил, основой распределения как труда, так и жизненных благ служили потребительная стоимость продуктов и потребности человека. И в наше время мерой для обычного содержания человека являются расчёты прожиточного минимума, рационального потребительского бюджета, исходящие из потребительской «корзины», из суммы продуктов и промтоваров. Именно ими определяются минимальная заработная плата и денежное (стоимостное) выражение жизненных средств, а не наоборот.

Таким же способом можно установить максимальные для данного периода потребительские бюджеты и соответствующие им уровни возможных доходов. Они определялись бы не источником доходов (зарплата для наёмных работников, предпринимательский доход и процент — для нанимателей рабочей силы и т. д.), не игрой цен, а потребностями развития личности и нужным для этого уровнем благосостояния. Да и само развитие производства больше всего стимулируется таким способом распределения, который позволяет всем членам общества всесторонне развивать, поддерживать и проявлять свои способности.

Способ распределения на основе потребительной стоимости жизненных средств позволяет установить количество труда, необходимого для удовлетворения соответствующих потребностей. Однако в этом случае труд будет необходим не по условиям производства стоимости, не тем трудом (рабочим временем), который реализуется во вновь созданной в течение данного года стоимости, а трудом, необходимым по условиям потребления, который реализуется в годовом продукте как в потребительной стоимости. Его (труд) можно рассчитать по следующей формуле:

$$Ф_р = У_п \times Н_ч \times З_н,$$

где $Ф_р$ — годовой фонд рабочего времени; $У_п$ — норма потребления продукта; $Н_ч$ — численность населения; $З_н$ — нормативные затраты труда.

Зная научно установленные нормы питания, техническую вооружённость труда (его производительность), урожайность полей, продуктивность скота и т. п., можно рассчитать нужное количество конкретного труда для всей потребительской

«корзины», а также труда для производства соответствующих средств производства по их потребительной стоимости. Если же исходить из стоимостных расчётов, то легко нарушить всякую пропорциональность между потреблением и затратами труда по условиям потребления. Как бы ни повышались цены на продукты, их производство, доставка и реализация оказываются не под силу обществу: оно не способно выделить для этого нужное количество труда. Стоимость и абстрактный труд оказываются бессильными. Общество вынуждено обращаться к непосредственному обмену потребительных стоимостей, распределять их по карточкам.

Соответствие труда по ***условиям потребления*** труду по ***условиям производства*** выражает лишь самое простое и очевидное требование закона потребительной стоимости, выступающее условием функционирования стоимости в простом товарном производстве. Необходимый по условиям потребления труд содержит в себе потенциал не только для обеспечения обычного существования человека на основе обмена трудовыми эквивалентами, но и для его свободного развития, расширенного воспроизводства его способностей и благосостояния. Это последнее обстоятельство связано с тем, что потребительная стоимость жизненных средств, эффект их потребления всегда являются большими, чем затраты на их производство.

Затраты на воспроизводство рабочей силы и соответственно на производство её жизненных средств бывают всегда меньшими, чем высвобождаемый этой рабочей силой труд. Если, например, в стране в таком-то году 7,8 млн работников обеспечивали потребности остальной части населения в зерне, картофеле, овощах, мясе и молоке, то тем самым они освобождали от участия в их производстве громадное число людей.

Именно поэтому мерой потребительной силы труда, вырастающей из потребительной стоимости жизненных средств, является отношение ***сэкономленного*** рабочего времени к рабочему времени, ***используемому*** в их производстве (по условиям потребления). Высвобождаемое, ***сэкономленное*** в производстве рабочее время не может быть равным ***затраченному*** рабочему времени, первое всегда больше второго. В этом состоит социально-экономический смысл полезности как всех создаваемых человеком средств, так и естественных сил природы, используемых обществом.

Получать жизненные блага по потребительной силе своего труда — не значит распределять их по затратам труда, даже если они берутся как затраты конкретного труда. Это вернуло бы распределение к стоимостному принципу, к тому, что экономия рабочего времени в производстве жизненных средств неизбежно снизила бы стоимость рабочей силы, уменьшила бы стоимостной объём потребления рабочих. На практике такое получается как раз в периоды наибольшей экономии рабочего времени в сфере материального производства. Все попытки согласовать повышение производительности труда с аналогичным ростом заработной платы обычно бывают неудачными.

Это явление вполне объяснимо, ибо в стоимостной плоскости требования закона потребительной стоимости могли бы быть осуществлены лишь в том случае, если бы по мере уменьшения затрат труда удешевлялись жизненные средства и за счёт этого рабочие смогли бы увеличить своё потребление. Однако в настоящее время надеяться на снижение цен пропорционально росту производительности труда и экономии рабочего времени не приходится. Жажда прибыли подавляет всякую возможность снижения цен.

Распределение не по эффективности затрачиваемого труда, не по его производительной, а по потребительной силе существенно изменяет способ распределения жизненных благ. Рабочий получает возможность через экономию рабочего времени превращать возросшую производительную силу в свою новую дополнительную потребительную силу — не только содержать себя, но и приобретать условия для своего развития. Он получает экономически обоснованное право на часть им же сэкономленного рабочего времени в виде сокращения рабочего дня и увеличения продолжительности своего свободного времени.

Что же касается распределения по эффективности, производительности труда, то в лучшем случае рабочий может надеяться на приращение своего материального благосостояния за счёт роста массы производимых предметов потребления в тех же рамках рабочего времени. Несмотря на привлекательность принципа распределения по эффективности труда, по его производительности, без перевода производительной силы труда в форму его потребительной силы этот принцип не срабатывает, поскольку он непосредственно не содержит в себе ***критерия распределения***

и потребления. Если производительность труда определяется сопоставлением его полезного результата в натуральных единицах данного вида потребительной стоимости с трудоёмкостью, то это говорит лишь о том, что при более высокой производительности труда выпускается больше продуктов за ту же единицу времени. Из этого, однако, автоматически не следует повышения благосостояния работника.

Условия производства продукта и условия его реализации не совпадают. Если первые зависят лишь от производительной силы труда, то вторые опосредствуются достигнутой пропорциональностью в развитии различных отраслей народного хозяйства и потребительной силой общества. Последняя же определяется не абсолютной производительной и не абсолютной потребительной силой людей, а потребительной силой, ограничиваемой данными отношениями распределения, т. е. в зависимости от способа распределения.

При потребительностоимостном способе распределения необходимо сначала выразить полезность продукта труда количеством замещаемого, сэкономленного живого труда за вычетом затрат труда на достигаемую величину экономии. Затем следует таким образом измеренную производительную силу труда перевести на язык его потребительной силы, определив потребительную стоимость рабочей силы. Так, для капитала потребительная стоимость рабочей силы заключается в избытке того количества труда, которое доставляется рабочей силой, над тем количеством труда, которое осуществлено в ней самой.

Мы полагаем, что ***распределять*** жизненные средства на основе сэкономленного труда можно столь же успешно, как и на основе затраченного труда. На индивидуальном уровне ***нормой распределения*** для рабочего было бы отношение сэкономленного им труда к затраченному, а по аналогии с товарным производством и на более привычном языке — его прибавочного труда к необходимому, взятыми в их общеэкономическом смысле. Прибавочный труд рабочего в этом случае представлял бы собой сэкономленный труд тех, кто не участвует в материальном производстве, т. е. без этого труда рабочих они вынуждены были бы участвовать в производстве своих жизненных средств. Что значит распределять жизненные блага по этой норме?

Во-первых, она предполагает, что распределение с самого начала происходит с учётом не просто и не только затрат необходимого труда, как это вытекает из принципа «от каждого по способностям, каждому по труду», а по всему, в том числе прибавочному (в указанном смысле), труду. Продукт труда достаётся самим трудящимся, а произведённый ими излишек (над жизненными средствами для их собственного сохранения, воспроизводства) служил бы для развития самих рабочих, для того чтобы они могли равноправно пользоваться всеми приобретениями науки и культуры.

Во-вторых, благосостояние рабочего определялось бы не стоимостью его рабочей силы, общественно необходимыми, усреднёнными, уравнёнными для данного периода затратами на её воспроизводство, а уровнем прибавочного продукта, который, в свою очередь, определяется отношением этого продукта к той части продукта, в которой выражается только необходимый труд. Соответственно степень богатства рабочего измерялась бы относительной величиной потребляемого им прибавочного продукта. В стоимостном же измерении, как это происходит ныне, ***норма прибавочного продукта*** скорее свидетельствует об изъятии у рабочего прибавочного продукта.

Проблема состоит в том, чтобы норму прибавочного продукта, рассматриваемую по аналогии со стоимостным механизмом распределения, превратить из ***нормы изъятия прибавочного продукта*** у рабочих в ***норму получения ими своих доходов***, т. е. сделать так, чтобы рабочие распределяли между собой производимый ими продукт так же, как это делали капиталисты — по норме прибавочного продукта или по её модификации — ***средней норме прибыли*** (рентабельности).

Подобную перестройку, например, осуществили в своём хозяйстве работники дагестанского Союза собственников «Шукты». Каждый работник, имея на своём счету заработанную им долю из коллективного богатства, не только возмещает из своего дохода затраты на средства своего существования, но и получает определённый процент прибыли. Что же касается служащих, управленцев и других непроизводственных работников, то их существование и благосостояние ставятся в зависимость от доходов производственников, —они получают определённый процент

от этих доходов. Например, благосостояние зоотехника находится в прямой зависимости от доходов доярок, от результатов их труда[269].

На уровне всего общества потребительностоимостной механизм распределения претерпевает существенную модификацию. Последняя обусловлена прежде всего тем обстоятельством, что общественные производительные силы труда, возникающие из общественных комбинаций труда, из его соединения с наукой, дополняются общественной потребительной силой труда. Эта сила реализуется в ***надындивидуальном потреблении***, за которым стоят совместно удовлетворяемые потребности людей в образовании, здравоохранении и защите окружающей среды, благах культуры и т. д. Очевидно, что только по этой причине норма общественного прибавочного продукта будет иной, чем норма индивидуального прибавочного продукта рабочего. Первая будет выше второй, поскольку общественные производительные силы труда реализуются в дополнительной массе общественного продукта как потребительной стоимости. Соответственно, общественная потребительная сила труда будет не вычетом, а плюсом к его индивидуальной потребительной силе.

Кроме того, подлежащий распределению продукт в его потребительной форме будет совсем иным, чем продукт в своей стоимостной форме. И не только потому, что первый является результатом конкретного труда, а второй — абстрактного. Так, присоединённый в течение года абстрактный труд воплощается лишь во вновь созданной стоимости, не представляющей всего годового общественного продукта: она меньше стоимости годового продукта. Главное же состоит в том, что без выделения потребительной формы общественного продукта невозможно объяснить расширенное воспроизводство потребительной силы непосредственных производителей, приращение их благосостояния, возвышение их потребностей. Ведь если исходить из распределения продукта как вновь созданной стоимости, то по мере повышения производительной силы труда эта стоимость должна уменьшиться. Вследствие этого и потребление, определяемое (в этих

[269] На пути к экономической демократии. Международный опыт. Кн. 1. Экономическая демократия. М., 1994. С. 96–108.

стоимостных рамках) необходимым временем труда, неизбежно должно сокращаться. Согласно ***закону возрастания органического строения производства*** ($C>V$) всё бóльшая часть общественного рабочего времени будет затрачиваться на производство средств производства, а всё меньшая его часть — на производство жизненных благ. При сохранении стоимостных рамок невозможно будет поднять уровень потребления рабочих. Наоборот, их потребление, определяемое необходимым рабочим временем и стоимостью необходимого продукта, неизбежно должно сокращаться.

Принципиальное решение этой проблемы опять-таки возможно лишь на потребительностоимостной основе. Расширенное воспроизводство потребительной силы трудящихся может осуществляться не на базе затрат их необходимого рабочего времени, а посредством присвоения сэкономленного времени, всё более растущего свободного времени общества. Эта экономия зависит от повышения потребительной стоимости средств производства и рабочей силы, а вовсе не от соотношения времени, затрачиваемого на производство средств производства и на производство жизненных благ, т. е. не от отношения $C>V$. Наоборот, чем больше экономится живого труда, тем выше будет потребительная сила трудящихся.

Иные формы приобретает ***распределение*** сэкономленного рабочего времени. Вместо ***нормы прибавочного труда*** (отношение прибавочного к необходимому рабочему времени) главным способом её распределения выступает ***норма свободного времени общества*** (отношение незанятого в материальном производстве времени к занятому рабочему времени). Если на индивидуальном уровне (у рабочего) эта норма в настоящий период характеризуется отношением его двух-трёхчасового свободного времени к его семичасовому рабочему времени и составляет 30–40%, то для занятых в непроизводственной сфере она будет намного выше — 130–140%. В зависимости от этих норм распределяются условия развития между разными группами населения: у одних членов общества они оказываются минимальными, у других — максимальными.

Что же касается количественных соотношений между работниками производительного и непроизводительного труда, то они зависят от разных обстоятельств. Число живущих на доход

по сравнению с численностью производительных рабочих может быть велико потому, что значительная часть годового продукта идёт на потребление, а не на воспроизводство материальных условий производства. Или же потому, что высока производительность труда производительных рабочих, позволяющая иметь достаточно большой объём прибавочного продукта и содержать значительное количество непроизводительных работников. Существенное значение имеют и развитость потребностей, и потребительная сила общества: если они низки по уровню своего развития, то меньшим количеством прибавочного продукта можно содержать большее количество непроизводительных работников.

Перевод распределения на потребительностоимостную основу существенным образом изменил бы весь современный механизм и порядок формирования доходов, базирующихся на разделении доходов на заработную плату, прибыль (процент) и ренту. Дело в том, что общественный продукт, рассматриваемый как результат конкретного труда, например масса потребительных стоимостей, произведённых в течение года, далеко не совпадает со вновь созданной в данном году стоимостью, распадающейся на указанные виды доходов. Так, вновь произведённая стоимость, отнесённая к предметам индивидуального потребления и подлежащая распределению как таковая, меньше стоимости всей массы предметов потребления, поскольку в них содержится ещё и стоимость превращённых в продукт средств производства и сырья.

Главное же состоит в том, что без выделения ***потребительной формы*** общественного продукта, без его деления (не стоимостного) на предметы индивидуального и производственного потребления нельзя обосновать реальный процесс воспроизводства общества, в частности расширенное воспроизводство потребительной силы непосредственных производителей, приращение их благосостояния. Ведь распределение продукта в его стоимостной форме предполагает, что рамки индивидуального потребления рабочего совпадают со стоимостью необходимого продукта и с затраченным на его производство необходимым рабочим временем, которые по мере роста производительности труда должны сокращаться. Вот почему и потребление, определяемое этими стоимостными формами, неизбежно должно уменьшаться. Потребительностоимостная формула позволяет избежать этого,

а расширенное воспроизводство рабочей силы и, следовательно, индивидуальное потребление здесь ставятся на первое место при распределении общественного продукта. Тем самым преодолевается остаточный принцип, согласно которому продукту, предназначенному для индивидуального потребления, в распределительной схеме отводится последнее место.

К сожалению, в этом духе, т. е. в стоимостном смысле, в литературе чаще всего трактуется порядок распределения общественного продукта, содержащийся в «Критике Готской программы». Упускается из виду, что К. Маркс при перечислении вычетов из общественного продукта ставил на последнее место часть предметов потребления, распределяемых между индивидуальными производителями, исключительно для того, чтобы опровергнуть тезис Ф. Лассаля «о неурезанном трудовом доходе», чтобы доказать, что этот доход действительно урезается. Из этого не следует, что К. Маркс отрицал необходимость первоочередного развития подразделения производства, создающего предметы потребления и приоритет воспроизводства самого производителя по сравнению с воспроизводством средств труда. Наоборот, в схемах воспроизводства, отражающих движение потребительной формы продукта, на первое место ставится подразделение, производящее предметы индивидуального потребления.

Да и в самом тексте «Критики Готской программы» чётко разграничиваются два смысла «***трудового дохода***» — доход как ***продукт труда*** и как ***стоимость*** этого продукта (в последнем случае должны различаться вся стоимость продукта и её вновь созданная часть). К. Маркс, говоря о распределении в будущем обществе, имел в виду не стоимость, а потребительную стоимость распределяемого совокупного общественного продукта. В таком случае распределение предметов индивидуального потребления должно быть осуществлено до фазы производства. Иначе человек не может вступать в производство: его индивидуальный труд должен непосредственно, с самого начала существовать как составная часть совокупного труда и вознаграждаться тоже непосредственно. Этого не происходит, если производители обменивают свои продукты в качестве стоимостей.

Лишь после того, как распределением выполнено первое условие производства — обеспечено надлежащее содержание

производительного работника и его семьи (воспроизводство рабочей силы общества), может идти речь о распределении другой части предметов индивидуального потребления, необходимых для удовлетворения совместных потребностей и для развития общества. Когда выполнены условия воспроизводства самих людей, решается вопрос о восстановлении средств и материалов труда и расширенном их воспроизводстве, о дальнейшем обеспечении роста благосостояния и развития общества.

И ранее, и ныне у нас распределение предметов индивидуального потребления по труду осуществляется на базе старого принципа — на основе личной (частной) собственности рабочего на свою рабочую силу, сдаваемую в наём. Рабочая сила находится на положении товара, а труд — на положении наёмного труда. В результате собственность на рабочую силу как на товар и частнотоварный способ распределения предметов индивидуального потребления вошли в непримиримое противоречие с общественной собственностью на материальные средства производства: непосредственные производители всё более отчуждались от общественной собственности, становились безразличными к ней и враждебными к её реальным распределителям — государственному управленческому аппарату.

Общество оказалось перед дилеммой, как осуществлять распределение: либо по труду, который равен стоимости жизненных средств, рабочей силы, либо по труду, определяемому потребительной стоимостью жизненных средств. В первом случае мы имели дело со ***стоимостной формой*** реализации принципа распределения по труду, т. е. рабочему возмещается стоимость его рабочей силы, он получает лишь ту часть созданного им же продукта, которая необходима для воспроизводства его рабочей силы. Прибавочный продукт, доставляемый его трудом, не включается в этот эквивалент, а присваивается другими. Это означает, что уменьшается сама возможность развития и роста благосостояния рабочего.

При господстве системы найма практически весь прибавочный продукт забирает наниматель — таков закон отношения найма, закон поведения нанимателя. Отношение стоимости при обмене труда на продукт выступает по существу отношением эксплуатации. Собственность рабочего на свою рабочую силу неизбежно

предполагает наёмный труд, отчуждение рабочего от прибавочной части продукта своего труда — его эксплуатацию. Если наниматель не присваивает прибавочный продукт рабочего, то рабочий ему просто не нужен. В свою очередь, рабочий, имей бы он такую же собственность, как и наниматель, не стал бы вступать с ним в отношения найма.

Для реального обеспечения социальной справедливости нужен новый курс. ***Квинтэссенция*** его — распределение жизненных средств по законам потребительной стоимости. Особенность рабочей силы как потребительной стоимости, в отличие от её стоимости, состоит в том, что реализация первой предполагает доставление рабочим большего количества труда, чем затрачивается на производство его жизненных средств. Рабочий может с полным основанием претендовать не только на тот объём жизненных средств, который равен стоимости его рабочей силы, но и на дополнительное количество жизненных благ и средств развития, доставляемых его же живым трудом. То, что рабочий получает часть прибавочного продукта в качестве своего дохода, он обязан уже не только своему труду, но и своей собственности на средства производства, тому, что он является работающим собственником. Здесь главное в том, что собственность на средства производства становится условием собственности на продукт своего труда.

Если общественная собственность ограничивается в своей реализации (аренда, кооперативы), то многие общие блага, предназначенные для совместного потребления (образование, медицинское обслуживание), перестают быть достоянием каждого члена общества, его непосредственной собственностью, переходят в разряд платных услуг, равное пользование которыми общество уже не обеспечивает. Рост объёма платных услуг рассчитан на имущественную дифференциацию граждан, предполагает ещё бóльшую социальную несправедливость для трудового народа.

Всякое преимущество в собственности, предоставленное отдельному коллективу, человеку, неизбежно наносит вред другим коллективам. Вот почему необходимо, чтобы коллективная собственность выступала как индивидуальная, т. е. как собственность каждого. Нет никакой нужды раздавать средства производства, передавать их в частную собственность, для этого достаточно

предоставить право самим трудящимся распоряжаться тем продуктом, в который они превращают средства и предметы труда, право претендовать на долю дохода от собственности на средства производства, задействованные в создании продукта. Чтобы не оказаться в кризисе, необходимо было бы разрешить противоречия, вызвавшие кризис, а именно — противоречие между обобществлением производства, общественной собственностью на его материальные средства, с одной стороны, и наёмным характером труда, приводящего их в действие, — с другой. Социализма не будет, если рабочая сила остаётся товаром, а рабочий — собственником лишь своей рабочей силы. В условиях рынка рабочей силы, т. е. дальнейшего углубления наёмного характера труда, невозможно гарантировать освобождение и от другого следствия наёмного труда — безработицы. Без преодоления самого наёмного труда невозможно гарантировать и право на труд — на это реальное завоевание народа. Наличие наёмного труда — не принцип социализма, а государственно-бюрократическая форма организации труда, присущая государственному капитализму, когда наймом занимается не отдельный предприниматель, а государство как орган управления, представляющий всех нанимателей.

Избавиться от всего этого рабочие смогут, если откажутся вступать в отношения купли-продажи своей рабочей силы, активно выступая против рынка рабочей силы. Они вполне обоснованно могут отказываться от участия в работе предприятий, в которых частные собственники являлись бы хозяевами, а рабочие — их наёмной рабочей силой. Рабочие коллективы могут сами взять на себя функции коллективного собственника и превратить данное предприятие в народное, собственное предприятие. Они могут не согласиться и с тем, что переход к отношениям рынка рабочей силы и к массовой безработице неизбежен, что им нет альтернативы.

Такой альтернативой может служить организация производства, в которой рабочая сила перестаёт быть товаром. Она должна функционировать только как потребительная стоимость. Тогда действительной целью производства станет удовлетворение потребностей людей, воспроизводство самого человека.

Эта тенденция в определённой мере обнаруживает себя и в современном капиталистическом мире. Возникают предприя-

тия, на которых собственниками и распределителями продукции становятся сами работники. Так, например, в США по системе ESOP (план участия работников в акционерной собственности компаний) работают многие предприятия. Они охватывают значительную часть всей рабочей силы. В Испании существует федерация производственных кооперативов «Мондрагон»[270].

На подобных предприятиях, кроме улучшения экономических показателей, преодолевается отчуждение работников от средств производства и результатов труда, достигается определённая справедливость в отношениях распределения. Фирмы «Мондрагона», например, около 70% своей прибыли распределяют между работниками пропорционально их заработной плате и трудовому стажу, 10% прибыли расходуют на общие социальные нужды: образование, культуру, жилье, остальные 20% прибыли инвестируют в производство, в развитие кооперативов.

Трудовая коллективная собственность позволила фирмам установить систему самоуправления. Высшим руководящим органом кооператива является общее собрание, которое выбирает правление, социальный совет и контрольную комиссию. Причём выборы осуществляются не по количеству акций или величине пая, как это происходит в акционерных обществах, а по принципу «один человек — один голос». Каждые десять работников посылают в социальный совет своего представителя.

В СССР в своё время аналогичные функции выполняли собрания трудовых коллективов и их советы, функционировавшие на всех предприятиях и во всех учреждениях. Они составляли важный орган самоуправления, мощное средство социальной защиты работников. Дело шло к тому, чтобы трудовые коллективы превратить в исходные ячейки в выборах как в местные, так и высшие государственные советы, т. е. выстроить избирательную систему не по территориальному, а по производственному принципу (как это было до принятия конституции 1936 г.).

---

[270] В США на таких предприятиях в начале 90-х годов XX в. Было занято около 11 тыс. работников (Келсо Луис О., Келсо Патриция Х. Демократия и экономическая власть. М., 1993. С. 21). В Испании Мондрагонский комплекс насчитывал около 200 самостоятельных фирм и 20 тыс. работников (Белоцерковский В. Самоуправление – будущее человечества или новая утопия? М., 1992. С. 84).

После реставрации капитализма в современной России собрания и советы трудовых коллективов, а также возможность организации предприятий с собственностью работников исчезли как из Гражданского кодекса, так и из Трудового кодекса Российской Федерации. Однако вопреки запретам законодательства реальная практика заставляет обращаться к воле трудовых коллективов. Если, например, на предприятии имеются организации разных профсоюзов, то для решения общих вопросов (о начале или прекращении забастовки, о заключении коллективного договора и др.) приходится собирать трудовой коллектив и на его собрании решать эти вопросы. Ректор, например, Санкт-Петербургского государственного университета выбирается на конференции трудового коллектива (его представителей), хотя в Уставе университета в системе органов управления этот орган не значится. Его создания не предусматривают официальные законы.

Реальная политика рано или поздно заставит законодателей России признать существование трудовых коллективов и издать соответствующие законы, как это сделано в США, в Испании и других странах. Придётся восстановить ранее действовавший закон о трудовом коллективе, а также ввести соответствующие изменения в Трудовой и Гражданский кодексы Российской Федерации.

...Вся так называемая всемирная история есть не что иное, как порождение человека человеческим трудом...

К. Маркс

Раздел IV

ПРОИЗВОДСТВО И ВОСПРОИЗВОДСТВО ТРУДА И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Глава 10. Потребительное производство

Чтобы продолжить анализ движения труда, недостаточно ограничиться рассмотрением труда и его средств, взятых только в качестве элементов процесса производства, т. е. только тем, как труд производит. Нужно ещё знать, как производится и воспроизводится сам труд. Задача состоит в том, чтобы найти не только первоисточник процесса, которым является труд, но и опосредствованные им звенья, связанные с дальнейшим воспроизводством человека, но уже в сфере потребления. Этим диктуется настоятельная необходимость включения потребления, вернее, его социально-экономической формы, в предмет изучения общественных наук, в частности политической экономии.

В них довольно много внимания уделяется анализу деятельности по производству материального продукта, процесса её опредмечивания, но почти не исследуется противоположный процесс — распредмечивание продукта, реализуемое в его потреблении и движении в качестве потребительной стоимости. Конечно, перед вступлением в процесс производства и во время труда работник нуждается в средствах потребления. Однако в самом процессе труда жизненные средства можно сравнить с топливом или смазочными маслами для функционирования машины, т. е. предметы потребления превращаются в своеобразные средства труда. По-иному реализуется потребительная стоимость жизненных средств за пределами процесса производства — в потребительном производстве, в котором воспроизводятся сам человек и его труд. К сожалению, последнее звено ещё не введено

в теорию общественного воспроизводства, не включено в механизм взаимодействия производительных сил и производственных отношений. Состояние последних обычно объясняется лишь факторами производственного процесса (трудом и средствами труда), но не его продуктами и их реализацией в потреблении[271]. Переход от предмета (продукта) к субъекту в общественной науке «освоен» намного меньше, чем переход от труда к продукту (от субъекта к продукту).

Трудовая теория стоимости содержит главным образом анализ овеществления труда в продукте, т. е. имеет дело с опредмечиванием труда, а не с его распредмечиванием. Поставленная классиками марксизма задача по разработке теории распредмечивания в значительной мере осталась нереализованной. Не переведено на язык материалистического понимания истории то звено системы Гегеля, которое охватывает движение от объекта к субъективности, хотя идеализм Гегеля в этом вопросе для К. Маркса и Ф. Энгельса был очевиден. У Гегеля превращение предмета в самость, т. е. в человека, тождественно самосознанию человека, а не процессу его реального социального становления. Предметность в системе Гегеля сначала выступает отчуждением идеи, а затем посредством снятия этой отчуждённости идея вновь возвращается к самой себе в виде человеческого самосознания. «Поэтому, — отмечал К. Маркс, — всякое обратное присвоение отчуждённой предметной сущности выступает как включение её в самосознание...»[272].

Исходя из превращения предметности в субъективное, как известно, Гегель высказал суждение о возникновении сознания из форм развития живого: чувствительности, раздражимости, воспроизводимости. В рассуждениях Гегеля содержится рациональное зерно и для понимания общества: превращение в самость в результате снятия отчуждения (предметности) предполагает

---

[271] К. Маркс усматривал недостаток теории Д. Рикардо в том, что для него «капитал является лишь „накопленным трудом“... и берётся лишь как нечто просто вещное, просто как элемент в процессе труда, из чего никак нельзя вывести отношение труда и капитала, заработной платы и прибыли» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. II. С. 442).

[272] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42. С. 160.

дальнейшее развитие самого человека. «...Дух... отчуждает себя, — писал Гегель, — а затем из этого отчуждения возвращается в себя, тем самым только теперь проявляется в своей действительности и истине...»[273]. В этой связи К. Маркс заметил: «Величие гегелевской „*Феноменологии*"... заключается, следовательно, в том, что Гегель рассматривает самопорождение человека как процесс, рассматривает опредмечивание как распредмечивание, как отчуждение и снятие этого отчуждения, в том, что он, стало быть, ухватывает сущность ***труда*** и понимает предметного человека, истинного, потому что действительного, человека как результат его ***собственного труда***»[274]. Неважно, например, что произведённый в труде продукт не удовлетворяет всех потребностей человека, но из слов Гегеля о том, что индивид тем самым производит себя в своём наличном бытии, следует вывод в пользу материализма: человек порождён своим трудом.

Однако этот вывод, как уже сказано, материалистически переработан и реализован К. Марксом главным образом в форме теории опредмечивания труда, идеи материализации труда в стоимости, т. е. в трудовой теории стоимости. Обратный же процесс — распредмечивание, превращение предмета в свойства человека — он оставил для дальнейшего исследования. Да и для объяснения производства капитала это было не столь необходимо, ибо в буржуазном обществе главенство принадлежит овеществлённому богатству (стоимости), а не его распредмечиванию в человеке. Воспроизводство трудящегося человека для К. Маркса тогда имело смысл как аргумент в защиту исторических интересов пролетариата. Задуманное же им специальное исследование о наёмном труде, которое он хотел написать после анализа капитала и земельной собственности, не было выполнено (если не иметь в виду его лекции «Наёмный труд и капитал» и соответствующие части «Капитала».

Сказанное, однако, не означает, что у К. Маркса нет принципиальных суждений на этот счёт. В философском плане — это трактовка предмета не только в качестве объекта созерцания, но и как переходящего в субъективное, в человеческую

---

273 Гегель Г. В. Ф. Соч., т. IV. М., 1959. С. 19.

274 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42. С. 158–159.

практическую деятельность. «Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и фейербаховский, — писал К. Маркс, — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берётся только в форме ***объекта***, или в форме ***созерцания***, а не как ***человеческая чувственная деятельность***, ***практика***, не субъективно»[275]. Но предмет выступает субъективно не только в том смысле, что в нём материализуется человеческая субъективная деятельность, но и в том, что в процессе его потребления он вновь превращается в состояние человеческой субъективности, в свойства человека.

§ 1. От продукта труда к субъекту

Признание обусловленности воспроизводства человека произведённым продуктом ещё раз свидетельствует о решающей роли материального производства, в котором этот продукт создаётся. Вместе с тем воспроизводство не заканчивается движением продукта, оно, понимаемое как процесс формирования человека, с движения продукта только и начинается.

Воздействие труда и его средств на воспроизводство общества опосредствовано (положено) продуктом материальной деятельности, причём не только тем, который вновь возвращается в материальное производство и функционирует в форме производительных сил, но главным образом тем, который реализуется в индивидуальном потреблении. Стало быть, если имеется определённый уровень развития материальных производительных сил, составляющих объективное условие воспроизводства общества, то дальнейшее его движение выводит к своему конечному результату — человеку — посредством реализации продукта, предназначенного для человеческого потребления. Социально-экономической формой продукта во многом определяется, какими воспроизводятся человек и общество.

В экономической и социологической литературе развитие человека чаще всего связывали с процессом труда. Оно считается непосредственным следствием эволюции содержания труда,

[275] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3. С. 1.

технологических и технических изменений в производстве. Зависимость развития личности от продукта труда, от его потребления обычно не рассматривается. Индивидуальное потребление исключается из воспроизводственного процесса или трактуется как элемент производственного процесса и производительного потребления человека как рабочей силы. При этом по отношению к продукту все моменты процесса труда — материал, орудие производства и сама производительная деятельность — выступают средствами для создания продукта. Частью этих средств производительной деятельности служат и жизненные средства рабочего, необходимые для его содержания в процессе труда. «Та доля жизненных средств, которую он должен потребить в качестве работника, без которой его рабочая сила вообще не может действовать как таковая, так же необходима для процесса производства, как уголь и смазочное масло, потребляемые машиной. В этом смысле фонд потребления общества составляет некоторую часть его средств производства... и потребление работника внутри этих границ экономически не отличается от потребления рабочей лошади или машины»[276].

Однако жизненные средства работника как таковые не входят в процесс производства. К тому же работающий собственник рассматривает продукт в качестве своих жизненных средств, но не воспринимает жизненные средства как предпосылку производства продукта.

К этому добавляется ещё одно важное обстоятельство: коль скоро совокупный производственный процесс выступает процессом воспроизводства самого общественного человека, жизненные средства выпадают из процесса производства, переходят в процесс потребления. Поэтому важно представить развитие человека не простым и только прямым, а опосредствованным результатом процесса труда — результатом потребления продукта. В человеке субъективируется непосредственно не орудие труда или сам труд, а его продукт, предназначенный для потребления.

Производство, создавая продукт, одновременно создаёт и субъект для продукта. Это обстоятельство заставляет обратить особое внимание на толкование продукта, его социальных

[276] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 47. С. 158.

свойств, которые использует человек. От правильного понимания социально-экономической природы продукта во многом зависит трактовка потребительного производства как производства социального. С одной стороны, важно не приписывать вещным, природным свойствам продукта социальное значение, не отождествлять, например, стоимость с вещностью продукта. Их отождествление обычно приводит к тому, что общественные свойства предмета как продукта труда приписываются его вещным свойствам, якобы присущим ему от природы: жемчуг или алмаз имеют вроде бы стоимость как природные объекты. На этом отождествлении или, вернее, сведении социального к вещному свойству продукта основываются все концепции, выводящие социальные отношения из вещественных факторов производства или из самого процесса труда. В результате в определённое отношение к социальному ставятся факторы, не имеющие никакого отношения к общественной форме, т. е. сопоставляются два несоизмеримых рода явлений. Если, скажем, в один ряд ставятся средства производства, земля и труд, а в другой — прибыль, рента и заработная плата, то они, писал К. Маркс, «относятся друг к другу примерно так же, как нотариальные пошлины, свёкла и музыка»[277], т. е. они несопоставимы и не могут в этом аспекте взаимодействовать друг с другом.

С другой стороны, также неправомерно приписывать вещам как таковым общественные свойства в качестве органически присущих им, т. е. фетишизировать вещи, считать, например, средства производства с самого начала капиталом, а труд — стоимостью. Когда вещи как таковые рассматриваются в качестве капитала, общественное отношение, представленное в вещах и посредством вещей, неизбежно фиксируется как такое свойство, которое приобретают предметы лишь потому, что они входят в состав элементов процесса труда, в технологический процесс. В результате то, что является свойством капиталистического способа производства, капитала, изображается принадлежностью самой вещи. В итоге грубый материализм экономистов, рассматривающих общественные производственные отношения людей как природные свойства вещей, равнозначен столь же грубому

[277] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II. С. 380.

идеализму, который приписывает вещам общественные отношения в качестве имманентных им определений[278].

Формой общественного бытия вещей (продукта производства) является не только их стоимость, но и потребительная стоимость. Последняя для теории воспроизводства общества приобретает особую социальную значимость — потребительной стоимостью определяются многие стороны воспроизводства человека. В потреблении, в воспроизводстве своей жизни человек имеет дело не со стоимостью, а с потребительной стоимостью продукта, его количеством и качеством. Но есть ещё и социальная сторона потребительной стоимости, что, к сожалению, не всегда находит признание в современной литературе. За потребительной стоимостью довольно прочно закрепилось однозначное определение — быть лишь вещным носителем стоимости или других общественных отношений. Её обычно считают совокупностью естественно-технических, товароведческих свойств и оценивают посредством натуральных, условно натуральных характеристик предмета, что существенно затрудняет понимание её социальной роли[279].

Потребительная стоимость, безусловно, не существует без вещной стороны, которая не должна изучаться собственно общественными науками, она остаётся предметом товароведения или стандартоведения. Даже если продукт с его полезными природными свойствами является предметом человеческих потребностей и, следовательно, включён в человеческую жизнь и общественную связь людей, природные свойства его никакого общественного производственного отношения не выражают, не составляют содержания какой-либо социальной формы. В системе товарного обмена, отношений меновой стоимости материальный субстрат этой стоимости остаётся вне экономической определённости формы. Потребительная стоимость, понятая как содержание, натуральная особенность товара как таковая

---

278 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 198.

279 «В нашей экономической литературе одно время было распространено мнение, согласно которому потребительная стоимость рассматривалась как совокупность естественных свойств вещи» (Столяров И. И. Роль личного потребления в социалистическом воспроизводстве. Горький, 1973. С. 47).

становится безразличной к меновой стоимости. Но так ли? Необходимо ещё раз вернуться к обсуждению этой проблемы.

Не развивается ли это содержание, ставит вопрос К. Маркс, в системе потребностей и производства, не входит ли потребительная стоимость в саму социальную форму и не является ли фактором, определяющим эту форму? Ответ на этот вопрос у К. Маркса положительный, хотя он оставляет возможность для дальнейшего исследования. «В какой мере потребительная стоимость остаётся в качестве предпосланного материала вне политической экономии и экономических определений формы и в какой мере она входит в политическую экономию, — выяснится и должно быть выяснено прежде всего при разработке отдельных разделов»[280].

К. Маркс, однако, с самого начала выразил несогласие с Рикардо и Сэем, которые, подчёркивая преобладающее значение меновой стоимости перед потребительной, начисто абстрагировались от последней. С точки зрения К. Маркса, нет ничего ошибочнее того взгляда, что разграничения между потребительной и меновой стоимостью должны быть вне экономического определения формы вообще. «Напротив, — пишет К. Маркс, — на различных ступенях развития экономических отношений мы обнаруживали, что меновая стоимость и потребительная стоимость определены в различных отношениях и что эта определённость сама выступает как различное определение стоимости как таковой»[281].

Потребительная стоимость сама играет роль «экономической категории»[282]. Без неё, например, нельзя понять источник возникновения прибавочной стоимости, поскольку рабочая сила не в качестве меновой стоимости, а в форме своей потребительной стоимости — живого труда — создаёт капитал и прибавочную стоимость.

Роль потребительной стоимости, стало быть, не ограничивается функцией носителя меновой стоимости, а имеет самостоятельное социальное содержание, достоинство социальной формы труда. Уже потому, что в потребительной стоимости предмета

---

280 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 217 (примеч.).

281 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 149.

282 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 149.

овеществляется труд, она получает социальную определённость. Если труд рассматривать как субстанцию меновой и потребительной стоимости вообще, то особой формой этой субстанции может быть не только меновая, но и потребительная стоимость[283].

Разве, например, потребительная стоимость рабочей силы — труд — не является социально-экономической категорией капитализма, а натуральная форма товара — формой его стоимости при феодализме? В историческом плане потребительная стоимость или предшествует, или заменяет меновую стоимость как социальную форму, но от этого она не только не перестаёт быть социальной формой, но и приобретает значение подлинной социальной категории.

К. Маркс отверг обвинение в его адрес в том, что он якобы высказал мнение о необходимости удаления категории «потребительная стоимость» из науки и помещения её в руководство по товароведению. Наоборот, К. Маркс полагал, что если человек производит продукт для удовлетворения собственных потребностей, то этим он создаёт потребительную стоимость в особой исторической форме, т. е. воплощённый в продукте труд приобретает социальную форму потребительной, а не меновой стоимости. Потребительная стоимость, следовательно, сама обладает специфически историческим характером. «В примитивных общинах, — считал К. Маркс, — в которых, например, жизненные средства сообща производились и распределялись между членами общины, общий продукт непосредственно удовлетворяет жизненные потребности каждого члена общины, каждого производителя, и общественный характер продукта, или потребительной стоимости, заложен здесь в его общем характере»[284]. В коммунистической общественно-экономической формации потребительная стоимость продукта становится его основной социально-экономической формой, но не в виде вещных свойств, а в своём общественном бытии для человека.

---

283 «Не следует ли, – ставит вопрос К. Маркс, – понимать стоимость как единство потребительной и меновой стоимости? Не представляет ли сама по себе стоимость как таковая нечто всеобщее по отношению к потребительной и меновой стоимости, как к её особенным формам?» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 216 [примеч.]).

284 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19. С. 385.

На этом настаивал В. И. Ленин в замечаниях на книгу Н. И. Бухарина «Экономика переходного периода» (1920 г.). Продукт, занимая место товара, был представлен Бухариным без определённой социально-экономической формы лишь в виде материального субстрата, носителя, роль которого он выполнял по отношению к меновой стоимости товара. Сбрасывая последнюю, продукт вроде бы остаётся без социальной определённости, сохраняет себя лишь в виде совокупности полезных природно-вещественных свойств. В действительности же здесь одна социальная форма продукта заменяется другой. Новая форма, по В. И. Ленину, фиксируется в его определении как продукта для человека: «...превращается не в „продукт“, а как-то иначе. Etwa: в продукт, идущий на общественное потребление не через рынок»[285]. Производство для человека, во имя достижения полного благосостояния и всестороннего развития личности берётся как исходное определение самой социалистической организации производства продукта.

Недостаточно было бы видеть социальный канал, соединяющий продукт с человеком, лишь в полезности продукта, обусловленной нуждой в нём человека. В этом случае социальность потребительной стоимости продукта не становится социальной формой последнего, а непосредственно определяется потребностями человека, т. е. потребительная стоимость как бы превращается в свойство человека, в его атрибут. Полезность, таким образом, становится мерой удовлетворения потребностей людей, мерой соответствия свойств вещи человеческим потребностям, берётся в рамках отношений людей к вещи, а не в системе их отношений друг к другу по поводу собственного воспроизводства посредством потребления.

Вне рассмотрения в составе объективных производственных отношений людей может происходить субъективизация социальной формы потребительной стоимости, её понимание как субъективной полезности. В этом случае потребительная стоимость приобретает характер субъективной ценности, приравниваемой к тому значению, которое приписывается человеком благу в силу его полезности, а не является свойством самим по себе. С этим

---

285 Ленинский сборник. XI. М.; Л., 1929. С. 388.

связаны попытки соизмерять потребительные стоимости по степени их субъективной полезности, считать, например, таким соизмерением расположение человеком различных благ в известный ряд сообразно иерархии своих потребностей и предпочтений.

Переход от продукта к субъекту представляет собой, как говорилось, распредмечивание содержащегося в продукте овеществлённого прошлого труда. Оно, как и процесс опредмечивания, имеет двойственную природу, которая определяется двойственностью опредмеченного в продукте труда — его конкретным и абстрактным характером. Соответственно снятие опредмеченности предполагает, что в процессе распредмечивания исходная двойственность продукта, возникающая из соответствующей природы прошлого труда, не отрицается, а сохраняется, хотя и в иной форме — в виде двойственности воспроизводимого субъекта и процесса потребления.

Продукт в форме вещественного образования есть нечто мёртвое, и в индивидуальном потреблении в этом своём качестве он участвует как условие воспроизводства жизни человека, т. е. его биологической жизни, способности к продолжению деятельности. Но этот продукт есть форма прошлого труда, его потребительностоимостная форма.

Наряду с природной стороной этого процесса, связанной с вещественными свойствами продукта, присутствует социальная сторона, которая замыкается в собственно социально-экономическую сущность продукта. Дальнейшее движение этой основы от состояния опредмеченности к состоянию распредмеченности образует механизм процесса воспроизводства общественных отношений.

В воспроизводстве социального продукт участвует своими социально-экономическими качествами. Они образуются из того, что продукт является инобытием человеческой (субъективной) деятельности — труда, хотя эта субъективность существует в предметной форме. Предметность, однако, не мешает тому, что общественная природа прошлого труда, выступая в форме общественного бытия вещи, в процессе потребления реализуется в общественных свойствах человека. Социальные потенции прошлого труда в живой деятельности работника не исчезают, а прибавляются к ней. Сущностью произведённого продукта

(предмета), первичным по отношению к нему, выражаясь языком Гегеля, остаётся человек, его труд. Отсюда и социальность отношения между предметом и человеком: индивид овеществляет свою деятельность в продукте; потребляя продукт, обладая им, он тем самым реализует и развивает себя. «Каждая форма натурального богатства, пока оно не заменено меновой стоимостью, предполагает существенное отношение индивида к предмету, так что индивид с одной из своих сторон сам овеществляет себя в предмете и его обладание предметом выступает вместе с тем как определённое развитие его индивидуальности; например, богатство в виде овец выступает как развитие индивида в качестве пастуха, богатство в виде зерна — как развитие его в качестве земледельца и т. д.»[286].

Потребительная стоимость приобретает социально-экономический смысл как фонд потребления, который соответствует потребностям общества, воспроизводящего своё естественное существование. Этот фонд принимает различные исторические формы, например форму так называемого рабочего фонда при капитализме или фонда полного благосостояния и всестороннего развития личности в условиях коммунистического способа производства. Фонд потребления следует рассматривать сначала как категорию производства, т. е. представлять не в виде личных доходов, образующихся в результате распределения и перераспределения национального дохода, а до этих социально-экономических процедур, т. е. в качестве непосредственного предметного результата процесса производства.

В условиях простого воспроизводства фонд потребления служит для реализации отношения между производством и потреблением: фонд потребления выступает средством поддержания человеческого существования, содержания работника как производительной или рабочей силы, а по отношению к остальному обществу — способом обеспечения жизни населения, занятого в непроизводственной сфере или вообще незанятого в народном хозяйстве. Тем самым общество воспроизводит себя в производстве как совокупного потребителя, а в потреблении — как производителя.

---

286 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 166.

Потребительную силу общества можно рассматривать как соответствующую его производительной силе и их соотношение брать за первичную систему отсчёта потребительной силы общества в каждый данный момент времени. Если, например, нужно установить исходную потребительную силу общества в данном году, то она, измеренная в единицах труда, будет равняться количеству занятых в материальном производстве (производительная сила субъективного фактора) и остальной части населения. Так, в 1986 г. 94,5 млн занятых в отраслях материального производства в СССР обеспечивали свой потребительный фонд и потребительный фонд остальной части населения страны в количестве 184,3 млн человек[287]. Дополнительная потребительная сила, созданная работниками материального производства, относилась к их собственной потребительной силе примерно как 2:1.

Если рассматривать фонд индивидуального потребления только с точки зрения вещного продукта, то его можно считать той частью совокупного общественного продукта, в которой выражается конечный результат материального производства, выходящий за пределы самого производства. Из сферы производства в сферу потребления переходят предметы, которые в своей совокупности составляют фонд потребления. Всё остальное поглощается самим производством.

В фонде потребления остаются неучтёнными деятельность в непроизводственной сфере по реализации данного фонда, развитие человеческих способностей, улучшение условий труда и окружающей природной среды. Потребительный фонд по этой причине не может выступать конечным результатом хозяйственной деятельности. В лучшем случае он характеризует функционирование законов потребительного производства, обеспечивающего человеческое существование. Этот фонд свидетельствует лишь о полноте или степени удовлетворения жизненных потребностей людей на определённом этапе развития общества, а не о всестороннем и гармоничном развитии личности. Для развития личности необходимо соответствующее свободное от производства время, которое нельзя включать в состав потребительного фонда.

---

[287] Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987. С. 373, 411.

Историческое назначение производства состоит в том, чтобы вывести непосредственного производителя материальных благ из узких рамок его воспроизводства только как исполнителя производственных функций, ликвидировать условия, при которых фонд потребления обеспечивает существование работника лишь в качестве рабочей силы, а потребление превращается в «эпизод» производственного процесса, т. е. когда потребление жизненных благ, необходимых для воспроизводства мускулов, мозга рабочих, приобретает значение воспроизводства рабочего как средства производства, принадлежащего капиталу и обречённого на труд ради высокого развития господствующих классов. Его собственное потребление, следовательно, образует лишь одну из статей издержек производства капитала.

Чтобы подчеркнуть важность развития личности и преодолеть так называемый «потребительский подход», в литературе иногда центр тяжести с потребления переносится на производство, на труд, как на арену гармоничного развития человека. Конечно, потребительный фонд создаётся трудом, и в этом смысле первенство производства и труда перед потреблением неоспоримо. Проблема, однако, решается не простым возвращением к труду, а рассмотрением деятельности и вне производства. Функционирующий в производстве живой труд остаётся средством для достижения высоких целей общества, а не превращается в самоцель. Процесс труда — это звено на пути к этим целям. Конечно, труд должен стать первой потребностью в жизни, но это не значит, что он перестанет быть средством удовлетворения этой потребности.

Трудности в достижении достаточно полного удовлетворения разумных потребностей трудящихся масс не могут быть объяснены ссылками только на процесс труда. Неотделимость рабочего от условий производства в социальном смысле, т. е. его собственность на эти условия, не тождественна развитию способности к труду и самого труда, вещественного и личного факторов производства. Если сферой развития личности рабочего считать только процесс труда, то его развитие будет ограничено его ролью как средства производства, т. е. такими функциями, которые вполне могут быть переданы машине или системе машин (роботам).

Действительно, в процессе труда продукт, в том числе потребительный фонд, ещё не дан, он ещё должен возникнуть.

Следовательно, продукт для потребления исключается из факторов, воздействующих на развитие способности к труду, в их числе остаются орудия, предметы производства и сам человек, функционирующий в роли средства производства. Этим умаляется роль потребительного фонда и потребления как способа воспроизводства человека, его способности к труду. Практически же иного средства собственного развития, кроме создаваемого в процессе труда продукта, у рабочего нет. Поэтому непосредственное производство лишь тогда выступает в роли фактора развития человека, когда оно служит средством для производства жизненных благ. Последние же потребляются не «производительным трудом» (подобно потреблению электроэнергии машиной), а самими производительными работниками, т. е. производительный труд и производительное потребление не могут быть заменены потреблением жизненного фонда вне процесса производства.

§ 2. Потребление и потребительная деятельность

Понятно, что от человека к продукту нельзя перейти без обращения к труду как творческому началу этого процесса; осуществить переход от продукта к человеку также нельзя без опосредствующего звена — потребления. Тем более невозможно понять процесс воспроизводства общества и человека без социально-экономического анализа потребления и потребительного производства. Если в предыдущем изложении производство человека посредством труда было представлено в абстрактном виде, причём подчёркивалась значимость производства средств к жизни в этом процессе, то теперь речь пойдёт о втором источнике — потреблении, в котором продолжается воспроизводство человека и его труда. О производительном потреблении, совпадающем с материальным производством, написано много книг. О человеческом потреблении из социально-экономической литературы можно узнать лишь то, что потреблением кончается производство. Между тем потребительное производство не менее сложный процесс, чем производство материальных средств к жизни. Это непосредственное производство самой жизни, самого человека, которое реализуется через потребление.

Исключение потребления из предмета социально-экономического анализа, в частности из политической экономии, можно во многом объяснить тем обстоятельством, что в процессе потребления стоимость превращается в «нестоимость», как бы завершает своё существование. Следовательно, она не входит во «владения» политической экономии как трудовой теории стоимости, теории о стоимостных экономических отношениях. Поскольку «стоимость» в потреблении исчезает, превращается в «нестоимость» (или, точнее, здесь продукт выступает со стороны потребительной стоимости), она вроде бы перестаёт быть предметом экономического или социального исследования. Д. Рикардо, например, считал, что политическая экономия лишь внешне затрагивает потребительную стоимость[288]. Согласно его взглядам и мнению других политэкономов, потребление «лежит, собственно говоря, вне политической экономии, за исключением того, что оно, в свою очередь, оказывает обратное воздействие на исходный пункт и вновь даёт начало всему процессу»[289].

К. Маркс в то время не высказал своего мнения по вопросу о месте категории потребления в политической экономии. В «Экономической рукописи 1861–1863 годов», обсуждая данную проблему, он в скобках заметил: «К этому вопросу следует вернуться позднее»[290]. Впоследствии у него сложилось вполне определённое мнение о необходимости включения индивидуального потребления в систему воспроизводства. «В процессе своего обращения, — писал он, — индивидуальный капитал функционирует лишь как часть совокупного общественного капитала. Его движение определено не только его общественными связями с другими частями совокупного общественного капитала, но и со всем товарным миром, со всем общественным процессом воспроизводства, включающим в себя общественный процесс потребления, не только производительного, но также и индивидуального»[291].

Включение потребительной деятельности в воспроизводство человека и общества определяется её местом в основаниях

---

288 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 149.

289 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 25.

290 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 47. С. 71.

291 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 50. С. 103.

производства. К. Маркс во «Введении» к «Критике политической экономии» характеризует потребление как уничтожающую продукт материального производства противоположность, как второй вид производства — потребительное производство, в котором производится и воспроизводится сам человек. «Что, например, в процессе питания, представляющем собой одну из форм потребления, — писал К. Маркс, — человек производит своё собственное тело, — это ясно; но это же имеет силу и относительно всякого другого вида потребления, который с той или другой стороны, каждый в своём роде, производит человека. Это — потребительное производство»[292].

Из приведённого суждения важно выделить утверждение о широком значении потребления, объясняющее не только биологическое воспроизводство человека, но и другие, не менее важные формы человеческой жизни посредством соответствующих разнообразных видов потребления и потребительного производства. Уже здесь заложена мысль о двойственной природе потребительного производства, включающего наряду с воспроизводством человеческой жизни как таковой и социальное производство. В этом же плане высказывался Ф. Энгельс относительно двух родов производства и воспроизводства непосредственной жизни: «С одной стороны — производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека, продолжение рода»[293].

Суждения о втором роде производства впоследствии вызвали различные споры и толкования. В этих словах Ф. Энгельса одни увидели ограниченность материалистического понимания истории вследствие необходимости обращения к неэкономическому фактору. Другие пытались второй вид производства — потребительное производство — не включать в категории материалистического понимания истории, полагая, что для его объяснения вполне достаточно обращения к производству средств производства и средств к жизни[294].

---

[292] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 27.

[293] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21. С. 26.

[294] Имеется в виду примечание от редакции, помещённое в прежних изданиях работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (М., 1949. С. 4).

Ф. Энгельс, разумеется, не отходил от материалистического понимания истории, в том числе и при объяснении развития первобытного общества. Во всех обществах производство выступает определяющим фактором. Подобно тому, как недостаточно сводить стоимость просто к труду, а надо иметь в виду каждый раз его двойственную природу, так и производство выступает решающим фактором одновременно и в исходных, и в превращённых формах, т. е. как производство средств производства и самой жизни, причём не только социальной, но и биологической. Производство, конечно, обусловливает ход развития любого общества прежде всего посредством производства орудий труда. На этой основе возникло и развилось первобытное общество, и не кто иной, как Ф. Энгельс, на первое место ставил производство дикарём орудий[295].

Односторонним было бы и выпячивание производства второго рода, особенно сведение его к воспроизводству человеческой жизни посредством обычного потребления или деторождения, тем более противопоставление последнего производству вещей. Нет оснований, например, полагать, что развитие первобытного общества в решающей или огромной степени определялось условиями производства не материальных благ, а людей. Условия производства вещей являются и условиями воспроизводства самого человека. Нельзя, следовательно, считать, будто Ф. Энгельс внёс такую поправку к формуле материалистического понимания истории, после которой определяющим моментом наряду с производством материальных благ должно считаться производство самого человека, т. е. детопроизводство, играющее первенствующую роль в первобытную эпоху, когда производительность труда была слишком низкой.

Для К. Маркса и Ф. Энгельса, с самого начала выступивших против сведения производства к процессу создания лишь вещей

---

[295] В письме Ф. Энгельса к Каутскому от 26 июня 1884 г. сказано: «Орудия дикаря обусловливают его общество совершенно в той же мере, как новейшие орудия – капиталистическое общество. Твой взгляд приводит к заключению, будто производство только теперь определяет общественный строй, но не определяло его до капиталистического производства, так как орудия ещё не совершили никакого грехопадения» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 36. С. 146).

и рассматривавших его как производство общественных отношений и человека, потребление выступало необходимым моментом производства, придающим последнему свойство быть производством самой человеческой жизни. Так, К. Маркс ещё в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» отмечал, что труд производит не только товары, но и себя, и рабочего. Труд и, следовательно, производственная жизнь оказываются средствами для удовлетворения человеческих потребностей, в том числе и потребности в сохранении физического существования[296]. В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс производство собственной жизни, а также жизни других людей вместе с производством средств к жизни трактуют как три стороны, три совместно существующих момента общественного производства, социальной деятельности. Что касается производства жизни (как собственной, так и чужой), то оно с самого начала выступает двояким отношением: естественным и общественным[297].

Приведённые выше положения классиков относительно потребления как необходимого момента общественного процесса производства должны быть положены в основу современных исследований по проблемам потребительного производства, интерес к которым в последнее время значительно возрос и уже появились первые работы[298]. В них вполне справедливо подчёркивается широкий смысл потребительного производства, ни в коем случае не сводимого ни к физическому восстановлению человеческой жизни, ни тем более к детопроизводству в рамках семьи[299].

Потребительное производство, реализующее создаваемые средства к жизни, имеет дело прежде всего с воспроизводством личного фактора процесса труда — человека как субъекта всего

---

296 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42. С. 88, 93.

297 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3. С. 27–28.

298 Плетников Ю. К. О природе социальной формы движения. М., 1971; Ковалёв А. М. Диалектика способа производства общественной жизни. М., 1982; Савкин Н. С. Образ жизни: формирование, воспроизводство и регулирование. Саратов, 1984, и др.

299 Панов В. Г. Что следует понимать под производством и воспроизводством непосредственной жизни общества // Философские науки. 1963. №3. С. 51; Бородин Е. Т. Новый теоретический взгляд на жизнь общества. М., 1999. С. 7.

общественного производства[300]. Но в этом процессе одновременно воспроизводится человек как совокупность всех общественных отношений и человек в его общественных связях и отношениях, что делает потребление социальным производством[301]. Социальным, однако, оно становится не потому, что выпадает из сферы экономического движения, а потому, что вне социального не могут происходить экономические процессы.

Правильное понимание потребительного производства (потребления) предполагает прежде всего чёткое разграничение обычного процесса потребления и процессов, посредством которых производится и воспроизводится социальное содержание жизни, социальная определённость человека. Потребительное производство, не заменяя материальное производство, участвует в производстве и воспроизводстве человека и общества. Причём эти два вида производства не просто стоят рядом, а отражают единство процессов опредмечивания и распредмечивания.

Особого внимания заслуживает созидательная функция потребления. Недаром потребление называется ***производством***. Обладание человека предметом в потреблении является способом развития его способностей. Это важно отметить, потому что нередко в литературе потребление фигурирует только как ликвидация всего созданного производством, как его завершающая стадия. «Уничтожение» при потреблении жизненных средств их стоимости, а также то обстоятельство, что их цена и заработная плата работника не входят в процесс труда, иногда понимается как отсутствие здесь созидательного процесса вообще. Так, отдельные философы, справедливо указывая на необходимость трактовки производства человека в форме «специфического процесса производства человеческих сил», всё же полагают, что здесь в основе находится «не процесс потребления, а творческий, во всяком случае, созидательный процесс, который хотя и сопровождается потреблением, но не сводится к нему, который, наконец,

---

[300] Плетников Ю. К. О природе социальной формы движения. С. 213; Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Ч. I. М., 1983. С. 128.

[301] Савкин Н. С. Образ жизни: формирование, воспроизводство и регулирование. С. 81.

направлен не на простое потребление, а на развитие человеческих способностей»[302].

Потребление — не менее созидательный, творческий процесс, чем производительный труд. Именно им воссоздаётся способность к труду, т. е. труд в возможности, потенциально, ибо «потребление порождает ***способности*** производителя»[303]. Только под влиянием представления о господстве меновой стоимости могло сложиться мнение о вынесении потребления за сферу воспроизводства или его ограничении производительным потреблением, восстанавливающим рабочую силу человека. Но даже согласно закону стоимости, стоимость потребляемых жизненных средств равна стоимости воспроизводимой на этой основе рабочей силы, т. е. из уничтожаемой в процессе потребления стоимости жизненных средств возникает для продажи равная ей стоимость рабочей силы, и, следовательно, в процессе потребления жизненных средств их стоимость не исчезает, а лишь превращается в иную форму — в стоимость рабочей силы, оставаясь той же по величине.

Потребление и потребительная стоимость по их созидательной силе превосходят силу созидающего стоимость труда, ибо в реализации жизненных средств в виде потребительной стоимости самой рабочей силы заложена творческая сила производительного труда, его способность производить не только эквивалент стоимости рабочей силы, но и избыток труда. Возможность создания новой человеческой силы заключена в потреблении — в развитии человеческих способностей. Потребление завершает акт производства лишь в том смысле, что уничтожает вещно самостоятельную форму продукта. Но этим одновременно оно продолжает воспроизводственный процесс, поскольку повышает «посредством потребности в повторении способность, развитую в первом акте производства, до степени мастерства; оно, следовательно, не только тот завершающий акт, благодаря которому продукт становится продуктом, но и тот, благодаря которому производитель становится производителем»[304].

---

302 Бородин Е. Т. Производство и воспроизводство непосредственной жизни общества // Философские науки. 1976. №2. С. 45.

303 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 29.

304 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 30.

Через потребление индивид возвращается к самому себе, но уже как производящий и воспроизводящий себя человек. Стало быть, потребление выступает моментом процесса производства, производством высшего, главного его результата — человека. Но без производства продукта потребление беспредметно, поэтому первое является господствующим и исходным моментом, а потребление — продолжением производительной деятельности. Потребление есть и особая деятельность, в которой реализуется потребительная сила общества. Одна её часть расходуется в процессе производительного потребления рабочей силы, в котором человеком затрачиваются способности к труду, другая — в непроизводительном потреблении, в котором восстанавливаются и расширяются человеческие способности. Непроизводительное потребление в этом отношении совпадает с непроизводительным трудом. Нет, следовательно, особой нужды называть потребительные силы производительными силами, так как первые не теряют своей созидательной роли[305]. Потребление выступает вторым после производительного труда источником воспроизводства человека.

О социальном значении этой деятельности в современной общественной науке пока сказано мало[306]. Чаще всего она исследуется в плане субъективных форм её проявления: потребностей, интересов, ценностных ориентаций. Между тем, чтобы понять названные субъективные формы, надо исходить из объективного содержания процесса потребления, посредством которого, с одной стороны, они связываются с материальным производством, а с другой — воспроизводятся. Здесь важно подчеркнуть, что именно потребление воспроизводит потребность. Оно полагает

---

[305] Вряд ли можно признать целесообразным заключение о том, что «производительными силами производства второго рода являются средства производства (жизненные силы и биологическая природа человека как предмет производства) и жизненные средства (предметы потребления – пища, одежда, жилище и т. п.), с помощью которых осуществляется процесс восстановления и развития человеческих сил» (Бородин Е. Т. Производство и воспроизводство непосредственной жизни общества // Философские науки. 1976. №2. С. 46).

[306] Имеются лишь первые попытки сформулировать законы индивидуального потребления в работах В. Т. Смирнова, И. Н. Шутова и других.

предмет производства идеально, как внутренний образ, как потребность и цель; этим создаётся потребность в новом производстве, т. е. идеальный, внутренне побуждающий мотив производства, являющийся его предпосылкой[307].

В потреблении процесс созидания самой потребности находит материальную основу. Потребление завершает процесс производства, превращая продукт в действительный продукт, оно делает его тем самым продуктом для ***человека*** и одновременно наделяет свойством полезности. Это свойство придаёт продукту потребление, поскольку оно входит в производственную деятельность в качестве необходимого момента и создаёт для продукта субъект с его потребностями, целями, мотивами. Вне реальной потребительной деятельности полезность продукта оказывается субъективным отношением, открывающим возможность для сведения её к субъективной полезности, определяемой только потребностями, интересами, целями, ценностными ориентациями человека. Вот почему, на наш взгляд, не могут быть приняты предложения о том, чтобы сделать исходным в экономике отношение общественной полезности, или целевое отношение, возникающее между людьми по поводу цели производства. Общественная полезность, цель, потребность не могут служить исторически первичным отношением или стать всеобщей формой функционирования системы производственных отношений[308].

Обращение к человеку как к цели производства не означает, что он в качестве потребителя перестаёт быть формой бытия общества, его субстанции, а остаётся лишь духовным существом. Потребление как процесс не только уничтожения продукта, но и воспроизводства субъекта выступает объективным, материальным процессом. Именно на его базе осуществляется расширенное воспроизводство потребностей, происходит их постоянное возвышение.

Сказанное даёт основание ввести потребление в полном объёме в предмет исследования общественных наук и тем самым создать прочную основу изучения потребностей, интересов, ценностных

---

307 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 28.

308 Введение в теорию и методологию системы оптимального функционирования социалистической экономики / Под ред. Н. П. Федоренко и др. М., 1983. С. 139.

ориентаций. В первую очередь, следует преодолеть недооценку отношений потребления как составной части производственных и всех общественных отношений. Даже в специальных работах, посвящённых проблемам потребления, звено, связывающее продукт с субъектом, исключается из системы производственных отношений. Потребительное производство (индивидуальное потребление) предстаёт внеэкономической и внесоциальной стадией. На этой стадии, говорится в одной из работ, при использовании предмета ликвидируются его потребительные свойства в целях воспроизводства самого человека. Поэтому, мол, личное потребление в данном случае становится объектом исследования биологии, медицины, психологии, т. е. превращается во внеэкономическую стадию, которая определяется как потребительное производство[309].

В экономической литературе почти не упоминается понятие «потребительное производство», им пользуются чаще всего философы. Такое отношение экономистов к потребительному производству обычно проистекает из пофазного деления производственных отношений (производство, распределение, обмен, потребление), которое хотя и даёт формальное основание для отнесения потребления к названному ряду экономических категорий, но лишает его собственно экономического содержания. Потребление, поставленное в один ряд с производством, распределением и обменом, не может быть названо производственным отношением, если оно является отношением субъекта к потребляемому продукту, к вещи, и потому не обнаруживает отношения людей друг к другу по поводу потребления. Там же, где обнаруживается такое отношение, оно считается отношением людей по поводу присвоения. Последнее, осуществляясь на основе эквивалентного обмена, неизбежно поглощается отношениями собственности как классическими отношениями присвоения. В итоге получается, что в производстве создаются предметы в соответствии с потребностями, в распределении они разделяются между индивидами, в обмене доводятся до каждого индивида согласно отдельным потребностям, а в потреблении продукт выпадает из этого общественного движения, становится предметом

309 Шутов И. Н. Личное потребление при социализме. М., 1972. С. 47.

и слугой отдельной потребности и удовлетворяет её в процессе потребления. Поэтому потребление, рассматриваемое в качестве конечного пункта и конечной цели движения, лежит, согласно этой концепции экономистов, вне политической экономии[310].

Желание исключить потребительную деятельность из предмета социально-экономических исследований, имеющих дело с материальными производственными отношениями, усиливается тем обстоятельством, что удовлетворение потребностей чаще всего фигурирует в виде цели производства, ***идеального образа*** его результата. Отношения же потребления, представленные в форме целевых отношений или субъективных предпочтений, не могут включаться в материальные экономические отношения. Утверждается, например, что в фазе потребления личность становится как бы вне законов общества. В формах её обычной жизнедеятельности все общественные отношения предстают в виде контактов личностей, их поведения и являются результатом их свободного выбора[311].

По этой причине в большинстве современных экономических работ потребительная деятельность (потребительное производство) остаётся без внимания, заменяется изучением потребностей в сопоставлении с производством материальных благ, а не с их потреблением. Чаще всего ограничиваются доказательством первичности материального производства по отношению к потребностям, возникающим из производства, хотя и оказывающим на него обратное влияние.

Если же говорится о процессе индивидуального потребления, то он или «прячется» в общем процессе производства — в отношениях присвоения посредством данной общественной формы, путём придания потребительной стоимости значения дохода, или же выносится за пределы собственно экономических отношений под тем предлогом, что потребление как антитеза производству лежит по ту сторону действия общественной формы труда, в нём есть лишь отношение субъекта к вещи и нет отношения человека к человеку. Отношение человека к вещи вполне

---

310 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 25.

311 Евстигнеева Л. П. Формирование потребностей в развитом социалистическом обществе. М., 1975. С. 49.

укладывается в вещно-трудовую форму развития социально-экономических отношений, в категорию социального действия под названием «выбор», причём не только полезных свойств вещи, но и направлений экономического роста[312].

Включение потребления в систему общественных, прежде всего производственных, отношений основано на понимании производства как производства и воспроизводства человека. Тогда и цель производства получает вполне определённую форму реализации — реального человека с данным уровнем его потребностей, и отношения потребления обнаруживают себя в качестве одной из форм отношений людей по поводу собственного воспроизводства как субъектов. Производство и потребление уже не разделены как две крайности, как два объекта различных наук, а предстают двумя противоположными формами одной и той же сущности. Этим преодолевается ограниченность пофазного деления общественного производства и производственных отношений, а отношения потребления выявляют себя как их продолжение, распространение на сферу потребительного производства.

Если производство понимать, как воспроизводство человека, то оно не может быть представлено вне индивидуального потребления, которое с необходимостью выступает его внутренним моментом. В потреблении воспроизводственный процесс возвращается к человеку, с которого, как со своей предпосылки, он начинается. От труда этот процесс идёт к продукту, а затем посредством потребления совершается переход от продукта к субъекту. Этим как бы завершается общий цикл воспроизводства общества на уровне его наличного бытия. Конечным пунктом воспроизводства будет уже не продукт, а сам человек как результат потребительного производства. Переход от человеческой деятельности к продукту (здесь опредмечивается труд) имеет своим источником производительный труд, а от продукта к человеку — потребительную деятельность, в которой распредмечивается опредмеченный труд.

Овладение предметом имеет своим следствием и воспроизводство общественного способа существования индивида, т. е.

---

312 Евстигнеева Л. П. Формирование потребностей в развитом социалистическом обществе. М., 1975. С. 37, 51–52.

воспроизводство самого индивида, не только в его непосредственной жизненности, но и в определённых социальных отношениях. В итоге конечное присвоение предметов в процессе их индивидуального потребления воспроизводит членов общества в тех отношениях, в которых они находятся друг к другу, — в их общественном бытии. Продукт в свою очередь только в потреблении становится действительным продуктом. Потребление, уничтожая продукт, придаёт ему завершённость. Продукт выступает не просто как овеществлённая деятельность, а как предмет деятельности субъекта в потреблении. Потребительная деятельность оказывается продолжением производства, а потому её законами являются законы производства, понимаемого как производство потребительной стоимости, предназначенной для удовлетворения человеческих потребностей.

Что же касается «деятельности потребления», в которой продукт труда по отношению к рабочему выступает как потребительная стоимость, то экономическая наука, не открыв специфических законов этой деятельности, подгоняет её под стоимостную форму: воспроизводство работника рассматривается как воспроизводство его рабочей силы на основе издержек производства его жизненных средств, их стоимости, вложенной в переменный, «человеческий» капитал. И в отечественной литературе (даже в политической экономии социализма) потребительное производство было «уложено» в стоимостную форму[313].

Чтобы подчинить деятельность потребления стоимостной форме, приходится, во-первых, чрезмерно расширять понятие производительного труда, присоединять к нему деятельность по оказанию услуг потребителю (труд парикмахера, официанта, учителя и т. п.), обмениваемую на доход (зарплату или предпринимательский доход), т. е. полагать, что оказанием услуги (обслуживанием) новая стоимость создаётся так же, как и трудом,

313 «Общественный процесс воспроизводства человека во всем своём объёме и во всех своих частных проявлениях, – сказано в одной из работ, претендующих на обобщающий результат по данной проблеме, – есть особая разновидность всеобщей экономической формы, с необходимостью возникающей на основе общественного разделения труда, – разновидность стоимостно-экономической формы» (Нетесин Ю. Н. Воспроизводство человека: политико-экономический аспект. Рига, 1988. С. 9).

производящим жизненные средства (пищу, одежду, жилье) и воплощающимся в их стоимости. Понятое, таким образом, потребление из сферы, где стоимость «уничтожается» (товар или услуга, потребляясь, исчезают как стоимость), превращается в сферу, где она создаётся. Во-вторых, воспроизводство человека предстаёт как возмездностоимостной обмен доходов воспроизводимого работника на издержки труда лиц, оказывающих ему услуги. Получается, что не работник воспроизводит себя посредством потребления получаемых им за труд жизненных продуктов, средств и услуг, а его воспроизводят те, кто оказывает услуги или обеспечивает его жизненными средствами.

Именно поэтому воспроизводство человека выглядит как его производство работниками сферы обслуживания через распределение и обмен последних на доход потребителей. Потребление и потребительная деятельность, не создающие новых стоимостей и отличающиеся от деятельности обслуживающего персонала, исключаются из воспроизводственного экономического механизма. В него включается лишь сопровождающая потребление и отождествлённая с ним купля-продажа товаров и услуг.

Потребительное производство в натуре несводимо к стоимостным обменным процессам в сфере услуг. Процесс потребления имеет дело не со стоимостью, а с потребительной стоимостью, вернее, с её превращением из предметной формы в социальную — в свойства человека. Очевидно, что оно не укладывается в рамки обмена стоимостей (услуг на доходы), тем более не предполагает эквивалентности. О каком эквивалентном обмене может идти речь, когда студент за десяток часов усваивает концепцию профессора, на разработку которой последний потратил десятки лет или всю свою жизнь.

Конечно, жизненные средства, которые человек получает для потребления, в условиях товарного производства приобретают свойства стоимости, которая равна общественно необходимым затратам труда тех, кто их произвёл. Совсем по-другому обстоит дело, когда ставится вопрос, чем же определяются затраты труда работника на собственное воспроизводство, на восстановление своей рабочей силы. Они определяются потребительной стоимостью приобретаемых жизненных средств и услуг, деятельностью по их потреблению, удовлетворению потребностей. Когда речь

идёт об этой стороне дела, то доля рабочего в стоимости продукта определяется не стоимостью продукта, а потребительной стоимостью получаемых им жизненных средств, т. е. не затраченным временем на производство продукта, а свойством потребительных стоимостей сохранять живую рабочую силу.

Именно из-за того, что потребительная стоимость определяет издержки воспроизводства работником своей рабочей силы (необходимую часть его труда), она становится важнейшим объектом изучения со стороны экономической науки, претендующей быть политической экономией труда, наукой о производстве и воспроизводстве развитого и благосостоятельного человека. К сожалению, это обстоятельство ныне приходится признавать через вынужденные расчёты минимальной зарплаты на основе натурального содержания потребительской «корзины», т. е. признавать потребительную стоимость предпосылкой стоимости, когда речь идёт о жизни человека. Для экономики же, предназначенной служить лучшему удовлетворению потребностей человека, потребление и потребительная деятельность приобретают особое значение.

§ 3. Потребительная сила общества

В отличие от условий производства продукта, ограниченных рамками их воздействия на производительность труда, в условия реализации потребительной стоимости входят другие факторы, в первую очередь — состояние потребительной силы общества.

Введение в анализ понятия ***потребительной силы***, т. е. способности общества к потреблению, позволяет более рельефно выделить объективное содержание потребительной деятельности, отмежеваться от часто встречающейся психологической её характеристики, например от сведения зависимости потребления от дохода к психологическому закону, выражающемуся в склонности людей к увеличению в известной мере своего потребления с ростом дохода.

Кроме того, категория потребительной силы даёт возможность обнаружить и преодолеть ограничения, накладываемые на потребление его зависимостью от стоимости продукта, от доходов потребителей. Поскольку потребительная стоимость продукта

и её мера заключены не в труде, овеществлённом в продукте, не в стоимости последнего, то обусловленность потребления (спроса) стоимостью (доходами) и рабочим временем попадает в ложное положение.

При обилии произведённых для рынка товаров человек может оказаться не только за чертой бедности, но и лишиться необходимых средств к существованию. Рынок признаёт только платёжеспособного покупателя, т. е. того, у которого есть деньги. Он в этом отношении безразличен к потребителю: товар достаётся не тому, кто больше всего нуждается в нём и имеет настоятельную «склонность» к потреблению. Святая святых рынка — не допускать никакого вмешательства в отношения между спросом и предложением, опираться только на собственное саморегулирование, устанавливать надлежащий порядок посредством собственных экономических механизмов, иметь дело с платёжеспособными покупателями.

Общество и люди не могут согласиться с этим безразличием стоимости (рынка) к их потребностям и потреблению, с тем, что, например, заработная плата оказывается ниже прожиточного минимума или её невозможно получить. Приходится обращаться за помощью к государству, которое вынуждено вмешиваться в дела рынка, применять способы, позволяющие ослаблять опосредствованность потребления доходами и ценами.

Есть и другой способ решения проблемы — внедрение собственно экономических методов, позволяющих нормализовать взаимодействие производства и потребления без вмешательства государства и на другой, не стоимостной, а потребительностоимостной основе. В этой ситуации в качестве меры продукта как потребительной стоимости и его производства непосредственно выступает совокупное потребление. Потребительные стоимости должны предлагаться (производиться) лишь в известном объёме. Их мера, кроме зависимости от присущего им специфического качества, будет определяться количеством людей, имеющих в них потребность, нуждающихся в их потреблении. Чтобы установить эту меру, необходимо число потребителей умножить на величину их потребности в том или ином продукте или благе. ***Величина этой потребности*** и будет ***пределом*** того, сколько обществу надо производить потребительных стоимостей.

Этот предел можно связывать и с субъективной оценкой человеком полезности благ, т. е. мерой брать не объём благ, наиболее важных для удовлетворения имеющихся потребностей, а те дополнительные блага, которые менее всего нужны для человека, удовлетворяют наименее важные потребности, выступают пределом, за которым полезность благ уменьшается или совсем исчезает.

Подобный маржиналистский подход имеет своим основанием не только соответствующие психофизиологические закономерности, но и желание формально согласовывать полезность благ с их стоимостью (ценностью), поскольку ненужные для потребления вещи теряют как полезность, так и стоимость.

К потребностям применимы и другие значения предельных характеристик или величин. Таким пределом, с одной стороны, могут быть абсолютные потребности и абсолютная потребительная сила общества. Производство, движимое стремлением к беспредельному увеличению стоимости (прибыли), тем самым своей границей делает ***абсолютную потребительную силу*** общества. То же самое можно сказать о производстве, ставящем своей целью всестороннее развитие личности и максимальное удовлетворение потребностей людей. В обоих случаях речь идёт об идеальных потребностях, т. е. потребностях, которые не зависят от конкретных возможностей данного общества и включают в себя то, что требуется в конечном счёте при прочих равных условиях или для беспредельного развития капитала, или для свободного развития и максимального удовлетворения нужд каждого человека как представителя всего человеческого сообщества.

С другой стороны, возможности общества удовлетворять потребности людей в каждый конкретный момент ограничены, что позволяет говорить об относительности потребительной способности общества, не об идеальных, а о реальных потребностях, зависящих от уровня производства соответствующих благ. Эти потребности, в свою очередь, могут быть ограничены кругом разумных потребностей, которые отвечают требованиям нормального воспроизводства населения, свободного всестороннего развития личности, её способностей и потребностей. Разумность и рациональность таких потребностей в конечном счёте устанавливаются и проверяются социально-экономической практикой. Последняя позволяет объективизировать субъективные оценки полезности.

Общая характеристика ***границ*** потребительной силы, представленная выше, нуждается в конкретизации как со стороны её обусловленности потребительской природой самих благ, так и общественными нормами (стандартами), проистекающими из свойств социально-экономического и политического устройства общества. Если подходить с первой позиции, то потребность всегда предполагает предмет её удовлетворения (потребность в «чём-то» зависит от него, т. е. потребление измеряется посредством самой потребительной стоимости. Здесь объём потребности выражается ***количеством*** специфических благ (определённого качества), служащих потреблению. Блага же обычно имеют свою собственную природную меру: тяжесть, плотность, длину и т. д. Вследствие этого, например, величину потребности в сахаре можно измерить в тоннах, которые одновременно являются и мерой его полезности для данного населения: для него полезным будет, к примеру, ежегодное потребление 300 тыс., а не 600 тыс. т сахара. В итоге для определения величины потребности в том или ином благе последнее умножается на численность потребителей и таким образом устанавливается ***мера потребительной способности*** данного населения.

Такой способ, однако, является довольно-таки ограниченным методом установления меры потребительной силы общества. Человеческие потребности возникают в обществе, они обусловливаются сформированными социальными качествами людей. Вот почему их нельзя измерять только предметами, предназначенными для удовлетворения потребностей, к ним должны применяться общественные мерки, приобретающие значение социально всеобщих форм, порождённых общественными отношениями.

Из такого рода общественных форм до сих пор первое место занимает определение потребления временем (трудом), общественно необходимым для производства и воспроизводства рабочей силы. Для громадной массы трудящегося населения мера потребления обусловливается стоимостью рабочей силы, величиной необходимого по условиям её воспроизводства труда. В данном случае для определения меры потребления пользуются единицей труда и заработной платой за эту единицу труда — единицей заработной платы в её денежном выражении[314]. Соответ-

[314] Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1978. С. 93.

ственно, потребности и потребление получают своё выражение в платёжеспособном спросе, а их зависимость от меры труда (производства) — в предложении товаров. Спрос и предложение выступают двумя переменными величинами, измеряемыми денежной мерой.

Нас больше всего интересуют общественные мерки, которые касаются потребительной силы и базируются не на стоимостной, а на потребительностоимостной основе. Они должны отвечать природе самой потребительной силы. Там, где господствует потребительная стоимость и сами потребности обусловливают пределы рабочего времени, необходимого для их удовлетворения, рабочее время теряет своё значение меры потребления, ибо оно само удлиняется или сокращается в зависимости от того, сколько нужно доставить того или иного количества потребительных стоимостей. Следует также сказать, что смысл общественного прогресса в этом отношении сводится к тому, чтобы потребление не определялось минимумом времени, необходимого для производства, поскольку само «рабочее время перестаёт и должно перестать быть мерой богатства, и поэтому меновая стоимость перестаёт быть мерой потребительной стоимости»[315].

Сокращение рабочего времени, обусловленное научно-техническим прогрессом, не может приниматься за признак уменьшения потребления. Наоборот, экономия рабочего времени должна вести к увеличению богатства общества и свободного времени. Последнее, превращаясь в мерило развития человека как некоего богатства, тем самым становится и мерой развития способности к потреблению, мерой потребительной силы общества. Это соответствует требованиям ***закона потребительной стоимости***, согласно которому высвобождаемое в результате реализации потребительной стоимости время (свободное время) превосходит затраченное рабочее время и, следовательно, потребление, совершаемое в свободное время, должно измеряться последним. Когда же в качестве меры используется ***рабочее*** время, то такое потребление свидетельствует по существу о бедности. Рабочее время, в том числе прибавочное, поглощая почти всё время трудящихся масс, лишает их свободного времени, которое становится

[315] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 214.

временем для немногих. Последние и получают простор для своего развития, в том числе и для потребления.

В качестве общественного масштаба потребительной способности могут выступать и многие прикладные формы её измерителей, например объём дневного (годового) содержания человека, расчёты прожиточного минимума и других различных потребительских бюджетов. В этом отношении особого внимания заслуживает использование «потребительской корзины» в роли единицы измерения, которая должна занимать столь же важное место, как и измерение потребительских доходов в единицах заработной платы, когда речь идёт об определении склонности к потреблению через ***функциональную зависимость*** между потреблением и доходом (по Дж. М. Кейнсу).

В случае же с «потребительской корзиной» мы имели бы возможность умножить не отдельную потребность в том или ином благе на число лиц, имеющих эту потребность, а определённый, сведённый к общественному масштабу набор благ, учитывающих социально-демографические, национальные и другие особенности потребляющего населения. Потребительские корзины разных уровней, в свою очередь, составили бы содержимое минимального потребительского бюджета и других видов потребительских бюджетов, посредством которых также можно установить потребительную силу общества.

При характеристике потребительной способности общества нельзя ограничиваться её рассмотрением только «в себе», т. е. в рамках взаимоотношения численности потребителей и величины их потребности в тех или иных благах, выраженных, например, в единицах потребительской «корзины». Потребительная сила должна быть определена не только как сущее «в себе», но и в своём «для себя» бытии в зависимости от факторов, влияющих на неё. К этим факторам относятся прежде всего производительная сила общества, а также состояние пропорций распределения продукта на части, предназначенные для личного и производительного потребления, пропорциональность распределения труда по отраслям производства, соответствие этого распределения структуре потребностей общества.

Потребительная сила общества в общем и целом, в конечном счёте, представляет собой ***функцию*** его ***производительной***

силы. Ещё классиками политической экономии было установлено, что чем больше производится потребительных стоимостей, тем выше уровень удовлетворения потребностей людей. Впоследствии, в частности, в работах Дж. М. Кейнса, эта концепция была подвергнута критике. Она, по его мнению, была построена на основе натурального обмена и не учитывала самостоятельной роли денег. Дж. М. Кейнс предложил исходить не из производства, не из предложения, а из ***спроса***, объективные факторы которого лежат на стороне дохода и его различных компонентов.

Нельзя, конечно, недооценивать влияние потребления на величину производства, но оно не отменяет решающей роли производства в удовлетворении потребностей, т. е. не следует пренебрегать общей зависимостью ***потребительной силы*** от ***производительной силы*** общества. Более того, многие проблемы спроса и предложения, не решаемые с позиции опосредствующих их стоимостных механизмов, легко могут быть решены, если исходить из взаимодействия производства и потребления в потребительностоимостной плоскости. Ф. Энгельс был прав, видя истинный смысл конкуренции (соревнования) во взаимоотношениях потребительной и производительной сил общества. В будущем строе, достойном человечества, с его точки зрения, не будет иной конкуренции, кроме этой. Общество должно рассчитывать, что можно произвести при помощи находящихся в его распоряжении средств, и сообразно с отношением своей производительной силы к массе потребностей определять уровень удовлетворения потребностей[316].

Если производительную силу общества выразить величиной высвобождаемого из сферы материального производства труда (производительного рабочего времени), то этот высвобождаемый для других видов деятельности труд (время) в расчёте на душу населения будет индексом роста потребительной силы. Увеличение производительности труда в общественном масштабе предполагает, что существующие потребности удовлетворяются с помощью применения в производстве меньшего количества труда (времени), чем прежде. Следовательно, высвобождаемый труд (время) может быть затрачен на удовлетворение новых или иных потребностей, не реализуемых в прежних условиях.

316 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1. С. 562.

Отношение же труда, высвобождаемого из сферы материального производства, к занятому в нём труду может служить ***нормой*** повышения потребительной способности общества. Эта норма является формой выражения ***закона возвышения потребностей***. Содержанием же этого закона будет образование новых или ранее не удовлетворённых потребностей. Их возрастание обеспечивается в первую очередь превращением сэкономленного в материальном производстве труда и рабочего времени в другие виды деятельности, порождающие и удовлетворяющие новые потребности. Тем самым в возвышении потребностей закон потребительной стоимости получает своё адекватное выражение.

С ростом производительности труда норма потребительной способности неизбежно повышается, что никак не вмещается в стоимостную схему движения конечного совокупного продукта, предлагающую падение этой нормы в связи с растущим преобладанием труда по производству той части продукта, которая идёт на производственное потребление.

Повышение же потребительной способности общества подчиняется другому закону — ***закону возвышения потребительной стоимости*** и может быть выражено схемами воспроизводства, построенными на потребительностоимостной основе. Из них следует приоритетность потребления и его определяющее влияние на объёмы производственного накопления. В этом случае конечным результатом общественного материального производства следует считать фонд ***индивидуального потребления***, а затраты деятельности по реализации этого фонда, в том числе по воспроизводству рабочей силы, должны быть исключены из состава издержек материального производства.

Если же подходить к этому вопросу с точки зрения изменения стоимостного строения производства (капитала), то приходится признать постоянное увеличение труда (C), расходуемого на производство средств производства, и сравнительное уменьшение труда (V), затрачиваемого на производство предметов потребления. Из изменения этого соотношения ($C > V$) следует, что развитие производительной силы не сопровождается таким же развитием потребительной силы общества. Наоборот, ограниченность потребления населением становится полюсом, противостоящим стремлению капитала развивать производительные силы.

В результате того, что этому стремлению противостоит ограниченность потребления масс, возникают ***кризисы***, разрушающие производительные силы и ещё больше снижающие уровень потребления населения. Чтобы не допустить возможности делать такие выводы из анализа движения стоимости, её защитникам ничего другого не остаётся, как изъять из стоимости конечного продукта производства стоимость средств производства (*C*), растворить её в стоимости необходимого и прибавочного продукта (*V*+*M*), т. е. вернуться к положению А. Смита о том, что ***конечный продукт*** по стоимости полностью разлагается на заработную плату, прибыль, ренту.

На деле же нет никакой необходимости возвращаться от К. Маркса к А. Смиту[317]. Надо лишь признать, что законом эквивалентного обмена (законом стоимости) не объясняется ни источник происхождения прибавочной стоимости, ни соответствующий рост потребления общества. Чтобы это понять, следует обращаться к потребительной стоимости рабочей силы — к труду, в горниле которого человек создаёт больше, чем потребляет.

Кроме зависимости от распределения труда между двумя подразделениями производства, потребительная способность общества во многом обусловливается общим распределением труда между различными сферами производства и пропорциональностью этого распределения. Если общество при данном состоянии производительных сил на производство тех или иных потребительных стоимостей может затратить лишь строго ограниченное количество своего времени, то его совокупное потребление тоже будет иметь строго определённые структуру и уровень. Так, от количества затрат особого вида земледельческого труда зависит степень обеспеченности всего населения продуктами питания. Тем самым потребление и потребительная способность людей оказываются

317 Отдельные авторы доходят до отрицания всего того, что сделано К. Марксом в теории стоимости: «Вся марксова теория прибавочной стоимости является грандиозным недоразумением...», «в области теории стоимости построения Маркса ошибочны в той мере, в какой он отступает от трудовой теории стоимости А. Смита и Д. Рикардо» (Онищук С. В. Исторические типы воспроизводства: политэкономия мирового исторического процесса. М., 1995. С. 57, 58).

под влиянием разделения труда как в самом сельском хозяйстве, так и в обществе в целом.

Глава 11. Взаимодействие труда и потребления

Движение от человека к продукту, от последнего вновь к человеку подчиняется определённым законам. Ими, напомним, не могут быть закон стоимости и его производные, поскольку речь идёт о производстве потребительной стоимости, о воспроизводстве самого человека, который имеет дело не со стоимостью продукта, а с его потребительной стоимостью, качеством и количеством последней. Классикам политической экономии приходилось заниматься анализом взаимодействия конкретного труда с создаваемой потребительной стоимостью, т. е. рассматривать труд источником не только стоимости, но и вещественного богатства, состоящего из массы потребительных стоимостей. У А. Смита это взаимодействие было представлено в форме соответствия между разделённым на качественно различные виды трудом (сосуществующим трудом) и различными потребностями общества. Представители социалистических школ, например Ж. Сисмонди, в этом законе видели основной принцип будущего производства, полагая, что там стоимость, выражая необходимое рабочее время, будет сводиться к отношению между потребностями всего общества и количеством труда, которого должно быть достаточно, чтобы удовлетворить данные потребности[318]. В этом же духе высказывался Ф. Энгельс в первой экономической работе, противопоставляя существовавшему толкованию стоимости её определение как отношение издержек производства к полезности[319].

В той мере, в какой труд сопоставляется с производимой им потребительной стоимостью, обнаруживается необходимость определённого соотношения между наличными потребностями общества и количеством разнообразного труда, идущего на их удовлетворение. Это обстоятельство позволило К. Марксу сформулировать данное соотношение в виде закона: «Точно так же известно всем, что для соответствующих различным массам потребностей

---

318 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13. С. 47.

319 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1. С. 552.

масс продуктов требуются различные и количественно определённые массы общественного совокупного труда. Очевидно само собой, что эта необходимость распределения общественного труда в определённых пропорциях никоим образом не может быть уничтожена ***определённой формой*** общественного производства, — измениться может лишь форма ***её проявления***»[320].

В простом товарном производстве формой осуществления указанной необходимости выступает меновая стоимость, а регулятором соответствующей пропорциональности — закон стоимости. Вместе с тем закон стоимости, товарная форма общественного производства не исключают общей необходимости определённого соответствия между массой подлежащих удовлетворению потребностей и нужным для этого количеством различных видов труда. Более того, закон стоимости в снятом виде предполагает действие этой необходимости, имеющей значение закона природы. В товарном производстве заключён момент подчинённости производства потребностям, поскольку потребительная стоимость товара является условием реализации его меновой стоимости, т. е. предпосылкой стоимости выступает потребительная стоимость.

Из данного условия следует, что если потребительная стоимость отдельного товара зависит от того, удовлетворяет ли он сам по себе какую-либо потребность, то потребительная стоимость определённой массы общественных продуктов зависит от того, адекватна ли она количественно определённой общественной потребности в продуктах каждого рода, и, следовательно, от того, в соответствии ли с этой общественной потребностью распределён труд между отраслями производства. Здесь долю общественного трудового времени, приходящегося на ту или иную сферу производства, определяет общественная потребность, т. е. потребительная стоимость в общественном масштабе. Это, по мнению К. Маркса, «всё тот же закон, который обнаруживается уже по отношению к отдельному товару, а именно: что потребительная стоимость товара есть предпосылка его меновой стоимости, а потому и его стоимости»[321].

---

320 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 32. С. 460–461.

321 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II. С. 186.

Известна и более конкретная трактовка взаимодействия производства и потребления. Так, Ф. Энгельс в ранней политэкономической работе «Наброски к критике политической экономии» обратил особое внимание на соотношение затрат труда на продукт и его полезности. После уничтожения частной собственности, согласно Ф. Энгельсу, противоположность стоимости и потребительной стоимости из сферы обмена переносится в сферу производства и выражает уже отношение издержек производства вещи к её полезности. «Общество, — писал он, — должно будет рассчитать, что можно произвести при помощи находящихся в его распоряжении средств, и сообразно с отношением этой производительной силы к массе потребителей определить, насколько следует повысить или сократить производство, насколько следует допустить или ограничить роскошь»[322].

К. Маркс, конспектируя данную статью Ф. Энгельса, выделяет его суждение о том, что стоимость есть отношение издержек производства к полезности, что она применяется прежде всего при решении вопроса о том, следует ли вообще производить, покрывает ли полезность издержки производства[323]. Отмечая незрелость этой своей статьи, Ф. Энгельс впоследствии защищал мысль о взвешивании полезного эффекта и трудовой затраты при решении вопроса о производстве (этот момент из определения стоимости, по его мнению, сохраняется в коммунистическом обществе). В то же время он писал, что «научное обоснование этого положения стало возможным лишь благодаря „Капиталу“ Маркса»[324].

Выявить это обоснование — задача важная и ещё нерешённая. Очевидно, что для производства, имеющего целью лучшее удовлетворение потребностей общества, указанное положение приобретает особую значимость. Проблема состоит в том, чтобы закон потребительной стоимости сделать средством анализа не только исторических предпосылок обобществлённого производства, но и его собственного функционирования. Таким средством он ещё не стал, т. е. данный закон ещё мало используется для объяснения движения общей основы воспроизводства общества.

---

322 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1. С. 562.

323 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42. С. 3.

324 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20. С. 321 (примеч.).

§ 1. Приоритет потребления в определении размеров производства

В производстве, рассматриваемом в качестве процесса создания вещного богатства, потребительных стоимостей, предпосылкой определения объёмов производства выступает человек с его потребностями, т. е. потребитель. Это является необходимым моментом закона потребительной стоимости и отличием его от закона стоимости.

В условиях капиталистического производства, как известно, потребление самого производителя определяется общественно необходимым рабочим временем, затрачиваемым им на производство продукта, равного стоимости его рабочей силы. В обществе, где производство подчинено удовлетворению потребностей, «потребление уже не будет определяться *минимумом* времени, необходимого для производства; наоборот, количество времени, которое будут посвящать производству того или другого предмета, будет определяться степенью общественной полезности этого предмета»[325].

В этом случае рабочее время, взятое как затрата труда вообще, не может определять потребление потому, что не выражает специфику потребительной стоимости продукта, на производство которого оно тратится. Последняя определяется качеством конкретного труда, затрачиваемого на её производство. Что касается массы потребительных стоимостей, нужных для удовлетворения данного объёма потребностей, то она зависит от производительности конкретного труда, а не просто от его продолжительности. Рабочее время может сокращаться, доходить до определённого минимума, но это не значит, что будет сокращаться масса потребительных стоимостей, а потребление индивидов будет доводиться до минимума. Таковыми могут быть лишь условия и последствия производства стоимости, регулирующего потребление производителей посредством необходимого рабочего времени, затрачиваемого ими на воспроизводство собственной рабочей силы. Именно для аналогичных условий доля каждого производителя в жизненных средствах определяется необходимым рабочим временем,

---

325 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4. С. 97.

которое служит мерой индивидуального участия в труде и в индивидуально потребляемой части продукта.

Вместе с тем производство стоимости не снимает границ, диктуемых потребительной стоимостью. Во-первых, предпосылкой стоимости товара остаётся её потребительная стоимость, т. е. если товар не будет обладать потребительной стоимостью и не найдутся его потребители, то он перестанет быть стоимостью. Остаётся в силе закономерность, в «соответствии с которой общественное признание произведённого товара как стоимости осуществляется прежде всего через его признание в качестве потребительной стоимости непосредственными производителями»[326]. Во-вторых, пропорции распределения труда, согласно наличным потребностям, устанавливаются на основе потребительной стоимости. Там, где рабочее время регулирует потребление и, следовательно, определяет соответствие производства продукта существующим потребностям, это соответствие является результатом действия закона взаимодействия спроса и предложения. Пропорциональная доля данного продукта во всём совокупном производстве устанавливается не просто продажей данного продукта по цене, равной стоимости, а на основе колебания цен вокруг равновесия спроса и предложения.

Иное дело, когда потребление и потребности определяют нужное для производства рабочее время. Здесь потребительная стоимость из предпосылки, ограничителя меновой стоимости превращается в ведущее начало для определения размеров производства. Его пределы определяются не движением меновой стоимости, а необходимостью удовлетворения потребностей общества: расширение или сокращение производства обусловливаются его отношением к общественным потребностям, к потребностям человеческого развития. «Как только меновая стоимость, — писал К. Маркс, — перестанет составлять предел для материального производства, и его предел будет определяться его отношением к целостному развитию индивида, то отпадёт вся эта история с её судорогами и страданиями»[327].

---

[326] Горланов Г. В. О приоритете потребителя в признании потребительских свойств продукта и затрат на его производство // Вестник ЛГУ. Сер. 5. 1986. Вып. 1. С. 4.

[327] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 123.

В основе производства и воспроизводства развитого человека заключено общественное отношение между потребительной стоимостью, общественными потребностями, подлежащими удовлетворению определённой массой полезных предметов, с одной стороны, и трудом, который должен быть затрачен на производство этих продуктов, — с другой. Это отношение исторически приходит на смену отношению между стоимостью и затратами труда товаропроизводителей. Оно приобретает всеобщую форму с развитием новой общественно-экономической формации, в которой общественное производство регулируется непосредственно потребностями общества и совершается под его контролем.

Но если потребление, потребности определяют вторую сторону выражаемого законом отношения — ***рабочее время***, или затраты труда, необходимые для удовлетворения наличных потребностей, то не будет ли это время величиной стоимости продукта, нужного для потребления, и тогда потребительная стоимость явится определителем находящейся в ней стоимости, т. е. стоимость продукта будет определяться его полезностью, его потребительной стоимостью. Если идти от рабочего времени, необходимого для производства продукта, к его отношению к потребностям человека в продукте и полагать, что первое соответствует вторым, то нельзя ли стоимость выразить через потребительную стоимость и на этом кончить дело, сохраняя старую основу — стоимость?

К такому выводу можно прийти, полагая, что труд обладает стоимостью, а не только определяет её величину. Если исходить из того, что полезность продукта обусловливает трудовые затраты на его производство, а затраты труда принимать как стоимость, то стоимость логично определить, как отношение издержек производства к полезности продукта, т. е. через его потребительную стоимость. Однако труд не может иметь стоимости, таковой обладает не труд, а рабочая сила. Что касается живого труда, то он выступает лишь потребительной стоимостью рабочей силы.

Маржиналисты не восприняли этот вывод К. Маркса. Они предложили специальную теорию об измерении стоимости полезностью с тем, чтобы лишить труд функции определителя величины стоимости. Но пока сохраняется производство, основанное на стоимости, оно не может регулироваться полезностью производимого продукта. К. Маркс и Ф. Энгельс выступили против

подмены стоимости потребительной стоимостью, против отождествления стоимости вещи, определяемой трудом, со стоимостью, определяемой её полезностью, а величины стоимости, измеряемой рабочим временем, со степенью (пределом) полезности.

«Самой модной теорией, — писал Ф. Энгельс, — считается здесь в настоящее время теория Стэнли Джевонса, согласно которой стоимость определяется ***полезностью***, т. е. меновая стоимость = потребительной стоимости, а, с другой стороны, пределом предложения (т. е. издержками производства), что есть просто запутанный и окольный способ сказать, что стоимость определяется спросом и предложением. Вульгарная политическая экономия везде и всюду!»[328].

Когда говорится о затратах труда, которые определяются потребительной стоимостью продукта и соответствующими потребностями в нём людей, то труд и его затраты понимаются не в качестве определителя стоимости. Труд в этом случае рассматривается как источник не стоимости, а потребительной стоимости, и не имеет никакого смысла апеллировать к среднему общественному труду, ибо он несопоставим с полезными свойствами продукта, с его потребительной стоимостью. Но это не значит, что между трудом — нестоимостью — и количеством (качеством) нужного для потребления продукта не возникают отношения соответствия или другие связи, позволяющие их сопоставлять.

Качественно разнообразные потребности в специфических продуктах предполагают соответствующие конкретные виды труда, и в этом смысле потребности определяют виды конкретного труда: количественная дифференциация труда соответствует дифференциации объёмов потребностей. Взаимодействие потребления и производства реализуется в общем законе, согласно которому совокупный общественный труд распределяется в зависимости от различных потребностей общества в тех или иных предметах или услугах. Его можно рассматривать как закон разделения (распределения) конкретного труда, производящего потребительные стоимости и выражающего совокупность различных видов деятельности, соответствующих разнообразным человеческим потребностям.

---

328 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37. С. 7.

Между трудовыми затратами и определяющими их потребностями в предметах возникают также количественные зависимости и отношения. Рабочее время, необходимое для производства продукта, удовлетворяющего данную массу потребностей, приобретает количественную характеристику: определённое количество продуктов и объём потребностей требуют определённого количества конкретного труда того или иного вида. Рабочее время, следовательно, остаётся необходимым полюсом экономического отношения, сохраняет своё значение, но выступает уже в другой роли: показывает, сколько затрачивается труда на получение полезного эффекта от продукта как средства производительного или индивидуального потребления. Взвешивание трудовых затрат и полезного эффекта при решении вопроса о производстве — вот «что остаётся в коммунистическом обществе от такого понятия политической экономии, как стоимость...»[329].

Рабочее время не перестаёт быть созидающей субстанцией богатства и мерой издержек, необходимых для его производства. Не теряет оно и функции регулятора развития производства: «... *никакая* форма общества не может помешать тому, чтобы рабочее время, имеющееся в распоряжении общества, тем или иным путём регулировало производство»[330]. Посредством его планомерного распределения между отраслями народного хозяйства общество устанавливает надлежащее соотношение трудовых функций и удовлетворения различных потребностей.

После уничтожения товарного производства, отмечал К. Маркс, определение стоимости, выражающее общественный характер производства, остаётся господствующим в том смысле, что регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными группами производства становятся важнее, чем когда бы то ни было[331]. Обществу приходится строго учитывать общественное рабочее время, поскольку это вытекает из общественного характера труда. За стоимостью, если даже она исчезает, остаётся общеэкономическое содержание: стоимость товара выражает в исторически определённой форме то, что

---

329 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20. С. 321 (примеч.).

330 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 32. С. 9.

331 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II. С. 421.

существует во всех общественных системах, а именно — общественный характер труда, затрата общественной рабочей силы[332].

Однако определение количества общественно необходимого рабочего времени, каким бы обязательным и строгим оно ни было, относится здесь к потребительной стоимости, а не к меновой. Мера издержек, необходимых для производства, предполагает, что этим производством является созидание потребительной стоимости. Рабочее время, хотя и является общественно необходимым, не выполняет функции определителя стоимости полезных свойств продукта. Отношение рабочего времени к потребительной стоимости продукта не выражает и его стоимости, оно может служить лишь формой установления количественной определённости между производительной и потребительной силой общества.

Это обстоятельство необходимо особо подчеркнуть, ибо под влиянием теории стоимости некоторые авторы пытаются истолковать рабочее время только как определитель стоимости. Достаточно оптимальные затраты труда приравнять к общественной полезности его продукта, как взаимосвязь потребительной стоимости с рабочим временем переводится в плоскость закона стоимости. Если, например, утверждается, что общественная полезность благ равна общественно необходимым затратам труда на их производство, то это будет определением их стоимости посредством их общественной полезности[333]. Не случайно поэтому категорию полезности предлагают выражать стоимостными показателями: ценой, прибылью, рентой[334].

К. Маркс в своё время показал несостоятельность утверждения, что меньшие затраты труда в стоимостном отношении равны (пропорциональны) большей общественной полезности их продукта. «Г-н Прудон, — писал он, — действительно старается доказать, что рабочее время, необходимое для производства продукта, выражает истинное отношение его к потребностям, так что вещи, на производство которых требуется наименьшее

---

[332] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19. С. 391.

[333] Шаталин С. С. Функционирование экономики развитого социализма. М., 1982. С. 51.

[334] Введение в теорию и методологию системы оптимального функционирования социалистической экономики. С. 146.

количество времени, имеют наиболее непосредственную полезность, и так далее, в том же порядке»[335]. Но утверждать так, поясняет К. Маркс, — значит считать, что самые дешёвые продукты должны обладать самой большой полезностью, и говорить рабочему, что для него картофель полезнее мяса, а водка — ещё полезнее, поскольку её производство требует ещё меньшего труда[336]. Потребительные стоимости не могут оцениваться по степени своей полезности как меновые стоимости, т. е. считаться дешёвыми или дорогими в зависимости от степени их полезности или наоборот. Они не могут быть пропорциональными относительно затрат абстрактного труда, ибо тогда они превращаются из потребительных стоимостей в меновые, которые безразличны к потребностям людей и натуральным особенностям предметов.

Общественно необходимое рабочее время в смысле времени, расходуемого обществом на удовлетворение данного объёма потребностей людей, т. е. рабочее время в сопоставлении с потребительной стоимостью, с полезным эффектом, не выступает стоимостью данной потребительной стоимости. «Такого рода ***необходимый*** труд имеет отношение к потребительной стоимости, а не к меновой стоимости. Это означает, что речь здесь идёт не о рабочем времени, необходимом для того, чтобы создать ту или иную стоимость, которая может быть сведена к сумме продуктов, необходимых рабочему для его существования; речь здесь идёт об относительной необходимости потребностей, удовлетворяемых продуктами различных видов труда»[337].

Однако отсюда не следует, что необходимое рабочее время, взятое по отношению к потребительной стоимости продукта, перестаёт быть количественным выражением общественного труда как такового, израсходованного на создание данного продукта. Время будет измерителем труда, сведённого к общему основанию. В данном случае оно выражает обычную трудоёмкость производства продукта. Для определения количества общественного труда, заключённого в продукте, не требуется приложения

---

335 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4. С. 95.

336 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4. С. 97.

337 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 47. С. 214.

особой, окольным путём найденной меры — стоимости. Подсчёт труда, затраченного на производство продукта данного количества и качества, осуществляется в естественной и абсолютной его мере — рабочим временем: количеством проработанных человеко-дней, человеко-часов при известной продолжительности рабочего дня. Всё это делается при обычных расчётах производительности труда.

§ 2. Взаимосвязь общественной полезности продукта и трудовых затрат

Чтобы измерить полезный эффект продукта, недостаточно определить время, необходимое для его производства. Надо ещё найти объективную меру, посредством которой можно установить полезный эффект продукта и соответствующую основу для его соизмерения с трудовыми затратами.

Решение этой задачи в рамках закона стоимости сводится к сопоставлению степени полезности, в частности предельной, с трудоёмкостью продукта, а также к установлению соответствующей пропорциональности между ними. «Стоимостной критерий предполагает, что все наличные платёжеспособные потребности одинаково значимы и подлежат удовлетворению в равной мере... Именно поэтому в конечном счёте предельные полезности благ оказываются пропорциональны их трудоёмкости»[338].

По-иному ставится данная проблема в рамках закона потребительной стоимости. Она считается одной из самых сложных, поскольку её решение связывается с выходом за пределы трудовой теории стоимости[339]. Закон потребительной стоимости регулирует производство так, что мера удовлетворения потребностей не определяется трудоёмкостью производства соответствующих продуктов, а, наоборот, полезный эффект последних диктует объём трудовых затрат на их производство. Чтобы определить

---

[338] Общественная потребительная стоимость в системе производственных отношений коммунистического общества. М., 1980. С. 166.

[339] Общественная потребительная стоимость в системе производственных отношений коммунистического общества. М., 1980. С. 153, 155.

эти затраты, надо сначала соизмерить полезные эффекты различных продуктов между собой, а затем сопоставить их с трудовыми затратами. Как и на какой основе это можно сделать?

Ясно, что такой основой может быть только труд. «Нельзя соизмерить потребительные стоимости сами по себе, в отрыве от труда: всякая попытка соизмерять продукты труда без учёта затрат труда — это отступление от основного принципа марксистской политической экономии»[340]. Однако этими затратами не может быть количество прошлого труда, воплощаемого в тех или иных предметах, ибо в этом случае мы имели бы дело с определением их стоимости. Чтобы избежать этого, М. П. Осадько предлагает соизмерять потребительные стоимости не просто по затратам труда, а по их эффективности, т. е. виды труда, затрачиваемые на производство различных потребительных стоимостей, «необходимо соизмерять по их эффективности»[341]. Потребительные стоимости в этом случае выводятся за процедуры соизмерения, поскольку считается, что всякая попытка соизмерить продукты не по труду, а по их потребительскому эффекту, понимая под последним степень полезности, обречена на неудачу.

Но можно ли, заменяя количество трудовых затрат их эффективностью, обойтись без измерения и соизмерения потребительского эффекта самих продуктов, их полезности? Нам представляется, что нельзя обходить данный вопрос, поскольку это не ведёт к решению задачи. Оценка потребительных стоимостей по эффективности затрат труда на их производство важна при распределении самого труда в зависимости от наличных потребностей общества. Однако здесь учитывается эффективность труда, а не его продукта. Производительность труда является показателем количества продукта, нужного для удовлетворения потребностей, а не его качества, его полезности для индивидуального потребления. Последняя же связана с качеством продукта, с реализацией его особых, полезных свойств. Соизмеряя полезные свойства

---

340 Общественная потребительная стоимость в системе производственных отношений коммунистического общества. М., 1980. С. 155.

341 Общественная потребительная стоимость в системе производственных отношений коммунистического общества. М., 1980. С. 156.

продукта, надо помнить, что основой здесь выступают не затраты прошлого труда, не его производительность, а сэкономленный в результате его потребления труд.

Соизмерению подлежат два полюса одного и того же труда как источника потребительной стоимости: на одном из них труд, реализованный в полезных свойствах продукта (конкретный труд) и выраженный мерой его полезного эффекта, на другом — количество затрат времени (естественная мера труда) на производство продукта с данным полезным эффектом. Сравниваются, следовательно, полезный эффект продукта и затраты труда на его достижение. Сравнение идёт на одной и той же объективной основе — по труду. Задача сводится к тому, чтобы найти меру труда, создающего полезный эффект продукта, и этот эффект сравнить с количеством затраченного на его достижение рабочего времени. Она должна быть решена в рамках закона потребительной стоимости, являющегося законом движения конкретного труда, который служит источником потребительностоимостного богатства. Это богатство составляют прежде всего предметы индивидуального потребления, полезный эффект которых необходимо определить в единицах труда. На наш взгляд, этим трудом является не затраченный на достижение такого эффекта труд, а труд сэкономленный, высвобожденный. Эффектом потребления продукта в данном случае выступает сбережение будущего труда. Оно может определяться следующим образом.

Известно, что продукты производства, не предназначенные для личного потребления, остаются внутри производства, подвергаясь производительному потреблению. Из производства выходят и попадают в сферу индивидуального потребления только предметы личного потребления, которые образуют так называемый «жизненный фонд общества». Результатом его потребления, как было показано, является человек, воспроизводство многих его свойств, в том числе главного — способности к труду, его рабочей производительной силы. Следовательно, здесь полезный эффект потребления заключается в потребительной стоимости рабочей силы, доставляющей труд, причём труд прежде всего для воспроизводства самих людей.

Но дело не только в том, чтобы воспроизвести самого работника. Объём доставляемого труда должен быть больше объёма

труда, затраченного на воспроизводство рабочей силы работника; это необходимо для роста населения, создания новых средств труда и удовлетворения других потребностей общества. «...Потребительная стоимость рабочей силы заключается именно в избытке того количества труда, которое доставляется рабочей силой, над тем количеством труда, которое овеществлено в ней самой и которое требуется поэтому для её воспроизводства»[342]. Производительное население доставляет определённое количество труда, часть которого расходуется на воспроизводство населения, а часть, оставшаяся сверх нужд для его воспроизводства, представляет собой прибавочную часть производительного труда.

Дополнительное количества труда, если отвлечься от потребительной стоимости применяемых в труде технических средств, связано с тем, что в процессе потребления человек развивает свои способности и производительную силу своего труда, т. е. совершенствует субъективные производительные силы, проявляющиеся как его свойства. В результате труд более высокой производительности высвобождает определённое количество живого труда, которое остаётся от затрачиваемого на воспроизводство его собственной рабочей силы. Образуется, следовательно, разница между прошлым трудом, заключённым в рабочей силе, и трудом, выполняемым ею. Она и служит мерой потребительной стоимости рабочей силы. Потребительная стоимость произведённых продуктов, находя своё выражение в потребительной стоимости рабочей силы, в конечном счёте, реализуется в производительной силе человека — субъективного фактора производства.

Исходным основанием для определения потребительной стоимости рабочей силы общества в каждый данный момент времени является разность между производительным и непроизводительным населением. В общем случае потребительная стоимость рабочей силы ($П_р$) измеряется количеством высвобождаемого ею (благодаря её производительности) живого труда, взятого по отношению к труду, расходуемому на её собственное производство:

$$П_р = Т_2 - Т_1,$$

[342] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 48. С. 50.

где T_2 — количество высвобождаемого рабочей силой живого труда при производстве данного объёма продукции; T_1 — количество труда, затрачиваемого на воспроизводство самой рабочей силы.

Количество высвобождаемого живого труда устанавливается на основе сопоставления количества труда (работников), необходимого для производства данного объёма продукции при сохранении исходной производительности субъективного фактора, и количества труда, нужного в условиях повышения этой производительности:

$$T_2 = Ч_1 - Ч_2,$$

где $Ч_1$ — количество труда, нужного для производства данного объёма продукции при базовом уровне производительности рабочей силы; $Ч_2$ — количество труда, расходуемого на производство того же объёма продукции при повышении потребительной стоимости рабочей силы, т. е. при росте производительности субъективного фактора в последующий период.

В объём сэкономленного живого труда включается экономия, получаемая от повышения потребительной стоимости рабочей силы за счёт потребления не только материальных, но и духовных благ, а также различного рода услуг, оказываемых работнику. Среди них особое место занимают образование и медицина, во многом определяющие повышение потребительной стоимости рабочей силы.

Абсолютный полезный эффект рабочей силы образуется из той экономии живого труда, которая получается после вычитания из всего высвобождаемого труда затрат, идущих на воспроизводство самой рабочей силы. Их величина (T_1) будет соответствовать объёму труда, занятого в непроизводственной сфере по обслуживанию воспроизводства рабочей силы.

К продуктам, общественная полезность которых нуждается в определении, относятся, безусловно, и продукты производительного потребления — средства производства. Их полезный эффект реализуется также в их потребительной стоимости. Так, потребительная стоимость техники, или её производительная способность (способность участвовать в создании продукта как потребительной стоимости), выявляется в усилении производительной

способности работника. Техника заменяет определённые функции работника и освобождает людей, их выполняющих. «...Замещение ею (машиной. — ***В. Я. Ельмеев***) человеческого труда, — писал К. Маркс, — и есть её потребительная стоимость...»[343].

Замена, или высвобождение, человеческого труда, живого труда, создающего продукт, образует ту единую основу, с помощью которой могут быть соизмерены различные технические средства как потребительные стоимости. Количества высвобождаемого труда составляют величины потребительных стоимостей различных машин, и эти величины количественно сравнимы. В этом случае мы остаёмся в плоскости отношений потребительной стоимости, не обращаясь к стоимости техники. «Потребительная стоимость машины... — отмечал К. Маркс, — не определяет её стоимости, последняя определяется трудом, необходимым для её собственного производства»[344].

Высвобожденный человеческий труд, чтобы быть измерителем производительности данной машины, должен быть сопоставлен с трудом, затраченным на разработку и производство этой машины. Если прошлого труда, реализованного в машине, больше, чем живого труда, который она замещает, то она в качестве потребительной стоимости теряет своё значение: живой труд по своей дееспособности более эффективен, чем предназначенная для его замены техника. Следовательно, производительность машины должна характеризоваться не общим количеством высвобождаемого труда, а тем его количеством, которое остаётся после вычитания прошлого труда, затраченного на производство машины, т. е. абсолютным количеством высвобождаемого труда. Чем больше разница между высвобождаемым машиной живым трудом и прошлым трудом, израсходованным на её производство, тем выше потребительная стоимость машины, её производительность.

Потребительную стоимость ($\boldsymbol{П_{сп}}$) средств производства можно выразить формулой:

$$\boldsymbol{П_{сп}} = T_2 - T_1,$$

---

343 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 47. С. 363.

344 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 47. С. 363.

где T_2 — количество живого труда, высвобождаемого машиной при производстве данного объёма продукции; T_1 — количество прошлого труда, израсходованного на разработку и производство машины.

Количество высвобождаемого труда (T_2) определяется путём сопоставления количества труда (работников), необходимого для производства заданного объёма продукции без применения машины и с её применением:

$$T_2 = Ч_1 - Ч_2,$$

где $Ч_1$ — количество труда, расходуемого на производство данного объёма продукции без применения машины; $Ч_2$ — количество труда, затрачиваемого на этот же объём продукции с применением машины[345].

Чтобы сопоставить высвобождаемый машиной живой труд с трудом, затраченным на её производство, необходимо этот прошлый труд измерять в тех же естественных единицах меры труда — в единицах рабочего времени (человеко-час, человеко-год), которые одинаковы как для живого, так и для прошлого труда. Прошлый труд, реализованный в машине, в этом случае выступает как трудоёмкость её производства.

С этой точки зрения исчисление трудоёмкости средств производства является обязательным условием определения их производительности (потребительной стоимости). И наоборот, отсутствие этого показателя учёта затрат труда серьёзно затрудняет функционирование хозяйственного механизма, основанного на отношениях потребительной стоимости. Поэтому приходится обращаться к «услугам» стоимости и сопоставлять стоимость техники с количеством высвобождённого ею живого труда, т. е. с потребительной стоимостью.

Но возможно ли в принципе такое сопоставление? С одной стороны, известно, что производительность техники и её стоимость — это разные вещи, одно не определяет другое (например,

---

[345] Когда речь идёт о труде, затрачиваемом без применения данной машины, то имеются в виду или его затраты при использовании старой, заменённой машины, или затраты ручного труда (нормативы, стандарты затрат ручного труда на производство заданного объёма продукции).

производительность машин не зависит от их стоимости). С другой стороны, и стоимость, и потребительная стоимость могут быть сведены к одноимённой величине, к количеству реализованного в них труда, ибо и прошлый, и живой труд имеют одну и ту же меру — время. Правда, в случае с меновой стоимостью это будет не время затраченного прошлого труда, а общественно необходимое, общественно среднее рабочее время. Но и оно может быть соизмерено с производительностью машины — высвобождаемым количеством живого труда — хотя бы как минус по отношению к её производительности[346].

Отсюда следует, что количество труда, затраченного на разработку и производство машины, приобретает важное значение для определения относительного объёма высвобождённого ею живого труда, т. е. потребительная стоимость машины выражается отношением экономии, получаемой от применения данного средства, к труду, затраченному на его изготовление. «По существу, — замечал В. А. Медведев, — это изменение отношения между потребительной стоимостью и стоимостью средства производства, их сравнительная динамика»[347].

К сожалению, такая оценка потребительной стоимости средств производства не получила в литературе теоретической интерпретации, хотя на практике количество рабочей силы, высвобождаемой за счёт повышения технического уровня производства, нередко используется для оценок потребительной стоимости (производительности) средств производства[348]. Можно указать, например, на практику планирования производительности труда, когда экономия затрат труда в результате механизации, автоматизации производства или внедрения передовой технологии и нового оборудования определяется путём сравнения численности работников, необходимой для производства планового объёма продукции при неизменном техническом уровне, с их численностью при внедрении новой техники и технологии.

---

346 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I. С. 198.

347 Медведев В. А. О факторах социалистического производства // Вопросы экономики. 1979. N. 11. С. 10.

348 Медведев В. А. О факторах социалистического производства // Вопросы экономики. 1979. N. 11. С. 10.

Когда речь идёт о выборе различных вариантов технических средств, в частности новой и старой техники, то для оценки их сравнительной эффективности в плане их потребительной стоимости высвобождаемое количество труда необходимо сопоставлять с трудом, затрачиваемым на создание технических (технологических) новшеств, т. е. получать и сравнивать абсолютные величины их полезного эффекта. Более эффективным будет то средство производства, которое высвобождает большее количество живого труда, т. е. даёт наибольшую разницу между высвобождаемым трудом и затрачиваемым прошлым трудом.

Подобным же образом определяется потребительная стоимость другой важнейшей части вещественного фактора производства — применяемых материалов и предметов труда вообще. Воздействие науки на эффективность этих средств производства в значительной мере реализуется в повышении их потребительной стоимости, а в более широком смысле — в использовании полезных свойств ресурсов, новых природных сил, материалов и т. д. Их потребительная стоимость в конечном счёте сводится к экономии живого труда, которая опять-таки должна сопоставляться с затратами прошлого труда, связанными с использованием данного предмета труда. Если в качестве природного ресурса, предмета или силы природы они не содержат прошлого труда (поскольку не имеют стоимости), то их использование обычно сопровождается затратами труда. Последние должны также вычитаться из высвобождаемого в результате их применения живого труда. Экономия может увеличиваться также за счёт рационального использования сырья, материалов и прошлого труда, затрачиваемого на их производство.

Итак, полезный эффект жизненных средств и средств труда, рассматриваемый в рамках производства потребительных стоимостей, может быть сведён к единой мере — количеству высвобождаемого труда. Оно служит тем общим основанием, по которому можно измерять потребительные стоимости различных продуктов (начиная с предметов личного потребления и кончая предметами производственного назначения), соизмерять их полезные эффекты как между собой, так и с трудовыми затратами на их достижение. Это позволяет преодолеть попытки соизмерения потребительных стоимостей путём их сведения к единице полезности,

т. е. попытки непосредственного соизмерения потребительных стоимостей с их качественной стороны без предварительного сведения к одинаковому основанию, без качественного приравнивания друг к другу. «Забывают, — отмечал К. Маркс, — что величины различных вещей делаются количественно сравнимыми только после сведения их к одному и тому же единому началу. Только как выражения одного и того же единого начала они являются одноименными, а потому и соизмеримыми величинами»[349].

Чтобы различные потребительные стоимости могли быть приравнены друг к другу в количественном отношении, должно быть найдено нечто такое, что выражало бы их единое качество, и разными количествами которого они являлись бы. Когда же не соблюдается это условие, то соизмерение потребительных стоимостей уподобляется процедуре нахождения величины тяжести у самой тяжести, величины полезности у самой полезности посредством «единицы» соответствующего качества, например «веса» самой тяжести или «предела» самой полезности. Очевидно, что подобные процедуры не имеют смысла как действительное, объективное количественное измерение.

Качественно одинаковым не может быть затраченный на производство продуктов конкретный труд, ибо тогда мы имели бы дело не с потребительной стоимостью, а со стоимостью продуктов, т. е. их потребительные стоимости были бы сведены к стоимости. Но единым началом для потребительных стоимостей продуктов, если имеется в виду материальное производство, не может не быть труд. Однако им является высвобождаемый труд, а не прошлый, затраченный. Следовательно, трудовая основа сохраняется и для объяснения движения потребительных стоимостей продуктов. Что касается прошлого труда, с которым сопоставляется высвобождаемый живой труд, то потребительная стоимость продукта как бы сопоставляется с тем общим, что лежит в основе меновой стоимости и имеет место в каждой формации, и с тем, что остаётся от стоимости в будущем обществе, т. е. с общественным трудом как созидателем потребительных стоимостей.

Полезный эффект в виде высвобождаемого труда есть не что иное, как производительная сила труда, рассчитанная на основе

---

349 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 49. С. 142.

закона потребительной стоимости. При этом затраты труда сопоставляются не с произведённой массой потребительных стоимостей, а с высвобождаемым живым трудом. Тем самым потребительная сила общества выражается через его производительную силу. Полезный эффект всех факторов производства суммируется в производительной силе применяемого живого труда, т. е. предполагается, что продукт создаётся не средствами производства, а живым трудом при помощи средств производства. При таком подходе можно установить долю участия в общей экономии труда различных факторов, например средств производства и субъективного фактора — повышения потребительной стоимости рабочей силы. В таком ракурсе, отмечает В. Н. Черковец, становится правомерной постановка вопроса о значении разнообразных факторов в определении уровня производительности труда, об измерении их вклада в её повышение[350].

Итак, потребительные стоимости, или полученные эффекты различных продуктов производства, могут быть соизмерены на основе высвобождаемого труда, в котором проявляется производительная сила труда, отражающая потребительную силу общества. Высвобождаемый труд является не только показателем производительной силы общества, извлекаемой из потребительной стоимости объективных и субъективных факторов производства, но и критерием превращения этой производительной силы в потребительную силу общества.

В современной литературе движение потребительной стоимости в такой трактовке не встречается. Вместе с тем возникает нужда в законе, который отражал бы исходные общие основания производства, направленного непосредственно на удовлетворение человеческих потребностей. Например, эффективность производства выводится из сопоставления производства и потребления. Об этом свидетельствуют работы, авторы которых конечным социально-экономическим эффектом производства считают фонд индивидуального потребления. Соизмерение последнего с затратами труда по существу основывается на законе потребительной стоимости, а результаты этого соизмерения объявляются критерием социально-экономической эффективности производства.

---

350 Черковец В. Н. Социализм как экономическая система. М., 1982. С. 257.

По мнению В. С. Вечканова, эффект производства «связан с увеличением производства жизненных средств и сбережением рабочего времени»[351].

В последнее время всё настойчивее ощущается необходимость перевода механизма измерения производительности труда с плоскости стоимости в плоскость потребительной стоимости, натурального выражения национального дохода. Так, В. Т. Смирнов считает, что объективная необходимость повышения степени общественной полезности результатов и затрат всех видов конкретного труда в целях достижения высокой производительности и потребительной силы общества может быть ***выражена законом общественной*** полезности[352]. На наш взгляд, в первой части формулировки этого закона разговор идёт о росте эффективности производства, ибо повышение общественной полезности затрат и результатов очень близко по содержанию к росту производительности труда. Этот рост связан, безусловно, с повышением степени общественной полезности факторов труда. Вторая часть формулировки, где говорится об оптимальном соотношении производительной и потребительной сил общества, более соответствует обсуждаемому закону.

С помощью категории «общественная полезность» пытаются выразить общественное отношение по поводу воспроизводства продуктов, наиболее соответствующих системе общественных потребностей и приоритетов, и учесть народнохозяйственную трудоёмкость. Слабым местом в определении данной категории остаётся, как нам кажется, её замыкание на потребляющего субъекта, его отношение к потребляемой вещи — к её потребительной стоимости, а трудовые затраты лишь учитываются. Возникает определённая односторонность в самом отношении «субъект — вещь», где в центре оказывается субъект, а полезность вещи выступает инобытием субъективной оценочной деятельности человека, формой существования общественной полезности. Поэтому нам представляются вполне резонными возражения против введения категории

---

351 Эффективность производства и её слагаемые. Л., 1983. С. 6.

352 Смирнов В. Т. Общественная полезность при социализме // Политико-экономические проблемы. Минск, 1979. С. 18–19; Родин С. Г. Управление экономикой: Проблемы совершенствования на современном этапе. М., 1979. С. 55–56.

общественной полезности наряду с категорией потребительной стоимости. Конечно, продукт становится общественной потребительной стоимостью только в силу его полезности для общества, человека, но этого недостаточно для конструирования категории общественной полезности, поскольку тем самым потребительная стоимость низводится до одной из форм полезности. Именно способность вещи удовлетворять какую-либо общественную потребность, а не её оценка делает вещь потребительной стоимостью[353].

Конечно, нельзя объективный характер потребительной стоимости сводить к простому соответствию природы продукта содержанию конкретного труда, т. е. в свойствах вещи видеть лишь воплощение свойств конкретного труда. Потребительная стоимость и закон её движения, безусловно, выражают не технологический способ придания продукту нужных для потребления свойств, а социальное отношение между людьми, вступающими в общественное взаимодействие в качестве производителей и потребителей. Как и в законе стоимости, здесь устанавливается связь между затратами труда и их результатом, взятым в форме не меновой, а потребительной стоимости. Она же, как было показано, не менее социальна, чем форма меновой стоимости товара.

Труд и потребительная стоимость продукта относятся друг к другу как общественные явления. «На стороне» продукта, его потребительной стоимости «стоит» человек со всеми его потребностями, уровнем их удовлетворения, а «на стороне» затрат — тот же человек, но как производитель продукта. Их связь предстаёт в форме отношения «суммы производительных сил к сумме существующих потребностей»[354], производительной силы общества к его потребительной силе. Общество, стало быть, устанавливает связь между производством и потреблением, между количеством общественного рабочего времени, затрачиваемого на производство определённого продукта, и объёмом общественной потребности, подлежащей удовлетворению при помощи этого продукта[355]. Эта связь и составляет

---

353 Общественная потребительная стоимость в системе производственных отношений коммунистического общества. С. 168.

354 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4. С. 108.

355 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I. С. 205.

общее содержание закона потребительной стоимости. Он позволяет сопоставлять полезный эффект продуктов и трудовых затрат. Сопоставление полезных эффектов различных предметов потребления друг с другом, а также с необходимыми для их производства количествами труда и есть то, что в будущем обществе при решении вопроса о производстве остаётся от такого понятия, как стоимость[356]. Общественное производство регулируется здесь непосредственными потребностями общества. Люди получают возможность контролировать производство, вести его планово, согласно необходимости удовлетворения своих многообразных потребностей.

Закон потребительной стоимости — это закон воспроизводства человека. Потребление, составляя необходимое звено механизма действия данного закона, предполагает воспроизводство человека не только как предпосылки и творческого начала производства, но и как его конечный результат. Как потребительная деятельность, так и снятая ею трудовая деятельность человека превращаются в состояние его индивидуального и общественного бытия, т. е. в нечто ставшее. Если непосредственным результатом производственного потребления является продукт, отличный от своего производителя, то «продукт индивидуального потребления есть сам потребитель»[357]. Через потребление произведённого продукта человек «возвращается опять к самому себе, но уже как производящий и воспроизводящий себя самого индивид»[358].

При капитализме результатом индивидуального потребления рабочего выступает его существование в качестве рабочего: его жизненные средства превращаются в рабочую силу, служат для воспроизводства мускулов, нервов, костей, мозга, а также для производства новых рабочих. «Следовательно, индивидуальное потребление рабочего класса в его абсолютно необходимых границах есть лишь обратное превращение жизненных средств... в рабочую силу, пригодную для новой эксплуатации со стороны капитала»[359].

---

356 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20. С. 321.

357 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 195.

358 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 30.

359 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 585.

Потребительное производство выводит на результат, связанный со всем спектром человеческих качеств, с развитием как потребностей, так и способностей человека. Если для перехода от труда к капиталу нужно иметь в качестве предпосылки товар, то для перехода от труда к человеку предпосылкой выступает сам человек — естественный носитель труда. Труд в качестве своего конечного результата в условиях производства, направленного непосредственно на создание потребительной стоимости продукта, полагает человека, а не стоимость. Следовательно, осуществляется не опосредствованный товаром (стоимостью) переход от труда к человеку.

Этот процесс не может быть объяснён трудовой теорией стоимости, которая часто считается единственной собственной теоретической базой политической экономии. Значение этой теории в познании социально-экономической жизни бесспорно, доказано исторической практикой. Вместе с тем существуют и её познавательные пределы, границы объясняемого ею исторического периода. Последней ступенью развития стоимостного отношения и основанного на стоимости производства, отмечал К. Маркс, является полагание общественного труда в форме наёмного труда[360]. Вызываемое научно-техническим прогрессом всё более растущее несоответствие между рабочим временем и производимым в его рамках действительным богатством (массой потребительных стоимостей) находится в явном противоречии с законом стоимости, требующим оценивать богатства в строгом соответствии с количеством общественно необходимых затрат труда. В условиях научно-технического прогресса рабочее время перестаёт быть мерой потребительной стоимости. Тем самым рушится производство, основанное на меновой стоимости.

Отказ от трудовой теории стоимости при объяснении социально-экономического развития новой формации воспринимается некоторыми теоретиками как ликвидация социально-экономической науки. Это, конечно, не так. Некоторые авторы считают, что проблема соизмерения действительного богатства и затрачиваемого на его производство времени может быть решена только

[360] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 212–213.

в соответствии с трудовой теорией стоимости, а всякий иной подход отождествляется с выходом за пределы теории вообще[361].

Нам представляется, что необходима разработка новой теоретической базы для этого соизмерения. В решении этой задачи заложены основные теоретические резервы, в том числе принципиально новые методы ускорения социально-экономического развития общества на основе активизации человеческого фактора. Границы развития производства, структура и темпы этого развития, определяемые теорией стоимости, известны и вряд ли могут вывести на принципиально новые решения. Для таких решений нужна новая теоретическая база, которой, как уже отмечалось, должна служить трудовая теория потребительной стоимости.

§ 3. Мера труда и мера потребления

а) Измерение затрат и результатов по условиям производства и потребления

Анализ состояния потребительной стоимости продукта и трудовых затрат необходимо дополнить ещё одним важным аспектом — соотношением меры труда и меры потребления, не получившим более или менее удовлетворительного исследования.

В этом анализе следует исходить из взаимосвязи двух полюсов — затрат и результатов: производство выступает как затраты труда; потребление — как результат реализации овеществлённого в продукте труда. Получается, что на стороне как затрат, так и результатов находится труд, хотя в одном случае в виде неопредмеченного, в другом — опредмеченного труда. Отсюда можно заключить, что затраты и результаты можно соизмерить на одной и той же основе — на основе труда и таким способом устанавливать соотношение между мерой труда и мерой потребления.

Вопрос, однако, решается не так-то просто. Его решение зависит от решения другого вопроса — существует ли равенство (тождество) между трудом, содержащимся в затратах, и трудом, содержащимся в результатах и реализуемом при потреблении.

---

[361] Общественная потребительная стоимость в системе производственных отношений коммунистического общества. С. 153.

Однозначного ответа здесь не может быть: в одном случае можно сказать «да», в другом — «нет». Всё зависит от того, что имеется в виду: затраты и результаты труда, производящего потребительную стоимость, или затраты и результаты труда, выраженные в меновой стоимости. Соответственно, по-разному будет выглядеть соизмерение труда и потребления, соотношение их мер.

Согласно трудовой теории стоимости общественно необходимые затраты труда равны труду, овеществлённому в стоимости его продукта (товара). Это равенство (эквивалентность) является краеугольным камнем трудовой теории стоимости. Применительно к труду и потреблению это означает, что мера труда и мера потребления тоже находятся в пределах их равенства. Потребление работника определяется стоимостью рабочей силы, выраженной в зарплате, и, следовательно, его мера будет соответствовать мере общественно необходимых затрат на воспроизводство этой рабочей силы. То же самое можно сказать о потреблении предпринимателя (работодателя): его потребление тоже определяется включённым в общественно необходимые затраты прибавочным трудом, выполненным работниками, и тем, в какой пропорции распределятся прибавочная стоимость на личное потребление, производственное потребление и накопление.

Если в рамках стоимостного отношения определение меры потребления затратами труда на воспроизводство рабочей силы выглядит вполне очевидным, то обратная зависимость меры труда от меры потребления не столь ясна и исследована. Более того, в теории предельной полезности труд вообще выведен из меры потребления, вместо него фигурируют субъективные предпочтения человека. Затраты труда низводятся к отрицательной полезности. Полезность же заработной платы приравнивается к предельной тягостности труда, в условиях которой за данную заработную плату уже никто не будет согласен работать. Дж. М. Кейнсу пришлось отказаться от основных постулатов неоклассиков (полезностных оценок), чтобы доказывать зависимость меры труда от потребления и ввести в качестве единицы измерения труд и выражающую его оплату. Он предложил при анализе функционирования экономической системы в целом строго ограничиваться двумя единицами измерения — единицей труда и единицей заработной платы. Однородность трудовой единицы

измерения должна устанавливаться пересчётом часа квалифицированного труда на час неквалифицированного труда в соответствии с соотношением между их оплатой[362].

В отечественной экономической науке взаимодействие труда и потребления наиболее основательно исследовано В. В. Новожиловым. Он, базируясь на трудовой теории стоимости, полагал, что затраты в экономике должны измеряться трудом и только трудом, хотя формы их трудового измерения не остаются неизменёнными. Учёт затрат посредством себестоимости, по его мнению, является неполным, поскольку из них выпадают затраты прибавочного труда, идущие на создание прибавочного продукта для общества. Кроме того, себестоимость должна дополняться затратами на капитальные вложения ($C+E_0K$, где C — себестоимость, E_0 — нормативный коэффициент эффективности капитальных вложений, K — капитальные вложения). В указанных случаях, как представляется, имеются в виду не действительные издержки производства, сводимые к труду, и не то, что рабочему «себе» в действительности стоят затраты как необходимого, так и прибавочного труда, а затраты с позиции работодателя, для которого издержками является только их часть, которую он оплатил. Прибавочный же труд, который остаётся работодателем неоплаченным, не включается в издержки, хотя для рабочего он так же стоит израсходованной силы, как и непосредственно оплаченный труд. Работодатель же результат, который он получил без оплаты, превращает в свои затраты и в свою прибыль.

Что касается измерения результатов производства, то В. В. Новожилов, настаивая на их измерении общественно необходимым трудом, в то же время предлагал необходимым считать лишь труд, соответствующий общественной потребности, спросу. Соответственно, результаты в стоимостном отношении должны измеряться модифицированной формой стоимости — ценами производства, образование которых предполагает введение в механизм их исчисления величины прибыли. С учётом этого обстоятельства он предложил формулу равенства (равновесия) между затратами и результатами труда:

---

[362] Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1978. С. 93, 96.

«Труд, необходимый по условиям производства } равен { труду, необходимому по условиям потребления»[363]

Из предложенного равенства, построенного по закону стоимости и модифицированного с учётом полезности результатов, следует, что мера труда и мера потребления должны соответствовать друг другу. Это соответствие производства потребностям осуществляется при равенстве потребительных оценок затратам труда. При этом именно затраты труда, а не максимизация функции общественной полезности или функции потребления должны быть взяты в качестве измерителя. «Все потребительские оценки как средств производства, так и предметов потребления выражаются в той же единице, в какой измеряются затраты общественного труда»[364].

Примат производства по отношению к потреблению при этом сохраняется: их равенство в конечном счёте обусловливается левой частью — затратами труда, необходимого по условиям производства, т. е. мера потребления ограничивается затратами труда на воспроизводство рабочей силы, хотя известно, что эти затраты зависят от свойств потребляемых жизненных средств, от их потребительной стоимости, что в данном случае не учитывается.

По-другому взаимодействуют труд и потребление в потребительностоимостном измерении. В том простом случае, когда каждый человек работал бы на удовлетворение своих непосредственных нужд, люди меру своего труда имели бы в объёме (мере) своих необходимых потребностей, выраженных в соответствующих производимых благах. Они трудились бы и производили не больше того, в чём они непосредственно бы нуждались: границы их потребления определяли бы границы их труда.

Однако потребительностоимостное измерение не сводится к простой смене местами меры труда и меры потребления: в одном случае трудом определяется мера потребления, в другом — мера

---

[363] Новожилов В. В. Проблемы измерения затрат и результатов при оптимальном планировании. М., 1967. С. 368.

[364] Новожилов В. В. Проблемы измерения затрат и результатов при оптимальном планировании. М., 1967. С. 369.

труда. В производстве, в котором целью является потребительная стоимость и возвышение потребностей, труд тоже кладётся в основу их измерения, но в ином качестве — как труд, создающий превосходящий затраты результат. Это значит, что соизмерение осуществляется не ***затраченным*** трудом, выраженным в стоимости, а ***высвобождаемым***, ***сэкономленным*** трудом, получаемым от реализации потребительной стоимости продукта. Соответственно, единицей измерения и соизмерения будет единица высвобождаемого труда (человеко-час, человеко-день, человеко-год). Тем самым преодолеваются ограниченности как затратной трудовой теории стоимости, так и субъективистской теории предельной полезности, исключающей труд из положительных измерителей полезности и заменяющей его субъективными оценками. В результате их преодоления и перехода на антизатратные позиции создаётся возможность измерять полезность объективным показателем — сэкономленным трудом.

Для этого необходимо, чтобы труд, находящийся на стороне производства, оценивался величиной его экономии (столько-то труда сэкономлено, не затрачено), которая проистекает из потребительной стоимости средств производства (техники), реализуемой в производительном их потреблении, в производстве. Таким же способом оценивается труд, оказывающийся на стороне потребления: потребление жизненных средств, реализация их потребительной стоимости позволяют работнику посредством повышения своей производительности тоже сэкономить труд в размерах, превышающих затраты прошлого труда на производство этих жизненных средств.

В итоге на стороне потребляемого результата, рассматриваемого как предмет и процесс производительного, так и личного потребления, оказывается сумма как затраченного, так и сэкономленного труда (две величины), а на стороне производства — только затраченный труд. Отсюда вывод: труд, необходимый по условиям потребления, не равен труду, необходимому по условиям производства, первый больше второго. Их равенство, предполагаемое законом трудовой стоимости, исчезает, заменяется неравенством, оно (равенство) возможно лишь при обмене меновых стоимостей. В условиях производства и потребления продукта как потребительной стоимости создаются возможность

и необходимость ***превышения*** меры потребления над мерой труда. Эта возможность предопределена уже тем, что время, требуемое для воспроизводства рабочей силы, зависит не от стоимости жизненных средств, нужных для этого воспроизводства, а от их потребительной стоимости. Именно её реализация в потреблении создаёт дополнительный запас рабочей силы, позволяющий сэкономить время необходимого труда и получить новые возможности для человеческого развития.

Предположим, что продукция работников земледельческого труда заключает в себе восемь часов необходимого труда каждого. По стоимости продукт каждого равен восьми часам затрат труда. Что же касается потребительной стоимости продукта, то в ней содержится дополнительный запас рабочей силы каждого, реализация которого позволила бы работать ещё дополнительно четыре часа, т. е. всего 12 часов. Этот запас своим источником имеет отчасти опыт и знания работника, отчасти природные силы (энергию солнца и др.). В случае реализации указанного дополнительного потенциального труда работник имел бы возможность свой труд ограничивать четырьмя часами, а остальное своё время считать своим нерабочим (свободным) временем, заполнить его другими видами деятельности. Если же он является наёмным работником, то его дополнительные четыре часа труда оказываются его прибавочным трудом, присвоенным работодателем. Соответственно, в значении стоимости этот труд входит в стоимость продукта. Однако как в первом, так и во втором случае источником экономии и прибавочного труда остаётся потребительная стоимость рабочей силы, в которой реализуется потребительная стоимость потребляемых благ.

В условиях производства, в котором господствовала бы потребительная стоимость, мера труда и мера потребления выглядели бы следующим образом:

1. Мера труда, необходимого по условиям производства, подпадает в зависимость от потребительной силы общества: общественные потребности обусловливают количество труда, которое общество должно отводить производству, чтобы воспроизводить человека и себя в расширяющихся масштабах развития.

2. Потребительная сила общества, мера потребления, в свою очередь, оказываются под определяющим влиянием

производительной силы труда, т. е. не продолжительности, а продуктивности труда.

3. Чем выше поднимается производительная сила труда, тем более мера потребительной силы общества будет превышать меру необходимого рабочего времени, что расширяет возможности лучшего удовлетворения потребностей общества и его развития.

4. Пропорциональность между производством и потреблением получает в качестве своей основы вместо тождества стоимости рабочей силы и необходимого времени её воспроизводства, пропорциональное превышение труда по условиям потребления над трудом по условиям производства.

5. Весь труд становится общественно необходимым как по условиям производства, так и по условиям потребления, и тем самым снимается противоположность необходимого и прибавочного рабочего времени как основы для существования наёмного труда и его эксплуатации.

6. Весь произведённый продукт переходит в собственность тех, кто его производит и кто на добровольных началах делится со всеми остальными, выполняющими другие функции, а также выделяет необходимые доли для всякого рода резервов и дополнительного развития производства.

б) Необходимый труд и рабочее время (рабочий день) по условиям потребления

Если исходить из производства, подчинённого созданию потребительной стоимости и удовлетворению человеческих потребностей, то нужно пересмотреть понятие и принципы установления ***необходимого труда*** и ***необходимого рабочего времени***, возникшие из условий производства стоимостей.

В. В. Новожиловым предложено понятие общественно необходимого труда растолковать не только с позиции трудовой теории стоимости, но и одновременно с учётом условий потребления, т. е. считать необходимым лишь тот труд, продукт которого соответствует потребностям общества и получает реализацию в потреблении. При этом сохраняется в качестве исходного определение необходимого труда как труда по условиям производства стоимости и стоимостного обмена. Что касается учёта

условий потребления, то этот момент считается дальнейшим развитием трудовой теории стоимости, что якобы не мог предвидеть К. Маркс[365].

Действительно, К. Маркс деление труда на необходимый и прибавочный, а также определение общественно необходимым трудом стоимости не считал вечными принципами. Но их преодоление он относил к производству, в котором господствует потребительная стоимость. Он полагал, что если снять с заработной платы, как и с прибавочной стоимости, как с необходимого труда, так и с прибавочного труда, специфически капиталистический характер, то останутся уже не эти формы, но лишь основы, общие всем общественным способам производства[366].

Такой общей основой является производство потребительной стоимости, в котором необходимый труд (необходимое рабочее время) приобретает иной смысл, чем в производстве стоимости: «для удовлетворения общественной потребности необходимо столько-то рабочего времени»[367], хотя это потребление учитывается и в производстве стоимости, ибо предпосылкой последней является потребительная стоимость товара.

Однако ограничение времени труда общественно необходимым его количеством обусловливается при производстве потребительной стоимости не стоимостью, а условиями потребления, ибо общество при данных условиях производства на такой-то продукт определённой потребительной стоимости может затратить лишь определённое количество времени из своего совокупного рабочего времени. Это предопределяется общим законом распределения труда между различными сферами согласно наличным потребностям в особых продуктах или услугах. Общие условия, диктуемые производством потребительной стоимости и её соответствием общественной потребности, не имеют отношения ни к прибыли, ни к ренте. Эти условия предполагают, во-первых, необходимость затрат производителями больше того времени, которое нужно для воспроизводства их собственной рабочей силы; во-вторых,

---

[365] Новожилов В. В. Проблемы измерения затрат и результатов при оптимальном планировании. М., 1967. С. 369.

[366] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II. С. 448.

[367] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II. С. 186.

они должны иметь материальные производительные средства и естественные ресурсы, позволяющие совершать прибавочный труд и иметь такую часть рабочего времени, которой бы хватало для их воспроизводства и самосохранения как производительных работников, т. е. чтобы производство необходимых им жизненных средств не поглощало потенциал всей их рабочей силы. Требуются, следовательно, определённое развитие общественной производительной силы труда и наличие определённых природных ресурсов, чтобы были возможны прибавочный труд и прибавочный продукт. При всём этом обязательным условием остаётся одно — производство должно быть производством потребительной стоимости, причём не только отдельного продукта, но и всей массы общественных продуктов. «Общественная потребность, т. е. потребительная стоимость в общественном масштабе, — вот что определяет здесь долю всего общественного рабочего времени, которая приходится на различные особые сферы производства. Но это — всё тот же закон, который обнаруживается уже по отношению к отдельному товару, а именно: что потребительная стоимость товара есть предпосылка его меновой стоимости, а потому и его стоимости»[368].

Этим законом, как было сказано, объясняющим превращение общественно необходимого труда из условий производства меновой стоимости в общественно необходимый труд по условиям производства потребительной стоимости, является закон разделения (распределения) труда, касающийся производства опять-таки потребительной стоимости. Речь идёт о распределении общественного труда между различными сферами пропорционально общественным потребностям в соответствующих различных потребительных стоимостях. Общественно необходимым здесь труд делается потому, что одни предметы потребления обмениваются на другие предметы потребления в количествах, определяемых потребностями их потребителей.

Очевидно, что эти потребности у каждого имеют пределы своей необходимости, большей или меньшей предпочитаемости. Однако общественно необходимое время труда для их удовлетворения устанавливается в зависимости от общественной потребительной стоимости предметов потребления и соответствующего ей

[368] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II. С. 186.

распределения общественного труда в пропорциях, адекватных общественным потребностям в тех или иных продуктах. Здесь имеется в виду не необходимая доля рабочего времени для производства того или иного отдельного продукта, а отношение совокупного количества рабочего времени в той или иной сфере производства к времени, затраченному на производство того или иного продукта. Именно с этой точки зрения необходимый труд и необходимое рабочее время приобретают другой смысл, отличный от условий производства меновой стоимости.

Механизм установления необходимого труда по условиям потребления предполагает вместо стоимостного обмена обмен потребительных стоимостей. Обмен одного продукта на другой в качестве потребительной стоимости означает, что один продукт возмещается другим в точно таком же количестве, в каком требуется в качестве предмета потребления для других производителей. Предложение со стороны производителя данного продукта равно его спросу на продукт другого производителя, с которым он обменивается продуктами. Процесс обмена продуктами определяется не тем, что они образуют стоимости, а тем, что они — предметы потребления: одни предметы потребления обмениваются на другие предметы потребления.

Этот обмен касается простого обращения предметов, т. е. потребительных стоимостей. В масштабах общества имеются иные механизмы этого обмена. О них можно судить по таблице Кенэ и по тому её анализу, который был неоднократно проделан К. Марксом, особенно с позиции обращения стоимости и потребительной стоимости, и согласно которой общественно необходимым трудом является земледельческий труд, годовой продукт которого составляет совокупный урожай. Им, соответственно, определяется воспроизводство самого общества и его основных классов: земледельцев, земельных собственников и промышленных работников.

Однако обращения к общим потребительностоимостным основам производства ещё недостаточно для обоснования зависимости величины рабочего времени от условий потребления. Главный аргумент здесь лежит в плоскости механизма действия закона экономии времени. Если исходить из потребительностоимостного принципа превосходства результатов труда над его затратами,

то следует признать, что возвышение потребления предполагает соответствующую экономию труда и рабочего времени, т. е. меру потребления можно выразить через меру экономии, высвобождения труда. Тогда необходимое рабочее время будет определяться вычетом сэкономленного рабочего времени и превращением последнего в свободное от материального производства время общества. Общественно необходимое свободное время, в свою очередь, становится границей общественно необходимого рабочего времени.

В доказательство сказанному ещё раз сошлёмся на расчёты полезного эффекта производства, выполненные в своё время профессорами В. С. Вечкановым и Г. С. Вечкановым. Согласно их расчётам, полезный эффект материального производства, выраженный в интегральном показателе физического объёма фонда потребления в расчёте на единицу рабочего времени, одновременно свидетельствует о соответствующей экономии труда и рабочего времени. В свою очередь, эта экономия находит своё интегральное материальное воплощение в приросте физического объёма фонда потребления.

Так, по данным авторов, в стране за 25 лет (с 1960 по 1985 г.) годовое производство фонда потребления увеличилось в расчёте на одного работника материального производства в 2,9 раза[369] (см. табл. 1).

Таблица 1. Динамика эффективности общественного производства в СССР

Показатели	1960 г.	1985 г.	Индекс показателей 1960–1985 гг.
Произведено совокупного общественного продукта (в ценах 1973 г.) в расчёте на одного работника (в руб.)	4 181	13 254	3,17
Удельный вес национального дохода в совокупном продукте	0,4333	0,4329	1,00
Удельный вес фонда потребления в национальном доходе	8 165	0,7460	9,4
Произведено фонда потребления в расчёте на одного работника (в руб.)	1 479	4 285	2,9

[369] Вечканов В. С., Вечканов Г. С. Ускорение и эффективность производства. Л., 1989. С. 151–152.

Что касается экономии труда, полученной в 1985 г. от повышения производительности труда по отношению к уровню его производительности в 1960 г., то она выразилась в экономии живого труда в количестве 207,2 млн годовых работников. Если учесть, что часть этой экономии была использована на дополнительные производственные накопления (26,2 млн чел.), а также на покрытие перерасхода потребляемого овеществлённого труда, то общее повышение экономии труда выразилось в количестве 181 млн годовых работников. Сравнивая эту сумму сэкономленного труда с числом занятых в материальном производстве в 1985 г., можно получить тот же самый искомый процент прироста общего уровня полезного эффекта производства, который был определён по показателю фонда потребления. В свою очередь, разделив сумму прироста физического объёма фонда потребления одним работником, отнесённым к 1960 г., можно узнать экономию живого труда, полученную от роста его производительности в 1985 г. В итоге авторами делается вполне обоснованный вывод: в показателе производства физического объёма фонда потребления в единицу рабочего времени «выражается экономия всего потребляемого и накопляемого труда, синтезируются все основные показатели экономической эффективности производства: трудоёмкость, материалоёмкость и фондоёмкость продукции. Этот показатель отражает рост объёмов производства жизненных благ для населения и увеличение свободного времени путём экономии общественного труда во всех видах производственной деятельности»[370].

Глава 12. Рабочее и свободное время общества

Было время, когда общество воспроизводило себя без общественного разделения деятельности на необходимый и прибавочный труд. Пока производительность труда не достигла определённого уровня, у работника не было более или менее значительного количества времени для прибавочного труда.

---

[370] Вечканов В. С., Вечканов Г. С. Ускорение и эффективность производства. Л., 1989. С. 152.

Общество воспроизводило себя в целом необходимым трудом всех своих трудоспособных членов без исключения. В предшествующих капитализму классовых общественно-экономических формациях, в которых преимущественное значение имела не меновая, а потребительная стоимость, прибавочный труд шёл на удовлетворение более или менее узкого круга потребностей[371].

С переходом от производства прибавочной стоимости к производству, имеющему целью развитие личности, т. е. когда место капиталиста занимает непосредственный производитель, во имя которого организуется производство, механизмом воспроизводства общества становятся уменьшение всего рабочего времени, отдаваемого материальному производству, и увеличение свободного времени общества, используемого за пределами этого производства. Время деятельности вне материального производства является свободным временем общества, т. е. временем, «которое не поглощается непосредственно производительным трудом, а остаётся свободным для удовольствий, для досуга, в результате чего откроется простор для свободной деятельности и развития»[372]. По К. Марксу, царство свободы по своей природе находится по другую сторону собственно материального производства, целью которого является развитие человеческих сил, хотя это царство может расцвести лишь на материальном производстве как на своём базисе[373]. В этом смысле будет рассматриваться свободное время в дальнейшем, т. е. с позиций его общественной определённости, а не как нерегламентируемое время отдельного лица.

Переход воспроизводства членов общества на новую социально-экономическую основу предполагает уничтожение специфически антагонистического отношения между необходимым и прибавочным трудом. В результате прибавочный в общеэкономическом смысле продукт выступает необходимым продуктом, что обеспечивает каждому человеку время для других видов деятельности[374].

На удовлетворение всех наличных потребностей общества идёт всё рабочее время, отдаваемое материальному производству как

---

371 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 247, 520.

372 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III. С. 264.

373 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II. С. 386–387.

374 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 111.

необходимое; таким же будет продукт материального производства. Однако в необходимом рабочем времени можно выделить часть, идущую на удовлетворение потребностей первой необходимости, и часть, превышающую время, нужное для воспроизводства способности к труду и удовлетворения обычных, жизненных потребностей производителей. Если, с одной стороны, свести заработную плату рабочего к её общей основе, т. е. к той части продукта собственного труда, которая нужна для индивидуального потребления, освободить последнее от стоимостных ограничений и довести до объёма, достаточного для полного развития личности рабочего, а с другой стороны, если свести прибавочный труд и прибавочный продукт до размеров, необходимых для образования фонда, используемого в целях расширения производства и страхования общества от всяких бедствий, то останутся общие основы деления отдаваемого материальному производству рабочего времени. Они присущи всем общественным способам производства. Прибавочная часть в целом необходимого рабочего времени состоит, следовательно, из времени, расходуемого на воспроизводство средств производства и создание резервного (страхового) фонда, и времени, которое производительные работники должны затрачивать в пользу ещё или уже неработоспособных членов общества[375]. Время, затрачиваемое на содержание неработоспособных членов общества, связано с удовлетворением потребностей не первого, а второго порядка необходимости.

Наличие общих основ деления рабочего времени не означает, однако, что каждое общество не вносит в него свою специфику. Результат труда, который в условиях капитализма присваивается господствующим классом в интересах собственного развития и создаётся прибавочным трудом рабочего, в других условиях может расходоваться на развитие непосредственных производителей и создаётся необходимым трудом. В этом смысле общеэкономически понятый прибавочный труд превращается в необходимый. «Устранение капиталистической формы производства позволит, — по мнению К. Маркса, — ограничить рабочий день необходимым трудом. Однако необходимый труд, при прочих равных условиях, должен всё же расширить свои рамки. С одной

[375] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II. С. 448.

стороны, потому, что условия жизни рабочего должны стать богаче, его жизненные потребности должны возрасти. С другой стороны, пришлось бы причислить к необходимому труду часть теперешнего прибавочного труда, именно тот труд, который требуется для образования общественного фонда резервов и общественного фонда накопления»[376]. Следовательно, этот прибавочный труд в общеэкономическом смысле должен быть отнесён к необходимому труду.

Законно возникает вопрос: что же тогда займёт место специфически прибавочного труда? В научной литературе нет достаточно ясного ответа на этот вопрос. Чаще обращаются к общеисторическому толкованию прибавочного труда (фонд накопления и резервы) и рассматривают его как парную категорию необходимого труда и продукта. На мой взгляд, вопрос надо решать по-другому.

Прибавочное рабочее время сменяется внерабочим, свободным временем. Оно уже не входит в состав труда работника, занятого в материальном производстве. Но оно возникает за счёт сокращения этого труда, причём всего, а не только его необходимой части. Производительный труд, создающий условия жизни и развития общества, уменьшаясь, увеличивает время для другой деятельности. Результат материального производства, следовательно, — это не только фонд благосостояния, но и приращение свободного времени.

В данной главе основное внимание уделяется анализу производства свободного времени, а не росту благосостояния. Но это не означает, что увеличение свободного времени не ведёт к росту благосостояния членов общества как основы их деятельности, свободной от материального производства. Именно в социальной сфере реализуются результаты производительной деятельности, воплощаются высшие цели и ценности общества.

Улучшение условий жизни, когда создаются возможности для расширения творческих способностей личности, для её умственного и физического развития, должно сопровождаться соответствующим ростом свободного времени общества. Это время не просто одно из благ, а скорее пространство, в котором

---

376 Это положение К. Маркса, сформулированное в «Капитале», очень редко используется в современной литературе. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 539.

реализуются условия жизни и осуществляется развитие человека. Производство, продолженное за известные пределы, когда решаются задачи полного удовлетворения жизненных потребностей, становится процессом созидания этого пространства для развития личности, не теряя, конечно, значения материального базиса свободного времени.

§ 1. Производство свободного времени

Свободное время образуется иначе, чем прибавочное рабочее время. Если последнее составляет часть рабочего времени и может увеличиваться за счёт сокращения его необходимой части или удлинения всего рабочего времени, то свободное время с самого начала выходит за пределы всего рабочего времени общества. Это, конечно, не исключает его зависимости от продолжительности рабочего времени: оно возрастает за счёт сокращения рабочего времени общества. В условиях коллективного производства чем меньше времени общество будет тратить на производство пшеницы, скота и т. д., тем больше времени у него окажется для другого производства, для собственного всестороннего развития, потребления и социальной деятельности[377].

Как же создаётся свободное время? Оно возникает не как особое социальное благо параллельно с фондом потребления или после того, как произведён этот фонд. Общество, создавая продукт за меньшее количество рабочего времени, тем самым экономит свой производительный труд. Каждый раз, когда повышается производительность труда, на производство нужного объёма продукции и покрытие общественных потребностей общество тратит меньше времени, чем до повышения. Тем самым из сферы материального производства высвобождается определённое количество труда, которое нужно было затратить, если бы развитие производительных сил осталось на старом уровне. Высвобождаемое, или сэкономленное, таким образом рабочее время превращается во внерабочее время лиц, которые не нужны материальному производству.

---

[377] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 116–117.

Произведём небольшой расчёт и покажем механизм превращения сберегаемого труда в деятельность, свободную от материального производства (табл. 2).

Таблица 2. Динамика деятельности населения вне материального производства

Показатели	1965 г.	1985 г.	Прирост в 1985 г. к 1965 г.
Население (млн чел.)	232,2	276,3	44,1
Численность работников, занятых в народном хозяйстве (млн чел.)	95,5	130,3	34,8
Численность работников, занятых в отраслях материального производства (млн чел.)	76,2	95,5	19,3
Численность работников, занятых в непроизводственных отраслях (млн чел.)	19,3	34,8	15,5
Незанятое в народном хозяйстве население (млн чел.)	136,7	146,0	9,3

Рассчитано по: СССР в цифрах в 1982 году. М., 1983. С. 7, 131, 162, 163; Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987. С. 411.

Из таблицы видно, что в 1965 г. один работник материального производства за счёт роста производительности труда высвобождал для деятельности в непроизводственной сфере 0,25 работника (19,3 : 76,2 = 0,25), т. е. четыре работника производственной сферы высвобождали одного работника для деятельности в непроизводственных отраслях народного хозяйства. Для обеспечения занятых в непроизводственной сфере 19,3 млн человек надо было иметь сэкономленного в материальном производстве труда в сумме 77,2 млн годовых работников (19,3 × 4 = 77,2), или дополнительно к занятым в материальном производстве 76,2 млн человек занять ещё 77,2 млн человек.

Иначе обстояло дело через двадцать лет. Поскольку производительность труда выросла, то в 1985 г. один работник материального производства высвобождал для деятельности в отраслях непроизводственной сферы уже больше труда — 0,36 работника (34,8 : 95,5 = 0,36), т. е. примерно три (а не четыре) работника материального производства высвобождали одного работника для деятельности в непроизводственной сфере. Соответственно в 1985 г. в деятельность работников этой сферы было превращено сэкономленного в материальном производстве труда, равного

труду 96,7 млн годовых работников (34,8 × 2,78). Из расчётов, проведённых другими авторами, известно, что в 1980 г. была получена экономия живого труда в количестве 96,1 млн годовых работников[378], т. е. примерно столько же, сколько мы получили по упрощённому расчёту.

Чтобы обеспечить деятельность 34,8 млн работников, занятых в непроизводственной сфере в 1985 г., нужно было (при сохранении уровня производительности труда 1965 г.) иметь сэкономленного труда в сумме 139,2 млн годовых работников (34,8 × 4 = 139,2). Поскольку производительность труда поднялась, и в 1985 г. каждые три работника материального производства высвобождали для непроизводственной сферы одного работника, то было высвобождено дополнительно 42,5 млн годовых работников для того, чтобы вовлечь в непроизводственную сферу ещё реальных 15,5 млн человек. Всего сэкономлено гораздо больше. Высвобождаемое рабочее время не полностью используется в деятельности работников непроизводственной сферы. Определённая его часть идёт на то, чтобы освободить от участия в материальном производстве учащихся, нетрудоспособное взрослое население и другие категории лиц. Так, увеличение на 9,3 млн человек численности незанятого населения в 1985 г. по сравнению с 1965 г. надо было возместить: сэкономить труд ещё 18,9 млн годовых работников.

Из приведённых расчётов видно, как производится время, необходимое для свободной от материального производства деятельности: труд, сэкономленный в материальном производстве, может превращаться в другие формы деятельности. С этой точки зрения свободное время является сбережённым рабочим временем общества. Сэкономленное рабочее время, даже когда речь идёт об условном высвобождении труда, ***не пропадает***, оно лишь приобретает новую форму — форму свободного времени общества.

Сэкономленный труд не воплощается в продукте материального производства. Этим сэкономленное рабочее время существенно отличается от прибавочного рабочего времени, которое возникает из сокращения необходимой части рабочего времени

---

[378] Эффективность производства и её слагаемые / Отв. ред. В. С. Вечканов. Л., 1983. С. 80.

(а не из экономии рабочего времени вообще), обязательно является рабочим временем и воплощается в продукте (прибавочном) материального производства. Прибавочный труд — это труд, затраченный, потреблённый в материальном производстве, сэкономленный — труд не потреблённый, не затраченный в нём. Следовательно, сэкономленный, высвобожденный труд не идёт на производство фонда потребления для работников непроизводственной сферы: учителей, врачей, управленцев и т. д. Их жизненный фонд, материальные условия их развития создаются не сэкономленным, а израсходованным трудом — потреблённым рабочим временем.

Свободное время не создаётся в форме прибавочного времени и прибавочного продукта, обеспечивающих деятельность работников непроизводственной сферы. Труд врачей, учителей и других работников, оказывающих услуги работникам материального производства, не входит ни в необходимое, ни в прибавочное рабочее время общества. Из рабочего, в том числе прибавочного, времени лишь тогда можно получить свободное время, когда оно не затрачивается, не реализуется в продукте производства, а сберегается, экономится. Этим создаётся возможность обществу часть своих членов не направлять в сферу материального производства или уменьшать рабочее время занятых в нём работников и высвобождать время для другой деятельности, т. е. создавать свободное, внерабочее время[379].

Рассмотрение воспроизводства общества и человека в плоскости взаимодействия свободного и рабочего времени вместо плоскости «необходимое рабочее время — прибавочное рабочее время» требует введения ряда дополнительных определений и категорий. Обычно воспроизводство общественного продукта характеризуется в пропорциях необходимого и прибавочного рабочего времени и соответственно необходимого и прибавочного продукта. Для этой цели определяется норма прибавочного продукта, рассчитывается её динамика, т. е. изменение соотношения двух частей стоимости вновь созданного продукта, что обусловлено

[379] Во внерабочее время обычно включают кроме свободного ещё и время, затрачиваемое на удовлетворение естественных потребностей. Специально этот вопрос здесь не обсуждается, данные категории берутся как однопорядковые.

«фактом разделения стоимости вновь созданного продукта на необходимый и прибавочный»[380]. Отдельные авторы полагают, что суждение К. Маркса об измерении степени богатства общества не абсолютной величиной продукта, а относительной величиной прибавочного продукта имеет общеэкономическое значение[381].

Степень богатства социалистического общества обычно характеризуется ростом нормы прибавочного продукта (табл. 3).

Таблица 3. Рост прибавочного продукта в СССР за период с 1959 по 1972 г.

Годы	Национальный доход (млрд руб.)	Необходимый продукт (млрд руб.)	Прибавочный продукт (млрд руб.)	Норма прибавочного продукта (%)
1959	136,2	82,8	53,4	64,4
1966	207,4	128,6	78,8	61,2
1972	313,6	186,3	128,3	68,8

Источник: Ситарян С. А. Распределительные отношения и эффективность производства. М., 1980. С. 270.

В 1932 г. пропорции необходимого и рабочего времени в составе рабочего дня в СССР составляли соответственно — 4,07 и 3,03 (норма прибавочного времени 74%), в 1977 г. — 3,16 и 3,77 (норма прибавочного времени 119%)[382]. В этих расчётах отражена лишь динамика рабочего времени, реализованного

---

[380] Ситарян С. А. Распределительные отношения и эффективность производства. М., 1980. С. 263. Автор считает ошибочным отказ от показателя нормы прибавочного продукта при социализме. Другие авторы используют термин «прибавочная стоимость» (см.: Вопросы экономики. 1986. №1. С. 57).

[381] Ситарян С. А. Распределительные отношения и эффективность производства. М., 1980. С. 263. К. Маркс, конечно, имел в виду капитализм, что видно из текста и примечания к нему, если привести их полностью: «Как производство прибавочной стоимости есть определяющая цель капиталистического производства, так и степень богатства измеряется не абсолютной величиной продукта, а относительной величиной прибавочного продукта» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 240). В добавлении к примечанию К. Маркс приводит слова Т. Гопкинса, который считал странной сильную склонность изображать чистый продукт как нечто благотворное для рабочего класса (см.: там же. С. 241).

[382] Збарский М. И. Социально-экономические проблемы рабочего дня при социализме. М., 1978. С. 46–47.

в материальном продукте. Экономия рабочего времени не учитывается. Более того, заранее предполагается, что продолжительность рабочего дня остаётся на прежнем уровне, масса рабочего времени общества увеличивается, но свободного времени у непосредственных производителей не прибавляется: у них может расти фонд потребления материальных благ, но не время деятельности, свободной от материального производства.

Для выражения богатства общества в форме свободного времени нужно, на наш взгляд, вместо затратного измерителя материального богатства ввести измеритель другого рода — ***норму свободного времени***, выражаемую отношением свободного времени общества к его рабочему времени. Динамика нормы свободного времени в её элементарной форме обнаруживается в изменении пропорций производительного и непроизводительного труда, и занятых в отраслях материального производства и в непроизводственных отраслях. (Об изменении этих пропорций в СССР за 30 лет см. табл. 4).

Таблица 4. Распределение населения, занятого в народном хозяйстве, по отраслям материального производства и непроизводственным отраслям (%)

Население	1950 г.	1980 г.
Всего занято в народном хозяйстве	100	100
В отраслях материального производства	86,2	74,1
В непроизводственных отраслях	13,8	25,9

Из таблицы видно, что время деятельности, свободной от материального производства, за 30 лет в стране увеличилась почти в два раза. Больше населения было привлечено к деятельности в области науки, искусства, просвещения и в других сферах. При такой ситуации, по словам К. Маркса, «страна тем богаче, чем меньше, при одном и том же количестве продуктов, производительное население по отношению к непроизводительному. Ведь относительная малочисленность производительного населения была бы только другим выражением относительной высоты производительности труда»[383].

[383] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I. С. 215.

Время, принадлежащее занятым в непроизводственной сфере, можно принять за величину основной части свободного времени общества, а его рост — за увеличение массы этого времени. Так, в 1980 г. в отраслях непроизводственной сферы было занято 32,8 млн человек, т. е. почти в два раза больше, чем в 1950 г. В двенадцатой пятилетке весь прирост занятых в народном хозяйстве предполагалось получить только за счёт непроизводственной сферы, а увеличение объёмов материального производства обеспечивать практически без привлечения дополнительной рабочей силы в производственную сферу.

§ 2. Экономия рабочего и увеличение свободного времени общества

Экономия рабочего времени, будучи основным способом производства свободного времени и расширенного производства общества, является одним из основных социально-экономических способов развития общества, в котором производство подчинено созданию потребительной стоимости. «...Экономия времени, равно как и планомерное распределение рабочего времени по различным отраслям производства, остаётся первым экономическим законом на основе коллективного производства. Это становится законом даже в гораздо более высокой степени»[384]. Этот закон пока ещё недостаточно используется при объяснении воспроизводственных процессов и в практике социального развития. «Рисуя научную схему системы экономических законов, действующих при социализме, — заметил в своё время В. Н. Кашин, — некоторые учёные вообще „обходятся“ без указанного закона»[385].

---

[384] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 117.

[385] Кашин В. Н. Познание и использование экономических законов при социализме. М., 1975. С. 76. Этот закон не просто экономический, но и «первый социологический закон функционирования и развития социализма и коммунизма... Сбережение, экономия рабочего времени, увеличение времени свободного, рациональное, на пользу человека и общества его использование является, — отмечал В. Г. Афанасьев, — и сутью, и главным направлением интенсификации социалистического производства, прогресса общества в целом» (Правда. 1985. 11 янв.).

Это объясняется опять-таки тем, что предметом исследования берётся воспроизводство общественного продукта, в котором воплощается лишь рабочее время общества. При этом принимается, что его количество увеличивается соответственно росту численности занятых в материальном производстве. Экономия рабочего времени исчезает и из последствий действия закона роста производительности труда, поскольку производительность, рассчитываемая по заводскому методу, выражает больше динамику стоимостного результата труда, чем его экономию. Валовые показатели требовали не уменьшения, а увеличения затрат рабочего времени, порождали затратный метод оценки результатов производства. В этих условиях об экономии труда говорилось мало, а если ставился вопрос об экономии материальных затрат, то речь шла чаще всего о затраченном прошлом труде, воздействующем на изменение стоимостной структуры продукта. Действительная же экономия труда или выглядела как нечто условное, за которым не оказывалось реального содержания, или рассчитывалась для отчётов.

Между тем именно эта экономия, как уже говорилось, вызывала реальное увеличение свободного времени общества, ускоряла его социальное развитие. Она обусловливается ростом производительности труда, но в другом её измерении. Так, в двенадцатой пятилетке (1985–1990 гг.) для достижения запланированного объёма прироста национального дохода в 19–22% по отношению к 1985 г. без увеличения производительности труда понадобилось бы дополнительно свыше 22 млн человек. Действительный прирост трудовых ресурсов за этот период составил лишь 3,2 млн человек, причём почти все они были направлены в сферу образования, здравоохранения и другие социально-культурные отрасли. Высвобождаемые из материального производства за счёт увеличения производительности труда 22 млн, казалось бы, условных производительных работников на деле дали возможность освободить от участия в материальном производстве и занять в непроизводственной сфере 3,2 млн работников. Произошла, следовательно, абсолютная экономия рабочего времени в материальном производстве.

Этим создавалась принципиально новая ситуация: если раньше воспроизводство общества и человека предполагало превращение

сэкономленного необходимого рабочего времени в прибавочное рабочее время без существенного сокращения рабочего дня, то теперь открывалась возможность поставить его в зависимость от абсолютного сокращения рабочего дня в материальном производстве. Это два социально-экономических способа получения свободного времени: первый создаёт относительное свободное время общества, второй — абсолютное; в первом случае можно говорить о формальном подчинении производства всестороннему развитию личности, во втором — о реальном его подчинении. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Если экономится лишь необходимая часть рабочего времени и за счёт этого увеличивается его прибавочная часть, то посредством такой экономии создаётся прибавочный продукт, который большей частью идёт на материальное обеспечение деятельности высвобождаемых работников для непроизводственной сферы. Поскольку общество может в значительных размерах высвобождать труд из сферы материального производства, то этим оно увеличивает время для других видов деятельности. В рамках рабочего времени работниками материального производства создаётся продукт для высвобожденной части работников непроизводственной сферы, но прибавочное время занятых в материальном производстве не превращается ещё в их собственное свободное время или превращается в таковое в небольших размерах. Обществу долгое время приходится пользоваться относительно свободным временем, т. е. экономию рабочего времени опосредствовать увеличением прибавочного времени. Иначе пока невозможно было обеспечивать существование освобождённых от участия в материальном производстве работников. Общество для этого вынуждено было сохранять на значительный период общую продолжительность рабочего дня или осуществлять небольшие его сокращения. Так, средняя продолжительность рабочей недели в промышленности СССР уменьшилась на 18 часов — с 58,5 (1913 г.) до 40,5 часа (1986 г.)[386].

Недостаточный уровень производительности труда ещё не позволяет обществу увеличивать свободное время за счёт сокращения всего времени в материальном производстве,

[386] Народное хозяйство СССР за 70 лет. С. 426.

а вынуждает использовать для этого лишь сокращение необходимой части этого времени, чтобы за счёт прибавочного продукта предоставлять другим время для свободной от производства деятельности, обеспечивать существование лиц, не участвующих непосредственно в производстве потребительных стоимостей. От прибавочного труда не работающие в материальном производстве получали двоякий результат: во-первых, это материальные условия жизни в виде участия в потреблении прибавочного продукта, производимого рабочими сверх того продукта, который идёт на воспроизводство их собственной рабочей силы; во-вторых, свободное время, которое могло ими использоваться для осуществления деятельности, не являющейся непосредственно производительной. К такому времени, например, относится время для воинской деятельности, государственного управления или для развития человеческих способностей (искусство, наука, и т. д.), т. е. время, не поглощённое непосредственным производством средств существования. С этой точки зрения производство прибавочного рабочего времени одной частью общества является производством свободного времени для другой его части, следовательно, человеческое развитие в той мере, в какой оно выходит за рамки развития, необходимого лишь для естественного существования людей, состоит исключительно в использовании этого свободного времени[387].

Данная форма производства свободного времени и его использования для развития человека основана на классовом разделении труда: развитие рабочего человека ограничено рамками воспроизводства его собственной рабочей силы. Свободное время неработающей (производительно) части общества основывается на том, что рабочие всё своё время, т. е. всё «пространство» для своего развития, должны затрачивать исключительно на производство определённых потребительных стоимостей. Следовательно, «развитие человеческих способностей на одной стороне базируется на тех барьерах, которые поставлены развитию на другой стороне. На этом антагонизме базируется вся существовавшая до сих пор цивилизация и всё общественное развитие»[388].

---

387 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 47. С. 211–213.

388 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 47. С. 211.

Может создаться впечатление, что другого способа общественного развития и воспроизводства свободного времени не существует. Противоположность рабочего и свободного времени, их распределение между разными частями населения многими теоретиками выдаются за естественную, вечную основу цивилизации. Экономисты, заметил К. Маркс, любят рассматривать отношение между рабочим и свободным временем капиталистического общества как естественное отношение или божественное установление[389]. Этому в определённой мере способствует абсолютизация общеисторических различий необходимого и прибавочного продукта, общей зависимости прибавочного продукта от производительности труда, что позволяет прибавочный продукт рассматривать вне стоимостной формы, а рабочее время считать необходимым для производства потребительной, а не меновой стоимости. Если, например, два квартера пшеницы являются продуктом того же количества времени, которое раньше реализовывалось в одном квартере, то стоимость этих двух квартеров не будет большей, чем прежнего одного квартера. В то же время при сохранении производительности труда на одном и том же уровне два часа труда дают большую массу потребительных стоимостей, чем один час[390]. Не получая дополнительной стоимости, можно, следовательно, увеличить неработающую часть населения.

Свободное время имеет своей предпосылкой не только прибавочный продукт, расходуемый на жизненные средства не работающих в производстве членов общества, но и создаваемую ростом производительности труда возможность производить весь продукт меньшим количеством производительного труда, с тем чтобы увеличивать массу незанятых в материальном производстве лиц. Это означает, что классы общества, время которых не поглощено материальным производством, должны быть как можно более многочисленными по сравнению с теми классами, время которых почти целиком поглощено материальным производством. Д. Рикардо, например, этим хотел сказать, что необходимо, чтобы на рабство труда обрекалась возможно меньшая часть населения. Это, по словам К. Маркса, есть самое большее

389 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 47. С. 256.

390 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 47. С. 212.

из того, до чего добираются представители буржуазной точки зрения[391]. Пролетарские противники идеологов буржуазии с самого начала не приняли этой точки зрения. Прекрасным назвал К. Маркс их тезис: «Нация по-настоящему богата лишь тогда, когда вместо 12 часов работают 6 часов. ***Богатство***» (реальное богатство) «представляет собой не распоряжение прибавочным рабочим временем, а ***такое время, которым можно свободно располагать*** за пределами времени, затрачиваемого на непосредственное производство, — свободное время для ***каждого индивида*** и всего общества»[392].

Работа в течение шести часов вместо 12 предполагает, по мнению К. Маркса, что не существует ни прибавочного продукта, ни прибавочного труда, что работать должны все трудоспособные члены общества. Тогда отпадёт противоположность между работающими в материальном производстве и занятыми другими формами деятельности вне его: все члены общества за шесть часов работы произведут необходимое изобилие продуктов (больше, чем за 12 часов) и вместе с тем все будут иметь шесть часов времени, которым они смогут свободно располагать, т. е. будут иметь время для удовольствий, досуга и собственного развития, участвуя в разных формах деятельности.

В соединении рабочего и свободного времени в деятельности одних и тех же членов общества следует видеть способ преодоления социальных различий между необходимым и прибавочным трудом, существенное средство абсолютной экономии рабочего времени. При данной интенсивности и производительной силе труда часть общественного рабочего дня, необходимая для материального производства, будет тем короче, чем равномернее распределён труд между всеми работоспособными членами общества, чем меньше возможность «для одного общественного слоя сбросить с себя и возложить на другой общественный слой естественную необходимость труда. С этой стороны абсолютной границей для сокращения рабочего дня является всеобщность труда»[393]. Данный социальный способ сокращения рабочего

---

391 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III. С. 265.

392 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 215.

393 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 539.

времени в материальном производстве, т. е. всеобщность производительного труда, предполагает увеличение времени, остающегося для свободной умственной и общественной деятельности каждого индивида. Здесь начинается, отмечал К. Маркс, развитие человеческих сил, которое становится самоцелью, утверждается истинное царство свободы. Но это царство может установиться лишь на базе материального производства, и основным условием для этого является сокращение рабочего дня[394] в материальном производстве, т. е. уменьшение рабочего времени каждого работоспособного члена общества.

С сокращения рабочего дня начинается абсолютная экономия рабочего времени и производство абсолютного свободного времени как времени, принадлежащего непосредственным производителям. Последнее увеличивается не при всякой экономии рабочего времени, а лишь тогда, когда сокращается рабочий день в материальном производстве. Закон экономии времени, как первый закон коллективного производства, по существу предполагает экономию рабочего времени, взятого вне его стоимостной структуры, т. е. экономию не необходимого рабочего времени ради увеличения прибавочного труда, а всего рабочего времени как необходимого, взятого по отношению к наличным потребностям общества.

К. Маркс разъясняет, что такое время существенно отличается от того рабочего времени, которым измеряются меновые стоимости. Если развитие производительных сил привело бы к уменьшению абсолютного числа рабочих, т. е. в действительности дало бы возможность всей нации совершать производство в более короткое время, то большинство населения оказалось бы ненужным для материального производства. «Абсолютное излишнее время, выигрываемое обществом, не интересует капиталистическое производство»[395]. Развитие производительной силы труда здесь нужно лишь постольку, поскольку оно увеличивает прибавочное рабочее время рабочего класса, но не потому что оно вообще сокращает рабочее время в материальном производстве.

Закон экономии времени на базе коллективного производства имеет своим главным результатом сокращение рабочего

---

394 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II. С. 387.

395 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I. С. 289.

дня в материальном производстве. В той мере, в какой возникают условия для производства материального продукта в более короткое время, создаётся возможность сокращать рабочий день и увеличивать свободное время непосредственных производителей. Крупное производство, машины, железные дороги, писал В. И. Ленин, дают тысячи возможностей сократить вчетверо рабочее время организованных рабочих, обеспечивая им вчетверо больше благосостояния, чем теперь[396]. Он полагал, что новое общество может возникнуть лишь как сеть производственно-потребительских коллективов, добросовестно учитывающих своё производство и своё потребление, экономящих труд, повышающих его производительность и обеспечивающих этим возможность сокращать рабочий день до семи, шести часов в сутки и ещё меньше[397]. Не случайно переход к социализму при всех экономических трудностях сопровождался сокращением рабочего дня — установлением восьмичасового рабочего дня как максимального рабочего времени.

Пока нет экономических условий, необходимого уровня производительности труда, трудно сократить рабочий день в материальном производстве. Но это не значит, что данная проблема не может возникнуть и стать актуальной. Пока, конечно, экономия труда в материальном производстве, получаемая за счёт роста производительности труда, в своей значительной части превращается в свободное время работников непроизводственной сферы, расходуется на образование подрастающего поколения и другие виды социальной и культурной деятельности. Но по мере насыщения этой сферы соответствующими работниками создаются новые возможности для превращения высвобождаемого (сэкономленного) в материальном производстве рабочего времени в дополнительное свободное время каждого производительного работника, т. е. для реального подчинения производства развитию каждого члена общества, когда во всё больших масштабах индивидуальное развитие каждого становится условием развития всего общества. Создаются определённые возможности и для применения собственно социальных средств решения данной задачи.

---

396 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24. С. 371.

397 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36. С. 185.

Так, в результате научно-технического прогресса численность занятых в материальном производстве практически не будет расти, что позволит значительно увеличить число работников непроизводственной сферы. Возникнет ситуация, при которой одна половина занятых работает в материальном производстве, а другая — в непроизводственной сфере. Можно предположить, что, возложив производительный труд на плечи всего трудоспособного населения, можно сократить рабочий день в материальном производстве наполовину, довести до 20 часов в неделю и настолько же увеличить свободное время всех. Получается, таким образом, уже не «шесть часов физической работы для каждого взрослого гражданина ежедневно и четыре часа работы по управлению государством»[398], а четыре часа производительного труда и четыре часа регламентированной работы в непроизводственной сфере в каждый из пяти дней недели.

Возможна и более благоприятная ситуация. Производительность труда может повыситься настолько, что в материальном производстве вместо ⅔ населения будет непосредственно участвовать всего ⅓. Если раньше ⅔ населения доставляли жизненные средства для ⅔ населения, то в последующем — ⅓. При отсутствии социального разделения труда между различными классами и слоями общество могло бы употребить на непосредственное производство ⅓ своего времени вместо прежних ⅔, и, таким образом, все имели бы больше времени (⅔) для непроизводительного труда и досуга[399]. Французский социолог Ж. Эллюль считает первейшей целью установление двухчасовой ежедневной работы[400].

Всеобщий производительный труд и предоставление всем одинаково большего количества свободного времени могли казаться выполнимой задачей. Предложенный К. Марксом в «Критике Готской программы» принцип распределения общественного продукта, находящегося в распоряжении всего общества, по трудовому вкладу в его производство, предполагает участие в создании продукта каждого трудоспособного в качестве производительного работника. Непроизводительные, но необходимые функции,

---

398 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36. С. 141.

399 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I. С. 205.

400 Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 150.

конечно, останутся, но расходы на их выполнение особой, освобождённой от материального производства частью общества будут покрываться за счёт фонда, созданного производительным трудом, до тех пор, пока будет существовать социальное разделение указанных видов труда. «В обществе с обязательным для всех производительным трудом, — а ведь такое общество также „мыслимо“, — это (социальное разделение труда. — ***В. Я. Ельмеев***), — по мнению Ф. Энгельса, — отпадает»[401].

Необходимость в общественном резервном фонде и в фонде накопления, конечно, останется и в этом случае. Ф. Энгельс полагал, что их производство будет возложено на всех трудоспособных членов общества и критиковал Родбертуса, который под предлогом необходимости «урезать трудовой доход» доказывал вечность бюрократического аппарата. Ф. Энгельс отмечал, что представители утопической теории рабочих денег не исключали расходов на экономически непроизводительные функции за счёт общего, всем принадлежащего продукта труда. Её сторонники считали, что сами рабочие в обычном демократическом порядке должны облагать себя налогом для этой цели. Родбертус же передавал «всё дело на усмотрение бюрократии, которая сверху определяет и милостиво выдаёт рабочему его долю из его собственного продукта»[402].

В. И. Ленин предполагал, что каждый трудящийся должен бесплатно выполнять государственные обязанности по отбытии им восьмичасового урока производительной работы. Переход к этому он считал трудным делом, но только в этом переходе он видел залог окончательного упрочения нового общества[403]. Задача по увеличению свободного времени непосредственных производителей путём вовлечения в материальное производство как можно большей части трудоспособного населения оказалась в то время трудной и невыполнимой. Очевидно, что сэкономленное в материальном производстве рабочее время не удалось превратить в свободное время непосредственных производителей и потому, что значительно расширившиеся в своё время управленческие

401 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21. С. 191.

402 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21. С. 192.

403 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36. С. 294.

функции выполнялись не в порядке самоуправления и потребовали десятки миллионов работников, занятых в управлении обществом, хозяйством[404].

Однако главным средством производства свободного времени остаётся создание соответствующей материально-технической базы, кардинальное повышение производительности труда. Речь идёт не просто об уровне материально-технической базы, но и о её новой социальной направленности, о новых социальных границах, в рамках которых экономия рабочего времени будет реально служить всестороннему развитию личности, которое одновременно становится главным показателем общественного прогресса, а свободное время — его мерилом.

Глава 13. Потребление как накопление. Воспроизводство трудового потенциала и социального богатства общества

Общественный процесс производства, рассматриваемый в постоянном потоке своего возобновления, одновременно выступает и процессом воспроизводства, а условия производства — условиями воспроизводства. Воспроизводству подлежат прежде всего расходуемые средства производства. Каждый раз общество часть произведённого продукта превращает в средства производства и элементы нового производства. Ни одно общество не может обходиться без этого, хотя в разных формациях расширенное воспроизводство совершается по специфическим законам и в разных масштабах.

Вопросам накопления и воспроизводства общественного продукта уделяется достаточное внимание в литературе, если не сказать больше: накопление вещного богатства, особенно производственных фондов, составляет почти единственный предмет

---

[404] Только в сфере экономического управления было занято свыше 15 млн человек (см.: Симчера В. Подбор, расстановка и использование кадров управления // Вопросы экономики. 1977. №2. С. 95). Во всём аппарате управления занято 18 млн. человек (см.: Правда. 1987. 30 июля. С. 1). В современной России численность занятых в сфере управления превысила это количество в 2,5 раза.

анализа и противопоставляется индивидуальному потреблению как процессу, не имеющему отношения к накоплению или являющемуся минусом по отношению к накоплению. Это объясняется той же причиной, о которой уже говорилось, — сведением содержания производства к процессу создания вещей, а в стоимостном отношении — к овеществлённой стоимости. Очевидно, что если стоимость в этой форме расходуется при индивидуальном человеческом потреблении, то она накапливаться не может, она перестаёт существовать, уничтожается. В отличие от такого подхода в данной главе, согласно поставленной задаче, накопление и расширенное воспроизводство рассматриваются применительно к индивидуальному потреблению и человеку как результату воспроизводственного процесса, с одной стороны, и к обществу в целом как общему, конечному его результату — с другой. В литературе человек, как говорилось, пока ещё в большинстве случаев не признаётся результатом производства, хотя к результатам воспроизводственного процесса его уже относят[405]. Правда, он выступает главным образом в виде рабочей силы, поскольку в рамках стоимостного отношения производится именно она: стоимость жизненных средств в потреблении рабочего не исчезает, а превращается в стоимость рабочей силы, но не больше. Однако в условиях, когда рабочая сила перестаёт быть товаром и выступать как стоимость, предполагается иное объяснение воспроизводства человека как производительной силы и иная оценка роли потребления в воспроизводственном процессе. Вопрос должен быть поставлен так: как включить индивидуальное человеческое потребление в общую схему воспроизводства и представить его стороной, если не содержанием, процесса накопления общественного богатства?

В работах по вопросам воспроизводства (теория воспроизводства пока является монополией экономистов) трудно обнаружить и воспроизводство производственных отношений, в лучшем случае упоминается о том, что эти отношения тоже должны воспроизводиться. Это означает, что производственные отношения (тем более

[405] Так, встречается утверждение, что человек в принципе может быть отнесён к результатам воспроизводства, но не производства. В 1986 г. в программу по политической экономии социализма была впервые включена тема «Всестороннее развитие личности — обобщающий результат социалистического воспроизводства».

общество в целом) ещё в меньшей мере, чем человек, включаются в общий воспроизводственный процесс и рассматриваются как его результат. Если обратиться к конечным результатам воспроизводства или экономического развития, о чём пишется достаточно много, то производственных отношений и человека мы там не обнаружим[406].

§ 1. Потребление как накопление социального богатства

Необходимость непрерывного воспроизводства средств производства и накопления общественного продукта очевидна. Неясна, однако, роль потребления в накоплении: обычно последнее связывается с производством продукта, а не с индивидуальным потреблением. Не случайно, поэтому, индивидуальное потребление как деятельность в непроизводственной сфере не включается в известные схемы воспроизводства совокупного общественного продукта, в воспроизводственный процесс в целом. Некоторые авторы считают, например, что В. И. Ленин в схемах воспроизводства, касающихся коммунистического способа производства, абстрагируется от непроизводственной сферы, а из фонда потребления берёт лишь продукт, идущий на индивидуальное потребление работников производственной сферы[407]. Есть суждения,

---

406 См., например: Экономический строй социализма. М., 1984. Т. II. С. 400–405; Социалистическое воспроизводство: Динамизм и результативность. М., 1983.

407 Бадер В. А. В. И. Ленин о структуре и воспроизводстве совокупного общественного продукта при социализме // Тезисы выступлений на республиканской научно-теоретической конференции «Политико-экономические проблемы социалистического воспроизводства». Киев, 1981. С. 18. В действительных схемах воспроизводства, предложенных В. И. Лениным для анализа процессов накопления при социализме, потребление фигурирует в качестве их обязательного и наиболее существенного момента. В. И. Ленин, употребляя понятие «потребление рабочих», не ограничивал потребление в воспроизводственной системе только фондом потребления работников производственной сферы. Он исходил из того, что новая общественно-экономическая формация предполагает всеобщее участие в производительном труде и фонд индивидуального потребления охватывает процессы воспроизводства во всех сферах общественной жизни и, следовательно, всех членов общества.

в которых хотя и признаётся неправомерность исключения непроизводственной сферы из воспроизводственного процесса, но утверждается, что К. Маркс «при анализе реализации совокупного продукта абстрагировался от наличия в обществе непроизводственной сферы»[408].

Если потребление, пусть даже частично, в форме условия воспроизводства рабочей силы, включается в воспроизводственный процесс, то из процесса накопления оно почти всегда исключается. Сложилась традиция, согласно которой накопление, как сторона воспроизводства, связывается исключительно с увеличением вещественного богатства и противопоставляется потреблению по формуле: одна часть продукта используется для накопления, другая — для потребления. Богатство, или результаты производства, могут накапливаться вроде бы только в вещественной форме.

Без признания «накопительной» функции потребления нельзя понять расширенное воспроизводство социального, поскольку в этом случае само производство опять-таки низводится до уровня производства вещи, т. е. отрицается главный его результат — расширенное воспроизводство тех или иных общественных отношений и их носителя — человека. Очень важно поэтому представить потребление необходимым звеном как воспроизводства, так и накопления, причём придать потреблению основную роль в накоплении социального богатства, а человека представить не просто рабочей силой, а развивающейся в пространстве свободного времени личностью. Для этого надо более решительно переводить воспроизводство человека с основы, ограниченной присвоением лишь необходимого продукта, на основу, позволяющую передать в фонд личного потребления весь тот продукт, который присваивается господствующими классами и имеет форму прибавочного продукта, используемого в целях потребления.

Прежде всего хотелось бы подчеркнуть, что К. Маркс никогда не исключал потребление из сферы воспроизводства общества и рассматривал его способом накопления главного

---

[408] Краснокутская Е. И. К вопросу о схеме и условиях реализации совокупного продукта в период развитого социализма // Тезисы выступлений на республиканской научно-теоретической конференции «Политико-экономические проблемы социалистического воспроизводства». Киев, 1981. С. 23.

богатства общества. Об этом свидетельствует отношение К. Маркса к высказываниям по этому поводу пролетарских противников буржуазных политэкономов, в частности Т. Годскина[409]. К. Маркс признал правильным его суждение относительно того, что накопление есть по существу накопление производительной силы самого человеческого труда, что накопление научной силы, мастерства, знаний самих рабочих является основным накоплением, несравнимо более важным, чем отражающее его накопление объективных условий труда. Степень искусности населения К. Маркс считал предпосылкой совокупного производства, главным накоплением богатства, важнейшим сохранённым результатом предшествующего труда.

Действительно, единственная вещь, о которой можно сказать, что она накапливается и не исчезает, — это искусство труда. Но это уже не вещь, а социальное богатство. Из предшествующих эпох почти никаких материальных производительных сил, используемых сегодня в производстве, не сохранилось. Но сохранилась, преумножилась (и в этом смысле накопилась социально) способность человека к труду и вместе с нею воспроизводится всё в более развитом виде он сам. Это обстоятельство и позволило К. Марксу согласиться с Т. Годскином в том, что предметный момент производства, вещественное богатство чрезвычайно незначительны по сравнению с живым процессом труда и обладают ценностью лишь как его момент, а сами по себе никакой ценности не имеют. Соответственно, всё вещественное богатство оказывается лишь постоянно исчезающим элементом в потоке совокупного производства[410].

---

[409] О важности этих суждений пишет венгерский философ А. Агг, отмечая недостаточное внимание к ним в настоящее время. Говоря также о высказанном Ф. Энгельсом сожалении по поводу забвения вклада пролетарских противников буржуазных политэкономов, он замечал, что «в наше время для подобного сожаления причин ещё больше, ибо с течением десятилетий оказались оттеснёнными не только роль и значение социальных рикардианцев, но всё более предаются забвению и сами принципы „человеческого богатства“, „времени, находящегося в собственном распоряжении“, и „человеческого накопления“...» (Агг А. Мир человека как субъекта производства. М., 1984. С. 187).

[410] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III. С. 276, 286, 290, 306.

Если рассматривать общество в целом, то, по словам К. Маркса, «в качестве конечного результата общественного процесса производства всегда выступает само общество, т. е. сам человек в его общественных отношениях. Всё, что имеет прочную форму, как, например, продукт и т. д., выступает в этом движении лишь как момент, как мимолётный момент... Условия и предметные воплощения процесса производства сами в одинаковой мере являются его моментами, а в качестве его субъектов выступают только индивиды, но индивиды в их взаимоотношениях, которые они как воспроизводят, так и производят заново»[411].

Экономисты-классики выводили личностное потребление за рамки накопления прежде всего потому, что речь шла о накоплении капитала, имеющего форму овеществлённого труда. По отношению к живому труду они представляли накопление в виде простого потребления продукта производительными рабочими, т. е. в виде превращения переменного капитала в рабочую силу. Всякое другое потребление с этой точки зрения никакого отношения к накоплению не имеет. «Не может накоплять тот, кто проедает весь свой доход вместо того, чтобы добрую долю его расходовать для найма добавочных производительных рабочих, дающих больше, чем они стоят»[412]. Накопленным богатством в этих условиях может считаться лишь то, что изымается из сферы потребления.

Из стоимостного отношения трудно вывести признание главным богатством общества накопление способности к труду. Стоимость потребляемых рабочим жизненных средств не увеличивает

---

411 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 222.

412 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 602. Современные буржуазные идеологи пытаются представить покупку рабочей силы своего рода «вложением» в «человеческий» капитал, что является якобы его накоплением. Подобные «выходы» из тупика в своё время предвидел К. Маркс, имея в виду попытку Дж. Ст. Милля представить рабочего капиталистом. «С таким же точно правом, — писал он, — Милль мог бы сказать, что рабочий, ссужающий самого себя не только жизненными средствами, но и средствами труда, является в действительности своим собственным наёмным рабочим» (там же. С. 526). И далее К. Маркс заключает: «На плоской равнине всякая кочка кажется холмом; плоскость современной буржуазной мысли лучше всего измеряется калибром её „великих мыслителей“» (там же. С. 527).

стоимость самой рабочей силы, ибо здесь происходит обмен эквивалентов: из одной и той же стоимости не возникает большей стоимости. Поэтому накопление может возникать только из труда и приобретает форму овеществлённого труда — капитала, что предполагает превращение полученной прибавочной стоимости обратно в капитал. Стоимостная концепция накопления заставляет обращаться к прибавочному продукту, с тем, чтобы объяснить возможность накопления вообще. Однако потребляется ли только необходимый продукт, или ещё и часть прибавочного продукта, из потребляемой совокупной стоимости большей стоимости опять-таки не получить.

Другое дело, если речь идёт о потребительной стоимости продуктов или о дополнительной их массе, выходящей за пределы объёма жизненных средств, необходимых для обеспечения простого существования человека. Накопление человеческих сил возможно только на этой основе. Поэтому можно утверждать, что расширенное воспроизводство и саморазвитие индивида необходимым условием имеют растущую массу и улучшение качества предметов потребления, обусловленные повышением производительности труда. Если при капитализме расширенное воспроизводство квалифицированной рабочей силы завершается необходимым продуктом, то в условиях социализма оно должно с этого начинаться. Производимый рабочими излишек должен «служить для удовлетворения потребностей самих рабочих, для полного развития всех их способностей и равноправного пользования всеми приобретениями науки и искусства»[413].

Накопление посредством индивидуального потребления прибавочного продукта во многом определяется теми пропорциями, которые складываются между материально-вещественным и невещественным накоплением. Следует согласиться с авторами, которые полагают, что оптимальным будет такое их соотношение, при котором обеспечивается максимум фонда потребления[414]. Более предпочтительным для социалистического общества является рост национального дохода при меньшей доле в нём

---

[413] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2. С. 97.

[414] Эффективность производства и её слагаемые / Отв. ред. В. С. Вечканов. Л., 1983. С. 39.

производственного накопления по сравнению с потребительным накоплением. Вместе с тем надо иметь в виду, что с переходом от воспроизводства капитала к воспроизводству богатства в форме развитого во всех отношениях индивида неизбежно перестраивается весь строй воспроизводственного процесса, вступают в силу новые законы накопления. Для этого необходим и высокий уровень развития производительных сил.

Расширенное воспроизводство, или накопление потребительного фонда, в случае если оно совершается в условиях сохраняющегося соотношения живого и овеществлённого труда в системе материального производства (органическое строение производства не изменяется), предполагает, что фонд индивидуального потребления расширяется одновременно с увеличением масштабов производственного накопления. И всё же специфика законов потребительного накопления связана не с ростом прибавочного продукта для целей производительного накопления, а с экономией рабочего и увеличением свободного времени общества. Поскольку общество освобождается от такого последствия роста органического строения производства, каким является резервная армия труда (безработица), то постоянное уменьшение доли живого труда в общественном продукте по сравнению с овеществлённым трудом не ведёт к соответствующему уменьшению потребительного фонда.

Но такой вывод можно сделать, если не придерживаться закона стоимости как единственного регулятора производства. Если же рассуждать исходя из этого закона, то уменьшающемуся в материальном производстве количеству живого труда должны соответствовать также сокращающиеся объёмы рабочего фонда, поскольку он производится для уменьшающейся массы живого труда. Первое подразделение общественного производства по мере научно-технического прогресса должно неимоверно возрасти, а второе — производство жизненных средств — упасть до самых минимальных размеров.

К такому выводу в своё время пришла Р. Люксембург. «Формула $C>V$, — писала она, — будучи переведена с капиталистического языка на язык общественного процесса труда, означает не более как следующее: чем выше производительность человеческого труда, тем короче то время, в течение которого данное

количество средств производства превращается в готовый продукт. Это — всеобщий закон человеческого труда, он имеет силу и при всех докапиталистических формах производства и будет иметь силу в будущем, при социалистическом общественном строе. Выраженный в вещественной потребительной форме совокупного общественного продукта, этот закон должен проявляться во всё более возрастающем применении общественного рабочего времени на производство средств производства по сравнению с производством средств потребления. В социалистически организованном и планомерно руководимом общественном хозяйстве этот процесс должен был бы продвигаться вперёд ещё быстрее, чем в современном капиталистическом обществе»[415].

В. И. Ленин не согласился с приведённым суждением Р. Люксембург, особенно с той его частью, где говорится о неизбежном сокращении фонда потребления рабочих по сравнению с фондом производительного накопления. В составленных В. И. Лениным схемах воспроизводства предусмотрен громадный рост «потребления рабочих», причём в значительной мере за счёт того «прибавочного» продукта, который раньше превращался в капитал. Если за 200 лет капитализма доля потребления рабочих во вновь произведённой стоимости составила всего 33%, то за 100 лет социализма она достигнет 67%[416].

Чисто стоимостная схема выражения структуры совокупного продукта неизбежно искажает соотношение производительного и потребительного накопления. Последнее имеет специфические законы своего движения, учитывающие первенство удовлетворения потребностей и их определяющее влияние на объёмы производительного накопления. В конечном счёте, в условиях нового общества воспроизводственные схемы должны строиться, как представляется, исходя из приоритета накопления потребительного фонда как определяющего фактора накопления человеческого, субъективного богатства, и соответственно на роль первого подразделения общественного производства, на мой взгляд, может быть выдвинуто производство средств потребления. В отношении общества в целом должны прежде всего

---

415 Цит. по: Ленинский сборник. XXXVIII. М., 1975. С. 92.

416 Ленинский сборник. XXXVIII. М., 1975. С. 91.

учитываться пропорции, определяющие соотношение свободного и рабочего времени.

Накопление в процессе потребления, точнее посредством индивидуального потребления, представляет предпосылку и условие расширенного воспроизводства основного отношения по поводу развития самих людей, а не по поводу лишь производства материальных благ. Проблема не в том, чтобы движение потребительного фонда рассматривать в системе общественных отношений, а в том, чтобы представить последние результатом общественного воспроизводства вместе с определённым фондом потребления и человеком в качестве потребителя.

Вновь отметим, что об общественных отношениях как результате воспроизводства и о самом процессе их воспроизводства пока написано очень мало, и не только философами (например, для обоснования материалистического понимания развития общества), но и политэкономами. На словах, как уже отмечалось, обычно признаётся, что процесс воспроизводства в широком смысле охватывает все стороны существования и развития социалистического общества, т. е. отношения между людьми, членами общества, производственные отношения и производительные силы[417]. На деле же обычно ограничиваются анализом расширенного воспроизводства лишь материальных производительных сил, общественного продукта, т. е. общественного богатства.

§ 2. Развитая личность — главное социальное богатство общества

Воспроизводство отношения по поводу производства самого человека делает последнего конечным пунктом общественного производства. Ещё в ранних произведениях К. Маркс писал, что в будущем обществе на место экономического, стоимостного, политэкономического богатства и политико-экономической нищеты приходит богатый человек и богатая человеческая

[417] Хачатуров Т. С. Социалистическое расширенное воспроизводство. М., 1971. С. 3.

потребность[418]. Имея в виду будущее общество, он полагал, что его богатством будет универсальность потребностей, способностей человека, средств потребления и производительных сил. Выдвижение на первый план социальной (а не вещественной) формы богатства — самого человека, не означает отрицания значения вещественного богатства. Последнее в виде возможностей самого труда или предметов, служащих для удовлетворения естественных или других потребностей, представляется общим для всех формаций.

В учении о богатстве общества К. Маркс поддержал Т. Годскина и других представителей политической экономии труда. Они выступали против буржуазных экономистов как Пиндаров капитала, выдвигающих на первый план предметные элементы производства и богатства. Вещественное богатство, восхваляемое капиталистическим воззрением, является лишь быстро исчезающим моментом совокупного производства. Объективный мир, мир материальных благ, отступает на задний план как всего лишь исчезающее и вновь возникающее проявление деятельности общественно производящих людей, а истинным богатством является человек[419].

К. Маркс, указывая на некоторую недооценку Годскином значения прошлого труда, выразил согласие с его оценкой роли человека, особенно применительно к будущему обществу. В понимании К. Маркса развитие человека с точки зрения непосредственного процесса производства «можно рассматривать как производство ***основного капитала***, причём этим основным капиталом является сам человек»[420] и соответственно богатством — развитая производительная сила всех индивидов. Тем самым снимается первенство и самостоятельность вещественной формы богатства по отношению к человеку. Его труд как источник богатства выступает одновременно как всеобщая возможность богатства. Всё то, что не является результатом человеческой деятельности, есть природа и в качестве таковой не есть социальное богатство. По К. Марксу, человек как главное социальное богатство

---

418 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42. С. 125.

419 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III. С. 276, 285.

420 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. II. С. 217, 221.

выступает необходимым результатом воспроизводства. С этой точки зрения развитие общественных отношений по поводу места и роли самого человека предстаёт как смена следующих основных исторических форм и ступеней: первая ступень — отношения личной зависимости; вторая ступень — личная независимость, основанная на вещной зависимости; третья ступень — свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и превращении их коллективной, общественной производительности в общественное достояние[421].

Задача политической экономии труда — представить человека основной формой богатства общества, обобщающим результатом всего общественного воспроизводства. Нельзя сказать, что такую необходимость обществоведы не признают или отрицают. Например, М. С. Кукушкин в своё время писал, что «трудящийся человек является главным богатством нового общества»[422].

Необходимо перестроить теорию воспроизводства, т. е. преобразовать её таким образом, чтобы в системе воспроизводства фигурировал человек в качестве его начала и результата. Пока же предусматривается лишь «складируемое» богатство. Национальное богатство социалистического общества, сказано в коллективном труде по воспроизводству, охватывает все материальные, предметно воплощённые средства производства, предметы потребления и средства удовлетворения нехозяйственных нужд, имеющихся в наличии на определённую дату, как искусственного, так и природного происхождения, поскольку их наличие и объём существенно влияют на условия и издержки производства и полноценного потребления[423]. Отнесение людей к богатству общества уничтожает якобы грани между предметами, входящими в производство и потребление, и обществом, деятельность членов которого лишь сообщает этим предметам значение богатства. Однако сами люди при этом подходе таковыми не являются. Стоимостное

---

421 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 100–101.

422 Кукушкин М. С. Народный доход: К вопросу об основном экономическом законе социализма. Л., 1965. С. 9–10.

423 Экономический строй социализма: В 3-х т. Т. 2: Социалистическое расширенное воспроизводство: Закономерности, интенсификация, эффективность / Ред. колл.: Е. И. Капустин и др. М., 1984. С. 412.

определение богатства тоже не позволяет выйти на человека, поскольку труд не обладает стоимостью. Не годятся и концепции, объясняющие развитие рабочей силы вложениями в «человеческий капитал», которые приносят такой же доход рабочему, какой имеет капиталист от вложений в вещный капитал.

К. Маркс в своё время назвал вздорными попытки представить рабочую силу в качестве капитала рабочего. Труд для рабочего, т. е. его рабочая сила представляет собой только имеющуюся у него меновую стоимость. По отношению к рабочему его труд в этих условиях не является потребительной стоимостью как таковой и не служит поэтому для него производящей богатство силой, средством обогащения или обогащающей деятельностью, т. е. не делает рабочего капиталистом. Полезность, потребительная стоимость его труда в этом случае ограничивается тем, что рабочий может продать свою рабочую силу как меновую стоимость, которая никак не определяется потребительной стоимостью труда.

То, что обмен капитала на рабочую силу позволяет капиталисту извлечь из потребления рабочей силы, живого труда прибавочную стоимость (капитал), это бесспорно. Но это не значит, что эта стоимость возникает из обмена капитала на рабочую силу, из того, что капиталист вкладывает капитал для оплаты рабочей силы. Вложения капитала как оплаты труда не создают новой стоимости, здесь происходит лишь обмен эквивалентов. Эти вложения не могут заменить живой труд, посредством которого происходит производительное потребление купленной рабочей силы. Он как раз и исключается из формулы «инвестиций в человека», «производства человеческого капитала». Этим создаётся видимость того, что рабочая сила в качестве товара создаётся капиталом. На самом деле рабочий сам своим трудом воспроизводит свою рабочую силу.

Не будет производством капитала и процесс потребления рабочим жизненных средств и средств развития (знаний, умений и т. д.), получаемых им в обмен на рабочую силу. В этом потребительном производстве рабочий безусловно воспроизводит и развивает свои жизненные силы, способности к труду. Это делает он прежде всего сам, но может получать услуги от других лиц в обмен на свою зарплату. Как в первом, так и во втором случае

никакой новой меновой стоимости и тем более капитала не создаётся. Здесь воспроизводится и создаётся новая потребительная стоимость рабочей силы (труда).

Поскольку механизм и законы этого процесса воспроизводства потребительной стоимости рабочей силы в отличие от воспроизводства её стоимости не выявлены и не получили научной разработки, то ничего другого не остаётся, как воспользоваться известной стоимостной парадигмой: в затраты включить обычные инвестиции капитала, а в результаты — товарный труд, стоимость товара «рабочая сила», покупка и использование которой как труда приносят хозяину дополнительный капитал. К этому и сводится смысл теории производства «человеческого капитала», т. е. обычного капитала из живого труда.

Чтобы реабилитировать капитал, прикрыть его эксплуататорскую сущность, капиталом стали называть всё что угодно. Под маской капитала ныне фигурируют капиталы: «человеческий», «социальный», «интеллектуальный», «символический», и т. д., и т. п. Почти все люди, даже матери и дети после 3-х лет, объявлены обладателями капитала. У тех, кто живёт за счёт пенсии, оказывается, имеется свой «пенсионный» капитал. Нет среди всех этих «капиталов» только капитала по определению, т. е. прибавочной стоимости, извлекаемой из наёмного труда, и нет в составе субъектов «человеческого капитала» настоящих капиталистов, присваивающих результаты чужого труда. Они своим капиталом считают не свои способности к труду, не этот «человеческий капитал», а совсем другой, настоящий капитал — стоимость своего предприятия, свою прибыль, извлекаемую из труда наёмных работников. Об этом капитале общество не информируется.

Отечественные экономисты, выступающие с критикой этой теории, вместе с тем полагают, что в потребительном производстве вполне может создаваться новая стоимость. «Признав сферу создания и воссоздания живых творческих сил человека особым видом производства, — пишет В. С. Гойло, — мы обязаны рассматривать его как самое настоящее производство и опираться на теорию трудовой стоимости»[424]. Согласно этой теории,

[424] Гойло В. С. Современные буржуазные теории воспроизводства рабочей силы. М., 1975. С. 207.

способности к труду определяются всеми общественно необходимыми затратами на их создание и воссоздание. В таком случае они будут составлять не что иное, как стоимость рабочей силы (как и всякого другого товара). Там же, где имеется стоимость, неизбежно возникает вроде бы и капитал, в том числе и «человеческий». Для этого достаточно расширить понятие производительного труда так, чтобы деятельность по формированию и развитию способностей к труду (рабочей силы) объявить производительной, а вытекающий отсюда рост производительности труда посчитать источником стоимости и результатом различных видов капиталовложений, в том числе и инвестиций в человека[425].

На деле не производительность труда, а прибавочный труд создаёт соответствующую прибавочную стоимость. Когда К. Маркс писал о производстве человека как основного капитала за счёт сбережения рабочего времени, то он имел в виду развитие человека как основной, главной, величайшей производительной силы, обратно воздействующей на производительность труда, т. е. у него речь шла о потребительностоимостной категории. «С точки зрения непосредственного процесса, — писал он, — сбережение рабочего времени можно рассматривать как производство ***основного капитала***, причём этим основным капиталом является сам человек»[426].

Научное понимание воспроизводства человека как истинного богатства общества невозможно без соответствующей теории, учитывающей природу данного вида богатства. Если его стоимостная форма объясняется трудовой теорией стоимости, то когда речь идёт о человеке, его воспроизводстве, такая теория «не работает». Приходится обращаться к новой общей теоретической базе, каковой служит ***трудовая теория потребительной стоимости.***

Оперируя категорией потребительной стоимости в рамках трудовой теории, К. Маркс утверждал, что потребительная стоимость рабочей силы, её действительное потребление есть сам труд. Специфическую потребительную стоимость для капитала образует, однако, не определённый полезный характер труда и не особые полезные свойства его продукта. Потребительная

---

425 Марцинкевич В. И., Соболева И. В. Экономика человека. М., 1995. С. 170.

426 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 221.

стоимость труда связана с созданием им меновой стоимости, причём дело не в том, что этот труд представляет определённое количество всеобщего труда, а в том, что он «представляет ***большее*** количество абстрактного труда, чем то, которое ***содержится*** в цене труда, т. е. в ***стоимости рабочей силы***»[427]. Это замечание К. Маркса имеет важное методологическое значение для трудовой теории потребительной стоимости. Потребительную стоимость рабочей силы Маркс понимает, как общественную форму, а не как способность производить полезные вещи и представлять определённое количество труда. Она выступает общественным отношением, влияющим на движение труда, изменение его структуры и пропорций.

Трудовая теория потребительной стоимости особенно важна для объяснения процесса воспроизводства человека. Необходимо, как представляется, прежде всего общий закон движения потребительной стоимости представить законом всего процесса воспроизводства. Попытки такого рода в современной литературе предпринимались, но они не сопровождались разработкой теории воспроизводства на этом общем основании. Практика всё более нуждается в опоре на закон потребительной стоимости как на общий и самый простой принцип функционирования производства, направленного на непосредственное удовлетворение человеческих потребностей, воспроизводство человека как богатой личности.

На базе трудовой теории потребительной стоимости возможно создание хозяйственного механизма реального ускорения социально-экономического развития общества, целью которого является лучшее удовлетворение потребностей трудящихся. Практическая реализация этой цели зависит прежде всего от того, насколько вся система показателей, экономических рычагов сможет обеспечить господствующую роль потребительной стоимости. Их направленность на создание более высокой потребительной стоимости предполагает постоянно растущее замещение живого труда, создание основы для увеличения свободного времени общества и человека. В этой области имеются безграничные возможности для ускорения и развития. Исследование такого

[427] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I. С. 409.

рода процессов с точки зрения воспроизводства главного социального богатства — человека является серьёзной научной задачей, не получившей ещё своего решения. Разработка такой теории способствовала бы преодолению ряда серьёзных противоречий, существующих как в политэкономической науке, так и в практике.

В рамках трудовой теории потребительной стоимости получает решение задача соизмерения потребительных стоимостей, которая казалась неразрешимой вне стоимостного критерия. Оказывается, что высвобождаемый, сэкономленный труд служит не менее надёжным объективным соизмерителем потребительных стоимостей, чем его затраты — соизмерителем стоимостей. Тем самым преодолевается одна из главных теоретических преград, вставших на пути экономической науки. Из-за наличия этой преграды в своё время возник маржинализм с его отказом от объективного метода и уходом в субъективизм. Маржинализм не сумел преодолеть трудовую теорию стоимости, и вынужден был в лице «Экономикса» пойти на компромисс с ней. Стоимость, в свою очередь, стала распространяться на всё то, что не имеет стоимости, но обладает свойством полезности. Продаются дети, человеческое тело, голоса депутатов и избирателей, властные полномочия и т. п. Рабочая сила объявляется человеческим капиталам, человеческий ум — продаваемой интеллектуальной собственностью. Реальная экономика вытесняется мнимой, виртуальной. Становится очевидным, что в этих условиях надеяться на помощь стоимостных механизмов в строительстве социализма было бесполезно. Более того, этим можно лишь опошлить социалистическую перспективу.

Потребительностоимостным принципом превосходства результатов труда над его затратами решается проблема действительной экономической и социальной эффективности. В рамках закона стоимости результат должен быть равным затратам. Единственным эффектом в этих рамках может быть лишь увеличение прибавочной стоимости за счёт соответствующего уменьшения стоимости необходимого продукта. Благосостояние одних может быть улучшено при таком же ухудшении благосостояния других (эффективность по Парето), что подтверждается увеличивающимся разрывом жизненного уровня богатых и бедных. Их соотношение в мире достигает соотношения 1 к 74.

Теория потребительной стоимости, делая сэкономленный, высвобожденный труд, положительную разницу между ним и затраченным трудом критерием эффективности, а отрицательную — отсутствием эффективности, тем самым трудовой критерий органически связывает с так называемым индексом человеческого развития, предложенным ООН, хотя в нём исходным остаётся ВВП на душу населения в стоимостном измерении.

Вывод из сказанного будет следующим. Решение названных и других проблем предполагает разработку в качестве политической экономии в широком её значении политической экономии труда, базирующейся на трудовой теории потребительной стоимости. Эту задачу не мог в своё время выполнить К. Маркс, хотя её предвидел.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Общество никак не сможет прийти в равновесие, пока не станет вращаться вокруг солнца труда.

К. Маркс

Именно в труде, и только в труде, велик человек.

М. Горький

Раздел V

ТРУД — ОСНОВА ВОСПРОИЗВОДСТВА ОБЩЕСТВА

Объяснить, как формируются и воспроизводятся те или иные общественные отношения, а также общество в целом — одна из центральных задач общественной науки. Её решение применительно к обществу связано не только с дальнейшим развитием научной политической экономии в условиях новой общественной эпохи, но и с разработкой центральных проблем общественной теории на современном этапе развития. Раскрыть пути и способы расширенного воспроизводства общественных отношений — значит, по существу, ответить на наиболее важный вопрос — как вывести из труда и трудовых отношений соответствующие общественные формы, а не только и не просто с помощью анализа находить их технологическую основу. Посредством труда воспроизводится не только сам труд, но и само общество, общественные отношения.

Исследование общества с точки зрения его производства и воспроизводства связано, по глубокому убеждению автора, с разработкой методологических принципов построения научной политической экономии и с новым этапом её дальнейшего развития, т. е. с необходимостью создания её концептуальной системы на основе трудовой теории воспроизводства. В последнее время учёными[428] предложены различные теоретические схемы как для

[428] Алиев У. Ж. Теоретическая экономика: общедисциплинарная модель. Алматы, 2001. С. 6.

анализа общей структуры политэкономии[429], так и для изучения более или менее частных её вопросов. По мнению автора, воспроизводственный подход к обществу может быть использован для решения многих проблем. При таком подходе научное понимание общества предстаёт учением, объясняющим не только генезис общественных процессов, но и раскрывающим способы создания новых общественных форм и показывающим, как возводится общественное здание, из какого «материала» и каким образом строятся его отдельные этажи.

В своё время имели место утверждения, что материалистическое понимание истории якобы выявляет лишь функциональные зависимости между общественным бытием и общественным сознанием, базисом и надстройкой, но не объясняет возникновения одного из другого, процесса создания общественных форм. Это понимание, являясь общей методологией, позволяет якобы вскрыть лишь необходимую обоюдную связь между экономической сферой жизни людей и их идеологической, культурной деятельностью. У К. Маркса вроде бы нигде не шла речь о том, что экономика творит социальные и идеологические явления, что последние есть продукт экономики, т. е., согласно этой интерпретации, общественное бытие только функционально воздействует на социальные и идеологические явления, но не порождает, не производит, не создаёт их. Материализм же, если его применить к социальной области, начинается, мол, только там, где ставится вопрос о сотворении духовного из материальных элементов[430]. Современные представители этой точки зрения пытаются сблизить техницизм и технократические концепции с историческим материализмом, функциональную зависимость технического и социального («техническим изменениям соответствуют социальные») они выдают за научное толкование общественного развития. Некоторые отечественные авторы пытаются отделить общественное бытие от его материальности и наделить его исключительно функциональными свойствами, лишёнными субстратного, предметного содержания. В частности, социальное бытие

---

[429] См., например, книгу У. Ж. Алиева «Теоретическая экономика: общедисциплинарная модель» (Алматы, 2001), где обсуждаются эти вопросы.

[430] Ирибаджаков Н. Современные критики марксизма. М., 1962. С. 408, 428–429.

в отличие от бытия природных вещей они трактуют как нечто зависимое лишь от практики, но не имеющее объективно существующего (т. е. вне человеческого опыта) содержания. Другие авторы объективность общественного бытия сводят к наличию в нём опять-таки лишь объективно функционирующих за спиной человека закономерностей. В этом случае социальная предметность общественного бытия заменяется объективностью, его первичность определяется только в зависимости от функционального назначения категории «объективное»[431].

В этой связи весьма существенным является вопрос о том, как понимать процесс созидания общественных форм и какое место ему отвести в системе материалистического понимания общества. Здесь возникли серьёзные проблемные ситуации и противоречия, не получившие разрешения в современных исследованиях. Отдельные авторы полагают, что при разработке материалистического понимания истории и в изложении К. Маркса в «Предисловии» к работе «К критике политической экономии» он не считал историю ***продуктом деятельности людей*** как сознательных существ. Он будто бы раскрывал логику мировой истории, смену способов производства не посредством обращения к человеческой деятельности, труду, а при помощи диалектики производительных сил и производственных отношений. Пользуясь этими категориями, К. Маркс якобы отвлекался от особенного и индивидуального в истории, характеризовал лишь общие, безличные структуры, в которых эта деятельность осуществляется, т. е. он показал их диалектику только с точки зрения функционирования естественноисторического процесса[432]. Отсюда делается заключение о необходимости дополнения подхода к истории как к естественноисторическому процессу, её понимания как деятельности и продукта деятельности.

В зарубежной литературе, например, югославским философом Г. Петровичем утверждалось, что в историческом материализме всё «вертится» вокруг общества, условий материальной жизни, производительных сил и производственных отношений,

---

[431] См. критику этой точки зрения в работе: Караваев Г. Г., Караваев Г. А., Шляхтенко Г. П. Понятие общественного бытия. Л., 1984. С. 13–14.

[432] Келли В. Ж., Ковальзон М. Я. Теория и история. М., 1981. С. 61.

общественной необходимости, а что касается человека, человеческой деятельности, то о них нет ни слова[433]. В последнее время эта проблема обсуждалась в связи с работой Д. Лукача «Онтология общественного бытия», который в ранних книгах сводил исторический материализм и марксизм в целом к теории практики, а в указанной книге вновь признал существование социальной материи. В итоге в его концепции онтология общественного бытия оказалась разделённой на онтологию социальной материи, где господствует необходимость, и на онтологию деятельности, практики, где преимущество за свободным выбором решений и альтернатив. В последней онтологии, по свидетельству И. С. Нарского, исчезает (или повисает в воздухе) материально-предметная основа сущности труда, деятельности. В свою очередь, объективные закономерности общественного бытия хотя и связываются с индивидуальными актами действий людей, всё же наделяются некоей независимой от них силой, проявляются как бы вопреки воле всех участников исторического процесса. Сам же механизм формирования объективных законов истории у Лукача уходит в тень, их связь с деятельностью, практикой «постулируется на уровне их взаимодополнительности, а не подлинно диалектического синтеза»[434]. Этим он даёт повод утверждать, что К. Маркс был сторонником двух онтологий — детерминистской «онтологии» общественного бытия и творческой, свободной «онтологии» практики, — разделяющих исторический материализм на материализм «материи», естественно-исторического процесса и материализм сознательной деятельности, человеческой практики. В этом случае марксизм подгоняется под неокантианское разделение социального мира на мир «вещей в себе» и мир явлений.

Важным в этой области является преодоление концепции «праксиса», сторонники которой пытаются объяснить историю с помощью теории человеческой деятельности, без обращения к социальной субстанции, материальной основе общества. Они претендуют на разработку вопросов «творения» и «созидания»

---

[433] Голенкова З. Т. Очерк истории социологической мысли в Югославии. М., 1984. С. 74–75.

[434] Нарский И. С. «Онтология общественного бытия» Д. Лукача и «двойная» онтология Гегеля // Философские науки. 1985. №3. С. 130.

различных форм и институтов человеческой жизни, производства самого человека вне учёта материальных условий производства. Созидание человеком самого себя и окружающих обстоятельств они противопоставляют социальной необходимости, которая, по их мнению, может функционировать лишь за пределами субъективной человеческой деятельности, является инобытием практики как свободной деятельности.

Некоторые сторонники теории «праксиса» хотят сблизить её с марксизмом, представить как интерпретацию работ К. Маркса (особенно ранних), как ключ к «аутентичному» пониманию марксизма, построению научной системы исторического материализма[435]. Другие полагают, что если история есть продукт человеческой деятельности, то методологическим ключом и исходной точкой её теоретического анализа должна быть теория деятельности, а не способ производства. Категория деятельности вроде бы позволяет представить практику и складывающиеся в ходе её развития человеческие отношения в качестве фундамента социально-исторического исследования и во главу угла поставить творчество людей[436].

С такой позицией, однако, не согласна значительная часть философов: они вполне обоснованно отвергают «двоякое» или «троякое» понимание истории, поскольку оно возникает из вольного или невольного противопоставления её как естественноисторического процесса и как процесса деятельности людей, осуществления гуманистических идеалов. Они предостерегают от расплывчатой трактовки деятельности и от абсолютизации методологического значения категорий «деятельность», «действие» в системе историко-материалистических категорий[437].

Таким образом, проблема налицо. Она не может быть решена простым совмещением указанных противоположных подходов — деятельностного и субстанционального — как дополняющих друг друга в понимании общества, хотя в чём-то эти крайности могут оказаться тождественными («крайности сходятся»). Автор

---

435 Хофман Дж. Марксизм и теория «праксиса». М., 1978. С. 25.

436 Философские науки. 1985. №3. С. 160.

437 Федосеев П. Н., Ильичёв Л. Ф. О некоторых методологических проблемах исторического материализма // Вопросы философии. 1984. №6. С. 16.

предлагает решить эту проблему посредством теории воспроизводства общества, основанной на труде и трудовых отношениях. Очевидно, что за методологическими способами и инструментами в решении вопроса надобно обращаться к произведениям создателей исторического материализма, в частности к «Капиталу» К. Маркса, в котором, к тому же, имеется очень важное суждение на этот счёт:

«Технология вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и проистекающих из них духовных представлений... Конечно, много легче посредством анализа найти земное ядро туманных религиозных представителей, чем, наоборот, из данных отношений реальной жизни вывести соответствующие им религиозные формы. Последний метод есть ***единственно материалистический*** (курсив мой. — ***В. Я. Ельмеев***), а следовательно, единственно научный метод. Недостатки абстрактного естественнонаучного материализма, исключающего исторический процесс, обнаруживаются уже в абстрактных и идеологических представлениях его защитников, едва лишь они решаются выйти за пределы своей специальности»[438].

С этой точки зрения чрезвычайно односторонней представляется концепция постиндустриального общества Д. Белла, построенная на изолированном от общественных отношений рассмотрении общества только со стороны технологии. Он подгоняет развитие истории под модернистскую «трёхчленку» «до — теперь — после»: доиндустриальное, индустриальное, постиндустриальное. Д. Белл при этом без всяких на то оснований считает, что он в методологическом отношении превзошёл К. Маркса, который рассматривал общественные отношения и технологию как нечто нераздельное, а он, видите ли, разъединил их и представил как две «логически независимые исторические переменные». Для этого воспользовался геометрическим методом координат, расположив технологию и общественные отношения как две оси, направления вращения которых будто бы определяет последовательность движения общества. Если вращать ось технологии,

438 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 383 (примечание).

то получится движение от доиндустриального к постиндустриальному. В этом он видит своё методологическое «превосходство»[439].

Материалистическое понимание истории, открытое К. Марксом и Ф. Энгельсом в 40-х годах XIX в., со времени появления «Капитала», по словам В. И. Ленина, из гипотезы превратилось в «научно доказанное положение». К. Маркс не написал специальной книги по методологии подобно тому, как не написал и «Логики», но оставил логику «Капитала», оставил исторический материализм в виде методологии, реализованной в его главном труде. В письме к Карло Кафьеро К. Маркс поддержал желание последнего в подходящий момент вернуться к «Капиталу», с тем «чтобы в большей мере подчеркнуть материалистическую основу „Капитала“»[440].

В «Капитале» при разработке теории развития капиталистического общества К. Маркс идёт не от анализа надстройки к её экономическому основанию и не от производственной (материально-технической) базы к производственным отношениям, а следует за логикой развития самих социально-экономических форм, совпадающей, в общем и целом, с их исторической эволюцией. В «Капитале» их объяснение отличается от движения мысли по схеме «от следствий к причинам». Следствия, например общественные отношения, К. Маркс объясняет, рассматривая их предпосылки в плоскости тех же общественных форм. Что же касается материально-технической базы, то её рассмотрение подчинено логике развития капиталистического производственного отношения, т. е. анализу производства и воспроизводства прибавочной стоимости, а вместе с ней — капитала.

Главным, существенным для материалистического понимания истории, процесса «творения» общества является представленная в «Капитале» трактовка общественного производства, об определяющей роли которого постоянно должен помнить исследователь при анализе общества. В экономических работах К. Маркс не раз предостерегал от понимания производства как производства лишь вещей, ибо этим мало что можно объяснить в развитии общества и нельзя выйти на материалистическое истолкование

---

439 Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999. С. XCIX.

440 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 34. С. 300.

истории, хотя производство вещей (материальных благ) остаётся необходимой и определяющей предпосылкой, основой существования общества. В «Капитале» даётся более глубокое понимание производства.

Этот фундаментальный для материалистического понимания истории вывод ещё не извлечён из «Капитала», в том числе и теми авторами, которые претендуют на разработку соответствующих концептуальных схем материалистического понимания истории. По Марксу, не только материальные условия процесса производства выступают его результатом, но и их специфически общественный характер; производятся, являются постоянно возобновляющимся результатом этого процесса общественные отношения, а следовательно, и общественное положение агентов производства по отношению друг к другу, сами производственные отношения[441]. Последние являются столь же важным результатом процесса производства, как и его материальный результат.

Материалистическое понимание истории К. Маркс обосновал в «Капитале» не только тем, что, обращаясь к материальному производству как к решающему фактору развития общества, считал производство вещей (вещных условий) определяющим, но и тем, что рассмотрел производство как производство общественных отношений. Для него производство есть одновременно и процесс производства материальных условий существования человеческой жизни, и протекающий в специфических историко-экономических отношениях процесс производства и воспроизводства самих производственных отношений, а тем самым и носителей этого процесса (людей), т. е. материальных условий их существования и взаимных их отношений. Следовательно, проблема, принявшая в современной литературе форму дилеммы между «социальной субстанцией» и «деятельностью», решается в теории производства как производства не только вещей, но и общественных отношений и человека. Именно такая теория позволяет ответить на вопрос: как создаются, творятся общественные формы, общество и человек. Его решение позволило К. Марксу доказать и обосновать материалистическое понимание истории, преодолеть фейербаховскую концепцию предметной,

---

441 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 49. С. 119.

чувственной деятельности и гегелевскую онтологию абсолютной идеи. Современные концепции «праксиса» и «онтологии» естественноисторического процесса, особенно попытки эклектически дополнить их друг другом, свидетельствуют о неспособности иных теоретиков подняться до истинных масштабов теоретического мышления Маркса, Энгельса, Ленина, о неумении применить в процессе изучения вопросов деятельности громадную интеллектуальную мощь их учения[442]. Обращение к деятельности (например, для понимания производства общественных отношений) мало что даёт, как и обращение к производству, сведённому к простому описанию элементов процесса труда по созданию вещей.

Глава 14. Производство и воспроизводство общественных отношений

В предыдущих разделах был рассмотрен воспроизводственный цикл «человек (труд) → продукт → человек» внутри производства. Теперь предстоит рассмотреть воспроизводственный процесс внутри всего общества. Он, соответственно, будет выглядеть как движение «общество (человек) → труд (продукт) → общество (человек)», где труд выступает и воспроизводством человека, но уже его сущности как совокупности всех общественных отношений.

Если раньше исследовались не собственно общественные отношения, а предметные формы их выражения, то теперь будет анализироваться воспроизводство общественных отношений. С одной стороны, всё производство человека не будет до конца понято, если оно не представлено через производство общественных отношений, совокупность которых образует сущность человека[443].

---

442 Мизес Л. Человеческая деятельность. Челябинск, 2005. С. 8.

443 Процесс воспроизводства человека больше походит на развитие понятия у Гегеля. Не случайно В. И. Ленин в «Философских тетрадях» вместо «понятие» вставляет «человек»: «Понятие (= человек) как субъективное снова предполагает само-в-себе сущее инобытие (= независимую от человека природу). Это понятие (= человек) есть стремление реализовать себя, дать себе через себя самого объективность в объективном мире и осуществить (выполнить) себя» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29. С. 194).

От этого не изменяется то обстоятельство, что общественные отношения производятся самими людьми, т. е. человек не теряет своего определения как предпосылки и основы всякого производства. Изменяется лишь способ рассмотрения воспроизводства человека: предпосылкой его анализа становится воспроизводство общественных отношений.

С другой стороны, производственные и общественные отношения вообще, в которых осуществляется воспроизводство человека, образуют не только результат, но и условия воспроизводства. Воспроизводство человека в системе собственности определяется не только трудом, ибо отношение человека к условиям производства как к собственности составляет предпосылку, а не только результат труда. Общественные отношения (общество), или человек, являются предпосылкой и результатом воспроизводства — это не только вопрос диалектически понятого противоречия и его правильного логического решения, но и проблема действительных этапов и форм исторического развития. В рамках старого общественного разделения труда, например развитие немногих, части общества, осуществляется за счёт всего общества в ущерб индивидуальному развитию большинства. И наоборот, превращение индивидуального развития каждого члена общества в условие и предпосылку развития всех, всего общества составляет способ воспроизводства общественных отношений в формации, где социальное разделение труда преодолевается.

§ 1. Производство как производство вещей и общественных отношений

Производство (труд) со своей наиболее простой и очевидной стороны предстаёт процессом созидания той или иной вещи, материального продукта. «Труд, как источник вещественного богатства, — отмечал К. Маркс, — был так же хорошо известен законодателю Моисею, как и таможенному чиновнику Адаму Смиту»[444]. Этого знания, однако, явно недостаточно, если речь идёт о сущности производства. Ещё в «Нищете философии» К. Маркс

[444] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13. С. 23.

выразил неудовлетворённость по поводу сведения производства к обычному процессу производства вещей. «Г-н Прудон-экономист, — писал он, — очень хорошо понял, что люди выделывают сукно, холст, шёлковые ткани в рамках определённых производственных отношений. Но он не понял того, что эти определённые общественные отношения так же произведены людьми, как и холст, лён и т. д.»[445]. В другом месте эту же мысль К. Маркс выразил следующим образом: «Г-н Прудон очень хорошо понял, что люди производят сукно, холст, шёлковые ткани, и невелика заслуга понять так мало! Но чего г-н Прудон не понял, так это того, что люди сообразно своим производительным силам производят также ***общественные отношения***, при которых они производят сукно и холст»[446].

Прудон и другие экономисты доходили до признания того, что производство вещей осуществляется в системе определённых общественных отношений, например в условиях частной собственности, в рамках капиталистического отношения. Они объясняли, как совершается производство при указанных отношениях, но оставляли невыясненным, каким образом производятся сами эти отношения, как появляются новые общественные отношения. Они не понимали самого главного — того, что общественные отношения, в которых осуществляется процесс производства, являются в одинаковой мере его условием и его продуктом. Обычная политическая экономия, обращая внимание только на произведённые вещи, совершенно упускает из виду производство самих общественных отношений, т. е. то, что представляет действительную проблему политической экономии как науки о труде и производственных (трудовых) отношениях, законах их движения.

Это столь важно, что К. Маркс, реферируя свои рукописи («Тетради»), выставил данное обстоятельство условием правильного понимания вопроса, записав: «Правильное понимание общественного процесса производства»[447]. В отличие от экономистов, которые поняли, как осуществляется производство в рамках

---

445 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4. С. 133.

446 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27. С. 408–409.

447 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4. С. 129; т. 46, ч. I. С. 505; ч. II. С. 509.

капиталистического отношения, но не увидели, как создаётся само это отношение, К. Маркс показал не только каким образом капитал производит, но и каким образом он сам производится и как он выходит из производственного процесса существенно изменившимся по сравнению с тем, каким он в него вступил.

К. Маркс усматривал и главный результат общественного процесса производства не в вещах, не в производстве продукта, а в производимых общественных отношениях (при капитализме, например, в создании и постоянном воспроизводстве отношения между наёмным трудом и капиталом). Это социальное производственное отношение фактически является, по убеждению К. Маркса, ещё более важным результатом общественного процесса производства, чем его материальные результаты. Проследим эту мысль К. Маркса от первоначальных её формулировок в рукописях «Капитала» до формулировок, вошедших в его окончательный текст. Сравним сначала производственные отношения как главный результат процесса производства с его другими результатами.

Рассматривая буржуазное общество в его целостности, К. Маркс приходит к заключению, что конечным результатом процесса производства всегда выступает само общество, т. е. человек в его общественных отношениях. Что же касается вещных форм результатов этого производства, например создаваемых продуктов, то они выступают в движении общества лишь как момент. Непосредственный процесс производства тоже составляет момент движения общества; соответственно, условия и предметные воплощения процесса производства есть также его моменты. На передний план выходят субъекты общественного производства — люди в их взаимоотношениях, которые они как воспроизводят, так и производят заново. Производство и воспроизводство отношений образуют постоянный процесс движения самих людей, в котором они обновляют сами себя в той же мере, в какой обновляют создаваемый ими мир богатства[448].

Называя вещественное богатство и материальные условия его производства моментами исторического движения общества, К. Маркс не отрицал первичности и важности создаваемых

[448] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 222.

условий материальной жизни: обновление людьми своих общественных отношений и самих себя происходит в той мере, в какой совершается обновление материального богатства. Дело лишь в том, что материальное богатство и материальные условия производства на каждом новом историческом этапе исчезают, в то время как общество сохраняется, переходя из одного состояния в другое. Общество каждый раз создаёт материальные условия своей жизни в материальном производстве, являющемся фундаментом всей общественной жизни. Но не в этом только состоит роль и назначение производства. Оно — и это, повторяем, главное — есть производство и воспроизводство общественных отношений. Результатом процесса производства выступают не только его вещные условия, пояснял К. Маркс, но и их специфически общественный характер: производятся, постоянно возобновляются в результате процесса производства общественные отношения, а следовательно, и общественное положение агентов производства по отношению друг к другу, производственные отношения.

В третьем томе «Капитала» это положение формулируется следующим образом: общественный процесс производства вообще представляет одновременно и процесс производства материальных условий существования человеческой жизни, и происходящий в специфических историко-экономических отношениях производства процесс производства и воспроизводства самих производственных отношений, а тем самым и носителей этого процесса, материальных условий их существования и взаимных их отношений, т. е. определённой общественно-экономической формы последних[449]. В первом томе «Капитала» приведённому положению придан характер обобщающего вывода: капиталистический процесс производства, рассматриваемый в форме процесса воспроизводства, «производит не только товары, не только прибавочную стоимость, он производит и воспроизводит само капиталистическое отношение — капиталиста на одной стороне, наёмного рабочего — на другой»[450].

К. Маркс много внимания уделял механизму производства общественных отношений, поискам рычагов, посредством которых

---

449 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II. С. 385.

450 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 591.

оно осуществляется, раскрытию звеньев и способов воспроизводства этих отношений. В капиталистическом обществе основным средством воспроизводства капиталистического отношения служит производство прибавочной стоимости. Отношения наёмного труда и капитала, производство наёмных рабочих и капиталистов выступают основным результатом процесса увеличения стоимости капитала. В рефератах к собственным тетрадям К. Маркс констатирует: «Главный результат процесса производства и процесса увеличения стоимости: воспроизводство и новое производство самого отношения между капиталом и трудом, между капиталистом и рабочим»[451].

В более позднем варианте рукописи «Капитала» Маркс, делая выводы из рассмотрения непосредственного процесса производства капитала, заключал: «Мы видели, что капиталистическое производство есть производство прибавочной стоимости… оно есть вместе с тем производство капитала и производство и воспроизводство всего капиталистического отношения во всё более расширенном (увеличенном) масштабе»[452]. В IV томе «Капитала» эта мысль разъясняется так: «…рабочий-портной производит не только сюртук, он производит капитал, а значит и прибыль; он производит своего хозяина как капиталиста и себя самого как наёмного рабочего»[453]. Суть состоит не просто в констатации того факта, что без материального производства общество не может существовать, а в том, что этим производством объясняется движение общественных отношений, что материальное производство представлено производством этих отношений.

В отечественной литературе неплохо показано, каким образом совершается производство в рамках общественных отношений, форм собственности на средства производства. Но недостаточно было выявлено, как производятся сами эти отношения. В работах по политической экономии производство не было представлено производством общественных производственных отношений. В этом плане можно найти лишь случайные, как бы выходящие

---

451 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 591.

452 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 49. С. 22.

453 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I. С. 291.

за пределы общепринятых, трактовки производства. Так, например, в публикации «За круглым столом», помещённой в журнале «Вопросы экономики», было сказано: «*Действительный* конечный результат производства — это развитие, совершенствование производственных отношений...»[454].

Такое толкование результатов производства, к сожалению, не стало ещё общепринятым. Результаты производства обычно сводятся к той или иной форме, или части общественного продукта. Конечно, признаётся, что этот продукт создаётся производством в рамках определённой общественной формы, но производство самой этой формы не стало ещё предметом анализа. Производственные отношения в качестве предмета политической экономии рассматриваются не как то, что должно производиться производством, а как форма, в которой осуществляется производство другого результата — продукта, вещей. Учебники по политической экономии ограничиваются определением, согласно которому производство есть производство материальных благ, имеющее своим результатом продукт, необходимый как для самого производства, так и для потребления.

Производство как производство общественных отношений, строго говоря, не рассматривалось и в работах по социологии. Обусловленность производственных отношений характером и уровнем развития производительных сил свидетельствует больше об их функциональной, чем генетической зависимости. Функциональная связь, безусловно, имеет здесь место, и закон соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил фиксирует её. Но эта связь не объясняет процесса созидания производственных отношений, который выражает более глубокую, генетическую связь, раскрывающую способы, источники и механизмы производства общественных отношений.

Поскольку производство в большинстве случаев было представлено не производством общественных отношений, а процессом создания вещей, возникли трудности при объяснении воспроизводства человека, его образа жизни, в том числе воспроизводства рабочей силы, созидательных способностей человека,

---

454 Вопросы экономики. 1982. № 9. С. 42.

человеческого фактора производства[455]. К их числу следует отнести, прежде всего, проблему: откуда надо выводить развитие человека, его созидательных способностей — из сферы производства или из сферы потребления?

На первый взгляд кажется, что человек обеспечивает своё непосредственное бытие потреблением, т. е. его развитие определяется сферой потребления, а не материального производства. Возникает тот же вопрос, что и при выяснении происхождения капитала: что является источником — сфера обращения или сфера материального производства? На этот вопрос в то время не ответили ни политэкономы, ни социологи. Выясняя соотношение производства и потребления, классическая политическая экономия остановилась перед дилеммой: с одной стороны, признавалось (например, А. Смитом и Д. Рикардо), что труд, затрачиваемый на формирование производственных способностей рабочего, является непроизводительным и, следовательно, их производство не есть область собственно производства, оно совершается в сфере потребления, не являющегося предметом экономической науки; с другой стороны, производительные силы рабочего включались в состав элементов производства и вместе с орудиями труда относились к функционирующему капиталу, что позволяло рассматривать их воспроизводство так же, как и воспроизводство капитала, хотя делалась оговорка относительно отличия формирования способностей человека от производства вещей.

Эту дилемму не удалось решить и последующим школам — представителям неоклассической политической экономии

---

[455] Взгляды К. Маркса на проблемы воспроизводства человека стали подвергаться анализу лишь в 60–80 гг. XX в. (см.: Малинин В. А. «Капитал» К. Маркса и проблема человека. М., 1968; Проблемы человека в экономических рукописях 1857–1859 годов К. Маркса. Ростов-на-Дону, 1977; Бережной Н. М. Проблемы человека в трудах К. Маркса. М., 1981; Агг А. Мир человека как субъекта производства. М., 1984; Производство как общественный процесс: философско-экономический анализ / Под ред. В. И. Толстых. М., 1986). Надо иметь в виду, что К. Маркс не выполнил задуманную работу о наёмном труде, в которой он хотел представить условия существования и развития рабочего класса на том же уровне, на каком он проанализировал условия существования класса буржуазии в «Капитале».

и сторонникам современных концепций «человеческого капитала». Одни теоретики продолжали искать объяснение воспроизводства созидательных способностей рабочего в сфере потребления, другие — в сфере «производства человеческого капитала». А. Маршалл, например, утверждал, что вложения капитала в воспитание и обучение рабочего, осуществляемые обычно родителями, не должны отождествляться с вложениями капитала в вещественные факторы производства, от которых всегда ожидается превышение стоимости над себестоимостью. Человеческий фактор, по его мнению, «не покупается и не продаётся, как машины и другие вещественные факторы производства. Рабочий продаёт свой труд, но сам он остаётся собственником самого себя; те, кто несёт расходы по его воспитанию и обучению, получают лишь малую долю цены, выплачиваемой за его услуги в последующие годы»[456].

Другие экономисты, занимая противоположную позицию, представляли созидающие способности рабочего таким же капиталом, каким являются средства производства у предпринимателя. Они считали, что рабочий от инвестиций в свой «человеческий капитал» получает доход таким же образом, как и капиталист от инвестиций в средства производства. Вложения в вещественный капитал с этой точки зрения ничем не отличаются от инвестиций в «человеческий капитал». Капиталист на равных условиях с рабочим может участвовать в производстве «человеческого капитала», если он будет вкладывать деньги в формирование созидательных способностей рабочего: как рабочий, так и предприниматель будут иметь определённую долю прибыли от этих вложений. В этом случае совокупный капитал будет выступать как сумма вещественного (воплощённого в вещах) и человеческого (воплощённого в людях) капитала[457].

Сторонники ни той, ни другой позиции не смогли решить противоречий, возникших в экономической науке, прежде всего потому, что производство созидающих способностей человека в форме ли потребительной деятельности или инвестиций

---

456 Маршалл А. Принципы политической экономии. Т. II. М., 1984. С. 266–267.

457 Кендрик Дж. Совокупный капитал США и его формирование. М., 1978. С. 37–41.

в «человеческий капитал» отрывали от материального производства и от производственных отношений, складывающихся в материальном производстве. Без обращения к последним экономисты смогли лишь на словах «разрешить» противоречие — подогнать потребительную деятельность рабочего под формулу производства капитала, т. е. провозгласить, что рабочий своей деятельностью в сфере потребления, реализуя заработную плату, создаёт «капитал» в форме своих способностей к труду, от продажи которых он получает возможность не только возместить издержки на их формирование, но и иметь дополнительную стоимость, приобрести соответствующий «капитал».

Это противоречие было разрешено ещё К. Марксом на базе трудовой теории стоимости. К. Маркс преодолел присущее политической экономии отождествление труда и рабочей силы, доказав, что труд не имеет стоимости, что рабочий продаёт не труд, а способность к труду — рабочую силу. Это позволило ему обосновать положение, что рабочий каждый раз в процессе материального производства сам создаёт продукт, необходимый для воспроизводства своей рабочей силы, её стоимости.

Если подходить к процессу труда как к таковому, независимо от его общественной формы, то потребление жизненных средств рабочими можно включить в процесс труда. Но рабочий может потреблять лишь во время перерыва или во внерабочее время, хотя это потребление можно уподобить потреблению угля паровой машиной. Независимо от того, где и когда происходит потребление, чтобы трудиться, рабочий должен сначала удовлетворить свои жизненные потребности, иметь соответствующие жизненные средства для восстановления и приведения в движение своих созидательных, производительных способностей. Но главное не в этом.

Хотя жизненные средства рабочего при капитализме приобретают форму переменного капитала, обмениваемого на его рабочую силу, их реализация в потребительной деятельности рабочего не является ни инвестицией в «человеческий капитал» (производительные способности), ни производством «капитала» (человеческого), т. е. здесь капитал не создаётся. Рабочая сила, конечно, производится и воспроизводится при капитализме как товар, имеющий стоимость, но при этом не создаётся дополнительной (прибавочной) стоимости, переходящей в руки рабочего.

Если постоянный капитал как таковой в процесс производства входит в форме той же потребительной стоимости, которую раньше имели составляющие его товары (средства производства), то иначе обстоит дело с переменным капиталом. На его место, т. е. вместо потребительной стоимости жизненных средств, в процесс производства вступает «живой фактор проявляющей себя в новых потребительных стоимостях рабочей силы, реального труда; ***здесь стоимость*** средств производства, постоянного капитала, как таковая, вступает в процесс увеличения стоимости, между тем как ***стоимость*** переменного капитала вовсе не вступает в него, а замещается создающей стоимость деятельностью, выступает в виде деятельности живого фактора, существующей как процесс увеличения стоимости»[458]. Заработная плата, обмениваемая рабочим на жизненные средства, служащие ему для восстановления и развития созидающих способностей, не может участвовать в производстве, приносить рабочему дополнительный доход, т. е. иметь свойство капитала. В производстве вместо жизненных средств (стоимости переменного капитала) участвует живой труд.

Рабочая сила, способность к труду воспроизводятся одновременно и в потреблении, и в производстве, но первоисточником жизненных средств рабочего при капитализме является его наёмный труд в материальном производстве. Рабочая сила в качестве товара (стоимости) производится и воспроизводится на основе законов производства товаров, её стоимость определяется общественными издержками её воспроизводства, а необходимый продукт, за счёт которого она воспроизводится, создаётся трудом рабочего в материальном производстве. С этой точки зрения жизненные средства и их потребление уже не будут составлять особый элемент процесса материального производства. Он включает лишь живой труд, его орудия и предмет, но без жизненных средств самого работника. Потребление последних, посредством которого воспроизводятся созидательные способности рабочего, оказывается как бы вне процесса производства, хотя без производимых жизненных средств не может совершаться живой труд, не могут функционировать и реализовываться способности к труду. Налицо противоречие, нуждающееся в разрешении.

---

458 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 49. С. 43–44.

На основе теории стоимости объяснить расширенное воспроизводство созидательных способностей работника невозможно, ибо они обмениваются на основе эквивалентности. Как для объяснения производства прибавочной стоимости нужно обращаться к потребительной стоимости рабочей силы, так и для объяснения воспроизводства человека как личности необходимо от теории стоимости перейти к трудовой теории потребительной стоимости. Пока эти теоретические положения на базе трудовой теории потребительной стоимости не разработаны, неизбежны противоречия в науке, в частности в трактовке воспроизводства человека.

Они порождаются прежде всего тем, что сам процесс производства не рассматривается как производство человеческих способностей, т. е. как сфера, где воспроизводятся, да ещё в расширенном масштабе, способности самих людей. В результате эту сферу ищут за пределами материального производства — в потребительном производстве и соответственно разделяют производство на два вида, в одном из которых производятся средства к жизни, а в другом — сами люди, их способности, их жизнь. «В отличие от способа материального производства, который обеспечивает производство средств жизни, — пишет А. М. Ковалёв, — способ производства собственной жизни есть производство и воспроизводство самого человека...»[459]

А. М. Ковалёв считает, что человек воспроизводится не в рамках производства средств труда, а в сфере производства собственной жизни и соответствующего «способа производства собственной жизни». Последний определяется им как социально-экономическая категория для обозначения процесса воспроизводства социального человека, формирования и всесторонней подготовки его к общественно-исторической и трудовой деятельности. Производство собственной жизни включает в себя производство не только человеческих сил и способностей, но и всех форм и видов человеческой жизнедеятельности. Воспроизводство человеческих индивидов означает воспроизводство и естественной основы человеческих потенций, и социального облика людей, т. е. это воспроизводство целостного социального субъекта.

---

[459] Ковалёв А. М. Диалектика способа производства общественной жизни. С. 66.

Способ производства собственной жизни, утверждает А. М. Ковалёв, имеет специфические производительные силы, средства воспроизводства, а также систему отношений, которые выступают в качестве «производственных» в этом особом виде производства. Его производительными силами являются сами социальные субъекты, средства к жизни и та социальная инфраструктура общества, с помощью которой осуществляется формирование личности, процесс поддержания и развития её жизнедеятельности. К «производственным отношениям» данного производства относятся семейно-бытовые, кровнородственные, отношения между поколениями, этническими группами в быту, сфере услуг, распределения и потребления.

А. М. Ковалёв признаёт, что все эти отношения опосредствованы в конечном счёте экономическими отношениями способа материального производства. Но если основу способа материального производства составляют орудия и предметы труда, а также люди, приводящие их в движение, то основой производства собственной жизни выступают люди и производимые ими в сфере материального производства предметы потребления, обеспечивающие их жизнедеятельность, а также вся система социальной инфраструктуры общества, с помощью которой осуществляется социальное воспроизводство в непроизводственной сфере[460].

Противоречие, возникающее из противопоставления производства собственной жизни материальному производству, А. М. Ковалёв решает посредством подведения этих двух способов производства «под более общее понятие — способ производства» всей общественной жизни, охватывающий как материальное производство, так и воспроизводство человека. Этот способ производства представляет собой единство двух неразрывно связанных между собой компонентов: общественных производительных сил (природных, материально-производственных и личностных) и всей совокупности общественных производственных отношений (естественных, природных и непосредственно производственных). В совокупные производительные силы способа производства общественной жизни входят, по А. М. Ковалёву: а) человеческие

[460] Ковалёв А. М. Диалектика способа производства общественной жизни. С. 67–68.

индивиды, способные производить определённым образом; б) средства производства и социальная инфраструктура общества; в) географическая среда, участвующая в обмене между обществом и природой. Совокупные производственные отношения способа производства общественной жизни включают: а) естественные отношения, т. е. отношения по поводу производства и воспроизводства собственной жизни, отношения между самими индивидами как природными существами; б) социальные отношения, т. е. отношения по поводу производства средств жизни (главные из них — производственные отношения); в) отношения индивидов к природе[461].

В способе производства общественной жизни А. М. Ковалёв выделяет две основные подструктуры — социальную (материально-производственную) и естественную (природную, географическую среду, производство и воспроизводство человеческих индивидов, народонаселения, естественных отношений между полами и поколениями, процесс подготовки человека к труду, к участию во всех сферах жизнедеятельности). Законы общественной жизни он подразделяет на законы производства средств жизни и законы воспроизводства самого человека. В целом структура общественной жизни включает в себя три основных компонента: а) человеческие индивиды; б) материальное производство и возникшие на его основе общественные формы и институты; в) географическую среду как необходимый элемент обмена общества с природой.

Введение понятия «способ производства общественной жизни» даёт возможность А. М. Ковалёву утверждать, что основу общественной жизни образует не просто производство средств жизни, а производство и воспроизводство непосредственной жизни; что результатом и конечной целью общественного процесса производства оказывается не производство средств жизни, а воспроизводство самого человека в его общественных отношениях, ибо само материальное производство, его условия и продукты выступают в этом движении лишь как моменты; что и материальное, и духовное производство, общественное сознание, духовная жизнь, производство науки, социальная инфраструктура общества направлены

[461] Ковалёв А. М. Диалектика способа производства общественной жизни. С. 44–45.

в конечном счёте на обеспечение производства собственной жизни, т. е. самого человека как социального существа.

На мой взгляд, эти выводы можно сделать и не вводя категорию «способ производства общественной жизни». Однако А. М. Ковалёв прав в том, что в теории общественного воспроизводства проблема производства собственной жизни является наименее разработанной. До сих пор в экономико-философской литературе не установилось даже терминологического единства для обозначения этого процесса: одни называют его производством непосредственной жизни, другие — собственной жизни, третьи, вслед за К. Марксом, — вторым видом производства, четвёртые — социальным воспроизводством[462].

В последнее время некоторые авторы для разрешения противоречия между материальным производством и другими видами производства (собственной жизни, духовного и т. п.) обращаются к способу производства вообще, к общественному производству вообще, как к стоящим над этими типами производства. Можно указать, например, на попытки объяснить духовное производство посредством его подведения под родовое понятие «общественное производство», включить в состав последнего в качестве вида (наряду с материальным производством) духовное производство на том основании, что существует «потребность в обобщённом понятии, которое могло бы послужить исходным пунктом социально-философского анализа природы, структуры и функции производства сознания вообще. Таким понятием является „*общественное производство*“»[463].

От того, что духовное производство объявляется единой с материальным производством отраслью одного и того же общественного производства (оба охватываются единым понятием), у него не появляется свойства производительного труда или способности создавать жизненные средства. Но есть авторы, усматривающие решение проблемы (противоречия) в придании непроизводственной сфере (духовному производству) свойства создавать

---

462 См., например: Савкин Н. С. Образ жизни: планирование, воспроизводство и регулирование. Саратов, 1984.

463 Духовное производство: Социально-философский аспект проблемы духовной деятельности. М., 1981. С. 71.

стоимость, которая должна де увеличивать стоимость, полученную в материальном производстве. Иногда результат непроизводственной сферы считают дополнительным общественным продуктом или особым благом — свободным временем, создаваемым в непроизводственной сфере и присоединяемым к продукту материальной сферы. Даже в случаях, когда последнему суждению противопоставляется положение о достаточности материального производства и способа материального производства для решения поставленных вопросов, трудности и соответствующие противоречия в науке дают о себе знать. Например, понимание производства как процесса создания материальных благ и соответствующих общественных отношений по поводу производства этих благ считается правильным лишь для будущей стадии общества.

На этой стадии производство будет производством человека и общественных отношений по поводу воспроизводства самого человека. В результате вроде бы изменится соотношение между сферой материальной деятельности по созданию непосредственных условий жизни и сферой этой же материальной деятельности, результатом которой становится сам человек в определённой социальной форме[464]. Здесь, по существу, вообще отрицается возможность трактовать производство в качестве производства человека независимо от того, является ли последний членом общины, капиталистом, рабочим, членом социалистического общества. Производством человека оно будет лишь на высшей фазе будущего общества, но тогда оно уже не будет вроде бы производством вещей.

Понять производство общества нельзя, если не представить это производство ***одновременно*** и созданием материальных благ, и воспроизводством человека. Здесь уместно ещё раз провести аналогию с объяснением возникновения прибавочной стоимости и воспроизводства капитала. Подобно тому, как капитал не может возникнуть вне сферы обращения, но в то же время возникает в сфере производства, так и человек не может воспроизводиться вне потребления, но он производится и воспроизводится материальным производством, поскольку в нём создаются средства жизни и средства развития.

---

464 Покрытан А. К. Экономическая структура социализма: функционирование и развитие. М., 1985. С. 88.

Такая трактовка производства позволяет подойти к объяснению воспроизводства человека не просто через продукт труда и потребление, не просто через сведение его жизни к наличному бытию труда, а посредством производства общественных отношений. Это можно сделать, если производственные отношения не только представить предпосылками самого труда и потребления, но и видеть их наличное бытие в ***личностных отношениях***. Производственные отношения не есть безличностное социальное образование, «немая» общественная связь, которая складывается за спиной живых личностей, но отделена от них и к которой они, субъекты, относятся как к объекту.

Признание историческим материализмом объективности производственных отношений не означает, что они существуют вне человека-субъекта, и их необходимо вместе с субъектом считать двумя началами, которые ещё должны быть соединены посредством так называемого «субъект-объектного отношения» и соответствующего метода, т. е. нужно внести, например, субъект в структуру производственных отношений или дополнить последние субъектом. Без этого дополнения или их органичной «координации» якобы обойтись невозможно. Политическая экономия, например, объявляется наукой, которая изучает только объективные «факты, а лица рассматриваются ею как олицетворение этих фактов»[465].

Материализм рассматривает производственные отношения в персонифицированной форме, существующими как отношения людей, даже если в определённых исторических условиях они выглядят отношениями вещей (товарный фетишизм), их олицетворением. Равным образом производственные отношения не могут быть отделены от личности, тем более изъяты из структуры личности под тем предлогом, что они не могут быть персонифицированы и интериоризованы в ней.

Производственные отношения являются объективными не за пределами субъекта, а в качестве отношений субъектов,

---

[465] См., например, Розенберг Д. И. Комментарии к первому тому «Капитала» К. Маркса. М., 1951. С. 48. Взгляд на производственные отношения как на безличную форму отношений получил довольно широкое распространение в нашей литературе и служит поводом для отрицания возможности представить сущность личности совокупностью общественных отношений, а последние — личностными отношениями.

т. е. не чем-то существующим рядом с субъектами, вне людей. Они объективны «не в том смысле, чтобы общество сознательных существ, людей, могло существовать и развиваться независимо от существования сознательных существ (только эти пустяки и ***подчёркивает*** своей „теорией“ Богданов), а в том смысле, что общественное бытие ***независимо*** от ***общественного сознания*** людей»[466]. Если у К. Маркса, как отмечал В. И. Ленин, анализ капиталистической формации ограничен лишь производственными отношениями между членами общества, то это не значит, что он рассматривает людей как стоящих вне этих отношений субъектов. Когда речь идёт о развитии производственных отношений (совокупность которых составляет общественно-экономическую формацию) как об естественноисторическом процессе, то этот процесс не есть некий поток событий, происходящих по ту сторону и помимо действий живых личностей, которые могут лишь так или иначе влиять на него.

Признание объективности существования общего вовсе не означает, что можно рассматривать общество, совокупную жизнь не как взаимодействие отдельных личностей, а как особое существо, вступающее в особое взаимодействие с отдельными жизнями. Соответственно, когда мы изучаем общественные, производственные отношения людей, тем самым исследуем и реальные личности, из деятельности и взаимодействия которых слагаются сами общественные отношения. При анализе производственных отношений, общества от людей никак нельзя абстрагироваться.

Экономические отношения всегда функционируют в персонифицированном виде, олицетворяются. На это неоднократно указывал К. Маркс. Уже при анализе простого товарного производства он рассматривал обмен товаров как отношение товаровладельцев: «Товары суть вещи и потому беззащитны перед лицом человека... Чтобы данные вещи могли относиться друг к другу как товары, товаровладельцы должны относиться друг к другу как лица, воля которых распоряжается этими вещами: таким образом, один товаровладелец лишь по воле другого, следовательно, каждый из них лишь при посредстве одного общего им обоим волевого

466 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18. С. 345.

акта, может присвоить себе чужой товар, отчуждая свой собственный. Следовательно, они должны признавать друг в друге частных собственников»[467]. Соответственно, экономические маски лиц — это только олицетворение экономических отношений, в качестве носителей которых эти лица противостоят друг другу.

То же самое происходит с собственностью капитала на условия труда, отношениями между капиталом и наёмным трудом. В обмене между капиталом и трудом ***для-себя-сущий*** труд необходимо выступает в виде рабочего, ***для-себя-сущий*** капитал — в виде капиталиста. Таким образом, понятием «капитал» необходимо охватывается и капиталист. «Я могу, конечно, — заметил К. Маркс, — отделить капитал от этого отдельного капиталиста, и он может перейти к другому капиталисту. Но, теряя капитал, капиталист теряет и свойство быть капиталистом. Следовательно, капитал может быть отделен от отдельного капиталиста, но не от капиталиста вообще, который как таковой противостоит рабочему вообще»[468]. Капитал как собственность персонифицируется в капиталисте, выступает как собственность личности, чуждой рабочему.

Характеристика производственных отношений будет незаконченной, если не получит завершения в определённой личностной структуре общества. При обобществлённом производстве отношения людей уже не представлены в виде стоимости принадлежащих им вещей. Здесь общественной величиной выступает не стоимость, а человек, его развитие и удовлетворение его потребностей. От обобществлённости производства отношения людей не делаются менее личностными, чем, например, в условиях частной собственности или личной зависимости. Общественные отношения всегда персонифицируются. Но для этого вовсе не требуется, чтобы они приобрели сугубо частный характер, форму личной зависимости или совпадали с индивидуальностью, спецификой данного индивида как частного лица. Они остаются общественными отношениями, т. е. не превращаются в частные отношения конкретных личностей, касающиеся только их. Общественный характер производства приводит к тому, что

---

467 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 94.

468 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 255–256.

в личности субъективируется подлинно ***общественная*** сущность (вместо субъективированной меновой стоимости), служащая основой всего личностного и индивидуального во взаимоотношениях людей, в их социальном развитии.

В настоящее время как на Западе, так и в России много говорится о необходимости перехода на социально ориентированную экономику, о её подчинении социальным отношениям, обществу. Карл Поланьи в своё время предупреждал о деградации общества, которое всё более превращается в придаток рынка, в то время как раньше экономическая деятельность была подчинена общей системе социальных связей. «Теперь, — пишет он, — уже не экономика „встраивается“ в систему социальных связей, а социальные связи — в экономическую систему»[469].

Из этой трактовки соотношения экономики и общества, из их противопоставления можно было сделать выводы о замене экономического (рыночного) общества, т. е. общества, встроенного в экономику, обществом, освободившимся от подчинения экономике. Будущее общество многими авторами, в том числе отечественными, стало представляться постэкономическим, в котором теряет своё значение общественное материальное производство, а общественный труд заменяется индивидуализированной творческой деятельностью.

Во многом такого рода суждения объясняются формально логическим подходом к соотношению экономики и общества. Понятия «экономика» и «общество» по своему логическому объекту представляются как два круга, которые или перекрещиваются, или поглощают друг друга. В действительности взаимодействие экономики и общества в историческом плане может быть решено на базе теории воспроизводства общества.

Эта теория предполагает, что предпосылкой экономической деятельности, труда выступает само общество. Производство с этой точки зрения возможно только в обществе и посредством общества. То же самое относится к человеку: только в обществе возможно свободное и полное развитие его личности. Общество, однако, не только предпосылка человеческой трудовой

---

469 Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002. С. 70.

деятельности, но и её результат. Этот результат достигается посредством общественного производства. Оно само должно быть таким, чтобы воспроизводить общество способным доставлять личности полное развитие и свободу.

Такой подход к анализу общественного производства и экономики более всего был представлен в экономической и социологической литературе советского периода. И это было сделано не случайно, а вполне обоснованно: целью экономики и производства было объявлено развитие человека и максимальное удовлетворение его материальных и духовных потребностей. В этой связи и было обращено особое внимание исследователей на проблемы соответствия экономических отношений указанным целям и способам достижения социальной ориентации экономики.

§ 2. Отношение по воспроизводству человека в системе общественных отношений

Чтобы продвинуть анализ процесса производства общественных отношений, опять-таки надо выделить его исходный пункт. Поскольку в теории воспроизводства конечным результатом производства выступают общественные отношения, то исходным в них будет не просто человек, а ***отношения по воспроизводству человека***. В истории они принимают различные формы, начиная с отношений личной зависимости, затем они превращаются в вещную зависимость, а после преодоления последней — в отношения свободных индивидуальностей, основанные на универсальном развитии индивидов и их коллективном достоянии.

Здесь речь пойдёт об исходном начале развития в сфере самой сущности, на базе которого необходимо раскрыть законы движения отношения по воспроизводству развитого человека. Это отношение не тождественно отношению, совпадающему с воспроизводством существования индивида посредством подчинения производства потреблению. Чтобы раскрыть специфику отношения по поводу воспроизводства человека, необходимо найти дополнительные предпосылки, которые модифицируют первую, исходную основу, превращая её во всеобщую форму воспроизводства общества и человека.

Её всеобщность утверждается посредством самого общественного производства. Поэтому важно понять не только как производство ради непосредственного потребления человека становится всеобщим и господствующим, но и какую новую сущность оно обретает благодаря активному действию указанного отношения, составляющего differentia specifica самого общества. В этой связи уместно особо подчеркнуть активную творческую роль самой общественной формы производства, которая становится субъектом процесса собственного расширенного воспроизводства, реализует творческое начало социальной субстанции. Лишь труд со стороны своей определённой формы, подчиняющей производство воспроизводству условий развития человека, образует субстанцию развивающегося собственно человеческого общества.

В поисках этой формы чаще всего обращаются непосредственно к общественным отношениям или к их общей форме как таковой. Одни авторы основным отношением считают общественную собственность, другие — отношения коллективности и т. д. Третьи полагают, что поскольку производство, труд, продукт и т. д. приобретают общественный характер, то можно исходным назвать непосредственно общественное отношение. «...Исходным отношением, — пишет А. К. Покрытан, — выступает непосредственно общественное отношение индивидов»[470].

Общественные отношения, как и производство, труд, продукт, безусловно, выявляют себя общественными. Однако если добавляется к общественным отношениям определение «непосредственный», то этим утверждается, что они реализуются в данной общественной форме. Ведь когда производство трактуется как непосредственно общественное, то этим лишь указывается, что оно осуществляется в системе строя общественной собственности на средства производства. Непосредственно общественный характер отношений означает непосредственно общественный характер производства, труда, т. е. производство, труд функционируют в условиях этой общественной формы. Общественная собственность, например, характеризует общество со стороны его наличного бытия, но ещё не раскрывает его сущности, как

470 Покрытан А. К. Экономическая структура социализма: функционирование и развитие. М., 1985. С. 29.

не раскрывает и частная собственность специфической сущности капиталистического общества.

Но нельзя выдавать за сущность отношения общественной собственности, планомерности или другие формы непосредственно общественных отношений, ибо должна быть познана ещё их сущность, скажем суть строя общественной собственности. Соответственно, порядок категорий, отражающих область бытия, не является ещё порядком категорий, выражающих сущность. Если, например, отношения общественной собственности берутся в качестве основы или исходного пункта, а планомерность, коллективность — их дальнейшими определениями или наоборот, то речь идёт о расположении категорий, отражающих бытие общества. Общенародный или частный характер присвоения средств производства выступает как очевидный, реальный факт, наблюдаемый в обществе.

Если производством специфического общественного отношения является, например, производство в рамках общественной собственности, то что здесь производится вместо отношения наёмного труда и капитала и каким способом? Сказать, что воспроизводится общественная собственность, — значит ограничиться утверждением, аналогичным тому, что при капитализме воспроизводятся отношения частной собственности. Но известно, что не всякая частная собственность реализуется как отношение наёмного труда и капитала.

Известные формы бытия социалистического общества (общественная собственность, планомерность, товарищеское сотрудничество, непосредственно общественный труд и др.) наукой давно определены, и мы должны из них исходить, если в познании двигаться от первоначальных простых определений к более богатым конкретным положениям. Ещё раз следует подчеркнуть, что эти простые определения нельзя выдавать за характеристику сущности самой общественной системы, что, к сожалению, нередко бывает. Дело заключается не только в разных точках зрения, а в том, что наука ещё не дошла до её познания.

Переход от знания бытия к раскрытию сущности общества, в частности к определению исходного отношения, труден. Наука приходит к выявлению основы изучаемых явлений не сразу. Историческое развитие всех наук, по словам К. Маркса, приводит к их

действительным исходным пунктам лишь через множество перекрещивающихся и окольных путей, причём учёные в отличие от архитекторов могут возводить отдельные жилые этажи здания раньше, чем закладывается фундамент[471].

Это относится и к исследованию исходного общественного отношения по поводу социалистического общества. Долгое время, например, производство толковали как процесс созидания материального, хотя и непосредственно общественного, продукта, не задумываясь над тем, что оно, по сути, является производством определённого рода общественных отношений. Не менее трудно найти предметные воплощения искомого сущностного отношения: производством «чего» или «кого» является производство в условиях непосредственно общественных отношений. Утверждать, что оно производит непосредственно общественный продукт или непосредственно общественную потребительную стоимость — значит довольствоваться знанием вещных форм проявления бытия общества.

В литературе производство теоретически должным образом не было представлено производством самого человека как основного богатства общества. В концепциях постиндустриального, постэкономического общества почти до нуля низводится значимость самого материального производства, участвующих в нём труда и человека. Производство лишается труда как своей человеческой основы, своей созидающей субстанции, оно перестаёт быть ареной удовлетворения материальных потребностей[472].

Чтобы в теории производство представить производством развитого человека, недостаточно ограничиваться его толкованием в рамках общей первоначальной основы. Подобно тому, как производство прибавочной стоимости не совпадает с производством стоимости как таковой, так и производство человека не совпадает с воспроизводством человеческого жизненного существования. Не выводит на решение задачи и теория воспроизводства человека как производительной, или рабочей силы. В этом качестве, т. е. как фактор производства, человек давно стал предметом многочисленных исследований: о воспроизводстве рабочей силы, квалифициро-

---

471 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 13. С. 43.

472 Иноземцев В. Л. За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М., 1998. С. 330.

ванной рабочей силы написано много книг, но они не раскрывают производство как воспроизводство развитой личности[473].

Речь должна идти о качественно новом подходе к рассмотрению человека — о признании самого отношения людей по поводу расширенного воспроизводства свойств личности ***основным отношением и о воспроизводстве этого отношения***. Оно ещё не осознано в качестве основного, сущностного отношения общества, которое реализуется и через отношение собственности на средства производства, и через общественный характер, и социальную справедливость и т. д. В литературе, посвящённой поискам основного и исходного отношения общества, указанное отношение не фиксируется. Но это не значит, что учёные о нём не говорят. Если это отношение действует хотя бы в тенденции, то на него неизбежно наталкиваются в специальных исследованиях и при изучении других вопросов.

Так, обсуждая вопрос о критериях социально-экономической эффективности производства, отдельные авторы, в частности В. С. Вечканов, трактуют эту эффективность как «выражение производственных отношений, складывающихся в обществе ассоциированных производителей по поводу всестороннего увеличения жизненных благ и свободного времени в целях обеспечения наиболее полного удовлетворения постоянно растущих потребностей и всестороннего развития своих членов»[474]. В этом же направлении вели поиски представители теории оптимального функционирования советской экономики (СОФЭ). С их точки зрения, если не основным, то «исходным производственным отношением может служить общественная полезность, а исходной теоретической моделью — задача на поиск её максимума»[475].

---

[473] Особый интерес к человеку лишь как к фактору производства проявляет западная социальная наука. «Вся современная перестройка капиталистического менеджмента базируется на идеях... связанных с поисками мер активизации человеческого фактора» (Хромушин Г. Б. Вступительная статья. Пигу А. Экономическая теория благосостояния. Т. 1. М., 1985. С. 54–55).

[474] Эффективность производства и её слагаемые / Отв. ред. В. С. Вечканов. Л., 1983. С. 19.

[475] Введение в теорию и методологию системы оптимального функционирования социалистической экономики. С. 140.

Стремление связать исходное производственное отношение с общественной полезностью объясняется повышением значимости роста народного благосостояния как высшей цели общества. Отсюда желание представить это исходное отношение как производственное отношение, которое возникает между членами общества по поводу его цели, т. е. как целевое отношение. Поскольку цели возникают в начале и предполагаются первыми в программно-целевых методах, то и в теории они выступают носителями исходного отношения.

Исследование основного отношения должно начаться с отношения, служащего исходным пунктом анализа сущности. Но им не может быть исходное отношение бытия, которым, как уже было показано, является производство человека с точки зрения его существования, поскольку человек фигурирует здесь не в форме элементарного бытия богатства общества, а в ином качестве — как развитая личность. В этой связи недостаточно ограничиваться рассмотрением простого процесса труда, обеспечивающего бытие человека, удовлетворение его необходимых жизненных потребностей.

Предпосылки воспроизводства общественного отношения по производству и воспроизводству развитой личности связаны с тем, что труд не только обеспечивает потребности существования человека, но и создаёт условия для его развития. Аналогично тому, как для возникновения прибавочной стоимости первоначально требуется определённая величина стоимости, а затем — способность наёмного труда увеличивать стоимость, так и для воспроизводства человека в качестве развитой личности необходим определённый уровень производительности труда, благодаря которому кроме обеспечения нормального материального существования достигается производство общественного времени для развития человека. При этом дело не только в том, чтобы обусловленное ростом производительности труда сокращение необходимого рабочего времени превращать в прибавочный труд, а в том, чтобы экономию рабочего времени трансформировать в свободное время общества и отдельного работника.

Для этого нужны определённые исторические предпосылки, прежде всего способность человека производить больше, чем нужно для его собственного содержания, определённое,

исторически достигнутое возвышение уровня человеческих потребностей над потребностями непосредственного существования. Можно указать на естественные основы производства прибавочного продукта: его существование не предполагает ничего иного, кроме такой естественно возникшей производительности труда, благодаря которой не всё рабочее время человека идёт на поддержание собственного существования или на воспроизводство его собственной рабочей силы. Физическая возможность получения такого продукта может определяться двумя обстоятельствами: во-первых, невысоким уровнем потребностей, для удовлетворения которых при низкой природной производительной силе труда достаточна лишь часть рабочего времени (это даёт возможность другую его часть выделять для образования прибавочного продукта); во-вторых, высоким уровнем природной производительности труда и его факторов, позволяющим малым количеством затраченного рабочего времени (необходимого) добывать нужные жизненные средства, а остальное время затрачивать на производство прибавочного продукта[476].

Можно в какой-то мере принять в расчёт общеисторическое назначение производства — доставлять достаточно полную массу жизненных благ, включающую как нужное количество потребительских благ, так и их многообразие, необходимое для развития человека как производительного работника, его производительных способностей[477]. Исторически рост производительности труда приводит к увеличению массы производимых потребительских благ, в том числе и потребляемой производителями части продукта, хотя в классово-антагонистических формациях прибавочный продукт присваивается в расширяющихся масштабах непроизводительными классами.

Не выпадает из общих предпосылок повышения плодотворности труда и капиталистическая эпоха. В той мере, в какой человек используется в качестве рабочей производительной силы, его развитие становится фактором процесса производства. Культивирование всех качеств общественного человека и производство его как человека с возможно более богатыми свойствами, связями,

---

476 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 48. С. 3–4.

477 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III. С. 51.

потребностями являются условием и такого производства, которое основано на капитале[478]. К. Маркс признавал правоту (для своей эпохи, разумеется) Рикардо, представившего производство ради производства формой развития производительных сил человека, а значит, и развития богатства человеческой природы.

Но К. Маркс не согласился с Сисмонди, возражавшим против того, чтобы производство сделать самоцелью и пренебрегать интересами отдельного человека — производительного работника. При таком подходе, заметил К. Маркс, остаётся непонятым то, что развитие способностей рода «***человек***», хотя оно в определённый период истории и совершается за счёт большинства человеческих индивидов и трудящихся классов, в конце концов преодолеет этот антагонизм и будет совпадать с развитием каждого отдельного индивида[479]. С этой точки зрения нельзя не принять во внимание, что возрастание прибавочного продукта не только выступает условием возникновения классов, не участвующих в производительном труде, но и в конечном счёте составляет предпосылку преодоления классового деления общества, т. е. прибавочный труд из средства порабощения человека превращается в средство его освобождения.

Однако как бы высоко ни было значение прибавочного труда и прибавочного продукта в качестве исторических, или общесоциальных, предпосылок воспроизводства развитого человека, они не могут служить характеристикой сущности отношения по поводу воспроизводства развитого человека как основного отношения. Не могут быть приняты суждения о том, что воспроизводство своего основного отношения в СССР начинали с овладения прибавочным продуктом. «Первоначально, — пишет А. К. Покрытан, — общество в лице государства овладевает преимущественно прибавочным продуктом в стоимостной форме, что выражается в контроле за его аккумуляцией и использованием. Лишь постепенно общество начинает контролировать движение не только стоимостной, но и натурально-вещественной структуры прибавочного продукта»[480].

---

478 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 386.

479 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. II. С. 123.

480 Покрытан А. К. Экономическая структура социализма: функционирование и развитие. М., 1985. С. 64.

Превращение производства в производство самого человека и воспроизводство соответствующего отношения в советской России начиналось с мероприятий по сохранению и воспроизводству главной производительной силы общества — рабочего, при этом основное внимание обращалось на потребительную стоимость как в сфере распределения и потребления, так и в сфере производства. В дальнейшем ставилась задача наряду с подъёмом благосостояния всех слоёв и социальных групп населения усилить социальную ориентацию развития экономики, её направленность на создание лучших условий для гармоничного развития личности, всё более полную реализацию принципа социальной справедливости.

Общественное отношение в своём движении, в процессе своего воспроизводства подчиняется соответствующему закону. В экономической науке, поскольку в ней изучаются производственные отношения, он называется основным экономическим законом общества. Однако, как уже подчёркивалось, производственные отношения составляют ядро всех общественных отношений, и уже по этой причине закон их движения не может не выступать законом развития всего общества[481]. Необходимо, стало быть, рассмотреть собственно социальные звенья закона, опускаемые обычно в исследованиях экономистов, и представить его не только основным экономическим, но и одновременно основным социальным законом. Главное для выявления его социальной природы — это трактовка его как закона движения отношения по производству и воспроизводству человека и общества.

Для этого нужно рассмотреть механизм действия данного закона: выразить его не только через связь цели и средств общественного развития, но и посредством взаимодействия его предпосылок и результатов. Цель в этом случае фиксируется не только в форме возможности, но и как нечто действительное,

---

[481] В экономической литературе всё чаще отмечался общий характер данного закона. «Между тем основной экономический закон — это закон воспроизводства всей системы общественных отношений. Действительным результатом его функционирования является данный тип общества (всего общества), а не какой-либо его отдельной структуры» (Покрытан А. К. Экономическая структура социализма: функционирование и развитие. М., 1985. С. 84).

превращённое в реальный результат. Следовательно, основной закон будет представлять собой, с одной стороны, взаимосвязь предпосылок и результатов движения господствующего общественного отношения, с другой — тенденцию этого движения, что также предопределяется диалектикой взаимодействия предпосылок и результатов.

Вопрос о том, что основной закон предполагает рассмотрение целей общества, решён. Более того, взаимодействие цели и средств её реализации обычно используется в качестве исходной теоретической схемы анализа закона. Вместе с тем центральный компонент этой цели — развитие человека — иногда выносится за сферу самого производства. Об этом, например, речь шла в начале 50-х годов прошлого века, в частности, в связи с утверждением Л. Д. Ярошенко о том, что с отнесением человека с его потребностями к целям самого производства якобы утверждается примат потребления над производством, тем самым отрицается значение последнего как основы жизни общества. Тогда пришли к выводу, что целью производства является не прибыль, а человек с его потребностями, т. е. максимальное удовлетворение его материальных и культурных потребностей, средством — непрерывное совершенствование и рост производства на базе высшей техники.

В 60-е годы XX в. определённой негативной реакцией на выдвижение человека целью производства явилось утверждение о том, что человек и его развитие служат целью лишь всего общества или по крайней мере всего воспроизводственного процесса, но не самого процесса производства. Особенно оспаривался тезис о человеке как цели производства в оценках деятельности предприятия. Утверждалось, например, что «предприятие имеет собственную цель производства и собственный критерий эффективности, соответствующий его особенным экономическим интересам. Такой целью предприятия выступает прибыль»[482]. В настоящее время подобные суждения стали повсеместными.

Умаляется роль человека и в том случае, когда цель производства низводится до уровня потребления, удовлетворения потребностей, т. е. потребление необходимо не связывается с развитием личности работника. Правильное решение этого вопроса зависит

[482] Прибыль и рентабельность в условиях хозяйственной реформы. М., 1968. С. 24.

опять-таки от того, понимается ли под производством производство человека, или оно сводится к процессу создания вещей.

Последний подход ведёт к ограничению развития человека сферой потребления — к требованиям лучшего удовлетворения нужд человека. Следовательно, отношения здесь замыкаются на отношениях по производству материальных благ. Не считая производство производством человека и отношений между людьми по поводу воспроизводства развитой личности, экономику приходится трактовать только в терминах производства материальных благ, т. е. рассматривать в лучшем случае в категориях закона потребления, но не движения общественных отношений, включающего в качестве результата развитие человека.

Потребительский подход тоже обозначился в литературе: было выдвинуто положение о законе потребления, требования которого обычно сводятся к тому, чтобы общество в соответствии с достигнутым уровнем производства, трудовым вкладом обеспечивало всем членам определённый необходимый уровень (меру) потребления материальных и культурных благ[483]. При исключении из формулировки закона указания на развитие человека как на непосредственную цель производства легко обнаружить, что речь фактически идёт об общем исходном основании производства — о взаимодействии производства и потребления, взаимозависимости труда и благосостояния.

Обращение к этому основанию позволяет выявить и в производстве, и в распределении по труду моменты воспроизводства человека. Если, например, закон распределения свести лишь к количественной мере — получению жизненных средств по труду, то остаётся в тени исходная субстанциальная характеристика распределения — непосредственная подчинённость производства удовлетворению человеческих потребностей, степень удовлетворения разумных потребностей[484].

---

[483] Шутов И. Н. Личное потребление при социализме. С. 193–183.

[484] Конечно, в обществе основная часть имеющихся у населения денег первоначально выступает как вознаграждение за труд, т. е. соответствует по своему количеству той сумме труда, которая подлежала оплате. Но аналогично сумме меновой стоимости, выражающей количество, а не субстанцию стоимости, мера труда ещё не характеризует существо потребления, хотя последнее и зависит от меры труда.

Важно поднять понимание производства на более высокую ступень и избавиться от «услуг» так называемого «закона возмещения затрат рабочей силы», согласно которому необходимый труд (затраты) связывается с обеспечением прожиточного минимума, достаточного лишь для воспроизводства рабочей силы человека. Уже тот факт, что потребности постоянно возвышаются, не позволяет ограничиваться простым воспроизводством рабочей силы человека и вообще его воспроизводством в качестве лишь рабочей силы.

Вместе с тем такое понимание производства (подчинение его потреблению) наталкивается на трудности в объяснении существа дела. Они проистекают из того, что отношение по воспроизводству человека трактуется лишь как воспроизведённое исходное отношение, а производство — лишь как создание материальных благ, вещей. Звено от продукта к человеку при этом исчезает из механизма экономического и социального процесса и из предмета общественных наук, в частности из политической экономии. Тем самым человек и его развитие выпадают из результатов общественного производства.

Его содержанием в этом случае становится отношение не по воспроизводству самого человека, а по производству и воспроизводству материальных благ. Стало быть, трактовка этого содержания приспосабливается к пониманию производства как производства продуктов, вещей, а не общественных отношений и их носителей — людей. Даже тогда, когда учитывается производство общественных отношений, утверждается, что такими отношениями являются отношения по поводу производства материальных благ, и лишь в будущем осуществится переход к системе, в которой отношения будут складываться по поводу производства и воспроизводства социальной определённости человека. Только в будущем процесс материального производства приобретёт характер производства непосредственно человека. «Процесс воспроизводства общества принимает форму воспроизводства преимущественно самого человека без каких-либо опосредствований (кроме опосредствования самой формы его общественной организации), отношения между членами складываются уже не по поводу условий и результатов производства, распределения и обмена материальных благ, а по поводу условий

обеспечения воспроизводства весьма подвижной и динамичной структуры совокупной деятельности членов общества»[485].

Производство никогда не перестанет быть производством материальных благ. Одновременно оно *всегда* выступает производством человека в качестве определённого социального или классового индивида. Отношения людей по поводу условий производства и распределения всегда есть, по существу, отношения по поводу условий существования и воспроизводства самих людей, классов, социальных групп. И наоборот, отношения людей друг к другу по поводу их общественного воспроизводства предполагают всегда наличие их отношения к средствам производства, к производимому продукту. Вопрос лишь в том, что на определённом этапе условия существования и развития людей ещё недостаточны для обеспечения всестороннего развития личности, ещё не достигается достаточно полное благосостояние.

Однако производство и здесь должно выступать производством отношений по воспроизводству как можно более развитого человека, хотя ещё во многом ограниченного в своей деятельности, подчинённого условиям существования своего класса или социальной группы, общественного разделения труда. Без выхода на человека, на расширенное воспроизводство его способностей невозможно раскрыть сущностную основу социально справедливого общества, поскольку эта основа низводится до общего исходного генетического основания — обеспечения производством простого жизненного существования человека.

В действительности общество не должно ограничиваться воспроизводством своей общей исходной генетической основы, а должно подниматься до воспроизводства отношения по поводу производства и воспроизводства всех членов общества как развитых личностей, хотя этим не уничтожается исходная основа и её предметное выражение — отношения людей по поводу производства вещей, материальных условий своего существования и развития.

Ещё дальше от человека уводит трактовка производства и его результата как производства чистого продукта (в форме национального или народного дохода) или другой какой-либо части

---

485 Покрытан А. К. Экономическая структура социализма: функционирование и развитие. М., 1985. С. 80–81.

или формы общественного продукта. В ней теряются даже те небольшие преимущества, которыми сопровождается рассмотрение потребностей и нужд в качестве непосредственной цели производства. Если подходить к проблеме с этой точки зрения, то становится понятной прежняя забота экономистов по поводу того, что при обсуждении вопроса о цели производства следует переходить к конкретной, детальной разработке параметров развития человека, облика работника, закономерностей развития его потребностей, путей формирования справедливой модели потребления[486]. На этом до сих пор настаивает В. Н. Черковец, по мнению которого целью производства должно выступать «не потребление, не распределение, взятые сами по себе, а потребление, развитие человека»[487]. Он предлагает удовлетворение общественных потребностей рассматривать в качестве исходной экономической категории, заменяющей прибыль как исходную форму реализации цели капиталистического производства. Однако значение потребностей умаляется, поскольку высокая мера удовлетворения всех общественных потребностей оказывается величиной весьма расплывчатой и практически пока не поддающейся точному измерению. Остаётся лишь традиционный способ выражения цели — продуктовый агрегат, в данном случае совокупный (валовой) общественный продукт[488]. Невольно возникает вопрос: может, вообще не следует браться за измерение уровня удовлетворения потребностей, лучше ограничиться измерением этого уровня суммой денег, необходимой для воспроизводства человека как рабочей силы, т. е. заработной платой?

Проблема, на наш взгляд, заключается в том, что иногда правильный подход к определению цели производства не сопровождается соответствующей трактовкой его результатов. В их числе обычно значатся лишь те или иные формы общественного продукта. Что касается человека, то он относится не к результатам производства, а к системе затрат или ресурсов производства (трудовые ресурсы). Вроде бы и не отрицается, что целью

---

[486] Медведев В. А. Актуальные методологические проблемы экономической теории социализма // Вопросы экономики. 1983. № 6. С. 6.

[487] Черковец В. Н. Социализм как экономическая система. М., 1982. С. 207.

[488] Черковец В. Н. Социализм как экономическая система. М., 1982. С. 27.

производства является удовлетворение потребностей и развитие человека, но эта цель не берётся в качестве его результата. Это обстоятельство имеет серьёзное значение для понимания существа общественного производства.

Цель, не доведённая до реализации, не превращается в действительный результат, остаётся на уровне идеи, идеального образа будущего. Соответственно, экономические отношения предстают как целевые отношения, ценностные отношения людей, а не действительно материальные отношения. Согласно концепции оптимального функционирования экономики, цель развития общества в виде максимизации общественной полезности сводится к особым «производственным» отношениям, возникающим между людьми по поводу этой цели[489]. Одновременно утверждается, что целевыми отношениями определяются все другие общественные отношения: коллективизм выступает отношением согласования целей (интересов) между отдельными членами общества, с одной стороны, и обществом в целом — с другой; планомерность является категорией, производной тоже от целевого отношения[490].

С этим, разумеется, согласиться нельзя. «...Суть дела, — отмечал Гегель, — исчерпывается не своей ***целью***, а своим ***осуществлением***, и не ***результат*** есть ***действительно*** целое, а результат вместе со своим становлением; цель сама по себе есть безжизненное всеобщее, подобно тому, как тенденция есть простое влечение, которое не претворилось ещё в действительность...»[491].

Цель производства должна быть представлена в её реализации, осуществлении, т. е. как цель, превращающаяся в результат производства, ибо именно этот результат должен выступать целью производства. Если лучшее удовлетворение потребностей, всестороннее развитие человека определены в виде цели производства, то они должны присутствовать в его результатах. Развитие самого человека, степень удовлетворения его разнообразных потребностей охотно признаются результатом функционирования

---

489 Введение в теорию и методологию системы оптимального функционирования социалистической экономики. С. 141.

490 Введение в теорию и методологию системы оптимального функционирования социалистической экономики. С. 141–142.

491 Гегель Г. В. Ф. Соч., т. IV. М., 1959. С. 2.

общества в целом, включающего все сферы деятельности людей — и производственную, и непроизводственную. Если же берётся только материальное производство, то его эффективность, его результат ограничиваются производством продукта.

Стало быть, отводя человеку должное место в системе целей производства, обычно не считают развитие человека одним из результатов производства. В этом случае диалектика результата и предпосылки (то, что выступает предпосылкой, оказывается результатом, а результат в свою очередь служит предпосылкой) остаётся незавершённой. Между тем последовательное применение здесь диалектики неизбежно приводит к выводу о том, что человек является не только исходной формой, но и результатом производства. Именно это обстоятельство порождает необходимость обращения к потребительной стоимости, которая приобретает определённость экономической формы. Задача состоит в том, чтобы от потребительной стоимости перейти к человеку и включить его производство и воспроизводство в качестве развитой личности в теорию развития производства.

Механизм воспроизводства развитого человека включает в себя человека, конечно, не только в качестве результата производства, но и как предпосылку. Человек в этом аспекте выступает субъективным фактором производства, затрачивающим способности, субъективные производительные силы; поэтому необходимо учитывать и движение затрат человеческого труда. Оно имеет свою специфику, определяемую сущностной основой общества. Оно не может быть выражено предлагаемым иногда законом возмещения затрат рабочей силы, поскольку в нём игнорируются потребности развития человека как личности. Затраты труда ограничиваются пределами необходимого продукта, а сам закон в общем и целом приспосабливается для объяснения одной из сторон производства прибавочного продукта в его стоимостном значении. Ещё менее приемлемы суждения, согласно которым общество, максимизируя стоимостное (валовое) выражение общественного продукта, тем самым якобы максимизирует и удовлетворение потребностей непосредственных производителей.

В механизме воспроизводства развитого человека пределы затрат определяются их отношением не к меновой стоимости, а к степени удовлетворения потребностей. Конечно, и здесь

предполагается, что обществу требуется столько рабочего времени, сколько необходимо для покрытия его потребностей. Но этого мало: для расширенного воспроизводства фонд жизненных средств должен расширяться до такого объёма, который, с одной стороны, допускается наличной производительной силой общества и которого, с другой стороны, «требует полное развитие индивидуальности»[492]. Затраты производства, определяемые потребностями, должны раздвигаться до границ, диктуемых всесторонним и гармоничным развитием каждого члена общества.

Условием такого развития может служить не просто определённое количество затрат труда, а их всемерное сокращение. Если закон стоимости ограничивает свои требования количеством рабочего времени, нужным для удовлетворения потребностей воспроизводства рабочей силы, то производство потребительной стоимости требует сокращения самого рабочего времени до возможного минимума. В этом основная специфика его действия, о которой говорилось в предшествующем анализе.

От предлагаемого понимания результата и предпосылок производства во многом зависит и понимание существа распределения. Необходимость в удовлетворении растущих потребностей людей, их развитии не всегда считается принципом распределения. Во всяком случае, функции распределения чаще отдаются закону распределения по труду, а не по условиям потребления. В современных условиях при распределении учитывается прежде всего количество труда. Возникает впечатление, что субстанциональная характеристика распределения подменяется его мерой. Между тем «развитие... производства больше всего стимулируется таким способом распределения, который позволяет ***всем*** членам общества как можно более всесторонне развивать, поддерживать и проявлять свои способности»[493].

Поскольку принцип потребления не включается в распределение, постольку потребление как процесс реализации цели производства не учитывается в качестве закономерности развития производства. Однако без обращения к потребительному производству невозможно раскрыть сущность и пути реализации

---

492 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II. С. 448.

493 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20. С. 206.

цели материального производства, воспроизводства общественных отношений.

С «введением» человека в систему результатов производства изменяются и существующие представления о принципах распределения. Когда человек и его труд фигурируют лишь в системе затрат и отсутствуют среди результатов производства, то и распределение продукта происходит по затратному принципу. Вместе с тем, как уже говорилось, масса потребительных стоимостей зависит не только от количества труда, но и от его производительности. Более того, с ростом производительности труда неизбежно сокращается количество живого труда и рабочего времени, затрачиваемое на единицу продукции, что, однако, не может служить основанием для уменьшения объёма потребления. Поэтому потребление и, соответственно, распределение не могут быть ориентированы только на рабочее время как на определяющий фактор и меру, они должны исходить из цели и результата производства, а не только из затрат труда.

В. И. Ленин в своё время подверг критике тезис Р. Люксембург о неизбежном отставании производства средств потребления именно потому, что объём потребления трудящихся определялся только затратами живого труда, т. е. это отставание объяснялось неизбежным сокращением доли живого труда в общей сумме труда, воплощённого в общественном продукте[494]. Способ распределения, как известно, определяется способом производства. Если способ производства предполагает в качестве цели и результата развитие человека и более полное удовлетворение его потребностей, то они должны быть исходным принципом распределения. Оплата по труду, выступающая в качестве издержек производства, и соответствующее ей потребление обычно связаны лишь с необходимым продуктом. Производимый же рабочими прибавочный продукт с самого начала должен служить удовлетворению потребностей самих рабочих, развитию их способностей и равноправному пользованию всеми достижениями культуры[495]. Необходимо, следовательно, дополнить формулу

494 Ленинский сборник. Т. XXII. М., 1933. С. 361–365.

495 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2. С. 97.

о цели производства указанием на то, что не просто удовлетворение нужд, а обеспечение полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества «за счёт *всего* общества»[496].

Богатство общества в виде развитых способностей всех людей зависит не от продолжительности труда, а от его производительности, обеспеченности производства соответствующими условиями. Вполне очевидно, что распределение и потребление, поставленные в зависимость от производительной силы труда, будут иными, чем в случае, когда они замыкаются на продолжительности рабочего времени, количестве труда, его затратах, а не на результатах в виде потребительной стоимости. Признавая зависимость оплаты труда от его производительности, нельзя подменять сущность распределения его мерой посредством труда.

Следует подчеркнуть, что приведённое известное марксистское положение о всестороннем и гармоничном развитии человека, об обеспечении полного благосостояния и свободного развития всех членов общества как цели общественного развития ныне положительно воспринимается не только видными западными теоретиками, но всем мировым сообществом в лице ООН. Достаточно сослаться на высказывание основателя Римского клуба А. Печчеи, выразившего глубокую убеждённость в «необходимости полного и всестороннего развития возможностей и способностей всех людей планеты, как непременного условия преодоления существующего неравенства и обеспечения здоровой и достойной жизни каждого». Именно этим целям, по его мнению, должны быть подчинены все стратегии, политические программы и перспективные планы в национальных и глобальных масштабах[497]. Такого же мнения придерживался А. Эйнштейн.

Сегодня, однако, речь идёт не просто об отдельных суждениях на этот счёт. Мировое сообщество признало развитие человека в качестве цели общественного развития, которая ранее связывалась с социализмом. В разработанной ООН в 1990 г. Программе развития (ПРООН) именно развитие человека, человеческого потенциала принято в качестве оценки достигнутого состояния

---

496 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6. С. 232.

497 Печчеи А. Человеческие качества. М., 1985. С. 205.

прогресса всего мирового сообщества и отдельных стран. Начиная с 1990 г. ООН ежегодно публикует доклады о человеческом развитии, проводит сравнительный анализ состояния этого развития в разных странах на основе индекса человеческого развития (ИЧР) или индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП).

Глава 15. Труд и собственность

§ 1. Тождество (единство) труда и собственности

Труд в качестве основания воспроизводства общественных отношений (общества) выявляет свою сущность в присвоении человеком предметов и сил природы, осуществляемом в процессе самого труда. Такое присвоение является исходным в отношениях людей по участию в труде — отношением собственности. Здесь будет уместным привести известное положение К. Маркса: «Всякое производство есть присвоение индивидом предметов природы в рамках определённой формы общества и посредством неё. В этом смысле будет тавтологией сказать, что собственность (присвоение) есть условие производства»[498]. Без отношений собственности производство не существует.

Труд в значении исходного основания собственности составляет одно из всеобщих условий воспроизводственного движения общественных отношений. С этой точки зрения собственность определяется как отношение человека к условиям и продукту своего труда как к своей собственности, как к принадлежащим ему.

Отсюда, т. е. из общей формулы, из принадлежности условий труда самому труду нельзя, однако, делать прыжок, предупреждает К. Маркс, к частной собственности, что нередко делается теми, которые последнюю считают единственной и общей формой всякой собственности, если она существует. В наше время в этом плане особенно усердствуют постмодернисты, не желающие допустить общественную собственность для своих «post»-ов и надеющиеся на индивидуализацию творчества и установление только личной собственности (иное название частной собственности).

---

498 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 2.

Отечественный автор В. Л. Иноземцев, не желая иметь дело с трудами историков, готов отказать первобытной общине в праве иметь всякую форму собственности, чем признать в ней общую, общественную собственность. В качестве аргумента им приводится взятая на вооружение зеноновская апория «дихотомия»: собственности, как человеку принадлежащему объекту, противопоставляется нечто, не принадлежащее другим людям, т. е. исключаемость всех других от собственности на этот объект. Если всем, то уже никому и никому другому. Так как община вроде бы не была связана с другими общинами, то не оставалось места для второго полюса отношения собственности — объекта, принадлежащего другим людям, другой общине. Это, по его мнению, означает скорее ***отсутствие собственности как таковой***, чем гипотетическое наличие общественной собственности[499]. После того как автор, претендующий на знание не только будущего, но и прошлого человечества, «доказал» при помощи апории Зенона невозможность существования общественной собственности, так же легко, но посредством уже другой модернистской «трёхчленки» (до — теперь — после), устанавливает этапы развития отношений собственности: отсутствие собственности (до) — частная собственность (теперь) — личная собственность вместо частной (после).

Как в рассуждениях В. Л. Иноземцева, так и его предшественника Д. Белла, отсутствует главное — труд, в процессе которого осуществляется присвоение предметов природы и возникает отношение собственности к условиям и продукту труда. К сожалению, трудовая теория собственности, без которой невозможно понять эволюцию этого общественного отношения, остаётся вне поля зрения многих современных авторов, и не только постмодернистов. Между тем именно на основе трудовой теории были сформулированы основные законы движения отношений собственности и выявлены тенденции их развития в будущем обществе[500]. Согласно этой теории, исходным выступает закон собственности

---

499 Иноземцев В. Л. Собственность в постиндустриальном обществе и исторической ретроспективе // Вопросы философии. 2001. №2. С. 6.

500 См. об этом более подробно: Ельмеев В. Я., Тарандо Е. Е. Социология собственности. СПб., 2001; Тарандо Е. Е. Труд и собственность: диалектика развития. СПб., 2003.

на продукт своего труда, или, по выражению К. Маркса, закон тождества труда и собственности[501].

Первоначально, как об этом свидетельствуют исследователи первобытной истории, в частности Морган, люди трудились сообща, предпосылкой и субъектом трудовой деятельности были община или другой коллектив. Из определения собственности как отношения к условиям своего труда, как к своим собственным, не следует, что собственность возникает из отношения отдельного человека к этим условиям. Изолированный человек, например Робинзон, может присваивать объективные условия своей жизнедеятельности, относиться к природным или созданным им предметам как к своим, но это ещё не будет отношением собственности. Для того, чтобы оно возникло, нужны другие люди, нужно сообщество людей. Именно тогда, когда происходит совместное, коллективное присвоение вещных условий, объектов природы, возникает отношение собственности как общественное, социальное отношение. Поэтому к первоначальному определению собственности как отношения человека к вещам добавляется новый существенный момент — это отношение людей между собой по поводу их отношения к вещам. То есть отношение человека к вещи дополняется отношением человека к человеку по поводу вещей, по поводу участия в совместном их производстве и распределении.

Что касается характеристики собственности как отношения людей между собой по поводу вещей, то людские отношения тоже могут быть поняты в двух смыслах. Во-первых, они могут быть сведены к отношениям субъекта к своим собственным, принадлежащим ему силам и свойствам, например к своему телу или к своим мыслям. Есть авторы, которые полагают, что собственность имеет своим источником природу самого человека, что возникает, например, из того, что ум человека, его воля, тело — это его собственность. Юристы выделяют из вещных прав личные права, например исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальная собственность). Здесь, как и в случае с Робинзоном, отношение собственности в его собственном смысле ещё не возникает. Если человек соотносится

[501] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 459.

лишь с самим собой, то он ещё не вступает в отношения собственности. Чтобы они были, необходимы другие люди, с которыми он может находиться в отношениях собственности по поводу присвоения его субъективных сил, способностей, умений и т. д. Отношения собственности, во-вторых, могут и должны рассматриваться как отношения между самими людьми по поводу вещей или субъективных факторов, лежащих на стороне человека (его рабочих или созидательных сил). Другой человек по отношению к данному человеку в последнем случае приобретает свойства объекта, а отношение собственности — характеристику объективного общественного отношения, поскольку люди в качестве лиц, отличая себя от себя и относясь друг к другу, приобретают наличное бытие как собственники. В собственности снимается голая субъективность личности (Гегель).

Итак, собственность в своём исходном определении есть общественное отношение (отношение между людьми) и, лишь будучи таковым, является отношением к вещам как условию человеческой жизнедеятельности, труда. Отношение человека к вещам как к своим опосредствуется его отношением к другим людям. Как язык, так и собственность не могут быть продуктом отдельного человека. Поскольку собственность не существует как замкнутое в себе самом отношение индивида к самому себе, а предполагает наличие того или иного сообщества людей, то именно последнее является первичным субъектом собственности. Человеческое сообщество может выступать собственником непосредственно, например в лице общины или рода, народа (когда основные средства производства и земля объявляются общим достоянием народа), а также посредством государства. Исторически первой предпосылкой собственности было наличие человеческого коллектива, общины, т. е. наличие социального образования. К. Маркс утверждал: «***собственность*** означает ***принадлежность*** индивида к какому-либо племени (коллективу) (означает иметь в нём основу для своего субъективно-объективного существования), а через посредство отношения этого коллектива к земле как к своему неорганическому телу — отношение индивида к земле»[502].

[502] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 481.

Движение отношений собственности как собственности на продукты своего труда, выраженных законом их тождества, приобретает различные исторические формы, обусловленные изменением социального содержания самого труда. Очевидно, что первоначальная форма собственности — общая (общинная) собственность — имела своим базисом совместный (общий) труд в виде кооперации, не знающей ещё социального разделения труда. Вполне обоснованно утверждается, что первоначально умственная деятельность непосредственно вплетена в материальную деятельность и реальное общение людей. Один и тот же работник объединяет все функции трудового процесса, как физические, так и духовные. «Как в самой природе голова и руки принадлежат одному и тому же организму, так и в процессе труда соединяются умственный и физический труд. Впоследствии они разъединяются и доходят до враждебной противоположности»[503].

Так обстояло дело первоначально всюду, где труд оставался целостным, не разделённым между различными группами людей, например ремесленный труд, труд мелкого крестьянина, цеховое производство и т. д. В первобытном обществе не существовало ещё особой группы лиц, выполняющих только духовные функции производства, т. е. людей умственного труда. Практические знания были достоянием каждого члена общества. Все они одинаково осуществляли и физические, и интеллектуальные функции труда. К тому же в силу низкого уровня развития производительных сил общество в то время не могло производить излишки жизненных средств, необходимых для содержания особой группы людей, освобождённых от физической работы.

Это положение в истории сохранялось во всех тех формах хозяйства, где производственный процесс по своему техническому уровню мог функционировать на основе практических знаний самого производителя. Однако на определённом общественном этапе дальнейшее совершенствование производительных сил, техники становится невозможным без специфического, обособленного интеллектуального труда. Непосредственные производители, поскольку они отдавали всё своё

503 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 516.

время материальному производству, в новых условиях оказались не в состоянии выполнять усложнившиеся духовные функции процесса производства.

Вместе с тем производительные силы общества достигают в рамках первоначальной целостности труда такого уровня, что общество стало производить излишек жизненных средств, за счёт которого могла существовать определённая группа людей, освобождённых от материального производства. Когда рабочая сила человека становится способной давать значительно больше продуктов, чем необходимо для существования производителя, то это и есть в основном та самая ступень, на которой возникает разделение труда и товарный обмен между отдельными лицами.

Собственность на продукт своего труда предполагает ещё одну важную особенность самого труда — его направленность на производство потребительной стоимости, служащей удовлетворению человеческих потребностей. В условиях трудовой собственности преобладающим выступает производство, в котором господствует создание благ для непосредственного потребления, а не для продажи и получения денег. Производство здесь имеет своей предпосылкой потребление, подчинено напрямую потреблению. Производство в этом случае выступает для человека как воспроизводство самого себя в качестве члена сообщества, причём посредством кооперации в труде, совершаемом в общих интересах. В той мере, в какой человек принадлежит к общине и воспроизводится в определённых отношениях к общине, он не может приобретать резкую обособленность в своих взаимоотношениях с другими лицами. Поэтому древнее воззрение, согласно которому человек выступает как цель производства, является более возвышенным, чем представление о нём в мире капитала, где целью производства служит вместо человека стоимостное богатство.

Вместе с тем общинный строй ограничивает возможности труда в воспроизводстве индивида по ряду причин. Во-первых, долгое время наиболее распространённым объективным условием труда была природа, а не сами орудия как результат труда, что, безусловно, снижает инновационные способности самого субъекта труда. Во-вторых, привязанность к общине и устойчивость её предписаний ограничивали самостоятельность индивида по отношению к общине.

Формы собственности, возникающие на основе собственного труда, во многом зависят от характера объекта и субъекта собственности. Из определения собственности как отношения людей к условиям и продукту труда, как принадлежащим им, следует, что её объектом служат прежде всего объективные условия жизнедеятельности. К ним относятся, прежде всего, материальные, вещные условия и средства: средства и продукт производства, земля, предметы потребления и т. п. Имеются и субъективные условия, и факторы производства и жизнедеятельности, начиная с самого человека как физического существа и кончая идеальными способностями и силами человека и общества, которые тоже могут в определённых условиях составлять объект собственности.

Всё ли, что окружает человека и общество и служит условием его жизнедеятельности, может быть объектом собственности? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно сначала выставить определённые критерии: а) исходить из того, что собственность по отношению к личности (субъекту) выступает её наличным бытием, обладающим внешней, а потому и вещной формой существования; б) предполагать, что то или другое явление может стать объектом собственности, лишь будучи опосредствованным отношением людей друг к другу по поводу этого объекта.

Согласно названным критериям, объектом собственности, во-первых, не может служить то из внешней сферы, что не является условием, фактором жизнедеятельности людей, не используется ими, т. е. не составляет элемента наличного бытия личности. Кроме того, чтобы быть объектом присвоения, требуется, во-вторых, превращение субъективных условий и факторов (свойств и сил самих людей) во внешнюю форму (в форму вещей, работ, услуг или в другие формы непосредственного бытия. В-третьих, собственностью может стать лишь тот объект, отношение к которому опосредствовано отношениями между самими людьми, т. е. когда имеет место отношение людей, а не одного лица по поводу данного объекта.

Что касается субъекта первоначальных форм собственности, то им выступает как община в целом, так и отдельный член общины. Объект и субъект собственности, взятые вместе, дают возможность выделить самые разные формы собственности, основанные на собственном труде.

Это, прежде всего, собственность, выражающая отношение труда к своему изначальному природному условию — к земле. Там, где имеет место земельная собственность, она предполагает в качестве своего субъекта общину, члены которой от имени общины являются собственниками, причём имеется в виду непосредственно общая собственность. К. Маркс считал, что исходной и общей формой земельной общинной собственности является азиатская форма, модифицированная у славян и служащая основой как античной, так и германской форм собственности[504]. В этом случае люди относятся к земле как к непосредственной собственности коллектива, производящего и воспроизводящего себя в живом труде. Каждый отдельный индивид является собственником или владельцем только в качестве члена этого коллектива.

Античная форма собственности своей первой предпосылкой тоже предполагает общину, которая сосредоточивается в городе, и земля которой располагается вокруг города. Здесь община как субъект собственности уже не выступает её непосредственной субстанцией, а индивиды — только как составные части. Общинная собственность, общая земля, отделена от частной собственности на землю, которая уже не является непосредственно общинной собственностью, хотя базируется на собственном труде её владельца и его семьи. Предпосылкой для присвоения земельного участка здесь продолжает оставаться членство в общине, и как член общины отдельный человек становится частным собственником. Существование общины обеспечивается сохранением равенства между образующими её свободными и самостоятельно работающими на своё существование крестьянами, а также их собственным трудом как условием существования. Собственность на свой труд опосредствована собственностью на условия труда — на участок земли, а эта собственность гарантирована существованием общины. В производстве жизненных средств индивид оказывался в условиях, делающих целью не приобретение богатства, а самостоятельное обеспечение своего существования, воспроизводство себя как собственника земельного участка и как члена общины. Прибавочный труд (прибавочное

504 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 463.

время) отдавался общине, приобретая различные формы, в частности форму военной службы.

Ближе всего к частной собственности на землю (природные условия), но как собственности работающих индивидов, подошла германская община. Отдельный член общины здесь уже не был совладельцем общей собственности, как в восточной общине. Община получала внешнее существование, собственниками земли выступали отдельные лица, общинные леса или луга лишь дополняли индивидуальную частную собственность. Сама же община существовала не как нечто самостоятельное, отличное от частных собственников, а как их сумма.

Кроме земельной формы собственности, основанной на своём труде, объектом собственности работающих собственников могли служить ***орудия труда***. В этом случае речь идёт о ремесленном труде и о ремесленнике как субъекте собственности и, соответственно, о цеховом строе производства и труда. Благодаря тому, что от работника зависело то или иное использование орудия труда, повышалась его производительность, в том числе за счёт особого мастерства работника. Коллективная форма организации ремесленного труда в этих условиях уже не определялась природными условиями, как при земельной собственности, она становилась продуктом самих работников. Даже если продукция ремесленного производства обменивается как меновая стоимость, само производство непосредственной и главной целью делает обеспечение существования ремесленника, стало быть, производство потребительной, а не меновой стоимости. Труд подчинён потреблению, которое выступает предпосылкой самого производства.

В истории имеет место и третья форма собственности (рабство, римский плебс), при которой сам труд выступает как объективное условие производства (раб как живое орудие), а работник имеет в собственности лишь жизненные средства, т. е. не относится ни к земле, ни к орудиям и самому труду как к своим собственным.

Итак, первоначальные формы собственности сводятся к отношению к объективным условиям и результатам труда как к своим собственным, они образуют экономическую основу различных форм общины, и сами имеют общину в качестве своей предпосылки. В условиях общинного способа производства превращение

продукта труда в товар хотя и случается, но играет подчинённую роль. То же самое можно сказать и о бытии людей как товаропроизводителей — они таковыми не являются вплоть до упадка общинного уклада жизни.

Закон собственности на продукт своего труда продолжает своё действие в простом товарном производстве. Здесь собственность положена тоже как присвоение продукта посредством труда. Если же речь идёт о продукте труда другого производителя (чужого труда), то он присваивается посредством опять-таки собственного труда. В этом простом обмене продуктами труда (деятельностями) сохраняется тождество труда и собственности, т. е. сохраняется первый закон, хотя и в модифицированном частной собственностью виде. Взаимодействие работающих собственников по своему содержанию обусловливается не погоней за богатством (деньгами), а необходимостью удовлетворения потребностей, хотя по форме это происходит как обмен меновыми стоимостями. Содержание же собственности здесь исходит из тождества живого и овеществлённого труда. В простом товарном производстве, поскольку все работники выступают одновременно производителями, продавцами и покупателями как своих товаров, так и товаров других людей, они каждый раз продукт своего труда, равный, например, восьми часам рабочего времени, обменивают на продукт восьмичасового труда другого производителя. Обмен происходит по меновой стоимости, он предполагает стоимостную эквивалентность, меняются лишь виды потребительных стоимостей. Обмениваются не только равные количества овеществлённого труда, но и определённое количество живого труда обменивается на равное количество овеществлённого труда. В этом случае стоимость овеществлённого в товаре труда выражает такое его количество, которое равно количеству живого труда, необходимого для производства товара.

Из того факта, что в простом товарном производстве обмен труда на труд (при тождестве живого и овеществлённого труда) происходит по форме обмена меновых стоимостей, нередко делается вывод, что производство при всех своих формах, в том числе и при капитализме, зиждется на эквивалентном обмене труда на труд, предполагает всегда равенство обменивающихся сторон без всякой эксплуатации друг друга и без всякого безвозмездного

присвоения продукта чужого труда. К такому выводу склоняются и некоторые современные отечественные авторы. Для этого, во-первых, труд и трудовые отношения, имеющие своей предпосылкой общину, исключаются из экономических категорий и экономических отношений собственности. Таковыми они вроде бы становятся лишь тогда, когда труд становится товаром, объектом купли-продажи. Во-вторых, не только овеществлённому в товаре, но и живому труду работника приписывается свойство товара и стоимости, т. е. восстанавливается известное второе определение стоимости А. Смита посредством стоимости самого труда. В-третьих, труд и рабочая сила, находящиеся на стороне рабочего, объявляются человеческим капиталом, обмениваемым на вещный капитал как на овеществлённый труд. В итоге взаимодействие живого труда, производящего потребительную стоимость, и овеществлённого в стоимости капитала труда, подменяется обменом труда на труд, причём труд на обеих сторонах, т. е. как живой, так и овеществлённый, одинаково объявляется товаром, обмениваемым как меновая стоимость. Поскольку обмен живого труда на овеществлённый прикрывается формой простого товарного производства и законом стоимости, объявляемым основным законом капиталистического производства, то снимается проблема эксплуатации труда. Капиталистическое присвоение чужого труда подгоняется под присвоение на базе простого товарного производства, имеющего своей основой трудовую частную собственность.

К. Маркс предвидел подобный поворот дела. «Такое положение вещей, — писал он, — при котором происходит только обмен труда на труд — будь это в форме непосредственного живого труда или в форме продукта — предполагает отделение труда от его первоначальной сращённости с его объективными условиями, вследствие чего труд выступает как всего лишь труд, а с другой стороны, его продукт как овеществлённый труд приобретает в противовес [живому] труду вполне самостоятельное существование в качестве стоимости. Обмен труда на труд — который кажется условием собственности работника — имеет своей основой отсутствие собственности у работника»[505]. В процессе развития меновых отношений частная собственность

[505] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 507.

приводит к разрыву между трудом и собственностью на его продукт, закон собственности простого товарного производства превращается в закон капиталистического присвоения: труд создаёт чужую собственность, а собственность опосредствуется чужим трудом. «Первый закон есть тождество труда и собственности; во втором законе труд выступает как отрицаемая собственность или собственность как отрицание чуждости чужого труда»[506].

Отчуждение труда от собственности имеет своей предпосылкой дальнейшее преобразование частной собственности, объективных и субъективных условий самого труда. Работники лишаются собственности на условия своего труда различными путями, которые в итоге приводят к лишению земледельцев собственности на землю, ремесленников — на орудия труда, рабов и крепостных — на жизненные средства.

Не входя в подробное рассмотрение этих исторических путей, т. е. как они осуществлялись в прошлом, остановимся вкратце на том, как в СССР происходило отделение труда от общественной собственности на его объективные условия: проведём лишь параллель с тем, как это происходило в Римской империи.

Было время, когда каждый римлянин имел в своём владении участок общеримской земли, принадлежащий ему как римлянину, как гражданину римского государства. Впоследствии государство в лице крупных земельных собственников лишило своих рядовых граждан собственности на землю. Бывшие владельцы этих земельных участков, утратив собственность на землю, получили название ***privati***, т. е. лишённые своей доли, ограбленные. Плиний Старший свидетельствует, что пока действовал благотворный закон об общественной земле (***ager publicus***), согласно которому каждому римлянину давалось право собственности на землю, Рим пребывал в благосостоянии и могуществе. Когда же государственные мужи убедили римлян в том, что общественная земля — это бесплодное бремя, что частная поземельная собственность производительнее, чем общественная, когда «***ager publicus***» перешёл в руки крупных частных собственников, Италия разорилась и Рим погиб.

Нечто подобное произошло в современной России в результате приватизации собственности на условия труда — на средства

---

[506] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 459–460.

и продукт производства, на землю. Предприятия (фабрики и заводы, производственные объединения) оказались в руках частных собственников. В пользу замены общественной собственности на частную приводился тот же аргумент — неэффективность общественной собственности по сравнению с частной. Наличие собственности российского гражданина на общественное богатство было признано, поскольку всем были выданы приватизированные чеки (ваучеры), стоимостью всего в 10 000 условных единиц, которые на практике скупались за бесценок. В результате рядовые граждане быстро лишились своей чековой мизерной доли общественного богатства, оказались обездоленными, ограбленными (*privati*). Страна разорилась, около 40% населения оказалось за чертой бедности, минимальная оплата труда стала одной из самых низких в мире. Как и Римская империя, СССР распался.

Пришлось признать, что раньше, когда трудящиеся были совладельцами общественной собственности, они имели социальные гарантии, в том числе на труд и общественные фонды потребления, за счёт которых им обеспечивались бесплатное образование, медицинские услуги и условия отдыха, а также оплата жилья и транспорта. Потеря этих благ — такой оказалась цена отчуждения труда от собственности.

§ 2. Отчуждение труда от собственности

Собственность, основанная на труде работника, в своём историческом развитии, как было сказано, сначала приобретает частную форму, которая в последующем превращается в частную собственность, отчуждённую от труда. Закон частной собственности, покоящийся на простом товарном производстве и товарном обращении, переходит в свою противоположность: обмен эквивалентов, имевший место в обычном товарном обращении, по своей сущности становится формой присвоения чужого прибавочного труда без всякого эквивалента.

Понятие «отчуждение», используемое ещё Л. Фейербахом и Г. Гегелем, было представлено сначала молодым, а затем умудрённым К. Марксом одной из существенных характеристик труда

капиталистической эпохи. Это понятие означает, в первую очередь, лишение собственности работника на им же созданный продукт своего труда. Его нельзя путать с имеющим место в простом товарном производстве и обращении отчуждением своего продукта в обмен на продукт другого (чужого) труда, когда оба товаропроизводителя остаются собственниками продуктов своего труда. В капиталистическом товарном производстве рабочий теряет собственность на продукт своего труда, ибо лишается собственности на средства труда и остаётся лишь собственником своей рабочей силы, которую он вынужден продавать хозяину средств производства, т. е. капиталисту. В отличие от раба, который как таковой может быть продан и иметь стоимость, рабочий формально остаётся свободной личностью, его труд и он сам не могут быть товаром и меновой стоимостью. Такие свойства приобретает его рабочая сила как способность к возможному труду. Именно капитал, а не сам рабочий, придаёт рабочей силе значение меновой стоимости.

Могут, конечно, возразить: рабочему всё-таки принадлежит часть продукта его труда, называемая необходимым продуктом, стоимость которого возмещает стоимость его рабочей силы, т. е. его заработная плата вроде бы и есть принадлежащая ему часть продукта его труда. Кроме того, как утверждают, рабочий ныне может иметь акции, что снимает вопрос об отчуждении труда от его продукта. На этом основании отдельные авторы считают устаревшими взгляды К. Маркса на этот счёт[507].

В действительности же заработная плата не составляет долю рабочего в произведённом продукте. Этот продукт, во-первых, полностью принадлежит собственнику средств производства. Во-вторых, заработная плата — это часть переменного капитала, обмениваемого на стоимость рабочей силы, за которой стоит стоимость жизненных средств рабочего, которая определяется не его трудом, а общественно необходимым трудом, занятым в их производстве. Капиталист лишь возмещает из вновь созданной трудом стоимости продукта её часть в виде заработной платы. Только в этом смысле заработную плату можно рассматривать как долю

[507] Эриксон К. Труд и отчуждение // Социология труда (часть I). Сборник тезисов. Составители: Ю. Фельдхофф, Р. Карапетян. СПб., 1998. С. 255.

работника в стоимости продукта. Рабочий каждый раз в течение всего срока найма должен создавать для капитала эквивалент стоимости своей рабочей силы, а капиталисту — прибавочную стоимость.

Отчуждённые от труда его средства и продукт приобретают по отношению к работнику характер некой внешней, господствующей над ним силы, его собственные творения становятся чужими, поскольку за ними стоит эксплуатирующий его труд капитал. Выявляет эту свою чуждую по отношению к труду сущность капитал в своих вещных проявлениях, в образе потребительностоимостных факторов процесса труда.

Отчуждение труда не исчерпывается отношением работника к средствам и продукту труда как к чужой собственности. Оно имеет и вторую сторону — отчуждение самого труда, что делает отношение рабочего к своему труду как чуждой для него деятельности. Это означает, что способность к труду (рабочая сила) в качестве товара приобретается работодателем. Проданная рабочая сила лишь до её продажи могла быть достоянием работника, после продажи она перестаёт быть его собственностью.

Соответственно, рабочая сила и в своём реализованном в труде виде, т. е. в виде живого труда, тоже становится отчуждённой деятельностью, чем-то внешним, не принадлежащим к положительным свойствам деятельности работника. В этом труде он не утверждает себя в качестве носителя собственно человеческой, родовой (общественной) сущности, а отрицает её. Труд для него — не удовлетворение самой потребности в труде, а лишь средство для удовлетворения потребностей в средствах существования. Не случайно поэтому ещё А. Смит называл труд жертвой: для рабочего, по его мнению, определённое количество труда (времени) всегда количественно выступает одинаковой жертвой, как бы ни менялся результат этого труда. В этом же духе оценивает труд У. С. Джевонс: он считал работу тягостным усилием тела и духа, отрицательной полезностью в отличие от продукта, обладающего положительной полезностью. Многие современные авторы обычно упускают из виду эту сторону отчуждения труда. Под отчуждением самого труда рассматривают очевидную дифференциацию трудовой деятельности, углубляющееся профессиональное разделение труда. «Для нас сейчас, — пишет,

например, К. Эриксон, — важны два других источника отчуждения. Первый — нарастающая диверсификация (дробление) профессий и всё более узкая специализация трудовых функций. Второй — снижение уровня контроля индивида над работой, которую он выполняет»[508].

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что отчуждение труда возникает не из самой природы труда, не из присущего всем общественно-экономическим формациям его свойства служить условием обмена веществ между человеком и природой и создавать потребительные стоимости для удовлетворения человеческих потребностей, а из того, что он становится носителем меновой стоимости рабочей силы, а продукт и средства труда превращаются в частную собственность работодателя. Об этом следует напоминать потому, что нередко первый аспект смешивается со вторым: отрицательное значение (отчуждённость) придаётся самому живому труду как таковому, который может заменяться машиной. Такой труд, соответственно, получает отличное от «труда» унизительное название — «работа»[509].

Из отчуждения труда, из его превращения во что-то внешнее, не принадлежащее к человеческой сущности самого работающего, проистекает ещё одна, третья сторона отчуждения — отчуждение человека от человека. Искажается историческое предназначение труда: из труда, посредством которого образуется общество и формируется общественная сущность человека, труд превращается в средство отчуждения этой сущности: общественное подавляется индивидуальным, обособленным, атомизированным существованием.

Таким образом, отчуждение труда от собственности, с одной стороны, выступает результатом установления частной собственности на отчуждённые от труда средства и продукт производства, с другой — является предпосылкой этой частной собственности, которая возникает из отчуждённого труда. По мере того, как труд отчуждается от собственности на свой продукт, и рабочая сила

---

[508] Эриксон К. Труд и отчуждение // Социология труда (часть I). Сборник тезисов. Составители: Ю. Фельдхофф, Р. Карапетян. СПб., 1998. С. 255.

[509] Парцвания-Чараия В. В. Генеалогия отчуждения: от человека абстрактного к человеку конкретному. СПб., 2002. С. 228.

превращается в товар, производство всё более становится товарным капиталистическим производством, которое ныне охватывает все сферы жизни. Труд также во всё растущих масштабах превращается в наёмный труд.

Наёмный труд вступает во взаимодействие с капиталом в двух различных не совпадающих друг с другом плоскостях: а) как труд, выраженный в меновой стоимости рабочей силы, которая обменивается на стоимость переменной части капитала; б) как живой труд, производящий потребительную стоимость и используемый капиталом для производства прибавочной стоимости. Первый процесс осуществляется по законам простого товарного обращения на эквивалентной основе, второй не предполагает эквивалентного обмена, в нём капитал взаимодействует не со стоимостью рабочей силы, а с её потребительной стоимостью. Здесь капитал получает в своё распоряжение сам живой труд, который используется для получения стоимости. Именно этот второй процесс образует специфику капиталистического производства, отличает её от простого товарного производства и обращения. «Как единство процесса труда и процесса образования стоимости, производственный процесс есть процесс производства товаров; как единство процесса труда и процесса увеличения стоимости, он есть капиталистический процесс производства, капиталистическая форма товарного производства»[510].

В этих двух процессах опять-таки обнаруживается двойственная природа как труда, так и капитала. Различие между трудом, поскольку он создаёт потребительную стоимость, и тем же самым трудом, поскольку он создаёт стоимость, здесь выступает как различие между разными сторонами процесса производства. Капитал, как и простой товар, тоже имеет двоякую форму, т. е. форму меновой стоимости и форму потребительной стоимости. В отличие от своей сущности, т. е. стоимостной формы, в процессе производства капитал принимает образ производящего потребительную стоимость труда и его средств (предмет и орудия труда), т. е. выступает как производящий потребительную стоимость процесс, «надевает» робу работающего человека, выдаёт себя за создателя прибавочной стоимости.

---

510 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 208.

Без строгого разграничения указанных двух сторон взаимодействия труда и капитала невозможно правильно понять процесс производства прибавочной стоимости. К. Маркс упрекал Д. Рикардо в том, что он не делал различия между рабочей силой как товаром и трудом, являющимся всего лишь потреблением этой силы ***in actu***. Поэтому он оказался неспособным показать, как может получиться прибавочная стоимость, как образуется неравенство между тем количеством прошлого труда, которое капитал отдаёт рабочему в виде заработной платы, и тем количеством живого труда, которое капиталист получает за количество овеществлённого в переменном капитале труда[511]. В наше время чаще всего участие капитализированных средств производства, особенно техники и технологий в производстве потребительной стоимости, выдают за источник прибавочной стоимости вместо или в дополнение к труду. По мнению, например, М. М. Голанского, «так называемая прибавочная стоимость» «не имеет отношения к эксплуатации наёмного труда на конкретном предприятии»[512]. Другой отечественный критик К. Маркса Д. П. Горский предлагает в качестве источника прибавочной стоимости рассматривать не только труд, как у К. Маркса, но и технику, т. е. участие последней в потребительной стоимости намеренно смешивается с производством стоимости и прибавочной стоимости[513].

Особенно широкое распространение ныне получили попытки представить стоимостный обмен между трудом (рабочей силой) и капиталом как обмен двух капиталов: человеческого (стоимость рабочей силы) и капитала работодателя, выделяемого на покупку рабочей силы. Отсюда выводятся всякого рода теории о равенстве и партнёрстве, о взаимном доверии между рабочим и капиталистом. При этом потребление капиталистом своего капитала в виде дохода считается расходованием, непроизводительным потреблением, а потребление рабочим своих жизненных средств

---

511 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 47. С. 46.

512 Голанский М. М. Будущее мировой экономики и перспективы России (Современное видение versus постулаты Маркса). М., 1994. С. 11.

513 Горский Д. П. Трудовая теория стоимости: критический анализ концепции К. Маркса // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 127.

и услуг, получаемых на заработную плату, объявляется созданием им человеческого капитала.

В действительности реальный капитал может противостоять не капиталу, а только труду. Капитал может полагать себя в качестве капитала, только полагая труд как не-капитал, как чистую потребительную стоимость. Единственную противоположность капиталу как вещественному труду образует не-овеществлённый, ***живой труд***[514]. Соответственно, свой источник прибавочная стоимость находит не в стоимости рабочей силы, а в её потребительной стоимости, реализуемой в живом труде. Если постоянный капитал в виде средств производства входит в процесс производства в той же форме потребительной стоимости, которую раньше имели составляющие его товары, то на место переменного капитала (стоимости рабочей силы) в форме потребительной стоимости купленных жизненных средств выступают не они, а живой фактор (труд), т. е. стоимость переменного капитала замещается создающей и увеличивающей стоимость трудовой деятельностью.

Овеществлённый как в жизненных средствах, так и в средствах производства конкретный труд сам по себе капиталом не является. Они получают название переменного и постоянного капитала лишь постольку, поскольку в них воплощён общественный необходимый труд, выраженный в их стоимости, причём не просто в стоимости, а в прибавочной стоимости. Именно этот, а не живой труд становится капиталом, прибавочной стоимостью. Капитал, воплощённый в своём вещном носителе — в средствах производства, заставляет живой труд посредством них служить получению прибавочного труда, прибавочной стоимости. Всасывание прошлым трудом (капиталом) добавочного живого труда есть процесс его самовозрастания, его действительное превращение в капитал, в самовозрастающую стоимость. Причём увеличивается исключительно величина овеществлённого в рабочей силе (переменный капитал) труда посредством живого труда, в то время как стоимость средств производства лишь переносится этим же живым трудом на стоимость продукта.

Смешивать присвоение процесса труда с самим процессом труда, а потому превращать вещные элементы простого процесса

---

514 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 242; т. 37. С. 32.

труда в капитал никак нельзя. «Надо сойти с ума, — писал К. Маркс, — чтобы ***определённое общественное производственное отношение***, выражающееся в вещах, принимать за вещное природное свойство самих этих вещей»[515]. В процессе производства вещные условия труда (средства производства) служат не только для того, чтобы живой труд овеществлялся в продукте, но и для того, чтобы овеществлялось больше труда, чем содержалось в переменном капитале — в стоимости рабочей силы. Средства производства служат для того, чтобы получить больше прибавочного труда, который воплощается в прибавочной стоимости.

Итак, отношения труда и капитала распадаются на два различных процесса: первый процесс касается сферы обращения товаров, выступает как купля и продажа рабочей силы на эквивалентной основе; второй процесс — это производительное потребление купленной рабочей силы, сам процесс живого труда. В первом случае капиталист и рабочий противостоят как владелец денег и владелец товара, их сделка осуществляется по закону обмена равных меновых стоимостей. Во втором процессе рабочий и его живой труд принадлежат капиталу, эквивалентный обмен исключается. Здесь за меньшее количество овеществлённого в переменном капитале труда предприниматель получает большее количество живого труда. Что касается вещных форм, которые принимает капитал в процессе труда и которые выступают как овеществлённый труд, то они по отношению к живому труду служат для его использования во имя увеличения капитала. Живой труд в этом процессе превращается в овеществлённый (капитал) и вместе с тем превращает овеществлённый в средствах производства труд в капитал. Средства производства, соответственно, выступают не просто и не только как средства овеществления труда, но и как средства его эксплуатации.

Названные выше два несовпадающих друг с другом процесса взаимодействия между трудом и капиталом обнаруживают себя в двух важных обстоятельствах — в формальном и реальном подчинении труда капиталу. С ***формальной*** стороны труд оказывается подчинённым капиталу, как только он покупает рабочую силу и становится её хозяином, собственником. Это происходит

[515] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 49. С. 54.

на основе товарного обращения посредством купли-продажи рабочей силы. Вторым актом этого подчинения выступает её использование капиталом в процессе производства, т. е. реализация рабочей силы в виде живого труда. Сам характер, форма труда в данном случае могут сохраняться в прежнем виде, без внесения существенных изменений. Капиталист лишь ставит в экономическую зависимость работника, поскольку он является владельцем условий труда (средств производства), а работник лишён их, вынужден трудиться, чтобы иметь средства существования. Как жизненные средства, так и средства производства противостоят рабочему как чужая собственность. Здесь, в отличие от акта купли рабочей силы, уже в самом процессе труда образуется экономическое отношение господства и подчинения, т. е. труд выступает как подчинённый капиталу процесс. Форма этого подчинения — формально добровольная (в отличие от рабства и крепостничества), а по существу — вещно-экономическая. Личная зависимость прошлых эпох заменяется вещной зависимостью.

Что касается главного метода формального подчинения труда, то им является продолжительность рабочего дня, позволяющая удлинить время прибавочного труда и тем самым увеличить прибавочную стоимость. Одновременно с этим увеличиваются масштабы применяемого труда, обеспечиваются непрерывность трудового процесса и его интенсивность. Путём формального подчинения труда производится ***абсолютная*** прибавочная стоимость. «Удлинение рабочего дня за те границы, в которых рабочий был бы в состоянии произвести только эквивалент стоимости своей рабочей силы, и присвоение этого прибавочного труда капиталом — вот в чём состоит производство абсолютной прибавочной стоимости»[516].

Хотя формальное подчинение труда и производство абсолютной прибавочной стоимости образуют исходную и всеобщую основу капиталистической системы, её существо (***differentia specifica***) составляет ***реальное подчинение труда*** производству относительной прибавочной стоимости. Оно предполагает увеличение прибавочного труда не за счёт удлинения всего рабочего дня, а за счёт сокращения необходимого рабочего времени.

---

[516] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 518.

Это достигается посредством существенного преобразования технической основы труда, изменения самого способа его осуществления, его организации, которые позволяют повысить производительность труда и сократить необходимое рабочее время, которое тратится на воспроизводство рабочей силы. В данном случае капитал присваивает себе общественные (социальные) производственные силы труда, возникшие из его кооперирования, разделения, а также силы научно-технического прогресса. Однако прибавочная стоимость и её увеличение своей причиной имеют не рост производительности труда, а по-прежнему увеличивающееся прибавочное рабочее время. Это обстоятельство следует особо подчеркнуть, ибо стало модой возлагать создание прибавочной стоимости не на неоплачиваемый прибавочный труд работника, его эксплуатацию, а на производительность труда. Последняя, конечно, может влиять на величину прибавочной стоимости, но создавать её может только прибавочный труд, что вполне соответствует требованиям закона трудовой стоимости. Об этом неоднократно предупреждал К. Маркс. Говоря о том, что Д. Рикардо никогда не задавал себе вопроса о происхождении прибавочной стоимости, К. Маркс писал: «Между тем его школа громко провозгласила, что причиной возникновения прибыли (читай: прибавочной стоимости) является производительная сила труда... Инстинкт совершенно правильно подсказал этим буржуазным экономистам, что очень опасно слишком глубоко исследовать жгучий вопрос о происхождении прибавочной стоимости»[517].

Посредством труда создаётся не просто прибавочная стоимость и не просто капитал: конечным его результатом выступает производство и воспроизводство самого социально-экономического отношения между трудом и капиталом. Один полюс этого отношения составляет рабочий, который в результате процесса производства воспроизводит свою рабочую силу, за которую он отдаёт свою трудовую деятельность, получив заработную плату и обменяв её на жизненные средства, которые после их потребления служат восстановлению его рабочей силы. Он выходит из процесса производства таким же, каким в него вступил, израсходовав лишь свою

[517] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 524.

рабочую силу и восстановив её для того, чтобы вновь вступить в процесс производства и вновь отдать свой труд. Ни о каком приобретении им человеческого капитала за продажу своей рабочей силы и за свой труд речи не может быть. Его труд превращается в капитал, но в капитал чужого лица — предпринимателя, капиталиста.

Последний, ранее вложенный в производство капитал получает в обновлённом виде — с добавлением прибавочной стоимости, которую он извлекает из неоплаченного прибавочного труда рабочего, и которая каждый раз вновь бросается в производство, чтобы увеличить капитал. Одновременно с этим капитал производит всё возрастающую массу работников наёмного труда. Получается, что не только труд производит свою противоположность — капитал в постоянно расширяющемся масштабе, но и капитал в таких же расширяющихся масштабах производит людей наёмного труда. Соответственно, капиталистическое производство не есть простое воспроизводство этого отношения между трудом и капиталом, оно его воспроизводит в постоянно расширяющемся виде. На одной стороне растёт противостоящее рабочему накопленное и господствующее над ним и чуждое ему богатство как капитал, и в той же мере ухудшается положение наёмных работников (улучшению положения одних, по Парето, соответствует ухудшение положения других). Обнищание носителей наёмного труда и обогащение носителей капитала соответствуют друг другу, и ныне этот разрыв в мире достигает громадных размеров.

В связи с этим выглядят неубедительно распространённые ныне суждения о прекращении обнищания наёмных работников, об уменьшении их численности в составе населения мира. В действительности, в наше время капитал охватывает почти все ранее не подчинённые ему сферы деятельности, в том числе непроизводственную сферу (духовное производство, культуру, массовые коммуникации, образование, науку и т. д.). Почти всё население земного шара превращается в наёмных работников, хотя в странах золотого миллиарда собственно наёмных рабочих в прежнем смысле слова становится меньше. В то же время растёт численность носителей наёмного труда, занятых во всякого рода формах бизнеса вплоть до оказания сексуальных услуг, принимающих массовый характер.

Чтобы прикрыть действительное положение вещей, специально отождествляют сферу взаимодействия труда и капитала в производстве со сферой товарного обращения, как будто и здесь создаётся капитал. Между тем их разделённость продолжает существовать и в процессе воспроизводства самого капиталистического производственного отношения. С одной стороны, в качестве постоянного результата капиталистического процесса производства происходит купля и продажа рабочей силы. Из этой видимости капиталистического отношения как взаимного обмена товарами делается вывод о том, что якобы переменный капитал является вложением в человеческий капитал: один капитал обменивается на другой капитал. Но эта процедура, будучи простым денежным отношением, скрывает действительную сущность сделки — ту её сторону, которая воспроизводит подчинение труда капиталу. Именно воспроизводство этого производственного отношения составляет главный и специфический результат капиталистического процесса производства.

В условиях отчуждения труда от собственности отношение работника к труду приобретает отрицательное значение: труд для него выступает чем-то чужим, не принадлежащим ему. В этом своём значении труд предстаёт как труд, производящий стоимость и прибавочную стоимость, принадлежащие не работнику, а предпринимателю, работодателю. Труд, однако, имеет и общеисторическое назначение производить потребительные стоимости для удовлетворения нужд человека и в этом своём качестве не может вызывать отрицательного отношения к себе со стороны работника. Известно, что труд во всяком обществе был и остаётся средством и естественным условием существования человека. Из этого факта возникает специфическое объективное отношение между человеком и его трудом, которое характеризуется тем, что труд для человека выступает необходимостью, способом удовлетворения его жизненных потребностей. Поэтому отношение между человеком и трудом с самого начала включено в систему производства материальной жизни, образует объективно необходимое отношение этого производства.

Назначение труда не ограничивается его ролью как средства существования общества и человека. Труд выполняет и другую функцию — выступает способом развития человека. Исторически

человек стал человеком благодаря труду и развивается в конечном счёте посредством труда. Труд, далее, составляя необходимый атрибут человека как общественного существа, является наряду с другими потребностями особой исторически созданной социальной потребностью человека. По этой причине отношение между человеком и его трудом предполагает и такой элемент, который определяется ролью труда как социальной потребности. Эти объективные основы отношения человека к труду проявляются в субъективных формах и оценках, которые проходят через сознание людей, т. е. в которых осознаются объективная роль и место труда в жизни человека. В данном случае отношение человека к труду приобретает характер идеологического отношения, связанного с теми или иными мотивами и побудительными стимулами к труду. Причём субъективная сторона отношения к труду имеет различные аспекты и уровни: психологический, социально-психологический, собственно идеологический.

Наличие объективного отношения между человеком и трудом, присущего любому типу общества, предполагает существование определённых исторических стимулов и побудительных мотивов к труду. Так, например, общеисторическое назначение труда как средства существования человека и общества порождает соответствующий общий стимул трудовой деятельности — удовлетворение потребностей. Это конечная цель производства во всех общественно-экономических формациях. При исследовании отношения между трудом и человеком необходимо учитывать общесоциологические моменты этого отношения. Последние очевидны и не требуют глубокого анализа.

Наибольшую сложность составляет разграничение, с одной стороны — общеисторических связей между человеком и трудом, с другой — специфических форм отношения человека к труду, порождаемых данным обществом, данными социально-экономическими условиями. Эти специфические общественные формы представляют собой особую область отношений между человеком и его трудом, несводимую к общеисторическим моментам. Если труд по отношению к человеку всегда выполняет функцию средства существования, то другое дело — отношение человека к своему труду как средству существования. Человек может относиться или не относиться к своему труду

как средству существования, работать во имя получения необходимых жизненных средств или во имя других целей, например для собственного развития, осуществления своих сущностных сил. Точно так же присущее труду атрибутивное свойство быть потребностью человека как социального существа вовсе ещё не означает, что человек в любом обществе относится к своему труду как потребности, т. е. работает ради удовлетворения своей потребности в труде. Потребность в труде и отношение человека к труду как потребности — разные вещи, которые нельзя отождествлять. Человеку с самого начала свойственна потребность трудиться. Что же касается работы ради потребности в труде, то это — продукт определённого этапа исторического и социального развития общества, определённых социально-экономических условий.

Главную, социально наиболее важную форму образуют те отношения к труду, которые обусловлены существующим социально-экономическим строем. Труд всегда выступает как труд определённой общественной формы и отношение к нему, структура и механизм этого отношения определяются и соответственно модифицируются способом производства. Если свойства труда быть средством существования и развития, потребностью человека определяются самим трудом, его ролью и историческим назначением, то отношение человека к труду как средству существования или первой потребности жизни целиком и полностью детерминированы социально-экономическими факторами.

В капиталистическом обществе отношение рабочего к труду как средству существования, средству заработать деньги является непосредственным выражением отношений наёмного труда и капитала. Рабочий здесь трудится во имя денег, заработка не потому, что трудовая деятельность сама по себе является средством существования, а потому, что рабочая сила наёмного работника, отчуждённая и эксплуатируемая капиталом, реально выступает товаром, за счёт продажи которого человек получает определённые средства существования. Капиталистические производственные отношения, в сеть которых непосредственно вплетены и отношения рабочего к труду, создают противоположность и разрыв между трудом и рабочим. Труд сам по себе

является потребностью человека, но человек здесь трудится вовсе не ради удовлетворения потребности в труде. Вместо того чтобы в труде развивать свои способности, рабочий своей деятельностью обогащает и увеличивает чуждые ему силы капитала и поэтому не может рассматривать труд как способ своего развития. Даже отношение к труду как средству существования выступает не отражением естественного назначения труда как условия человеческого существования, а составляет результат господства частной собственности.

При социализме труд сохраняет своё объективное назначение быть средством существования и потребностью человека. Однако отношение к указанным свойствам труда приобретает совершенно иную сущность ввиду установления общественной собственности на средства производства. Так, естественное назначение труда служить средством существования здесь получает форму личной, коллективной и общественной материальной заинтересованности в результатах труда, поскольку человек работает как на себя, так и на всё общество. По этой же причине создаётся основа для преодоления отношения к труду только как к средству индивидуального существования и возникновения нового отношения к труду как средству развития и потребности человека.

Связь между трудом как объектом человеческого отношения и субъектом этого отношения включает в себя две неразрывные стороны: а) отношение к объективным свойствам труда быть средством существования, развития и потребностью людей; б) социально-экономические формы отношения человека к этим свойствам (отношение к труду как средству существования или средству развития, потребности), обусловливаемые данным общественным строем.

В литературе, оправдывающей капитализм, при анализе отношения к труду обычно отбрасывается социально-экономическая форма этого отношения и проводится точка зрения, согласно которой отношение человека к труду определяется самим трудом как таковым, а не существующими социально-экономическими условиями, в которых трудится человек. В то же время западные авторы игнорируют или затушёвывают социально-экономическую сущность труда, его зависимость от производственных и социальных отношений. Если и говорят об отношениях людей

к труду, то эти отношения обычно сводятся к организационно-технологическим свойствам труда, лишённым социально-экономического содержания. Ввиду этого труд рассматривается только как независимое от общественной формы естественное условие существования общества, а изучение последствий воздействия труда на личность рабочего ограничивается биолого-психологическими рамками.

Труд, конечно, обладает сущностями разного порядка. Процесс труда, безусловно, имеет вещественно-технологическое и организационно-техническое содержание. Однако нельзя забывать, что в труде заключено то или иное экономическое и социальное содержание. Его игнорирование объясняется не какими-либо случайными мотивами, а глубокими причинами: общей методологией исследования труда.

Нельзя, конечно, отрицать разные стороны труда и необходимость его изучения на уровне физиологии, психологии, социальной психологии и т. д. Но научная методология требует исходить из первенства и определяющего значения социально-экономической сущности труда. Это не односторонность подхода, как часто пишут иные авторы, а научный методологический принцип. Без учёта определяющего воздействия социально-экономических условий нельзя правильно понять действительное положение человека в труде, даже если речь идёт об отношении работника к вещественно-техническим элементам процесса труда, так как и это отношение всегда воплощает в себе свойства того или иного социально-экономического строя.

Этого не учитывают, например, американские авторы Ф. Херцберг и М. У. Майнер в своих исследованиях удовлетворённости работников своим трудом. Они по существу исключили из факторов, влияющих на эту удовлетворённость, социальный строй труда, его социально-экономическую форму и соответствующие ей духовные моменты: заработную плату, социальные условия труда и его функцию производить стоимость и прибавочную стоимость, отношения наёмного труда и капитала, идеологические мотивы. Эти факторы они посчитали внешними и незначительно влияющими на удовлетворённость трудом: их доля среди факторов удовлетворённости трудом составила всего лишь 20%. Что касается внутренних мотивов, связанных

с оценкой конкретной работы, её содержательности, то они заняли все остальные 80% факторов[518].

Аналогичным образом поступали отечественные авторы, изучавшие в 60-х годах XX в. отношение к труду молодых ленинградских рабочих. Они также отказались от учёта влияния на состояние удовлетворённости трудом социальных отношений, в частности отношений собственности (отчуждён ли труд от собственности на условия труда, или нет), посчитав их одинаково действующими на всех уровнях. Следуя методическим рекомендациям Ф. Херцберга, они удовлетворённость трудом отнесли на сторону содержательности конкретной работы, её творческих моментов. Результаты получились почти одинаковыми с американскими: фактор содержательности занял 68–70% удовлетворённости конкретной работой, а фактор «размер заработной платы», отнесённый к социально-экономической среде процесса работы, составил лишь 28–32% этой удовлетворённости[519].

Иными, даже противоположными выглядят оценки труда с позиций имеющихся отношений собственности на условия и результаты труда, форм распределения и отношений между работодателями и наёмными работниками. На эти факторы, отнесённые к внешним, по американским данным падает 70% неудовлетворённости трудом. По данным отечественных авторов, лишь 28–32% опрошенных выразили удовлетворённость размером заработной платы (фактор сферы распределения). У остальных размеры заработной платы не получили удовлетворительной оценки, т. е. 68–70% оценок падали на неудовлетворённость трудом по этому фактору. Получается, что оценки труда со стороны его потребительностоимостного содержания (моменты содержательности живого процесса труда), оказываются прямо противоположными его оценкам со стороны соци-

---

[518] Херцберг Ф., Майнер М. У. Побуждения к труду и производственная мотивация // Социология труда (часть I). Сборник тезисов. Составители: Ю. Фельдхофф, Р. Карапетян. СПб., 1998. С. 264.

[519] Человек и его работа: Социологическое исследование / Под ред. А. Г. Здравомыслова, В. П. Рожина, В. А. Ядова. М., 1967. С. 134.

ального содержания, выраженного в категории стоимости[520]. В этом случае речь идёт об отношениях между наёмным трудом и капиталом, работниками и работодателями, которые чаще всего остаются вне поля зрения современных экономистов и социологов, пишущих о труде.

§ 3. Воссоединение труда и собственности

Отчуждению труда от собственности и его подчинению капиталу в историческом развитии противостоит новое воссоединение труда и собственности, которое в литературе получило название третьего закона движения отношений собственности.

Этот закон, по мнению Е. Е. Тарандо, предполагает восстановление функционирования первоначального закона, но оно происходит в других общественно-экономических условиях и на основе более развитого общественного производства с учётом того потенциала, который был наработан на этапе функционирования отчуждённой собственности. Если исторически первый закон собственности предполагает собственность на свой труд в условиях общинного или натурального хозяйства (обособленного производства), второй закон — собственность на чужой труд — в условиях развитого товарного производства, то третий закон — в условиях обобществлённого производства и совместного труда, превращения средств производства и земли в достояние всех членов общества. Если первому закону собственности соответствует закон присвоения через свой труд как первоначальный способ присвоения, второму — через присвоение чужого труда и обращение стоимостей, то третий закон собственности в качестве формы присвоения делает ассоциированный

---

520 «Подобно тому, как капиталу, в качестве самовозрастающей стоимости, безразлична особенная вещественная форма, в которой он выступает в процессе труда, будь то паровая машина, навозная куча или шёлк, точно так же и рабочему безразлично особое содержание его труда. Его труд принадлежит капиталу, он есть только потребительная стоимость товара, который он продал, и он его продал только для того, чтобы присвоить себе деньги и с помощью денег — жизненные средства» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 49. С. 69).

(обобществлённый) труд в масштабах общества, распределение и обмен потребительных стоимостей по условиям потребления.

Становление данного закона осуществляется как естественноисторическое отрицание нетрудовой частной собственности и замена её общественным присвоением средств производства и общественного продукта. Этот процесс выражает связь общественных условий и предпосылок движения труда как источника общественного богатства с общественными условиями и предпосылками присвоения результатов труда, т. е. такие изменения производства, которые не только определяют его эволюцию от общественного к обобществлённому, но и означают преодоление форм частной собственности предыдущего этапа хозяйствования[521].

Утверждение о необходимости нового воссоединения труда и собственности базируется на выводе К. Маркса из первого тома «Капитала», подтверждённом опытом социалистических революций: «Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Они взрываются. Бьёт час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют.

Капиталистический способ присвоения, вытекающий из капиталистического способа производства, а следовательно, и капиталистическая частная собственность есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Но капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса своё собственное отрицание. Это отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собственность, а индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры: на основе кооперации и общего владения землёй и произведённым самим трудом средствами производства»[522].

Предпосылкой устранения отчуждения труда от собственности является прежде всего установление собственности коллективного труда на объективные условия труда — орудия

---

[521] Тарандо Е. Е. Труд и собственность: диалектика развития. СПб., 2003. С. 118–119.

[522] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 773.

и предмет труда, что позволяет носителю труда быть собственником своего продукта. Тем самым снимается исходный пункт отчуждения труда — его отчуждение от своего продукта. Сами работники, будучи собственниками средств производства, должны быть таковыми и по отношению ко всему продукту своего собственного труда.

Поскольку речь идёт о коллективной (общественной) собственности на весь продукт, то собственники должны его делить между собой и поделиться с обществом. Возникает проблема взаимосвязи собственности каждого и собственности всех. В первом случае речь идёт о восстановлении индивидуальной собственности на продукт, но не индивидуального, а коллективного труда, причём труда в развитой форме.

На какой основе это может произойти? Нужна ли для этого собственность работника на свою рабочую силу, чтобы её если не продавать, то хотя бы сдавать внаём? Или достаточно быть собственником средств производства?

В своё время К. Марксом был раскритикован тезис относительно положения «о неурезанном трудовом доходе» Ф. Лассаля: «доход от труда принадлежит в неурезанном виде и на равных правах всем членам общества». К. Маркс утверждал, что на самом деле коллективный совокупный общественный продукт, прежде чем дело дойдёт до деления между индивидуальными производителями, урезается. От него уходят его части: на возмещение потреблённых средств производства, на расширение производства, на страховой фонд и т. д. Из-за того, что индивидуальная собственность на оставшуюся часть предметов потребления К. Марксом поставлена в конец этого процесса деления продукта, нельзя было делать вывода об отсутствии собственности каждого члена общества на весь исходный общественный продукт, который если принадлежит всем, то якобы никому отдельно не достаётся. Поэтому вроде бы действительной является только индивидуальная собственность.

Такой вывод нельзя признать правомерным. Дело в том, что общая собственность предполагает, что весь общественный продукт труда с самого начала принадлежит всем членам общества и только они, а не какой-либо бюрократический орган выделяет из общего продукта соответствующие части на разные нужды

общества, причём в первую очередь на удовлетворение своих потребностей и на своё развитие, чтобы могли жить и продолжать трудовую деятельность.

В условиях воссоединения совместного труда с коллективной собственностью отпадает необходимость в собственности работника на свою рабочую силу как условие для приобретения индивидуальной собственности. Кто владеет объективными условиями труда, т. е. средствами производства, тот не нуждается в собственности на свою рабочую силу. Ни у помещика, ни у капиталиста нет в этом никакой нужды. Рабочая сила становится объектом своей собственности только у наёмного работника, лишённого собственности на средства производства. При этом наёмный работник выступает собственником своей рабочей силы лишь в условиях её продажи работодателю. После продажи в процессе самого труда она уже не принадлежит работнику, она становится силой капитала, хотя юридически работник не отказывается от права собственности на свою рабочую силу, поскольку он продал её на определённое время. Дело лишь в том, что это его право не фиксируется как его неотъемлемое право (в отличие от неотъемлемого права на интеллектуальную собственность работника умственного труда).

В связи с тем, что в условиях общественной собственности на средства производства и землю отпадает необходимость в собственности на свою рабочую силу, возникает трудный в теоретическом и практическом отношении вопрос о восстановлении индивидуальной собственности, о реализации общей собственности как собственности каждого. Имеет хождение точка зрения, согласно которой общественная собственность, как принадлежащая всем, отрицает собственность каждого в отдельности и наоборот, т. е. общее предстаёт как ничейное. Чтобы убедиться, что это утверждение является софизмом, достаточно сослаться на такое общее благо, как школьное образование: оно потому и является общим, что принадлежит всем детям и каждому ребёнку. Приёмы софизма в вопросах соотношения общего и единичного используются для того, чтобы придать частной собственности качество единственно возможной. Индивидуальность и частная собственность объявляются гарантом прав и свобод личности. Во имя их защиты многие современные авторы отказывают обществу и,

соответственно, общей собственности в праве на реальное существование. По их мнению, реальным и самодостаточным бытием обладает только индивид как частный собственник.

Чтобы человек не претендовал на общественную собственность, его лишают общественной сущности. В. С. Барулин, например, обрушивается на определение К. Маркса сущности человека как совокупности общественных отношений, полагая, что подобная трактовка привела к расхождению между основным направлением мировой социально-философской мысли и философией марксизма и «идеально соответствовала определённому политическому режиму, именуемому „социализмом“, и подписывалась им»[523].

По его мнению, по-видимому, соответствует основному направлению мировой социально-философской мысли его тезис о том, что «определяющая роль человека в обществе абсолютна и принадлежит к числу его фундаментальных качеств»[524]. Поэтому сущность человека не должна выводиться за пределы его личности и переноситься вовне — в общество. Такой выход к обществу, которое, как известно, является полем для социального развития личности, вроде бы «пахнет» социализмом, ибо последний по своему определению служит утверждению общественных, социальных качеств человека, того фундаментального положения, согласно которому только в обществе возможно свободное и полное развитие личности человека. Чтобы не попасть в объятия социалистов, достаточно вроде бы самого индивида принять за сущность общества и общественных отношений. Во имя этого можно отказаться и от прежних симпатий к диалектике. Неважно, например, что согласно диалектике принцип бытия всех единичных явлений составляет общее, что оно укоренено в единичном как сущность, что, следовательно, и отдельный человек имеет своей сущностью не самого себя, а общественные отношения, что по своей сущности он — существо общественное. Всё это, по мнению названного автора, уже не соответствует действительности.

В то же время общество обычно лишается статуса реального образования, своей субстанциональности по отношению

---

523 Барулин В. С. Социальная философия. 4. II. М., 1993. С. 90.

524 Барулин В. С. Социальная философия. 4. II. М., 1993. С. 94.

к составляющим его индивидам. Вполне очевидно, что и общественная, общая собственность в этом случае теряет всякие основания для своего объективного существования, она становится бессмысленной. Полагают, что если под общественной собственностью понимать право каждого индивида на общественное богатство, например на землю как на общее достояние, то каждый в качестве собственника исключает всех других, и общественная собственность становится невозможной. Если же отдельный человек претендует на часть общего достояния, то он становится частным собственником. Соответственно, из конструкций выбрасывается право народа относиться к земле, к крупным средствам производства как к общей (общенародной) собственности. Одновременно охотно признаётся ничем не ограниченное право индивида на частную собственность. Она, в отличие от собственности народа, охраняется законом.

Нужно, однако, сказать, что именно отдельный индивид с его частной собственностью, взятый в виде абсолюта, самостоятельной, обособленной от общества сущности, теряет оправдание своего существования, свою действительность. Достаточно напомнить, что обещание приватизаторов сделать каждого частным собственником не имело под собой никакого реального основания и не могло осуществиться. Все члены общества, получив ваучеры, не могли стать частными собственниками главных условий своего труда и воспроизводства своей жизни — земли и средств производства. Если бы это случилось, то большинству трудящихся как частным собственникам объективных условий производства не нужно было бы ни продавать свою рабочую силу, ни быть наёмными работниками. Приватизация могла позволить лишь некоторым простым гражданам стать мелкими товаропроизводителями (фермерами или ремесленниками). Все таковыми быть не могли, ибо тогда некому было бы работать на фабриках и заводах. Большинство же народа лишается собственности на средства производства, для него она сводится к собственности лишь на свою рабочую силу, на свою способность к труду и на жизненные средства, получаемые от продажи своей рабочей силы или других своих природных сил и способностей (своего тела, волос или других частей организма). Приведём ещё раз пример из истории: подобно тому, как римляне, потерявшие собственность на землю,

обусловленную их принадлежностью к гражданам Римской империи, оказались приватизированными (privati), т. е. ограбленными, лишёнными собственности[525], так и граждане России, переставшие быть носителями общенародной, государственной собственности, превратились в лиц, лишённых собственности на средства производства и землю, т. е. стали приватизированными (*privati*).

Из сказанного выше следует, что ни общество и общественная собственность, с одной стороны, ни индивид и индивидуальная собственность, с другой стороны, не могут быть признаны одновременно действительными в качестве обособленных, независимых друг от друга противоположных сущностей. Тогда, быть может, соответствующие утверждения о приоритете общественной или частной собственности представляют собой неразрешимую антиномию, и решение вопроса заходит в тупик.

Чтобы не вставать на эту позицию, надо строго различать, когда общественная (общая) собственность и частная (индивидуальная) собственность выступают: а) как две противоположные, не совместимые друг с другом сущности, и б) как различные, противоречивые стороны одной и той же сущности.

В первом случае речь идёт о собственности на землю и средства производства, основанной на собственном (коллективном, индивидуальном) труде людей, и о противоположной ей по сущности собственности, базирующейся на чужом труде, т. е. на отчуждении труда и его результатов. Один тип собственности имеет законом своего функционирования тождество труда и собственности: с неё начинает свою историю человеческое общество, она долгое время остаётся господствующей, принимая форму непосредственно общей, общинной восточного (славянского), античного (греческого) вида, частной собственности германского крестьянина или ремесленника, не эксплуатирующих чужого труда. В советское время она существовала в виде колхозно-кооперативной собственности. Другой вид собственности основывается на чужом труде, законом её функционирования и развития

[525] В латыни корневое «privo» образует не только «privatus», т. е. частное, но и «privatio», «privations»: 1) лишение, отнятие; 2) освобождение, избавление; 3) отрицание, отсутствие (См.: Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 1986. С. 618).

является отделение собственности на условия и результаты труда от самого труда, превращение последнего в наёмный труд. Применительно к рабочему это означает, что купленная его рабочая сила и продукт его труда отчуждаются, становятся чужой собственностью. Очевидно, указанные противоположные по сущности типы собственности не могут образовать некую общую, дуалистическую сущность, они отрицают друг друга: первоначальная общественная собственность, базирующаяся на собственном труде работника, сменяется собственностью, основанной на чужом труде, т. е. капиталистической собственностью, а последняя — социалистической.

Во втором случае имеются в виду различные, противоречивые стороны одного и того же вида собственности, которые не составляют самостоятельных сущностей, а характеризуют с противоположных сторон ту же самую сущность. Каждый из названных типов собственности внутри себя содержит индивидуальные, коллективные, государственные и иные формы, которые предполагают друг друга, находятся при всех своих различиях в определённом единстве. Капиталистическая частная собственность, например, может существовать в формах индивидуальной, коллективной (акционерной), государственной собственности. Все эти формы имеют общее начало — отчуждение работника от условий, средств и результатов труда.

Разграничение общественной и частной собственности как двух противоположных сущностей и как сторон одной и той же сущности позволяет установить различные способы их взаимодействия и разрешения противоречий между ними. Когда речь идёт о противоречии между собственностью, основанной на своём труде, и собственностью, отделённой от труда, то она разрешается устранением в ходе истории одной из этих сущностей и, следовательно, установлением другой в качестве необходимой и действительной сущности. Капитализм разрушает общинную собственность, основанную на собственном труде работника, а социализм предполагает устранение нетрудовой капиталистической собственности.

Удалось ли социализму в СССР выполнить эту задачу и развить общественную собственность на её собственной основе до необходимого и достаточного уровня? Если нет, то почему и как это сделать?

В России после Октябрьской революции оставшейся капиталистической собственности первоначально была противопоставлена общественная собственность в форме непосредственной собственности каждого работника (коммуна). Общий продукт, произведённый коммуной, был непосредственной собственностью каждого её члена. Была сделана попытка прямой государственной организации производства и распределения продукта путём продуктообмена, без частной торговли.

В дальнейшем эта форма реализации общественной собственности как непосредственно общей собственности подвергается отрицанию со стороны другой, противоположной ей формы — опосредствованной собственности. Её опосредствованность развивалась в двояком отношении. С одной стороны, государственная собственность на крупные средства производства и землю всё более приобретала статус особого отношения, и тем самым отдельный человек или производственный коллектив в своих отношениях к крупным средствам производства и земле опосредствуются государством как высшим собственником, т. е. отдельный человек или коллектив сами по себе не являются их собственниками, они — лишь их владельцы, а собственниками выступают лишь как члены (органы) общества и государства. С другой стороны, и это, пожалуй, самое главное, общественная собственность в ряде важных аспектов стала реализовываться посредством товарно-денежных механизмов, которые используются государством и опосредствуют отношение отдельного человека к общенародной собственности. Государство по отношению к своим гражданам становится торговцем, главным образом через товарно-денежные механизмы обеспечивает их предметами личного потребления, регулирует отношения классов и социальных групп в области обмена и распределения. Первоначальное допущение мелкотоварного производства как способа реализации условий существования крестьян и средства развития сельского хозяйства неизбежно требовало «одеть» в соответствующую товарную форму и продукцию рабочего класса и, следовательно, внедрить хозяйственный (коммерческий) расчёт на государственных промышленных предприятиях. В дальнейшем, после ликвидации частнокапиталистических предприятий и проведения коллективизации, товарные механизмы сохраняются, но выполняют другую

функцию — реализуют отношения между государством как высшим собственником и членами общества как сохозяевами этой собственности.

Дальнейшая реализация общественной собственности зависела от того, в какой мере исчерпала свои возможности товарная форма и какова была степень её подготовленности к переходу к новой форме. То, что ею должна была быть высшая форма — непосредственно общественная собственность, вытекало из развития труда как непосредственно общественного, продукта — тоже как непосредственно общественного продукта, производственных отношений — как непосредственно общественных отношений. Были осуществлены соответствующие преобразования и в области присвоения предметов личного потребления: значительная их часть, предназначенная для совместного удовлетворения потребностей, стала объектом непосредственной собственности. Имеются в виду приобретаемые из фондов общественного потребления бесплатные блага: среднее образование для всего населения и высшее — для его значительной части; услуги участковых врачей и специалистов; государственный автотранспорт для инвалидов, пенсионеров, детей и т. д. Производственными предприятиями из коллективных фондов предоставлялись бесплатные путёвки в санатории и дома отдыха, дети работающих обеспечивались бесплатными яслями и детскими садами, некоторые предприятия брали на себя бесплатное коммунальное обслуживание своих работников.

Однако продвигаться дальше по этому пути помешали товарно-денежные механизмы, благодаря которым основную часть предметов потребления (необходимый продукт) трудящиеся присваивали посредством их обмена на стоимость своей рабочей силы, хотя этот обмен принимал форму присвоения по труду. В этом случае рабочему возмещается стоимость его рабочей силы, т. е. он получает лишь ту часть созданного им продукта, которая необходима для воспроизводства своей рабочей силы. Прибавочный продукт, доставляемый его трудом, не включается в этот меновый эквивалент.

Распределение путём эквивалентного обмена труда на продукт лишь на поверхности представляется присвоением посредством труда, т. е. даёт рабочему только формальное право

собственности на свой продукт. В действительности же обмен труда одной формы на труд другой формы (овеществлённый в продукте) уже сам по себе предполагает разрыв между трудом и собственностью, отсутствие собственности у непосредственных работников, а потому и объективную возможность присвоения части их труда без эквивалента. «Основанное на меновой стоимости производство, на поверхности которого происходит указанный свободный и равный обмен эквивалентами, в основе своей есть обмен овеществлённого труда как меновой стоимости на живой труд как потребительную стоимость; или, выражаясь иначе, это есть отношение труда к его объективным условиям, — а потому и к создаваемой самим трудом объективности — как к чужой собственности: отчуждение труда»[526].

За пределами простого товарного производства отношение меновой стоимости, одной из сторон которого является рабочая сила, есть, по существу, отношение присвоения труда. Оно заложено в самой социальной природе труда как созидателя стоимости, поскольку в последней заключён прибавочный труд. Отношение стоимости (меновой) неизбежно закрепляется в определённых формах собственности. Ими являются: с одной стороны, собственность рабочего на свою рабочую силу, а с другой, обратной — собственность нанимателя рабочей силы на средства производства, будь эта собственность государственной, коллективной (групповой) или частной. Нанимателю нет нужды в собственности на свою рабочую силу, но необходимо отчуждение рабочего от собственности на средства производства, ибо тот, кто нанимает рабочего, достоянием которого является только рабочая сила, неизбежно получает право на часть продукта рабочего.

Оценивая ситуацию в данной области, следует сказать: основная задача по изменению системы распределения жизненных благ за годы после революции не была решена; способ распределения этих благ не был приведён в соответствие с обобществлением собственности на материальные средства производства. Если за это время собственность формально, т. е. в виде государственной собственности, была обобществлена применительно к средствам производства, то по отношению к предметам, предназначенным

526 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 507.

для индивидуальною потребления, этого не произошло. Их основная масса присваивалась непосредственными производителями на базе величины их необходимого труда, стоимости рабочей силы, т. е. на деле реальное обобществление в этой сфере не состоялось.

Принцип распределения по количеству необходимого труда, возникший из недр мелкобуржуазного социализма и сформулированный его теоретиками, в условиях сохранившегося товарного обмена оказался средством сохранения и утверждения наёмного характера труда. В результате частнохозяйственный способ распределения жизненных благ оказался в явном противоречии с общественным способом их производства. Неразрешённое обществом противоречие с каждым новым расширением товарно-денежных отношений в сфере распределения жизненных благ обострялось. В этом противоречии и состояла сущность и главная причина кризиса. Наёмный характер труда, превращение непосредственного производителя в наёмного работника привели к деформации общественной собственности и всего социализма, к потере интереса рабочих и крестьян к труду и его результатам, падению производительности труда, относительному обнищанию рабочего класса. Всё это — следствие расширения товарного производства.

Раньше считалось, что при наличии общественной собственности на средства производства и сохранении государственной власти в руках рабочих и крестьян товарное производство и обращение не могут привести к возрождению наёмного характера труда и функционированию рабочей силы в качестве товара, к образованию рынка капиталов, безработице и другим неизбежным спутникам товарно-рыночных отношений.

Действительность опровергла прежние представления. Подобно тому, как перевод предприятий на хозяйственный расчёт и показатель прибыли в первые годы нэпа привёл к взвинчиванию цен и экономическому кризису, так и расширение товарно-денежных отношений, переход к производству прибыли в 60-е годы прошлого века привели экономику к кризису. Произведённые поправки в заложенном реформой стоимостном механизме на время задержали этот процесс (застойный период), но не смогли остановить. Последующая «радикальная» реформа, ориентированная на стоимостные показатели («вал» и прибыль),

приблизила кризис, а переход к свободному рынку привёл к экономическому краху. Этот переход не мог быть ничем иным, как переходом к рынку капитала и рабочей силы, ибо другие формы рынка, в частности рынок потребительских товаров, у нас существовали и раньше.

Выйти из кризиса и разрешить указанное противоречие можно лишь на основе преодоления наёмного труда, передачи собственности на создаваемые рабочими и крестьянами продукты в их собственные руки и утверждении принципа распределения по условиям потребления. Вместо стоимости рабочей силы должна вступить в действие её потребительная стоимость, а основанием распределения жизненных благ становится потребительная сила труда.

Потребительную стоимость своей рабочей силы работник реализует в живом труде. Особенность рабочей силы как потребительной стоимости состоит в том, что её реализация предполагает доставление большего количества труда, чем затрачивается на производство жизненных средств рабочего. Их потребление хотя и не входит непосредственно в процесс труда, тем не менее через реализацию рабочей силы в труде, а труда — в созидании продукта приводит к созданию дополнительной потребительной силы общества и человека. Работник, следовательно, может с полным основанием претендовать не только на тот объём жизненных средств, который равен (эквивалентен) стоимости его рабочей силы, но и на дополнительное количество жизненных благ и средств развития, доставляемых его же живым трудом. Тем самым отпадает главный ограничитель благосостояния и развития трудящихся — способ распределения по затратам необходимого труда, осуществляемый пропорционально стоимости приобретаемых им жизненных средств, т. е. стоимости его рабочей силы.

Главное, коренное преимущество распределения по потребительной силе труда, реализованной в потребительной стоимости продукта или полезности, состоит в том, что работники получают право присваивать не только необходимый, но и прибавочный продукт своего труда. Тогда масштаб их потребления уже не ограничивается затратами, стоимостью их рабочей силы, а необходимо предполагает приращение благосостояния тружеников, возможность «прибавочного» их развития. Тем обстоятельством, что

они постоянно получают часть прибавочного продукта в качестве своего дохода, работники обязаны уже не только своему труду, но и общественной собственности на средства производства, благодаря которой они превращаются в работающих собственников. Следовательно, воспроизводство работника определяется не одним только трудом. Его отношение к объективным условиям труда как своей собственности выступает не только результатом его труда, но и предпосылкой. Нормой же, по которой распределяется продукт между работающими собственниками, будет отношение потребительной стоимости совокупного общественного продукта к реальным затратам труда.

Принцип распределения, основанный на потребительной стоимости, чаще всего трактуется как распределение по производительности (эффективности) труда: фонд заработной платы на предприятии и оплату труда работника предполагается формировать в соответствии с коэффициентом эффективности труда как отношением полезного результата труда к затратам на его производство. Этим, однако, ограничиваться нельзя. Дело в том, что производительную силу труда надо сначала выразить в его потребительной силе. Если полезный результат берётся в натуральных единицах данного вида потребительной стоимости и сопоставляется с затратами, то это будет классическим определением производительности труда. И оно скажет нам лишь о том, что при высокой производительности доставляется больше продукта за ту же единицу времени. Но из этого автоматически не следует повышение благосостояния рабочего.

К тому же условия производства продукции и условия её реализации существенно отличаются друг от друга. Если первые замыкаются на производительности труда, то реализация продукта зависит ещё от ряда обстоятельств: прежде всего от достигнутой пропорциональности отраслей народного хозяйства, от их соответствия структуре общественных потребностей, затем от потребительной силы общественного труда и от того, сколько потребителей будет приходиться на данное количество производителей. Сама потребительная сила общества, в свою очередь, определяется потенциалом существующего способа производства.

Для решения вопроса надо, во-первых, выразить потребительную стоимость (полезность) продукта количеством замещаемого,

сэкономленного живого труда за вычетом затрат труда на достигаемый объём экономии, замещения; во-вторых, необходимо перевести исчисляемую таким образом производительную силу труда (в единицах сэкономленного труда) в потребительную силу труда, т. е. определить в итоге потребительную стоимость рабочей силы. Она, с нашей точки зрения, будет измеряться тем количеством сэкономленного рабочего времени, которое, с одной стороны, становится мерой получения благосостояния сверх минимума жизненных средств, а с другой — мерой развития рабочего.

Распределение, следовательно, базируется здесь на законе экономии времени, который, согласно К. Марксу, становится первым экономическим законом на основе коллективного производства. Измерение посредством сэкономленного рабочего времени, отмечает К. Маркс, существенно отличается от измерения меновых стоимостей продуктов затраченным рабочим временем[527]. Очевидно, что распределять жизненные средства на основе сэкономленного труда, достигаемого за счёт более высокой потребительной стоимости рабочей силы, можно столь же успешно, как и на основе затраченного труда.

Итак, отвечая на поставленный вопрос, необходимо в заключение сказать следующее: альтернатива в моделях собственности существует лишь между собственностью, основанной на своём труде, и собственностью, основанной на чужом труде. Нельзя отрицать того, чтобы каждый стал собственником, но не собственником за счёт чужого, наёмного труда, за счёт эксплуатации другого человека. Общество призвано на деле воссоединить личность и собственность, восстановить индивидуальную, личную и в этом смысле свою собственность каждого на самой широкой основе — на базе обобществлённого, коллективного труда всего общества. Человек должен быть собственником в трёх лицах, в трояком отношении.

Во-первых, каждый должен быть собственником как индивид, носитель непосредственной индивидуальной собственности на продукт своего труда. Индивидуальная собственность такого рода может основываться не только на частной собственности на средства производства, но и на общей, коллективной

[527] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 117.

собственности. В этом случае восстанавливается индивидуальная собственность, но не как частная собственность, а как собственность индивида на базе кооперации и общего владения землёй и произведёнными трудом средствами производства.

Эта база, с одной стороны, позволяет часть произведённых общим трудом общества предметов превратить в личную собственность каждого и в этом смысле их индивидуализировать, сделать достоянием каждого работника, его индивидуальной собственностью. Кроме того, с другой стороны, посредством этой формы собственности присваивается труд в виде той части продукта, которая необходима не для коллективного, совместного потребления, а для индивидуального потребления. (Это — та часть продукта, которая, входя в состав индивидуально потребляемых предметов, должна соответствовать объёму потребления, допустимому наличной производительной силой труда, и одновременно обеспечивать развитие индивидуальности личности.)

Можно ли данную задачу в наше время выполнить посредством индивидуальной (частной) собственности, основанной на собственном индивидуальном труде? Практика показывает, что этого сделать нельзя. Фермерам приходится трудиться 14–16 часов в сутки, и ни о каком развитии их индивидуальности речь идти не может. Если кто и развивает свою личность и своё благосостояние, так это та часть общества, которая существует за счёт чужого прибавочного продукта — продукта непосредственных производителей, в том числе и фермеров.

Частная собственность на средства производства и землю, даже если она базируется на собственном индивидуальном труде и оправдывается обществом, в современных условиях исключает возможность использования громадных сил всеразвивающегося обобществления труда и производства, которые не могут принадлежать отдельному работнику — носителю обособленного труда и обособленной собственности. В этом случае он лишается могучих потенций современной кооперации труда, без которых невозможно достигнуть нормального развития личности работника.

К этому нужно добавить ещё один довод: те, кто связывают свободу личности, её развитие с частной собственностью, почему-то не задумываются над тем, что все члены общества не могут быть частными собственниками средств производства.

Большинству в этих условиях всё равно придётся оставаться частными собственниками одной только своей рабочей силы, а вовсе не средств производства и земли, собственником которых окажется небольшая часть населения. Собственник же только своей рабочей силы, оставаясь в этом смысле индивидуально-частным собственником, не может получить из результатов своего труда больше, чем затрачивает труда на воспроизводство своей рабочей силы. Эквивалентный обмен его рабочей силы на продукты и услуги, необходимо вытекающий из частно-индивидуальной собственности на рабочую силу, ограничивает развитие работника. Причём стоимость его рабочей силы может упасть настолько, что он окажется за чертой бедности. Ни о каком развитии ему думать не приходится, ему лишь бы выжить.

Во-вторых, каждый кроме собственности на продукт своего индивидуального труда должен иметь в собственности средства и продукт совместного труда, поскольку он является членом определённого трудового коллектива. По отношению к средствам производства член коллектива выступает их совладельцем и одновременно их производительным потребителем. Функция владения ими и использования их в труде дают ему основание претендовать на часть прибавочного коллективного продукта и реализовать его как индивидуальную собственность в личном потреблении посредством отчуждения этого продукта или же получать услуги коллективного пользования, например услуги заводской поликлиники, дома отдыха, и т. д. В итоге члены коллектива присваивают часть коллективного дохода в качестве собственников (совладельцев средств производства), поскольку основные и оборотные средства могут быть продуктом труда других поколений и рабочих других предприятий.

В отличие от предпринимателя, получающего прибавочный продукт на основе частной собственности на средства производства, труженик приобретает его как работающий собственник, осуществляющий производительный труд. Если предприниматель обращается к услугам собственности для получения предпринимательского дохода, то рабочий тем более не должен отказываться от этого права. Причём он имеет все основания претендовать не только на ту часть прибавочного продукта, которая идёт на личное потребление и отчуждается им, но и на ту часть,

которая предназначена для производственного накопления и используется для обновления оборудования. Соответствующий процент от накопления (с его участием) средств производства должен отчисляться и в том случае, если рабочий выходит на пенсию.

В-третьих, каждый труженик выступает собственником принадлежащих всему обществу, всему народу средств производства, земли и других форм богатства. Основанием для реализации общенародной собственности как собственности каждого, т. е. для её персонификации, служит опять-таки то, что эти средства производства являются условиями, используемыми членами общества в их производстве, т. е. они относятся к ним как, им принадлежащим и используемым ими в их трудовой деятельности. Вместе с тем индивидуализация общей собственности в виде общих средств производства не предполагает их отчуждения отдельными работниками. В то же время отношение отдельного члена общества к общим условиям своей деятельности не может не входить в структуру общей собственности. Всякое отдельное так или иначе включается в общее, предполагает это общее как свою основу. Поэтому общая собственность может и должна реализоваться как собственность каждого, как общественно-индивидуальная собственность.

Конечным звеном этой реализации выступает потребление части общественного продукта каждым членом общества. Это вынуждены были формально признать и при проведении чековой приватизации: каждому гражданину выплачена определённая сумма денег по специальному приватизационному чеку, т. е. выдана как бы его доля из принадлежащего всему обществу дохода. Важно, чтобы он получал такую долю постоянно, ежедневно.

В итоге, трудящийся человек, чтобы посредством распределения и потребления реализовать себя как собственника во всех трёх измерениях, должен: а) как индивид — получать доход от применяемого им индивидуального труда, присваивая часть продукта своего труда; б) как член коллектива — присваивать часть коллективного дохода на основе производительного использования средств производства и совместного владения ими; в) как член общества — присваивать долю национального дохода на основе того, что он участвует в его создании и является

владельцем общенародного достояния. Его доход, следовательно, складывается с учётом его собственности на все факторы производства и основывается на общественном труде как источнике доходов, а не ограничивается только заработной платой наёмного рабочего, равной стоимости лишь необходимой части его продукта и эквивалентной стоимости сдаваемой им внаём рабочей силы. Надо распределить общественный продукт так, как подобает это делать собственникам средств производства и продукта, т. е. как это делают предприниматели, работодатели: по условиям производительного потребления средств производства и индивидуального потребления жизненных средств.

Классы составляют организацию разделения труда.

Э. Дюркгейм

Раздел VI

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА ВНУТРИ ОБЩЕСТВА: ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ И ОБЪЕДИНЕНИЕ ТРУДА

Рассмотрение организации труда внутри процесса производства, предпринятая раньше, нуждается в дополнении анализом его организации внутри общества, т. е. общественной организации труда. Последняя, продолжая первую, охватывает уже всё общество и существенным образом влияет на воспроизводство его социального устройства.

Общество начинает с организации труда, основанной на его соединении, которое предшествует его общественному разделению между разными людьми и социальными группами. Вначале, как было сказано, один и тот же работник в своей деятельности сочетает почти все существующие виды труда, или же работники сообща выполняют одну и ту же работу без её разделения между собой. Соединению труда более всего соответствует социальная организация людей в виде общины.

Исторически возникшим отрицанием практики соединения труда выступает его общественное разделение между людьми, чему соответствует классовая организация общества и сопровождающая её частная собственность. «Рядом с этим огромным большинством, исключительно занятым подневольным трудом, образуется класс, освобождённый от непосредственно производительного труда и ведающий такими общими делами общества, как управление трудом, государственные дела, правосудие, науки, искусства и т. д. Следовательно, в основе деления на классы лежит закон разделения труда»[528].

---

[528] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20. С. 293.

Промышленный и сельскохозяйственный, физический и умственный, исполнительский и управленческий роды деятельности пожизненно закрепляются за определёнными классами или социальными группами, что самым серьёзным образом воздействует на движение экономической и социальной жизни.

В процессе этого движения вновь встаёт проблема о воссоединении промышленности и сельского хозяйства, умственного и физического труда, исполнительской и управленческой деятельности и создании соответствующей новой социальной организации всего общества.

Различные функции и виды труда или разделяются между разными людьми, или выполняются одними и теми же работниками путём перемены и сочетания родов деятельности. В первом случае действует ***закон разделения труда*** между людьми, во втором — ***закон перемены и сочетания видов труда***. Это — важнейшие законы развития человека как производительной силы общества и его труда.

Рассмотрим сначала содержание закона общественного разделения труда, его характер и место в обществе, а также вопрос о его будущности.

Глава 16. Общественное разделение труда и воспроизводство социально-классовой структуры общества

§ 1. Естественноисторическая дифференциация видов человеческой деятельности и разделение труда между людьми

Необходимо в первую очередь различать виды и роды общественного разделения труда. Выделяют его общую, частную, единичную формы, разделение труда внутри общества и внутри предприятия, профессиональное разделение труда и его разделение между людьми умственного и физического труда, города и деревни, территориальное и международное разделение труда и т. д. Все указанные виды разделения труда имеют свои

особенности, различны источники их происхождения и дальнейшие исторические судьбы.

К анализу общественного разделения труда можно подходить и с точки зрения его двойственной природы: различать неодинаковые стороны внутри самого разделения труда и его видов. Об этом и пойдёт речь дальше, ибо данный вопрос наиболее важен. Кроме того, в отечественной литературе значительное внимание уделяется месту разделения труда в системе производительных сил и производственных отношений, что тоже подлежит рассмотрению.

А. Смит, как известно, начал своё исследование о природе и причинах богатства народов с анализа разделения труда. Он считал, что величайшее развитие производительной силы труда, ловкости, сообразительности, мастерства работников явились результатом разделения труда, возникновение которого он связывал со склонностью людей к обмену. В процессе обмена люди получают возможность обменивать большое количество своих изделий на столь же большое количество чужих изделий, что заставляет их усиленно расчленять сам процесс труда[529]. Что касается разделения труда внутри общества, т. е. собственно общественного разделения труда, то ни А. Смит, ни Д. Рикардо ему не придавали нужного значения. Анализ этой стороны впоследствии взяли на себя социологи, в частности Э. Дюркгейм.

В отечественной экономической литературе вопросы разделения труда стали усиленно обсуждаться в 60-е годы прошлого века. Одним из авторов, предложивших определённое решение вопроса о необходимости выделения разных сторон общественного разделения труда, является В. П. Корниенко. Он исходил из необходимости отличать одновременное сосуществование различных производственных процессов, отраслей производства, распределение в определённых пропорциях средств производства между ними от разделения труда между разными людьми, которое выражает закрепление особых категорий работников за теми или иными производственными процессами или отраслями производства. По его мнению, первая сторона вообще

[529] Смит А. Исследование о причинах и природе богатства народов. М., 1993.

не является признаком общественного разделения труда, это «естественное» разделение труда[530].

Вторая группа экономистов рассматривала в качестве определённой стороны разделения труда его техническое разделение как нечто отличное от общественного разделения. Расчленение общественного производства на различные отрасли и виды труда они считали технической стороной разделения труда, которая, по их мнению, обусловливает существование и взаимодействие различных категорий труда. Под техническим разделением труда иногда понимают распределение функций между рабочими соответствующих специальностей и профессий в производственном процессе[531]. Третья группа авторов проводит разграничение между понятиями разделения труда в узком и широком смысле. Узкий смысл — это одновременное и параллельное сосуществование различных видов производственной деятельности; широкий смысл — не только наличие различных видов производственной деятельности, но и связь между ними или обмен деятельностью[532].

Предлагают также различать понятия ***разделение общественного труда*** и ***общественное разделение труда***[533], или выделять, например, понятия ***разделение труда вообще***, или всякое разделение труда, и «***старое***», или существующее, ***разделение труда***[534].

---

[530] Корниенко В. П. Общественное разделение труда при социализме // Сборник статей кафедры политической экономии. Научные труды Ленинградского института точной механики и оптики. Вып. 40. 1958. С. 58; Корниенко В. П. Общественное разделение труда в период перехода к коммунизму. М., 1963. С. 3–17.

[531] Каценелинбойген А. И. Автоматизация производственных процессов и вопросы организации труда. М., 1956. С. 11.

[532] Сигов И. И. К вопросу о сущности разделения труда и его месте в системе общественного производства // Вопросы общественного разделения труда при социализме. Научные труды Ленинградского института точной механики и оптики. Вып. 52. 1961. С. 37.

[533] Мокроносов Г. В. Стирание социальных граней между рабочим классом и интеллигенцией // Философские науки. 1961. №3. С. 18.

[534] Подробный анализ различных сторон общественного разделения труда можно найти в монографии И. И. Чангли «Труд» (Изд. 3-е. М., 2002), в частности в её четвёртой главе. Эта работа обобщает исследования по вопросам разделения труда.

Отечественные авторы разделение труда рассматривали и с точки зрения его отнесения к производительным силам и производственным отношениям. Одни включают разделение труда в содержание производительных сил. «Будучи органическим моментом развития производительных сил, — пишет, например, А. И. Ноткин, — общественное разделение труда вместе с орудиями и кадрами производства и уровнем концентрации производства определяет характер производственных отношений, их развитие»[535]. По мнению В. Н. Черковца, разделение труда представляет собой и способ существования производительных сил, и особую общественную производительную силу труда[536]. В. П. Корниенко считает разделение труда, с одной стороны, производительной силой, с другой — непосредственной формой труда, формой производительных сил на определённом этапе их развития[537]. И. И. Сигов, возражая против характеристики разделения труда как производительной силы, вместе с тем называет его «формой организации производительных сил», «формой производительных сил, предполагающей определённые производственные отношения между людьми»[538].

Сторонники другого направления относят разделение труда к производственным отношениям. Одни из них полагают, что разделение труда есть «существенный элемент производственных отношений»[539], выражающий обмен деятельностью между людьми.

---

[535] Ноткин А. И. Материально-производственная база социализма. М., 1954. С. 84.

[536] Черковец В. Н. К вопросу о марксистском понятии производительных сил // Вестник Московского университета. Серия экономики, философии и права. №2. 1958. С. 26, 28.

[537] Корниенко В. П. Общественное разделение труда как форма производительных сил социализма // Вопросы общественного разделения труда при социализме. Научные труды Ленинградского института точной механики и оптики. Вып. 52. 1961. С. 3.

[538] Сигов И. И. К вопросу о сущности разделения труда и его месте в системе общественного производства // Вопросы общественного разделения труда при социализме. Вып. 52. 1961. С. 35, 38.

[539] Судеревский И. С. Общественное разделение труда при социализме. Л., 1960. С. 12.

Другие, проводя различие между техническим разделением труда и общественным, рассматривают последнее «как совокупность определённых форм социальных отношений людей в непосредственном процессе производства»[540].

Имеется ещё одна концепция, которую иногда без особых на то оснований называют дуалистической. Её представители относят разделение труда одновременно и к производительным силам, и к производственным отношениям. «Разделение труда, — пишет Л. Я. Берри, — сложная социально-экономическая категория, неразрывно связанная как с производительными силами, так и с производственными отношениями каждой данной формации. Развитие разделения труда представляет собой составную часть процесса развития производительных сил... Разделение труда между членами общества в то же время является составным элементом производственных отношений»[541].

Необходимо остановиться на анализе приведённых мнений и высказать своё отношение к ним. Одной из причин разногласий служит определение способа производства как единство двух ***сторон***: производительных сил и производственных отношений. Но когда взаимодействие производительных сил и производственных отношений рассматривается как отношение «сторон», то любое явление, принадлежащее к сфере экономики, должно относиться или к производительным силам, или к производственным отношениям.

Конечно, производство представляет собой единство производительных сил и производственных отношений. Однако это определение касается производства ***в целом*** и недостаточно для характеристики ***сущности*** способа производства. Оно лишь указывает на наличие в производстве тесно связанных между собой явлений — производительных сил и производственных отношений. Качественная же особенность самого способа производства в данном случае не учитывается, поскольку он отождествляется

---

[540] Комаров В. Е., Москович В. М. Об общественном разделении труда как экономической категории и некоторых тенденциях его развития при социализме // Проблемы политической экономии социализма. 1961. С. 146.

[541] Берри Л. Я. Специализация и кооперирование в промышленности СССР. М., 1954. С. 12.

с производством вообще. Производительные силы и производственные отношения не просто стороны способа производства. Их взаимосвязь правильнее было бы рассматривать с точки зрения категорий формы и содержания.

Основоположники этой теории под способом производства понимали определённый социально-экономический способ соединения производителей со средствами производства. Понятие способа производства, по их мнению, раскрывает отношение производителей к средствам производства: владеют ли они собственностью на средства производства или нет, находятся ли средства труда в руках трудящихся, или они лишены их. «Каковы бы ни были общественные формы производства, — писал К. Маркс, — рабочие и средства производства всегда остаются его факторами. Но находясь в состоянии отделения друг от друга, и те и другие являются его факторами лишь в возможности. Для того чтобы вообще производить, они должны соединиться. Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, отличает различные экономические эпохи общественного строя»[542].

Из этого определения становится ясным смысл категорий формы и содержания применительно к производительным силам и производственным отношениям. Неправильно думать, что производительные силы — это лишь одна сторона, а производственные отношения — другая сторона способа производства. По отношению к производительным силам (содержанию) формой выступает сам способ производства, и в этом смысле производственные отношения ***по их сущности*** совпадают со способом производства.

Такая характеристика соотношения производительных сил и способа производства соответствует общепринятому определению категорий содержания и формы. Содержание, как известно, представляет собой совокупность элементов, образующих данное явление или процесс. Форма есть способ соединения, система организации элементов содержания. Применительно к рассматриваемым категориям это значит, что способ производства как определённое социально-экономическое соединение элементов

[542] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21. С. 43–44.

производительных сил (средств производства и людей) и есть их социально-экономическая форма. Способ соединения средств производства и людей предполагает наличие между ними определённых связей. Эти социально-экономические связи и составляют производственные отношения, и прежде всего отношения собственности.

В трудах К. Маркса и Ф. Энгельса имеется ряд положений, в которых производительные силы сопоставляются и с производственными отношениями, и со способом производства, причём и в те, и в другие вкладывается по существу одинаковый смысл. Ф. Энгельс, характеризуя противоречия капиталистического общества, указывает на конфликт между производительными силами и способом производства[543], выражающийся в том, что «***производительные силы восстают против способа производства, который они переросли***»[544]. Разрешение этого противоречия, по словам Ф. Энгельса, «может состоять лишь в том, что общественная природа современных производительных сил будет признана на деле и что, следовательно, способ производства, присвоения и обмена будет приведён в соответствие с общественным характером средств производства»[545].

Необходимо заметить следующее. Производительные силы, выступая как содержание способа производства, имеют своё специфическое содержание и особые формы. Мы можем, например, в качестве содержания самих производительных сил брать совокупность составляющих их элементов, а в качестве формы — конкретные методы организации этих элементов, методы труда и т. п. Производственные отношения в свою очередь также имеют собственное содержание и формы. Если их социально-экономическим содержанием являются отношения собственности, обмена и распределения, то формой — общественная или частная собственность, различные способы обмена и распределения.

Применение категорий формы и содержания при характеристике взаимодействия производительных сил и производственных отношений очень важно для решения вопроса о месте разделения

---

543 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20. С. 279.

544 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20. С. 287.

545 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20. С. 290.

труда в системе производства. Но с помощью этих категорий объясняется далеко не всё. В конечном счёте в основе разногласий по этому вопросу лежат различные толкования содержания как производительных сил, так и производственных отношений, а решение проблемы в итоге сводится к отрицанию или признанию за трудом с его специфическими закономерностями значения *самостоятельного* общественного явления. Представляется, что только понимание труда как особого общественного явления со своими специфическими закономерностями развития может привести к правильному ответу. Но это не снимает вопроса о характере связи труда с производительными силами и производственными отношениями.

Если, как уже указывалось, законы эволюции человека как производительной силы совпадают с принципами развития производительного труда, то спор о том, куда отнести указанные закономерности (в том числе и разделение труда) — к производительным силам или к производственным отношениям, по существу сводится к выяснению места труда в системе производства: является ли производственная деятельность элементом производительных сил, процесса производства, или она образует часть социально-экономических отношений. Стоит только перевести проблему в эту плоскость, как сразу обнаруживается несостоятельность позиций авторов, исключающих из содержания производительных сил процессы разделения, кооперации, обобществления труда. Ведь тогда приходится доказывать недоказуемое: производительную деятельность человека, трудовые процессы относить к социально-экономическим отношениям, к общественной форме производства, а не включать в главную производительную силу общества.

Каков же вывод? Процессы, характеризующие труд, вместе с последним входят в содержание производительных сил.

Труд, однако, не есть только целесообразная деятельность. Он включает и определённые отношения производства. Производители без определённых связей друг с другом не могут функционировать, поэтому законы их развития должны отражать и экономические отношения производства. Какие же это отношения и могут ли они быть включены в содержание производительных сил?

Авторы, исключающие разделение труда из системы производительных сил, обычно исходят из того, что последние выражают лишь отношения людей к природе и не содержат элементов отношений людей друг с другом, в том числе их связей как носителей производственных функций. Отсюда возникает мнение, что любые отношения, складывающиеся между производителями в процессе труда, не входят в содержание самих производительных сил, а относятся целиком к производственным отношениям. В частности, обмен деятельностью между производителями переносится из сферы производственного (трудового) процесса в область общественной формы производства и объявляется частью производственных отношений. Это обычно служит основанием и для отнесения разделения труда к области общественной формы производства, поскольку разделение труда объявляется оборотной стороной обмена деятельностью.

Для правильного решения вопроса о месте разделения труда в системе производственных отношений необходимо прежде всего различать разные, так сказать, слои производственных отношений. Один слой, назовём его верхним, образуют социально-экономические отношения людей к средствам производства и продуктам производства как объекту собственности и распределения. Это отношения собственности и вытекающие из них отношения обмена и распределения товаров, продуктов. Они составляют особый экономический строй каждой данной формации и делятся по типу на первобытнообщинные, рабовладельческие, феодальные, капиталистические и коммунистические. Социально-экономическими отношениями охватываются все люди данного общества независимо от того, участвуют они в самом производстве материальных благ или заняты в других сферах общественной жизни.

Другой слой — нижний[546] — состоит из отношений, складывающихся в непосредственном производственном процессе

[546] Термины ***верхний слой*** и ***нижний слой*** следует понимать в условном значении. Называя, например, социально-экономические отношения верхним слоем, мы вовсе не думаем, что они существуют за границами материального производства. Точно так же нижний слой не существует отдельно наряду с социально-экономическими отношениями. Эти слои многократно переплетаются, и выделять их можно только в абстракции.

и выражающих связи людей как носителей тех или иных производственных функций. Эти отношения пронизаны существующими в данном обществе отношениями собственности. Но связи людей как производителей не сводятся к отношениям собственности. Они возникают непосредственно в самом процессе производства и служат для осуществления обмена деятельностью в процессе труда.

К числу форм отношений производителей относится, например, кооперация труда. Когда кооперативная организация трудового процесса предполагает существование общественного разделения труда, то последнее тоже представляет собой определённый вид отношений производства. Разделение труда на определённом этапе истории связано и с наличием отношений по обмену деятельностью. Эти отношения образуют специфическую сферу, отличную от отношений собственности. Их отличие от социально-экономического строя общества ныне признаётся многими авторами.

Так, Б. А. Чагин и А. Г. Харчев считают, что производственные отношения не сводятся лишь к отношениям собственности. Одну сторону производственных отношений, по их мнению, составляют формы собственности и соответствующие им отношения, другую — связи, существующие между производителями в непосредственном процессе производства. К последним они причисляют, например, разделение труда[547]. Другие, соглашаясь с разграничением указанных двух сфер экономических отношений и считая разделение труда определённым отношением между людьми, вместе с тем не характеризуют последнее как производственное отношение. В. П. Корниенко, например, называет разделение труда «трудовым отношением», не являющимся производственным отношением[548].

Разделение труда, безусловно, является отношением производства. Однако здесь возникают два вопроса: во-первых, к какой стороне, или слою, его относить; во-вторых, можно ли

---

[547] Чагин Б. А., Харчев А. Г. О категориях «производительные силы» и «производственные отношения» // Вопросы философии. 1958. №2. С. 13.

[548] Корниенко В. П. Общественное разделение труда как форма производительных сил социализма // Вопросы общественного разделения труда при социализме. Вып. 52. 1961. С. 111.

определённые отношения производства включать в область производительных сил, точнее в сферу процессов функционирования человека как производительной силы? По моему мнению, можно и нужно, но только определённую часть производственных отношений, их нижний слой. Было бы неточно считать, что производительные силы выражают отношения людей только к природе. Функционирование людей как производителей включает в себя определённые производственные связи (отношения) между ними самими.

Различая отношения людей как носителей производительных сил и носителей форм собственности, мы должны иметь в виду, что первые отношения не выходят за границу производительных сил, тогда как вторые выходят. Поэтому разделение производительного труда, обмен деятельностью и т. п., будучи производственными отношениями, включаются в сферу производительных сил. Эти отношения составляют непосредственную форму производительных сил (труда). Следовательно, если отношения между производителями, возникающие в процессе выполнения производственных функций, сравнивать с отношениями собственности, первые будут на стороне производительных сил, составляя элемент их содержания.

К. Маркс неоднократно подчёркивал, что отношения совместной деятельности и обмена деятельностью заключены в содержании производственного процесса, а способ совместной деятельности сам выступает как общественная сила труда или её источник. Обратимся к трудам К. Маркса и Ф. Энгельса и выясним их мнение на этот счёт.

Касаясь распределения членов общества по различным родам производства, К. Маркс отмечает, что оно заключено в самом процессе производства, определяет организацию производства. «Рассматривать производство независимо от этого заключающегося в нём распределения есть, очевидно, пустая абстракция, в то время как распределение продуктов, наоборот, дано само собой вместе с этим распределением, составляющим с самого начала момент производства»[549]. Понятно, что здесь К. Маркс имеет в виду под распределением людей

[549] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12. С. 722–723.

по родам производства распределение труда. В экономических рукописях 1857–1858 гг. К. Маркс следующим образом характеризует место обмена деятельностью в производстве: «Ясно, во-первых, что обмен деятельностей и способностей, который совершается в самом производстве, относится прямо к нему и составляет его существенную сторону»[550]. Ф. Энгельс, говоря об историческом развитии производства, замечает, что в производственный процесс медленно проникает разделение труда[551]. При этом разделение труда служит одной из характеристик уровня развития производительных сил. Степень развития производительных сил нации, отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, обнаруживается всего нагляднее в том, в какой мере развито у неё разделение труда[552].

Из приведённых высказываний К. Маркса и Ф. Энгельса следует, что отношения обмена деятельностью, распределения и разделения труда относятся к области производительных сил, составляют одну из форм самого процесса производства. Отношения по совместной деятельности производителей не только входят в содержание производительных сил, но сами порождают общественные силы труда и выступают как специфическая массовая производительная сила. Способ совместной деятельности приобретает значение производительной силы. На первый взгляд может показаться странным, что определённая сторона производственных отношений выступает как производительная сила труда. Между тем дело обстоит именно так. Известно, например, что разделение труда есть особая форма производственных отношений. В то же время основоположники марксизма это отношение наряду с кооперацией труда и другими подобными явлениями считали производительной силой, принадлежащей совокупному труду. К. Маркс, оценивая положительную сторону учения Петти о разделении труда, писал: «Петти раскрыл значение ***разделения труда*** и как производительной силы, и притом в более обширном плане, чем Адам Смит»[553].

---

550 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12. С. 725.

551 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21. С. 174.

552 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3. С. 20.

553 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13. С. 39. Примечание.

Ф. Энгельс, характеризуя «пущенные в ход буржуазией новые производительные силы», включал в их число «прежде всего разделение труда и соединение в одном общем мануфактурном предприятии многих частичных рабочих»[554].

Разделение труда представляет собой исторический способ функционирования людей (а не вообще производительных сил) как производителей материальных благ и особую общественную производительную силу их труда. (Применимость этого вывода ограничивается, конечно, сферой производственной деятельности. Разделение труда в области искусства, например, не относится к сфере производительных сил.) Из факта существования совокупной массовой производительной силы труда тоже следует, что эта сила не может возникать без связей и отношений составляющих её отдельных сил частей совокупного работника. Более того, сама эта связь является производительной силой совокупного рабочего.

Основоположники марксизма при анализе взаимодействия производительных сил и отношений собственности очень часто первые характеризовали состоянием развития производительного труда. К. Маркс, например, неоднократно рассматривал противоречие между производительными силами и отношениями собственности капиталистического общества как конфликт между дальнейшим обобществлением труда и сохраняющейся частной собственностью. «Централизация средств производства и обобществление труда, — писал он, — достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой»[555]. В данном случае обобществление труда, развитие общественного, кооперативного характера процесса труда служит у К. Маркса характеристикой производительных сил и противопоставляется капиталистической форме собственности.

На эту сторону дела обращал внимание Г. В. Плеханов. Он подчёркивал, что организация труда в современной механической мастерской определяется нынешним состоянием техники и характеризует собой состояние производительных сил, а не хозяйственный порядок общества, который выражается прежде всего

---

554 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21. С. 309.

555 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 773.

и главным образом свойственными данному обществу имущественными отношениями[556]. Г. В. Плеханов считал организацию труда хозяйственным явлением, определённым отношением производства, но вместе с тем настаивал на необходимости отличать это явление от имущественных отношений, которые могут противоречить первому отношению, т. е. некоторая часть общественных отношений производства может не соответствовать другой их части[557]. При этом непосредственные отношения производителей в процессе производства (например, организация труда) он относил к материальным условиям существования имущественных отношений.

Процессы разделения труда, обмена деятельностью и тому подобные явления, принадлежащие к сфере развития производительных сил, следует отличать от их социально-экономического выражения в отношениях собственности и классов. Если в первом случае мы имеем дело со взаимоотношениями людей как субъектов труда, то во втором случае — как носителей собственности, занимающих в определённых исторических условиях различное положение в обществе, т. е. разделённых на классы и социальные группы.

Разделение труда и обмен деятельностью, например, между рабочим и инженером как членами совокупного рабочего персонала имеют место и при капитализме, и при социализме. И там, и здесь их производственное значение одинаково: они служат необходимым фактором функционирования производительных сил. Но в процессе разделения труда и обмена деятельностью между рабочим и инженером всегда присутствуют определённые отношения, которые характеризуют указанных работников не только как носителей разных производственных функций, но и как носителей существующих в обществе отношений собственности. В капиталистическом обществе это отношения частной собственности на средства производства, в социалистическом — отношения общественной собственности. Особый тип собственности выражается в свою очередь в наличии классов и их социальных взаимоотношений в обществе. Поэтому в каждом

---

556 Плеханов Г. В. Соч., т. XI. С. 164.

557 Плеханов Г. В. Соч., т. XI. С. 172.

данном обществе отношения производителей, лежащие в сфере производительных сил, приобретают тот социально-экономический характер, который присущ данному типу собственности.

Связь между разделением и обобществлением труда, с одной стороны, и отношениями собственности (и делением общества на классы) — с другой, можно характеризовать опять-таки как отношение содержания и формы. «Различные ступени в развитии разделения труда, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — являются вместе с тем и различными формами собственности, т. е. каждая ступень разделения труда определяет также и отношения индивидов друг к другу соответственно их отношению к материалу, орудиям и продуктам труда»[558].

Что касается деления общества на классы, то оно также имеет в качестве своей основы в конечном счёте общественное разделение труда между людьми, т. е. выступает как социальная сторона этого разделения. Большие группы людей, закрепляемых благодаря разделению труда за тем или иным родом деятельности, необходимо оказываются особыми классами или социальными группами. Социально-экономические отношения (формы собственности, распределения, обмена), пронизывая связи людей как носителей производственных функций, не растворяются в последних, а сохраняют своё собственное содержание. В то же время социально-экономические отношения не могут охватывать все связи людей в непосредственном трудовом процессе.

Таким образом, специфические закономерности развития главной производительной силы выражают, с одной стороны, эволюцию и функционирование человека как работника и поэтому относятся к производительным силам; с другой стороны, они охватывают определённые взаимоотношения людей, складывающиеся в процессе выполнения производственных функций, и поэтому включают в себя известные элементы производственных отношений. Подобного рода отношения людей в производстве при их сопоставлении с социально-экономическими отношениями входят в производительные силы.

Из приведённых высказываний (конечно, не всех) вырисовываются самые разнообразные варианты подхода к анализу

---

[558] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3. С. 20.

содержания разделения труда. При рассмотрении природы разделения труда необходимо отличать разделение и распределение труда (именно труда) от разделения и специализации орудий труда, производственных процессов, предприятий, отраслей производства, а также от распределения средств труда по предприятиям и отраслям хозяйства. Понятно, что здесь речь идёт о разделении и специализации вещественно-технических элементов производства, а не о человеческом труде и людях. Указанные процессы имеют место во всех обществах и, конечно, никогда не могут исчезнуть. Производство всегда будет предполагать сосуществование разнообразных производственных процессов и отраслей. Не исчезнут, например, некоторые особенности добывающей или обрабатывающей промышленности. С развитием общества характер их, безусловно, изменится, но никогда не наступит их полная нивелировка. Это относится и к производственным процессам внутри отраслей производства.

Подчёркивая важность разграничения разделения производства и разделения труда, следует тем не менее учитывать его недостаточность, поскольку оно не затрагивает различий сторон внутри разделения труда.

Что же касается разделения самого живого человеческого труда, а не материально-технических процессов, то здесь необходимо выделить и строго разграничить две не совпадающие друг с другом его стороны: 1) естественноисторическую дифференциацию видов человеческой деятельности и 2) их разделение между людьми.

Чем характеризуется первая сторона расчленения труда? При рассмотрении труда как целесообразной человеческой деятельности перед нами выступает раньше всего его деление на качественно разнообразные формы, или виды. Так, трудовая деятельность в области земледелия имеет свои специфические особенности, отличающие её от занятий в сфере промышленности. Точно так же умственная и физическая деятельности с самого начала различаются как особые, несводимые друг к другу формы человеческого труда. В этом отношении разделение труда представляет собой одновременное и параллельное существование качественно различных форм человеческой деятельности. «***Разделение труда*** в некотором смысле есть не что иное, как

сосуществующий труд, т. е. сосуществование ***различных*** видов труда, представленное в ***различных видах*** продуктов или, точнее, товаров»[559].

Труд, рассматриваемый с вещественной стороны, т. е. в качестве труда, производящего разнообразные потребительные стоимости, выражает совокупность различных видов деятельности и эта совокупность, будучи общим состоянием общественного труда, означает его разделение[560].

Дифференциация трудовой деятельности представляет собой естественное состояние общественного производства на всех этапах его развития. Разделение труда в этом его значении обусловлено состоянием технического прогресса, структурой и характером технологии и является постоянным спутником производства.

Дифференциация труда на качественно различные виды предполагает и их распределение в определённых пропорциях между отраслями производства и сферами общественной жизни вообще. Об этом можно судить, например, по распределению населения по отраслям народного хозяйства. Совокупный общественный труд расчленяется на определённые пропорции, которые состоят из различного количества качественно определённых видов человеческой деятельности. Чтобы поддерживать нормальное функционирование производства и общества в целом, эти пропорции должны быть строго определёнными. В случае если бы общество перестало известную часть совокупного общественного труда тратить на производство продуктов потребления, а весь труд использовало бы для создания средств производства, оно просто не смогло бы существовать. Поэтому общество вынуждено разделять или, точнее, распределять труд в определённых пропорциях между сферами и отраслями общественного производства.

Имея в виду этот смысл разделения труда, К. Маркс писал: «Всякий ребёнок знает, что каждая нация погибла бы, если бы она приостановила работу, не то что на год, а хотя бы на несколько недель. Точно так же известно всем, что для соответствующих различным массам потребностей масс продуктов требуются различные и количественно определённые массы общественного

---

559 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III. С. 273.

560 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13. С. 38.

совокупного труда. Очевидно само собой, что эта ***необходимость распределения*** общественного труда в определённых пропорциях никоим образом не может быть уничтожена ***определённой формой*** общественного производства, — измениться может лишь форма ***её проявления***. Законы природы вообще не могут быть уничтожены. Измениться, в зависимости от исторических различных состояний общества, может лишь ***форма***, в которой эти законы прокладывают себе путь»[561].

Таким образом, указанная сторона разделения труда, которую можно назвать естественноисторической дифференциацией труда, выражает два момента: а) совокупность и сосуществование качественно разнородных видов труда и б) их распределение в определённых пропорциях между отраслями производства и сферами общественной жизни. Подобное деление труда обусловливается в конечном счёте тем, что как отдельный человек, так и общество в целом имеют многообразные потребности в разных вещах и предметах и удовлетворяться они могут лишь посредством разнообразия самих форм человеческой целесообразной деятельности. Разделение общественного труда в этом отношении означает, во-первых, что сам труд рассматривается как целесообразная человеческая деятельность вообще и его деление (разделение) состоит только в наличии качественно различных форм, распределяемых в определённых пропорциях между сферами производства; во-вторых, что такого рода разделение является вечным состоянием труда, имеет значение естественного, непреходящего закона, существующего в любом обществе независимо от того или иного типа производственных отношений; в-третьих, что подобное разделение труда само по себе ещё не выражает закреплённость или незакреплённости качественно разных видов труда за теми или иными социальными группами, т. е. не характеризует разделения труда между разными людьми.

Эту очевидную сторону разделения труда, ещё не раскрывающую, однако, его социально-экономической сущности, зависимости от общественно-экономических форм организации труда, нужно отличать от его второй стороны — разделения форм

---

[561] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 32. С. 460–461.

человеческой деятельности между разными людьми и социальными группами.

В чем же состоит смысл второй стороны разделения общественного труда?

Когда идёт речь о разделённом между разными людьми труде, имеется в виду не просто его качественная дифференциация и пропорциональное распределение. В данном случае труд рассматривается как персонифицированный труд, и его разделение означает, что за особыми видами человеческой деятельности закреплены разные люди. На определённом историческом этапе за особыми видами человеческой деятельности постоянно закрепляются специальные люди, а потому разные формы труда становятся сферой деятельности отдельных групп работников. «Дело в том, что как только появляется разделение труда, каждый приобретает свой определённый, исключительный круг деятельности, который ему навязывается и из которого он не может выйти...»[562].

В результате подобного разъединения труда физическая и духовная деятельность, например, выпадают на долю различных индивидов. Умственный труд приобретает характер особой деятельности определённых социальных слоёв, а физический труд соответственно становится уделом других социальных категорий людей.

Разделение труда между людьми по своей роли в обществе и по социальным последствиям глубоко противоречиво. В определённых исторических условиях оно необходимо для прогресса производительных сил и общества в целом. Пока человеческий труд был ещё малопроизводительным и давал только ничтожный избыток над необходимыми жизненными средствами, до тех пор рост производительных сил, развитие государства и права, создание искусства и науки были возможны лишь при условии разделения труда, имевшего своей основой крупное разделение труда между массой, занятой простым физическим трудом, и немногими привилегированными, которые руководили работами, занимались торговлей, государственными делами, а позднее также искусством и наукой[563].

---

562 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3. С. 31–32.

563 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20. С. 186.

Однако исторический прогресс, происходящий на основе разделения труда, осуществляется в результате ограничения сферы деятельности целых классов, одностороннего развития личности. В условиях разделённого труда большие массы народа, занимаясь пожизненно одним видом деятельности, например физическим трудом, лишаются возможности развивать свои умственные способности, что наносит огромный ущерб их интеллектуальному развитию. В классовом обществе разделение труда приводит к крайней узости развития человека. «Разделение труда внутри современного общества характеризуется тем, что оно порождает специальности, обособленные профессии, а вместе с ними профессиональный идиотизм»[564].

Но дело не только в этом. Различия людей, закреплённых за отдельными видами труда, оказываются в конечном счёте ***социальными*** различиями, которые в классово антагонистическом обществе приобретают характер враждебной противоположности. Её сущность состоит не в самом факте разделения труда между людьми, а в том, что умственный труд, например, монополизируется господствующим классом и используется им в качестве средства порабощения работников физического труда. Даже наука, применяемая в капиталистическом производстве и реализованная в средствах производства, принадлежащих классу капиталистов, выступает по отношению к рабочему как принадлежность капитала, как орудие увеличения прибавочной стоимости. Что же касается работников государственного аппарата, высших чиновников, являющихся нередко непосредственными представителями класса буржуазии, то их взаимоотношения с трудящимися массами носят характер открытого социального антагонизма.

Социально-экономический смысл разделения умственного и физического труда в капиталистическом обществе проявляется также в создании многочисленных преград, не позволяющих массе простых людей переходить от занятий физических к умственным формам деятельности. Последние настолько социально закрепляются, что очень трудно обычному рабочему подняться до уровня интеллигенции. К тому же образование,

564 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4. С. 159.

особенно высшее, монополизируется привилегированными слоями общества, буржуазией. Трудящиеся лишаются возможности непосредственно участвовать в управлении производством и обществом, развивать свои умственные способности. Их уделом остаётся физический труд.

Современный капитализм довёл до крайнего предела противоположность между умственным и физическим трудом, что обнаруживается не только в самих капиталистических странах, но особенно глубоко в пределах мировой системы капиталистического хозяйства. Там, где империализм хозяйничал в течение веков и где ещё сохранилось его господство, он всюду поддерживал и поддерживает невежество огромного большинства масс, их неграмотность, культурную отсталость.

Таким образом, главную, социально-экономическую сущность общественного разделения труда составляет его разделение между разными людьми. Это значит, во-первых, что качественно особые виды трудовой деятельности выпадают на долю разных людей, пожизненно закрепляются за ними, а деятельность каждого отдельного человека ограничивается отдельной сферой. Вследствие этого, во-вторых, человек оказывается подчинённым разделению труда, теряет возможность свободного выбора и смены профессий, получает одностороннее развитие.

При разделении труда между людьми различия в труде приобретают характер различий самих людей и выступают как профессиональные, социальные и классовые грани. Закреплённость больших групп людей за крупными видами разделённого труда, например за промышленной деятельностью или сельским хозяйством, за умственным или физическим трудом, даёт классовые или социальные различия, а ограничение человека определённой профессией приводит к существованию профессиональных групп и профессиональных различий.

Из сказанного видно, что разделение труда имеет две несовпадающие стороны. Первая — это сосуществование различных видов труда, качественная дифференциация форм человеческой деятельности и их распределение в определённых пропорциях по отраслям производства и сферам общественной жизни. Если применить в данном случае родственный термин ***специализация***, то он будет означать лишь тот факт, что каждый раз человеческая

деятельность протекает в конкретной, качественно особой, т. е. специальной, форме.

Можно ли эту сторону назвать моментом общественного разделения труда или её следует вывести вообще за его рамки? Нам кажется, что можно, хотя лучше было бы здесь употреблять понятия ***дифференциация***, ***деление***, ***распределение*** труда. Но при всяких условиях это общественное разделение труда. Естественным его можно назвать лишь в одном определённом смысле — по его характеру как естественной необходимости, имеющей силу и значение закона природы.

Вторая сторона разделения труда — это разделение людей по тем или иным формам деятельности, закрепление за определённым видом труда особых групп лиц, что находит социальное выражение в существовании классов, социальных и профессиональных групп. В данном случае тот или иной вид, или род, труда выступает в качестве ***обособленной*** сферы деятельности ***особой*** категории людей, а специализация труда — как специализация людей, ограничение их деятельности рамками особой специальности.

Ясно, что качественная дифференциация видов человеческой деятельности и их разделение между разными людьми не совпадают друг с другом, нетождественны.

Тот факт, что необходимо разграничить естественноисторическую дифференциацию видов человеческой деятельности и разделение труда между разными людьми, не подлежит никакому сомнению. Однако в экономической и социологической литературе необходимость такого подхода признаётся не всеми. Вышеотмеченные, явно отличные друг от друга стороны общественного разделения труда обычно не замечаются, а некоторыми авторами просто смешиваются. Притом наиболее неправильным в настоящее время является сведение социально-экономической сущности разделения труда к качественной дифференциации и сосуществованию различных видов человеческой деятельности, наделение первой стороны свойствами и признаками второй стороны[565].

---

[565] Судеревский И. С. Общественное разделение труда при социализме. Л., 1960. С. 12.

Отличать качественную дифференциацию труда от его разделения между разными людьми ещё не значит решить проблему. Можно, например, различать указанные две стороны разделения труда, но при этом утверждать, что они всегда и при всех условиях сопутствуют друг другу и взаимополагают друг друга, т. е. сосуществование качественно различных видов труда всегда предполагает их разделение между разными людьми и лишь в этом последнем оно проявляется. Но если рассуждать так, нужно признать, что социально-экономические различия людей, вытекающие из различий в условиях труда, существуют с самого начала истории и останутся в будущем. Или если согласиться с точкой зрения о том, что разделение труда является основой и предпосылкой развития каждой формации, свойственно любому общественному строю, то различия в труде (видов труда) всегда должны выступать как экономические или социальные различия самих людей, занятых в труде.

С подобными мнениями нельзя согласиться. Чтобы доказать их ошибочность, достаточно обратиться к истории.

Различия видов человеческой деятельности, её дифференциация на качественно особые формы существуют с момента возникновения человеческого общества. Умственные и физические функции, например, с самого начала играют неодинаковую роль в труде. Первые направлены на познание окружающей действительности, на управление производственными процессами, определение цели и результатов процесса труда. Вторым принадлежит роль практического исполнителя, непосредственного воздействия на предмет труда, с тем чтобы приводить в движение орудия труда и изменять форму вещества природы соответственно человеческим потребностям.

Правомерно поставить вопрос: были ли эти безусловно отличные друг от друга формы человеческой деятельности с момента возникновения общества разделены между разными людьми, т. е. предполагали ли они существование особых лиц умственного труда и людей физического труда?

Если строго следовать логике некоторых авторов, то ответ может быть только одним: да, были, да, предполагали. История же свидетельствует как раз об обратном.

Разделение умственного и физического труда между людьми не существовало извечно. Оно возникло на определённом исто-

рическом этапе. Более того, если иметь в виду разделение труда не внутри общества в целом, а в самом производственном процессе, то оно является продуктом ещё более поздней эпохи.

Первоначально, как отмечалось, один и тот же производитель объединял в себе все функции трудового процесса, как физические, так и духовные. Отдельный человек не может воздействовать на природу, не приведя в движение свои собственные физические силы под контролем своего мозга. «Как в самой природе, — указывал К. Маркс, — голова и руки принадлежат одному и тому же организму, так и в процессе труда соединяются умственный и физический труд. Впоследствии они разъединяются и доходят до враждебной противоположности»[566].

С общественным разделением труда на материальный и духовный возникает особый вид общественной деятельности и особая, специальная группа лиц умственного труда. Умственный труд уже выступает как ***специализированная деятельность*** специальной группы людей.

Процесс отделения умственного труда от физического в истории совпадает с образованием классов и государства. Господствующий класс выделяет из своей среды людей — работников умственного труда. Сначала это были духовные лица. Например, в древнем Египте духовная деятельность, как правило, была достоянием жрецов. Занятием эксплуатируемых классов оставался физический труд. Первый угнетённый класс — рабы — использовался только как материальная рабочая сила. Если в первобытном обществе у работника или у свободного ремесленника Средних веков производственные успехи в значительной мере зависели от изощрённости умственных сил, его умения и ловкости, то труд раба основывался на применении физической силы, освобождался от интеллектуального содержания. Рабы были лишены объективной возможности развивать духовные потенции производства.

Разделение труда на умственный и физический имеет глубокое историческое оправдание. Оно было обусловлено экономическими причинами. По мере того как труд становился кооперированным и приобретал первые признаки обобществления,

---

566 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 516.

возникали новые, более сложные операции в процессе производства, требующие для своего осуществления специальных дополнительных знаний.

Уже простая кооперация порождает особые функции надзора и управления производством, вытекающие из природы общественного процесса труда. Кооперация, вызванная потребностью выполнения сложных трудовых процессов, для своего функционирования нуждалась в отделении умственного труда, науки от производства. История показывает, что более или менее ясно выраженные научные теории и системы возникают в то время, когда в значительных масштабах начинает применяться кооперированный труд. Крупные ирригационные и другие сооружения древности, требовавшие объединения больших масс людей для одновременных работ, могли выполняться по плану и при участии работников не только физического, но и умственного труда.

Необходимо иметь в виду, что до возникновения крупной промышленности люди умственного труда, а следовательно, и наука, как правило, непосредственно не выполняли духовных функций производства. Кооперация же труда, вызывавшая необходимость деятельности специальных лиц умственного труда, носила в древнем обществе спорадический характер.

Процесс отделения умственного труда от физического, начавшийся в простой кооперации, развивается и углубляется в мануфактурном производстве. В мануфактуре на одном полюсе духовные потенции производства увеличивают свой масштаб, на другом — исчезают. Здесь рабочий пожизненно прикрепляется к выполнению одной и той же частичной функции, а его способности получают одностороннее развитие. Сведение труда рабочего к однообразному управлению частичным орудием нарушает первоначальное многообразие его занятий.

Однако процесс отделения умственного труда от физической деятельности в мануфактуре не заканчивается. Дело в том, что технической основой мануфактурного производства оставалось ремесло. Каждая отдельная операция сохраняла свой ремесленный характер, выполнялась орудиями ремесленного типа и во многом зависела от умственных и физических способностей рабочего: от его силы, ловкости, умения обращаться со своим инструментом. В мануфактуре сама машина была обязана своим

существованием личной силе, личному искусству, т. е. зависела от мускульной силы, верности глаза и виртуозности рук частичного рабочего[567]. Поскольку техническая база производства оставалась старой, мануфактура сохраняла некоторые интеллектуальные потенции производства в деятельности самого рабочего. Вместе с тем в мануфактурном производстве появились первые научные и технические элементы крупной промышленности.

Разделение умственной и физической деятельности между людьми получает своё завершение в крупной капиталистической промышленности, где оно доходит до крайней противоположности. По мере развития капиталистической крупной промышленности рабочий всё более становится простым органом машины. Если в мануфактуре и ремесленном производстве непосредственный производитель заставляет орудие служить себе, то здесь он сам служит машине, должен приспособиться к работе машины. Мёртвый механизм (система машин) существует независимо от рабочих, рабочие же являются живыми его органами.

Итак, различия умственного и физического труда как качественно своеобразные формы человеческой деятельности появились с момента образования человеческого общества. Их же разделение между разными людьми, социальными группами, классами возникло лишь на известной ступени развития общества, причём первоначально внутри всего общества, а потом в сфере процесса материального производства. Поэтому говорить о постоянном и вечном сосуществовании качественной дифференциации видов труда и их разделении между людьми неправильно.

Разделение труда между людьми представляет собой своеобразную, исторически возникшую надстройку над качественной дифференциацией видов человеческого труда и производственных процессов. В этом значении оно выражает подчинение самих людей этой качественной дифференциации и приобретает собственно социально-экономический смысл, поскольку за разделением труда стоят различия классов, социальных и профессиональных групп.

Непонимание или непризнание двойственной природы разделения труда приводит к выводу о вечном и прогрессивном характере

---

[567] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13. С. 350–351.

разделения труда между людьми. Так, например, Э. Дюркгейм, который по сей день считается непререкаемым авторитетом в вопросах разделения труда, полагал, что социальное разделение труда вечно и никогда не может исчезнуть. Оно имеет значение общебиологического закона, основы которого заключены в свойствах организованной материи вообще. Подобно тому, как совершенство биологического организма растёт вместе со специализацией его функций, так по мере эволюции общества каждый его член становится всё более специфичным и индивидуальным в своих занятиях[568]. Назначение общественного разделения труда Э. Дюркгейм видел в том, что оно, кроме увеличения производительности и ловкости работника, отвечает якобы потребности людей в солидарности. Если, рассуждал он, солидарность смелого и слабого проистекает из их различия, мужчины и женщины — из противоположности полов, то главным источником солидарности на уровне всего общества выступает специфика занятий людей. «Действительно, — писал он, — с одной стороны, всякий тем теснее зависит от общества, чем более разделён труд, а, с другой стороны, деятельность всякого тем личнее, чем специальнее»[569].

Неизбежность постоянного прогресса социального разделения труда Э. Дюркгейм пытался объяснить непрерывным увеличением «моральной плотности и объёма общества», которые были бы невозможны, если бы не прогрессировало разделение труда, не росли социальные и иные различия между людьми. В противном случае, т. е. при нарастании социального сходства, люди были бы вовлечены в такую же постоянную борьбу, какую в животном мире вызывает сходство особей, а именно — в соперничество и внутривидовую конкуренцию. Разделение же труда, согласно Э. Дюркгейму, выступая неким социальным «расхождением признаков», «есть результат борьбы за существование, но оно представляет смягчённую развязку её»[570]. Поскольку, по его мнению, классы составляют организацию разделения труда, которое вечно и вызывает социальную солидарность,

---

[568] Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Этюд об организации высших обществ. Одесса, 1900. С. 31.

[569] Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. С. 103–104.

[570] Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. С. 103–104.

то всякая классовая борьба есть лишь «ненормальная», «патологическая» форма разделения труда, не соответствующая его истинному назначению[571].

В данном случае он выступал против К. Маркса, который выдвинул стройную научную концепцию об исторической неизбежности ликвидации социального разделения труда. Он считал, что будущее общество на высшей стадии своего развития покончит со старым разделением труда и всеми его последствиями. В этом обществе, писали К. Маркс и Ф. Энгельс ещё в «Немецкой идеологии», где никто не ограничен исключительным кругом деятельности, а каждый может совершенствоваться в любой отрасли, общество регулирует всё производство и именно поэтому создаёт для человека возможность делать сегодня одно, а завтра другое, утром охотиться, после полудня ловить рыбу, вечером заниматься скотоводством, после ужина предаваться критике — как его душе угодно, не делая его в силу этого охотником, рыбаком, пастухом или критиком[572].

Нельзя не видеть за этими примерами К. Маркса и Ф. Энгельса их глубокую убеждённость в исчезновении разделения труда между людьми. Подобные мысли К. Маркс и Ф. Энгельс высказывали и в более поздних работах. Так, Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» утверждал, что в новом обществе на место старого разделения труда «должна вступить такая организация производства, где, с одной стороны, никто не мог бы сваливать на других свою долю участия в производительном труде» и где, «с другой стороны, производительный труд, вместо того чтобы быть средством порабощения людей, стал бы средством их освобождения, предоставляя каждому возможность развивать во всех направлениях и действенно проявлять все свои способности, как физические, так и духовные»[573].

В «Критике Готской программы» К. Маркс писал, что на высшей фазе коммунистического общества «исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда»[574]. В. И. Ленин в разделении труда между людьми видел одну из основ социального

---

571 Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. С. 284–285, 300.

572 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3. С. 31–32.

573 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20. С. 305.

574 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19. С. 20.

деления общества, а в уничтожении этого разделения — предпосылку полного устранения классовых, социальных различий между людьми. Для полного уничтожения классов надо, по мнению В. И. Ленина, не только свергнуть эксплуататоров, помещиков и капиталистов, не только отменить их собственность, но нужно отменить и «*всякую* частную собственность на средства производства, надо уничтожить как различие между городом и деревней, так и различие между людьми физического и людьми умственного труда»[575].

В другом случае В. И. Ленин прямо говорил о необходимости уничтожения разделения труда между людьми: «Капитализм неизбежно оставляет в наследство социализму, с одной стороны, старые, веками сложившиеся, профессиональные и ремесленные различия между рабочими, с другой стороны, профсоюзы, которые лишь очень медленно, годами и годами, могут развиваться и будут развиваться в более широкие, менее цеховые, производственные союзы (охватывающие целые производства, а не только цехи, ремесла и профессии) и затем, через эти производственные союзы ***переходить к уничтожению разделения труда между людьми*** (курсив наш. — ***В. Я. Ельмеев***), к воспитанию, обучению и подготовке ***всесторонне развитых и всесторонне*** подготовленных людей, людей, которые ***умеют всё делать***. К этому коммунизм идёт, должен идти и ***придёт***, но только через долгий ряд лет»[576].

Итак, К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин определённо говорили об исчезновении общественного разделения труда между людьми, социальными группами в будущем обществе. В их произведениях содержатся неоднократные и прямые высказывания на этот счёт.

§ 2. Социально-экономические условия преодоления общественного разделения труда

Первым условием, позволяющим преодолеть порабощающее человека подчинение его общественному разделению труда, является, безусловно, устранение отчуждения труда, связанного

---

575 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39. С. 15.

576 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41. С. 33.

с частной собственностью на средства производства и враждебностью интересов трудящихся и господствующих классов. Эту миссию исторически берёт на себя социалистическое общество.

Что может сделать на этом пути социалистическое общество, если иметь в виду результаты его существования в СССР? Как обстояло дело с разделением труда?

Качественная дифференциация видов человеческой деятельности при социализме сохраняется и развивается — это очевидно. Что же представляло собой разделение труда между людьми в социалистическом обществе: пережиток ли старого общества или необходимый способ функционирования общества на социалистической стадии его развития?

Думается, что общественное разделение труда, сохраняющееся при социализме в виде существенных различий между работниками умственного и физического труда, города и деревни, а также в форме профессиональных различий, нельзя считать пережитком прошлого.

Разделение труда между людьми на этой стадии остаётся необходимым фактором развития и функционирования производительных сил. Социализм призван ликвидировать старое разделение труда в том отношении, что преодолевает его классово антагонистический характер, устанавливая единство коренных интересов классов и социальных групп; преодолевает его отрицательные последствия, присущие эксплуататорскому обществу.

Устранение антагонистических противоположностей между людьми, закреплёнными за различными видами общественной деятельности, вытекает из ликвидации частной собственности, отношений эксплуатации и монополизации образования. В стране первоначально была подорвана, а затем и ликвидирована монополия на определённые виды трудовой деятельности строго определённых социальных групп и классов. Устранение имущественных, классовых и иных социально-экономических барьеров в получении высшего образования было огромным социальным завоеванием. Социальной базой для формирования работников умственного труда служили рабочий класс и крестьянство, что значительно расширяло возможность воспроизводства интеллигенции, позволяло полнее выявить и использовать таланты и способности представителей всех классов и социальных групп.

Ликвидируя антагонистическое содержание прежнего разделения труда, социалистическое общество вместе с тем сохраняло само общественное разделение труда между людьми. Причины его сохранения были заключены в характере производительных сил и объясняются в конечном счёте относительно недостаточным уровнем их развития. Не был достигнут ещё такой уровень развития производительных сил и богатства, который дал бы возможность всему населению при сведении необходимого рабочего времени к минимуму выполнять духовные функции производства. Пока таких условий нет, остаётся историческая необходимость выделять из общества особую социальную группу людей, освобождать её от непосредственного производства материальных благ и закреплять за занятиями по государственному управлению, развитию науки, искусства и т. п. В сфере материального производства функции научного труда не могли осуществляться непосредственно всеми производителями, что опять-таки требует существования особой категории инженерно-технических и научных работников.

Относительно недостаточным уровнем развития производительных сил объясняется и разделение труда между городом и деревней. Общество на этом этапе вынуждено одной части населения поручать ведение сельского хозяйства, другой — развитие промышленного производства.

Общественное разделение труда между людьми в наиболее крупных формах в литературе было представлено в виде ***существенных различий*** между работниками умственного и физического труда, города и деревни.

Какова социально-экономическая природа этих различий?

В большинстве работ авторов того периода сущность различий между людьми умственного и физического труда сводилась к разнице в культурно-техническом уровне рабочих и инженерно-технических работников. Это мнение установилось и укрепилось в связи с выходом работы И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». В ней, как известно, различия между умственным и физическим трудом были разделены на существенные и несущественные. Первые из них выражают неодинаковый культурно-технический уровень инженерно-технических работников и рабочих и должны исчезнуть. Вторые проистекают

из различия в условиях работы людей умственного и физического труда и сохранятся в будущем.

В этой характеристике обращал на себя внимание прежде всего тот факт, что различия, которым придаётся существенное значение, переносятся в область культуры, образования. Можно ли согласиться с этим? Безусловно, эта сторона различий между работниками умственного и физического труда важна и её невозможно обойти. Однако если ограничиться сопоставлением только культурно-технического уровня рабочих и инженерно-технического персонала, то не затрагивается сама основа существования различий между людьми умственного и физического труда, лежащая не в сфере сознания, а в общественном бытии, в экономическом и социальном положении указанных категорий работников.

В то же время различиям, которые считались несущественными, придавалось социально-экономическое содержание, поскольку они характеризовались как неравенство условий работы «руководящего состава» и «рабочих». В результате складывалось странное положение: существенные различия лишались своих главных, социально-экономических черт, а несущественные наделялись ими.

В условиях начальной фазы социалистического общества границы между людьми умственного и физического труда действительно имели существенный характер. Но они были существенными прежде всего потому, что выражали социально-экономические различия людей, стоящих за этими видами труда.

Безусловно, решению задачи по их преодолению в огромной мере может содействовать рост культурно-технического уровня трудящихся масс, дальнейшее развитие народного образования. Однако главным фактором, материальной основой соединения умственного и физического труда служит преобразование техники, характера и условий труда, технологического способа производства.

При рассмотрении разделения материального и духовного труда следует иметь в виду, что умственная и физическая деятельность в общем плане всегда были, есть и будут различными ***по существу*** независимо от того, разделены они между разными людьми или сочетаются в одном и том же человеке. В этом

смысле грани этих двух форм человеческой деятельности всегда существенны, выражают отношения материального и духовного. Представляется, что в условиях разделения труда между людьми различия работников физического труда и работников умственного труда было бы более точно и строго называть социальными различиями.

Но что означают эти различия людей и чем они порождены?

Различия между людьми умственного и физического труда являются одним из видов общественного разделения труда между людьми. Больше того, они составляют исторически последний вид разделения труда между людьми в этой области. Их преодоление по существу совпадает с устранением одного из крупных видов разделения труда.

Почему общественное разделение труда на умственный и физический тождественно с социально-экономическими различиями и в чём последние проявляются?

Известно, что умственный и физический труд по своему характеру и общественному назначению занимает неодинаковое место и играет разную роль в системе общественного производства и в жизни общества в целом. В тех условиях, когда эти виды труда распределены между разными людьми, различия видов труда неизбежно становятся различиями самих закреплённых за ними работников. Это значит, что люди умственного и физического труда отличаются друг от друга по их месту в системе общественного производства и положению в обществе. Работники физического труда выполняют функции непосредственно в сфере производства материальных благ и связаны в своей деятельности с орудиями производства. Что касается лиц духовного труда, то на их долю выпадает главным образом производство духовных ценностей. Уже поэтому между ними существует фактическое неравенство в их связях с материальным производством.

Общественное разделение труда, порождая различие работников по их месту в системе общественного производства и по общественному положению, тем самым вместе с формами собственности обусловливает существование социальных групп и классов, ибо положение людей в системе производства является одним из признаков класса. Люди физического труда образуют классы

рабочих и крестьян, а люди умственного труда — социальную группу (интеллигенцию).

Общественное разделение духовной и материальной деятельности обусловливает неодинаковую роль разных групп людей в организации труда, что также является одним из признаков существования классов и социальных слоёв. Пока организация общественного труда основана на его разделении между людьми, функции управления производством и обществом в целом обособляются и становятся областью деятельности прежде всего лиц умственного труда, поэтому последним принадлежит особая роль в общественной организации труда. Непосредственные производители могли всё более и более вовлекаться в управление хозяйством и обществом, и многое делали в этой области, хотя управление предполагало существование особой категории людей, для которых функции управления являются профессией, специальностью. Разделение умственного и физического труда внутри производства, например, необходимо связано с выделением функций управления и со специализацией работников, осуществляющих данные функции. Планирование, организация обслуживания и подготовка производства обособляются в самостоятельную область — становятся сферой деятельности инженерно-технического персонала. Управление обществом в целом также является специфической сферой труда определённых лиц — работников государственного аппарата. Обособление организаторских функций как в производстве, так и в обществе в конечном счёте означает разделение людей умственного труда и работников физического труда, так как управленческая деятельность по преимуществу является умственной работой.

Разъединение труда предполагает различия в условиях труда. Условия труда интеллигенции и рабочих разные. Безусловно, качественное разнообразие видов человеческой деятельности само по себе ещё не предполагает социальных граней между людьми. Но когда общественное разделение труда закрепляет неодинаковые условия труда за особыми группами работников, то различия самих групп выступают как социально-экономические. Например, неодинаковый характер труда руководящего персонала предприятий и рабочих в рамках разделения умственной

и физической деятельности проявляется как социальное различие данных категорий работников и останется таковым до тех пор, пока указанные формы деятельности для своего осуществления предполагают существование обособленных групп людей, т. е. разъединение материального и духовного труда.

Общественное разделение труда, ставя членов общества в неодинаковое положение по работе, тем самым обусловливает и их различие в присвоении предметов потребления, так как труд, имеющий различный характер и играющий неодинаковую роль, оплачивается по-разному. Более высокую оплату имеет сложный, высококвалифицированный научный труд и менее высокую — простой, малоквалифицированный. Поэтому при равном праве получать по труду возникает своеобразие в социально-экономическом положении работников умственного и физического труда, что находит выражение в различии той доли общественного продукта, которая им поступает при распределении. Поскольку люди имеют различную квалификацию, неравную одарённость и способность трудиться, разный состав семьи, то, естественно, при равной оплате за равный труд они фактически имеют неравные доходы, неравенство в долях, полученных при распределении продуктов. Предполагалось, что при социализме не может быть глубокого разрыва между оплатой труда рабочих и основной массы работников умственного труда, так как издержки производства последних берёт на себя государство. Академик С. Г. Струмилин в своё время отмечал, что «с момента, когда государство берёт на себя обязательство обеспечить не только бесплатность обучения, но и содержание всех учащихся за время обучения, экономические основания для резкой дифференциации в оплате рабочего и инженера отпадают»[577].

Вместе с общественным разъединением умственной и физической деятельности происходит разделение и культурно-образовательных предпосылок труда. Большинство современных видов физической деятельности в области производства для своего осуществления требует более низкого культурно-технического образования человека, чем выполнение специальных функций умственного труда.

---

[577] Струмилин С. Г. На плановом фронте. 1920–1930 гг. М., 1958. С. 464.

Дело, конечно, не только в том, что общество ещё не могло обеспечить всем всеобщее высшее и законченное среднее образование, но и в том, что многие ещё существующие формы физической деятельности, особенно ручного труда, экономически не требуют высокого образования для своего функционирования. Чтобы по культурно-техническому уровню люди умственного и физического труда сравнялись, необходимо коренное преобразование содержания производительного труда на основе качественных изменений в технической базе производства.

Сохраняющиеся существенные различия в культурно-образовательном уровне людей физического и умственного труда, следовательно, были обусловлены всей совокупностью экономических и социальных условий. При этом, исходя из основных принципов материалистического понимания истории, нужно придавать решающее значение экономическим различиям. Именно они, а не только культурно-технические грани делают разницу между людьми умственного и физического труда существенной.

Итак, разделение духовного и материального труда предполагает различия соответствующих работников по месту в системе общественного производства и положению в обществе; по роли в общественной организации труда; по условиям и характеру труда; по размерам дохода и условиям быта и, наконец, по культурно-образовательному уровню.

Все эти различия в конечном счёте объясняются состоянием развития производительных сил и производственных отношений, разделением умственного и физического труда между людьми. Развитие производительных сил — главное условие преодоления социального разделения труда, устранения социальных граней между работниками умственного и физического труда.

Наряду с существенными различиями между работниками материального и духовного труда общественное разделение труда при социализме предполагает различия между городом и деревней.

В чем смысл этого вида общественного разделения труда?

В работе Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» грани между сельским хозяйством (деревней) и промышленностью (городом) сводились прежде всего и главным образом к тому, что в промышленности существовала общенародная

собственность на средства производства и продукцию производства, тогда как в сельском хозяйстве имелась не общенародная, а групповая, колхозная собственность.

Если исходить только из различий в форме собственности, следует признать, что существенных различий между деревней совхозной (совхозным сельским производством) и городом (промышленностью) у нас не было, поскольку и в совхозах, и в промышленности была одинаковая форма собственности. Выходило, что город отличался лишь от колхозной деревни. Но известно, что сельское хозяйство независимо от того, колхозного оно типа или совхозного, в целом существенно отличалось от промышленности. Их различие проистекает из более глубокой основы, чем форма собственности, а именно из неодинакового характера, уровня и состояния развития производительных сил в сельском хозяйстве и в промышленности.

Существенная разница между городом и деревней в уровне развития соответствующих производств порождает и различные условия труда в этих отраслях народного хозяйства. Причём условия труда неодинаковы не просто потому, что в одном случае производится, скажем, зерно, а в другом — машины, а потому, что техническая база и степень обобществления труда в сельском хозяйстве в целом значительно ниже, чем в промышленности.

Эти различия нельзя считать несущественными, сводить их к качественной специфичности видов труда и тем самым подменять последней действительные, вытекающие из уровня развития производительных сил различия между трудом в сельском хозяйстве и в промышленном производстве. Конечно, и впредь качественные особенности, например процесса производства автоматов и выращивания кукурузы, будут неодинаковыми. Но понятие ***различные условия труда*** имеет и другой смысл: одно дело, например, сажать картофель лопатой, другое — производить машины на автоматической линии или управлять тракторами автоматически. Именно таким образом понятое неравенство условий труда, т. е. взятое как неодинаковая степень технической вооружённости и обобществления указанных видов труда, позволяет объяснить сущность граней между городом и деревней. Что же касается наличия двух форм собственности, то оно является следствием названной более глубокой причины.

При всей важности различий в уровне развития промышленности и сельскохозяйственного производства ими не исчерпывается содержание существующих граней между городом и деревней. Вопрос не только в том, что сельское хозяйство по уровню развития производительных сил отстаёт от промышленности. Если даже предположить, что эти уровни нивелируются, но одна часть населения по-прежнему останется постоянно закреплённой за земледелием, то всё равно существенные различия между городом и деревней не отпадут. Они представляют собой разделение труда между представителями деревни и города, а это означает, что сельскохозяйственный и промышленный труд выпадают на долю различных групп работников, каждая из которых в своей деятельности ограничивается одной из этих сфер[578].

Итак, существенные различия между городом и деревней, а также между работниками умственного и физического труда совпадают с наиболее общими видами разделения труда между людьми. Они в то же время являются социальными различиями: обусловливают вместе с отношениями собственности сохранение рабочего класса, крестьянства и интеллигенции.

Дальнейшее прогрессивное развитие общества предполагает устранение социального и экономического неравенства между людьми, постепенное нарастание социальной однородности общества, что представляет необходимую предпосылку построения общества без классов и социальных групп. Изживание социальных границ между работниками умственного и физического труда, города и деревни предполагает коренное изменение содержания и характера труда. Органическое соединение разных функций труда в деятельности каждого работника означает создание в сфере материального производства условий для проявления

[578] Данное обстоятельство особенно важно потому, что оно выступает как конечная причина существования классов. Классы кроме отношений собственности как раз тем и отличаются друг от друга, что занимают строго определённое место в системе общественного производства. Подобное их положение определяется вытекающим из состояния производительных сил разделением труда между людьми. Поэтому существенная разница между городом и деревней обладает признаками классовых, социальных различий, которые в свою очередь представляют собой форму проявления разделения труда между людьми в области социальных взаимоотношений.

многосторонних способностей человека, для всестороннего развития его личности.

Решение этой проблемы неотделимо от ликвидации старого разделения труда, ограничивающего возможность приложения и развития способностей работников. Неодинаковая степень развития способностей работников складывается под воздействием социально-экономического характера труда и форм его общественного разделения. Закрепление работника на длительное время за определённым и односторонним видом трудовой деятельности ограничивает, закрывает возможность проявления и развития всех других его способностей. Это проявляется в большей мере в профессиях физического труда, но и односторонний характер умственного труда не может создать всесторонне развитого работника.

Преодолеть односторонность трудовой деятельности работников физического и умственного труда можно лишь на основе органического соединения умственного и физического труда в деятельности людей, что предусматривает коренные преобразования в материально-технической базе производства, составляющей основу существования определённых видов общественного разделения труда, в частности разделения умственного и физического труда между различными людьми.

Кроме того, формирование всесторонне развитой личности неотделимо от создания предпосылок для выявления и совершенствования способностей людей. Уже в процессе воспитания и обучения должны быть предоставлены всем равные возможности, позволяющие обнаружить таланты и развить их. Для этого опять-таки нужна высокая экономическая зрелость общества.

Как же решается вопрос об условиях преодоления старого общественного разделения труда? Поскольку различия между работниками умственного и физического труда, города и деревни составляют главное содержание общественного разделения труда, то вместе с их ликвидацией должно быть устранено общественное разделение труда в его основных формах. Это очевидно. Можно было не касаться данного вопроса, если бы была однозначная его трактовка.

Говоря об уничтожении разделения труда между людьми, необходимо особо подчеркнуть, что здесь речь может идти

не об устранении качественной дифференциации видов трудовой деятельности, их сосуществования и пропорционального распределения, а о преодолении социальных различий между людьми умственного и физического труда, города и деревни. В данном случае правильное понимание природы разделения труда, строгое разграничение указанных двух сторон этого явления имеет принципиальное значение для решения вопроса о судьбах общественного разделения труда. Более того, без этого невозможно даже правильно поставить саму проблему.

В самом деле, если сущность социальных граней между работниками умственного и физического труда свести к разнице в их культурно-техническом уровне, то остаётся открытым вопрос о разделении этих видов труда между различными людьми и специальными группами или вообще отрицается необходимость ликвидации этого разделения в развитом обществе.

Одно только повышение культурно-технического уровня рабочих не решает ещё проблемы уничтожения разделения членов общества на работников умственного и физического труда, существования интеллигенции как особого социального слоя, т. е. всего того, что непосредственно касается сущности общественного разделения труда между людьми, социальными группами. В этой связи возникло утверждение о сохранении и впредь так называемого руководящего состава предприятий, поскольку якобы их условия работы неизбежно должны отличаться от условий труда исполнителей.

В данном случае несущественные различия возводятся в ранг социальных граней. Поскольку считалось, что несущественные различия останутся, то из этого неизбежно следовал вывод о сохранении и разных общественных групп людей. В основе подобного решения вопроса, следовательно, лежало предположение вечного существования общественного разделения умственного и физического труда между разными людьми и социальными группами, сохранения в качестве особой социальной группы интеллигенции.

Кроме того, объяснение различий между работниками умственного и физического труда лишь неодинаковым уровнем их культурно-технического развития приводит не только к игнорированию проблемы ликвидации разделения умственного

и физического труда, но и к ограничению этой проблемы сферой материального производства, к отрицанию необходимости соединения умственного труда с физической деятельностью, с производительным трудом.

Разделение умственного и физического труда распространяется не только на область материального производства, но и на общество в целом. Нельзя упускать из виду другие весьма многочисленные отряды людей умственного труда: работников государственного управления, просвещения, культуры, искусства и т. д. В противном случае социальная задача по преодолению различий между людьми умственного и физического труда не была бы осуществлена или решалась бы не в полной мере.

Соответственно без соединения умственной деятельности работников непроизводственной сферы с производительным трудом на практике произойдёт отрыв обучения от производительного труда.

Действительно, если ограничить многосторонний процесс преодоления различий между людьми умственного и физического труда лишь подъёмом культурно-технического уровня рабочих и крестьян до уровня производственно-технической интеллигенции, то интеллигенция, незанятая непосредственно в производстве, должна остаться особой социальной группой на вечные времена. Во всяком случае, согласно этому представлению, процесс соединения умственного и физического труда не затрагивает указанные слои интеллигенции.

Аналогичный вывод вытекает из смешения разных сторон общественного разделения труда: разделения труда между людьми и естественноисторической дифференциации видов человеческой деятельности.

То, что естественноисторические различия видов труда и необходимость их пропорционального распределения по сферам производства и общественной жизни не могут потерять своего значения, это очевидно и бесспорно. Конечно, возникнут новые виды труда, и общественная форма распределения труда по сферам и отраслям производства не будет предполагать обмена товаров. Но сама необходимость пропорционального распределения труда и разнообразие форм человеческой деятельности исчезнуть не могут.

Конечно, веками сохраняющееся общественное разъединение труда продолжает влиять на теоретическое сознание. Некоторым его преодоление кажется чем-то невероятным, выходящим за пределы привычных отношений. И многие аргументы, приводимые в защиту разделения труда между людьми, порождены именно этим обстоятельством. Особенно это касается вопроса о перспективах профессионального разделения труда, ибо спор о судьбах разделения труда между людьми нередко сводится к вопросу о будущности профессионального разделения труда. Здесь мы сталкиваемся с определёнными трудностями как при определении понятия профессионального разделения труда, так и при характеристике перспектив его развития. В литературе под профессиональным разделением обычно понимается единичное разделение труда, существующее внутри предприятия или какого-либо иного учреждения. Отдельные авторы считают его универсальной формой проявления и существования всякого общественного разделения труда[579].

Не касаясь этого вопроса по существу, надо лишь заметить, что профессиональное разделение труда представляет собой особое качество, обладает определёнными особенностями, отличающими его от других видов общественного разделения труда как по содержанию, так и по историческим судьбам. Нельзя, например, деление людей на работников умственного и физического труда, города и деревни отождествлять с профессиональным разделением труда, ибо в первом случае мы имеем дело не с профессиональными, а с социальными группами.

В западной социологии, особенно в теориях «стратификации», довольно широко распространена подмена классовых и социальных граней между людьми с профессиональными различиями. Многие авторы настойчиво «доказывают» исчезновение классов в современных капиталистических странах, их растворение в профессиональных группах. В качестве одного из доводов они приводят тезис о поглощении разделения труда внутри общества его разделением внутри предприятия. В старое время, говорится в изданной во Франции книге по социологии труда, разделение

---

[579] Корниенко В. Л. Общественное разделение труда в период перехода к коммунизму. С. 23–24.

труда внутри предприятия имело тенденцию принимать форму разделения труда внутри общества. Для современного общества характерно-де иное положение: разделение труда внутри предприятия становится более важным, чем его разделение в обществе в целом, аспект вертикальный (социальное разделение) поглощается аспектом горизонтальным (техническим и профессиональным разделением)[580]. Причём утверждается, что в дальнейшем останутся лишь профессиональные слои и соответственно этому, как полагал ещё Э. Дюркгейм, социальная организация общества и разделение труда приобретут исключительно профессиональное основание[581].

Конечно, никакой замены классов профессиональными слоями в рамках капиталистического общества не происходит.

Что касается будущности профессиональных различий между людьми и профессионального разделения труда, то, видимо, после устранения классовых границ они ещё останутся и будут существовать довольно долго, хотя и не вечно. В конечном счёте они тоже отомрут. Проблема эта, однако, сложная, и надо сначала установить, какой смысл вкладывать в утверждение о преодолении профессионального разделения труда. В одном отношении профессиональное деление труда означает существование конкретных, качественно особых или специальных форм труда, которые мы обычно называем профессиями. Например, вид труда у токарного станка именуется профессией токаря, у кузнечного молота — профессией кузнеца.

Основу профессиональной классификации труда составляет вид трудовой деятельности, который в свою очередь определяется характером орудий производства. Соответственно этому критерием профессионального расчленения труда служит число качественно особых форм трудовой деятельности.

В данном случае понятие профессии служит для обозначения качественно особого, единичного вида труда и свидетельствует лишь о том, что всегда и всюду трудовая деятельность совершается в конкретных, специальных формах. Профессии, специальности как особые виды труда никогда не могут быть

---

580 G. Friedmann et P. Naville. Traite de sociologie du travail. P. 372–373.

581 Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. С. 150.

ликвидированы. Их существование обусловлено особенностями техники, орудий производства. Применение конного плуга, например, порождает один вид деятельности, трактора — второй, комбайна — третий, автомата — четвёртый и т. д.

Другое дело, когда конкретные формы человеческого труда разделяются между разными людьми и пожизненно закрепляются за ними. Здесь уже возникают профессиональные различия между самими людьми, что составляет собственно профессиональное разделение труда. Работа по обслуживанию трактора и деятельность комбайнёра, например, чем-то не походят друг на друга, образуют два особых вида труда, или две профессии. Когда они поручаются разным работникам и делаются пожизненным их занятием, то перед нами профессиональное разделение труда.

Но оно перестаёт быть таковым, как только работы на тракторе и комбайне выполняются одним и тем же человеком, который одновременно является и трактористом, и комбайнёром, т. е. механизатором в широком смысле слова. В одно время он работает на тракторе, в другое — на комбайне. Тогда остаются уже не профессиональные различия людей, а различия самих специальностей (профессий) как особых форм труда. Экономисты, например, на практике учитывают, с одной стороны, «квалификацию работы» (каких навыков, знаний она требует), с другой — «квалификацию рабочего» (подходит ли он для выполнения данного вида труда), его профессиональное лицо и подготовку. В литературе очень часто понятие ***профессиональное разделение труда*** подменяется категорией ***специализация труда***, что значительно затрудняет анализ и того и другого.

Чёткое разграничение разных аспектов профессионального разделения и специализации труда является необходимым условием правильного решения вопроса об их будущности. Специальности, профессии, рассматриваемые как особые формы человеческой деятельности, постоянно изменяясь, безусловно, сохранятся на все времена, ибо труд всегда будет совершаться в конкретных формах.

Иначе обстоит дело с разделением специальных видов труда между разными людьми и вытекающим из него существованием профессиональных групп. Они вряд ли будут нужны развитому обществу.

Сторонники вечности профессионального разделения между людьми для обоснования своей точки зрения приводят отдельные высказывания классиков марксизма, толкуя их довольно субъективно. Ссылаются, например, на следующие слова В. И. Ленина: «Таким образом, пределы развитию рынка, при существовании капиталистического общества, ставятся пределами специализации общественного труда. А специализация эта, по самому существу своему, бесконечна — точно так же, как и развитие техники»[582].

При внимательном ознакомлении со всем текстом становится ясно, что здесь В. И. Ленин имеет в виду образование новых специализированных видов производственных функций, качественную дифференциацию труда и соответствующую ей специализацию производства. Вслед за вышеприведённым положением В. И. Ленин разъясняет свою мысль: «Для того, чтобы повысилась производительность человеческого труда, направленного, например, на изготовление какой-нибудь частички всего продукта, необходимо, чтобы производство этой частички специализировалось, стало особым производством, имеющим дело с массовым продуктом и потому допускающим (и вызывающим) применение машин и т. п. Это с одной стороны. А с другой стороны, прогресс техники в капиталистическом обществе состоит в обобществлении труда, а это обобществление необходимо требует ***специализации различных функций процесса производства...***»[583].

Ясно, что в дальнейшем специализация производственных функций и процесса производства будет углубляться и развиваться. Но нельзя на этом основании говорить об углублении профессиональных различий между людьми. Это несовпадающие процессы.

Далее, иногда приводят известное письмо К. Маркса Л. Кугельману от 11 июля 1868 г., где К. Маркс считает деление общественного труда на определённые пропорции вечной необходимостью. Однако в своём письме К. Маркс говорит о пропорциях распределения труда в соответствии с массами общественных потребностей, что, как убедительно доказал академик

---

582 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1. С. 95.

583 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1. С. 95. (курсив мой. — В. Я. Ельмеев).

С. Г. Струмилин[584], никакого отношения к профессиональному разделению труда не имеет.

Приводят, наконец, ещё одно место из «Капитала» К. Маркса: «Вследствие разделения общественных отраслей производства товары изготовляются лучше, различные склонности и таланты людей избирают себе соответствующую сферу деятельности, а без ограничения сферы деятельности нельзя ни в одной области совершить ничего значительного. Таким образом, и продукт, и его производитель совершенствуются благодаря разделению труда»[585].

Эти слова отдельные авторы рассматривают как важный аргумент для защиты мысли о том, что без профессионального разделения труда между людьми невозможно ограничение сферы деятельности и надлежащее развитие склонностей человека. Но обычно упускается из виду то обстоятельство, что здесь К. Маркс выражает не свою точку зрения, а перелагает взгляды представителей классической древности. Что это действительно так, показывают примечания К. Маркса, относимые им к цитируемому выше тексту, а также сам контекст. В примечании 78, например, К. Маркс делает ссылку на слова: «Одно дело радует сердце одного, другое — другого», взятые им из сочинений Секста Эмпирика. В примечаниях 79 и 80 он подтверждает правильность изложения мысли писателей древности об ограничении сферы деятельности ссылкой на существовавшее тогда изречение: «Много знал он дел, но каждое из них знал плохо», а также на текст из Платона: «Ведь каждая вещь производится легче и лучше и в большем количестве, когда человек делает лишь одно дело, соответствующее его склонностям...»[586]. Это положение Платона почти дословно совпадает со словами из приведённой выше цитаты.

Попутно следует заметить, что толкование профессионального разделения труда как непреходящего способа рационального использования природных способностей человека довольно широко распространено и в западной социологии. Э. Дюркгейм,

---

584 Вопросы философии. 1963. №3. С. 40–43.

585 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 378.

586 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 378. Примечания 78, 79, 80.

например, объявляет различие склонностей единственной причиной, определяющей будущий способ разделения труда. Более того, по его мнению, трудовая деятельность разделяется нормально только тогда, когда общественное неравенство точно выражает естественные различия между людьми[587].

Чаще всего необходимость профессионального разделения труда «обосновывается» тем, что оно якобы лучшим образом обеспечивает возможность работы по способностям и склонностям. Иногда прямо говорят, что профессиональное разделение труда в наибольшей степени соответствует принципу «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям». «Трудиться по способностям, — пишут А. В. Андреев и Я. В. Тимошков, — это значит трудиться по специальности, добровольно выбранной человеком, согласно его склонностям и способностям»[588]. Казалось бы, для проявления и развития своих способностей человек не должен был бы замыкаться в рамки одной профессии или специальности, а чередовать и сочетать разные виды деятельности, ибо только таким путём он может практически выявить и развить свои склонности и использовать их в полную меру для блага общества. А. В. Андреев и Я. В. Тимошков же предлагают ограничить деятельность человека одной определённой специальностью, вместо того чтобы «говорить об уничтожении разделения труда и перехода к утопическим схемам, представляющим человека коммунистического общества чередующим различные виды труда»[589].

Обвинения в утопизме обычно проистекают из того, что с самого начала фетишизируются последствия уничтожения профессионального разделения труда между людьми. Часто, например, заранее постулируется, что преодоление профессиональных различий между людьми означает только то, что каждый должен заниматься абсолютно всем, чуть ли не каждый час переходить в совершенно другую сферу деятельности, знать абсолютно всё.

---

587 Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. С. 302.

588 Андреев А. В., Тимошков Я. В. Разделение труда и общественные группы при коммунизме // Вопросы философии. 1962. №10. С. 44.

589 Андреев А. В., Тимошков Я. В. Разделение труда и общественные группы при коммунизме // Вопросы философии. 1962. №10. С. 42.

Раз этого достигнуть нельзя (что совершенно верно), то высказывается мысль о неуничтожимости самого профессионального разделения труда.

Но уничтожение профессиональных различий между отдельными членами общества вовсе не предполагает того, что нам рисуют некоторые философы и экономисты. Оно означает нечто реальное и достижимое. Их преодоление означает не что иное, как сочетание в одном человеке конкретных, специальных видов деятельности по обслуживанию материального производства со столь же конкретными, специальными видами духовной деятельности вне производственной сферы. Его труд в каждой данной области остаётся конкретным трудом, человек должен быть специалистом своего дела, знать его. Он каждый раз занимается определённой формой деятельности, но сочетание этих конкретных и специальных форм труда в одном и том же лице в то же время означает ликвидацию профессионального разделения труда между работниками.

Если, например, современный рабочий совмещает профессии токаря, слесаря, фрезеровщика, то он уже в определённой мере преодолел одну из форм профессионального разделения труда. Он слесарь, токарь, фрезеровщик одновременно, его нельзя отнести к одной строго определённой профессиональной группе людей. Нечто подобное, а не сверхъестественное, разумеется под преодолением профессионального разделения труда между людьми.

Различия конкретных видов деятельности, безусловно, останутся. Никто никогда не утверждал, что преодоление профессионально разделённого труда возможно лишь при условии, когда человек станет заниматься *всеми* существующими науками и работать по *всем* производственным специальностям. А вот заниматься одновременно и определённым физическим трудом, и конкретной областью духовного творчества должны в конечном счёте все трудоспособные члены развитого общества. Причём, повторяем, человек каждый раз должен глубоко знать то дело, которое выполняет, должен быть специалистом своего дела.

Не соглашаясь с перспективой сочетания человеком разных видов деятельности, сторонники сохранения разделения труда между людьми в качестве одного из аргументов приводят так называемый принцип выбора работы по склонности, или, как

иногда называют, работы «по душе», любимой работы. Нередко утверждается, что профессиональное разделение труда нужно для того, чтобы каждый смог выбрать работу «по душе». Правда, обычно сразу же делается оговорка: труд «по душе» не исключает возможности заниматься и другими видами деятельности. Эту оговорку можно понять в том смысле, что хотя каждый и выбирает деятельность «по душе», но должен выполнять ещё и другие работы, которые, видимо, ему уже будут не «по душе». Получается, как у М. Штирнера: человек выполняет «человеческий труд» и работу «единственного».

Но если каждый человек будет заниматься лишь одним определённым видом деятельности, то о каком всестороннем, гармоничном развитии всех его способностей может идти речь? Ограничение круга занятий человека одной формой деятельности неизбежно предполагает сохранение в обществе разделения труда между людьми и развитие лишь одной какой-либо склонности. К. Маркс, например, одобрительно относился к высказываниям А. Смита по поводу того, что различия в природных способностях людей и в их занятиях, соответствующих этим различиям, не причина, а скорее следствие разделения труда. В свою очередь К. Маркс чрезвычайно метко характеризовал влияние разделения труда на развитие способностей человека и род его деятельности. «Первоначальное различие между носильщиком и философом, — писал он, — менее значительно, чем между дворняжкой и борзой. Пропасть между ними вырыта разделением труда»[590].

Принцип работы по специальности, которую человек считает отвечающей своим склонностям, существует всюду, где развито общественное разделение труда между людьми. «Разъединение различных частей труда, — писал К. Маркс, — предоставляющее каждому возможность заняться той специальностью, к которой он чувствует наибольшую склонность, — это разъединение, начало которого г-н Прудон относит к первым дням существования мира, существует только в современной промышленности, при господстве конкуренции»[591].

---

590 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4. С. 149.

591 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4. С. 52.

Для будущего общества этот принцип не подходит, ибо он предполагает развитие у человека одной какой-либо способности, односторонне, а не всесторонне развитую личность. Ф. Энгельс резко критиковал Е. Дюринга, который полагал, что будущая «хозяйственная коммуна», не уничтожая разделения труда между людьми, совершит переворот, как только станут приниматься во внимание личные способности человека. По Дюрингу, отмечал Ф. Энгельс, каждая личность должна отдаваться исключительно одному роду деятельности, выбор которой наряду с учётом личных способностей покоится на личной склонности и удовольствии, которое человек получает от занятий именно этим, а не другим видом труда. Ф. Энгельс по этому поводу заметил: всё остаётся по-старому с одним лишь отличием — теперь человек ликует и получает удовлетворение от того, что занимается именно этим, а не другим видом деятельности, т. е. человек настолько уродуется, что радуется своему порабощению и превращению в однобокое существо[592].

Общественное ведение производства, по словам Ф. Энгельса, не может осуществляться такими людьми, какими они являются сейчас, — людьми, из которых каждый подчинён одной какой-нибудь отрасли производства, прикован к ней, развивает только одну сторону своих способностей за счёт всех других и знает только одну отрасль производства. Уже нынешняя промышленность всё меньше оказывается в состоянии использовать таких людей. «Промышленность же, которая ведётся сообща и планомерно всем обществом, тем более предполагает людей со всесторонне развитыми способностями, людей, способных ориентироваться во всей системе производства. Следовательно, разделение труда, подорванное уже в настоящее время машиной, превращающее одного в крестьянина, другого в сапожника, третьего в фабричного рабочего, четвёртого в биржевого спекулянта, исчезнет совершенно»[593].

С представлением о преодолении разделения труда между людьми не согласны авторы современных концепций постиндустриального (информационного) общества. Согласно, например,

---

592 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20. С. 302, 305, 309.

593 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4. С. 335–336.

М. Кастельсу, труд и впредь будет разделяться на родовой труд и труд единственного. Первый может быть замещён машинами или любыми другими субъектами родового труда — людьми-роботами. Второй труд — это индивидуализированная деятельность, обусловленная информационными технологиями, порождающими новое разделение труда[594]. «В этой новой системе производства, — пишет он, — труд предопределён в своей роли производителя и резко дифференцирован в соответствии с характеристиками рабочих. Существует большое различие между тем, что я называю родовым трудом, и самопрограммируемым трудом. Ключевым критерием этих двух видов труда является образование и возможность доступа к более высоким уровням образования, т. е. включённые в структуру труда знания и информация»[595].

У отечественного представителя постэкономического общества В. Л. Иноземцева индивидуализация деятельности выводится из замены производства стоимости созданием субъективных полезностей. Они не будут нуждаться в общественных издержках производства, последние уступят место индивидуальным издержкам, имеющим своим результатом индивидуальные ценности. В отличие от общечеловеческого труда, производящего стоимость, работу единственного заменить никто не сможет: «никто не может воспроизвести созданное человеком новое знание»[596].

Глава 17. Перемена труда и развитие личности работника

В объективном процессе преодоления старого разделения труда между людьми первостепенное значение имеет закономерность перемены и сочетания родов деятельности и развития личности. Современный технический прогресс порождает

---

[594] Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М., 2000. С. 255.

[595] Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М., 2000. С. 496–497.

[596] Иноземцев В. Л. За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М., 1998. С. 337.

потребность в перемене труда. Наиболее крупные общественные процессы (стирание различий между людьми умственного и физического, промышленного и сельскохозяйственного труда) составляют проявления этой закономерности, что вызывает всестороннее развитие личности работника.

§ 1. Перемена и сочетание видов труда — объективная потребность развития современного производства

Если старое разделение труда будет вытесняться, то неизбежно возникает вопрос: что приходит и придёт на его место?

С первого взгляда кажется наиболее естественным ответом на поставленный вопрос утверждение о создании нового типа разделения труда между людьми. Некоторые авторы обычно так и рассуждают. Они не говорят прямо о сохранении старого или существующего разделения труда, но признают необходимость нового разделения труда. Правда, в литературе нет ещё более или менее чёткого определения этого нового разделения труда между людьми; есть только указание на то, что это новое разделение труда будет основано на соединении труда: оно исключает старое разделение труда и предполагает новое, основанное на высокой технике и на преодолении существенных различий между физическим и умственным трудом[597]. Что здесь имеется в виду? Подразумевается ли сохранение несущественных различий между людьми — представителями отдельных видов труда, или автор (Ц. А. Степанян) хочет сказать, что новое разделение будет основываться на соединении труда? Но ведь процессы соединения, например, умственного и физического труда и их разъединения между людьми образуют противоположности и должны в конечном счёте отрицать друг друга.

Если иметь в виду не разделение труда между людьми, а качественную дифференциацию видов труда и их распределение по отраслям и сферам производства, то в этой области будущее общество необходимо вызовет к жизни как новую дифференциацию видов труда, так и новые пропорции его распределения.

---

[597] Вопросы философии. 1961. №12. С. 8.

Новым будет, например, органическое соединение умственного и физического труда, а не их разъединение. Но это уже другой закон, точнее одна из форм проявления закона перемены труда: вместо закона разделения труда должен утвердиться закон перемены и сочетания видов деятельности и всестороннего развития личности.

Е. Дюринг в своё время в качестве одного из «естественных» и «фундаментальных» законов хозяйства выставлял принцип: «Расчленение профессий и разделение деятельностей повышает производительность труда». Касаясь этого тезиса Дюринга, Ф. Энгельс замечает: «В той мере, в какой это правильно, это со времён Адама Смита тоже стало общим местом; но в какой именно мере это можно признать правильным, мы увидим в третьем отделе»[598]. В третьем разделе книги «Анти-Дюринг» Ф. Энгельс вновь возвращается к разбору взглядов Дюринга о будущности разделения труда и, критикуя, в частности, ранее приведённое положение Дюринга, пишет: «Точно так же уничтожение старого разделения труда отнюдь не является таким требованием, которое может быть осуществлено лишь в ущерб производительности труда. Напротив, благодаря крупной промышленности оно (т. е. уничтожение старого разделения труда. — ***В. Я. Ельмеев***) стало условием самого производства»[599]. Далее, излагая Марксову характеристику закона перемены труда, Ф. Энгельс со всей чёткостью противопоставляет его закону разделения труда.

К. Маркс, изучая развитие крупной машинной промышленности, сформулировал закон перемены труда. Крупное машинное производство, по его мнению, уничтожает необходимость мануфактурно закреплять распределение групп рабочих между различными машинами, прикреплять одних и тех же рабочих навсегда к одним и тем же функциям. Так как движение производственного процесса в целом исходит не от рабочего, а от машины, то здесь может совершаться постоянная смена персонала, не вызывая перерывов процесса труда. Кроме того, та быстрота, с которой человек в юношеском возрасте научается работать при машине,

---

598 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20. С. 229.

599 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20. С. 305–306.

в свою очередь устраняет необходимость воспитывать особую категорию исключительно машинных рабочих.

Постоянное революционизирование технической основы крупного машинного производства делает технически излишним старое разделение труда. Современная промышленность никогда не рассматривает и не практикует существующую форму производственного процесса как окончательную. Поэтому её технический базис революционен, между тем как у всех прежних способов производства базис был по существу консервативен. Посредством внедрения машин, химических процессов и других методов она постоянно производит перевороты в техническом базисе производства, а вместе с тем в функциях рабочих и в общественных комбинациях процесса труда. Тем самым она столь же постоянно революционизирует разделение труда внутри общества и непрерывно бросает массы капитала и массы рабочих из одной отрасли производства в другую. Поэтому природа крупной промышленности обусловливает перемену труда, функций, всестороннюю подвижность рабочего, но в капиталистической форме она воспроизводит старое разделение труда с его окостеневшими специальностями.

Это абсолютное противоречие уничтожает всякий покой, устойчивость, обеспеченность жизненного положения рабочего, постоянно угрожает вместе со средствами труда выбить у него из рук и жизненные средства и вместе с его частичной функцией сделать излишним и его самого. Но если перемена труда прокладывает себе путь только как непреодолимый естественный закон, то, с другой стороны, сама крупная промышленность делает объективно перемену труда всеобщим законом общественного производства, к нормальному осуществлению которого должны быть приспособлены производственные отношения. Эта необходимость требует уничтожения безработицы, которая держится про запас для изменяющихся потребностей капитала в эксплуатации, и появления работников, абсолютно пригодных к изменяющимся потребностям в труде, вызывает замену частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции, всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции представляют сменяющие друг друга способы жизнедеятельности[600].

[600] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 497–499.

Как видно, К. Маркс имеет в виду принципиально новый закон, противоположный разделению труда между людьми. Эти законы отличаются друг от друга:

1. Закон разделения труда предполагает закрепление человека за одним, определённым видом занятий; закон перемены труда требует подвижности функций рабочего, смены родов деятельности и сочетания разнообразных функций.

2. Разделение труда между людьми ведёт к прикреплению данного персонала работников к одному определённому предприятию и типу оборудования. При разделённом труде различные работники, составляющие органы совокупного рабочего персонала, выполняют лишь одни, им отведённые частичные операции. В условиях действия закона перемены труда происходит постоянная смена рабочего персонала, общественных комбинаций процесса производства. Этот закон порождает новый тип совокупного рабочего персонала, каждый член которого осуществляет функции, свойственные данному коллективу.

3. Разделение труда требует подготовки специалистов с узкопрофессиональной производственной культурой, частичного рабочего. Закон перемены труда предполагает политехнизацию производственной культуры, максимальное расширение профиля работника.

4. Действие закона разделения труда приводит к одностороннему развитию работника, ограничивает возможность проявления и совершенствования способностей человека. Следствием закона перемены труда является всестороннее развитие личности работника, выявление разнообразных его способностей и талантов.

Перечисленные признаки говорят о том, что эти две закономерности по своему содержанию и действию противоположны.

Тенденции к перемене труда, обусловливаемой техническим прогрессом, в условиях старого строя производства противостоит процесс всё углубляющегося разделения труда. Эти процессы вступают в столкновение друг с другом как противоположности, протекают крайне противоречиво. Каждый раз воспроизводится старое разделение труда и тем самым чрезвычайно суживается сфера действия закона перемены труда. Поэтому он и выступает здесь лишь как тенденция, настоятельная потребность технического прогресса и действует как слепая разрушительная

сила. Крупная промышленность по своей природе порождает материальные предпосылки для ликвидации разрыва между разделёнными видами труда, ведёт к их сочетанию. Объективно применение машин, автоматизация производственных процессов приводят к тому, что комбинированный совокупный рабочий становится активно действующим субъектом, у него появляются функции наблюдения и контроля, что поднимает духовное содержание его труда, требует знания основ науки. Но эта прогрессивная тенденция наталкивается на непреодолимую социальную преграду — противоположность между людьми умственного и физического труда.

Из технического прогресса, автоматизации производства объективно вырастает потребность замены односторонне развитого и узкоподготовленного рабочего разносторонне развитым индивидом, работником широкого профиля. Научно-техническая революция, преобразование технических основ производства настоятельно требуют переподготовки больших масс рабочих, с тем чтобы их уровень соответствовал изменяющимся потребностям производства. В странах Запада идёт интенсивный процесс высвобождения узкоспециализированных рабочих и перемены труда. По данным американской статистики труда, в США в течение лишь одного года 8 млн рабочих сменили работу 11,5 млн раз. Причём ⅔ из этих смен совершены путём перехода в другую отрасль промышленности, а ½ — в другую группу профессий[601]. Эти рабочие могут получить работу в иных отраслях производства только при условии приобретения новых специальностей, что связано с их переобучением. Подобные факты отражают потребности производства в рабочих, имеющих широкую техническую подготовку и способных переходить от одного вида труда к другому. Гибкость, приспособляемость и способность к переходу из одной области в другую объективно должны стать самыми важными факторами.

Но рабочие, оказывающиеся вследствие их односторонней специализации ненужными, чаще всего становятся безработными. С каждым техническим переворотом всё большее количество рабочих выбрасывается на улицу. По мнению Н. Винера,

601 News Views and Automation. Washington, 1960. P. 20.

«внедрение автоматических машин вызовет безработицу, по сравнению с которой современный спад производства и даже кризис 30-х годов покажутся приятной шуткой»[602]. Западногерманский социолог Ф. Поллок предупреждал, что при частной экономике безработица, называемая им технологической, становится угрожающей[603].

В условиях технического прогресса, изменения и расширения номенклатуры изделий (что особенно характерно для машиностроительных предприятий) узкая специализация рабочих тормозит развитие производства. Наличие на машиностроительных предприятиях значительного количества рабочих-операционников ограничивает манёвренность в кадрах. Таких рабочих нельзя при необходимости переводить на другие участки производства, где возникает потребность в квалифицированных рабочих. Узкая специализация вызывает увеличение простоев оборудования и потерь рабочего времени, так как использовать операционников на других работах без предварительного переобучения невозможно. Поэтому одной из главных задач системы повышения квалификации рабочих на предприятиях в условиях быстрого технического прогресса становится переподготовка рабочих-операционников в высококвалифицированных рабочих широкого профиля, что даёт возможность приобщить их к труду более творческому, позволяет лучше использовать технику и в конечном счёте повышать производительность труда.

Чтобы наполнить труд творческим содержанием, необходимо преобразовать характер производственных процессов, сделать их объектом применения духовных сил работника. Лишь в этих условиях открывается возможность для органического сочетания умственной и физической деятельности, для перемены функций.

Материальной основой расширения сферы действия закона перемены труда является машинная техника на той ступени её развития, когда осуществляется комплексная механизация и автоматизация производственных процессов. Автоматизация, информатизация производства вызывает настоятельную потребность

---

602 Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1958. С. 166.

603 Pollock F. L'automation, ses consequences economiques et socials. Paris, 1957. P. 112.

в перемене и сочетании родов деятельности, во всестороннем развитии работника.

Какие моменты автоматизации и современного технического прогресса вообще порождают эту потребность?

Следует указать в первую очередь на процесс интеграции технической и технологической основы, свойственной современному производству. Эта интеграция проявляется в разных формах. С одной стороны, при автоматизации образуется единый технический базис производства, возникают универсальные технические принципы, применимые к разным сферам и отраслям производства. Работа электронно-счётных машин, например, строится на принципе обратной связи, имеющей универсальный характер.

На этапе механизированного машинного производства тоже создаётся техническое единство производства. Различные машины, отличаясь друг от друга по конструкции и назначению, строятся на использовании общих форм движения, что даёт возможность выявить единое начало в их действии. «Принцип крупной промышленности — разлагать всякий процесс производства, взятый сам по себе и прежде всего безотносительно к руке человека, на его составные элементы, создал вполне современную науку технологии... Технология открыла также те немногие великие основные формы движения, в которых необходимо совершается вся производительная деятельность человеческого тела, как бы разнообразны ни были применяемые инструменты, — подобно тому как механика, несмотря на величайшую сложность машин, не обманывается на тот счёт, что все они представляют собой постоянное повторение элементарных механических сил»[604].

В обычной машинной промышленности, однако, техническое единство, вызываемое наличием общего двигательного механизма, предполагает в другом отношении распадение производства на ряд самостоятельных операций и процессов и не образует ещё непрерывного перехода от одной операции к другой без человека как соединительного звена. Автоматизированное производство в этом отношении идёт намного дальше. Оно создаёт единую, взаимосвязанную систему машин и механизмов, работающих как целостная система в виде автоматической линии или цеха

[604] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 497.

(завода). Расчленение производственных процессов на простые операции, характерное для этапа механизации, здесь заменяется противоположным действием — их комбинированием в одной непрерывно действующей системе механизмов.

В этих условиях сам по себе трудовой процесс должен соединять в себе много различных видов занятий, вплоть до объединения физической и умственной деятельности. Возникает новый вид производительного труда, который сочетает в себе многообразные функции и который уже нельзя назвать только физическим или только умственным. Человек, выполняя такой труд, обязан знать и практически сочетать ряд видов деятельности. Он в данном случае не может быть привязан лишь к одной функции, ибо сами различные функции органически соединены в технологическом процессе и не могут разъединяться между разными людьми.

Таким образом, из общности машинных процессов вырастает общность разных видов труда и профессий, интеграция человеческих производственных функций, а из последней — необходимость их сочетать в труде каждого. Таким путём создаётся наиболее адекватная основа и простор для действия закона перемены и сочетания труда, так как сама техника производства вызывает к жизни новые формы труда, в содержании которых уже слито то, что необходимо выполнять человеку.

Перемена и сочетание разных форм труда в деятельности одного и того же человека вызываются и другой особенностью современного технического прогресса — постоянным изменением технической базы производства.

Постоянное изменение техники не может не порождать соответствующее непрерывное изменение функций рабочего, развитие его знаний, способностей. Иначе он не был бы готовым к осуществлению непрестанно возникающих новых производственных и научных задач. Поэтому подвижность функций работника, смена работы на одном виде оборудования работой на другом оборудовании становятся не исключением, а нормой производственной деятельности, объективной необходимостью, техническим требованием. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что старое разделение труда между людьми перестаёт отвечать потребностям производства и заменяется законом перемены труда и развития работника.

К этому ведёт, наконец, присущее автоматизации освобождение производственного процесса от необходимости приспособления к нему человека, т. е. развитие объективного принципа построения производственного процесса. Дело в том, что при неавтоматической технике разделение труда между людьми предполагает закрепление человека за определённой функцией и отбор рабочих с частичными способностями, наиболее соответствующими данному виду труда. Автоматизация же, «выводя» человека из непосредственного производственного процесса, тем самым ликвидирует необходимость закрепления человека за частичной операцией. Столь же ненужным становится отбор рабочих для выполнения определённых операций.

Итак, технический прогресс на стадии автоматизации делает излишним старое разделение труда между людьми. Он настоятельно требует прямо противоположного способа выполнения функций человеческого труда — перемены и сочетания трудовых функций. Этот способ отвечает всем рассмотренным особенностям современного технического прогресса: интеграции технических и технологических основ производства, постоянному революционизированию техники, объективному принципу построения производственных процессов.

§ 2. Перемена и сочетание деятельностей — основа развития личности работника

Одной из величайших общественно-исторических задач, признанных ныне ООН, является формирование всесторонне развитой личности. Условия этого могут быть созданы благодаря ликвидации эксплуатации, безработицы, нищеты и дискриминации по признакам происхождения, пола, национальности.

Во всём многообразии условий, необходимых для всестороннего развития личности, решающая роль принадлежит труду. Сфера общественного производства составляет ту материальную основу, без коренного преобразования которой проблема разностороннего развития способностей человека не может быть решена. Всестороннее развитие личности может быть достигнуто лишь на базе экономического прогресса общества, определённых материальных условий производства.

Следует ли считать, что значительное увеличение свободного времени при высоком уровне материальных производительных сил решает проблему всестороннего развития личности? Иначе говоря, верно ли полагать, что развитие способностей, талантов и дарований может происходить лишь вне сферы материального производства? Представляется, что эта проблема не может быть полностью решена, если в общественном производстве отсутствуют экономические условия и потребности в работнике с разносторонне развитыми способностями.

На эту проблему в своё время в отечественной социально-экономической литературе было обращено достаточное внимание: была проведена журналом «Вопросы философии» специальная дискуссия, зачинателем которой явились А. К. Курылёв и автор данной книги. Мой оппонент, А. К. Курылёв, утверждал, что одним из способов формирования всесторонне развитого человека является разделение труда между людьми, которое-де не только не противоречит этому формированию, но способствует ему[605]. Обычно это положение выдвигается теми, кто считает общественное разделение труда между людьми непреодолимым, вечным. Исходя из этого, они пытаются теоретически совместить всестороннее развитие личности с остающимся, по их мнению, и в будущем разделением труда между людьми.

Об исторической неоправданности вечного разделения труда между людьми было уже сказано. Для правильного решения поставленного вопроса необходимо в первую очередь (и как минимум) чётко представить себе, с какой стороной общественного разделения труда сравнивается развитие личности работника. Его можно сопоставлять, например, с той стороной разделения труда, которая характеризуется процессами дифференциации и интеграции видов труда как человеческой целесообразной деятельности вообще. Указанные процессы присущи человеческому труду на всех исторических этапах его развития, хотя их соотношение исторически меняется. Труд всегда делится на конкретные формы, каждый раз возникают его новые виды, которые как бы отделяются от старых форм, но вместе с тем формы деятельности могут интегрироваться, соединяться.

---

[605] Вопросы философии. 1961. №11. С. 11.

Спрашивается, как влияют эти процессы на развитие личности?

В общей форме можно сказать, что они всегда и всюду способствуют развитию личности и не могут противоречить её всестороннему совершенствованию. Дифференциация видов труда даёт возможность разнообразить деятельность человека, т. е. делать его развитие разносторонним, а интеграция труда — соединять разнообразные занятия и способствовать всестороннему развитию личности. Поэтому если сопоставлять развитие личности с дифференциацией и интеграцией труда, рассматриваемыми в указанном смысле, то здесь никакой особой проблемы — препятствует или не препятствует разделение труда всестороннему развитию человека — не возникает.

Но иногда упускают из виду другую сторону общественного разделения труда, взаимодействие которой с развитием работника принципиально иное. Разделение труда не сводится лишь к делению труда на различные виды, к его протеканию в конкретной, специальной форме. Вторую сторону общественного разделения труда составляет, как мы видели, возникшая в определённых исторических условиях закреплённость отдельных людей и целых социальных групп за определённым видом деятельности, ограничение их деятельности одной какой-либо сферой занятий.

Этой стороне разделения труда исторически может противостоять процесс перемены и сочетания видов деятельности, который является способом преодоления пожизненной закреплённости индивида за одним видом труда. Так вот, если сопоставить развитие личности с подобным разделением труда и процессом перемены труда, то картина возникает иная: разделение труда между людьми ведёт к одностороннему развитию личности, противоречит её всестороннему совершенствованию, несовместимо с ним. Основой всестороннего развития личности в данном случае служит не разделение труда между людьми, а перемена труда.

В обществе, поскольку в нём сохраняется разделение труда между людьми (или в виде профессионального разделения, или в форме разделения людей на работников умственного и физического труда, сельскохозяйственного и промышленного производства), развитие личности неизбежно ограничивается. Это обусловлено в конечном счёте недостаточно высоким уровнем

производительных сил и производительности труда, который предполагает необходимость закрепления одних людей и отдельные социальные группы за определённой формой общественной деятельности.

Сказанное даёт возможность оценить концепцию авторов, которые пытаются совместить разделение труда между людьми со всесторонним развитием личности. Сторонники этой концепции начинают с того, что подменяют вторую сторону разделения труда, характеризуемую закреплённостью человека за одним видом деятельности, первой его стороной — качественной дифференциацией, которая, как уже сказано, ничуть не противоречит всестороннему развитию личности, и делают вывод, что разделение труда в целом совместимо с всесторонним совершенствованием человека.

Приведём высказывания А. К. Курылёва. С одной стороны, он пишет о том, что «результаты и дальнейший научно-технический прогресс устремляют человеческую личность к приобретению разнообразных знаний и развитию универсальных способностей», а с другой — о том, что «усложнение процесса общественного производства, колоссальный рост объёма знаний вызывают необходимость специализации трудовой деятельности каждого индивида, а следовательно, и необходимость его конкретных специальных знаний»[606]. Легко заметить, что речь идёт о тенденции интеграции и дифференциации труда. В другом месте под социальным разделением труда опять-таки понимается обычная качественная дифференциация видов труда, которая автором называется специализацией труда и характеризуется тем, что трудовая деятельность всегда выступает в конкретной форме, что каждый член общества проявляет свою способность к труду через профессию, специальность[607].

Но рассматривать проблему в такой плоскости, т. е. сопоставлять всестороннее развитие личности с тем очевидным фактом, что каждый раз деятельность человека совершается в конкретной, специальной форме, — значит лишать смысла саму проблему. Нельзя же развитие личности ставить в зависимость

606 Вопросы философии. 1961. №11. С. 31–32.

607 Вопросы философии. 1961. №11. С. 36.

от количества конкретных форм труда в обществе и рассуждать по поводу того, как влияет на развитие личности существование только двух общих форм человеческой деятельности: умственного и физического труда. Многообразие форм труда может расти, а личность развивается односторонне, и наоборот.

Человеческая деятельность и впредь будет протекать в конкретных, специальных формах. Однако специализацию труда как такового надо отличать от специализации людей, которая является выражением разделения труда и означает ограничение занятий человека рамками одной специальности. А. К. Курылёв был бы прав в своём отрицании за дифференциацией (специализацией) человеческой деятельности роли «помехи» всестороннему развитию личности, если бы саму дифференциацию, составляющую лишь одну сторону разделения труда, не выдавал за сущность разделения труда между людьми.

Но качественная дифференциация форм труда представляется им как разделение труда между людьми, которое объявляется столь же вечным и неуничтожимым, как и факт сосуществования различных форм деятельности. А. К. Курылёв полагает, что всестороннее развитие человеку нужно для того, чтобы перейти сознательно к конкретной, специальной форме деятельности, которая как бы является острием пирамиды, а всесторонность — её основанием. При таком понимании специализация невольно отождествляется с ограничением человека одной специальной (конкретной) формой деятельности, а всестороннее развитие личности оказывается необходимым не для смены видов деятельности, не для преодоления исключительного круга занятий, а для его утверждения. С этим согласиться нельзя.

Если человеку всестороннее развитие нужно лишь для того, чтобы выбрать одну, соответствующую его склонности форму деятельности, то это экономически для общества нецелесообразно. Многочисленные средства, затрачиваемые на всестороннюю подготовку человека и развитие всех его способностей, не были бы оправданны, ибо работник, выбрав одну специальность и работая лишь по данной профессии, не использовал бы другие свои знания и способности и не смог бы возместить расходы общества на их развитие.

Разделение труда между людьми, сохраняясь и переходя от одного общественного строя к другому, культивировало и углубляло одностороннее развитие человека. В жертву этому однобокому, узкому развитию и было принесено в прошлом гармоническое, разностороннее развитие духовных способностей и физических сил личности. Стремясь оправдать и увековечить такое положение, пытаются утверждать, что разделение труда между группами людей якобы обусловлено наличием у отдельных лиц естественных способностей лишь к определённому виду деятельности и основано на естественных различиях людей.

Из такой посылки исходил, например, Э. Дюркгейм. Именно из неё он выводил необходимость одностороннего развития личности. По его мнению, «индивидуальная личность не только не уменьшается благодаря специализации, но развивается вместе с разделением труда»[608]. Более того, согласно Э. Дюркгейму, «деятельность становится богаче и интереснее, по мере того как она становится индивидуальнее»[609]. Э. Дюркгейм усматривал действительный «расцвет» личности в глубокой специализации в одной профессиональной отрасли и всячески поносил широту и разносторонность знаний человека и его деятельности, трактуя их как дилетантизм. При этом он считал, что человек приобретает качество личности «только постольку, поскольку в нём есть нечто принадлежащее лично ему и индивидуализирующее его, поскольку он более, чем простое воплощение родового типа его расы и группы»[610].

В действительности не естественные и личные особенности, а социальные условия определяют одностороннее развитие человека. Конечно, природные задатки, индивидуальные особенности человека имеют значение для совершенствования его способностей. Но они не смогут развиться вне процесса деятельности, вне общественной практики. Только в коллективе, отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, индивид получает средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков[611].

---

608 Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. С. 326.

609 Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. С. 327.

610 Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. С. 326.

611 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3. С. 75.

Выдвигая всестороннее развитие способностей людей в качестве идеала общества, классики марксизма вовсе не исходили из признания тождественности способностей у всех людей. Напротив, они отрицали возможность распространения понятия равенства на способности, таланты, склонности, вкусы людей. Определённые индивидуальные различия сохранятся и в условиях, когда разделение труда между людьми будет преодолено. Они, бесспорно, имеют непреходящий характер и не только не исчезнут при будущей организации общества, но наиболее полно проявятся. Именно потому, что человеку присущи известная широта, многообразие духовных и физических способностей, становится реальной постановка проблемы всестороннего развития личности. И уже сейчас там, где постепенно стираются грани, разделяющие, например, умственный и физический труд, преодолевается одностороннее проявление способностей и совершаются первые шаги на пути к разностороннему развитию человека.

Представление о том, что каждому человеку доступна лишь строго определённая профессия, отвечающая его односторонне развитой способности, само является следствием таких социально-экономических условий, при которых развитие способностей и дарований может осуществляться исключительно путём зависимости от избранного вида занятий, профессии. Иногда полагают, что сущность личности составляют её индивидуальные качества, особенности, только ей присущие способности к соответствующему виду труда. Из этого по существу неправильного (поскольку общественная природа личности смешивается с индивидуальными особенностями человека) определения личности выводится затем понятие развитой личности. В результате всесторонне развитым человеком оказывается тот, кто больше всего имеет индивидуальных особенностей, отличающих его от всех других людей. Далее утверждают, что индивидуальные особенности человека могут быть обнаружены только тогда, когда имеется «поле» для их проявления, т. е. когда человек находит тот особый вид труда, соответствующий его способностям, и ограничивает себя выбранной сферой деятельности. Таким «полем», обеспечивающим возможность обнаружения индивидуальных качеств людей, как иногда думают, должно служить разделение труда между людьми, которое-де не только не противоречит потребности всестороннего

развития личности, а, наоборот, является единственным способом её удовлетворения.

Эту точку зрения критиковал ещё К. Маркс. Прудон, как известно, полагал, что разделение труда имеет хорошую сторону (является способом осуществления равенства условий и умственных способностей)[612] и дурную сторону. Задача состоит, по мнению Прудона, в том, чтобы найти такое новое сочетание, в котором сохранялось бы положительное и устранялось отрицательное, но без уничтожения разделения труда, которое, по Прудону, есть вечный закон. Действительная диалектика, согласно взглядам К. Маркса, заключается в том, что уничтожение одной противоположности неумолимо ведёт к ликвидации другой и тем самым к гибели данного явления как такового.

Действительное развитие и совершенствование наклонностей и задатков личности наилучшим образом может происходить в условиях смены видов труда, сочетания умственных и физических функций. Перемена труда способна снять препятствия и ограничения, возводимые разделением труда на пути развития всех способностей и дарований личности.

Принцип перемены и сочетания занятий совпадает также с преодолением элементов социальных различий, сохраняющихся при общественном разделении труда, и наилучшим образом отвечает сущности социальной жизни в обществе.

Закрепление разных условий труда за различными социальными группами неизбежно порождает неравенство людей, поскольку неодинаковые условия труда влияют на размеры дохода работников и создают неравные возможности в развитии их способностей. Чтобы члены общества были фактически равноправными во всём, должно быть осуществлено равенство людей по их условиям труда, которое опять-таки становится реальным лишь в той мере, в какой утверждается смена условий труда и чередование занятий.

Одним из важнейших социальных последствий преодоления разделения труда и установления перемены видов деятельности является дальнейшее развитие свободы личности. Зависимость уровня свободы личности от общественного разделения труда по своему характеру и последствиям двояка.

---

612 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4. С. 147.

С одной стороны, деление труда на конкретные виды, всё более углубляющаяся качественная дифференциация человеческой деятельности составляют необходимый способ развития производительных сил и духовной культуры человечества. Общественный прогресс, господство человека над силами природы и общества и, следовательно, свободная деятельность личности могут осуществляться только путём непрерывного расчленения и возникновения новых форм человеческого труда, их совершенствования и развития. С другой стороны, это расчленение труда на определённом историческом этапе отрицательно воздействует на развитие человека, порабощая его личность.

Разделение труда между людьми в классово антагонистическом обществе подавляет и угнетает личность трудящегося, ограничивает свободное проявление его воли в главном и первом условии человеческого существования — в труде. Сфера трудовой деятельности остаётся за рамками человеческой свободы. Самое большее, что даётся трудящемуся, — это формальные свободы: свобода выборов, свобода слова, совести и т. п.

Идеологи господствующих классов как в прошлом, так и в настоящее время стараются оправдать и увековечить это положение. Одни из них не перестают по сей день утверждать, что свободным человек может быть только в сфере своего сознания, воли. Свобода, по их мнению, может состоять лишь в выборе тех или иных решений в сознании, является внутренним делом, которое «Я» имеет с самим собой. Что касается материального производства, то оно считается областью, где достижение свободы принципиально невозможно.

Другие, например П. Навиль, Ж. Фридман, полагают, что свободу, наслаждение и проявление своей личности человек может находить лишь в досуге, а не в труде[613]. Третьи (О. Шпенглер, Ф. Поллок и другие)[614] изображают технический прогресс явлением, противоположным человеку, «отнимающим» его свободу, рассматривают машины как враждебную человеку силу. В данном

---

613 Naville P. Le nouveau leviathan. Paris, 1957; Friedmann G. Ou ya la travail humain? Paris, 1956.

614 Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. М.; Пг., 1923; Pollock F. L'automation, ses consequences, economiques et socials. Paris, 1957.

случае рыночные условия применения машин они выдают за единственно возможные.

С установлением общественной собственности средства производства должны перестать господствовать над человеком и порабощать его, устраняется прежнее отчуждение труда, противоестественный отрыв сил и условий труда от самого человека.

Важным средством, с помощью которого человек может освободиться от подчинения разделению труда, является дальнейший технический прогресс, автоматизация производства. Одновременно с выходом из сферы непосредственного производственного процесса и устранением своей зависимости от машин человек освобождается от подчинённости естественно-производственной дифференциации труда. Если, например, теперь токарные операции требуют профессиональных токарей, фрезерные — фрезеровщиков и т. д., т. е. люди приноравливают свою деятельность к машинам, то в условиях автоматизации все эти операции передаются машинам. Что касается людей, то их работа в разных отраслях производства будет представлять собой новый характер — регулирование производственных процессов и управление ими.

Освобождение человека от подчинения разделению труда совпадает с достижением действительной свободы в материальном производстве, которая, как указывал К. Маркс, состоит в том, что социализированный человек, ассоциированные производители рационально регулируют свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, совершают его, т. е. трудятся, с наименьшей затратой силы и при условиях наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей[615].

Господство человека над естественноисторической дифференциацией труда утверждается не только с помощью технического прогресса, но и путём перемены труда и собственного всестороннего развития, позволяющих ему менять формы занятий, быть пригодным ко многим работам. Если человек становится способным сочетать различные виды деятельности, то он перестаёт быть подчинённым одному из них и делается в этом смысле свободным.

Важнейшим фактором окончательной ликвидации зависимости человека от старого разделения труда является всё возрастающая

---

615 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II. С. 387.

его деятельность в пределах свободного времени. Между производственной и непроизводственной сферами деятельности как по их назначению, так и по характеру взаимодействия свободы и необходимости имеются известные различия. Маркс указывал, что и в дальнейшем труд в материальном производстве останется царством естественной необходимости, а истинное царство свободы будет лежать по ту сторону сферы собственно материального производства, там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью[616].

Это, конечно, не означает, что сфера материального производства, роль человека как производителя несовместимы со свободным развитием личности, что только деятельность во внерабочее время открывает простор для проявления всех духовных и физических потенций людей. Тем не менее за границами материального производства развитие человека как личности приобретает известную самостоятельность, поскольку разнообразие способностей и интересов, всестороннее развитие членов общества не могут быть достигнуты только в сфере производительного труда, какое бы многообразие видов труда ни было и как бы ни совершенна была организация сочетания и перемены родов трудовой деятельности. Свободное время, используемое в деятельном досуге или в занятиях в области науки, искусства и т. д., служит необходимым дополнением к той свободе, которую люди приобретут в производительном труде. Имея в виду условия совершенствования личности, К. Маркс писал: «Происходит свободное развитие индивидуальностей, и поэтому имеет место не сокращение необходимого рабочего времени ради полагания прибавочного труда, а вообще сведение необходимого труда общества к минимуму, чему в этих условиях соответствует художественное, научное и т. п. развитие индивидов благодаря высвободившемуся для всех времени и созданным для этого средствам»[617].

В таком обществе труд превращается в орудие окончательного освобождения человека, давая каждому возможность развития и проявления своих способностей, дарований и талантов.

---

616 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II. С. 386–387.

617 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 214.

Глава 18. Обобществление труда и формы его социально-экономической организации

§ 1. Процесс обобществления труда

С развитием производства решающую роль приобретают общественные силы труда. Если в индивидуальном хозяйстве производство основывалось на применении и использовании физических и умственных сил отдельного работника, то современное производство развивается прежде всего на основе совокупных сил, возникших из совместной деятельности многих работников. Простая кооперация, кооперация, базирующаяся на мануфактурном разделении труда, а затем фабрика как вид кооперативной организации трудовых процессов были теми способами, посредством которых создавались и развивались общественные производительные силы труда в эпоху становления капитализма.

Производство относительной прибавочной стоимости, будучи основным методом накопления капиталистического богатства, в значительной степени достигается за счёт эксплуатации общественных производительных сил труда. Для того чтобы сократить рабочее время в форме необходимого и увеличить его в форме прибавочного, капитал вызывает к жизни всё силы науки и природы, точно так же как и силы общественного сочетания и общественных отношений, чтобы сделать создание богатства независимым (относительно) от затрачиваемого на него рабочего времени[618]. В этих условиях частичное искусство отдельного рабочего, его индивидуальные силы приобретают второстепенное значение по сравнению с наукой, с колоссальными силами природы и силами общественно-массового труда, воплощённого в системе машин[619]. Определяющая роль общественных производительных сил труда проявляется и в том, что их использование служит главным средством экономии в процессе применения постоянного капитала.

Известно, что переворот в технике, с которым связано возникновение капиталистической крупной промышленности, был

---

618 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 214.

619 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 434.

обусловлен созданием системы машин. Но само широкое применение машин стало возможным лишь благодаря тому, что крупное машинное производство одновременно вызвало к жизни совокупного рабочего, общественно-комбинированный процесс труда и, следовательно, совокупную производительную силу. Поэтому и экономия, вытекающая из условий производства как производства в крупном масштабе, т. е. из концентрации средств производства и их массового применения, «в основном возникает благодаря тому, что эти условия функционируют как условия общественного, общественно-комбинированного труда, следовательно, — как общественные условия труда»[620].

Однако в условиях капитализма, указывал К. Маркс, не только материальные вещи, но и формы общественно развитого труда (кооперация, мануфактура, фабрика) «получают своё выражение в виде форм развития капитала, и поэтому производительные силы труда, развившиеся из этих форм общественного труда, а стало быть также наука и силы природы, принимают вид производительных сил капитала»[621]. Производительные силы общественного труда и всеобщие общественные производительные силы капитал присваивает себе. При этом силы, порождаемые общественной комбинацией производителей, капиталисту ничего не стоят, являются даровыми. Их в настоящее время чаще всего называют социальным капиталом.

Следует, однако, заметить, что присвоение капиталом общественных производительных сил может происходить только посредством эксплуатации индивидуальных рабочих сил, так как общественные силы функционируют лишь тогда, когда имеются налицо отдельные рабочие силы, из совокупности которых они складываются. Без последних никакая массовая сила образоваться не может, хотя она и не сводится к простой сумме частичных сил.

Прибавочная стоимость, как известно, возникает из прибавочного труда каждого индивидуального рабочего. Поэтому развитие и использование общественных производительных сил при капитализме сопровождается максимальной эксплуатацией отдельного рабочего.

---

620 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I. С. 90.

621 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I. С. 398.

Капитализм порождает резкую противоположность между развитием индивидуальных сил, с одной стороны, и общественных — с другой. Она вырастает из капиталистической частной собственности, в условиях которой общественные потенции труда отчуждаются от непосредственного производителя и направляются против него. Частное присвоение, кроме того, является чрезвычайно ограниченной основой развития общественных производительных сил труда, и поэтому сама историческая необходимость их дальнейшего прогресса становится со временем несовместимой с капиталистическим строем.

Всемирно-историческую миссию освобождения общественных сил труда от оков, порождаемых частной формой присвоения, призван выполнить социализм. Сам социализм экономически неизбежен прежде всего потому, что только он даёт простор для применения и всемерного использования потенций общественного труда. Общественная собственность соответствует общественной природе этих потенций, их развитие в свою очередь гармонирует со всесторонним совершенствованием личности и сил каждого отдельного производителя. Социализм, возвращая общественные силы труда самому производителю, тем самым уничтожает прежнюю их антагонистическую противоположность индивидуальному развитию человека.

Прогресс и возникновение новых массовых сил труда в истории выражаются в уровне обобществления трудового процесса. Обобществление труда выступает в качестве способа, посредством которого создаются производительные силы совокупного рабочего организма. Их развитие, определяясь в конечном счёте эволюцией материальных средств производства, одновременно зависит от закономерностей развития самого труда — от закона разделения труда и закона перемены родов деятельности. Воздействие этих законов на обобществление труда имеет различный характер.

Крупная машинная промышленность предполагает специализацию отраслей производства и производственных процессов. Эта специализация по своей природе бесконечна, как и развитие техники. По мере технического прогресса производство всё более дифференцируется, каждая операция по изготовлению какой-нибудь части продукта имеет тенденцию к обособлению, превращению в особый вид производства.

С другой стороны, производство, основанное на специализации, может функционировать лишь при условии, если отдельные отрасли или производственные процессы органически связаны между собой. Чем глубже дифференциация материальных производственных процессов, тем в более тесную зависимость друг от друга попадают отрасли производства. Этот второй процесс, необходимо вырастающий из специализации, образует собой обобществление производства. Оно состоит в том, что «многие раздробленные процессы производства сливаются в один общественный процесс производства»[622]. В результате устанавливается тесная связь между отраслями производства, которые становятся неотъемлемыми звеньями единого производственного организма. Приостановка какого-либо отдельного звена может затронуть всю данную отрасль или производство в целом.

Специализация и обобществление материальных процессов и отраслей производства соответственно вызывают, с одной стороны, дифференциацию, с другой — обобществление человеческого труда.

Последние процессы, относящиеся к труду, также связаны друг с другом. По мере специализации видов человеческой деятельности возникает необходимость их соединения как в масштабах данного предприятия или отрасли производства, так и в рамках всего хозяйства. В тех условиях, когда за специальными видами труда стоят определённые группы людей, т. е. когда над дифференциацией видов человеческой деятельности возвышается соответствующее ей разделение труда между разными людьми, обобществление труда выступает как общественная связь людей. Обобществление труда в данном случае означает, что «общественная связь между производителями всё более и более укрепляется, производители сплачиваются в одно целое»[623].

Степень разделения труда и его обобществления, как уже сказано, определяется в конечном счёте уровнем развития материальных средств производства, специализацией и обобществлением производственных процессов. Однако если абстрагироваться от этих определяющих факторов и рассматривать лишь их

---

622 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1. С. 177.

623 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1. С. 177.

следствие — разделение труда и обобществление труда, то можно установить между последними определённую зависимость.

В том случае, когда разделение труда выступает как качественная дифференциация видов человеческой деятельности, его связь с процессом обобществления труда имеет свой специфический характер. Можно сказать, что дифференциация форм человеческой деятельности и обобществление труда всегда предполагают друг друга: чем выше уровень развития первой, тем глубже становится обобществление труда (фактором, положительно влияющим на процесс обобществления труда, является и интеграция видов человеческой деятельности, а не только их дифференциация).

По-другому воздействует на обобществление труда та сторона разделения труда, которая выражается в пожизненной закреплённости отдельного работника или целого класса за определённым видом занятий. Этот вопрос требует особого рассмотрения.

В литературе, как правило, не разграничиваются особенности влияния указанных двух сторон разделения труда на его обобществление. Обычно качественная дифференциация или специализация форм человеческой деятельности выдаются за сущность разделения труда между людьми и именно так понятое разделение сопоставляется с обобществлением трудовых процессов. Соответственно этому делаются выводы: а) разделение труда между людьми и обобществление трудовых процессов всегда и при всех условиях взаимно полагают друг друга, немыслимы друг без друга, б) чем глубже разделение труда между людьми, тем выше уровень его обобществления. Заранее, следовательно, предполагается, что там, где нет расчленения разных видов человеческой деятельности между разными людьми, невозможно их обобществление.

Примером такого толкования вопроса может служить позиция Л. Я. Берри. Утверждая, что всякий общественный труд неразрывно связан с разделением труда, он пишет: «Разделение труда, или специализация общественного производства, — одно из важнейших проявлений процесса обобществления труда, развития общественного характера производства»[624].

Подобный вывод может служить основанием для мысли о том, что уничтожение разделения труда между людьми в будущем

[624] Берри Л. Я. Специализация и кооперирование в промышленности СССР. С. 8.

могло бы привести к приостановке процессов обобществления. Поэтому, мол, обобществление труда невозможно представить без дальнейшего углубления разделения труда. Более того, одно из преимуществ социалистического общества в том якобы и состоит, что в нём разделение труда развивается «непрерывно и значительно быстрее, чем при капитализме»[625].

Разделение труда между людьми и социальными группами не всегда служило и будет служить необходимой предпосылкой обобществления труда. По мере развития крупной промышленности процесс обобществления труда начинает выходить за рамки разделённого труда, прорывать его узкий горизонт. В тенденции основой его дальнейшего развития начинает становиться перемена деятельности, подвижность работников. Соответственно процесс обобществления приобретает новые особенности, не укладывающиеся в рамки старого разделения труда. К их числу относится развивающаяся подвижность населения, которая была невозможна в сколько-нибудь широких размерах до возникновения крупной машинной индустрии. Проявлением этой подвижности могут служить, например, постоянные и всё возрастающие переливы сельского населения в промышленность, что ломает и стирает местные и профессиональные различия людей.

С этой чертой связана другая особенность обобществления труда — постоянная изменчивость самих производителей, преобразование их духовного облика и характера. Крупная промышленность с её переворотами в техническом базисе производства обусловливает непрерывное изменение видов деятельности производственного работника, делает его способным выполнять самые разнообразные работы. Обобществляется, следовательно, сам участник производства, сам производитель материальных благ.

Указанные признаки обобществления трудового процесса, как явствует из изложенного, связаны с действием закона перемены видов деятельности. Они по существу противоречат принципу разделения труда между людьми, поскольку последний предполагает не подвижность работника, а его пожизненную закреплённость за определённым видом занятий. Старое разделение труда и тенденция к дальнейшему обобществлению труда образуют

---

625 Берри Л. Я. Специализация и кооперирование в промышленности СССР. С. 61.

противоположности. Капитализм, например, ослабляет связь земледелия с промышленностью, «но в то же время своим высшим развитием он готовит новые элементы этой связи, соединения промышленности с земледелием на почве сознательного приложения науки и комбинации коллективного труда, нового расселения человечества (с уничтожением как деревенской заброшенности, оторванности от мира, одичалости, так и противоестественного скопления гигантских масс в больших городах)»[626].

§ 2. Развитие форм организации ассоциированного труда

Если предположить, что общественное разделение труда между людьми в исторической перспективе исчезнет, то произойдёт слияние производительного физического и умственного труда, промышленной и аграрной деятельности в лице всех работающих членов общества. Это предполагает их всеобщее участие в производительном труде и духовном творчестве. Имеется ли возможность всеобщего производительного труда?

Существование разделения труда между людьми необходимо предполагает, что производительная деятельность является достоянием не всех трудоспособных членов общества. В этом отношении полное обобществление производительного труда может осуществиться лишь тогда, когда в нём станет участвовать всё трудоспособное население, т. е. когда все члены общества будут производителями материальных благ.

Но требует ли развитое общество всеобщего участия непосредственно в производительном труде? Соответствует ли оно природе обобществления труда?

К. Маркс в инструкции к делегатам Временного центрального совета Международного товарищества рабочих писал: «При разумном общественном строе каждый ребёнок с 9-летнего возраста должен стать производительным работником так же, как и каждый трудоспособный взрослый человек, должен подчиняться общему закону природы, а именно: чтобы есть,

626 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26. С. 74.

он должен работать, и работать не только головой, но и руками»[627]. Ф. Энгельс, связывая проблему всеобщности производительного труда с преодолением старого разделения занятий, подчёркивал, что в будущем обществе никто не должен возлагать свою долю участия в производстве материальных благ на плечи других[628]. Громадный рост производительных сил, по мысли Ф. Энгельса, «позволит распределить труд между всеми без исключения членами общества и таким путём сократить рабочее время каждого так, чтобы у всех оставалось достаточно свободного времени для участия в делах, касающихся всего общества, как теоретических, так и практических»[629]. На необходимость всеобщего производительного труда указывал В. И. Ленин: «Для того, чтобы соединить всеобщий производительный труд с всеобщим обучением, — писал он, — необходимо, очевидно, возложить на всех обязанность принимать участие в производительном труде»[630].

К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин видели в привлечении всех к производству материальных благ залог и проявление действительного богатства общества, мощного подъёма производительных сил, громадного повышения производительности труда. Экономическая необходимость всеобщего участия в материальном производстве диктуется действием ряда законов: закона экономии времени; перемены и сочетания видов деятельности; закона повышающейся производительности труда.

Высокое развитие производительных сил предполагает, как известно, сокращение необходимого рабочего времени. В этом состоит суть всякой действительной экономии. Сбережение же рабочего времени равносильно увеличению свободного времени, т. е. времени для полного развития индивида, которое само в свою очередь как величайшая производительная сила воздействует на производительную силу труда[631]. Одним из важнейших способов сокращения рабочего времени и соответствующего увеличения свободного времени служит всеобщее участие в производительном

---

627 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16. С. 197.

628 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20. С. 305.

629 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20. С. 187.

630 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2. С. 486.

631 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 221.

труде, т. е. последнее тождественно сокращению необходимого и росту свободного времени и совпадает с возможностью всеобщего участия в жизнеобеспечивающем труде.

Об этом вполне определённо писал Ф. Энгельс. Он полагал, что при современном развитии производительных сил «достаточно уже того увеличения производства, которое будет вызвано самим фактом обобществления производительных сил... чтобы, при всеобщем участии в труде, рабочее время каждого было доведено до незначительных, по нынешним представлениям, размеров»[632].

Получается так: высшее развитие производительных сил будущего общества приводит к сокращению необходимого рабочего времени; это сокращение в свою очередь предполагает всеобщее участие в производительном труде. В итоге всеобщий производительный труд, выступая средством сокращения необходимого рабочего времени, будет служить росту производительных сил, ибо само это сбережение тождественно с развитием производительной силы.

Отсюда совершенно очевидна связь всеобщего участия в производстве материальных благ с законом непрерывного повышения производительности труда: высокопроизводительным работником может быть лишь человек, получивший всестороннее развитие своих способностей, что невозможно без сокращения необходимого рабочего времени и увеличения свободного времени. Кроме того, привлечение всех трудоспособных людей к материальному производству приведёт к возникновению новой общественной производительной силы труда.

Потребность во всеобщем участии в производительном труде обусловливается и действием закона перемены труда. Деление людей на производительных и непроизводительных работников составляет один из видов старого разделения труда. Необходимость его преодоления нет нужды доказывать, ибо она признаётся даже теми авторами, которые отрицают возможность устранения других форм существующего общественного разделения труда. Но что значит преодоление расчленения общества на работников производственной и непроизводственной сферы? Очевидно, что оно предполагает превращение указанных двух крупных

---

632 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20. С. 305.

общественных функций в сменяющие друг друга способы жизнедеятельности каждого человека, что является основным требованием закона сочетания труда. Поэтому, как только производственные и непроизводственные функции начинают совмещаться в деятельности всего населения, производительный труд становится достоянием каждого трудоспособного члена общества.

Соответственно, у общества возникает жизненная потребность готовить всё подрастающее поколение к участию в производительном труде, преобразовании системы народного образования, чтобы соединить обучение с производительным трудом. В этом отношении заслуживает внимания опыт соединения обучения с производством в советское время.

Длительное время существовавшая практика отрыва образования, обучения и воспитания от производительного труда приводила к формированию у части молодёжи нигилистического отношения к производительному труду, и особенно физическому. В печати и в работах советских авторов, посвящённых проблемам укрепления связи школы с жизнью и дальнейшего развития системы народного образования, была показана несостоятельность бытовавшего представления о том, что общеобразовательная школа должна готовить молодёжь только для поступления в высшие учебные заведения.

К тому времени сложилось такое положение, что удельный вес детей интеллигенции среди учащихся ряда учебных заведений был намного выше, чем детей рабочих и колхозников. При этом многие из детей интеллигенции редко шли на производство, а чаще становились работниками умственного труда. Молодёжь, оканчивающая школы, не была подготовлена ни практически, ни психологически для активного участия в материальном производстве. В результате сложилось противоречие между потребностью производства в кадрах рабочих, сочетающих широкую общеобразовательную подготовку с политехническими знаниями, и односторонней общеобразовательной подготовкой учащихся, оторванной от производства.

Возникла необходимость повсеместно внедрить ведущий принцип формирования разносторонне развитых работников — соединение обучения, политехнического образования с производительным трудом. Практика совмещения обучения с производительным

трудом, с одной стороны, и развития системы образования без отрыва от производства — с другой, получила довольно значительные масштабы.

Принцип соединения обучения с производительным трудом имел не только воспитательное значение. Его внедрение было обусловлено определёнными экономическими потребностями, имело экономические основания. В результате сочетания обучения с работой на производстве большая группа трудоспособного населения, не принимавшая участия в производительном труде, вовлеклась в определённой степени в материальное производство, что предполагало использование новых производительных сил, привлечение новых дополнительных трудовых ресурсов, дающих значительный экономический эффект для всего общества.

Как же согласовать эту перспективу с наблюдаемым сегодня относительным сокращением удельного веса работников, занятых в производственной сфере?

Внедрение новой техники, особенно автоматических машин, приводит, как известно, к уменьшению числа лиц, участвующих в непосредственном производстве: автоматизация высвобождает значительную часть рабочих, занятых на данном производстве. Но чем меньше работников занято в производстве, чем меньше затрачиваемое обществом необходимое рабочее время, тем больше возможностей для привлечения всех к производительному труду, так как лишь при максимальном сокращении рабочего дня (до четырёх-пяти часов и меньше) создаются условия для выполнения всеми членами общества как производительных, так и непроизводительных функций. До определённого момента количественные изменения в пропорциях производительных и непроизводительных работников не образуют нового качества. Остаётся существующее разделение лиц на производительных и непроизводительных работников. В его пределах тенденция к установлению всеобщего производительного труда неизбежно проявляется в уменьшении удельного веса лиц, занятых непосредственно в производственной сфере.

Если считать вечной тенденцией рост количества работников непроизводительного труда и уменьшение числа производительных работников, то надо признать тезис о неуничтожимости старого качества, т. е. существующего разделения трудоспособных

членов общества на производительных и непроизводительных работников. Необходимо, следовательно, допустить, что в будущем сокращением совокупной массы рабочего времени, достигаемым посредством повышения производительности труда, общество воспользуется так, что в производстве оставит относительно небольшое количество людей, большинство из них освободит от него и закрепит за другими видами общественной непроизводственной деятельности. Однако такое решение вопроса не выдерживает критики ни с точки зрения экономического, ни социального развития. Экономически подобное допущение означало бы, что производительная часть населения по-прежнему отдавала бы основную массу своего времени производству и не имела бы достаточного свободного времени для своего собственного развития. А это развитие должно быть необычайно высоким, потребует много времени и составит первейшее условие достижения высшей производительности труда. В социальном аспекте подобное утверждение было бы равнозначно мысли о сохранении существующих социальных различий между людьми умственного и физического труда, отказу от необходимости соединения умственного труда с физическим.

Принимая иную теоретическую посылку — положение об уничтожении разделения производительного и непроизводительного труда между людьми, мы должны сказать, что в будущем существование особых производительных и непроизводительных работников потеряет смысл, хотя различие между производительной и непроизводительной сферами останется. Тогда сокращение необходимого рабочего времени действительно станет тождественным всеобщему участию в материальном производстве и мы сможем вместе с К. Марксом сказать: часть рабочего дня, нужная для общественного производства, будет тем короче и время, остающееся для свободной умственной и общественной деятельности индивида, «тем больше, чем равномернее распределён труд между всеми работоспособными членами общества... С этой стороны абсолютной границей для сокращения рабочего дня является всеобщность труда»[633].

Всеобщность производительного труда предполагает и всеобщее участие в духовном творчестве. Необходимо ли наряду

[633] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 539.

с привлечением всех к материальному производству и всеобщее участие в духовном творчестве?

Если в сфере труда, направленного на производство материальных благ, уже ныне достигнута довольно высокая ступень обобществления, то этого нельзя сказать относительно духовной деятельности, в частности науки. В этой области последствия системы общественного разделения меньше всего преодолены.

Научный труд обладает свойствами, наиболее благоприятными для его обобществления. В отличие от обычного совместного труда научный труд, как указывал К. Маркс, обладает достоинством всеобщности. «Всеобщим трудом, — писал К. Маркс, — является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обусловливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников. Совместный труд предполагает непосредственную кооперацию индивидуумов»[634].

По мере усиления связей науки с производством процесс обобществления всё больше охватывает само содержание науки. Научные достижения начинают становиться плодом больших коллективов учёных и практиков, различные отрасли научно-технического творчества соединяются воедино, попадают в тесную зависимость друг от друга, что придаёт научно-технической деятельности глубоко общественный характер. В. И. Ленин, касаясь природы крупной промышленности, отмечал: «Получается гигантский прогресс обобществления производства. В частности, обобществляется и процесс технических изобретений и усовершенствований»[635].

Повышение уровня обобществления духовного творчества проявляется и в увеличении населения, занимающегося умственной деятельностью. В этом отношении чрезвычайно показательным был быстрый рост количества работников умственного труда в советский период. Если в дореволюционной России, по данным переписи 1897 г., насчитывалось только 79 тыс. учителей, 4 тыс. инженеров и 17 тыс. врачей, то в советское время масштабы использования духовных сил общества не шли ни в какое сравнение с прошлым. В 1975 г. в СССР насчитывалось 2 млн 703 тыс. учителей, 3 млн 683 тыс. инженеров, 765,4 тыс. врачей.

---

634 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I. С. 116.

635 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27. С. 320.

В 1989 г. в народном хозяйстве было занято 37 млн специалистов с высшим и средним специальным образованием. В стране на 10 тыс. человек населения приходилось 179 студентов (во Франции — 169, ФРГ — 142, Японии — 150)[636].

Общество не может не только в отдалённом будущем, но уже теперь обходиться интеллектуальными силами меньшинства. Ныне, когда чрезвычайно возрастает роль науки, возникает практическая потребность вовлекать как можно в больших масштабах умственные потенции всего трудоспособного населения, и в первую очередь духовные возможности работников физического труда.

В развитых странах количество работников науки растёт очень быстро — на 7% в год, или удваивается каждые 10 лет. По свидетельству Дж. Бернала, в течение столетия число участвующих в научном труде может составить примерно 20% всего населения, а академик Н. Н. Семёнов полагает, что в будущем половина человечества тем или иным путём займётся решением научных задач. Что касается будущего общества, то, по мнению академика С. Г. Струмилина, число лиц, находящихся на уровне инженерно-технического труда и имеющих высшее образование, составит все 100% тружеников производства[637].

На путях к будущему обществу научное исследование приобретает черты кооперативного труда, коллективной деятельности, основанной на массовом участии людей. В перспективе производство и наука перестанут быть обособленными сферами занятий и станут сочетаться каждым членом общества, всеми людьми[638]. Превращение функций по развитию науки и духовной культуры из занятий лишь одной части населения, притом меньшей,

---

636 Народное образование, наука и культура в СССР. Ст. сборник. М., 1977. С. 293; СССР в цифрах в 1989 году. М., 1990. С. 52, 290.

637 Проблемы мира и социализма. 1963. №4. С. 44.

638 В свете этих перспектив вовлечения в науку всё новых и новых слоёв общества мрачными кажутся соображения Дж. Томсона об «неинтеллектуальной половине» человечества, которая якобы неспособна к творческой деятельности и предназначена для выполнения «обыденной работы». Не вызывают доверия и его подсчёты относительно того, что в Англии только 20% мальчиков способны одолеть курс средней школы (см.: Томсон Дж. Предвидимое будущее. М., 1958. С. 153).

в достояние всех совпадает с высшей ступенью обобществления умственного труда. Оно приведёт к установлению тесной зависимости всех членов общества не только как производителей материальных благ, но и как творцов духовных ценностей.

Важнейшей формой организации обобществлённого труда служит соединение промышленного и сельскохозяйственного труда.

В настоящее время связи промышленности и сельского хозяйства стали намного теснее, чем когда-либо. Вместе с тем эти две крупные отрасли народного хозяйства в силу существующего разделения труда не образуют ещё единой системы производства. Если в промышленности процесс обобществления достигает довольно высокого уровня, то в сельском хозяйстве он остаётся сравнительно низким. Сельскохозяйственные предприятия всё ещё представляют собой относительно обособленные и независимые друг от друга хозяйственные единицы. Их взаимоотношения всё ещё развиты недостаточно, даже меньше, чем их связи с промышленностью города.

Обобществление производства внутри самого сельского хозяйства в общем и целом происходит в рамках отдельного кооператива. Причины такого положения в конечном счёте коренятся в состоянии развития производительных сил: кооперативы и фермеры не имеют ещё достаточного количества общих мощных средств производства, которые могли бы их объединить в целостный производственный организм. Для этого недостаточен и уровень специализации отраслей и видов сельскохозяйственного производства. Специализация привела бы сельскохозяйственные предприятия к непосредственной зависимости друг от друга, тогда как сейчас часто отдельный кооператив производит почти все сельскохозяйственные продукты и может в определённой степени существовать независимо от других кооперативов.

Сказанное, однако, не означает, что процессы обобществления внутри сельскохозяйственного производства отсутствуют. Диалектика развития такова, что процессы обобществления, оставаясь в общем в рамках отдельного хозяйства, вместе с тем выходят за эти рамки. В этом отношении наиболее важным и прогрессивным является укрепление и расширение межхозяйственных производственных связей.

В советское время ускоренными темпами происходило образование межколхозных производственных объединений по самым различным сферам хозяйства: в строительстве, в создании предприятий строительных материалов, межколхозных электростанций, предприятий по обработке сельскохозяйственных продуктов и т. д.

Развитие межколхозных производственных связей играло важную роль в обобществлении сельскохозяйственного производства. Оно вело к созданию предприятий промышленного типа внутри сельского хозяйства, которые переставали быть формой только сельскохозяйственного производства и которые, следовательно, способствовали соединению земледельческого труда с промышленным.

Межколхозные предприятия составляли базу для объединения колхозов не только между собой, но и с городской промышленностью. Высокообобществлённая промышленность могла быть соединена со столь же обобществлённым сельским хозяйством, а не с отдельными и обособленными колхозами. Межколхозные производственные объединения, содействуя укреплению связей сельского хозяйства с промышленностью, всё же ещё не выводили процессы обобществления труда за пределы сельского хозяйства. Генеральный путь обобществления сельского хозяйства лежит через его соединение с городской промышленностью. Только на этом пути можно достигнуть высшего обобществления как сельскохозяйственного производства, так и всего производства вообще. Материальные условия качественно нового этапа в обобществлении труда могут быть подготовлены общим мощным развитием производительных сил как в промышленности, так и в сельском хозяйстве.

Энергетическое перевооружение сельского хозяйства даст возможность создать единую с промышленностью техническую основу, т. е. комплексно механизировать и даже в определённой степени автоматизировать сельскохозяйственные производственные процессы. В результате сельское хозяйство приблизится к уровню промышленности по технике и организации производства, что приведёт в конечном счёте к превращению труда в сельском хозяйстве в разновидность промышленного труда и послужит материальным основанием высшего обобществления сельскохозяйственного и промышленного производства.

В будущем обществе промышленность и сельское хозяйство будут органически сочетаться в едином комбинированном процессе, что означает не только расширение рамок обобществления производства, но и качественное преобразование его характера. Смысл подобного преобразования состоит в том, что процесс обобществления перестаёт базироваться на разделении труда между городом и деревней и начинает основываться на их соединении.

В связи с этим следует отметить, что отдельные экономисты, совершенно справедливо связывая высшую ступень обобществления производства с фактом соединения промышленности и сельского хозяйства в одно целое, в то же время видят в подобном сочетании проявление процесса дальнейшего углубления общественного разделения труда и растущей специализации производства[639]. Здесь явно отождествлено разделение труда между городом и деревней со специализацией промышленных и сельскохозяйственных производственных процессов, с их отличием по предмету труда и т. п.

Но ведь разделение труда между городом и деревней имеет такую немаловажную сторону, как закреплённость сельского населения за земледелием, а городского — за промышленностью. Поэтому новое качество в обобществлении производства никак не может характеризоваться углублением общественного разделения труда. Оно, наоборот, возникает вследствие преодоления пожизненного закрепления одной части общества за сельским хозяйством, другой — за промышленностью. В будущем, когда сельское хозяйство и промышленность станут двумя видами единого комбинированного и кооперированного в масштабах всего общества производства, город и деревня соединятся в одно целое[640]. Соответственно этому, «одни и те же люди будут заниматься земледелием и промышленным трудом»[641], произойдёт «смешение и слияние земледельческого и неземледельческого населения»[642].

---

639 Воронин Л. О сочетании сельскохозяйственного и промышленного производства в деревне // Вопросы экономики. 1961. №10. С. 88.

640 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4. С. 336.

641 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4. С. 336.

642 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2. С. 224.

Будущее соединение сельского хозяйства и промышленности в деятельности одних и тех же работников нельзя представлять в виде имевшихся форм привлечения городского населения, особенно студенчества, к сезонным сельскохозяйственным работам. В перспективе сельское хозяйство перестанет быть обособленным видом деятельности и превратится в разновидность промышленного труда. Сочетание указанных двух видов труда в деятельности одних и тех же людей станет основываться на их объективном воссоединении.

Итак, будущее обобществление труда предполагает всеобщее участие в производстве материальных благ; превращение умственного труда, духовного творчества в достояние всех; слияние промышленной и сельскохозяйственной деятельности. Все эти признаки обобществления труда, однако, нельзя рассматривать изолированно друг от друга. В том и состоит высший уровень обобществления труда, что одно и то же население одновременно участвует во всех указанных крупных видах общественной деятельности. Общественный характер будущего труда образуется из слияния разных, прежде разделённых между различными группами людей форм общественной деятельности. Его основой, следовательно, становится закон перемены и сочетания труда.

Историческая неизбежность и целесообразность этого нового этапа обобществления труда в конечном счёте определяются потребностями достижения высшей производительности труда. Высшее обобществление труда, основанное на перемене и сочетании видов деятельности, необходимо порождает новые общественные производительные силы труда.

Каким путём они возникают и в чём их сущность?

Обобществление производительного труда в рамках всего общества порождает кооперацию и взаимную связь всех членов общества как производителей. Из кооперации, объединяющей всё общество, неизбежно возникает новая массовая производительная сила труда. Здесь количество переходит в качество в том отношении, что образуется сила совокупного рабочего, тождественного со всем обществом.

Всеобщий производительный труд может служить фактором роста производительных сил, конечно, не всегда. В тех исторических условиях, когда состояние развития производства

необходимо вызывает общественное разделение труда между людьми, привлечение всех к материальной деятельности экономически не было бы оправдано, привело бы к снижению уровня производительности труда. Чтобы получить высший экономический эффект от такого привлечения, требуется необычайно высокий уровень развития самого производства, т. е. такое его развитие, которое было бы несовместимо с разделением труда между людьми и социальными группами. Только в этих условиях создалась бы возможность для возникновения единого, внутренне связанного совокупного производительного работника в виде всего трудоспособного населения. Для этого, повторяем, нужно высшее обобществление самих производственных процессов, ибо в противном случае не будет целостной и единой кооперации работников и, следовательно, новой общественной силы труда.

Однако с созданием качественно иной, высшей материально-технической основы общества, способной объединить все виды и отрасли производства в один производственный комплекс, необходимо образуется совокупный работник, тождественный всему обществу, и, следовательно, всеобщий производительный труд становится необходимым условием функционирования самого производства и роста производительности труда. Подобно тому как возникшая крупная машинная промышленность не могла бы обойтись без определённого типа общественно комбинированного работника, без общественного сочетания труда, так и производство будущего общества невозможно без всеобщего совокупного работника и общественных сил высшей кооперации труда.

Было бы неправильно представлять дело так, что передача функций по производству материальных благ всему трудоспособному населению всегда и всюду связана с низкой производительностью труда. Верно, конечно, что на ранней стадии человеческой истории эта связь имела место. И в настоящее время поголовное занятие одним только производством материальных благ не привело бы к росту производительной способности общества. Но если иметь в виду будущее общество, то в нём всеобщность производственной деятельности станет играть иную роль — превратится в величайший фактор развития и использования общественных производительных сил труда. Действительно, во сколько раз возрастёт массовая сила труда, кооперированного в масштабах всего общества!

Другим столь же важным источником образования новой массовой силы труда явится высшее обобществление научной деятельности, её превращение во всеобщее достояние.

Наука, как известно, развивается как сумма знаний, приобретённых многими сменяющими друг друга поколениями. Сила науки, однако, зависит и от количества людей, участвующих в её развитии и применении на практике, а также от состояния, форм и масштабов кооперации. Отсюда само собой вытекает, что если научный труд становится достоянием всех членов общества, то уже по этой причине неизмеримо увеличиваются силы науки.

Но, пожалуй, самым важным фактором возрастания научных потенций станет будущая всеобъемлющая кооперация научного труда, вырастающая из соединения всех отраслей знаний и из общественного сочетания умственного труда всей массы членов общества. Как здесь не вспомнить любопытные, хотя и фантастические, мысли Ш. Фурье. По его подсчётам, в гармоническом обществе, когда население земного шара вырастет до 3 млрд человек, на всей земле будет 37 млн поэтов, равных Гомеру, 37 млн математиков, равных Ньютону, 37 млн драматургов, равных Мольеру, и по стольку же других талантов. Вот какого великолепия, по мнению Фурье, достигнут науки и искусства в новом обществе[643].

Новые силы обобществлённой науки и производственной деятельности в лице всего общества возникают не просто из этих факторов, взятых изолированно, т. е. их порождает не само по себе всеобщее участие в производительном труде, не простое превращение духовного творчества в достояние всех, а соединение этих факторов, образование совокупного работника, объединяющего в своей деятельности и в деятельности каждого своего члена одновременно физические и духовные потенции. Только такое слияние способно поднять на новый этап процесс обобществления труда и породить соответственно невиданную в истории качественно новую совокупную производительную силу. Особенность её носителя, т. е. новой трудовой кооперации, состоит не только в том, что эта кооперация охватывает всех членов общества, но и в том, что в каждом её органе и во всей её системе

643 Фурье Ш. Избр. соч., т. 1. М.; Л., 1951. С. 199.

органически сочетаются производство и духовное творчество, умственный и физический труд.

Правильное понимание данной проблемы упирается в вопрос о зависимости развития общественных сил труда от закона разделения труда и от принципа перемены родов деятельности.

Касаясь данного вопроса, следует в первую очередь отметить крайне слабую изученность в литературе общественных (массовых) производительных сил труда. В их исследовании сделан лишь первый шаг — разграничены понятия производительность труда и производительная сила труда, производительность труда отдельного рабочего и общественная производительная сила труда. К тому же некоторые экономисты отрицают целесообразность и этого шага, т. е. различения указанных понятий.

Неразработанность данной проблемы является одной из причин довольно распространённого мнения, что якобы прогресс общественных производительных сил и производительности труда имеет в качестве своей постоянной предпосылки разделение занятий между людьми. По этой причине углубление разделения труда между людьми считается необходимым фактором достижения и высшей производительности, а его преодоление якобы несовместимо с ростом общественного производства.

В действительности повышение производительности труда не связано на вечные времена с разделением труда между людьми. Ф. Энгельс, например, говоря о всеобщем производительном труде, отмечал, что он недостижим при сохранении старого разделения труда и что уничтожение последнего отнюдь не нанесёт ущерба повышению производительности труда[644]. У Ф. Энгельса не было сомнения в том, что сочетание деятельности, возникшее на почве машинного производства, является более действенным средством подъёма производительных сил, нежели система старого разделения занятий. В другом месте, касаясь формулы Дюринга — «расчленение профессий и разделение деятельностей повышает производительность труда», Ф. Энгельс замечает: «Эта формулировка ошибочна, так как она верна лишь для буржуазного производства, причём разделение специальностей уже и тут ограничивает развитие производства

644 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20. С. 305–306.

вследствие уродования и окостенения индивидов, в будущем же оно совершенно исчезнет»[645].

Почему же разделение труда не может быть основой возникновения новых общественных сил труда и что является такой основой?

В условиях разделения видов общественной деятельности между разными группами людей новая сила труда не может возникнуть потому, что в этих условиях невозможно формирование общественно комбинированного работника в масштабах всего общества, соединяющего умственную и физическую деятельность. Связь людей как производителей в этом случае остаётся ограниченной рамками одной части населения: она касается лишь участников материального производства, производительной сферы. Разделение труда хотя и порождает необходимую связь людей и соответственно производительную силу труда, но сама эта сила вырастает из соединения односторонне развитых производителей и уже потому ограничена. При разделённом труде только совокупный рабочий выступает в качестве всесторонне развитого работника, объединяющего комплекс разнообразных специфических способностей к физическому и умственному труду.

Но совокупный работник, включающий людей, сочетающих функции умственного и физического труда, уже не будет подвержен разделению труда. Новая форма кооперации труда будет выступать как сочетание общественной деятельности, в которой слиты в органическое целое функции физического и умственного труда, где будет окончательно устранено их разделение между разными людьми. Новый совокупный работник и новая кооперация труда призваны обеспечить ту высшую производительность, которая будет характерна для труда. В этих условиях, по словам К. Маркса, в роли «производителя выступает скорее комбинация общественной деятельности» и действительным богатством общества станет «развитая производительная сила всех индивидов»[646]. Всесторонне развитый работник явится самым могущественным в истории производителем материальных и духовных ценностей.

---

645 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20. С. 654.

646 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 217, 218.

Исследование общественных производительных сил труда чрезвычайно важно и для понимания эволюции общественной сущности человека. Эта сущность находится в тесной зависимости от уровня обобществления труда. С этой точки зрения необходимо подчеркнуть тот факт, что старое разделение труда между людьми, ограничивая процесс обобществления труда, на определённом этапе становится фактором, мешающим развитию общественной природы человека. Это проистекает, во-первых, из того, что в рамках разделённого труда общественная связь производителей не может стать до конца универсальной, так как она предполагает существование обособленных трудовых коллективов, а непосредственная связь производителей имеет место лишь в рамках данного предприятия.

Во-вторых, на этапе обобществления, основанном на разделении труда, сама связь между производителями неизбежно носит односторонний характер, ибо каждый отдельный производитель вступает в неё со стороны одной какой-либо своей деятельности: или как промышленный рабочий, или как носитель сельскохозяйственного труда, или как инженерно-технический работник и т. д.

Указанные ограничения отпадут с установлением нового этапа в развитии общественного труда, предполагающего возникновение всеобщего совокупного работника и перемену родов деятельности. Образуется, с одной стороны, универсальное общение одних и тех же людей как производителей, а с другой — как носителей духовных потенций общества. Соответственно «местно-ограниченные индивиды сменяются индивидами всемирно-историческими»[647], а их общение становится универсальным. Из универсального, всемирно-исторического бытия людей разовьётся их высшая, столь же всемирно-историческая сущность.

Сказанное выше своей большей частью относится к перспективам развития общества, если оно пойдёт по пути дальнейшего обобществления труда и преодоления его общественного разделения. Что касается настоящего времени и современных вопросов этой темы, то они обсуждаются прежде всего в контексте процессов глобализации и постиндустриализации.

---

647 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3. С. 34.

§ 3. Ассоциированный труд в условиях капиталистической глобализации

В современных условиях обобществление производства в мировом масштабе приобретает форму глобализации, которую обычно связывают с политическим господством капитала.

Представляется, что глобализацию, как и империализм, нельзя сводить, как это делал в своё время К. Каутский, лишь к соответствующей политике. Глобализм наших дней — это не только политика, направленная на установление однополярного мира, или противопоставляемая ей политика многополярности. Последняя тоже не снимает с повестки дня противостояние капиталистической системе мировой социалистической системы в лице государств, выбравших социалистический вектор развития (Китай, Вьетнам, Северная Корея, Куба и некоторые другие страны), а также мирового коммунистического, рабочего и антиглобалистского движения.

Что касается России, то наивно полагать, что она может войти в мировую экономическую систему, не вставая на сторону капиталистического глобализма и не поддерживая соответствующие акции во имя утверждения власти капитала в борьбе с социалистическим вектором мирового развития. Капиталистическая Россия, по существу, согласилась с агрессией США и других капиталистических стран против Югославии, Афганистана, Ирака. Её руководство в своё время одобрило бомбардировки Югославии и объявило о своей незаинтересованности в поражении США и Англии в Ираке. Всё это свидетельствует о политике врастания России в систему капиталистического глобализма.

И всё же главное в трактовке современного глобализма — это определение его экономической сущности. Как В. И. Ленин в своё время настаивал на раскрытии экономической сущности империализма, так и мы сегодня должны в первую очередь выявить именно эту сущность глобализма. Здесь важно не допустить двоякого рода её искажений, встречающихся в литературе по глобализму. Во-первых, не подменять его сущности формами проявления; во-вторых, не снимать ответственности за глобализм с капитализма, возлагая её на так называемое «постиндустриальное» («постэкономическое») общество.

Первый тип искажений можно найти, например, в суждениях экономистов неолиберальной ориентации. Характеризуя основные направления глобализма, они оставляют в стороне главное — экспансию капитала, захват им всё большей части мирового производства товаров. Вместо капитализации реального производства они ставят обмен («создание мирового рынка»[648]). Получается, что будто теперь обмен и обращение перестают определяться характером способа производства, будто масштабы обмена перестают зависеть от масштабов производства, а всё богатство капиталистов возникает из обращения, причём, в первую очередь, из торговли услугами. К такого рода суждениям вполне могут быть отнесены слова К. Маркса: «буржуазному кругозору, при котором всё внимание поглощается обделыванием коммерческих делишек, как раз соответствует воззрение, что не характер способа производства служит основой соответствующего ему способа обмена, а наоборот»[649].

В данном случае поверхностная, явленческая сторона экономики выдаётся за сущность. Поэтому приходится прибегать к далёким от науки приёмам — подменять одно другим (qui pro quo), в частности выдавать действительные процессы глобализации за мнимые (мифы), а мифы преподносить как действительность. Так, постулируемое в качестве действительного процесса современной глобализации «превращение сферы услуг... в основу экономики»[650] на самом деле является мифом, ибо основу мировой экономики составляло и составляет реальное (физическое) производство средств производства и средств существования, а основу современной глобализации — гигантское обобществление производства. Если судить по производству услуг, то создаётся впечатление, что современная Россия, где более половины работников заняты в этой сфере, находится на очень высоком уровне глобализации, а не в условиях падения реального производства и снижения реального его обобществления. Почему же

---

[648] Бляхман Л. С. Псевдорыночная экономика в условиях глобализации // Проблемы современной экономики. Евразийский межрегиональный научно-аналитический журнал. 2002. № 1. С. 50.

[649] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 24. С. 133.

[650] Бляхман Л. С. Псевдорыночная экономика в условиях глобализации. С. 51.

столь высокое производство услуг не мешает называть экономику России «псевдорыночной»? Ведь рынок здесь создавался по самым современным монетаристским моделям — посредством изъятия сбережений у населения, скупки за бесценок государственных предприятий, обвала цен и т. п. Видимо, превращение «сферы услуг в основу экономики» и делает последнюю всё более «рыночной».

В другом случае, наоборот, действительная, хотя и явленческая форма глобализации, а именно превращения всех и всяких благ в товар и стоимость, объявляется мифом. Л. Бляхман, ссылаясь на Дж. Сороса, действие закона стоимости относит к прошлому — к простому товарному производству, полагая, что «производство общественных благ, связанных с развитием человеческого капитала, ему не подчиняется»[651]. Этим он пытается вывести рабочую силу из подчинения закону стоимости, одновременно называя её стоимостным именем — человеческим «капиталом». В том как раз и особенность капиталистической глобализации, что она не только рабочую силу, но и все другие человеческие способности, в том числе и сексуальные, превращает в товар. Известный исследователь капиталистической экономики И. Валлерстайн свидетельствует, что ныне мировая капиталистическая экономика начинает «функционировать полностью в соответствии с законами стоимости, как они изложены в I томе „Капитала“»[652], что является завершением логики мирового капиталистического развития, свидетельством его кризиса.

Нужно согласиться с определением глобализма как современной формы империализма. По своей сущности глобализм остаётся капитализмом, стремлением всё мировое общество подчинить капиталу, или, по выражению А. И. Субетто, капиталократии. Это общество не становится каким-то «постэкономическим» или «посткапиталистическим», а остаётся капиталистическим. Первое, что следует взять для его характеристики из работы В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма», — это выявление социально-экономической

---

651 Бляхман Л. С. Псевдорыночная экономика в условиях глобализации. С. 52.

652 Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001. С. 396.

сущности глобализма как современного капитализма, стремящегося подавить социализм, коммунистическое и рабочее движение, и всё остальное, что напоминает социалистичность. Глобализм не только сохраняет, но и углубляет все основные признаки империалистической стадии капитализма: его монополизм, паразитический и загнивающий характер, дальнейший экономический раздел мира транснациональными корпорациями, захват ими мировых природных ресурсов[653]. Вместе с ними в расширенных масштабах воспроизводятся наихудшие свойства капитализма — рынка и самого капитала.

Необходимо в первую очередь назвать экспансию капитала в форме мира товаров. Товаром ныне становится не только всё то, что раньше производилось для непосредственного удовлетворения человеческих жизненных потребностей, но и почти все явления социальной, политической, духовной жизни, которые раньше по определению не подлежали купле-продаже. Следуя своей логике беспредельного накопления капитала, капиталистическая мироэкономика, по словам И. Валлерстайна, переходит в конечный пункт своего теоретического и практического идеала — превращать всё и вся в товар. В условиях «рыночного фундаментализма» товаром и меновой стоимостью становятся человеческое тело и его органы, женская красота, дети, человеческая жизнь и личное достоинство человека, депутатские и чиновничьи посты, голоса избирателей, человеческая совесть, исторические и культурные памятники, научные знания, информация и т. д., и т. п. Казалось бы, что после периода рабства человек перестаёт быть стоимостью, объектом купли-продажи. Увы, ныне он опять становится товаром не только со стороны своей рабочей силы, но и всех других способностей. Налицо дальнейшее загнивание общества капитала, его полная дегуманизация. Такого рода расширение товарного мира в то же время выступает по форме «главным признаком кризиса капитализма как системы. Именно универсализация закона стоимости сделает невозможным сохранение мистического туманного покрывала товаров»[654].

---

[653] Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Полн. собр. соч., т. 27. С. 336; Империализм и раскол социализма // Полн. собр. соч., т. 30. С. 163.

[654] Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. С. 396.

Из-за падения реальной физической экономики и нарастания сопровождающего его выпуска громадной массы пустых денежных знаков и финансовых бумаг, неимоверно раздувается, по выражению С. Н. Некрасова, «финансовый пузырь», который неоднократно уже лопался и может окончательно лопнуть в подходящий момент. По приводимым С. Н. Некрасовым данным, ныне виртуальный капитал превосходит продукцию реальной экономики в 25–30 раз[655].

Вслед за повсеместным внедрением и использованием рыночно-стоимостных механизмов экономику захватывает сам капитал. Капиталократия стала править миром, отождествляя себя с «капиталом — богом»[656]. Пример СССР и бывших стран народной демократии Восточной Европы показывает, что практика расширения рынка и товарно-стоимостных отношений приводит к господству не только своего, но и глобального капитала. Последний ускоренно внедряется в экономику России, захватывая в свои руки нефть, газ, электроэнергию, лес и другие природные ресурсы. Ввоз этого капитала приветствуется правительством, которое не интересуют плачевные для народа последствия — эксплуатация дешёвой рабочей силы россиян и неизбежный вывоз капитала из страны.

Становится очевидным, что Россия превращается в желанный объект глобализма со стороны мирового капитала. Для этого имеется рыночная экономика, внедрённая по советам западных монетаристов, появились крупный капитал и крупные капиталисты, почему-то называемые не своим именем, а олигархами. Капитализация России привела не только к падению реального производства, как это происходит во всей капиталистической экономике, но и к небывалому его кризису, к обнищанию большей части населения. В этих условиях было бы кощунством заявлять, что «глобализм открывает новый этап развития России и Евразии»[657]. Россия и Евразия могут встать на действительный путь

---

655 Некрасов С. А. Качество жизни или качество выживания // Советская Россия. 2003. 26 июня. С. 2.

656 Субетто А. И. Капиталократия. Мифы либерализма и судьбы России. СПб.; Кострома; Луга, 2002. С. 6, 14.

657 Бляхман Л. С. Псевдорыночная экономика в условиях глобализации. С. 56.

развития, если выберут социалистический вектор движения — путь Китая, Вьетнама и других стран. Капиталистическая же глобализация никакого нового этапа развития не сулит.

Что же объективно противостоит капиталистической глобализации, на какие тенденции мирового развития может опереться мировая альтернатива капиталистической глобализации?

Такой альтернативой может являться объединение всего человеческого общества на основе обобществлённого труда, «гигантского процесса обобществления производства». Именно этот всемирно-исторический процесс ведёт к обществу всемирно-ассоциированного труда, т. е. к той же цели, в направлении к которой развиваются производительные силы. В итоге, как было сказано ещё в документах Международного товарищества рабочих (Первого Интернационала), неизбежно нарождается «новое общество, международным принципом которого будет — Мир, ибо у каждого народа будет один и тот же властелин — Труд»[658]. Соответственно, стихийное действие естественных законов капитала и земельной собственности заменится действием естественных законов общественной экономики и ассоциированного труда[659].

Действительно объединяющим человечество началом может быть только обобществлённый труд, а не капитал. Последний как стоимость может слагаться только из суммы индивидуальных затрат непосредственного рабочего времени. Издержки капитала не только не соответствуют росту мирового продукта производства, но и находятся в возрастающей диспропорции с этим ростом. Из того обстоятельства, что капитал возникает из сложения индивидуальных затрат рабочего времени, делаются выводы в пользу индивидуализации, а не обобществления труда. Современные постмодернисты нередко заявляют, что процессам социализации приходит конец, господствующими становятся процессы индивидуализации деятельности.

На самом деле не из капитала, а из общественного труда возникают общественные производительные силы, на которые ныне падает 75–80% прироста продукта производства. Капитал может лишь безвозмездно присваивать эти силы общественного труда

---

658 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17. С. 5.

659 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17. С. 554.

и ставить их на службу своим глобалистским целям. Между тем они по своей природе принадлежат всему человечеству, должны служить объединённому труду. Чтобы реализовать это их назначение, необходимо преодолеть капитализацию общественных производительных сил труда, их присвоение капиталом.

Не случайно вокруг роли общественных производительных сил, особенно сил науки, развернулась острая теоретическая и практическая борьба. Сторонники глобализации выступают за их капитализацию, превращение в объект частной собственности. Навязывается принцип исключительного права на результаты умственной, интеллектуальной деятельности, при этом остаётся в стороне право собственности работников на результаты совместного физического труда на предприятиях.

Известно, что результаты науки, как всеобщего труда, по своей природе не могут быть объектом исключительных частных прав, предметом так называемой «интеллектуальной собственности». Между тем под их приватизацию подводится «теория» о якобы всё большей индивидуализации труда.

Речь идёт не просто о выделении особой формы собственности на нематериальные блага. У нас появились авторы, которые полагают, что в связи с резким ростом удельного веса знаний, информации и т. п. начинается трансформация отношений собственности: «вещная сторона собственности отступает перед духовно-ценностной»[660]. Вместе с вытеснением материального производства и приходом на его место производства информации, знаний в постиндустриальном обществе основным объектом собственности станут якобы не материальные средства производства и материальные блага, а средства духовного производства — информация, духовные ценности.

Уступит ли своё первенство материальное производство производству духовному и станет ли интеллектуальная собственность альтернативой собственности на условия и средства материального производства? Такая постановка вопроса, на наш взгляд, больше отражает социальную позицию либерально настроенной, «постмодернистской» интеллигенции, чем историческую необходимость.

---

660 Красин Ю. А. Кризис марксизма и место марксистской традиции в истории общественной мысли // Свободная мысль. 1993. №1. С. 28.

Даже не все западные авторы, придерживающиеся теории «человеческого капитала», согласны с отнесением его к объектам частной собственности. Л. Туроу, например, называя квалификацию, образование и знание выражением «человеческого капитала», вместе с тем считает, что этот капитал «не может быть собственностью. Капиталисты не делают инвестиций в вещи, которые им не могут принадлежать... Инвестиции в знания, необходимые для порождения искусственной интеллектуальной промышленности, должны быть сделаны в социальном контексте, совершенно чуждом индивидуалистической ориентации капитализма»[661].

Противопоставление интеллектуальной собственности обычной собственности на материальные средства и блага имеет своим источником разделение умственного и физического труда как социально противоположных видов трудовой деятельности, что неизбежно сказывается в трактовке социальной сущности их носителя — человеческой личности. Поскольку духовные способности человека, его интеллектуальные силы относят к обязательным, составляющим всеобщую сущность личности, элементам, то они объявляются неотчуждаемыми. Что же касается способности к физическому труду и потенциальной рабочей силы человека, то они таким свойством не наделяется, т. е. они считаются вполне отчуждаемыми. Их потребление (использование) существенно обособляют от реализации первых, они образует якобы лишь внешнее условие по отношению к духовной сущности личности.

Когда человек свою деятельность (труд) отчуждает другому на временное пользование, он предстаёт как прислуга, лакей. В случае же отчуждения всего времени труда, в собственности другого оказывается и сущностная определённость человека, отчуждается его личность (раб, крепостной). Что касается собственности рабочего на свою рабочую силу и её продукт, то последние обычно к объектам собственности не относят. Самое большее, на что может рассчитывать человек физического труда, это получение права собственности на новую вещь, сделанную им

---

661 Туроу Л. К. Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир. Новосибирск, 1999. С. 332.

индивидуально и для себя (например, на связанные им перчатки, выращенные на своём садовом участке яблоки, собранные ягоды и т. п.). Результаты же его труда на заводе или фабрике в состав его собственности не включаются. И вообще коллективный физический труд исключается из оснований для приобретения права собственности.

По-другому трактуются дела с интеллектуальной собственностью, т. е. собственностью на духовные способности. Она по своему социально-экономическому статусу ставится выше собственности на обычные способности к физическому труду, на рабочую силу. Предпринимателю, например, нет необходимости требовать признания своих способностей к труду в качестве объекта его собственности, они не отчуждаются. Их отчуждение — удел лишённых всякой иной собственности рабочих. Право же предпринимателя на вещные условия производства как на его частную собственность непосредственно отождествляется с правом на неотчуждаемость его личности. Частная собственность выступает наличным бытием его личности.

По отношению к человеку труда современная рыночная экономика пошла ещё дальше — на деле разорвала тело и личность человека. Если во времена Гегеля в понятие «Я» включались дух и тело, владение и телом, и духом, достигаемое образованием, занятиями, привычками, представлялось «внутренней собственностью духа»[662], то сегодня тело из достояния личности («Я») превращается в товар, а собственность духа — в обычную собственность на вещь. То же самое можно сказать и о жизни: не являясь по существу чем-то внешним по отношению к личности, она превращается в нечто внешнее и чуждое. Когда же право на жизнь закрепляется в конституциях, то этим предполагается, что она имеет стоимость, так же отчуждается, как вещь (право лица, основанное на договоре, согласно Гегелю, есть всегда право на вещь). Тем самым оправдываются, по существу, самоубийства, которые в наши дни приобретают массовый характер. С такой же лёгкостью можно было бы и записать право собственности человека на свои почки и другие органы своего тела, поскольку они тоже превращаются в предмет купли-продажи, наделяются

662 Гегель Г. Философия права. М., 1990. С. 103.

свойствами отчуждаемости. Надо было бы записать в качестве «неотчуждаемых» и права на сексуальные способности, которые также продаются, как и обычная рабочая сила.

С возвышением интеллектуальной собственности над обычной собственностью связана попытка трактовать по-иному соотношение общественной и частной собственности. Одни полагают, что наделение интеллектуальной собственности свойствами неотчуждаемости и исключительности в правовом отношении делают её сугубо частной и индивидуальной. Концепции типа «единственный и его собственность» (М. Штирнер) обычно абсолютизируют специфику художественного, научного творчества, противопоставляя работе «единственного» общечеловеческие работы, которые могут быть выполнены каждым. Другие, наоборот, считают, что установление господства интеллектуальной собственности автоматически приводит к утверждению общественной собственности, поскольку знания, информация обращены ко всему обществу и могут быть достоянием всех. Иногда даже утверждается, что всё то, что является общим, не может принадлежать отдельному лицу. Отсутствие каких-либо исключений из доступа к ресурсу, т. е. свободный доступ к нему, по мнению представителей экономической теории прав собственности, означает, что это ресурс ничейный, не принадлежит никому, или, то же самое, — всем[663]. Получается, что если, например, научный труд является всеобщим, а его силы составляют всеобщую производительную силу общественного труда, то наука по своей природе выступает объектом только общественной собственности. Всеобщность научного труда, утверждает Г. А. Лахтин, «предопределяет и специфическую всеобщую собственность на продукцию научного труда»[664].

Тогда как быть с неотчуждаемостью результатов интеллектуальной деятельности, неотъемлемостью прав научного работника на свою продукцию, т. е. с частной собственностью на неё? Возникает вроде бы парадоксальная ситуация: собственность всех отрицает собственность каждого в отдельности и, наоборот, если что-то принадлежит всем, то уже никому, если же кому-то одному, то уже не всем. В действительности здесь неразрешимой

---

663 Капелюшников Р. И. Экономическая теория прав собственности. М., 1990. С. 11.

664 Лахтин Г. А. Предмет экономики науки // Вопросы экономики. 1973. №5. С. 98.

антиномии нет. Всеобщая собственность может и должна доводиться до уровня индивида, индивидуальной собственности. Среднее или начальное образование делается всеобщим именно потому, что его получает каждый, оно становится достоянием каждого отдельного человека. Если же оно не становится принадлежностью каждого, то оно не доводится до своей истинной всеобщности. Соответственно, общественная сущность, общественные силы не противостоят изначально отдельному индивиду, а должны стать сущностью каждого отдельного человека, не теряя своей принадлежности всем, всему обществу.

Представители постиндустриализма вместо того, чтобы признать всех собственниками общественных интеллектуальных сил труда, вообще отрицают деление людей на собственников и не-собственников[665]. В то же время они настаивают на индивидуальном, а не общественном присвоении этих сил. Такого рода присвоение объявляется новым типом присвоения, который приходит на место собственности на средства производства и землю. В условиях подобного нового типа присвоения содержанием экономических связей людей выступает уже «информационный обмен, не опосредствованный вещами»[666], т. е. некий непосредственный обмен мыслями на расстоянии, даже без сотовых телефонов. Сторонники постиндустриализма забывают, что продукты информационной деятельности не образуют фонда существования общества, для этого нужны продукты другого труда — средства к жизни и производства, создаваемые обычной производительной деятельностью, которой, конечно, способствуют информация и знания. Полагают, что в информационном обществе в качестве обеспечивающих экономическую основу его жизни будут не издержки жизнеобеспечивающего труда (издержки производства), а издержки некоего трансакционного экономического «поля»[667]. При этом значение главной производительной силы

---

665 Вдин Н. В. Постиндустриальное общество: становление новой системы присвоения // Проблемы современной экономики. 2002. №1. С. 66.

666 Вдин Н. В. Постиндустриальное общество: становление новой системы присвоения // Проблемы современной экономики. 2002. №1. С. 65.

667 Вдин Н. В. К вопросу о генезисе информационной экономики // Проблемы современной экономики. 2002. №2. С. 39.

придаётся формам общения, а не самим людям, их труду. Что же касается всеобщей производительной силы человечества, то остаётся лишь её назвать общечеловеческим «социальным капиталом», но принадлежащим её «создателю» — интеллектуальной олигархии, которая позволяет отдельным индивидам присваивать часть этого социального интеллектуального капитала в порядке личной, но вроде бы не частной, собственности.

К интеграции людей в единое мировое трудовое сообщество ведёт, как сказано, другой всемирно-исторический процесс обобществления труда — преодоление общественного разделения умственного и физического, сельскохозяйственного и промышленного, производительного и непроизводительного труда. Именно из соединения разделённых видов труда возникали и возникнут новые общественные производительные силы труда. Имеются в виду такие их источники, как воссоединение умственной и физической (производительной и непроизводительной), промышленной и сельскохозяйственной деятельности.

Обычно глобализацию и обобществление производства связывают только с разделением труда. Растущая естественноисторическая дифференциация труда действительно предполагает обмен производимыми товарами и установление общественных связей между людьми, опосредствованных товарно-стоимостными отношениями. Вместе с тем обычно забывают, что эти связи ограничиваются своим стихийным, вещно-стоимостным характером, что общественное разделение труда служит основой классового расслоения общества, пожизненного закрепления целых классов за одним и тем же родом деятельности, в частности большинства населения за презрительно называемым механическим, якобы ничего нового не создающим трудом при помощи «серпа и молота»[668]. Узость и односторонность развития большинства трудящихся масс не могли не помешать прогрессу общественных производительных сил труда, хотя все успехи цивилизации были достигнуты в основном за счёт эксплуатации именно этого труда. Новый этап в обобществлении производства и в развитии его общественных производительных сил предполагает сочетание общественной деятельности, которое и выступает в роли

[668] Основы управления персоналом / Под ред. Б. М. Генкина. М., 1996. С. 22.

основного источника их развития. Имеется в виду вообще участие трудоспособного населения как в производительном труде, так и в духовном творчестве.

В западной экономической литературе уже давно всякий труд называется производительным, снято различие производительного и непроизводительного труда. Это, однако, сделано для того, чтобы отказаться от действительной всеобщности производительного труда. Чтобы её достигнуть, отождествления этих общественно разделённых видов труда недостаточно. Необходимо создать действительные предпосылки их соединения, тем более что численность класса наёмных работников в мире растёт, она увеличилась, начиная с 1970 г., вдвое. Эти предпосылки создаются прежде всего научно-техническим развитием, ведущим к тому, чтобы довести продолжительность рабочего дня в материальном производстве до двух-трёх часов в день. На базе роста производительности труда создаётся ситуация, когда, например, ⅓ населения может выполнять функции производства жизненных благ вместо прежних ⅔ населения. Тогда, возложив участие в производительном труде на всё трудоспособное население, можно сократить рабочий день в производстве до двух-трёх часов, а остальное время отдавать другим видам непроизводительной деятельности. Что это не утопия, а вполне реальная возможность, доказывается тем, что в ряде стран Западной Европы уже сейчас ставится вопрос о переходе к двадцатичасовой рабочей неделе.

Если к указанным процессам обобществления труда добавить ещё возможность сочетания промышленной и сельскохозяйственной деятельности, то образуется совокупный работник, соединяющий в лице каждого своего труженика основные роды общественной деятельности и совпадающий со всем обществом. На основе этого всемирно ассоциированного труда образуется новый тип общественных связей людей — их непосредственно общественные отношения, неопосредствованные обменом товарами. Они придут на место вещных, складывающихся стихийно товарно-стоимостных отношений. Не обмен товарными стоимостями, не отношения людей как персонифицированных меновых стоимостей, а обмен деятельностями и их продуктами, воплощёнными в едином мировом общественном продукте, распределяемом по условиям лучшего удовлетворения потребностей всех членов

общества — вот что станет объединять людей в одну всемирную ассоциацию труда.

Исходной основой непосредственно общественных связей будет высоко обобществлённый труд, а не информация, как полагают представители теории постиндустриального информационного общества. Не зная, чем заменить товарно-стоимостные отношения, они выдумывают всякого рода «постобщества», поскольку не принимают замену капитализма социализмом, вырастающим из обобществления труда. Было время, когда модным было «кибернетическое общество», теперь о кибернетике забыли, но продолжают обвинять за это социализм. Ныне стали обращаться к разуму как к «четвертичному» фактору, оказывающему якобы решающее влияние на всю экономическую структуру общества и называемому даже не наукой, а сведениями в их прикладной форме, т. е. информацией. При этом забывают, что именно К. Маркс впервые обосновал положение о превращении науки в непосредственную производительную силу труда, и связывал полное использование этой силы с переходом к социалистическому обществу. Именно рабочий класс, по его словам, может превратить науку из орудия классового господства в народную силу, превратить самих учёных из пособников классовых предрассудков и союзников капитала в свободных тружеников мысли. Наука может выполнить свою истинную роль только в Республике Труда[669].

Глобализм, как и империализм, оказывает серьёзное влияние на судьбы рабочего движения. Глобализм способствует распространению оппортунизма в социалистическом движении. Он ещё больше, чем империализм, сопровождается загниванием гражданского общества, вызываемым капитализмом, рыночным фундаментализмом. Между тем многие деятели социалистической и даже коммунистической ориентации упорно не хотят видеть этого и избегают называть, например, существующий сегодня в России строй капиталистическим, экономику — рыночной, капиталистов — капиталистами (а не олигархами). Нередко заявляют, что в России установился не капитализм, а нечто вроде феодализма или архаического, бандитского капитализма. Настоящий

669 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17. С. 559.

капитализм, по их мнению, возникает из производства, промышленности. Они забывают, что капитал сначала появляется в денежном обращении и лишь потом захватывает промышленность (в случае с современной Россией — уже созданную ранее промышленность). Наличие капиталистически организованного рынка, рыночной экономики многими тоже не признаётся, хотя США Россию уже давно объявили страной с рыночной экономикой. У нас же её называют страной с псевдорыночной экономикой, опять-таки забывая, что капиталистический рынок и экономика, допускающие превращение в товар, в предмет купли-продажи сексуальных способностей женщин, а также продажу детей, органов человеческого тела, наркотиков и есть настоящая загнивающая капиталистическая рыночная экономика. Более того, с этим рынком предлагают войти в будущее общество!

В этой связи невольно возникает вопрос: если у нас нет капитализма и капиталистов, а имеется лишь их псевдоподобие, то против чего и как бороться социалистам и коммунистам? Против капитализма — бессмысленно, ибо его ещё нет, против капиталистов — их тоже нет, против буржуазной власти — запрещают Конституция и законы. Вместо этого предлагается — борьба за новый отход от социализма, (нэп), за «настоящий» государственный капитализм, «настоящий» рынок и смену курса правительства. Что касается методов борьбы, то век революций и восстаний вроде бы уже миновал, ставшие массовыми индивидуальные убийства осуждаются как форма терроризма. Остаются лишь фальсифицируемые выборы, запрещаемые референдумы и парламентские выступления за хорошие законы и против плохих.

В этих условиях в борьбе за желаемое лучшее будущее многие все надежды возлагают на всесильность разума — ведь недаром провозглашается информационное общество, в котором всё будет зависеть от знаний, а не от производства материальных благ. Соответственно, если и придёт социализм, то он будет уже базироваться на разуме, будет ноосферным, экологически чистым, а вовсе не пролетарским социализмом, трудовым обществом. Даже по Библии, которая начинается с книги «Бытие» вначале была не голая мысль, а её языковая, реальная оболочка — слово. Бог сотворил Адама не из мысли, а из глины. Он «знал»,

что для появления людского рода и жизни более важным, чем информация, ресурсом является земля. И лишь однажды сделал одно исключение для своего сына — позволил ему быть зачатым от духа своего. Но сын не оставил земного наследия. Оно пошло от Адама и созданной из его ребра Евы.

С переходом к идеалистическому мировоззрению, соответствующему желаемому постэкономическому информационному обществу, и «наука» об обществе становится постмодернистской. Её название уже можно брать в кавычки, ибо она подвергается такому же разложению, как и массовая культура, заполняемая сценами убийств, секса и порнографией. Интеллектуальное мошенничество, начатое западными постмодернистами (Ж. Бодрийяр, Ж. Делёз, Ж. -Ф. Лиотар), нашло последователей среди отечественных авторов. Достаточно указать на многочисленные нелепости и прямые искажения в книгах, изданных на деньги Дж. Сороса из его фонда «Открытое общество» (надо бы его назвать «Открытое капиталу общество»). Дело доходит до того, что зарплата рабочего, пенсия пенсионера и многие подобные виды дохода сплошь и рядом называются капиталом, а прибыль капиталиста — его гонораром. «Прибыль предпринимателя, действующего в условиях реальной конкуренции и правового государства, — сказано в одном из «соросовских» учебников, — становится формой авторского гонорара»[670]. Там же говорится, что труд рабочего перестаёт быть источником чистого продукта и прибавочной стоимости, ибо они создаются творческой деятельностью предпринимателя и его служащих. Они вместе выдают себе «авторский» гонорар, достигающий десятков миллионов долларов.

Недалеко от этого предвзятого отношения к жизнеобеспечивающему труду ушли и объявившие себя «работающими на дело социализма» А. В. Бузгалин и А. И. Колганов. Первый предлагает совершить скачок от «индустриальной страны рабочих и инженеров... к передовой научно-образовательной державе учёных, художников и учителей», где 15–20% занятых в высокотехнологичном материальном производстве могут накормить, одеть, обуть

---

670 Основы управления персоналом. С. 18.

и обеспечить всех техникой лучше, чем нынешние ⅔»[671]. Хорош был бы социализм, возлагающий пожизненную обязанность производить средства производства и жизни, технику на плечи этой ⅓ рабочих, освобождая ⅔ населения от этого труда. И это называется «освобождением труда»! Такого «социализма» постиндустриальной эпохи вряд ли захотят рабочие и инженеры. Второй автор, А. И. Колганов, не только отказался признать Октябрьскую революцию социалистической, называя её буржуазной[672], но и предлагает снять вопрос о возможности перехода к социализму, пока не будет создано «постиндустриальное общество». Установлению социалистических производственных отношений (общественной собственности на средства производства) якобы не позволяли и не позволяют производительные силы индустриального общества: их уровень, достаточный для развитых стран капитализма, не может служить предпосылкой для стран, строящих социализм. Повторяются избитые «доводы» противников социализма.

---

671 Бузгалин А. В. К критике сталинизма: диалектика революционного творчества против метафизики обывательской патриархальности // Феномен Сталина / Под ред. Ю. М. Осипова, Е. С. Зотовой. М.; Волгоград, 2003. С. 134.

672 Колганов А. И. Феномен Сталина: попытка объективного анализа // Феномен Сталина. С. 67.

Труд — источник всякого богатства... Он первое основное условие всей человеческой жизни, и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека.

Ф. Энгельс

Раздел VII

ТРУДОВАЯ ТЕОРИЯ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА И ЧЕЛОВЕКА

Глава 19. Проблема развития общества

Экономическая наука и социология на Западе, за исключением марксистского направления, к настоящему времени в общем и целом отказалась от идеи развития общества, заменив «девелопментализм» теорией «социальных изменений». По свидетельству П. Штомпки, постоянная критика теории развития на протяжении нескольких десятилетий привела к медленному размыванию её и в конечном счёте — к отрицанию. В настоящее время, согласно его мнению, все остальные версии теории развития, начиная от эволюционизма и кончая историческим материализмом, похоже уже принадлежат истории социальной науки. На их место приходит альтернативный взгляд на социальные изменения, который заменяет собой теорию развития[673].

Эта позиция расходится с принятой на конференции ООН (Рио-де-Жанейро, 1992) концепцией устойчивого (самоподдерживающего) развития, рекомендованной для всех стран мирового сообщества. Немного позже, на встрече в верхах в Копенгагене (1995) главами всех государств была подтверждена эта концепция и признана необходимость её разработки и проведения в жизнь. В специальной «Декларации по социальному развитию» говорится не об «изменениях», а о социальном развитии, которое признаётся как приоритет и на XXI век.

---

673 Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 241.

Экономистам и социологам, как представляется, следует поддержать содержащийся в «Декларации» и «Программе действий» призыв поднять роль научных исследований в этой области и принять самое активное участие в разработке программ и планов экономического и социального развития. Отвечая на этот призыв, необходимо прежде всего обосновать возможность дальнейшего экономического и социального развития современного общества, разработать соответствующую теорию, учитывающую особенности движения человеческого общества в XXI веке.

Чтобы выполнить эту задачу, нужно преодолеть главное препятствие на этом пути — стоимостно-равновесные, системно-структурные концепции и соответствующие структурно-функциональный и системный подходы, характеризующие общество со стороны статики. Они, как свидетельствует современное состояние общественных наук, полезны для анализа общества в статике, но оказались непригодными для обоснования развития общества, привели к отказу от идеи развития, к её замене идеей социальных изменений. П. Штомпка вполне обоснованно полагает, что теория социальных изменений является порождением системной модели общества[674]. В то же время без достаточных на то оснований новая модель претендует на преодоление дихотомии социальной статики и социальной динамики, на разрешение противоречия между ними.

С этим нельзя согласиться. На самом деле противоречия между концепцией развития и модификациями теории «изменений» не мнимые, а существенные и реальные. Более того, к настоящему времени эти две концепции приобрели характер двух крайностей, двух противоположных по сущности теорий. Поэтому противоречия между ними надо разрешать, а не отрицать. Разрешить же их в рамках теории изменений, отрицающей теорию развития, не удаётся и вряд ли удастся.

Системная концепция, абсолютизировав статическую, структурную модель общества, сделав её независимой от динамики, тем самым закрыла выход к признанию развития общества. Отождествляя статический подход с «анатомией» общества, социологи допускали движение лишь в форме социальной «физиологии».

---

674 Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 20.

В случае со структурной моделью общества его движение сводилось к функционированию, которое как «физиология», не знает действительного развития. Собственно системный образ общества, признанный наиболее универсальной, обобщённой его моделью, превращая «социальное изменение» в столь же универсальную категорию, тоже не предполагает признания развития, хотя и претендует на синтез статики и динамики. В её рамках изменения системы могут касаться лишь состава её элементов, её структуры и функций, её границ и соотношения подсистем, её взаимодействия с окружающей средой и т. п.

Процессуальная, деятельностная концепция противопоставляет себя системно-структурной теории главным образом в том отношении, что не рассматривает общество как объект, объективную реальность. Абсолютизировав «движение», она снимает вопрос «что движется», дематериализует социальную реальность, само общество, заменяя его «социальным полем». Тем самым снимается и вопрос о развитии общества, ибо говорить о развитии того, чего нет или что принципиально отлично от самого «процесса», «потока событий», не имеет смысла. Но и это не есть решение вопроса, хотя сторонникам теории процессуальности, деятельности кажется, что они преодолели дихотомию статики и динамики, сведя первую ко второй.

Решение проблемы соотношения социальной динамики и статики может базироваться на разработке концепции, в которой экономическое и социальное развитие рассматривается как движение через противоречия, переход в собственную противоположность, отрицание отрицания. Соответственно, прогресс может осуществляться только через преодоление регресса и кризисов, а восхождение от низшего к высшему — через возвратные движения и повторение пройденного, необратимость качественных изменений — через обратимые процессы. Развитие в этом смысле предстаёт как интегральный процесс, который сопровождается отрицанием и, следовательно, регрессом старых форм, круговоротами, колебательными (волновыми) движениями и многими другими формами. Здесь важно выявить роль всех этих моментов в рамках их взаимодействия как противоположностей и определить доминирующую противоположность как определяющую сторону противоречия, с которой связана направленность развития.

Внутренний механизм и логику развития следует усматривать в трудовой деятельности общества и человека по производству и воспроизводству самих себя. Считается важным для обоснования социальной динамики возвращение к идее о том, что история есть человеческий продукт, что люди сами делают свою историю, что сам человек порождается и воспроизводится трудом. Между тем такого рода возвращение может быть признано лишь исходной, общеизвестной предпосылкой для обоснования развития. Главное же заключается в том, чтобы в обычном человеческом труде, в его живом пламени видеть причину и движущую силу развития общества и человека. Она заложена в самом существенном качестве труда, в его сути — достигать результатов, превосходящих затраты. Именно эта черта труда делает его постоянно искомым, но ещё не найденным «вечным двигателем» развития общества.

Работа этого «двигателя», масштабы превосходства результатов труда над затратами обусловливаются, кроме природных ресурсов, складывающимися между людьми общественными, прежде всего производственными отношениями, которые образуют структуру общества. Их преобразование в направлении соответствия с производительными силами составляет важную сторону общественного развития. В этой связи значительное место должно уделяться воспроизводственному подходу. Причём, как отмечалось, имеется в виду не обычное производство и воспроизводство вещей, а производство и воспроизводство самого общества, общественных отношений и человека.

Воспроизводственная концепция, составляющая одну из теоретических основ анализа общественного развития, позволяет объяснить генезис и способы преобразования общественных форм и тем самым преодолеть подход к обществу только с точки зрения его функционирования и функциональных зависимостей. Воспроизводственный подход даёт возможность, не ограничиваясь рассмотрением человеческого действия и его элементов, обратиться к результатам человеческой деятельности в виде воспроизводимого общества и сопоставить этот результат с предпосылками и условиями этой деятельности, её затратами. Только из сопоставления предпосылок и результатов можно вывести критерии, по которым устанавливается общественный прогресс или регресс.

В современном обществе это прежде всего вопросы о преобразовании характера и модели развития, о границах и пределах технического, экономического и социального роста, об устойчивом развитии, о современном кризисном состоянии российского общества и возможностях его преодоления.

Анализ материально-технического развития общества должен осуществляться с точки зрения соотнесённости ресурсов, затрачиваемых в производстве, и полученных результатов. В зависимости от этого соотношения определяется та или иная форма производства, в соответствии с которой строится модель экономического и социального развития. Общественный прогресс в принятом его понимании предполагает, что производимые обществом ресурсы жизни превышают массу затрачиваемых средств, за счёт чего происходит рост основных показателей прогрессивного развития общества: численности населения, уровня производства и потребления, экономии рабочего и увеличение количества свободного времени. Вместе с тем дальнейшее увеличение этих показателей ставится под сомнение: обнаруживаются пределы их роста, возникают суждения о сознательной приостановке развития материального производства, сокращении численности народонаселения и т. д. Ставится вопрос о принятии новой концепции развития — концепции устойчивого развития, предполагающего равновесность вместо превосходства результатов над затратами.

В этой связи важен вопрос о том, в какой мере граница роста названных показателей зависит от неспособности самого производства предоставить требуемый объём потребления жизненных средств всем членам общества, или же эти границы обусловливаются стоимостной формой производства, которая не признаёт превосходства результатов над затратами, исходит из их равновесности и ставит соответствующие пределы развитию. Соответственно, обоснование экономического и социального развития не может ограничиваться только обращением к производительным силам, оно требует привлечения общественной формы производства, т. е. общественных отношений, которые могут или способствовать развитию производительных сил, или тормозить его.

Для обоснования развития важным является вопрос о несовместимости стоимостной парадигмы с признанием дальнейшего социально-экономического развития общества и о её замене новой

парадигмой — трудовой теорией потребительной стоимости. Эта теория позволяет обосновать возможность и необходимость такой общественной формы производства, которая соответствует его имманентной природе — достигать результатов, превосходящих затрачиваемые ресурсы. Только на этой базе возможен общественный прогресс. Будущее состояние общества может быть представлено на основе исследования исторической необходимости и объективных законов общественного развития как законов деятельности и отношений людей.

Глава 20. Труд — источник социально-экономического развития

§ 1. Несовместимость стоимостной парадигмы с признанием социально-экономического развития

Обычно в концепциях развития перспективы и будущее общества оцениваются под углом зрения стоимостной парадигмы, которая в общем случае, по мере роста производительности труда, предполагает уменьшение стоимости производимого продукта (результата). Предполагается, что совокупная масса ресурсов, расходуемых на осуществление процесса производства, растёт с опережением, в силу чего совокупная масса средств к жизни не может удовлетворить требуемый объём потребления. Известная стоимостная формула накопления капитала, предполагающая опережение постоянным капиталом (C) роста переменного капитала (V) в соотношении $C>V$, трактуется как неизбежное падение потребления и невозможность устранения неравенства между производством средств производства и потреблением. Отсюда выводятся пределы общественного прогресса.

На самом деле эти пределы вытекают не из неспособности труда давать результаты, превышающие его затраты, и тем самым обеспечивать общественный прогресс, а из стоимостной меры труда и потребления. На труд и потребление, движение которых не может быть уложено в стоимостные рамки, тем не менее накладывается стоимостная схема, что приводит к искажению перспектив развития. Задача данной главы — рассмотреть

социально-экономическое развитие с позиций иной парадигмы — теории потребительной стоимости.

Теоретическое обоснование социального (как и экономического) развития общества самым тесным образом связано с преодолением стоимостной парадигмы, которая касается не только экономики, но и всей социальной сферы. Стоимость и её законы, будучи законами функционирования экономической основы общественной жизни, имеют прямое отношение ко всему тому, что обусловлено этой основой, т. е. к социальному.

Достаточно сказать, что на стоимостных критериях базируются многие социальные нормы: по стоимостным меркам оцениваются благосостояние и уровень жизни людей, различных классов и социальных групп, размеры и способы получения доходов, а также состояние социального равенства и неравенства, свободы и т. д. и т. п. Так, социальное равенство на деле не равных экономически и социально людей сводится к тому, что люди относятся друг к другу как равноценные субъективированные меновые стоимости. Поскольку обмениваемые меновые стоимости имеют равную величину, то стоящие за ними индивиды в акте обмена подтверждают себя как равных друг с другом субъектов. Каждый своё предметное социальное бытие обменивает на равноценное бытие другого, т. е. в обмене субъекты оказываются равновесными по стоимости и существуют друг для друга как субъекты их эквивалентного бытия.

На этом же стоимостном базисе основывается и их свобода. В процессе обмена меновыми стоимостями каждый выступает по отношению к самому себе как самоцель и как средство для другого, т. е. одновременно является и целью, и средством. Преследуемый каждым свой индивидуальный интерес реализуется посредством их общей обоюдной воли и тем самым осуществляется их свобода: сделка добровольная, никто никого не насилует, соблюдается общественный интерес, складывающийся из суммы индивидуальных интересов.

В гуманитарных областях жизни многие процессы и явления оцениваются посредством их подведения под стоимостной принцип тождественности, равновесия: зло должно быть, по крайней мере, уравновешено добром, преступление — наказанием и т. п. Стоимостная эквивалентность (равнозначимость) составляет одно

из исходных теоретических оснований распространённых в современном обществоведении суждений о равновесности факторов и вариантов общественного развития, а также равнозначности существующих точек зрения, концепций в науке. Отсюда — убеждённость в том, что, например, социология и экономическая наука могут развиваться лишь на основе плюрализма теоретических парадигм, т. е. на основе дуализма, поскольку плюрализм есть не что иное, как умноженный дуализм. Эклектику и дуализм из средств, препятствующих развитию общественной науки, предлагают превратить в условия её «успешного» развития.

Применительно к истории общества это проявляется в отрицании того, чтобы настоящее могло превзойти прошлое, будущее — настоящее. Настоящее преподносится как «постмодерн», ибо в нём ничего нового не допускается, оно представляется тождественным как с прошлым, так и с будущим. Во многих современных концепциях, касающихся будущего, обычно утверждается, что человеческое сообщество может сохранить себя в дальнейшем лишь при установлении глобального равновесия: силы, которые содействуют росту населения и капитала, должны уравновеситься с силами, содействующими их уменьшению[675]. Рождаемость, соответственно, должна быть равна со смертностью, инвестиции капитала — с его амортизацией и т. п. Согласно этой логике, существующие пропорции богатых и бедных, разрыв в доходах которых имеет тенденцию доходить до соотношения 1 к 100 (1 : 100), тоже вроде бы должны уравновеситься, т. е. сохраниться, хотя об этом предпочитают не высказываться.

Модернистский способ мышления выставляет на первый план принцип тождественности исторических условий и реалий современности, что имеет опять-таки своим основанием стоимостной принцип равенства издержек и результатов. В теориях модернизации общества развитие отрицается в том смысле, что оно ограничивается приведением данной социальной системы в состояние, соответствующее уже установленным стандартам, например стандартам западного общества с его свободным рынком, автономно-суверенными индивидами, правовым государством и т. п.

675 Медоуз Д. Х. и др. Пределы роста. 2-е изд. М., 1991. С. 178.

Имеется в виду не спонтанное движение общества в прогрессивном направлении, а некое копирование образцов, существующих моделей. Теория неомодернизма, по словам П. Штомпки, освободила себя от всех наслоений эволюционизма и теории развития, она не настаивает ни на какой-либо конечной цели, ни на необратимом характере исторических изменений[676].

В этих условиях вполне обоснованным выглядит суждение о кризисе гуманитарного знания, о поиске новой парадигмы в этой области. Некоторые из современных российских авторов, к сожалению, связывают этот кризис не с обнаруженной тупиковостью рыночной модели, а с марксистским подходом к социалистической ориентации общества на максимальное удовлетворение потребностей каждого человека и на его всестороннее развитие.

Между тем эту ориентацию не только марксисты, но и многие другие прогрессивно настроенные учёные необходимым образом связывают с отказом от подчинения экономики производству прибыли. Можно сослаться на авторитет А. Эйнштейна, по мнению которого производство ради лучшего удовлетворения потребностей должно заменить производство ради прибыли. Он сознавал, что экономический кризис его времени разразился из-за того, что экономическая система работала на прибыль, а не на удовлетворение человеческих потребностей.

На конференции ООН в Рио-де-Жанейро (1992) было признано, что модель развития, которую использовали богатые страны и которая предполагает систему производства во имя прибыли, исчерпала себя и дальнейшее следование ей может привести человеческую цивилизацию к краху. Конференция ООН по социальному развитию (Копенгаген, 1995) тоже констатировала удручающие отрицательные последствия этой модели: увеличение разрыва между бедностью большинства и богатством немногих; увеличение численности людей (свыше миллиарда), живущих в крайней бедности, многие из которых испытывают ежедневное недоедание, лишены доступа к доходам, образованию, медицинскому обслуживанию; рост безработицы (более 120 млн человек официально признаны безработными и гораздо большее число работает неполный рабочий день); увеличение числа

676 Штомпка П. Социология социальных изменений. С. 184.

нетрудоспособных (каждый десятый является нетрудоспособным по болезни и принуждён к бедности).

Несмотря на признание всех этих отрицательных результатов существующей модели и желание поднять ведущее значение социального развития как для настоящего времени, так и для XXI в., всё же такое развитие предполагается осуществлять на стоимостной, рыночной основе. Для этого считается достаточным перейти к устойчивому состоянию существующей мировой общественной системы, к так называемому «устойчивому» её развитию. При этом не только не затрагивается стоимостная парадигма, наоборот, из неё выводится возможность устойчивости и равновесности развития.

На такой основе, однако, декларируемых целей не достигнуть, невозможно не только осуществить в будущем социально-экономическое развитие, именно развитие, но и обосновать его. Это в своё время убедительно доказал Й. Шумпетер в своей книге «Теория экономического развития». Классическая политическая экономия с её исходной теорией стоимости, согласно Й. Шумпетеру, была и останется теорией, объясняющей статичное, стационарное, а не динамическое протекание экономических процессов. Теория этого стационарного процесса фактически образует, писал он, «основу всей теоретической экономической науки, и мы, будучи экономистами-теоретиками, не многое можем сказать о факторах, которые следует рассматривать как первопричину исторического развития»[677]. Подобную характеристику он относит и к теории предельной полезности. Л. Вальраса он считает сторонником статичного подхода к экономике: его концепция не только строго статична по своему характеру, но и применима исключительно к статичному процессу[678].

Непригодность теории стоимости для понимания экономического и социального развития объясняется тем, что стоимость, согласно её закону, не может превосходить затраты на её получение и, следовательно, не может удовлетворять основному условию развития — возникновению нового и превосходству его над старым. При производстве стоимости нельзя добиться никакого

---

677 Шумпетер Й. Теория экономического развития. М., 1982. С. 52.

678 Шумпетер Й. Теория экономического развития. М., 1982. С. 52.

превышения стоимости результата над стоимостью издержек. С этой точки зрения, ни один продукт не в состоянии обеспечить превышение над стоимостью услуг труда и земли[679].

Как же быть тогда с прибавочной стоимостью и её производными (прибыль, процент, рента), которые обычно считаются результатом, превышающим затраты?

В рамках стоимостного равенства, по мнению Й. Шумпетера, такого быть не может. Если речь идёт о функционировании рыночного хозяйства в условиях равновесия, то прибыль как разница между нормой затрат и доходом равнялась бы нулю. «Отсутствие чистой прибыли в рыночном хозяйстве означает, что стоимость продуктов вообще не превышает стоимость средств производства. Чистой прибыли в этом... смысле не существует также в замкнутом хозяйстве, поскольку в нём стоимость всех продуктов в конечном счёте вменяется изначальным средствам производства»[680]. Й. Шумпетер в этом вопросе вполне соглашается с К. Марксом. Свой тезис о том, что при полном равновесии процент был бы равен нулю, он считает сходным с положением К. Маркса относительно того, что капитал не производит прибавочной стоимости.

Как ни парадоксально, но рыночное хозяйство в самом совершенном (равновесном) состоянии должно было бы функционировать, не принося никакой прибыли. Такое утверждение, по мнению Й. Шумпетера, не означает, что в народном хозяйстве, когда оно лучшим образом сбалансировано, производство не даёт никаких результатов. Речь идёт о том, что результаты в этом случае могут быть полностью отнесены на изначальные факторы производства. Так что отрицание прибыли, её отнесение к характеристике старой модели развития ничего ещё не дают для обоснования новой модели.

Не случайны, с этой точки зрения, рассуждения отдельных современных авторов о том, что мировая экономика в своём равновесном состоянии, функционирующем на основе закона стоимости, уже дала всё, что могла дать для саморазвития капиталистического хозяйства. Начиная с XXI в. ориентация на прибыль

---

679 Шумпетер Й. Теория экономического развития. М., 1982. С. 92, 93.

680 Шумпетер Й. Теория экономического развития. М., 1982. С. 54, 94.

начнёт терять смысл, произойдёт спад всей мировой экономики, придёт конец её развитию и саморазвитию[681].

В этом показном безразличии к прибыли и в непризнании прибавочной стоимости немало лукавства. Ведь известно, что прибавочная стоимость, прибыль составляют основу развития общества в условиях рыночной системы, хотя результаты этого развития достаются немногим, причём за счёт тех, кто их лишается. Прибавочная стоимость и прибыль при стоимостном равновесии вовсе не исчезают. Возникают они не вне закона стоимости и не из-за его нарушения. В рамках стоимостного отношения необходимость прибавочной стоимости (прибыли) не отрицается, за ней стоит прибавочный труд. Прибавочная стоимость эквивалентна прибавочному труду, т. е. требование закона стоимости здесь выполняется. Причём это вовсе не мешает её присвоению и отчуждению от её созидателей. Стоимостное равенство тоже сохраняется: сколько теряют одни, столько же приобретают другие (эффективность по Парето).

Чтобы не ставить вопрос о присвоении прибавочного труда и прибавочной стоимости как основу эксплуатации и развития для немногих, обычно апеллируют к простому закону стоимости, к его очевидному требованию эквивалентности при обмене всего и всякого товара. И в прошлом, и в наше время можно встретить утверждения, что меновая стоимость по определению гарантирует всеобщее равенство. Если же этого не достигается, то виноваты в этом формы прибавочной стоимости (прибыль и др.), искажающие истинную сущность меновой стоимости. Этими искажениями можно пренебречь, восстановив первоначальную природу меновой стоимости. Можно обойтись без противоречий, если рассуждать об исходных и развитых формах стоимости, т. е. свести прибыль, процент к отношениям простого товарного обмена, а возникающие здесь противоречия объявить обычной видимостью.

Из того, что прибыль не выводится из эквивалентного обмена, предполагаемого законом стоимости, вовсе не следует, что она не имеет экономического основания и не объясняется другой, но не стоимостной парадигмой — неэквивалентным обменом,

---

[681] Голанский М. М. Будущее мировой экономики и перспективы России. М., 1994. С. 84.

неравновесностью. Если её невозможно объяснить из эквивалентного обмена стоимости на стоимость, то это не значит, что нельзя её вывести из неэквивалентного обмена стоимости на потребительную стоимость рабочей силы (труда). Вопрос лишь в том, что здесь вместо стоимости появляется её противоположность — потребительная стоимость.

Однако это обстоятельство не согласуется со стоимостной парадигмой. Приходится вообще отрицать прибавочную стоимость (прибыль) во имя «глобального равновесия» системы, её «устойчивого развития», вытекающих из стоимостной равновесности рыночной экономики. В этой ситуации бывает лучше «отказаться» от познавательно-объясняющих услуг прибыли, чем от закона стоимости с его требованиями эквивалентности и равновесности.

Если же из стоимостного равенства не удаётся вывести возможность социального и экономического развития и, если «не хочется» признавать прибавочный труд и прибавочную стоимость в качестве основы этого развития, то ничего другого не остаётся, как свести стоимость к потребительной стоимости (полезности), а источником стоимости объявить производительность труда и полезность других факторов производства. «Именно за счёт роста производительности труда расширяется объём прибавочного продукта и увеличивается прибавочная стоимость»[682]. Причём на уровне предприятия рабочие никакой стоимости сверх стоимости своей рабочей силы якобы не создают, поскольку на микроэкономическом уровне господствует равновесность затрат и результатов. Прибавочная стоимость вроде бы создаётся всем обществом, а не отдельным рабочим.

Между тем в рамках стоимостной парадигмы только увеличением прибавочного и уменьшением необходимого труда может быть объяснено возникновение прибавочной стоимости и экономическое развитие на её основе. Что же касается повышения производительности труда, то оно влияет лишь на изменение соотношения необходимого и прибавочного труда в пользу последнего, затраты которого равны получаемой прибавочной стоимости.

---

682 Голанский М. М. Будущее мировой экономики и перспективы России. М., 1994. С. 26.

В общем же случае рост производительности труда уменьшает стоимость всего продукта. В этом противоречии заложены причины тех трудностей, которые возникают, когда пытаются согласовать прибавочную стоимость с устанавливаемой законом стоимости эквивалентностью.

Когда выводят из «игры» прибавочный труд и неэквивалентный обмен, то ничего другого не остаётся, как обращаться к услугам потребительной стоимости, в частности к производительности труда, техническому прогрессу, природным силам и т. д. Но для этого надо отказаться от обращения к стоимости для объяснения развития, необходимо перестать укладывать потребительную стоимость в прокрустово ложе стоимости, необходимо исходить из потребительностоимостной парадигмы.

В потребительной стоимости как раз и заключена возможность объяснения того, как из труда работника можно извлечь больше, чем ему возвращается. Стоимостная эквивалентность и «великий» принцип равенства затрат и результатов этой возможности не только не дают, но и скрывают первопричину возникновения прибавочной стоимости. Для этого нужен другой, не менее великий принцип — принцип неравенства затрат и результатов, неэквивалентности, возникающий не из стоимости, а из потребительной стоимости, обмениваемой на капитал рабочей силы.

§ 2. Экономическая динамика в стоимостном и потребительностоимостном измерении

В стоимостном измерении экономическая динамика предстаёт в виде обратимых экономических процессов: стоимость затрат производства однозначно переходит в стоимость результатов, и наоборот. В этом случае изменения в экономике могут происходить только в рамках стоимостного тождества (равенства) затрат и результатов труда, т. е. статического равновесия. Все стоимостные схемы воспроизводства, как простого, так и расширенного, строятся на основе равенства $C+V+M=W$. На этих стоимостных «весах» динамика экономических элементов получает выражение в колебательных движениях и циклах с тенденцией к установлению стоимостного равновесия. Что же касается

необъяснимых стоимостной парадигмой действительных процессов развития в сфере производительных сил (научно-технический прогресс, рост производительности труда, динамика населения и др.), то они имеют непосредственное отношение не к меновой, а к потребительной стоимости. Поэтому когда эти процессы укладывают в прокрустово ложе теории стоимости или предельной полезности, то получаются выходящие за пределы научного объяснения результаты: с одной стороны, фиксируются пределы экономического развития, наступление постэкономического общества и другие тупиковые состояния экономики; с другой — игнорируется труд, прирост стоимости ВВП остаётся необъяснимым или связывается с первобытными представлениями о земле как матери всех благ. Можно утверждать, что как стоимостная парадигма, так и концепция предельной полезности не в состоянии отобразить действительное экономическое развитие.

Н. Д. Кондратьев, сделав многое в разработке концепции экономической динамики применительно к обратимым экономическим процессам, предполагал заняться объяснением необратимых процессов. Он справедливо считал, что экономическая действительность сама по себе динамична, подвержена поступательному развитию, направленной эволюции. Однако концепцию экономической динамики для необратимых экономических процессов он не оставил и не мог её разработать, поскольку исходил из стоимостной парадигмы, несовместимой с признанием экономического развития как необратимого процесса. Ведь Н. Д. Кондратьев полагал, что общую формулу тренда он вывел дедуктивно из «общих предпосылок, отвечающих учению Маркса о расширном воспроизводстве (Капитал, т. III)» для капиталистического общества[683]. Эти предпосылки, как известно, в схемах К. Маркса предполагают движение капитала по формуле $C+V+M=W$, в которой имеет место тождество стоимости затрат и результатов, их обратимость, хотя само это тождество динамично.

Вместе с тем своей мыслью о вековой органической тенденции (тренде) движения хозяйства, предполагающей поступательное его развитие с перерывами, толчками, колебаниями, Н. Д. Кондратьев выходил за пределы «теории схематического

683 Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989. С. 32.

равновесия», за что критиковали его оппоненты (Д. И. Опарин и другие) и которая у них исходила из равновесной стоимостной схемы воспроизводства.

О своём новом подходе Н. Д. Кондратьев известил в тезисном варианте в предложенной им «Модели экономической динамики капиталистического хозяйства», в которой величина народного дохода (*E*) выводилась из суммы национального капитала (*K*) и количества самодеятельного населения (*A*):

$$E = \frac{\delta E}{\delta K} \times K + \frac{\delta E}{\delta A} \times A .$$

Эта формула в итоге сводилась к более простому виду:

$$E = m\sqrt{AK} ,$$

где *m* означает влияние уровня техники на развитие хозяйства[684].

По своему теоретическому смыслу эта модель, конечно, исходит из стоимостной парадигмы, поскольку речь идёт о капиталистическом хозяйстве, а участие факторов производства, как это фиксируется производственной функцией, отождествляется с их участием в создании стоимости общественного продукта. Соответственно, линия вековой тенденции, взятая за эталон для определения движения больших циклов, предполагает рассмотрение последних как нарушение и восстановление экономического равновесия. Мерой подобного рода движения может служить «эталонная траектория» долгосрочного технико-экономического развития[685].

Всё это, однако, не выводит за пределы стоимостного равенства затрат и результатов, ибо игнорируется инновационная роль труда, нарушающая это равенство, на которой базируется действительное экономическое развитие, необратимость экономических процессов. Но эту роль труд выполняет как живой труд, а не как труд, выраженный в стоимости. В последнем случае он не играет такой роли.

Обходится труд как созидатель потребительной стоимости и в экономических теориях развития, подаваемых под названием эволюционной экономики. Так, например, утверждается, что ныне

---

684 Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989. С. 413.

685 Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. С. 71.

«основной вклад в прирост ВВП вносит не труд и даже не капитал, а природно-ресурсная рента. Именно на долю этого фактора отводится не менее 75% получаемого дохода. Вклад же труда не превышает 5%, капитала — 20%»[686]. Конечно, признаётся, что величина ВВП растёт быстрее, чем затраты факторов производства; что невозможно объяснить рост производительности труда из увеличения соответствующих затрат капитала; что 75–85% прироста производства национального дохода приходится на фактор, необъясняемый движением меновых стоимостей[687]. Однако труд, реализующий научно-технический прогресс и обусловливающий рост ВВП, выпадает из внутренних причин, объясняющих закономерности технико-экономического развития, замещения одних технических укладов другими.

В итоге, отказавшись от объяснения экономического развития посредством анализа производительной силы труда и соответствующего критерия (производительность труда), представители эволюционной теории вынуждены были обращаться к аналогиям, взятым из биологии (естественный отбор) и физики (синергетика), и пойти на компромисс (синтез) с традиционными экономическими теориями — неоклассической, неокейнсианской, монетарной[688].

Действительное развитие, не сводимое к увеличению или уменьшению, динамике равновесия параметров экономической системы, можно объяснить, если исходить из труда, производящего потребительную стоимость, из производительных сил, всё развитие которых «касается потребительной стоимости, но не меновой стоимости»[689]. Соответственно, теорией, объясняющей экономическое развитие, является трудовая теория потребительной стоимости, базирующаяся на признании в качестве основного экономического закона — закона потребительной стоимости, ещё не введённого в экономическую науку.

---

[686] Институциональная экономика. Учеб. пособие / Под рук. Д. С. Львова. М., 2001. С. 25.

[687] Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М., 1993. С. 21.

[688] Институциональная экономика. С. 313.

[689] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 48. С. 330.

Этим законом, как уже говорилось, объясняется сущностный аспект экономического развития — инновационность труда, созидающего потребительную стоимость, что не подпадает под объяснительную силу закона стоимости. Движение производства потребительной стоимости предполагает постоянное превращение исходных простых потребительных форм в более сложные и высокие формы, не обратимые в первоначальные и предшествующие формы продукта. Это происходит каждый раз в самом обычном процессе труда, не говоря уже об изобретениях и научно-техническом развитии. То, что человеку приходится постоянно производить один и тот же продукт, не умаляет инновационности процесса его труда, постоянные метаморфозы продукта и средств труда превращают их в более высокую потребительную форму. Точно так же постоянная смена семян стеблями растений, и последних опять семенами не мешает движению жизни и эволюции растительного мира, а является их основой.

Согласно закону движения труда как процесса созидания потребительной стоимости результат производства — потребительная стоимость общественного продукта, реализуемая в производственном и индивидуальном потреблении, превосходит затраты труда, расходуемого на создание этого результата. Это означает: а) воспроизводимая рабочая сила, реализуясь как потребительная стоимость в живом труде, создаёт не только необходимый, но и прибавочный продукт, являющийся источником экономического и всякого иного развития. Следовательно, производится результат, превышающий затраты труда на воспроизводство самой рабочей силы; б) потребительная стоимость созданных средств производства в процессе их производительного потребления высвобождает труда больше, чем его затрачивается на их производство. В противном случае, т. е. если бы, например, машина высвобождала бы столько же труда, сколько было затрачено на её производство, применение техники было бы экономически бесполезным.

На практике всё это проявляется в виде хозяйственного императива: добиваться большего результата меньшими затратами. К сожалению, этот императив не связывается с действием закона потребительной стоимости, не осознаётся теоретически, не возводится в закон экономической науки.

Высвобождаемые (сэкономленные) труд и рабочее время и измеренная на этой основе производительность труда выступают критерием действительного экономического развития, соответствующего его природе как поступательного процесса. Переход на этот критерий снял бы оковы с развития производительных сил, научно-технического прогресса, накладываемые противостоянием стоимости любой возможности своего уменьшения в результате роста производительности труда. Застой в области научно-технического прогресса в нашей стране во многом был предопределён внедрением в качестве его критерия стоимостной формулы приведённых затрат. Если добавленная к затратам (себестоимости) прибыль от капиталовложений, рассчитанная по её средней норме, не достигалась, то новая техника, сколько бы живого труда ни высвобождала, не внедрялась.

Высвобожденный благодаря научно-техническому прогрессу и использованию природных сил труд одновременно служит соизмерителем потребительных стоимостей, как факторов, так и результатов производства. Тем самым решается, казалось бы, неразрешимая проблема соизмерения потребительных стоимостей на объективной, трудовой основе. Высвобожденный труд является не менее надёжным их измерителем, чем его затраты (стоимость). Этот же критерий служит надёжной мерой эффективности производства: чем больше будет разница между высвобождённым трудом и его затратами, тем более эффективным становится производство; и, наоборот, если не происходит его высвобождения, образуется его излишек, то падает эффективность. Чтобы производство достигло состояния максимальной эффективности, необходимо и достаточно свести соответствующий излишек к нулю (М. Алле).

Критерий экономии живого труда вполне согласуется с оценкой эффективности экономики через рост фонда потребления, повышение уровня удовлетворения человеческих потребностей. Расчёты показывают, что оценка эффективности производства на основе экономии труда совпадает с определением эффективности по показателю производства фонда потребления на единицу труда[690].

---

[690] Эффективность производства и её слагаемые. Под ред. В. С. Вечканова. Л., 1983. С. 80.

Чтобы выразить экономическое развитие посредством схем расширенного воспроизводства, необходимо эти схемы строить на основе закона потребительной стоимости и отказаться от стоимостной формулы равенства: ($W=C+V+M$), допускающей динамику её элементов только в пределах равновесия стоимости результата и затрат. Превышение результатов над затратами в стоимостном отношении бессмысленно. Оно приобретает рациональное значение в производстве, где труд выступает созидателем потребительной стоимости и выявляет свою инновационную сущность именно в превосходстве результатов над своими затратами.

К сожалению, на этой трудовой потребительностоимостной основе экономическая динамика и теория воспроизводства ещё не представлены. Экономия труда, изъятая из меры его результатов и отнесённая только к затратам (минимизация затрат), не выводит понимание экономического развития за пределы стоимостного равновесия. На самом деле экономия (высвобождение) труда есть его потребительностоимостной результат, который должен соизмеряться с его затратами, являющимися минусом по отношению к результату. Экономия времени, сформулированная К. Марксом в качестве первого экономического закона для коллективного производства, как раз «существенно отличается от измерения меновых стоимостей (работ или продуктов труда)»[691]. Задача, следовательно, состоит в том, чтобы разработать теорию воспроизводства на основе закона потребительной стоимости.

Основной принцип процесса воспроизводства на основе потребительной стоимости — «превышение результатов труда над его затратами» — может быть представлен в более конкретном виде:

а) в форме воспроизводства как движения от человека и его труда к создаваемому продукту и от него вновь к человеку и труду, но уже получившим развитие в процессе прохождения всех фаз воспроизводства. Здесь место общей формы обращения стоимости (*Д — Т — Д* и *Д — Д'*) занимает другая форма — производство труда трудом ($Ч_{тр}$— *П* — $Ч_{тр}$ и $Ч_{тр}$— $Ч_{тр'}$). Если, например, для производства определённого количества продукта потребовалось затратить 1200 единиц рабочего времени, то в процессе

691 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 117.

производительного или индивидуального потребления продукта труд приобретает способность создавать этот же продукт лишь за 300 единиц рабочего времени, т. е. труд в четыре раза увеличивает свою созидательную способность. Следовательно, труда, сэкономленного по условиям производственного и индивидуального потребления продукта, будет больше, чем затраченного по условиям, необходимым для производства. Нарушается основное равенство, выведенное из стоимостной схемы воспроизводства;

б) воспроизводственный процесс на основе движения потребительной стоимости может быть рассмотрен в форме соотношения производства и его конечного результата — фонда индивидуального потребления и развития человека, с тем, чтобы согласовать развитие производительной силы и потребностей человека. Этого невозможно добиться на стоимостной основе, ибо потребление работника, замыкаемое на стоимость его рабочей силы, не может превосходить издержки её воспроизводства. Наоборот, с ростом производительности труда эти издержки в стоимостном отношении сокращаются, ухудшая соотношение $C>V$. Поэтому, чтобы имело место развитие человека, предложение жизненных средств в качестве потребительных стоимостей не должно измеряться овеществлённым в них трудом, оно должно исходить из их потребительных свойств. В этих условиях лишь накопление и обращение сэкономленного труда может служить основанием для расширенного воспроизводства человека не только как рабочей силы, но и как личности;

в) индивидуальному потреблению должен быть подчинён и тот воспроизводственный цикл, который завершается производительным потреблением и с которым обычно связывается накопление и научно-технический прогресс. Результатом производительного потребления выступает тоже экономия (высвобождение) труда, источником которой в конечном счёте является развитие человека, применение им науки и общественных сил труда. Поэтому результаты воспроизводства, измеряемые через повышение потребительной силы труда, должны совпадать с результатами, выраженными через рост его производительной силы. Отсюда проистекает пропорциональность производства и потребления, недостигаемые в рамках стоимостной теории воспроизводства,

в условиях которой экономическая система может лишь «качаться» относительно точки равновесия.

Из сказанного следует, что теорией, объясняющей экономическую динамику, может и должна служить трудовая теория производства, распределения, обмена и потребления потребительных стоимостей. Её в первоначальном виде ещё Аристотель противопоставлял хрематистике, впоследствии она, сопровождая стоимостную теорию в качестве её антипода-двойника, предоставила последней её основу — принцип труда, а сама затем превратилась в субъективную концепцию полезности, лишившись трудовой основы и пытаясь собой заменить стоимость.

Ныне главная теоретическая и историческая задача состоит в том, чтобы вернуть теории потребительной стоимости её трудовую основу, сделать её основным содержанием политической экономии как всеобщей теории труда, и как социальной экономии, сохранив измерение затрат труда рабочим временем, а результатов — экономией времени.

§ 3. Проблема преодоления дуализма социальной статики и динамики

Решение вопросов о развитии, соотношении структуры и деятельности, субстанции и историчности предполагает преодоление дуализма в трактовке социальной динамики и статики. Вместе с тем, нет оснований согласиться с теми авторами, которые полагают, что достаточно отказаться от субстанциональности или структурализма в пользу процессуальности или историчности, и проблема дуализма исчезнет сама по себе. Соответственно, их прежнее разделение тоже вроде бы становится сомнительным или неким «первородным грехопадением» социологии, осуществлённым О. Контом, разделившим свою теорию на статику и динамику. На самом деле предлагаемый в качестве альтернативы системно-структурной модели процессуально-деятельностный образ общества не выводит социальную динамику за рамки теории «социальных изменений», т. е. не предполагает признания действительного развития общества, хотя и противопоставляется статике. Не всякое изменение (процесс) есть развитие.

О каком развитии может идти речь, если отрицается существование общества как объекта, как социальной объективной реальности, которая как раз и должна изменяться и развиваться. В этом случае остаётся только одна «голая» деятельность, одна всезаполняющая процессуальность, но без объекта, который дематериализуется. То, что существует в виде реального объекта (социальная группа, государство и само общество), считается лишь иллюзией. Реальны, с этой точки зрения, только процессы структурирования, а не социальные формы.

Сведение социальной динамики к такой её форме не снимает противостояния «процессуальности» действительной концепции общественного развития. Оно лишь углубляет дуализм социальной динамики и социальной статики, доводит эти две концепции до состояния двух крайностей, противоположных по своей сущности.

Чтобы не делать этого и попытаться произвести ныне модный синтез противоположных концепций, преодолеть их дуалистичность, предлагают их совместить в некой третьей, базовой концепции социальных изменений, сочетающей структурный и деятельностный подходы, статику и динамику. Для этого считается достаточным поставить во временную последовательную зависимость «структуру» и «функционирование (оперирование)», «субъект» и «действие» и представить эту процедуру процессом социального становления. Сам этот процесс, в свою очередь, обычно укладывается в структурную схему — неподвижную систему координат, двумя осями дифференциации которой являются: а) ось дифференциации на уровень социальных общностей и уровень индивидуальностей; б) ось дифференциации социальной реальности на потенциальную, заложенную в структуре, и на действительную (актуальную), характеризующую динамику. Становлением считается реализация структур в их функционировании (оперировании), а агентов — в их действиях[692]. Остаётся только «скрестить» названные уровни и способы существования социальной реальности, т. е. структуру брать в её функционировании, а человека — в его действии, и проблема динамики и статики будет решена.

---

[692] Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 268–271.

Решается она методом известного структурно-функционального координатного анализа (Т. Парсонс), выработанного в рамках системной, структурно-функциональной модели общества. Чтобы завуалировать непригодность координатной схемы для выражения процессов развития, к исходным двум осям и четырём функциональным категориям, выводимым из пересечения первоначальных двух осей, добавляется ещё одна — третья ось, на полюсах которой располагаются: с одной стороны — деятельность (среднее между структурой и агентом), с другой — практика (тоже нечто среднее между оперированием структуры и действием агента)[693]. В итоге структуры преобразуются и строятся в процессе собственного оперирования, агенты преобразуются и формируются в ходе собственных действий. На третьем уровне деятельность преобразуется и эвентуализируется практикой. В итоге решение проблемы сводится к взаимодействию двух почти одинаковых серединных составляющих — деятельности и практики, т. е. остаётся одно лишь становление в деятельности, идущее от деятельности к практике, от формы возможного к форме действительного, но в рамках деятельностного подхода.

Вопрос о переходе от статической модели общества к противоположной модели — к его рассмотрению в развитии, является довольно сложным и трудным. Для его решения нужны соответствующие сущности развития методологические и логические приёмы, преодолевающие всякого рода рассудочно-метафизические трактовки социальной динамики.

Первое, что придётся здесь делать, — это перейти от рассмотрения общества в его тождественности с самим собой к его различённости и разрешить соответствующее первичное противоречие между тождеством и различием. Если абсолютизировать тождество (структуру), представить его независимым от различия самостоятельно существующим полюсом, образующимся на основе какого-нибудь одинакового структурного признака общества, то нельзя будет доказать переход к различённости обществ. Представив, например, общество совокупностью людей как таковых (тождественными друг с другом), мы не сможем признать существование иного общества, т. е. общества, которое

693 Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 276.

не состояло бы из людей. Когда же в рамках системной модели допускается различие, то оно выступает различием общества как системы от чего-то внешнего, например от окружающей среды. Так, Н. Луман, отвергая суждение о том, что общество состоит из людей, вынужден свести различённость системы к его отличию от окружающей среды, т. е. к признанию того, что есть общество как система и есть что-то другое — окружающая среда. Система, по его мнению, тогда будет формой различения, когда на одной стороне — сама социальная система, на другой — внешняя среда. Лишь обе эти стороны производят различение, производят понятие общества как системы[694]. Вопрос же о различении внутри самого общества как системы остаётся открытым.

Не даёт удовлетворительного ответа на этот вопрос и позиция тех социологов, которые абсолютизируют самостоятельность и независимость другого полюса — «различение». В данном случае переход к иной форме общества невозможен по другой причине — не от чего переходить, нет исходного пункта — общества, относящегося к самому себе как к целостному, единому социальному организму. В этом случае социальное изменение (динамика) не будет различением общества от самого себя, отрицанием данного его состояния, поскольку тождественность общества самому себе объявляется пустой абстракцией, т. е. то, что изменяется, не признаётся за объективную реальность.

В современной постмодернистской философии этой позиции соответствует полная абсолютизация категории различия. Так, Ж. Делёз предлагает иметь дело с системами (симулякрами), в которых различное соотносится только с различным посредством самого различия и не предполагает наличия в этих системах какого-нибудь предварительного тождества, внутреннего подобия. Одновременно им не допускается, чтобы различие превращалось в противоречие или было следствием противоположностей, предполагающих отрицание и развитие через отрицание[695].

Чтобы соединить статику с динамикой на исходном этапе познания общества в его развитии, необходимо отказаться

---

694 Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии / Под ред. А. О. Бороноева. СПб., 1994. С. 29.

695 Делёз Ж. Различие и повторение. СПб., 1998. С. 358.

от противопоставления тождества и различённости общества как двух независимых и абсолютно самостоятельных его характеристик, признать их единство в качестве противоположностей. Это значит, что общество в своей тождественности с самим собой одновременно содержит в себе свою внутреннюю различённость, своё иное, а не только своё отличие от окружающей среды.

При этом названная различённость, предполагая единство с тождественностью в их основании, на котором зиждутся обе эти противоположности, образует предпосылку всякого изменения, в том числе и признания развития общества. В итоге различённость и тождество предстают как стороны противоречия, выступающего источником изменения, причём ведущей к развитию (изменению) является та сторона противоречия, которая совпадает с различённостью. С этой точки зрения, статика и динамика, структура и деятельность образуют противоречие, стороны которого находятся в отношениях тождества и различия. При этом единство «тождества» и «различия» снимается различённостью, т. е. их противоположностью. Отрицание этого единства становится условием признания изменения и развития общества.

Обращение к противоречию между статикой и динамикой позволяет перейти к более глубокому обоснованию принципа развития, рассматривать его не просто как наличие разности, перехода к другому, изменения вообще, а как превращение данного общества в свою противоположность. В категории противоположности категория различия находит своё завершение: стороны, составляющие различие, из простой разности двух безразличных моментов превращаются в моменты, определяемые друг другом, т. е. здесь противоположности выявляют себя как противоречащие друг другу. С позиции противоречия, а не только различия, должно быть рассмотрено взаимодействие структуры и действия, статики и динамики.

Применительно к обществу это означает, что оно как целое в своём развитии представлено самим собой, своим иным и содержит в себе это иное. Но это иное есть отрицание его данного состояния. Речь идёт, конечно, не о том, что общество превращается в «не-общество», а о переходе в свою противоположность данной формы общества: данной общественно-экономической

формации, данной цивилизации и т. п. Здесь, следовательно, имеется в виду противоречие как источник развития общества.

Концепция социальных изменений, отрицая развитие, тем самым не обращает внимания на противоречия, на этот «корень всякого движения и жизненности» (Гегель). Противоречие не есть нечто ненормальное и несущественное, как это следует из обыденных представлений о стабильности общественной жизни, а представляет собой принцип всякого самодвижения: «лишь доведённые до крайней степени противоречия многообразные (моменты) становятся деятельными и жизненными по отношению друг к другу и приобретают в нём ту отрицательность, которая есть имманентная пульсация самодвижения и жизненности»[696].

Как же, исходя из этой точки зрения, выглядит противоречие между статикой (стабильностью, равновесностью системы, её устойчивостью) и динамикой (движением, изменением, развитием)? Каковы логические способы разрешения этого противоречия?

Статика и динамика, будучи противоположностями по своему взаимному определению, являются двумя полюсами противоречия: между ними должно иметь место как единство (взаимополагание), так и взаимоотрицание (взаимоисключение), т. е. они совместимы и несовместимы в своих взаимных отношениях. Дуализм, сложившийся в этом вопросе в социологии, состоит не в том, что статика и динамика и, соответственно, структура и деятельность отличаются друг от друга. Дуализм сводится к тому, что эти крайности предстают как две противоположные сущности, самостоятельность каждой возводится в абсолют, приобретая вид соответствующих противоположных концепций: системно-структурной и, альтернативной ей, процессуальной. В одном случае изменения признаются лишь в рамках структурно-функционального подхода, в другом — в пределах процессуальной, деятельностной модели. Соответственно, у одних социологов общество предстаёт изменяющимся в направлении к стабильности, равновесности, порядку, у других, наоборот, оно сплошь процессуально, исчезает в потоке изменений.

---

696 Гегель Г. В. Ф. Наука логики. СПб., 1997. С. 400.

Совместимы ли эти теоретические концепции в случае, если они противостоят друг другу в качестве альтернативных по своей сущности? История обсуждения этого вопроса в социологии показывает, что в качестве противоположных по сущности теорий они оказались несовместимыми. Действительно, утверждение, что есть только структуры и порядок, а неструктур и движения нет, не может быть согласовано с суждениями относительно того, что есть только процессы, движение, а структур и покоя нет. При такой постановке вопроса не могут быть оправданными поиски опосредствований между противоположными концепциями, выдвижение некой третьей позиции, лежащей между ними.

Вместе с тем, не соглашаясь с тезисом о примирении противоположностей, нельзя не признать того, что через антиномию статики и динамики осуществляется более глубокое познание, создаются условия для решения проблемы. Первым таким условием было бы строгое разграничение взаимодействия этих двух полюсов: а) как двух противоположных сущностей и б) как противоречивых сторон одной и той же сущности, в данном случае — общества.

Разрешение противоречия первого типа предполагает устранение дуализма между статикой и динамикой в том отношении, что превращение каждой из этих концепций в самостоятельную, абсолютно истинную теорию делает их обеих неприемлемыми. В этом случае каждая из них считает себя истиной в последней инстанции именно на основании того, что является крайностью по отношению к другой концепции, а не потому, что исходит из своей собственной внутренней целостности. В условиях двух противоположных реальных сущностей действительной для данного состояния общества является одна из них: или господствует данная социальная структура или, наоборот, действительным становится процесс её слома, уничтожения. Это условие связано с несостоятельностью дуализма при определении сущности того или иного явления. По своей сути общество может быть феодальным или буржуазным, капиталистическим или социалистическим. Дуализма одной и той же сущности не бывает, обе допускаемые противоположные сущности не могут быть одинаково истинными, на практике побеждает и господствует одна из них. Полагали, например, что капитализм и социализм могут сосуществовать

в одном обществе. Опыт СССР показал, что их внутренняя конвергенция не состоялась. Вряд ли она возможна в мировом масштабе.

Иное дело, когда речь идёт о противоречивых сторонах одной и той же сущности, которые не возводятся в самостоятельные сущности и характеризуют с разных сторон одну и ту же сущность. В этом случае предполагается их существование в неком едином для них начале, образующем основание для разных противоречивых сторон, причём это основание составляет одна из этих сторон (противоположностей) в виде своей более высокой степени развития.

Разграничение противоположности двух сущностей и противоположности одной и той же сущности необходимо для того, чтобы установить способ разрешения разных типов противоречий. Первые из них разрешаются объяснением проблемы на основе признания одной из сущностей в качестве действительной основы и устранения дуализма.

Разрешение второго типа противоречий не требует устранения одной из сторон. Здесь важно выявить, какая сторона противоречия опосредствует другие стороны и само противоречие, и которая становится основанием как для собственного развития, так и своей противоположности. То, что проистекает из этого опосредствующего начала, образует то необходимое единство, которое возникает в результате разрешения данного противоречия. Это новое единство с новым противоречием и выступает более высоким и самостоятельно существующим принципом развития общества.

Во взаимодействии статики и динамики таким единым сущностным началом выступает само общество и именно поэтому оно становится развивающимся обществом. Разрешение противоречия между статикой и динамикой, структурой и деятельностью здесь осуществляется в рамках одной и той же сущности — общества: с развитием общества происходит отрицание одной структуры общества и замена её противоположной структурой.

Выполнение названного выше требования — не смешивать различия и противоречия в пределах одной сущности с противостоянием двух взаимоисключающих сущностей — позволяет избежать многих ошибок в трактовке взаимодействия субстанциальности и историчности, структуры и действия, и других категорий, характеризующих общество в его развитии. В случае с дуализмом субстанциальности и историзма было бы ошибочным его

решение как в пользу признания самотождественной, неизменной субстанции, так и в пользу отрицания всякой субстанциальности общества, что характерно для «неклассической» социологии. Преодоление этого дуализма предполагает наделение субстанции свойствами субъекта, изменяемости, историчности. Дело, следовательно, не в том, чтобы отрицать субстанциальность общества, а в том, чтобы опосредствовать её существование своей противоположностью — историчностью, т. е. «найти основания для абсолютного, универсального, общечеловеческого внутри истории, в самой историчности, в относительном, обусловленном и в преходящем, а вовсе не вне их»[697].

В поисках способа разрешения дуализма структуры и действия приходится каждый раз обращаться к той стороне этого противоречия, которая, подобно субъекту-субстанции представляет агента и его деятельность, а не структуру или систему. Это вполне объяснимо, ибо социальные изменения и развитие осуществляются человеком посредством своей многообразной деятельности — практики. Но это не значит, что общество остаётся бесструктурным образованием. И в данном случае антиномию структурализма и процессуализма нельзя разрешить обычным отрицанием одной из этих точек зрения. Необходимо и здесь диалектически снять обе крайности в пользу такого понимания их соотношения, когда структура формируется в процессе развития, осуществляемого посредством деятельности. С этой точки зрения теория генезиса структур (общественных форм) может считаться определённым звеном разрешения названного противоречия.

Однако признание единства и взаимоисключения структурности и процессуальности как взаимополагаемых моментов недостаточно, чтобы адекватно выразить сущность развития. Необходимо ещё определить, какую роль играют момент единства и момент взаимоисключения этих противоположностей в разрешении противоречия и, следовательно, в обосновании принципа развития. Если на первое место ставить единство структуры и процесса, представить это единство как их равноправность, решение проблемы видеть в их синтезе, а не в их взаимоисключении,

---

697 Перов Ю. В., Сергеев К. А. «Философия истории» Гегеля: от субстанции к историчности // Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 25.

то обоснование развития становится тоже невозможным. Теории равновесия характеризуют статическое состояние общества, а не его динамику. Из равновесия противоположностей принцип развития не выводится.

Развитие обусловливается не моментом единства противоположностей (структуры и процесса, структуры и деятельности), а их взаимоисключением, т. е. их несоответствием, неравновесностью. Противоположности, характеризующие развитие, хотя и едины, но не равноправны. Сущность социальной или экономической реальности в данном случае выражается динамикой, а не статикой, которая составляет подчинённый момент этой сущности. «Экономическая действительность, — по словам Н. Д. Кондратьева, — динамична по самому своему существу. Мир хозяйственных явлений текуч и изменчив. Явления хозяйственной жизни могут иногда быть более или менее устойчивыми и как бы приближаться к статическому состоянию. Но, строго говоря, они никогда не бывают в таком состоянии, так как нет абсолютного покоя в мире физическом»[698].

Из того обстоятельства, что определяющим во взаимодействии противоположностей выступает момент их взаимоисключения, вытекает определение развития как наличного бытия противоречия, как развития через противоречия. Применительно к характеру взаимодействия сторон противоречия — противоположностей, развитие предстаёт как переход данного состояния общества в свою противоположность, как, следовательно, отрицание одной противоположности — другой, которая становится доминирующей противоположностью и основанием для нового состояния общества. Именно с такой характеристикой развития соглашался К. Маркс: для него важен не только закон функционирования явлений в существующей форме и в существующем в данное время их взаимоотношении. Для него, сверх того, ещё более важен закон их изменяемости, их развития, т. е. перехода от одной формы к другой, от одного порядка взаимоотношений к другому[699].

В этой связи нельзя принять трактовку позиции К. Маркса теми западными авторами, которые приписывают ему взгляд,

---

698 Кондратьев Н. Д. Проблема экономической динамики. М., 1989. С. 53.

699 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 20.

согласно которому он якобы противоположности рассматривал больше под углом зрения их взаимополагания, чем взаимоисключения и что он, например, «искал преодоления крайней односторонности идеалистической и материалистической доктрины в новом, собственно диалектическом синтезе»[700]. К. Маркс, напротив, уже в своих ранних работах не соглашался с тем, что резкость действительных противоположностей, их превращение в крайности считается чем-то вредным, чему считают нужным по возможности помешать. По его мнению, это превращение означает не что иное, как их самопознание и в равной мере их пламенное стремление к решающей борьбе, ибо «действительные крайности не могут быть опосредствованы именно потому, что они являются действительными крайностями. Но они и не требуют никакого опосредствования, ибо они противоположны друг другу по своей сущности. Они не имеют между собой ничего общего, они не тяготеют друг к другу, они не дополняют друг друга»[701]. Из двух противоположных крайностей свойство быть крайностью по отношению к другой кроется в сущности одной из них, другая же не имеет значения необходимой действительности. Дух, например, есть лишь абстракция от материи и, следовательно, условием познания реальной сущности предметного мира является материалистическое его понимание. Что же касается духа вне материи, то он представляет собой превращённую идеализмом в самостоятельную сущность (крайность) абстракцию, но абстракцию от материи.

Обоснованный выше способ взаимодействия единства и взаимоисключения противоположностей должен быть применён и к другим дуальным категориям, характеризующим развитие: прогрессу и регрессу, необратимости и обратимости, эволюции и революции и т. д. Так, прогресс и регресс представляют собой два противоположных процесса, две стороны противоречия, заключённого в сущности развития. Они, как противоположные стороны одной и той же сущности, едины, взаимополагают друг друга. В этом плане прогресс предполагает регресс, первого не будет, если что-то не отмирает, не регрессирует.

---

700 Штомпка П. Социология социальных изменений. С. 224–225.

701 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1. С. 321–322.

Можно, однако, их сделать двумя крайностями, противоположными по сущности, и полагать, что или есть только прогресс, или, наоборот, только его противоположность — регресс. В этом случае отрицается единство названных противоположностей. Обычно одна из них абсолютизируется, например, отвергается теория исторического развития (К. Поппер) или история представляется в виде прямолинейного прогресса без всякой повторяемости, возвратных процессов, регресса.

Возможна и абсолютизация единства прогресса и регресса, необратимости и обратимости исторических процессов. В этом случае они, по существу, теряют характер противоположностей, становятся тождественными: прогресс и регресс предстают равновесными, равносильными формами социальных изменений. Их уравновешенность, равносильность делает невозможным признание социального развития, возвращает нас к социальной статике, к круговоротам, к изменениям в одной и той же плоскости в форме колебательных движений.

Условием решения проблемы взаимоотношений прогресса и регресса является признание не только их единства, но и их взаимоисключения как противоположных тенденций. Развитие будет иметь место там, где преодолевается их равновесность, где возникает их несоответствие, т. е. там, где они взаимоисключают друг друга. Причём способность к взаимоисключению, к преодолению данного относительного соответствия является достоянием той противоположности, которая ведёт к прогрессу и, следовательно, к развитию. Одна из противоположностей берёт верх: ею оказывается та из них, которая выступает отрицанием старого состояния общества. Чтобы признать развитие, необходимо считать доминирующей противоположностью — прогресс.

§ 4. Развитие как превышение результата над затратами

Если возможность развития не выводится из стоимостной парадигмы с её принципом равновесности и кругообращения, то логично допустить в качестве основания для признания развития другой, противоположный принцип — неравновесность. Чтобы

более отчётливо выявить смысл последнего принципа, надо его рассмотреть в том же ракурсе, что и равновесие — с точки зрения взаимодействия затрачиваемых условий (ресурсов) и получаемых результатов. Кроме того, экономический аспект взаимодействия (затраты — результаты) следует расширить до общесоциологического взаимодействия условий, предпосылок, на одной стороне, и результатов — на другой, составляющих вместе моменты всякой социальной деятельности.

Такой методологический подход существенно превосходит ныне модный и распространённый системный принцип, особенно в анализе процессов развития. Концепция равновесности и устойчивого развития опирается не только на стоимостную парадигму, но и на представление об обществе как об устойчивой системе, в которой развитие исчерпывается изменениями элементов внутри системы. «Весь концептуальный аппарат, обычно используемый в анализе изменений, — по свидетельству П. Штомпки, — берётся прежде всего из системной модели, даже если учёные и не осознают этого или не считают себя сторонниками системных и структурно-функциональных теорий. Лишь недавно „системной модели“ был противопоставлен „альтернативный образ“ общества, рассматриваемого с точки зрения процесса, или морфогенетического подхода, вследствие чего концепции, использовавшиеся в исследованиях социальных изменений, подверглись соответствующей модификации»[702].

В этом отношении не могут быть приняты в качестве параметра системы исторического действия переход от движения к порядку (равновесию) или простое сочетание этих принципов. Системная модель в данном случае приводит к тому, что в конечном счёте движение трансформируется в порядок и перестаёт быть постоянным преодолением равновесности (порядка) системы, в том числе системы деятельности (практики), и тем более — постоянным переходом от одного социального порядка к другому социальному порядку. Нарушается, следовательно, принцип абсолютности движения (развития) и относительности порядка (устойчивости, покоя).

Понятие «развитие» в отличие от понятия «изменение» не сводится к изменениям элементов внутри системы. Оно предполагает

---

[702] Штомпка П. Социология социальных изменений. С. 20.

прежде всего преобразование, причём постоянное, условий существования социальной системы. Так, например, в экономической области исходным феноменом развития выступают новые комбинации в производительных силах: изготовление нового орудия или потребительского блага; освоение ещё не освоенного рынка сбыта товаров; использование новых источников сырья и новых материалов; создание новой организационной структуры и т. д[703].

Другим феноменом развития выступает тот факт, что новые условия превращаются в соответствующие новые результаты, в которых условия не только воспроизводятся, но и преобразуются. Поэтому каждый раз полученный результат, образуя определённое историческое состояние общества, неизбежно предполагает предшествующее состояние, благодаря которому он возникает. Бытие людей, с этой точки зрения, представляет собой результат того предшествующего процесса, через который прошла органическая жизнь. Поскольку же человек стал человеком, он, как первая предпосылка человеческой истории, есть в то же время её постоянный продукт и результат. Предпосылкой человек становится тоже только как собственный продукт и результат. В первом случае, на этапе органической жизни, человек ещё не существует, а исторические условия органической жизни, когда возникают общества, заменяются общественными условиями. Именно последние, а не первые полагаются обществом как условия своего существования, и они постоянно воспроизводятся. Мы можем, следовательно, представить социально-экономическое развитие как диалектику предпосылок и результатов и вместе с К. Марксом заявить: «всякая предпосылка общественного процесса производства есть вместе с тем и его результат, а всякий его результат выступает вместе с тем и как предпосылка»[704].

С одной стороны, при простом воспроизводстве первоначальные предпосылки, благодаря простой непрерывности процесса, создаются всё снова и снова и тем самым закрепляются в виде результата. С другой стороны, при расширенном воспроизводстве непрерывность этого процесса прерывается, система изменяет траекторию своего движения и может перейти в новую,

---

703 Шумпетер Й. Теория экономического развития. С. 159.

704 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III. С. 534.

противоположную прежней, систему, что предполагает не кругооборот, не движение от равновесия к равновесию, а развитие.

С этой точки зрения, наиболее эффективной для обоснования развития является воспроизводственная концепция, исходящая из механизма расширенного воспроизводства. Можно ещё раз сослаться на мнение Й. Шумпетера, высоко оценившего теорию воспроизводства К. Маркса. Й. Шумпетер справедливо считал, что классики политической экономии и Л. Вальрас для теории развития сделали лишь то, что они ввели в неё фактор роста населения и фактор сбережений. Но эти факторы, по его мнению, могут приводить лишь к изменению элементов системы, но не к появлению нового в ней. Единственную значительную попытку обосновать развитие предпринял К. Маркс. Только ему присущи разработки проблемы «развития» экономической жизни с помощью средств экономической теории. Его теория накопления, обнищания, гибели капитализма в результате краха его экономической системы строится действительно на идеях и соображениях чисто экономического порядка, и его взгляд постоянно направлен на достижение цели, заключающейся в том, чтобы мысленно постичь развитие экономики в целом, а не просто кругооборот хозяйства в определённый период времени[705].

Вместе с тем Й. Шумпетер исключал материалистическое понимание истории из методологических средств, используемых для обоснования теории развития. Это он делал под тем предлогом, что материализм К. Маркса якобы не связан с его точной экономической теорией, не относится к экономике в собственном смысле, не даёт возможности оперировать экономическими методами, теоремами и понятиями.

Сам К. Маркс в «Послесловии ко второму изданию» «Капитала» свою трактовку законов экономики как законов её изменяемости, развития, перехода от одной формы к другой, от одного порядка взаимоотношений к другому считал результатом материалистического понимания истории, материалистически понятых основ диалектического метода. Впрочем, Й. Шумпетер признавал, что его собственная концепция покрывает лишь небольшую часть поверхности здания, возведённого К. Марксом.

---

[705] Шумпетер Й. Теория экономического развития. С. 139.

Диалектика взаимодействия предпосылок и результатов в социальной области не может дать полного представления о развитии, если не включить в это взаимодействие человеческую деятельность, практику. Обращение к труду, причём к труду, созидающему не стоимость, а потребительную стоимость (полезность), и к социальной деятельности вообще, составляет, как уже сказано, необходимое условие объяснения социально-экономического развития общества.

В этом отношении нужно приветствовать экономистов и социологов, которые исходят в своих концепциях из теории деятельности, социального действия, производства обществом самого себя. Можно, например, сослаться на известного французского социолога А. Турена, полагающего, что само социологическое понимание общества становится возможным лишь тогда, когда общество рассматривается как результат труда, социальной деятельности[706].

Вместе с тем деятельностный подход, претендуя на роль интегративной стратегической теории в социологии, не должен ограничиваться анализом «чистой» деятельности по формуле «движение всё, а его условия и результат — ничто». Деятельность без предпосылок, без соответствующих условий (ресурсов) не может выполнять функцию созидания общества, источника его развития. Люди, делая свою историю, строят её исходя из существующих обстоятельств и предпосылок. Конечно, не обстоятельства сами по себе творят историю. Её создают люди в процессе своей практической деятельности, хотя сами они одновременно являются и продуктом создаваемых ими обстоятельств. Здесь важно исторические условия, в которых осуществляется деятельность, а также самих субъектов деятельности не растворить в некоем «поле» взаимодействий, лишённом материальных носителей. «Разумеется, — справедливо замечает Ж.-П. Сартр, — условия существуют: только они и придают направленность и материальную реальность изменениям, которые ими готовятся, хотя человеческая практика, их сохраняя, превосходит в своём движении»[707]. Необходимо

---

706 Touraine A. Production de la societe. Paris. 1993. P. 27.

707 Sartre J. -P. Critique de la raison dialectique. T. 1. Paris, 1960. P. 61.

подчеркнуть, что именно условия (ресурсы) выступают детерминантом направленности деятельности, их следует ставить впереди, а не позади этой направленности. Тем более их нельзя отождествлять со состоянием порядка, относить на его сторону, а не на сторону движения.

Не менее существенно и признание объективизации деятельности в её результатах, в том числе и в человеке и, следовательно, определение человека не только как деятеля, но и одновременно как продукта деятельности, труда (как своего, так и других людей). Причём результат не должен быть отождествлён с условиями, «предпосылками». В противном случае не учитывалась бы роль самой деятельности не только в превращении условий в результат, но и в главном — в преодолении их тождества, «эквивалентности», т. е. в создании результата, превосходящего условия. Тогда будет легко представить человека деятелем, способным посредством труда и действия прибавлять к исходным обстоятельствам новое в получаемых результатах. «Надо выбирать: либо мы всё будем сводить к тождеству... либо превратим диалектику в божественный закон, налагаемый на универсум, в метафизическую силу, которая сама по себе порождает исторический процесс (и тем самым впадаем в гегелевский идеализм)»[708].

В наше время на пути к обоснованию социально-экономического развития приходится преодолевать необычайно распространённый «постмодернизм» с его претензией рассматривать прошлое не как предпосылку, а как непосредственную составную часть настоящего и будущего, которые считаются тождественными с тем, что было. «Я полагаю, — пишет, например, А. Гулыга, — что философия достигла своего предела... Философия существует только как история философии»[709].

Прогресс в прошлом, как полагают представители «постмодерна», был возможен потому, что потери были меньшими, чем приобретения. Ныне же вроде бы человечество стало терять больше, чем приобретает, или, по крайней мере, не приобретает больше, чем теряет, вступая в полосу удерживаемого равновесия между потерями и приобретениями.

---

708 Sartre J. -P. Critique de la raison dialectique. T. 1. Paris, 1960. P. 68.

709 Гулыга А. В. Русская идея и её творцы. М., 1995. С. 11.

С этой точки зрения, современные рассуждения о возрождении России нередко превращаются в защиту старого капиталистического или помещичьего прошлого, в призыв повернуть историю вспять. Никак не хотят согласиться с тем, что история необратима, что настоящее и будущее в том или ином отношении превосходит прошлое, хотя возможны попятные движения. Такое утверждение — не результат присущего человеку исторического оптимизма, а необходимый вывод из анализа существа человеческой деятельности.

Её специфичность в том и состоит, что человек, осваивая условия, окружающую среду и сохраняя идущую от них детерминацию, на основе этих условий преобразует мир, достигает новых результатов, не содержащихся в условиях. Человек характеризуется прежде всего превосхождением ситуации, тем, что ему, по словам Ж.-П. Сартра, удаётся сделать из того, что из него сделали. Человек — это такое материальное существо, которое постоянно превосходит условия, в которые он поставлен, он раскрывает и определяет свою ситуацию, выходя за её рамки, чтобы объективироваться через труд, действие, поступок[710].

Каким же образом общество и люди посредством деятельности (труда) достигают превосходства её результатов над предпосылками и тем самым делают возможным развитие?

Обычно на первое место ставят специфику человеческой познавательной деятельности, благодаря которой люди превосходят существующую действительность, наличную ситуацию вначале идеально — в виде создаваемого образа будущего результата и цели, мобилизующей волю человека на её достижение. У Ж.-П. Сартра этого рода превосходство выражается в создаваемом человеком проекте, понимаемом как стремление выдвинуться, «броситься» вперёд. Даже самое примитивное поведение, по его словам, детерминируется не только обусловливающим его отношением к имеющимся налицо факторам, но и отношением к определённому будущему объекту, который он стремиться вызвать к жизни. Индивиды на основе данных условий и при расходящихся и противоположных интересах

[710] Sartre J. -P. Critique de la raison dialectique. P. 63, 95.

осмысливают и превосходят проекты других. В этом отношении сказать о человеке, что он есть, значит сказать, что он может[711].

Превосхождением и превосхождениями превосхождений как бы конструируется будущий социальный объект. Его конструирование вначале выступает в форме отношения существующего к своим возможностям, ограниченными наличными условиями существования. Превосходя данные условия в направлении поля возможностей и реализуя из них одну, индивид объективирует себя и тем самым принимает участие в созидании истории[712].

В концепции А. Турена историчность человеческой деятельности тоже связывается с познанием, культурной моделью. Знание, по его мнению, образует исходную составляющую историчности, её наиболее прямое и наименее социально организованное выражение. Эта модель, однако, — не рефлексия общества над собой и не идеология. Её нельзя также свести к совокупности идей, ценностей, смыслов. Она в действительности неотделима от труда, посредством которого общество воспроизводит себя, она свидетельствует о материальной стороне этого воспроизводства[713].

Наиболее чёткое и практически измеряемое выражение превосходства результатов над затратами в познавательной деятельности можно найти у Ф. Энгельса. По его словам, духовный элемент труда — изобретательность — приводит к результатам, многократно превышающим затраты на науку[714]. Здесь же выявляется чёткий критерий оценки эффективности развития — разница между полученным эффектом и затратами в единицах сэкономленного труда.

Свойство превосходить затраты относится не только к духовной стороне деятельности, а ко всему труду. Иначе теряется смысл самого труда как источника общественного развития. Коренное свойство всякого труда — производить результат, превосходящий затраты. В этом своём качестве труд выступает не просто перводвигателем, а вечным двигателем. Человек и его труд завершают принцип движения органических тел — снова и снова

---

711 Sartre J. -P. Critique de la raison dialectique. P. 63, 68.

712 Sartre J. -P. Critique de la raison dialectique. P. 64.

713 Touraine A. Production de la societe. P. 27.

714 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1. С. 555.

воссоздавать свою жизнь из условий, не обладающих таким свойством. Посредством труда общество производит дополнительный результат без соответствующих дополнительных затрат.

Благодаря труду общество производит самого себя, воздействует на самого себя таким образом, чтобы воссоздавать себя всё в новых и новых качествах. Именно потому, что люди производят свою жизнь, причём определённым образом, они имеют свою историю. Общество есть то, что оно из себя делает, т. е. то, каким оно себя производит. В этом производстве самого себя оно воздействует на себя, делает себя историчным[715].

Главное своё качество — превосходство результатов над затратами, труд реализует своей основной функцией — созданием прибавочного продукта. Всё развитие человеческого общества, по словам Ф. Энгельса, начинается с того дня, когда труд семьи стал создавать больше продуктов, чем необходимо было для её поддержания. Избыток продукта труда над издержками поддержания труда, образование и накопление из этого избытка общественного производительного и резервного фонда — всё это было и остаётся основой всякого общественного и умственного прогресса[716]. Соответственно, чтобы обосновать этот прогресс, необходимо иметь потребительностоимостную концепцию производства прибавочного продукта, его накопления и расширенного воспроизводства.

Если рассматривать прибавочный продукт со стороны стоимости, то, как было показано, его стоимость не может превосходить затраты соответствующего труда, так как прибавочная стоимость эквивалентна затратам прибавочного труда. В своей стоимостной форме прибавочный продукт не является аргументом в пользу признания общественного развития, социальной динамики.

Совсем иную объяснительную функцию выполняют прибавочный труд и прибавочный продукт в их потребительностоимостной форме, т. е. когда они берутся как потребительные стоимости. Потребительная стоимость вовсе не предполагает эквивалентности затрат и результатов. Её повышение — не просто результат дополнительного труда и рабочего времени, а следствие

---

715 Touraine A. Un désir d'histoire. Paris, 1988. P. 110.

716 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20. С. 199.

увеличения производительности труда, т. е. её избыток проистекает из экономии, уменьшения труда и рабочего времени. В отличие от стоимости, которая в общем случае при росте производительности труда уменьшается, потребительная стоимость увеличивается. На этом как раз и базируется общественный прогресс.

Существование прибавочного продукта имеет своей основой обычную природную продуктивность труда, т. е. его естественно возникающую производительность, предполагающую возможность человеку тратить не всё своё рабочее время только для обеспечения своего существования, воспроизводства своей рабочей силы. Такого рода общие естественные условия возникновения прибавочного продукта сводятся к тому, что непосредственные производители должны тратить меньше рабочего времени для поддержания своего существования, т. е. доставлять прибавочный труд. Сам же этот труд возможен при условии, что используются природные силы, которые позволяют производить продуктов больше, чем нужно работнику для поддержания собственной жизни, и что этому способствует создаваемая общественная производительная сила труда. В итоге, масштабы прибавочного продукта в своей потребительностоимостной форме зависят, с одной стороны, от того, что сами потребности людей недостаточно развиты и малы и, следовательно, для их удовлетворения требуется лишь часть рабочего времени, другая часть которого идёт на создание прибавочного продукта. Или же, с другой стороны, сравнительно высока естественная и общественная производительная сила труда, позволяющая удовлетворить потребности в собственных жизненных средствах небольшим количеством необходимого рабочего времени и тем самым создавать больше прибавочного продукта.

Что же даёт обращение к прибавочному продукту для обоснования возможности человеческого развития? Прежде всего то, что прибавочный продукт и прибавочный труд высвобождают для других видов деятельности время, служащее пространством человеческого развития — свободное время. Чем выше будет потребительная стоимость прибавочного продукта и чем больше труда будет сэкономлено в материальном производстве, тем больше у общества прибавится свободного времени. Прибавочный труд и прибавочный продукт превращаются в базис свободного времени

общества и в материальный базис всего общественного развития и всей культуры. «Всё человеческое развитие, в той мере в какой оно выходит за рамки развития, непосредственно необходимого для естественного существования людей, состоит исключительно в использовании этого свободного времени и предполагает его как свой необходимый базис»[717].

Прибавочный продукт, однако, — не только результат использования природных сил и общественной производительной силы труда. Кроме этой общей естественно-исторической основы, он имеет и социальную основу — принуждение к прибавочному труду. Причём социальная форма, посредством которой выжимается прибавочный труд из непосредственного производителя, во многом определяет как характер самого прибавочного труда, так и общественного развития в той или иной общественно-экономической формации. В обществе, в котором определённая часть трудоспособных людей непосредственно не участвует в производстве потребительных стоимостей, на производительную часть населения возлагается обязанность доставлять прибавочный труд и прибавочный продукт. За счёт последних освобождённые от производительного труда лица получают, во-первых, средства существования, во-вторых, свободное от участия в материальном производстве время, необходимое для развития человеческих способностей и общественных потенций. Там, где прибавочный продукт приобретает форму прибавочной стоимости, присваиваемой господствующим классом, общественный прогресс осуществляется в антагонистической форме: свободное время на одной стороне соответствует чрезмерному труду, порабощённому времени — на другой. «Свободное развитие на одной стороне базируется на том, что всё своё время, стало быть, всё пространство для своего развития рабочие вынуждены затрачивать исключительно на производство определённых потребительных стоимостей; развитие человеческих способностей на одной стороне базируется на тех барьерах, которые поставлены развитию на другой стороне. На этом антагонизме базируется вся существовавшая до сих пор цивилизация и всё общественное развитие»[718].

---

[717] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 47. С. 212–213.

[718] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 47. С. 211.

Для преодоления антагонистической формы общественного развития, в том числе в современном мировом сообществе, нет необходимости отрицать правомерность различения необходимого и прибавочного труда (и продукта), или не признавать существование прибавочной стоимости как способа присвоения прибавочного продукта для развития немногих. В любом обществе часть труда, продукт которого входит в непосредственное индивидуальное потребление производителей и членов их семей, отличается от той части труда, которая создаёт прибавочный продукт, идущий на удовлетворение общих потребностей, независимо от того, кто представляет эти общие потребности и как распределяется прибавочный продукт.

Другое дело — социальное разделение необходимого и прибавочного труда, когда продукт последнего отчуждается от самого работника в пользу того или иного господствующего класса. Преодоление антагонизма общественного развития и ускорение общественного прогресса предполагает воссоединение этих частей труда, снятие отчуждённости труда. Это возможно, если, удовлетворяя потребности расширения производства в зависимости от разумных потребностей общества, остальной частью прибавочного продукта увеличивается индивидуальное потребление до объёма, продиктованного необходимостью полного развития личности при данной производительной силе общества. В этом случае социальная разделённость необходимого и прибавочного труда (соответственно необходимого и прибавочного продукта) отпадает, останутся не эти социальные формы, а лишь общее их различие, свойственное всякому обществу.

Условием перехода к такой основе общественного развития опять-таки выступает превращение производства в производство потребительной стоимости, что, в свою очередь, обусловливается в конечном счёте состоянием производительных сил. По мере их развития масса непосредственного труда как основа стоимостного отношения перестаёт быть решающим фактором производства богатства, поскольку создание последнего становится менее зависимым от количества затраченного труда и рабочего времени, чем от производительности труда, техники и применения науки. Вместе с потерей решающей роли количества непосредственного рабочего времени теряет значение и его следствие — меновая

стоимость. Перспективы такого развития, нередко используемые в современных концепциях постиндустриального, технотронного и т. п. общества в своё время предсказал К. Маркс: «В этом превращении в качестве главной основы производства и богатства выступает не непосредственный труд, выполняемый самим человеком, и не время, в течение которого он работает, а присвоение его собственной производительной силы, его понимание природы и господство над ней в результате его бытия в качестве общественного организма, одним словом — развитие общественного индивида... Как только труд в его непосредственной форме перестал быть великим источником богатства, рабочее время перестаёт и должно перестать быть мерой богатства, и поэтому меновая стоимость перестаёт быть мерой потребительной стоимости. ***Прибавочный труд рабочих масс*** перестал быть условием для развития всеобщего богатства, точно так же как ***нетруд немногих*** перестал быть условием для развития всеобщих сил человеческой головы. Тем самым рушится производство, основанное на меновой стоимости, и с самого непосредственного процесса материального производства совлекается форма скудости и антагонистичности. Происходит свободное развитие индивидуальностей, и поэтому имеет место не сокращение необходимого рабочего времени ради полагания прибавочного труда, а вообще сведение необходимого труда общества к минимуму, чему в этих условиях соответствует художественное, научное и т. п. развитие индивидов благодаря высвободившемуся для всех времени и созданным для этого средствам»[719].

Свойство труда производить больше, чем это нужно для поддержания самого труда, в частности создавать прибавочный продукт, обычно связывается с накоплением. Последнее чаще всего трактуется как рост параметров материального продукта. Его воспроизводству и накоплению посвящено преобладающее число соответствующих работ. Накопление в этом своём качестве обычно противопоставляется индивидуальному потреблению, призванному якобы только уничтожать накопленное. Такое суждение проистекает из того, что результаты производства сводятся к вещному богатству, взятому в его стоимостной форме. Стоимость же,

719 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 214.

в том числе жизненных средств, в потреблении исчезает, вместо неё функционирует потребительная стоимость, которая воплощается в способности к труду и в новом труде.

Поскольку в потреблении стоимость не создаётся, в нём участвует только потребительная стоимость, само потребление выводится из воспроизводственного процесса и накопления, следовательно, из причин и факторов общественного прогресса. К тому же обычно речь идёт о накоплении капитала, существующего в виде овеществлённого труда, т. е. в вещной форме. Что касается живого труда, то самое большее, что допускается, — это изображение накопления в виде простого потребления продукта производительными рабочими, т. е. превращение переменного капитала в стоимость жизненных средств, потребляемых рабочими. Даже воспроизводство рабочей силы подгоняется под накопление капитала, называемого, правда, не вещным, а «человеческим», который якобы возникает из продажи рабочей силы и достаётся рабочему. В итоге накопленным богатством в рамках стоимостного отношения может считаться лишь то, что изымается из сферы индивидуального потребления, т. е. не потребляется. Это мало что даёт для обоснования развития общества, особенно человеческого развития.

Из стоимости потребляемых рабочим средств не получить большую стоимость самой рабочей силы, ибо здесь происходит обмен эквивалентов. Поэтому накопление может происходить только за счёт труда и получить форму овеществлённого труда-капитала, что предполагает превращение полученной из труда прибавочной стоимости обратно в капитал. Однако потребляется ли необходимый продукт, или к нему присоединяется часть прибавочного продукта, из их совокупной стоимости большую стоимость опять-таки не получить.

По-другому выглядит накопление, если речь идёт о потребительной стоимости продуктов или о дополнительной их массе, выходящей за пределы суммы жизненных средств, необходимых для обеспечения простого жизненного существования человека. Накопление человеческих сил возможно только на этой основе. Поэтому вполне обоснованно утверждать, что расширенное воспроизводство и саморазвитие индивида своим необходимым условием имеет растущую массу предметов потребления,

обусловленную повышением производительности труда. Расширенное воспроизводство рабочей силы не может завершиться стоимостным необходимым продуктом, оно только с этого начинается. Производимый рабочими излишек над собственным содержанием с самого начала должен «служить для удовлетворения потребностей самих рабочих, для полного развития всех их способностей и равноправного пользования всеми приобретениями науки и искусства»[720].

Накопление в процессе индивидуального потребления во многом определяется теми пропорциями, которые складываются между ним и производственным накоплением. Оптимальным будет такое их соотношение, при котором обеспечивается максимум фонда потребления, т. е. такой рост национального продукта, когда в нём производственное накопление занимает меньшую долю по сравнению с потребительным накоплением.

С переходом от производства капитала к воспроизводству богатства в форме развитого во всех отношениях индивида неизбежно перестраивается весь строй воспроизводственного процесса, вступают в силу новые процессы накопления. Расширенное воспроизводство фонда потребления в случае, если оно совершается в условиях сохраняющегося соотношения живого и овеществлённого труда в системе материального производства (органическое строение производства не изменяется), предполагает, что фонд индивидуального потребления расширяется одновременно с увеличением масштабов производственного накопления. И всё же специфика законов потребительного накопления связана не с ростом прибавочного продукта для целей производительного накопления, а с экономией рабочего и увеличением свободного времени общества. Постоянное уменьшение доли живого труда в общественном продукте по сравнению с овеществлённым трудом в этом случае не ведёт к соответствующему уменьшению фонда потребления.

Но такой вывод можно сделать, если не придерживаться законов стоимости. Если же рассуждать согласно этим законам, то уменьшающемуся в материальном производстве количеству живого труда (этому уменьшению нет предела) должны

[720] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2. С. 97.

соответствовать столь же сокращающиеся объёмы фонда потребления, поскольку он создаётся для уменьшающейся массы живого труда. Первое подразделение общественного производства по мере научно-технического прогресса должно неимоверно возрасти, а второе, где производятся жизненные средства, — упасть до самых минимальных размеров. По мнению М. И. Туган-Барановского, беспрепятственный рост капитала может совершаться в условиях абсолютного падения индивидуального потребления, причём этот факт возможен даже тогда, когда вообще не будет потребителей в лице замещаемых машинами рабочих. Он полагал, что согласно воспроизводственной схеме, построенной на стоимостной основе, «самое широкое замещение рабочих машинами не в силах само по себе сделать какую-либо машину излишней и бесполезной. Пусть все рабочие, вплоть до одного, будут замещены машинами... пусть сократится и потребление капиталистов... это нисколько не затруднит реализацию продуктов капиталистической промышленности»[721]. К такому выводу в своё время пришла и Р. Люксембург, распространив его на всю историю. «Формула $C>V$, — писала она, — будучи переведена с капиталистического языка на язык общественного процесса труда, означает не более, как следующее: чем выше производительность человеческого труда, тем короче то время, в течение которого данное количество средств производства превращается в готовый продукт. Это — всеобщий закон человеческого труда, он имеет силу и при всех докапиталистических формах производства и будет иметь силу в будущем, при социалистическом общественном строе. Выраженный в вещественной потребительной форме совокупного общественного продукта, этот закон должен проявляться во всё более возрастающем применении общественного рабочего времени на производство средств производства по сравнению с производством средств потребления. В социалистически организованном и планомерно руководимом хозяйстве этот процесс должен был бы продвигаться вперёд ещё быстрее, чем в современном капиталистическом обществе»[722].

---

[721] Туган-Барановский М. И. Периодические промышленные кризисы. 3-е изд. 1914. С. 228.

[722] Люксембург Р. Накопление капитала. 4-е изд. М.; Л., 1931. С. 223.

В. И. Ленин не согласился с приведённым суждением Р. Люксембург, особенно с той её частью, где утверждается тезис о неизбежном сокращении фонда потребления рабочих по сравнению с фондом производственного накопления. В составленных схемах воспроизводства В. И. Ленин, наоборот, предусмотрел громадный рост «потребления рабочих», причём в значительной мере за счёт того «прибавочного» продукта, который раньше превращался в капитал. Если за 200 лет капитализма доля потребления рабочих во вновь произведённой стоимости составляет всего 33%, то за 100 лет социализма она достигает 67%[723]. При этом В. И. Ленин исходил из того, что при социализме норма производственного накопления снижается по сравнению с капитализмом, хотя это не означает сокращения темпов роста производства.

Стоимостная схема выражения потребительностоимостной структуры совокупного продукта неизбежно искажает соотношение производственного и потребительного накопления. Последнее имеет специфические законы своего движения, учитывающие первенство удовлетворения потребностей и их определяющего влияния на объёмы производственного накопления. В конечном счёте в условиях будущего общества воспроизводственные схемы должны строиться исходя из первенства накопления потребительного фонда как определяющего фактора накопления человеческого, субъективного богатства, а на роль первого подразделения общественного производства должно быть выдвинуто производство средств потребления. Для этого нужна новая теория расширенного воспроизводства. Пока же она строится на стоимостной основе.

В каких бы масштабах ни накоплялся капитал, он всегда будет эквивалентен затратам прибавочного труда, т. е. здесь не выполняется обязательное условие развития — превосходство результатов над затратами. Что же касается теории расширенного воспроизводства на противоположной стоимости основе, т. е. потребительностоимостной основе, то она пока ещё не получила более или менее основательной разработки. Попытка Р. Люксембург окончилась неудачей, поскольку она хотела решить проблему простым наложением стоимостного каркаса накопления

723 Ленинский сборник. Т. XXXVIII. М., 1975. С. 91.

на процессы, касающиеся движения потребительной стоимости, в частности, схему изменения соотношения постоянного и переменного капитала в пользу первого распространила на процессы взаимодействия первого и второго подразделений общественного производства. Вроде бы и в последнем случае производство средств потребления будет всё больше уступать место производству средств производства, в том числе и в социалистическом обществе.

Намерению В. И. Ленина противопоставить этой концепции теорию воспроизводства на противоположной (потребительностоимостной) основе тоже не суждено было осуществиться. Из подготовленных им предварительных воспроизводственных таблиц видно, что личное потребление и производство средств производства, взятых в потребительностоимостном разрезе, в своём взаимодействии никак не совпадают с их соотношением в стоимостных категориях постоянного и переменного капитала. Решение проблемы видится в разработке теории и схем воспроизводства, базирующихся на движении потребительной стоимости. Это означает, что в воспроизводственном процессе результаты должны превосходить затраты, чего не предусматривает стоимостная схема.

Глава 21. Человеческое развитие — обобщающий результат общественного воспроизводства

§ 1. Труд — способ бытия и развития человека

Из людей науки, пожалуй, никто сегодня не осмелится отрицать определяющую роль труда в становлении человека и общества. Но речь должна идти не только об истории возникновения человека. Всё последующее его развитие своим постоянным источником имеет труд как с его собственными, так и с природными силами. Почему же ныне как в теории, так и на практике столь мало внимания уделяется труду (кроме рынка труда), поговаривают даже о конце трудового общества?

Дело в конечном счёте сводится к тому, что затраты труда, взятые в их отношении к производству стоимости, и труд как

наёмный труд, функционирующий в системе рыночного обмена, оказывается в отношениях тождества со своим стоимостным результатом и тем самым лишается свойств инновационности, а потому и источника развития. Отсюда проистекал и известный взгляд А. Смита на труд как на жертву. Он полагал, что затраченное рабочим определённое количество труда всегда является для него одинаковой жертвой. «При нормальном состоянии своего здоровья, силы и бодрости и при обычной степени искусства и ловкости, которыми он может обладать, он всегда вынужден отдавать одну и ту же долю своего покоя, своей свободы и своего счастья»[724].

Своей оценкой труда как жертвы А. Смит скорее всего имел в виду психологическое отношение рабочего к труду, т. е. его отношение с точки зрения удовольствия или неудовольствия, которые сопровождают труд. Наёмный труд, как и рабский, действительно выступает как некая жертва, как труд по внешнему принуждению, а не как свободная деятельность, приносящая счастье и удовольствие. Однако за этой эмоционально-психологической внешностью отношения к труду скрывается более глубокая причина — экономическая, не позволяющая труду при эквивалентном стоимостном обмене на капитал выявить свою действительную природу как положительной, творческой деятельности. Это следствие товарно-стоимостных отношений, в которых оказывается труд и которые не позволяют его стоимостному результату превзойти затраты. Поэтому труду придаётся отрицательное определение или как жертвы, или как отрицательной полезности. «Если рассматривать труд только как жертву и именно в силу этого — как фактор, определяющий стоимость, т. е. если рассматривать труд как ту цену, которая уплачивается за вещи и потому придаёт цену этим вещам, придаёт в соответствии с тем, требует ли она больше или меньше труда, — то это есть чисто отрицательное определение»[725]. Из-за этого многими экономистами источник роста производства переносится с труда на капитал или на какой-нибудь другой фактор, ибо труд как отрицательный фактор в стоимостном отношении ничего нового не создаёт, даже если рабочий получает

---

724 Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962. С. 40.

725 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 110.

удовольствие от своего труда, хотя на самом деле реально производит один только труд, и он представляет собой единственную субстанцию продуктов как стоимостей[726].

Значение труда, однако, не может оцениваться только с позиций стоимостного отношения, и, следовательно, получать соответствующие отрицательные определения. Труд каждый раз создаёт реальную предпосылку стоимости — потребительную стоимость и именно этим выполняет свою созидательную роль. Если иметь в виду этот аспект труда, то человек при нормальном состоянии своего здоровья, силы и бодрости испытывает также потребность в нормальной порции труда и в преодолении стоящих перед ним трудностей, что доставляет ему не только удовольствие, но и свободу и счастье, деятельностными проявлениями которых как раз и является труд.

Для этого необходимо, чтобы производство во имя создания потребительной, а не меновой стоимости, во имя удовлетворения потребности людей стало господствующим как цель и как реальность. Тогда возникают объективные и субъективные условия, позволяющие труду быть не только привлекательным, но и служить самоосуществлением и способом развития человека. В материальном производстве, по словам К. Маркса, труд может приобрести свободный, но отнюдь не развлекательный характер лишь тем путём, что он приобретает, с одной стороны общественный, с другой — научный характер, т. е. будет напряжением человека не как определённым образом выдрессированной силы природы, а как субъекта, который в процессе производства выступает как управляющий силами природы и собственными производительными силами[727]. Но в этом качестве он выступает только как субъект труда, производящего потребительную стоимость. Об этом часто забывают сказать.

В оценке значимости труда для развития работника К. Маркс поддерживал больше Ж. Сисмонди, чем Д. Рикардо. Ж. Сисмонди в своих «Новых началах политической экономии» предложил в качестве цели экономической науки обеспечение наибольшего счастья для трудящегося населения. Соответственно,

---

726 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 111.

727 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 110.

существенное значение он придавал, в отличие от Д. Рикардо, потреблению и оплате труда рабочих. Он относил отрицательные стороны в промышленном производстве не к труду, а к капиталу, вызывающему нищету трудящихся классов, лишая их всякого счастья. Он требовал, чтобы заработная плата не ограничивалась прожиточным минимумом: рабочий должен получать сверх этого минимума надбавку для обеспечения своего собственного блага и индивидуального развития. Он настаивал на идее человеческого развития, выступал против так называемого «экономического человека».

Наиболее последовательно тезис о необходимости всестороннего развития работника защищали социал-рикардианцы (Т. Годскин, В. Томпсон и другие), причём они это делали от имени «политической экономии труда». Из обнаруженного в учении Д. Рикардо противоречия между признанием труда единственным источником стоимости (богатства) и возвеличением капитала они сделали вывод в пользу труда и человека труда, развитие которого они объявили истинным богатством. Прибавочная стоимость, извлекаемая капиталом из труда, согласно Т. Годскину, должна быть превращена в свободное время, принадлежащее рабочему, которым он должен сам распоряжаться как временем для накопления своего мастерства и способностей. Это — не инвестиции в переменный капитал, а действительные вложения в человека и его развитие.

Современные попытки отрицания созидающей роли труда и трудовой основы общества тоже предопределены той же исходной причиной — стоимостной парадигмой. Последняя как раз и не даёт возможности объяснить, с одной стороны, инновационную сущность труда, с другой — источник прибавочной стоимости (прибыли, ренты), заключённый в прибавочном труде и его эксплуатации. Тезис о том, что прибавочный труд является единственным источником прибавочной стоимости, не могут принять многие современные авторы. Они, следовательно, готовы отказаться от труда и трудового общества, чтобы снять вопрос об эксплуатации труда.

Для этого они используют даже высказывания К. Маркса о неизбежном устранении в будущем отчуждённого наёмного труда, трактуя их как желание устранить всякий труд. К этому

приложил руку и Р. Дарендорф. Он для этой цели приводит соответствующее суждение К. Маркса из «Экономико-философских рукописей 1844 года»: «Производство человеческой деятельности как труда, т. е. деятельности совершенно чуждой себе, человеку и природе, и потому совершенно чуждой сознанию и жизненному проявлению, абстрактное существование человека исключительно лишь как человека труда, который поэтому ежедневно может скатиться из своего заполненного ничто в абсолютное ничто, в своё общественное и потому действительное небытие»[728]. Таким труд, по мнению К. Маркса, делает капитал, и поэтому «эта противоположность труда и капитала, будучи доведена до крайности, неизбежно становится высшим пунктом, высшей ступенью и гибелью всего отношения»[729], т. е. отношения наёмного труда и капитала.

Р. Дарендорф же из этих вполне понятных суждений К. Маркса делает вывод о том, что якобы «присущая обществу труда особая форма человеческой деятельности не имеет способности к самосохранению; она сама себя разрушает. Общество труда не только теряет труд, но сам труд должен исчезнуть в нём»[730].

Конечно, труд, воспроизводящий лишь эквивалент стоимости своих затрат на приобретение средств своего существования, не сулит рабочему возможностей для собственного развития, выходящего за пределы уже принесённых в «жертву» затрат. Такой труд подлежит устранению. Но это не снимает необходимости свободного труда и трудового общества, достигающего высоты царства свободы. Р. Дарендорф как раз не приемлет тезис К. Маркса о том, что само царство свободы своим базисом сохраняет естественную необходимость труда, хотя и свободного, предполагающего в качестве своего носителя всесторонне развитого субъекта. Для Р. Дарендорфа царство свободы не нуждается в необходимости труда: чтобы снять единство этих противоположностей, он ничего серьёзного не может противопоставить этому, кроме как заменить понятие труда понятием деятельности, а общество труда — обществом деятельности.

---

728 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42. С. 102.

729 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42. С. 102.

730 Дарендорф Р. Если трудовое общество теряет труд // Социология труда (часть I). Сборник текстов. Составители: Ю. Фельдхофф, Р. Карапетян. СПб., 1998. С. 309.

В отечественной экономической науке связь производства, труда с развитием человека стала усиленно исследоваться в 60-е годы XX в. Тема под названием: «Всестороннее развитие личности — обобщающий результат социалистического воспроизводства» была включена в программу по изучению курса политической экономии (1985–1986 учебный год). В логическом отношении её место было определено аналогично заключительному седьмому отделу первого тома «Капитала» К. Маркса, которым завершается рассмотрение капиталистического процесса производства и открывается анализ обращения капитала. Ещё более близкую к ней аналогию составляла глава шестая одного из предварительных вариантов «Капитала», названная К. Марксом «Результаты непосредственного процесса производства»[731].

В программе предшествующий данной теме материал в общем и целом подготовлял обобщение, предусмотренное темой — представить человека, его развитие результатом социалистического производства, хотя в предыдущих разделах программы не все звенья, нужные для глубокого анализа темы, содержались. Не было, например, раздела или темы, в которых был бы рассмотрен человек в качестве исходной предпосылки социалистического производства и воспроизводства. Не предполагался дальнейший анализ движения человека как обобщающего результата воспроизводства и в последующих частях программы, касающихся вопросов обращения. Имелись и другие недостатки, подлежащие устранению при раскрытии данной темы. В их числе: традиционное сведение анализа производства к производству вещей и отсутствие его трактовки как производства производственных (общественных) отношений и их носителей; неразработанность потребительностоимостного подхода к воспроизводству субъективного фактора производства и невозможность без обращения к категориям потребительной стоимости объяснить необходимость развития человека и др.

Чтобы быть результатом воспроизводства, человек должен составлять его предпосылку. Воспроизводственный цикл в его простой форме предполагает движение от человека к произведённому им продукту, а от последнего — вновь к человеку. В этом

731 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 49. С. 3–119.

цикле труд выступает первым источником движения (объясняет переход от человека к продукту), а потребление — его вторым источником (объясняет переход от продукта к человеку, от объекта к субъекту). Предполагается, что воспроизводство продукта в форме средств производства здесь не затрагивается (они угасают в горниле производства), а анализу подлежит лишь продукт, предназначенный для индивидуального потребления, т. е. движение жизненных средств.

Первая трудность, которая здесь встречалась, была связана с самой трактовкой производства как производства человека, а отношений простого воспроизводства — как отношений по поводу производства человеческого бытия. Выражение «производство человека» было не совсем привычно: с ним обычно связывали или процесс деторождения, или воспроизводство жизненных сил человека, нужных для его участия в процессе производства. Ранее сложилась традиция отделять производство человека от результатов материального производства, рассматриваемых исключительно в качестве вещей (продукта) в той или иной экономической форме (стоимости, потребительной стоимости). Определения же производства как производства непосредственной жизни нередко в литературе рассматривались как признание параллельно с материальным производством существующего особого производства, лежащего за пределами экономической науки, ибо она не объясняла воспроизводство самого человека. Этого опять-таки не позволяла сделать стоимостная парадигма.

§ 2. Человеческое развитие в стоимостном и потребительностоимостном измерении

Известное марксистское положение о всестороннем и гармоничном развитии человека, об обеспечении полного благосостояния всех людей теперь положительно воспринимается видными западными теоретиками. Многими из них повторяется мысль В. И. Ленина, высказанная им при обсуждении проекта программы РСДРП относительно целей социалистического переустройства общества: «Не только для удовлетворения нужд... а для обеспечения полного благосостояния и свободного

всестороннего развития всех членов общества»[732]. Достаточно сослаться на высказывание основателя Римского клуба А. Печчеи, выразившего глубокую убеждённость в «необходимости полного и всестороннего развития возможностей и способностей всех людей планеты, как непременного условия преодоления существующего неравенства и обеспечения здоровой и достойной жизни каждого. Именно этим целям, — по его мнению, — должны быть подчинены все стратегии, политические программы и перспективные планы в национальных и глобальных масштабах»[733]. Такого же мнения придерживался А. Эйнштейн.

Сегодня, однако, речь идёт не просто об отдельных суждениях на этот счёт. Мировое сообщество признало развитие человека в качестве цели общественного развития, которая ранее связывалась с социализмом. В разработанной ООН в 1990 г. Программе развития (ПРООН) именно развитие человека принято в качестве критерия оценки достигнутого состояния прогресса всего мирового сообщества и отдельных стран. Начиная с 1990 г. ООН ежегодно публикует доклады о человеческом развитии (Россия стала публиковать подобные доклады с 1995 г.), проводит сравнительный анализ состояния этого развития в разных странах на основе так называемого «индекса человеческого развития» (ИЧР) или «индекса развития человеческого потенциала» (ИРЧП).

Этот индекс рассчитывается по трём компонентам: 1) уровню производства валового внутреннего продукта на душу населения в стоимостном выражении; 2) уровню образования; 3) ожидаемой продолжительности жизни. Итоговый расчёт производится по формуле:

$$\text{ИРЧП} = 1 - \frac{1}{3}\sum_{J=1}^{3} Jy,$$

где Jy — показатель соответствующего 1–3 компонента, а индекс каждого компонента (Jy) устанавливается по формуле[734]:

---

732 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6. С. 232.

733 Печчеи А. Человеческие качества. М., 1985. С. 205.

734 Доклад о развитии человека за 1999 год. Нью-Йорк, 1999. С. 159–160.

$$Jy = \frac{\text{фактическое значение } Jy - \min Jy}{\max Jy - \min Jy}.$$

Можно ли принять данный показатель и само человеческое развитие в качестве критерия общественного прогресса? Ведь кроме выставления этим критерием развитие человека в литературе было выдвинуто положение о том, что критерием общественного прогресса является развитие производительных сил, а его количественным показателем — величина производительности труда. Не кто-нибудь другой, а именно В. И. Ленин, ссылаясь на К. Маркса, развитие производительных сил называл высшим критерием общественного прогресса[735].

Развитие производительных сил и рост производительности труда характеризуют общественный прогресс со стороны его источника как определяющего фактора, связанного главным образом с затратами производительного труда и рабочего времени общества. Но судить об общественном прогрессе нужно и по его результатам (хотя производительные силы входят и в результаты общественной производительной деятельности людей). Без них нельзя получить более конкретного представления о критерии прогресса. Разработка этой проблемы представляется наиболее важной для дальнейшего углубления теории социального развития.

Подходя к оценке общественного прогресса с названной позиции, следует прежде всего выставить в качестве исходного тезис о том, что конечным результатом общественного процесса производства является сам человек, аккумулирующий в себе всю совокупность общественных отношений. И по этому итогу можно судить об общественном прогрессе. Он существенно дополняет содержание этого критерия, усиливает его действенность. Но он не стоит где-то в стороне и от критерия, составляемого производительными силами. Человек, выступая результатом общественного процесса производства, одновременно является и его условием — главной производительной силой, т. е. эволюция производительных сил как критерий общественного прогресса предполагает и развитие человека.

---

[735] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2. С. 260; т. 3. С. 597; т. 16. С. 220; т. 43. С. 81.

Дело в том, что именно человека некоторые авторы часто не принимали во внимание при характеристике критерия общественного прогресса. Они имели в виду главным образом вещественные элементы производительных сил. Человек обычно рассматривался как индивид, затрачивающий свой труд, а не как результат самого труда. Да и в тех случаях, когда шла речь о месте человека в структуре критерия общественного прогресса, подразумевали развитие людей как производительной силы. Между тем социальный прогресс всё более проявляется в многостороннем и гармоническом совершенствовании личности, выходящем за пределы её производственных качеств. Свободное развитие, являющееся итогом всемирной истории, лежит, по словам К. Маркса, по ту сторону сферы собственно материального производства, там, где начинается развитие человеческих сущностных сил[736].

Этот результат в качестве критерия общественного прогресса необходимо выдвигается ростом самого производства, в частности тем фактом, что создание действительного богатства общества перестаёт быть зависимым от количества затрачиваемого обществом непосредственного живого рабочего времени. Решающим фактором производства богатства становится высококвалифицированный труд, развитие самого человека, особенно его научное развитие, совершающееся в свободное время общества. В связи с этим недостаточен прежний способ измерения общественного богатства и, следовательно, общественного прогресса. В тенденции возникает новое их мерило — свободное время, служащее пространством для развития человека, в том числе и новых могучих производительных сил его труда, реализуемых посредством технологического применения науки и высокой дееспособности техники. В этих новых условиях уровень развития самих тружеников всё более будет выступать показателем прогресса общества. Он становится более адекватным характеру общественного прогресса показателем, дающим возможность глубже и содержательнее оценивать всё предшествующее историческое развитие.

В этой связи представляет особый интерес анализ человеческого развития, его количественной оценки с позиций исходных

[736] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II. С. 386–387.

принципов двух экономических теорий — стоимостной и потребительностоимостной. Они позволяют так или иначе решить вопрос о содержании и способах соизмерения разных показателей человеческого развития, без чего они лишаются многих своих свойств как измерителей. Научный подход к измерениям, необходимым для сравнений, требует наличия общего, одинакового основания, общей единицы. К сожалению, показатели человеческого развития, включённые в соответствующий индекс (ИРЧП), выставляемый от имени ООН в качестве оценочного критерия деятельности общества, не сведены к единой мере как в стоимостном, так и в потребительностоимостном отношении. Приходится ограничиваться баллами, удельными весами, средними их величинами, которые не могут служить надёжным основанием измерений в социальной науке.

Между тем классическая экономическая наука выработала способы соизмерения названных компонентов человеческого развития посредством сведения их к единой основе — к стоимости рабочей силы человека, в частности к стоимости способности (потенциала) человека к труду, воспроизводства этой способности. В общем случае речь может идти о ценности человека, стоимости его жизни, что включает и стоимость средств, необходимых для образования, и продолжительность выплаты жизненных средств в зависимости от числа лет жизни. Трудовой теорией стоимости предложена реальная основа для измерения ценности человека. Так, ещё У. Петти в своей работе «Ценность людей» определял ценность людей как носителей труда стоимостью необходимых жизненных средств, т. е. издержками, необходимыми для удовлетворения жизненных потребностей, в частности стоимостью среднего душевого пропитания взрослого человека[737].

А. Смит, а затем Д. Рикардо дали развёрнутое обоснование положения о том, что ценность (стоимость) благ, жизненных средств определяется количеством общественно необходимого труда, затрачиваемого на их производство. Этот основополагающий принцип был распространён и на труд, следовательно, и на его носителей — людей. Стоимость труда, согласно Д. Рикардо, определяется теми жизненными средствами,

[737] Петти У. Экономические и статистические работы. М., 1940. С. 65.

которые по традиции являются необходимыми в данном обществе для содержания рабочих и продолжения их рода. В то же время Д. Рикардо, в отличие от А. Смита, полагал, что нельзя стоимостью жизненных средств определять стоимость обмениваемого на них живого труда. Стоимость, представленная в овеществлённом труде, есть нечто другое, чем стоимость покупаемого живого труда.

А. Маршалл, следуя классической теории, предложил схему исчисления стоимости индивида (рабочего). Для этого нужно «дисконтировать» вероятную стоимость всех результатов его будущего труда, сложить их и затем вычесть из полученной суммы сумму «дисконтированных» стоимостей всего богатства и всех прямых услуг, которые им будут потреблены. Можно, по его мнению, исчислять стоимость индивида по денежным издержкам его производства. «Можно, например, — пишет он, — предположить, что общая сумма, израсходованная на то, чтобы вырастить среднего ребёнка, принадлежащего к менее обеспеченной части трудящегося класса, скажем из ⅖ населения, составляет 100 ф. ст.; для следующей ⅕ населения можно предположить сумму в 175 ф. ст., для следующей ⅕ — 300 ф. ст., для ⅒ — 500 ф. ст. и для оставшейся ⅒ населения — 1200 ф. ст., или в среднем — 300 ф. ст.»[738].

К. Маркс, как и представители классической политической экономии, полагал, что в условиях товарного производства человек и его жизнь выступают как субъективированная меновая стоимость. В отличие от А. Смита и Д. Рикардо, он этой стоимостью наделял не сам труд, а способность к труду — рабочую силу.

Почему же тогда развитие человеческого потенциала не подводится под давно обоснованную стоимость рабочей силы человека, обладающую всеми свойствами соизмеримости?

Имеется ряд обстоятельств, объясняющих это «почему». В одном случае, согласно закону стоимости, затраты труда и их результат в виде стоимости жизненных средств были бы равными (эквивалентными), что не годится для обоснования получения большего результата, чем затраты, т. е. не будет измерителя самого человеческого развития. Более того, с ростом

738 Маршалл А. Принципы политической экономии. Т. 2. М., 1984. С. 271.

производительности труда, связанным с его экономией, стоимость продукта и жизненных средств в общем и целом должна уменьшаться, соответственно, стоимость рабочей силы должна падать, что не только несовместимо с признанием человеческого развития, но и предполагает относительное и абсолютное обнищание трудящегося большинства населения. Капитализация России, в результате которой половина населения оказалась в состоянии бедности, — яркое тому свидетельство.

В другом случае, когда обменивается живой труд на овеществлённый (труд на капитал), возникает не менее трудная ситуация с подведением человеческого развития под единую стоимостную меру: во-первых, живой труд не обладает свойством стоимости и не может соизмеряться с овеществлённым в его продукте трудом. Потребительная стоимость и стоимость не имеют единой меры. Во-вторых, результатом обмена живого труда на овеществлённый является всё возрастающий разрыв между уровнем жизни носителей живого труда и представителей (собственников) овеществлённого в продукте труда, который ныне в мире достигает огромных размеров. Не всякий решится этот всё увеличивающийся разрыв выставить показателем человеческого развития, а его основание — растущую норму прибавочной стоимости и эксплуатации — сделать его критерием, хотя в действительности так и происходит.

Названные обстоятельства не позволяют теоретикам от экономики, считающим себя гуманистами, предлагать измерять человеческое развитие единой стоимостной меркой, хотя в реальной рыночной практике человек оценивается именно этой меркой.

Чтобы оценивать человеческое развитие соответствующим его природе способом, необходимо под его измерение подвести противоположную стоимости основу — потребительную стоимость рабочей силы и труда, т. е. индекс человеческого развития свести к инновационному потенциалу человеческого труда, к его измерению в показателях труда и времени, рассматриваемых как источник потребительной, а не меновой стоимости. Речь идёт об использовании закона потребительной стоимости и потребительностоимостной парадигмы экономической науки, на основе которых уже давно измеряется производительность труда, которая применяется как обобщающий показатель уровня экономического и социального развития той или иной страны

в историческом и сравнительном аспекте. Задача сводится к тому, чтобы на основе потребительностоимостной концепции разработать индекс развития человеческого потенциала, т. е. способности к творческому труду и её реализации. Чтобы выполнить эту задачу, необходимо иметь соответствующую теоретическую концепцию и соответствующие ей измерительные процедуры. Главное в этом деле — это связать развитие потенциала человека с его трудом, с производительной и потребительной силами. Именно из инновационной природы труда в конечном счёте выводится возможность человеческого развития.

Для этого нужно это свойство обычного труда возводить на уровень его сущностных характеристик, что часто не принимается во внимание при анализе труда. Этого не позволяет обычное рассмотрение труда только в рамках процесса создания стоимости, т. е. как «абстрактного труда, труда как затраты рабочей силы, — безразлично, каким „полезным“ способом она затрачивается»[739]. Но в этих условиях превышение результатов труда над его затратами не выявляются, ибо оно — результат неэквивалентного обмена. Превосходство результатов над затратами присуще труду, производящему не стоимость, а потребительную стоимость. Избыток труда, доставляемого рабочей силой, над затратами её собственного воспроизводства достигается тем, что увеличивается потребительная стоимость применяемых материальных средств производства и природных сил, а также собственной производительной субъективной силы работника за счёт потребления им материальных и духовных благ.

Вопрос о потребительной стоимости жизненных средств здесь приобретает особое значение. Их потребительная стоимость, в конечном счёте, тоже реализуется в высвобождении труда, достигаемого за счёт замещения сложным трудом более простого труда, что ведёт к увеличению инновационного потенциала труда. Его формирование осуществляется уже в потребительном производстве. Здесь потребительная стоимость предметов потребления оказывается лишь моментом, а конечным результатом выступает уже не материальный продукт производства, а сам развитый человек и само развитое общество.

---

739 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19. С. 385.

О том, как из потреблённых жизненных средств может возникнуть превышающий соответствующие затраты на их производство результат, в научной литературе сказано очень мало. Кое-что имеется у представителей теории потребления, опирающихся на концепции предельной полезности и данные психологии. Так, согласно американскому экономисту С. Паттену, излишек удовольствия над издержками является основным фактором потребления. С. А. Первушин полагает, что экономически целесообразным выступает потребление, удовольствие от которого превышает тягостность затрат[740]. Для обозначения этой разницы им вводятся, по аналогии с производством, понятия «потребительская прибыль», «потребительский доход», «потребительская рента», призванные отразить дополнительный результат от потребительной деятельности. Он делает поправку ко второму закону Г. Госсена: вместо предельной полезности продукта ставит предельный доход потребителя. «Моментом, определяющим потребление, является, по его мнению, не предельная полезность, а предельный доход, предельная рента потребителя»[741]. Определяется предельный доход (как и предельная полезность) на основе ранжирования получаемого удовольствия от потребления последних долей благ, т. е. на основе субъективных предпочтений людей. Определённым шагом вперёд в этом вопросе явилась теория потребительского излишка французского экономиста М. Алле, предложившего концепцию распределяемого излишка.

Представляется, что эффект от потребления человеком материальных и духовных благ правильнее всего выразить в обобщённом виде в понятиях «потребительная сила» труда человека, общества. Можно, следовательно, ставить вопрос о возрастании потребительной силы общества и человека, о способах и факторах её увеличения. Экономический анализ посредством понятия потребительной силы, т. е. способности к потреблению, позволяет более основательно выявить объективное содержание потребительной деятельности, отмежеваться от её сведения к психологическим характеристикам, субъективным оценкам.

---

[740] Первушин С. А. Очерки по теории массового потребления // Экономист, 1922. №4–5. С. 40.

[741] Первушин С. А. Очерки по теории массового потребления. С. 84.

Кроме того, категория потребительной силы позволяет потребительную деятельность объяснять не законом стоимости, а законом движения потребительной стоимости и преодолеть ограничения, накладываемые на неё законом стоимости. Это связано с тем, что потребительная стоимость рабочей силы и её мера заключены не в труде, овеществлённом в ней, и не в её стоимости, а в экономии труда. Поэтому обусловленность потребления (спроса) стоимостью (доходами), рабочим временем ограничивает потребительную силу рабочих масс. В условиях действия закона стоимости для громадной массы трудящегося населения мера потребления обусловливается стоимостью рабочей силы, мерой необходимого по условиям её воспроизводства труда.

Более справедливой будет общественная мера потребления, которая исходит из потребительной силы и базируется не на стоимостной, а на потребительностоимостной основе, что отвечает природе самой потребительной силы. Если господствует потребительная стоимость и сами потребности определяют пределы рабочего времени, необходимого для их удовлетворения, то рабочее время теряет своё значение меры потребления, ибо оно само удлиняется или сокращается в зависимости от того, сколько нужно доставить того или иного количества потребительных благ. Общественный прогресс в этом случае предполагает, что потребление не определяется минимумом времени, необходимого для производства, поскольку само «рабочее время перестаёт и должно перестать быть мерой богатства, и поэтому меновая стоимость перестаёт быть мерой потребительной стоимости»[742].

В этом случае сокращение рабочего времени, обусловленное научно-техническим прогрессом, не должно приниматься за признак уменьшения потребления. Наоборот, экономия рабочего времени может лишь вести к увеличению богатства общества и свободного времени, ибо последнее, превращаясь в мерило развития человека как истинного богатства, тем самым становится и мерой развития способности к потреблению, мерой потребительной силы общества. Если же в качестве такой меры используется рабочее время, выражающее стоимость, то такое потребление свидетельствует по существу о бедности. Рабочее время, в том

[742] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 214.

числе прибавочное, поглощая почти всё время трудящихся масс, лишает их свободного времени, которое становится временем для немногих. Они и получают простор для своего развития, в том числе и для потребления. К сожалению, индекс развития человеческого потенциала, предложенного ООН, усредняя, например, доходы в 40 000 долларов и 100 долларов, не учитывает этого обстоятельства.

Другое дело, когда производительная сила общества выражается величиной высвобождаемого из сферы материального производства труда (производительного рабочего времени), то этот, высвобождаемый для других видов деятельности, труд (время) в расчёте на душу населения будет служить индексом роста потребительной силы. Высвобождаемый труд (время) может быть затрачен на удовлетворение новых или других потребностей, не реализуемых в прежних условиях. Отношение же высвобождаемого из сферы материального производства труда к занятому в ней труду может служить нормой потребительной способности общества, по которой определяется возвышение потребностей. Тем самым в возвышении потребностей закон потребительной стоимости получает адекватное выражение своей сущности, противоположной формулам предельной полезности, и в том числе «закону убывающей полезности».

По мере повышения производительности труда норма потребительной способности неизбежно повышается, что не умещается и в стоимостную схему движения конечного совокупного продукта, предлагающую падение этой нормы в связи с растущим преобладанием труда по производству той части продукта, которая идёт не на личное, а на производственное потребление. Повышение потребительной способности общества подчиняется другому закону — закону возвышения потребительной стоимости. Из неё следует приоритетность потребления и его определяющее влияние на объёмы производственного накопления. В этом случае конечным результатом общественного материального производства следует считать фонд индивидуального потребления.

В отечественной экономической науке предложены конкретные методы исчисления показателя, аналогичного индексу развития человеческого потенциала в виде дохода на душу населения. В отличие от этого показателя ПРООН, речь идёт о физическом

объёме фонда потребления, производимого в среднем одним работником материального производства за единицу рабочего времени[743]. В данном случае исходный параметр развития человеческого потенциала вместо стоимостного исчисления измеряется достигнутым уровнем производительных и потребительных сил, взятых в единстве. Для этого на основе имеющихся статистических данных определяются: сколько произведено совокупного продукта, национального дохода, фонда потребления на одного работника (в неизменных ценах) в том или ином году, устанавливается экономия или перерасход труда по отношению к предыдущему периоду, а также численность работников материального производства и ряд других дополнительных показателей.

Особенность и преимущество оценки человеческого развития по показателю фонда потребления состоят в том, что этот показатель потребительной силы легко совмещается с уровнем производительной силы, имеет с ним одинаковую основу для сопоставления — время, измеренное в человеко-часах. Если отнести сумму сэкономленного (высвобождённого) труда к числу занятых в материальном производстве, то, как показал В. С. Вечканов, получится та же величина, которая определяется по показателю фонда потребления. Более того, экономия (высвобождение) труда легко переводится в показатель свободного времени, что вполне правомерно считается основной мерой человеческого развития, обращённой на будущее. В итоге, с одной стороны, показатель фонда потребления на единицу рабочего времени (на одного работника), отражая объём производства жизненных благ для населения, выражает одновременно экономию потребляемого и авансированного (накопляемого) труда и увеличение свободного времени, необходимые для обеспечения всестороннего развития всех членов общества; с другой стороны, через показатель, характеризующий отношение общей суммы сэкономленного (высвобождённого) труда, т. е. через повышение производительности труда, можно определить величину производства фонда потребления в единицу рабочего времени. Также очевидно, что другие компоненты индекса человеческого развития — уровень

[743] Эффективность производства и её слагаемые. Отв. ред. В. С. Вечканов. Л., 1983. С. 80–81.

образования (сколько лет учёбы) и продолжительность жизни получают одинаковую размерность — могут измеряться временем деятельности.

Вместо сэкономленного времени можно воспользоваться и затраченным временем, но с одним условием — оно должно рассчитываться по условиям потребления: например, для производства определённого количества продуктов и услуг, входящих в состав стандартной потребительной корзины, требуется израсходовать определённое количество рабочего времени.

О том, как это делается, можно узнать из расчётов, предложенных Ю. С. Перевощиковым[744].

Сначала выбирается стандартный перечень потребительных благ, из которых составляется минимальная потребительская корзина.

Для каждого вида продукта, вошедшего в минимальную потребительскую корзину (картофель, морковь, хлеб, ботинки, шапка, пальто, рубашка, платье и т. д.), разрабатывается или берётся имеющийся технологический процесс изготовления с подробным описанием каждой технологической операции.

По каждой технологической операции в соответствии с её параметрами и технологическими режимами и условиями труда рассчитываются затраты труда, с учётом тяжести, сложности и условий труда на каждом рабочем месте. Пооперационные затраты труда рассчитываются по формуле:

$$T_i = K_{ИНi} \times t_i = P_i \times C_i \times B_i \times t_i,$$

где $K_{ИНi}$ — коэффициент интенсивности труда на рабочем месте; T_i — трудочасы; P_i — физическая напряжённость труда на рабочем месте; C_i — интеллектуальная сложность труда на рабочем месте; B_i — санитарно-гигиенические и другие условия непривлекательности труда на рабочем месте; t_i — продолжительность процесса труда на рассматриваемой технологической операции, часов (минут); i — индекс принадлежности параметров i-ой технологической операции.

---

[744] Эти расчёты содержатся в приложении к переведённой и изданной в Ижевске книге Маргрит Кеннеди «Деньги без процентов и инфляции» (Ижевск, 1995. С. 72–76).

Для оценки физической напряжённости труда на рабочем месте (*P*), интеллектуальной сложности (*C*) и условий непривлекательности труда (*B*) предлагаются следующие формулы.

Эмпирическая формула тяжести труда:

$$P = \frac{1}{2{,}1}\left(\frac{A}{4189} + \frac{M}{443} + \Delta E\right),$$

где A — работа, совершаемая человеком в процессе труда на данной технологической операции (Дж/мин); M — статический момент, суммарно выдерживаемый человеком в процессе труда (Дж); ΔE — дополнительная энергия, затрачиваемая человеком в процессе его работы на преодоление неблагоприятных условий труда.

Интеллектуальная сложность труда на рабочем месте:

$$C = \ln N \times e^{\frac{N_A}{N}},$$

где N — количество членов алгоритма в технологической операции; N_A — количество членов алгоритма, имеющих в своём разрешении логическую неопределённость (члены алгоритма с логическими условиями); e — основание натуральных логарифмов.

Уровень непривлекательности труда:

$$B = B_i / B_0,$$

где B_i — оценка в баллах фактического состояния условий труда на i-ом рабочем месте; B_0 — оценка в баллах благоприятного состояния условий труда, принимаемая за базу измерения.

Алгоритмическое описание процесса труда и расчёт параметров основаны на применении к анализу процессов труда микроэлементной системы МТМ (methods of time measurement).

Мерой труда в предлагаемом методе выступает процесс труда продолжительностью $t = 1$ час с уровнем интенсивности:

$$K_{ИН} = P \times C \times B = 1{,}0 \times 1{,}0 \times 1{,}0 = 1{,}0.$$

Такой процесс можно описать и выразить все его факторы количественно.

Трудозатраты по всем их составным параметрам (P, C, B, t) рассчитываются для всей совокупности технологических операций и видов продуктов, включённых в минимальную потребительскую корзину, т. е.:

$$T = \sum_{j=1}^{n}\sum_{i=1}^{k} T_{ij},$$

где i — перечень технологических операций; j — перечень видов продукции.

Одновременно с расчётом трудозатрат производится определение суммы заработной платы, которую нужно было бы выплатить за производственную продукцию потребительской корзины. Заработная плата рассчитывается в долларах по существующей в США системе оплаты и в рублях за те же трудозатраты по существующей в Российской Федерации системе оплаты. Расчёт заработной платы производится по каждой технологической операции по формулам:

$$V_{Di} = \mu_D\left(1+\frac{m_D}{100}\right)t_i, \quad V_{Ri} = \mu_R\left(1+\frac{m_R}{100}\right)t_i,$$

где V_{Di} — начисленная заработная плата в долларах на i-ой технологической операции; V_{Ri} — начисленная заработная плата в рублях на i-ой технологической операции; μ_D — часовая тарифная ставка в долларах в системе оплаты труда в США; μ_R — часовая тарифная ставка в рублях в системе оплаты труда в Российской Федерации; m_D — премии и различные доплаты в системе труда в США, в процентах к часовой ставке (берутся максимальные значения); m_R — премии и различные доплаты в системе труда в Российской Федерации, в процентах к часовой ставке (берутся максимальные значения); t_i — нормированная продолжительность процесса i-ой технологической операции (час).

Заработная плата в долларах (V_D) и в рублях (V_R) рассчитывается для всей совокупности технологических операций и видов продуктов, включённых в минимальную потребительскую корзину, т. е.:

$$V_D = \sum_{j=1}^{n}\sum_{i=1}^{k} V_{Di}\ , \quad V_R = \sum_{j=1}^{n}\sum_{i=1}^{k} V_{Ri}\ .$$

Если разделить рассчитанное значение заработной платы в долларах (V_D) и в рублях (V_R) на трудозатраты (T), получится цена в долларах и в рублях одного трудочаса, т. е.: $C_{TD} = V_D/T$.

Переводной коэффициент будет: $K = C_{TD}/C_{TR}$.

Рассмотрим условный пример. В минимальную потребительскую корзину вошло 26 наименований товаров, из которых 10 наименований — продукты питания, 12 — одежда, 3 — обувь. Изучение технологии производственных условий США и нормирование технологических операций по параметрам тяжести, сложности, условий и продолжительности процесса позволили рассчитать трудозатраты, которые составили 1800 трудочасов. Заработная плата рабочих в долларах составила 8000 долларов, в рублях 1200 рублей. Цена доллара за 1 трудочас:

C_{TD} = 8000/1800 = 4,44 доллар/трудочас, C_{TR} = 1200/1800 = = 0,67 руб./трудочас.

Переводной коэффициент будет равен: K = 4,44/0,67 = 6,627.

Таким образом, чтобы обеспечить равноценность покупательной способности рубля и доллара, следует платить за 1 доллар 6 руб. 63 коп.

Представляется, что показатель, рассчитанный по предлагаемой Ю. С. Перевощиковым методике, мог бы заменить соответствующий индекс ПРООН — реальный ВВП на душу населения в долларах США.

Во-первых, он более объективен, поскольку исходит из определения реального времени, затрачиваемого на минимальную потребительскую (рыночную) корзину.

Во-вторых, вместо денег вводится показатель времени, который становится соразмерным с остальными показателями: временем (продолжительностью) жизни и временем, затрачиваемым на учёбу. Время становится общей единицей соизмерения всех компонентов ИРЧП, что делает расчёты общего индекса на основе соответствующих баллов более содержательными, ибо за этими баллами будут стоять реальные измерители — единицы времени.

§ 3. Ценность человека и его труда

Человек в качестве обобщающего результата экономического развития может быть представлен и в ценностном измерении. Обычно в состав ценностей включают явления, к которым человек относится как к ценностным объектам. Сам же он выступает

как субъект, от которого исходит определение ценности того или иного явления. Человеку как бы придаётся статус «меры всех вещей» (Протагор), но сам он как оценивающий субъект остаётся вне этой «меры». Следовательно, встаёт вопрос: является ли ценностью сам человек? Если да, то кто или что его определяет как ценность? Кто вменяет ему ценность?

Субъективистская школа неокантианского типа, те, которые сводят ценность к отношению «субъекта к субъекту» (без объекта) обычно исключают из ценностей человека и его непосредственную жизнь. Имея в виду эти обстоятельства, В. П. Тугаринов в последних своих работах о ценности, в отличие от прежних определений ценностей, к ним отнёс и человека (личность), его непосредственную жизнь, представив их как величайшие и ни с чем не сравнимые ценности[745].

Определить понятие ценности человека не так-то легко. Если следовать методу движения от абстрактного к конкретному, то мы должны в начале представить ценность человека в форме абстрактной всеобщности, как ценность человека вообще и двигаться в рамках этой всеобщности до тех пор, пока не перейдём к характеристике особенного — экономического определения ценности человека, а потом найти итоговое конкретно-всеобщее определение.

Всеобщность в своей изначальной форме предстаёт в рамках определения человека как субъекта в виде его самоценности. Индивид как бы имеет в самом себе бесконечную ценность, что выражается в известных суждениях: «всё для человека, всё во имя человека»; «достоинство и ценность человеческой личности» составляют исходную основу прав человека («Всеобщая декларация прав человека»).

Кроме как для себя сущей ценности человек является таковой в качестве высшего творения природы и самого человеческого общества. Свою сущность общество обнаруживает через производство и воспроизводство человека, его однородной с обществом сущности как совокупности общественных отношений. В этом смысле человек и общество односущностны.

Ценность человека, однако, обнаруживается в его отношениях к другим людям. В некотором смысле, замечает К. Маркс, человек

---

[745] Тугаринов В. П. Избранные философские труды. Л., 1988. С. 261.

напоминает товар. Он родится без зеркала в руках и не как фихтеанский философ, заявляющий: «Я есмь я». Человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Пётр начинает относиться к самому себе как к человеку. Вместе с тем и Павел как таковой, во всей своей павловской телесности, становится для него формой проявления рода «человек»[746]. Из этого сравнения следует, что свою ценность человек приобретает в обществе и посредством общества.

В итоге абстракция человека как ценности сводится к тому, с одной стороны, что каждый человек в своём лице и в лице всякого другого относится к человечеству как к цели, а не как к средству (категорический императив Канта), а с другой — человечество и общество рассматривали бы человека как цель и самоцель своего развития, и никогда — как средство. Можно сказать, что признание всестороннего и гармоничного развития человека в качестве цели общества и идеала общественного развития представляет собой признание человека в качестве высшей ценности и что это признание совпадает с гуманизмом аутентичного коммунизма. К этому склоняется и ООН в своей программе человеческого развития.

Обладает ли абстракция «ценность человека вообще» объективным содержанием?

Понятие ценности вообще и ценности человека, как и понятие истины, при всей своей абстрактной всеобщности имеют такое содержание, которое существует в действительности и которое по своей объективности не зависит ни от сознания человека, ни от человечества. Именно практика входит в определение понятия того или иного предмета не только как критерий истинности, но и как определитель связи предмета с тем, что человеку и обществу нужно[747]. Именно практика подтверждает объективность понятия ценности человека, поскольку практика обладает достоинством осуществляться по законам или правилам не субъектно-ментальных оценок, даже общезначимых, а по законам объективной действительности. Соответственно, объективность

---

746 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 62.

747 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42. С. 290.

самой общественной практики, общественной деятельности, хотя последняя и складывается из действий, обладающих сознанием и чувствами людей, заключается в том, что эти действия приводят к положительным результатам, если они осуществляются по объективным законам природы и общества. Так, в общественной практике человек оказывается поставленным в отношение к мере всего человеческого рода, к общественной мере, посредством которой определяется ценность отдельного человека: он может превышать эту меру или, наоборот, не достигать её, и в соответствии с этим будет определяться его ценность. Поэтому практику следует считать объективным определителем (критерием) ценности самого человека. В более узком смысле таким критерием является общественный труд.

Не праздность украшала и украшает человека. Наоборот, она, если судить по Библии, являлась причиной первородного греха человека, и чтобы его искупить, человек должен постоянно в поте лица своего добывать свой хлеб. «Библейское предание гласит, что отсутствие труда — праздность была условием блаженства первого человека до его падения. Любовь к праздности осталась та же и в падшем человеке, но проклятье всё тяготеет над человеком, и не только потому, что мы в поте лица должны снискивать свой хлеб, но и потому, что по нравственным свойствам своим мы не можем быть праздны и спокойны»[748].

Анализ содержания понятия «ценность человека» не исчерпывается его абстрактно-всеобщим определением. Важно его конкретизировать, дополнив определённостью его особенности, причём эту особенность рассматривать в том же ритме: в форме всеобщности различие и в их итоговом единстве, но взятом по отношению к исторически определённым состояниям человека как ценности.

Можно утверждать, что синкретизм деятельности первобытного человека, его слияние с общиной (родом) представляет исходную абстрактную всеобщность как таковую, но в лице исторически особенного человека. Она отрицается определённостью разделённого на классы человека, т. е. ценность человека

---

[748] Об этом своём суждении Л. Н. Толстой высказывает несогласие с обычным толкованием первородного греха (Толстой Л. Война и мир. Т. 2. Ч. 4).

приобретает форму классовой определённости. Так, например, раб для рабовладельца перестаёт быть личностью и в этом отношении — ценностью, хотя как работник он не теряет качеств личности и ценности. И наоборот, если исходить из критерия труда, праздность рабовладельца лишает его свойства носителя ценности.

Итогом будет возвращение понятия ценности из социально-классовой различённости и особенности личности к её целостности, приобретение ею конкретной всеобщности. Это означает переход к свободной личности, в которой снимается прежняя её ограниченность, и возникает тотальная ценность человека будущего общества.

Движение определённости, особенно применительно к ценности человека как работнику, в экономическом отношении можно представить аналогичным образом: а) от носителя труда как потребительной стоимости в условиях господства в производстве в качестве цели удовлетворение жизненных потребностей человека; б) к носителю труда как источнику меновой стоимости и к превращению рабочей силы в товарную стоимость в условиях господства капитала над трудом; в) и, наконец, к освобождению труда от отчуждения и человеческой рабочей силы — от значения меновой стоимости и превращению свободного человека труда в истинное богатство и величайшую ценность общества.

Первоначально работник функционирует в той общности, которая связывает людей друг с другом и с продуктами их труда, служащими удовлетворению их потребностей. Эти личностные связи людей как работников затем заменяются всеобщей вещной зависимостью и безразличностью по отношению друг к другу. Их общественные связи опосредствуются обменом меновых стоимостей.

Что касается стоимости самого человека, то таковую он приобретает, если продаётся. Будучи рабом, например, он выступает как меновая стоимость. Что касается рабочего как носителя наёмного труда, то он сам и его труд не являются стоимостью. Стоимостью может быть лишь рабочая сила, покупаемая возможность распоряжаться трудом рабочего, причём свойство меновой стоимости рабочей силе рабочего придаётся (вменяется) капиталом. От имени меновой стоимости (переменного капитала)

к рабочему обращается вменяющий ему стоимость капиталист. Что же касается труда рабочего, то он противостоит капиталу «как чистая потребительная стоимость, которая самим своим владельцем предлагается в качестве товара взамен... меновой стоимости этого товара, взамен монеты, которая, правда, становится действительной в руках рабочего только в своём определении всеобщего средства обмена, а в остальном исчезает»[749]. И ни в коем случае не становится капиталом рабочего, «человеческим капиталом», как сегодня хотят представить дело защитники капитала от имени экономической науки. При этом сам капиталист освобождается от свойства иметь в своей собственности свою рабочую силу.

Какой же предстаёт ценность человека в основных экономических концепциях, главным образом в стоимостном и потребительностоимостном (полезностном) измерении? Проблема заключается в том, чтобы применить имеющиеся в экономической науке концепции к характеристике человека как ценности. В этой связи возникает прежде всего вопрос о полезности человека как предпосылке его меновой ценности (стоимости)[750]. Именно полезность человека делает его богатством общества. Здесь важно иметь в виду высказанный ещё Ф. Галиани и принятый К. Марксом тезис о том, что истинным богатством является сам человек.

Однако этот тезис не нашёл своего развития в последующих теориях предельной полезности. В этих теориях человек оказался на стороне оценивающего, придающего значение (ценность) другим благам, но не самому себе. Соответственно и человеческий труд, и другие средства, затрачиваемые на производство благ, исключались из факторов, оказывающих непосредственное влияние на ценность самого конечного блага. «Ни затраченное на производство блага, ни необходимое для его воспроизводства количество труда или других благ не является моментом, определяющим меру ценности благ; таковым является величина значения тех удовлетворений потребностей,

---

749 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 242–243.

750 Автор в данном случае будет применять понятия «меновая стоимость» и «потребительная стоимость» как синонимы понятий «меновая ценность» и «потребительная ценность».

по отношению к которым мы сознаем свою зависимость от наличия в нашем распоряжении блага»[751].

С этой точки зрения труд сам по себе не является благом и не составляет ценности. В лучшем случае его относят к отрицательной полезности (У. Джевонс). Средства существования, на которые выменивается труд, тоже не могут служить ни непосредственной причиной, ни определяющим принципом цены труда, как и «труд не является сам по себе и при всех обстоятельствах благом, тем более благом экономическим, он не представляет неизбежно ценности»[752].

С противоположных позиций решается проблема ценности человека в трудовой теории, в частности в трудовой теории стоимости. В ней предлагается реальная основа для включения человека в систему ценностей и для измерения ценности человека трудом.

К. Маркс в согласии с классическими представителями политической экономии, и прежде всего с Д. Рикардо, признавал, что в условиях товарного обмена люди противостоят друг другу как субъективированные меновые стоимости. Вместе с тем он пришёл к выводу, что хотя труд при капитализме и является определителем меновой стоимости рабочей силы человека, сам человек не имеет стоимости и поэтому о меновой ценности труда тоже говорить нельзя. Кроме того, он не мог согласиться со вторым определением стоимости А. Смита, из которого вытекало, что стоимость труда равна стоимости произведённого им товара, т. е. стоимости продукта труда. Тогда воспроизводство индивида и потребление в течение всей жизни должны были бы быть равны между собой, т. е. человек стоил бы столько, сколько стоимостей потреблял. К. Маркс не мог принять сведение ценности человека к его меновой стоимости, выводимой из стоимости труда, поскольку он отказался признать за трудом свойство стоимости. На этой основе, как показал К. Маркс, не решить проблему ценности человека и стоимости его жизни. Обмен живого труда

---

751 Менгер К. Основания политической экономии // Австрийская школа в политической экономии: К. Менгер, Е. Бём-Баверк, Ф. Визер. М., 1992. С. 126.

752 Менгер К. Основания политической экономии // Австрийская школа в политической экономии: К. Менгер, Е. Бём-Баверк, Ф. Визер. М., 1992. С. 147–148.

на овеществлённый в стоимости труд не предполагает их равенства, их нельзя отождествлять. Живой труд относится к потребительной, а не к меновой стоимости. Действительная ценность человека, поэтому, в рамках стоимостной парадигмы не может быть определена.

Тогда как же растолковать формулу о том, что человек есть ценность, которая определяется общественным трудом, а сам труд является всеобщей ценностью, что признавал, например, и Г. Зиммель[753]?

Если труд не имеет стоимости, то чем же является его ценность, а также ценность человека?

Нужно сказать, что на основе как стоимостной парадигмы, так и теории предельной полезности положительного решения этой проблемы не получить. Надо переходить от понятия ценности человека в форме его особенности, предполагающей его разделённость и ограниченность, к итоговому понятию (умозаключению), в котором ценность человека и его труда достигает единства своей сущности и явления, снимает свою ограниченность, т. е. возвращаясь из своей ограниченности и особенности, сохраняет трудовую сущность и в то же время возвышает исходное значение человека как высшей ценности. Но это не то абсолютное благо (Бог), от которого исходит вменённость человеку и его труду желаемой ценности. Проблема решается опять-таки переходом на позиции трудовой теории потребительной стоимости (ценности), теории, заменяющей как стоимостную, так и субъективистскую полезностную парадигмы.

Сначала о том, как определяется ценность труда как реализуемой рабочей силы с позиций этой теории, т. е. в чем состоит потребительная стоимость труда, рабочей силы? Чтобы определить её, необходимо руководствоваться не принципом эквивалентности, на котором основаны стоимостные концепции экономической науки, но потребительностоимостным принципом превышения результатов труда над его затратами. В применении к потребительной стоимости рабочей силы это означает, что критерием оценки человека служит превышение результатами

753 Зиммель Г. Философия труда // Г. Зиммель. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М., 1996. С. 467.

труда его затрат, которых требует его (человека) воспроизводство. При этом под затратами понимаются не только условия, обеспечивающие производство и воспроизводство рабочей силы на минимально необходимом физиологическом уровне и материализующиеся в некотором наборе жизненных благ и услуг (потребительская корзина), но также условия, обеспечивающие высокий уровень развития человека. Под последними подразумеваются возможность получения образования, наличие свободного времени, доступность медицинских услуг и т. д. Таким образом, потребительная стоимость труда, рабочей силы определяется тем, насколько человек результатами своего труда превосходит издержки на собственное воспроизводство, вложения в его предшествующее человеческое развитие. Экономическая форма ценности человеческой жизни предстаёт как экономия рабочего времени по сравнению с затраченным трудом, т. е. как объём высвобождаемого трудом человека времени и превращение последнего в свободное время, которое должно использоваться для развития самого индивида и всех других людей. Мерой действительного богатства общества и развития человека становится свободное время.

Отсюда следует важный вывод о том, что экономическая ценность человеческой жизни, вопреки положениям трудовой теории стоимости, не равна стоимости жизненных средств, необходимых для её производства и воспроизводства. Ценность человека проявляется в потребительной стоимости совокупного продукта его труда. Она превышает стоимость жизненных средств в той мере, в какой продукт труда человека превышает благодаря своей полезности, своим потребительным свойствам затраты на воспроизводство жизни работника. Последние включают, кроме необходимых для производства благ, затрат общественного труда, обеспечивающих воспроизводство собственно рабочей силы человека (т. е. поддержание жизнедеятельности работника на адекватном физиологическом уровне), также затраты, необходимые для производства благ, обеспечивающих всестороннее развитие личности.

Трудовая теория потребительной стоимости выводит на адекватное выражение ценности человека и его развития как результата трудовой деятельности общества: она предполагает вместо равенства этого результата с затратами на его достижение

другое — превосходство над затратами. Именно величина этого превосходства и будет мерой ценности человека и определителем степени его развития. В этом отношении следует согласиться с Ж.-П. Сартром, согласно которому человек оценивается прежде всего превышением результата своей деятельности, её условий и предпосылок, превосходство достигнутых достижений[754].

Использование трудовой теории потребительной стоимости позволяет преодолеть ограниченность стоимостной оценки человека, выражающуюся в её определении общественно необходимым трудом, затраченным на её воспроизводство, т. е. стоимостью нужных для этого жизненных средств. Преимуществом решения проблемы ценности человека и его жизни с позиций трудовой теории потребительной стоимости является не только выход за рамки стоимостных мерок при оценке человека, но и переход в оценке от человека как меры всех вещей к общественно-исторической практике, прежде всего к труду как объективному критерию ценности человека.

Решение этого вопроса, однако, имеет своё продолжение: если ценность человека определяется общественным трудом, также имеющим ценность, то чем определяется сам этот труд, в том числе его ценность, его необходимая величина? Трудовой теорией ничего другого для ответа не остаётся, как от потребительной стоимости рабочей силы (труда), обратиться к потребительной стоимости результата труда, в котором воплощаются живой труд и все его условия. Соответственно, от теории, объясняющей эту ситуацию затратами труда, надо переходить к теории, которая за решением проблемы обращается к результатам труда, т. е. если стоимость рабочей силы определяется стоимостью жизненных средств, необходимых для её производства, то ценность живого труда обусловливается потребительной стоимостью его результатов и выявляется в потребительной стоимости самого труда.

Это, однако, не значит, что ценность труда и его носителя определяется продуктом труда, взятым в качестве потребительной стоимости вещи. Имеется в виду дальнейшее движение этой потребительной стоимости — её реализация, которая

---

754 Sartre J. -P. Critique de la raison dialectique. T. 1. Paris, 1960. P. 63, 64.

заканчивается высвобождением труда, экономией рабочего времени, которые превращаются в свободное время, т. е. в пространство для развития личности. Происходит, следовательно, возвращение к человеку, к его ценности, что и является конечным результатом труда, производящего первоначально обычный продукт, обычное благо.

Вывод из сказанного будет следующим: а) проблему действительной ценности человека можно решить лишь на основе трудовой теории потребительной стоимости (потребительной ценности). В противном случае человек предстаёт в виде товарной ценности, что несовместимо с его оценкой как высшего продукта природы и как истинного богатства общества; б) эту проблему не решить без обращения к труду, без признания формул: «порождение человека человеческим трудом» и «производство (воспроизводство) труда трудом».

Из сказанного, однако, не следует, что характеристика человека как ценности, которая себя выявляет в обществе и посредством общества, исключает ценности фундаментальных составляющих общества, таких как семья, община, народ (нация), государство и т. д. Нельзя согласиться с теми авторами, которые исходят из безусловного, абсолютного приоритета индивида, самоценности и самодостаточности отдельной личности, что обычно выводится из парадигмы западной цивилизации — методологического индивидуализма. В настоящее время и у нас перекос в сторону самоценности отдельного человека становится всё более очевидным: конституция современной России наполнена правами человека и почти не содержит прав народа. Вроде бы не общество придаёт ценность человеку, а, наоборот, человек обществу. Между тем всё то, что имеет человек в качестве ценностей, приобретается им в обществе. Соответственно, общественная жизнь имеет не меньшую, чем индивидуальная, ценность. Среди ценностей общественной жизни особое место занимает жизнь народа, выраженная в такой фундаментальной ценности, какой является суверенитет народа. Он составляет основу всех прав народа, в декларации которых нуждается мировое сообщество. Это в первую очередь касается народов евразийской цивилизации, выросшей на почве общинного жизнеустройства.

В противоположность старому обществу с его экономической нищетой и политическим безумием нарождается новое общество, международным принципом которого будет — *мир*, ибо у каждого народа будет один и тот же властелин — *труд*.

Первое воззвание
Международного товарищества рабочих

Раздел VIII
БУДУЩЕЕ ЗА ОБЩЕСТВОМ ТРУДА

Людей не могут не волновать проблемы будущего. Каждое новое поколение надеется на лучшую жизнь. И сегодняшняя социальная практика побуждает мыслить не только о том, чего нам не хватает, но и о том, что нас ожидает. Это обстоятельство привлекает особое внимание к учениям, в которых разрабатываются концепции будущего.

После того, как в России был реставрирован капитализм, причём по самым последним западным монетаристским рецептам, вопрос о социалистическом будущем России в официальной прессе снят. Отечественным авторам, примирившимся с этим, ничего другого не остаётся, как обратиться к западным постмодернистским концепциям, предлагающим в качестве будущего постиндустриальное, постэкономическое, информационное и т. п. общества. Стало очевидным, что противопоставлять социализму в качестве будущего монетаристский капитализм, разрушивший экономику России, не имеет смысла. Поэтому ухватились за постмодернистские варианты, в которых будущее общество рисуется как некое «посткапиталистическое» общество, хотя на самом деле речь идёт всего лишь о смене его капиталистического названия.

Особенно усердствует в этом присно известный Г. Х. Попов и выпускающий книгу за книгой по западным образцам В. Л. Иноземцев. Первый в своей книге «Будет ли у России второе тысячелетие» заявляет, что социализм в России был преодолён

не реставрированным капитализмом, а постиндустриализмом, который иногда, мол, «ошибочно называют современным капитализмом»[755]. Второй предсказывает конец обществу, основанному на экономике и труде, производящем материальные блага. Важнейшим условием преодоления всей экономической эпохи «является не устранение эксплуатации как уничтожение товарного обмена, заменяемого плановым хозяйством, а осуществление необратимых изменений в характере человеческой деятельности, обусловливающих её трансформацию из трудовой в творческую»[756].

Возникает необходимость противопоставить этим суждениям концепцию, согласно которой будущее принадлежит обществу труда. Только на трудовой основе можно построить общество вековечной народной мечты — общество социальной справедливости и социальной правды. Труд был, есть и навсегда останется тем фундаментом, на котором возникло, существует и будет развиваться человеческое общество. «Труд как созидатель потребительных стоимостей, как полезный труд, есть не зависимое от всяких общественных форм условие существования людей, вечная естественная необходимость: без него не был бы возможен обмен веществ между человеком и природой, т. е. не была бы возможна сама человеческая жизнь»[757].

Автор понимает, что в настоящее время не так легко восхвалять труд. Люди труда вправе сказать: все мы, наши предки и наши дети трудились и трудятся в поте лица своего, но никто за счёт своего труда не стал богатым. Богатыми становятся другие, причём за счёт нашего труда.

Действительно, трудящийся люд так и не смог вырваться из-под ига наёмного труда. Лишь иногда радость труда облегчала им подневольную жизнь наёмников и батраков. Неужели и в будущем, могут подумать они, нам кроме этого труда ничего не светит? Даже церковь обещает на том свете жизнь без труда.

И всё же в земной жизни общество и люди без труда обойтись не могут. Всё зависит от того, способны ли трудящиеся создать

---

755 Попов Г. Х. Будет ли у России второе тысячелетие. М., 1998. С. 117, 256.

756 Вопросы философии. 2001. №1. С. 4.

757 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 51.

такое общество, где плоды труда будут доставаться им самим, и собственность будет базироваться на собственном, а не чужом труде.

Безусловно, характер и содержание труда не остаются постоянными, они подвергаются изменениям в ходе истории. Можно согласиться с тем, что труд будет не только физическим. Процесс производства и труда превращается в арену применения сил науки, экспериментальную материально-творческую и предметно-воплощающуюся науку. Вместе с тем труд не потеряет своего предметного характера и созидателя потребительных стоимостей, не станет только умственной деятельностью, не предполагающей материального воплощения своих результатов, т. е. предметной, физической деятельности и её материального продукта.

Подход к анализу будущности общества с позиций труда является серьёзным методологическим принципом. Труд служит надёжным ключом к пониманию не только всей предшествующей истории, но и развития общества в последующие эпохи.

Нужно в определённой мере следовать традициям великих мыслителей прошлого — Сен-Симона, Фурье, Оуэна, социалистов-рикардианцев. Нельзя обойти и научные поиски будущего у современных социологов и экономистов, в частности видного американского социолога и экономиста И. Валлерстайна, который призывает сегодня обдумывать тот новый общественный строй, который придёт на место капитализма, и бороться за его сотворение. «Ведь никоим образом не гарантировано, что конец неэгалитарной исторической системы приведёт к появлению лучшей. Борьба открыта. Сегодня нам нужно определить конкретные институты, через которые наконец сможет найти своё выражение освобождение человека»[758]. И. Валлерстайн полагает, что уже в XXI в. капиталистический мировой порядок может быть разрушен на основе своих внутренних противоречий, и на его место придёт социалистический мировой порядок. Однако формы последнего для него остаются неясными.

Предсказывать их, да ещё в их конкретном виде, дело трудное. Всегда есть опасность впасть в утопизм, о чем свидетельствует

---

[758] Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001. С. 398.

опыт нашего обществознания в 60-е годы XX в. Не случайно великие мыслители — К. Маркс, В. И. Ленин — предупреждали теоретиков и практиков не забегать вперёд, учитывать реально существующие обстоятельства, условия времени и места.

В то же время без знания общих контуров будущего общества, его основ, к которым приводит логика социально-экономического развития, невозможно определить и конкретные способы и направления деятельности, постоянно созидающей те или иные формы жизни.

Глава 22. Нищета постмодернизма в трактовке настоящего и будущего

§ 1. Ущербность методологии постмодернизма

Можно ли понять будущее, если не придерживаться принципа историзма, отрицать развитие общества, его переход в то или иное качественное состояние?

Ответ очевиден: этого сделать нельзя, ибо без признания развития о будущем сказать нечего. Несмотря на это, сегодня вошли в моду всякого рода теории о «постсовременном обществе», получившие названия «постмодернизма». Одни предлагают вместо «индустриального общества» «постиндустриальное», вторые — вместо «экономического» «постэкономическое общество», третьи — вместо «человеческого» общества «постчеловеческое». Предполагается и соответствующая формула, по которой кроится вся и всякая история: «до — теперь — после», и короче — «до — после». Всё, что было, обычно называется традиционным обществом, что есть — модерном, что будет — постмодерном. Под эти рубрики подводится вся история общества, а само деление истории приобретает следующий вид:

— традиционное — современное — постсовременное общество;

— доиндустриальное — индустриальное — постиндустриальное общество;

— доэкономическое — экономическое — постэкономическое общество и т. п.

По такому же образцу стали делить историю философии, социологии и других гуманитарных наук[759]. Так, философию подразделяют на доклассическую, классическую и неоклассическую (постклассическую), социологию — на доклассическую, классическую и постклассическую. Остаётся лишь таким же образом расчленить всю историю, т. е. на историю до человека, человеческую и постчеловеческую (нечеловеческую), что тоже уже делается.

Обратим внимание прежде всего на то, что здесь обозначается термином «пост (post)». По существу у постмодернистов это означает конец истории. В постисторический период, по словам Ф. Фукуямы, нет ни искусства, ни философии, остаётся лишь тщательно охраняемый музей человеческой истории. В общем, речь идёт о конце истории как таковой, завершении эволюции человечества, универсализацией либеральной демократии как окончательной формы правления[760], т. е. после капитализма уже не может быть истории, наступает конец истории общества, конец истории человечества.

Чтобы обнаружить пустоту деления истории на «до — теперь — после», достаточно поставить вопрос: что последует за «после», т. е. что будет после «после», да ещё после третьего «после» и т. д.? Вразумительного ответа на этот вопрос не получить. Так называемая «постальтернатива» «посту» — это номенологическая инсинуация, т. е. лишение термина смысла, его деморфимизация. Что такое, например, постчеловек? В лучшем случае, нечеловек, т. е. это вымысел, в худшем — деградация, смерть человека. Когда же требуют ещё определить, что такое постнечеловек, то это уже самый настоящий мошеннический трюк.

Не зря многих из постмодернистов, в частности Ж. Делёза, причисляют к интеллектуальным мошенникам[761]. В. А. Кутырёв называет рассуждения о постчеловеке «Евангелием

---

759 Трансформация в современной цивилизации: постиндустриальное и постэкономическое общество // Вопросы философии. 2000. №1. С. 13.

760 Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. №3. С. 135.

761 Dawkins R. Postmodernizm Disrobed // Nature. Vol. 399. July 1998. P. 141–143. Рецензия на книгу Sokal A., Bricmont J. Intellectual Impostures. Profile, 1988. P. 274.

антигуманизма» — «благой» вестью о смерти[762], приводя соответствующее место из книги Ж. Делёза о работах М.-П. Фуко: «В наши дни мыслить можно только в пустом пространстве, где уже нет человека... Всем тем, кто хочет говорить о человеке, его царстве и освобождении, всем тем, кто ещё ставит вопросы о том, что такое человек в его сути, всем тем, кто хочет исходить из человека в своём поиске истины... всем этим несуразностям и нелепым формам рефлексии можно противопоставить „лишь философический смех“»[763].

Приведённые слова говорят и о другой стороне постмодернизма — о его приверженности к архаике, к идее необратимости регресса по отношению к современности. Выступая против будущего, постмодернисты его симметричную альтернативу видят в прошлом. «Пост» в их лексиконе служит не только для обессмысливания будущего, но и настоящего, современности.

Это можно показать на примере постмодернистских рассуждений о современном положении России, о её капиталистическом настоящем. Вместо того, чтобы увидеть в современном капиталистическом положении российского общества кризис самого современного монетаристского типа капиталистического общества, представители российского модернизма настойчиво твердят, что это кризис установившегося в России архаического, а не современного капитализма. «Как видим, — пишет Ю. Н. Давыдов, — и непромышленный характер „нового русского“ капитализма, и фискально-политическое происхождение „новых русских“ капиталов, и поразительная „социальная близость“ его основных персонажей, соответствующих фигурам античного капитализма, — всё это позволяет причислить наш нынешний капиталистический тип к архаическому»[764].

Модернисты готовы причислить к капитализму не только античное, но и первобытное общество, лишь для того, чтобы обелить современный «цивилизованный» западный капитализм

---

762 Кутырёв В. А. Человек XXI века: Уходящая натура... // Человек. 2001. №1. С. 9–16.

763 Фуко М. П. Слова и вещи. М., 1994. С. 363.

764 Давыдов Ю. Н. Куда пришла Россия // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. II. №1(5). С. 100.

и модернизировать Россию по его образу. Они готовы признать существование христианства до рождения Иисуса Христа, лишь бы Россия встала на путь развития «нравственно-религиозно ориентированного рыночного хозяйства, аналогичного тому, что возникло в своё время на Западе „из духа“ протестантской этики индивидуального труда, частной собственности и личной инициативы»[765]. Они верят в учении о капитализме не А. Смиту, Д. Рикардо, К. Марксу, а М. Веберу, у которого, по словам всемирно известного исследователя капитализма Ф. Броделя, «однозначное „идеалистическое“ объяснение, делающее из капитализма воплощение определённого типа мышления, всего лишь увёртка... чтобы ускользнуть от [признания] мысли Маркса»[766].

У постмодернистов формула истории, состоящая из трёх компонентов «до — теперь — после», расчленяется на дихотомические пары, что ещё больше уменьшает её способность выражать историчность общественной реальности. В первой дихотомии «до — теперь» образуется симметричная ретроальтернатива, во второй — «теперь — после» — постальтернативная симметрия. При этом полюса дихотомий выступают не как взаимоотрицающие и взаимополагающие друг друга противоположности, а как сосуществующие в разрыве стороны дихотомии. Так, «после» только тем и отличается, что оно не «до», т. е. внеположенным по отношению к «до», оно ничего определённого не отрицает и ничего определённого не утверждает. Эта дихотомия не выражает ни развития, ни изменения.

Чтобы каким-то образом оправдать «деконструкцию» категорий противоречия и отрицания, объясняющих возможность развития, их заменяют понятием «дихотомическое различие». При этом обычно ссылаются на антиномии Канта, используют их «метафизичность». Кант противопоставляется Гегелю, который, как известно, подверг серьёзной критике Канта в этом вопросе. «Гегелевское противоречие, — писал, например, Ж. Делёз, — как бы доводит различие до конца; но это тупиковый путь,

---

765 Давыдов Ю. Н. Куда пришла Россия // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. II. №4(8). С. 126.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 2. М., 1998. С. 318.

сводящий его к тождеству, придающий тождеству достаточность, позволяющую ему быть и быть мыслимым»[767].

На самом деле у Гегеля речь идёт о переходе от тождества к различию, доведённому до противоречия, которое затем разрешается на основе взаимопроникновения противоположностей, одна из которых ставится основанием разрешения противоречия и перехода к новому состоянию, отрицающему старое. Для Ж. Делёза же «история идёт путём решения задач и утверждения различий, а не отрицания и отрицания отрицания»[768]. Постмодернисты, как и И. Кант, не знают положительного значения антиномий для объяснения реального развития общества не только потому, что относят их только к разуму, а главным образом потому, что не допускают единства (тождества) противоположностей, абсолютизируют разрыв с одинаковой необходимостью сосуществующих полюсов. Для них становится неприемлемым даже среднее звено в формуле «до — теперь — после», поскольку оно может служить опосредствующим средним членом обычного логического умозаключения, т. е. опосредствовать связь предшествующего «до» и последующего «после». Трёхзвенность диахронного процесса заменяется дихотомическим различением «до» и «после», не знающим опосредствования.

Между тем без обусловленности настоящего прошлым, будущего — настоящим, нет истории. Из-за того, что предшествующее и последующее выступают как противоположности, они не остаются в состоянии дихотомического разрыва двух симметричных, а потому и обратимых полюсов. Они опосредствуют друг друга как противоположности, переходя в процессе развития и изменения одна в другую. Причём одна из противоположностей может стать опосредствующим звеном, представлять собой более высокую степень развития.

Анализ современности, и тем более постсовременности на основе дихотомии, постоянно и неизменно симметрично сосуществующих разорванных полюсов по существу повторяет азы дуализма, уже давно отвергнутого в науке как логически и методологически несостоятельного принципа. История не знает

---

767 Делёз Ж. Различие и повторение. СПб., 1998. С. 318.

768 Делёз Ж. Различие и повторение. СПб., 1998. С. 323.

сослагательного наклонения, и в этом смысле она не дуалистична, а монистична. Настоящее в своём переходе к будущему многовариантно в выборе путей, но уходя в прошлое, оно опять становится монистичным. Поэтому дуализм предшествующей истории как одной и той же сущности бессмыслен, что и выражается в известной формуле об отсутствии сослагательного наклонения. Дуализм неприемлем не только для обоснования принципа развития, но и для противопоставляемой ему теории общественных изменений.

Метод дихотомии в логическом отношении тоже непригоден. И не только потому, что он ещё у Зенона (Элейского) использовался для запутывания мысли. Полюса дихотомий «до — теперь», «теперь — после» обычно бывают представлены сами по себе как единственности, обладающие одним признаком — не быть чем-то другим. В таком суждении, как, например, «после — это не теперь», термин «после» ничего не говорит ни о содержании этого термина, ни о соотношении его с понятием «теперь». «После» — это одно, «теперь» — другое. Здесь ничего определённого не отрицается и не утверждается, полюса этих дихотомий внеположены и не свидетельствуют ни о развитии общества, ни об его изменениях. Это — пустые дихотомии, они не конститутивный момент, а деконститутивный способ мышления, характерный для метафизически мыслящих авторов.

Научный смысл антиномии приобретают лишь в том случае, если их полюса рассматриваются как взаимосвязанные противоположности, противоречия между которыми преодолеваются через их взаимопроникновение и их отрицание в конкретном единстве. В этом отношении единство противоположностей «до — теперь», «теперь — после» и подобных им других полюсов как раз и образует движение общества, историю, подобно тому, как единство прерывности и непрерывности образует принцип движения как такового, которое одновременно и прерывно и непрерывно.

Для модерниста или постмодерниста такие рассуждения оказываются неприемлемыми, ибо они разрешают антиномии, т. е. распутывают любимые ими парадоксы, жонглированием которыми они создают себе имидж «современных» мыслителей, преодолевших, например, Гегеля, хотя и не сумевших его понять.

Недаром учёный мир Запада скептически воспринял постмодернизм, окрестив его родоначальников нелестным именем «интеллектуальных мошенников». Об этом можно узнать из рецензии Р. Докинза на книгу А. Сокала и Ж. Брикмона «Интеллектуальные мошенники»[769], переведённую на английский язык под названием «Модный нонсенс»[770]. Автор рецензии, имея в виду тезис постмодернистов об уникальности и ситуативности всего происходящего, приводит соответствующее место из Ж. Делёза: «прежде всего события сингулярности (singularities events) соответствуют гетерогенным сериям, которые организованы в систему, которая никогда не бывает ни стабильной, ни нестабильной, но „метастабильной“, наделённой потенциальной энергией, внутри которой распределяются разности потенциалов между этими сериями... во-вторых, сингулярности способны к самоунификации (autounification), являясь всегда мобильными и свободно перемещаясь в пространстве до тех пор, пока какой-нибудь парадоксальный элемент не пересечёт эти серии и не вызовет их резонанс, объединив тем самым соответствующие сингулярные точки в единую случайную точку, а все эмиссии, по такому раскладу, в единый пучок»[771]. Этой цитате рецензент предпосылает очень нелестную оценку сути приёмов постмодернистских авторов как интеллектуальных мошенников, которым нечего сказать в науке.

Из отечественных учёных против постмодернистского мошенничества и колдовства в науке в последнее время резко выступают из естественников академик РАН Э. П. Кругляков (см. его книгу «Что же с нами происходит». Новосибирск, 1998), а из представителей общественных наук — доктор философских наук В. А. Кутырёв (см. его статью «Человек XXI века: уходящая натура...» // Человек. 2001. №1. С. 9–16). Так, В. А. Кутырёв, обсуждая модернистскую дихотомию «человек — постчеловек», оценивает «теорию» постчеловека как мошеннический трюк. Вместе с тем он отмечает переход части современной интеллигенции

---

769 В переводе на русский язык книга названа «Интеллектуальные уловки» (М., 2002).

770 Dawkins R. Postmodernizm Disrobed. P. 141–143.

771 Dawkins R. Postmodernizm Disrobed. P. 141.

не только к колдовству, астрологии, но и к крайним формам человеконенавистничества.

К сожалению, из отечественных авторов нашлись апологеты постмодернизма, которые усматривают в нём некий методологический позитив — чуть ли не логику современной социологии, адекватной некоему «контингентному» сдвигу, точнее сдвигу в головах некоторых социологов и философов. Полагают, что согласно «дихотомичной логике» постмодернизма, «теория развития» и «теория общественных изменений» составляют неразрешимую антиномию вечно сосуществующих теоретических конструктов.

Почему же эта антиномия наукой не разрешима? Оказывается потому, что так считал Кант (Гегель, вроде бы, здесь ни при чем) и так думают Поппер, Нисбет и Будон. «Можно критиковать и отвергать, — утверждает один из отечественных авторов, — конкретные теоретические модели развития или изменений, но доказать принципиальную несостоятельность теории развития или теории изменений как способов теоретизирования невозможно, оставаясь в рамках социологии, поскольку, как показал опыт Поппера, Нисбета, Будона, сама критика базируется на ценностном разрешении антиномий „универсальность — уникальность“, „детерминизм — индетерминизм“, „дедуктивность — индуктивность“, которые выводят проблему „развитие или изменение“ в область вопросов, названных Кантом метафизическими»[772].

Можно привести из дискурсов автора образец «анализа» дихотомий на основе их ценностной оценки, причём по «ясности» мысли не уступающего делёзовским. «Итак, — обобщает автор, — если овеществление — результат реализации ценностей, то развеществление — симптом их деактуализации. Симуляции, выдающие отсутствие реальности за её присутствие, умножаясь, становятся самодостаточны и делают проблему реальной и иррелевантной. Понимание существа современности как виртуализации / развеществления общества порождает массу теоретических проблем. Но единственно существенная возникает как

772 Иванов Д. В. Императив виртуализации. Современные теории общественных изменений. СПб., 2002. С. 48.

следствие решения вопроса о ценностях: как возможно общество, лишённое ценностей? На столь зловеще звучащий для многих вопрос возможен столь же иронично звучащий ответ: как виртуальная реальность. Если нет того, о чём „во всём постоянно идёт дело“, то социальные институты, возникшие как следствие овеществления, теряя свою власть над индивидом, становятся образом, включаемым в игру. И в этом смысле телефакс, избавляющий от сервиса — надзора такого социального института, как почта, есть „распочтовывание“, ксерокс — „растипографирование“, видео — „раскинематографирование“, персональный компьютер — „разофисирование“»[773].

Понять, что здесь есть развеществление или присутствие отсутствия, нормальному человеку и нормальному разуму вряд ли возможно.

Есть ещё одна особенность постмодернизма, на которую следует обратить внимание. Это — сведение самого понятия «современность» к бессмыслице — к принципу «здесь и сейчас», не знающего никакой историчности. Современность — это вроде бы то, что эмпирически наблюдается только здесь и сейчас, но не там или после.

Деление истории на два — «до» и «после» неизбежно подводит дискурс на эту тему под апорию Зенона «Дихотомия», согласно которой проблема движения во времени неразрешима. Наблюдаемое здесь и сейчас, т. е. современность, в этом случае предстаёт как неуловимый миг между прошлым и будущим, между «до» и «после». Ведь можно утверждать, что то, что было вчера, час, минуту, секунду и т. д. тому назад, это уже прошлое, а что будет завтра, через час, минуту, секунду и т. д. (деление времени бесконечно) — уже будущее. Настоящему места не остаётся, современность исчезает. В современность нельзя попасть не только дважды, но и однажды.

Но и этого мига может не быть, поскольку время между «до» и «после» может делиться бесконечно. Соответственно и движения истории не будет, оно не только может не начаться,

---

[773] Иванов Д. В. К пониманию современности: Критический вызов // Проблемы теоретической социологии. Вып. 2 / Под ред. проф. А. О. Бороноева. СПб., 1996. С. 110–111.

но и существовать не может. Отсюда и обращение постмодернистов к К. Попперу, проповедующему бессмысленность истории, отсюда и постмодернистские теории «конца истории».

По-иному выглядит научное решение проблемы современности и постсовременности. Достаточно обратиться к Гегелю, чтобы современность понять глубже — прежде всего как существующую действительность, а постсовременность — как возможность, т. е. как то, что существенно для действительности, но остаётся только возможностью. С этой точки зрения современность предстаёт как действительность, которая «есть ставшее непосредственным единство сущности и существования, или внутреннего и внешнего»[774]. Поэтому научное понимание современности не позволяет под неё подставлять всё то, что непосредственно воспринимается, лежит на поверхности общества, т. е. наличное бытие как явление. Современность в качестве действительности в своём раскрытии и реализации обнаруживает себя как необходимость. У Гегеля, как разъяснил в своё время Ф. Энгельс, необходимость является атрибутом действительности, и, соответственно, разумна лишь та действительность, которая необходима.

Если подходить к современности с этих позиций, т. е. как к действительности текущей эпохи, то современным будет действующий с необходимостью процесс обновления, развития, прежде всего совершающийся научно-технический прогресс, поставляющий обществу новые знания, технику и технологию.

В общем социально-экономическом смысле современным будет то, что выступает отрицанием старой действительности. По мере развития всё, что было прежде действительным, становится недействительным, утрачивает свою необходимость, своё право на существование, свою современность. Вместо отрицаемой действительности возникает новая, жизнеспособная действительность. Всё действительное в человеческой истории со временем становится неразумным, а всё разумное предназначено к тому, чтобы стать действительностью, как бы ни противоречило существующей кажущейся действительности[775].

---

[774] Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М., 1974. С. 312.

[775] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21. С. 275.

И. Валлерстайн подобную необходимость преобразования существующей действительности называет «современностью освобождения», являющейся постоянной, вечной современностью, противостоящей консерватизму и либерализму. Он связывает её с освобождением от капиталистической миро-системы, о кризисе которой свидетельствуют следующие современные тенденции: во-первых, подвергаются истощению ресурсы доступной дешёвой наёмной рабочей силы, особенно её приток из деревни; во-вторых, происходит сжатие средних слоёв общества как политической опоры существующей миро-системы; в-третьих, нарастает кризисная ситуация в экологии, обостряющая экономические проблемы; в-четвертых, увеличивается демографический разрыв между Севером и Югом[776]. Те, кто хотел бы продлить существование того, что есть сейчас, но в другом обличии, полагает автор, ещё очень сильны. Вместе с тем он выражает уверенность, что «это будет концом ложной современности и началом, впервые, подлинной современности освобождения»[777].

Что касается постмодерна, то он, по утверждению И. Валлерстайна, «вовсе не после-современность... Постмодернизм как концепция, претендующая на объяснение, лишь запутывает»[778]. Постмодернизм является способом отрицания современной тенденции в науке, утверждающей, в отличие от ньютоновско-бэконовско-картезианской традиции, историчность мира природы. Вместе с тем постмодернизм, по мнению указанного автора, служит выражением острого морального и институционального кризиса капиталистической миро-системы и в этом отношении является возвещением её гибели. «Понадобится по меньшей мере ещё 50 лет окончательного кризиса, т. е. „хаоса“, прежде чем мы можем надеяться обнаружить себя при новом общественном строе»[779].

И. Валлерстайн полагает, что для России 1989 год и последующий период не стали триумфом либерализма, скорее

---

[776] Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001. С. 182–184.

[777] Там же. С. 186.

[778] Там же. С. 185.

[779] Там же. С. 185.

наоборот, — это «крах либерализма и грандиозное политическое поражение тех, кто поддерживает капиталистический мир — экономику»[780].

Так называемые «радикальные реформы», приведшие к деградации нашего общества, сопровождаются соответствующим идеологическим оправданием — концепциями модернизма и постмодернизма, призванными заменить теорию развития общества. Чтобы прикрыть отказ от теории развития, предполагающей переход от старого к новому, выдвигается суждение, похожее на признание обновления — приведение общества в современный вид, его «осовременивание», «обновление». Обновить, например, Россию — это приспособить её к современным условиям, т. е. или к условиям, существующим на Западе, или возродить то, что было в России до социализма. «Суть перемен, которые идут в России и посткоммунистических странах, — сказано в одной из книг по модернизму, — заключена в понятии «модернизация». Термин, забытый после неудач деколонизации 60-х годов, вновь стал центральным для характеристики этого типа развития, связанного со сменой и поиском собственной идентичности, попыткой приблизиться к западной»[781]. Именно для этого были востребованы модернистские концепции, возрождение которых прямо связывается с идеологическими потребностями правящих кругов посткоммунистических стран, особенно для проведения так называемой «либеральной политики».

Какой предстаёт современная российская действительность в концепциях модернистов? Что в ней истинно современного в отличие от декларируемой, якобы «ложной» современности социализма?

Поскольку капитализация страны не привела её к действительному обновлению и развитию, в поисках «современного» приходится обращаться в область духа, а в ней — к духовной свободе человека, причём ценой отказа от других не менее важных принципов — равенства и справедливости. Суть современного

---

[780] Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001. С. 181.

[781] Козловский В. В., Уткин А. И., Федотова В. Г. Модернизация: от равенства к свободе. СПб., 1995. С. 3.

либерализма, по справедливому утверждению академика В. Н. Страхова, «состоит в двух моментах: во-первых, „эгалите“ (равенство) и „фратерните“ (братство) выбрасываются как вещи непотребные и крайне опасные; во-вторых, „либерте“ (свобода) связывается с фундаментальным принципом капитализма и западной цивилизации — „Интересы личности превыше всего“»[782]. Сама же свобода свелась к свободе слова, которую не зря называют ваучером демократии, но уже в области идеологического мошенничества.

Что же касается оценки того, что представляет собой наличная российская современность, то модернизм ничего внятного не предлагает. Вот, например, рассуждения одного из «современных» авторов относительно существования в нашем обществе предпринимателей как наиболее заинтересованной в проведении либеральных реформ социальной группы. Предполагается, что эта группа обладает фактическим бытием, но не присутствует в социологическом опыте: «понятие „социальная группа предпринимателей“ означает присутствие, которое отсутствует. Отсутствие предпринимателей представляет собой то, что присутствовало, либо то, что могло присутствовать или могло не присутствовать, либо то, что будет присутствовать, либо то, что может присутствовать или не присутствовать, либо то, чего присутствовать не может. Всё, что наличествует в присутствии „предпринимателей“, каким-то образом уже присутствует в отсутствии. Вне присутствия „социальная группа предпринимателей“ представлена своим отсутствием. Отсутствие изучается как уже-не- присутствие, либо как ещё-не-присутствие: в самых общих чертах структуры отсутствия могут трансформироваться в прошедшие события и деструктурироваться отсутствием как „пережитки“ прошлого присутствия или стать будущими событиями, которые своими возможностями „притягивают“ к себе присутствие»[783].

Из этой бессмыслицы, составленной по рецептам модерна, трудно что-то извлечь для понимания современности и тем

---

[782] Советская Россия. 1999. 20 марта. С. 3.

[783] Качанов Ю. Л. «Экономическая социология» в контексте политики // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. №4. С. 43.

более будущего, выходящего за пределы современности. Будущее России в концепциях постмодерна накрепко привязывается к прошлому, причём не к социалистическому, а к капиталистическому прошлому. Тем самым постмодернизм отрицает всякую теоретическую возможность рационального объяснения перехода к действительному будущему или, на языке модернизма, к постсовременности.

В самом деле, что можно сказать о том, что будет после современности, если не допускается развитие! Ровным счётом ничего вразумительного. Это обстоятельство вынуждает постмодернистских авторов прибегать, как показали А. Сокал и Ж. Брикмон, к чисто мошенническим приёмам и запутанному стилю изложения, прикрывающему отсутствие и невозможность подлинной мысли. «Предположим, — пишет Р. Докинз в своей рецензии на книгу вышеназванных авторов „Интеллектуальные мошенники“, — что вы — интеллектуальный мошенник, которому нечего сказать, но с сильной амбицией преуспеть в академической жизни. Какой стиль письма вы тогда предпочли бы? Наверняка неясный, ибо ясность выставила бы напоказ отсутствие содержания в ваших писаниях»[784].

Пример с присутствием и отсутствием предпринимателей в современной России, приведённый выше, вполне подтверждает эту оценку постмодернизма. Такого рода алогизмы проистекают из модернистской трактовки социальной реальности, вернее, из отрицания её объективности и из её сведения к чисто субъективной конструкции. Ведь «присутствие» социальной реальности в форме «предпринимателей» обретает основание лишь в опыте социолога, её смысл определяется «интенцией» социолога. В зависимости от угла зрения, под которым социолог воспринимает и интерпретирует свой опыт, один и тот же опыт может быть истолкован и как «присутствие», и как «отсутствие» чего-либо. В итоге социальная реальность будет определяться субъективным содержанием опыта и его интерпретацией социологом, т. е. отрицается сама возможность объективной истины, что лишает смысла применять здесь нормальную человеческую логику. Этого не позволяет солипсизм.

---

784 Dawkins R. Postmodernizm Disrobed. P. 141.

Столь же невразумительны модели прогресса в их постмодернистском «осмыслении». Так, модель экономического роста у представителя персоналистского постмодерна П. Козловски, антисциенистские сочинения которого распространяются у нас, выглядит как некая комбинация расширения и сокращения. Решение проблемы примитивно сводится к тому, чтобы найти середину между расширением и сокращением. «Ни человек, ни что-либо другое, — пишет он, — в природе не растёт и не расширяется безгранично. Также и человеческая личность не является безгранично расширяющимся устройством, без конца поглощающим ограниченные ресурсы; она держится на хрупком равновесии двух тенденций или движений — движения расширения и движения сокращения... Как человеческая личность, так и жизненные порядки, философские истолкования общества, культура и экономика должны найти середину между сокращением и расширением. Двойное направление роста — вовне и вовнутрь — говорит о том, что и экономика должна расти вовне и вовнутрь и что способность к внутреннему углублению широко раздвигает границы роста»[785].

Очевидно, что искать середину между расширением и сокращением, между ростом вовне и вовнутрь — это бессмысленное дело. Но эта бессмысленность есть приём, посредством которого отрицается возможность прогресса и развития вообще. Они обессмысливаются. Ведь середина между расширением и сокращением чего-либо — это покоящееся состояние, оно остаётся таким, каким было.

У нас функцию объяснить «посткоммунистическое» развитие России с позиций модернизма и постмодернизма взяли на себя несколько авторов (А. С. Ахиезер, В. В. Козловский и другие), в том числе В. Г. Федотова из Института философии РАН. В своей книге «Модернизация „другой“ Европы» она поставила целью дать «подробный анализ модернизационной (неомодернизационной) и постмодернизационной перспективы и представить контуры теории посткоммунистического развития»[786].

---

[785] Козловски П. Прощание с марксизмом-ленинизмом: очерки персоналистской философии. СПб., 1997. С. 91, 95.

[786] Федотова В. Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997. С. 14.

Книга начинается с модернистского дискурса о судьбах России в зеркале методологии. Им оказывается не зеркало П. Глобы, выводящего эти судьбы из расположения звёзд (звёздного контекста), а из двух посылок модернистски трактуемой социологии знания: из степени самоочевидности того или иного типа знания (обозначающего) и из социального контекста типа знания.

Самоочевидным, по её мнению, для России типом знания является не социально-теоретическое и не социально-технологическое, а мировоззренческое (идеологическое) знание. Это вроде бы самоочевидно, ибо первые студенты, посланные Борисом Годуновым за рубеж, проявили исключительный интерес к алхимии и к астрологии. Но это говорит, скажем мы, лишь о том, что в России не было алхимии и астрологии, и, следовательно, не столь очевиден мировоззренческий тип знания применительно к России, если она не знала ни алхимии, ни астрологии, а на Западе они в то время процветали.

Типом знания обусловливается и социальный контекст. Россия может быть «обозначена как место (социальный контекст), отличающееся предпочтением особого типа социального знания», т. е. преобладанием мировоззренческого знания над научным. Соответственно, подход к проблеме модернизации общества должен быть, согласно автору, культурологически-цивилизационным, а не материально-цивилизационным. Это значит, что социальные сдвиги ею рассматриваются как следствие культурных и цивилизационных обстоятельств и главных из них — духовных процессов, т. е. она не скрывает своей приверженности субъективному методу, заявляя, что руководствуется посылкой о главенстве культуры, духовного контекста.

Что касается методологического подхода к выявлению путей развития России (термин «развитие» применяется исключительно в модернистской трактовке), то здесь речь идёт не об обосновании особенного, но действительного пути развития, что требовала классическая методология, а о ракурсах интерпретации, понимания этих путей. Эти ракурсы интерпретации не должны быть онтологизированы, т. е. не должны быть представлены как реально возможные, они лишь точки зрения, не имеющие подтверждения. Спор о том единственном пути, который потом подтверждается историей, объявляется бессмысленным (как будто

путь никогда не бывает единственным), тогда как на самом деле бессмысленным является совмещение ракурсов интерпретации, если исследователь не выявляет того реального пути, по которому пойдёт Россия.

Не имеет смысла их совмещение ещё в одном ракурсе интерпретации — по типу развития, не знающего ни феодального, ни капиталистического, ни социалистического типа развития. При таком ракурсе интерпретации развитие стран уподобляется соревнующимся на лодках спортсменам. Россия оказывается во втором эшелоне в качестве «второй» Европы, побуждаемой внешним «вызовом» Запада. Она не имела и не имеет внутренних источников развития, не обладает органичностью, собственными потребностями и исторической судьбой, её механизмы развития мобилизационные, характер развития — догоняющий, темпы — медленные. Как будто не было социалистического развития России (СССР), ошеломляющего всех своей инновационностью, небывалыми темпами, своими внутренними источниками развития. Как будто нет нынешнего Китая, Вьетнама, поражающих всех своим развитием на основе движения к социализму. Как будто падение в своём развитии нынешней России не объясняется тем, что она сошла с рельсов социализма и повернулась к Западу, хочет стать «другой» Европой, на пути к которой, т. е. к капитализму, она может превратиться только в колонию первой Европы. Автор без какого-нибудь доказательства утверждает, что именно путь России к «другой» Европе — это её настоящий путь, который является позднеевропейским социальным развитием[787]. На самом деле автор повторяет западный модернистский тезис о западном обществе как о первом мире, т. е. о современном мире, а об остальных — как о втором и третьем мирах.

В методологическом плане ракурсы интерпретации, тем более их совмещение на пути к «другой» Европе не могли дать вразумительного результата. Его бессмысленность была заложена в модернистской методологии. Модернистское жонглирование терминами «до (традиционное, прошлое) — теперь (модерн, современное, западное) — после (постмодерн)» применительно к России ельцинского периода ничего внятного не даёт. Ведь

[787] Федотова В. Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997. С. 247, 253.

в этом случае традиционным прошлым, от которого надо убегать и переходить в современность, было бы самое высокое развитие, которого когда-либо достигала наша страна, а её современностью — быть «другой» Европой в качестве колонии Европы. Ведь «после» — это не будущее и не развитие. «После» может быть и гибелью.

На самом деле настоящая современность России, в отличие от сегодняшней «ложной» современности, — это социалистический тип её развития в условиях этой новой цивилизации. Эффективность этого пути уже доказана историей: как только она сошла с этого пути, она оказалась в тисках всеобщего кризиса.

Все согласны с тем, что история не имеет сослагательного наклонения. Это значит, что то, что прошло, прошло тем единственным путём, каким оно осуществилось. Отсюда и тезис о развитии общества как о естественноисторическом процессе, об объективной закономерности, объективной логике этого развития. Поэтому монистический взгляд на прошедшую историю — это единственный надёжный подход. Г. В. Плеханов прекрасно и убедительно обосновал этот взгляд.

Что же касается настоящего и будущего, то относительно их можно и нужно говорить как о включающих разные, даже альтернативные пути развития. Здесь уместен плюрализм, здесь «иное дано». Однако очень важно при познании настоящего и будущего определить тот закономерный путь, который оказывается единственным, как только настоящее и будущее становятся пройденными этапами исторического развития, уходят в прошлое, в историю.

Вариативность и плюрализм в этом случае опять переходят в монизм. Соответственно, монизм и плюрализм должны быть представлены как стороны противоречия. Когда они противопоставляются как две самостоятельные сущности и абсолютизируются, то, чтобы избежать дуализма, необходимо признать действительной одну из них: для прошлого это монизм и только монизм. Иначе, как говорилось, надо отказываться от суждений об истории, не знающей сослагательного наклонения. Если же настоящее и будущее берутся в плане их историчности, то плюрализм и монизм выступают как взаимополагающие противоречивые стороны одной и той же сущности — общественного развития.

Развитие в своих путях одновременно является и монистическим, и плюралистическим. В этом случае противоположности совмещаются, находятся в единстве, взаимополагают друг друга.

Когда читаешь модернистские бессмысленные «дискурсы», которые деконструируя логику противоречия, ничего не проясняют, невольно задаёшься вопросом — откуда всё это исходит, чем оно порождено?

Оказывается, что не только разумное, но и бессмысленное может стать действительным. Никакой необходимости в том, чтобы разрушать, например, СССР, экономику и культуру России или сжигать храм Зевса, не было. Но творить социальную действительность могут не только разумные люди и с помощью науки, но и люди с дурными намерениями и лишённые научного мышления. Действительность, в которой живёт сегодня Россия, тоже продукт деятельности людей, но продукт неразумной, разрушительной деятельности. Сегодняшняя действительность не обладает достоинствами необходимости и разумности. Постмодерн как раз и есть, с одной стороны, отражение такого рода действительности, с другой — творение ложной действительности.

Корни модерна в конечном счёте заключены в стоимостном бытии общества, в самоидентификации социального мира как товарного мира, в котором всё вращается вокруг принципа стоимостной самотождественности, не знающей развития. В теоретико-гносеологическом смысле это означает порочный круг, из которого нельзя выйти, не изменяя логике, не обращаясь ко всякого рода антинаучным трюкам. В социальном отношении — это защита вечности рыночного общества, олицетворяющего конец истории, особенно для России. С этой точки зрения она не имеет будущего, её современность выпадает из истории: всё, что есть уже было.

Теперь очевидно, что Россия нынешняя, да ещё при существующем политическом режиме, исчерпала возможности своего развития на капиталистической основе. Она живёт не в модернистском, а в капиталистическом мире, теряющем своё историческое оправдание, свойства разумной действительности, а потому и признаков производительного общества. Будущее России — не в её положении «второй» или «другой» Европы, как этого хотят представители западного и отечественного модернизма,

а в том, чтобы занять достойное место в процессе исторически закономерного перехода от мировой системы капитализма к мировой социалистической системе. Это и будет воплощением не постмодернистского или неомодернистского, а современного общества. Лишь на пути, на который Россия встала в начале XX в., т. е. на пути к социализму, она приобретёт свойства разумности и, соответственно, действительности. Только на этом пути Россия в XXI в. может вновь оказаться на вершине мирового исторического развития.

Этого не хотят признать как западные теоретики, так и представители отечественного модернизма. П. Штомпка, например, считает, что достигнутое нашим обществом при социализме развитие «оказалось весьма далёким от истинной современности». Наше общество при социализме, по его мнению, представляло собой скорее «ложную современность», под которой он подразумевает «навязанную индустриализацию», «установление жёсткого контроля» со стороны административного бюрократического аппарата и автократического государства и т. п. У нас вроде бы не могла быть «истинная современность», поскольку отсутствовали частная собственность, индивидуализм, рациональная организация производства, свободный рынок, предпринимательская элита, плюралистическая демократия. «Каким-то образом эти общества, — пишет этот симпатизирующий Марксу польский социолог, — умудрились сконцентрировать в себе все худшие, кошмарные черты современности, не обретя при этом ни одной из лучших. Они оплачивают издержки, не получая прибыли. Столь странное, если не сказать шизоидное, наследство всё ещё имеет место и, вероятно, сохранится в течение жизни целого поколения или даже нескольких поколений»[788].

На самом деле, шизоидным российское общество стало в последние 10–15 лет, когда оно приобрело «недостающие и упущенные» прелести капитализма: частную собственность, свободный рынок, индивидуализм, предпринимательскую (воровскую) «элиту», невиданный по масштабам бюрократический чиновничий аппарат, огромные по численности карательные органы вместо разлагающейся армии.

---

[788] Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 180.

Упадок и кризис российского общества является самоочевидным доказательством провала всех антисоциалистических, антикоммунистических концепций относительно будущности России. Этот упадок свидетельствует, что модернистские и постмодернистские модели для неё неприемлемы. Защищать их — значит не видеть пагубных последствий капиталистического выбора «современной» России. Сам капитализм, по свидетельству Дж. Сороса[789], оказался в тупике и вряд ли он сможет поддержать, за исключением некоторых небольших стран, бывшие социалистические государства в их стремлении попасть в число развитых капиталистических стран, в компанию «золотого миллиарда».

Разорение России на пути к капитализму в прошлом и в настоящее время, а также стран третьего мира, разрыв в уровне жизни которых по сравнению с Западом достигает соотношения 1 к 60, одновременно доказывает неизбежность социалистического выбора.

В этой связи не следует соглашаться с некоторыми теоретиками из КПРФ, которые видят выход из создавшегося положения в возврате к тому же капитализму, но нэповскому, государственному. Они забывают, что в своё время из-за введения нэпа партия коммунистов потеряла большую часть своих лучших членов, а те, кто остался в ней, не могли не быть причастными к тому, чем обернулась Россия нэповская в результате правления «коммунистов-нэпманов» типа М. Горбачёва и Б. Ельцина. Она превратилась из России нэповской в Россию капиталистическую. Вряд ли народ воспримет капитализм в его нэповской форме, но со старыми мерзостями. Нынешние олигархи из бывших членов КПСС — это тоже прямые наследники нэпманов.

Современное состояние России в определённой мере аналогично её положению в 1917 г. до Октябрьской революции. Тогда, как и сегодня, Россия оказалась в состоянии катастрофы. Правящая верхушка, как в то время, так и ныне не предприняла никаких серьёзных мер по преодолению кризиса, ибо их осуществление затронуло бы алчные интересы горстки капиталистов, посягнуло бы на их всевластие и безмерные прибыли.

---

789 Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. М., 1999. С. 9.

Между тем, как писал В. И. Ленин в своей работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», эту катастрофу можно было не допустить, для этого надо было воспользоваться основным проверенным средством — организовать серьёзный контроль, учёт и надзор со стороны государства, заняться регулированием производства и распределением продуктов, сбережением народных сил, их экономией. К другим мерам он относил: национализацию банков и их объединение под государственным контролем; национализацию монополий, крупных синдикатов; отмену коммерческой тайны, создание потребительских обществ и других промышленных союзов и т. д[790].

Из анализа кризисного состояния России В. И. Ленин сделал вывод о том, что нельзя спасти Россию и идти вперёд, не идя к социализму. Он отвергал тогда, и мы должны отвергать сегодня всякого рода суждения относительно того, что Россия не созрела для социализма. Образование крупнейших монополий и превращение России в страну государственно-монополистического капитализма является непосредственной предпосылкой возвращения к социализму.

§ 2. Подмена социально-экономических критериев технологическими

В своё время К. Марксом было установлено, что буржуа и их экономисты бесконечно восхваляют заслуги прошлого труда, воплощённого в технике и технологии производства. При этом непрерывно растущее значение этого прошлого труда, участвующего в форме средств производства в живом процессе труда, ими стало приписываться не самому рабочему, прошлым и неоплаченным трудом которого они являются, а отчуждённому от труда и воплощённому в них капиталу[791]. Соответственно, практические представители капиталистического способа производства своей собственностью на средства производства, т. е. на капитал, оправдывают своё право на получение прибыли. От труда рабочих они

---

790 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34. С. 161.

791 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 622.

якобы ничего не имеют, поскольку оплачивают полностью покупаемую рабочую силу. Прибыль же они извлекают из технических и иных подобных средств производства, из земли.

Поэтому не случайно в своё время эру промышленной революции, происшедшей при капитализме, стали отождествлять с самим капитализмом, приписывая ему значение индустриального общества, т. е. способом осуществления производственных процессов стали подменять существо капиталистического экономического строя производства. Когда же индустриализация была осуществлена в условиях социализма (СССР), тогда пришлось оба общества назвать «индустриальными» и говорить об их «конвергенции». На эту тему, как свидетельствует И. Валлерстайн, ещё в 1962 г. выступил Р. Арон в своих «Dix-huit lecons sur la societe industrielle» (Paris, 1962)[792]. В наше время эту же идею повторяет Г. Х. Попов, придав ей несколько иной смысл: будто бы социализм в СССР был замещён не капитализмом, а постиндустриализмом[793]. То же самое утверждает один из западных представителей постиндустриализма — М. Кастельс. Он полагает, что не расширение товарно-денежных отношений и переход на критерий максимизации прибыли привели к вытеснению социалистического способа производства, а информация: ключевую роль в кризисе Советского Союза якобы сыграла информационная технология[794].

В теоретическом отношении решение проблемы экономического типа общества сводится к выбору соответствующего научного критерия: взять ли за основу и единицу анализа социально-экономический способ производства в его целостной временной протяжённости (Ф. Бродель, И. Валлерстайн), или же исходить из отдельных факторов, выдаваемых за представителей всей системы: например, из технологического способа осуществления производственного процесса, и в зависимости от этого рассуждать о том или ином типе общества: индустриальном, постиндустриальном, доинформационном или информационном и т. п.

---

[792] Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. С. 34.

[793] Попов Г. Х. Будет ли у России второе тысячелетие. М., 1998. С. 143.

[794] Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М., 2000. С. 22.

Д. Белл, например, для определения типа общества сознательно выбирает лишь одну ось из системы координат — технику и технологию, полагая, что, вращая эту ось, можно из индустриального общества перейти в постиндустриальное[795]. Л. Туроу предлагает исходить из двух осей (факторов) — технологии и идеологии. В Древнем Египте они были представлены илом Нила, источником всего материального богатства, и верой в загробную жизнь, позволявшей создавать накопления для этой будущей жизни и строить дворцы (пирамиды) для мёртвых и глиняные дома для живущих. Что касается причин нынешнего состояния капиталистического общества, то они, по его мнению, «заключаются во взаимодействии новых технологий с новыми идеологиями»[796].

М. Кастельс, предлагая в качестве будущего информационное общество, тоже исходит из одной нити «сетевого» общества — информации, информационного способа осуществления и развития производственного процесса. Поскольку революция в информационной технологии охватывает всю область человеческой деятельности, заявляет он, именно она и будет «моим отправным пунктом в анализе сложностей становления новой экономики, общества и культуры». Вместе с тем М. Кастельс не желает, чтобы его причислили к лагерю технологических детерминистов: его методологический выбор не подразумевает, что новые социальные формы и процессы возникают как следствие технологических изменений. Он не прочь проводить различие между способом производства и способом развития. Но при этом полагает, что новая социальная структура порождается информационно-технологическим способом развития. Он опять-таки способ производства, тип производственных отношений подменяет одним из способов (безусловно, важных) развития, повышения производительности труда. При этом настолько абсолютизирует роль информации и знаний, что они объявляются производительной силой независимо от своего овеществления в технике и технологии производства: воздействие знания на само знание, по его

---

795 Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999. С. XCVI.

796 Туроу Л. К. Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир. Новосибирск, 1999. С. 11.

мнению, представляет главный источник производительности — «Я думаю, — следовательно, я произвожу»[797].

В своё время и в отечественной литературе изменения в общественных отношениях связывались с научно-техническим прогрессом, материально-технической базой. Не обращалось внимания на то, что тот или иной материально-технический базис производства по своей социально-экономической сущности является в свою очередь требованием самих общественных, производственных отношений. Он вызывается к жизни потребностями определённой социальной системы в утверждении своего господства и выступает способом реализации её требований. У К. Маркса, например, в «Капитале» машинное производство представлено как инициированный капиталистическим отношением способ извлечения относительной прибавочной стоимости и реального подчинения труда капиталу. Капиталистический способ производства порождает специфическую материальную форму производственного процесса, а затем, укрепляя её, делает средством дальнейшего развития самого капиталистического отношения.

Форма производственного процесса нового общества также должна отвечать требованиям воспроизводства его основного общественного отношения, которое в свою очередь оказывает решающее формообразующее влияние на материально-техническую базу. Если этого не учитывать, то трудно понять, почему данная база должна вызывать именно эти, а не другие социальные последствия. Характеристика научно-технического прогресса со стороны его социальных последствий должна предполагать его социальную сущность, для реализации которой он предназначен.

Основное производственное отношение закрепляется определённой технической системой производства и его организацией. В этой связи в литературе отмечается, что суждение о средствах труда как показателе общественных отношений, при которых совершается труд, свидетельствует не о том, что средства труда непосредственно определяют систему общественных отношений, а скорее о том, что они выступают показателем общественных отношений и соответствуют им.

---

[797] Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. С. 14, 37, 39, 513.

Научно-технический прогресс, к сожалению, нередко рассматривался без учёта его социальной сущности: он брался лишь как процесс системного совершенствования элементов производства на основе научных исследований и разработок. Сущность научно-технической революции сводили или к переворотам в отдельных элементах материальных производительных сил, или к единому, целостному технологическому перевороту, обладающему некоторым общественным аспектом. Социальные последствия научно-технической революции нередко сводились к преобразованиям лишь отношения между человеком и природой, но не производственных отношений, надстройки. В этом вопросе существовал известный перекос в сторону технократических подходов, связанный с ослаблением внимания к социальной стороне производства, с оценкой социального только как следствия технического развития. В программах научно-технического прогресса социальная проблематика или вовсе отсутствовала, или сводилась к немногим общим положениям, подменялась строительством объектов для непроизводственной сферы.

Социальное развитие вместо того, чтобы быть ориентиром технического прогресса, занимало в структуре программ социально-экономического развития последнее место, что делало его скорее обычным следствием, чем ориентиром научно-технического развития. Нельзя же на практике пользоваться таким ориентиром, который стоит позади научно-технического прогресса и других задач, предусматривающих развитие материальных средств производства. Социальные задачи часто не включались в программы решения научно-технических проблем, которые ограничивались заданными техническими и технологическими параметрами. На практике социальные критерии эффективности научно-технического прогресса использовались недостаточно, не определялись социальные границы применения новой техники и новых технологий. В общественных науках не были решены вопросы методологии и методики оценки социальной эффективности научно-технического прогресса, критериями экономической эффективности предлагались чаще всего стоимостные принципы.

Если говорить о социальной сущности научно-технического прогресса, то она реализуется прежде всего через экономию труда. Прогресс техники в том и выражается, что человеческий

труд всё более и более отступает на задний план перед работой машин, что в замене ручного труда машинным «состоит вся прогрессивная работа человеческой техники»[798]. В новых условиях в гораздо более высокой степени, чем при капитализме, социальная граница применения машин «определяется тем, что труд, которого стоит их производство, должен быть меньше того труда, который замещается их применением»[799]. Должны раздвигаться границы применения новой техники до такого масштаба, когда экономится весь труд, а не только оплачиваемая часть живого труда.

«Поэтому, — указывал К. Маркс, — такое уменьшение общего количества труда, входящего в товар, казалось бы, должно служить существенным признаком повышения производительной силы труда при любых общественных условиях производства. В обществе, в котором производители регулируют своё производство согласно заранее начертанному плану, и даже при простом товарном производстве производительность труда безусловно измерялась бы этим масштабом»[800]. Увеличение же прибавочного труда за счёт такого же уменьшения необходимого не может выступать в качестве обобщающего критерия эффективности производства и применения новых машин.

Социальные требования общества к научно-техническому прогрессу могут быть удовлетворены не любым экономическим эффектом, а лишь таким, который даёт максимальный социальный эффект, связанный с развитием человека. От того, что берётся за основу определения эффективности новой техники (стоимостная оценка или оценка на основе потребительной стоимости), во многом зависят пути дальнейшего развития материально-технической базы общества. Для их определения недостаточно сопоставить затрату и результат только в стоимостной форме.

Согласно трудовой теории стоимости, результат (новая стоимость), взятый как меновая стоимость, не может быть больше затраченного на его производство общественно необходимого труда. Закон стоимости неизменно устанавливает, что

---

798 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1. С. 100.

799 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 404.

800 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I. С. 287.

из меньшего нельзя получить большее. Прошлый труд, взятый в стоимостном выражении (будь это стоимость средств производства или прошлый труд, воплощённый в рабочей силе), не увеличивает новой стоимости: конкретный труд работника лишь переносит стоимость средств производства на продукт, т. е. их стоимость появляется во вновь созданной потребительной стоимости. Производить большее количество новой стоимости может только живой труд при помощи средств производства, функционирующих в роли потребительных стоимостей. Единственное, что можно получить в стоимостной плоскости при данных или меньших затратах труда, — это увеличение стоимости прибавочной части продукта, но за счёт такого же уменьшения стоимости его необходимой части.

Увеличение результата за счёт уменьшения затрат может происходить в двух случаях: во-первых, когда затраты живого общественного труда, измеряемые временем, уменьшаются, а масса производимых потребительных стоимостей увеличивается; во-вторых, когда одна часть воплощённого в продукте труда (необходимый труд) уменьшается, а другая часть труда (прибавочный труд) за счёт этого увеличивается. В первом случае количество труда соизмеряется с количеством потребительных стоимостей, во втором — количество прибавочного труда с количеством необходимого труда. В первом случае при меньших затратах труда за счёт роста его производительности действительно можно получить больше продукта. Во втором случае результат, взятый как стоимость, не может быть больше затраченного на него общественно необходимого труда: в продукте может расти лишь доля, падающая на прибавочную часть труда, и соответственно уменьшается доля, приходящаяся на необходимую часть труда. Тогда эффектом, получаемым от уменьшения оплачиваемой части материальных и трудовых затрат и приводящим к увеличению затрат на производство прибавочного труда, будет рост чистой прибыли. Если развитие материально-технической базы ориентировать на получение большей прибыли, или прибавочной стоимости, то трудно будет превзойти капиталистическое общество.

Социальная ориентация научно-технического прогресса на расширение воспроизводства общественных отношений

наилучшим образом может быть реализована в условиях, когда экономическая эффективность измеряется в единицах потребительной стоимости. Такая оценка, к сожалению, не получила ещё признания в работах по социально-экономическим вопросам научно-технического прогресса и эффективности производства.

Потребительная стоимость и потребности, определяющие технический строй производства, тоже ставят его в определённые границы, особенно если реализуются возможности полного удовлетворения абсолютных потребностей членов общества. Однако это границы другого порядка по сравнению, например, с ограничениями в развитии производительных сил, диктуемыми нормой прибыли. Они не лишают закон повышающейся производительной силы труда безусловного значения, поскольку вместо обратного соотношения между стоимостью и производительностью труда здесь устанавливается прямая пропорциональная связь между производительной и потребительной силой общества. Средства производства становятся средствами постоянного обогащения жизненного процесса трудящихся, круга их потребностей, новой исторической структуры последних. С преодолением тенденций, вызванных к жизни «работой» затратных механизмов и развитием производства ради производства, неизбежно должен преобразоваться весь технический уклад производства.

Научную картину технического строя производства, вызываемого более высокой общественной формой, основным принципом которой будет полное и свободное развитие каждого индивида, дал К. Маркс. Он исходил из того, что капиталистическое общественное отношение не может являться единственным и наиболее адекватным способом развития технической базы общества. Таковым оно не может быть прежде всего потому, что рабочий в нём не принимается в качестве самоцели и цели производства. Соответственно основным устоем, определяющим моментом функционирования материально-технической базы капитализма является количество непосредственно живого труда, непосредственного рабочего времени. Это обусловлено не требованием техники, а стоимостным отношением и основанной на стоимости организацией производственного процесса.

Материально-техническая база посткапиталистического способа производства, напротив, нуждается в максимальном

сокращении рабочего времени, выводе непосредственного производителя из системы прямых и главных агентов производства, с тем, чтобы он встал рядом с производственным процессом, был его контролёром и регулятором. Поэтому обязательной характеристикой, атрибутом каждой новой технической и технологической системы должно стать высвобождение живого труда, если речь идёт о её соответствии новому способу производства. Превращаясь в количественном отношении в незначительную долю рабочего времени, труд в качественном отношении становится применением науки к производству. «В этом превращении в качестве главной основы производства и богатства выступает не непосредственный труд, выполняемый самим человеком, и не время, в течение которого он работает, а присвоение его собственной всеобщей производительной силы, его понимание природы и господство над ней в результате его бытия в качестве общественного организма, одним словом — развитие общественного индивида»[801].

Соответствующие требования предъявляются и к средствам производства. Реализация отношения по поводу производства развитого человека предполагает уже не количество рабочего времени, а высочайшую дееспособность технических средств, т. е. мощь материальных агентов, «которые приводятся в движение в течение рабочего времени и которые сами, в свою очередь (их мощная эффективность), не находятся ни в каком соответствии с непосредственным рабочим временем, требующимся для их производства, а зависят, скорее, от общего уровня науки и от прогресса техники, или от применения этой науки к производству»[802]. Это значит, что стоимость машин не будет определять функционирование материально-технической базы; её обновление, сроки службы техники будут обусловливаться не стоимостью, а потребительной стоимостью средств производства. Экономия живого труда посредством применения новой техники превратится в норму технического прогресса.

Эти и другие сущностные черты материально-технической базы производства будущего общества предстают как его

---

801 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 213–214.

802 Там же.

собственный продукт, следовательно, новые общественные отношения для своего утверждения нуждаются и в новой материально-технической базе.

§ 3. Отчуждение науки от производительного труда

Нет нужды оспаривать выводы о всё возрастающем значении науки в современном обществе, и особенно — в будущем. Вместе с тем нельзя не замечать, что во многих случаях анализ использования возможностей развития науки осуществляется вне её обусловленности социально-экономическим способом производства. Подобно тому, как последний подменяется технологическими производственными формами, так и социально-экономическое воспроизводство научного труда и его носителей нередко заменяется технологией научной деятельности и распространения научных знаний. Предельно адекватно такой подход выражен упомянутыми выше словами М. Кастельса: «Я думаю, — следовательно, я произвожу». Речь в этом случае идёт не просто о «производстве» мыслей. Их создание, например, у Т. Сакайя трактуется как непосредственное воспроизводство стоимостей: «созданная знанием стоимость... обладает уникальной чертой: она создаётся индивидуализированными усилиями, в то время как обычная стоимость предполагает обобществление труда — на последнем базируется индустриальное общество»[803]. Стоимость же в виде знания не имеет никакого прямого отношения к издержкам, связанным с её созданием[804].

Такой подход исходит из отчуждения науки от труда, хотя посредством труда только и возможна практическая реализация сил науки в реальном производстве. Науке придаётся свойство самостоятельно создавать стоимость, следовательно, и капитал непосредственно в виде знаний, без необходимости обращения к труду и их овеществления в процессе материального производства. Вместо экономического процесса производства стоимости

---

[803] Сакайя Т. Стоимость, создаваемая знанием, или история будущего // Новая постиндустриальная волна на Западе / Антология. М., 1999. С. 354.

[804] Там же. С. 362.

выставляется сам познавательный процесс получения знания. С этим связана общая подмена экономического воспроизводства науки и её реализации в материальном производстве технологией создания научного знания.

Чтобы понять смысл и содержание социально-экономического производства науки, его следует рассматривать с двух сторон: а) с точки зрения самого процесса экономического производства науки, его методов и способов; б) с точки зрения его результата, т. е. когда наука берётся в качестве определённой формы общественного богатства. Само собой разумеется, что связь указанных моментов осуществляется в системе определённых производственных отношений.

С первого взгляда кажется, что сторонами экономического производства науки являются: сам творческий процесс, или научная деятельность, и наука как система знаний, т. е. знания. Вполне очевидно, что без научной деятельности никакой науки или знания не будет, как без труда не бывает его продукта. Имеются и определённые представления о природе научного творчества, используемых в нём средствах, о его результатах, т. е. знаниях, информации, открытиях и т. п.

В литературе по проблемам знаний, когда речь заходит о процессе производства, чаще всего подразумевается научная деятельность как процесс научного творчества. А всё «научное» производство нередко представляется в виде системы «научная деятельность — наука», в которой первый член выступает процессом производства, затратами труда, второй — результатами, характеризуемыми понятиями: «знание», «информация», «научный отчёт», «разработка» и т. д. Авторы одной из работ, например, утверждают, что «научный труд — главный двигатель науки, — как и труд в любой отрасли народного хозяйства, предполагает наличие трёх элементов: целесообразной научной деятельности, предметов труда и средств труда». К средствам труда в сфере науки они относят орудия труда — приборы и оборудование, а к предмету труда — реактивы, экспериментальные образцы, материалы, а также накопленные знания[805].

---

[805] Завлин П. Н., Щербаков А. И., Юделевич М. А. Труд в сфере науки. М., 1973. С. 7.

Разумеется, в научной, как и всякой иной деятельности, можно обнаружить все названные моменты, т. е. деятельность, её предмет и средства. Вполне возможно, что их анализ в других науках, например в физиологии высшей нервной деятельности, психологии, педагогике, логике и теории познания, стоит намного выше, чем в экономике. Во всяком случае, трудно убедить кого-нибудь в правильности суждения о том, что, например, математик (или философ), «обрабатывая» каким-либо прибором или при помощи иного оборудования накопленные истины, достигает новых знаний. Столь же трудно согласиться с общим выводом, что научная продукция создаётся «в результате воздействия научного работника на предмет труда при помощи средств труда»[806].

Экономический подход не может сводиться к анализу технологии научного труда. Как из процесса физического труда нельзя объяснить, что является его результатом — прибавочная стоимость или продукт для общества, — так и из процесса научного труда невозможно вывести экономическое определение производства науки.

Само экономическое производство есть нечто другое, чем научный процесс, процесс производства или создания знания, мысли. Экономическое производство науки не есть связь между научной деятельностью и знанием как её результатом, оно есть связь между материальным производством и наукой как одним из превращённых результатов этого материального производства — созданного им свободного от производительного труда свободного времени для научной деятельности.

В общем смысле эта связь состоит в том, что материальное производство в конечном счёте определяет уровень науки, достигнутую ступень научного познания. Развитие науки, особенно естествознания, а вместе с ним и остальных наук, находится в соответствии с развитием материального производства. Материальным производством создаются техническая база науки, приборы и научное оборудование, материалы для экспериментальных работ, что во многом определяет состояние развития науки.

---

806 Завлин П. Н., Щербаков А. И., Юделевич М. А. Труд в сфере науки. М., 1973. С. 51.

Материальное производство создаёт соответствующий жизненный фонд для работников науки и научного обслуживания и тем самым предопределяет не только возможности заниматься научным трудом, но и количество занятых в нём.

Короче говоря, известная зависимость между материальным производством и наукой, сформулированная в виде общей формы причинно-следственной связи, нуждается в конкретизации, причём в такой, которая раскрывала бы её экономический механизм. Выявить его — это значит объяснить соответствующими экономическими законами и категориями производство науки как производительной силы общества и формы общественного богатства: воспроизводство научно-технических работников, накопление научных знаний и ряд других звеньев экономического способа производства и развития науки.

Очевидно, что на одной стороне должно стоять материальное производство, на другой — наука как деятельность и система знаний одновременно. Лишь в этом случае можно будет говорить об экономическом подходе к производству науки, которая приобретает превращённую форму экономического результата или продукта экономического развития общества, т. е. развития материального производства. Эта связь является и объектом приложения экономической категории производственных отношений к производству науки.

Не случайно авторы, исходящие из технологии научного труда, не смогли рационально использовать категорию экономических отношений применительно к науке и ограничились тем, что производственные отношения в сфере науки свели к технологическим или межличностным отношениям. Технологическими они оказываются у тех, кто отождествляет научный процесс с производственным, а личностными — у сторонников концепции науки как отрасли особого, «духовного» производства. Но и у тех и других они не имеют характера собственно экономических отношений, особенно отношений собственности. По мнению, например, Г. Лахтина, который производственные отношения ищет в связях научной деятельности с её «нематериальным продуктом» — знаниями, не может быть и речи о какой-то частной или общественной (государственной) форме собственности, охватывающей

науку, её производство или распределение[807]. Невозможность применения к знаниям категории стоимости и других экономических понятий используется для ограждения науки от традиционных экономических отношений, в том числе отношений собственности. Аргументы при этом оказываются теми же: всеобщий характер научного труда и принадлежность знаний всему обществу исключают по существу частную или общественную собственность в этой сфере.

Данные выводы и аргументы теряют смысл, как только мы представим науку и научную деятельность явлениями, возникшими, существующими и функционирующими на основе создаваемого материальным производством прибавочного продукта. Последний реализуется и в процессе научной деятельности, протекающей в свободное время общества: он приобретает вид средств существования и развития людей науки. В этом случае экономические отношения в своих классических формах, в том числе в виде отношений собственности, обнаруживают себя и применительно к науке.

Сэкономленное рабочее время, превращаемое в свободное время, оказывается достоянием или небольшой части лиц господствующего класса, или достоянием широких народных масс, что, следовательно, выражает соответствующие отношения собственности. Кроме того, в отношениях материального производства и науки отражается положение различных классов и социальных групп в обществе, в частности рабочего класса и интеллигенции, работников физического и умственного труда. Обмен этих видов социально-экономической деятельности образует значительную сторону производственных отношений.

Система «материальное производство — наука» при капитализме приобретает характерную для этого строя социально-экономическую форму. Здесь производительные силы общественного труда выступают как силы капитала: не только материальные вещи, но и формы общественного труда — кооперация, мануфактура, фабрика, как показал К. Маркс, получают своё развитие в виде форм движения капитала, и потому производительные силы труда, развившиеся из этих форм общественного труда, а стало

807 Лахтин Г. Предмет экономики науки // Вопросы философии. М., 1973. С. 98.

быть, и наука принимают вид производительных сил капитала. Капитал присваивает себе не только производительные силы общественного труда, но и всеобщие общественные производительные силы, к которым относится и наука. Поэтому всюду, где научный труд входит в процесс капиталистического производства и оказывается включённым в состав капитала, он неизбежно подчиняется отношениям эксплуатации. Капитал применяет науку как средство, создающее прибавочную стоимость или способствующее её образованию. Вследствие этого инженерно-научные кадры, занятые на капиталистических предприятиях, по отношению к капиталу выступают как наёмная рабочая сила и в то же время как орудие капитала против рабочих.

Капитал эксплуатирует их труд в целях получения прибавочной стоимости. Одновременно с этим труд инженерно-технических и научных работников используется капиталом для эксплуатации непосредственного труда. Получается сложная картина классовых взаимоотношений между рабочими, инженерно-техническими работниками и капиталистами.

Нужно, конечно, считаться с тем фактом, что результатом развития современного производства является рост количества людей, выполняющих интеллектуальные функции. Без их участия, безусловно, не может происходить развитие производства. Но всё дело в том, что увеличение доли интеллигенции не только не снимает классового разделения и классовых антагонизмов буржуазного общества, а, наоборот, их обостряет. Прогрессивная тенденция, состоящая в увеличении доли научного труда, на почве капитализма несёт с собой социальные конфликты и необходимо связана с ограничением развития главной производительной силы — рабочих. Кроме того, она сопровождается безработицей в среде работников умственного труда. Всё это не может не тормозить развитие производительных сил вообще и сил умственного, научного труда. По-иному и быть не может: вся система капиталистических производственных отношений препятствует развитию этой силы. Современная Россия тому свидетельство.

Другим важнейшим проявлением капиталистической формы связи материального производства и науки является обострение противоположности между умственным и физическим трудом.

Казалось бы, что если в производстве увеличивается число трудящихся, функция которых носит интеллектуальный характер, то и труд рабочих должен подняться до уровня инженерно-технической деятельности. Такая объективная тенденция, порождаемая развитием техники, действительно существует. Но ей при капитализме противостоит другая, прямо противоположная тенденция — усиливающееся классовое разделение труда, увеличивающийся разрыв между умственным и физическим трудом, обострение социальных противоречий между буржуазной интеллигенцией и рабочим классом.

Производственное потребление науки в экономическом отношении сводится к её потреблению как непосредственной производительной силы, реализованной в средствах производства или в живом труде. Нет сомнения в том, что потребление науки в производстве отличается от процесса потребления средств производства или физического труда. Но утверждать, что при всех условиях в процессе потребления наука не отчуждается, было бы неправильно. Покупая рабочую силу научных или инженерно-технических работников и потребляя её в процессе производства прибавочной стоимости, капиталист, безусловно, отчуждает научную силу этих работников, их способность к научному труду. Экономическое отношение потребления здесь такое же, как и при потреблении обычной рабочей силы.

Это же относится к другой экономической форме потребления науки — её потреблению в виде услуги (например, деятельность учителя, врача). Знание как услуга обменивается на часть дохода, которая идёт на получение жизненных средств и условий развития творческих способностей учителя или преподавателя вуза. Обмен дохода на услуги такого рода приобретает различный социально-экономический характер в зависимости от общественного строя, в котором он происходит. При капитализме источником, из которого оплачиваются эти услуги, могут быть доходы капиталиста (капиталистического государства), заработная плата наёмного работника.

Капитал далеко не всегда заинтересован в производительном использовании и развитии науки, а также в подготовке научно образованных работников. Как только капитал пришёл к власти в современной России, её прежде процветающая наука оказалась

невостребованной как государством, так и предпринимателями. За период после установления капитализма в России государственное финансирование научно-технической системы сократилось в десятки (25–30) раз. По известному выражению академика В. Н. Страхова, прозвучавшему в его выступлении за круглым столом Госдумы (февраль 1999), со стороны «чавкающего борова» — березовских, гусинских, потаниных, ходорковских и др., бесполезно было бы ждать вложений в науку, им российская наука стала ненужной.

Высшие учебные заведения России по существу перестали готовить кадры для самой науки. В лучшем случае они заняты подготовкой «товарного труда» для рынка, прикрытого иллюзорной формулой «человеческого капитала». Для интеграции науки и образования президентом был предложен «единый рынок знаний». Из 3200 вузов 2600 переведены на частно-рыночные условия подготовки студентов и лишь 600 вузов остаются государственными, но и в них уже значительную долю занимает платное обучение.

Не следует думать, что в странах западного капитализма дела обстоят лучше. По свидетельству Л. Туроу в США инвестиции в образование сокращаются, стипендии заменяются займами, в университетах развивается платное обучение, государственные расходы урезаются[808].

Анализ экономического производства науки не исчерпывается объяснением процесса создания материального базиса функционирования и развития науки. Этого недостаточно для того, чтобы выявить существо научной (как и другой социальной) деятельности. Надо ещё объяснить, как продукт материального производства, составляющий условие непроизводственной деятельности, превращается в своё инобытие, например, в феномен науки, т. е. реализуется в форме духовного производства и его результатов. Сам по себе продукт материального производства ещё не есть элемент духовного богатства, в последнее он ещё должен быть превращён, т. е. материальному продукту нужно пройти этап особой

---

808 «Число студентов убывает, население тюрем возрастает. В 1995 г. тюремные бюджеты в Калифорнии были вдвое выше университетских» (Туроу Л. Будущее капитализма. Новосибирск, 1999. С. 104).

«переработки», и лишь после этого он может получить форму духовного явления. Производство науки включает и эту стадию — научную деятельность как таковую и её продукцию в виде знаний, информации, открытий, изобретений и т. п.

Само собой разумеется, что названный этап воспроизводства науки подчиняется не только экономическим законам. Многое здесь подвластно принципам собственно научного творчества. Но остаются в силе и экономические законы, ибо научная деятельность в непроизводственной сфере сохраняет свой экономический аспект и включается в систему обычных экономических отношений.

В одних условиях научная деятельность, участвуя в производстве материального продукта и реализуясь в нём, образует звено или функцию материального производства и не может не входить в него. В других — она лишь ставит задачу получения знаний, информации, но не овеществляется в материальном продукте производства и не может быть включена в него. Однако материальное и нематериальное производство нужно ставить не только рядом друг с другом, но и рассмотреть одно продуктом (результатом) другого. Тогда более правильно выявится их единство и различие.

В самом деле, если рассматривать общественный процесс производства в широком смысле, то вся непроизводственная сфера оказывается его конечным результатом. Вполне понятно, что результат производства не может не составлять звена самой системы производства, подобно тому, как материальный продукт всходит в систему материального производства в его узком смысле. С другой стороны, нельзя отождествить область производства, где создаётся материальный продукт в непосредственном виде, с той сферой деятельности, в которой происходит дальнейшее превращение материального продукта в составные элементы социального и духовного богатства.

Ставя вопрос о непроизводственной сфере как результате материального производства, можно тем самым решить проблему — осмыслить природу перехода от материального производства к духовному. Основанием для того является теория распредмечивания овеществлённого в продукте труда, рассмотренная ранее в главе о потребительном производстве (глава 10).

При поверхностном анализе материальные продукты (объективизированный труд) и субъективные элементы кажутся самостоятельными по отношению друг к другу формами существования богатства. Однако действительная наука, как отмечал К. Маркс, преодолевает эту видимость, в частности самостоятельность вещной формы богатства, и выявляет, что оно скорее выступает как деятельность людей. «Призрак товарного мира рассеивается и этот мир выступает всего лишь как постоянно исчезающее и постоянно вновь создаваемое объективирование человеческого труда»[809].

Своим исчезновением, т. е. потреблением, материальные продукты служат жизнеутверждению человека — его самосохранению и развитию. Труд выполняет функцию посредника между произведённым продуктом и жизнеутверждающим себя субъектом. Этой функцией он охватывает обе крайности: своей деятельностью человек овеществляет себя в предмете, а освоение им продукта проявляется как его собственное развитие. Мир материального богатства образует лишь условие для собственного осуществления человека как разумного существа, творящего науку и собственное научное развитие. Распредмечивание его овеществлённого труда в живой деятельности полагает его как научно обогащающую себя личность[810].

Этот процесс превращений, идущий от материального продукта к его проявлению в форме деятельности и от неё к развитию человека, должен быть взят за исходную схему при анализе положения науки в непроизводственной сфере. Имея в виду процесс превращения результата материального производства в феномен науки, мы должны исходить из того, что в этом процессе кристаллизовавшийся в продукте труд при его распредмечивании приобретает сначала состояние субъективной деятельности (в данном случае непроизводительной научной деятельности), а затем форму духовного продукта этой деятельности, например знания. В состоянии субъективного труда научная деятельность в непроизводственной сфере не выступает в качестве созидателя стоимости, поскольку она сама есть лишь приведённая в движение

809 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III. С. 446.

810 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 247–248, 442; ч. II. С. 112.

овеществлённая субстанция, т. е. стоимость, создаваемая в материальном производстве. Соответственно продукт живого научного труда в виде знания, теории остаётся на уровне идеального образования, не являющегося созданной стоимостью. Знание или иные духовные блага не обладают стоимостью не потому, что в процессе их творения человек не взаимодействует с природой и её силами, а потому, что они (знания) — это превращённые в идеальные формы уже созданного ранее материального продукта (национального дохода). Потребление части национального дохода в форме научного труда не означает, что национальный доход в экономическом смысле бесследно исчезает, а научный труд в виде своих полезных эффектов (услуг) создаёт фонд жизненных средств, обеспечивающих деятельность его носителей. Нельзя сказать, что духовные блага составляют такой же фонд жизненных благ, как и материальные, доставляемые материальным производством. И не составляют они этого жизненного фонда не только потому, что, скажем, они могут быть бесплатными. Дело в том, что эти блага, как и созидающая их деятельность, своим первичным источником имеют произведённый в сфере материального производства продукт: первоначальный производительный труд и его продукт превращаются в непроизводительный труд и его продукт. Но затраты производительного труда и их результаты, потребляясь в ином виде, сохраняют свою экономическую сущность: при товарном производстве — это стоимость воспроизводства рабочей силы научно-технических работников.

Иногда отличие результата научного труда от продукта материального производства, от стоимости видят в духовной сущности первого, свободной от материального воплощения. И в целом это правильно: знания, теории составляют идеальные образования. Однако они могут потребляться лишь тогда, когда приобретают материализованную форму. Они не существуют без материальной оболочки: без языковой или другой знаковой системы. Признавая подобного рода материализацию духовных продуктов, вместе с тем нельзя не видеть, что она не имеет экономической сущности, не является, скажем, овеществлением производительного труда. По этой причине названная материализация или овеществление научного труда не может приниматься в расчёт в экономике (язык, например, не является экономическим продуктом).

С другой стороны, продукты научного труда не должны быть исключены из состава экономически значимых результатов, воплощающихся в определённых экономических формах.

Сущность того первоначала, инобытием которого они являются, т. е. продукта материального производства, продолжает существовать и в этих духовных продуктах, особенно в тех их проявлениях, каким, например, предстаёт научно подготовленный человек. Если продуктом труда педагога выступает получивший определённое образование работник, то это образование будет «важнейшим сохранённым результатом предшествующего труда, существующего в самом живом труде». К предшествующему же труду может быть отнесён и тот труд, который был воплощён в части дохода рабочего, обменённого им на услугу в виде образования. Одним словом, и в самом научном труде, и в его полезном эффекте, в конечном счёте обнаруживает себя материальный продукт, произведённый в сфере материального производства, но распредмеченный в научном труде и его продукте. Дело лишь в том, что материальный продукт, превращённый в феномен науки, принимает экономическую форму услуги.

Это, прежде всего, — сама научная деятельность как таковая. Своё полезное действие или полезный эффект она может выявить непосредственно, т. е. без превращения в результат, отделённый от самой деятельности, или посредством результата, приобретающего самостоятельную форму существования. В первом случае, полезный результат научной деятельности потребляется вместе с актом деятельности, например получением консультации в процессе беседы с учёным, слушанием лекций преподавателя и т. п. Здесь научная деятельность принимает форму услуги, т. е. последняя оказывается самой деятельностью и потребляется в процессе деятельности.

Во втором случае, результат отделяется как от созидающей его научной деятельности, так и от его потребителя, и получает форму существующего самостоятельно (в какой-нибудь материальной оболочке) научного произведения (книга, научный отчёт, записанный на плёнку доклад, разработка, зафиксированная в форме чертежа, и т. п.). Эти результаты ценны как элемент науки не своей материальной оболочкой, а своим духовным содержанием. Оно и является продуктом научной деятельности,

а не материальная оболочка, составляемая той или иной знаковой системой. Об этом приходится напоминать потому, что иногда за результат (толкуемый как материальный продукт) научной деятельности принимается предметность оболочки, вещное оформление научной мысли. Книга, например, в этом качестве составляет продукт типографского производства, а не результат научной деятельности.

Преобладающей формой услуг, созданных научной деятельностью как таковой (в непроизводственной сфере), являются нематериальные в экономическом смысле услуги, вернее услуги, не имеющие природы экономической вещи, т. е. не материализованные в экономическом продукте, хотя результат мыслительной деятельности, потребляемый в качестве услуги, всегда имеет материальную оболочку (не обязательно экономическую).

В системе экономических явлений научная деятельность и её полезный эффект, принимающие вид услуги, не образуют фонда потребления, имеющего самостоятельный источник в общественно полезном труде непроизводственной сферы. Такого рода услуги — превращённая форма продукта материального производства или национального дохода. Они являются формой непроизводительной деятельности, обменённой на производительную, овеществлённую в продукте. Поэтому, включённые в товарно-денежные отношения, этого рода услуги своим эквивалентом имеют общественно необходимые затраты труда, идущие на производство того продукта, который превращается в научную деятельность и её полезный эффект. Взамен этой деятельности и её результатов работники науки получают определённую часть национального дохода, затрачиваемую на поддержание их существования и соответствующее развитие. Поэтому в общую величину труда, расходуемого на производство всего фонда потребительских благ, в том числе и услуг, включаются только затраты производительного труда. Затраты же непроизводительной деятельности, в данном случае научной, не могут образовать второй дополнительный источник «стоимостей» в виде услуг, поскольку сама эта деятельность и является услугой.

Нельзя согласиться с мнением, что труд, затрачиваемый на создание данного научного произведения, образует стоимость,

которая прибавляется к стоимости общественного продукта или к национальному доходу. Неправомерно также источником заработной платы работников науки или культуры считать созданную ими «стоимость». В действительности их заработная плата образуется из перераспределённой части национального дохода, т. е. той части, которая обменивается на услуги, оказываемые этими работниками обществу своей научной деятельностью или её результатами. К этой категории обмена, например, относится «всякий обмен личных услуг на доход (сюда относится также работа для личного потребления, приготовление пищи, шитье и т. д., работа садовника и т. д., вплоть до всех непроизводительных классов, государственных служащих, врачей, адвокатов, учёных и т. д.)»[811].

Может показаться, что потребитель услуги, оказываемой работником науки, покупает рабочую силу последнего и потребляет её в виде научного труда. На самом деле здесь речь идёт не о рабочей силе как стоимости, а лишь о потребительной стоимости труда, не имеющего стоимости. В этом акте обмениваются потребительные стоимости: живой труд как услуга и жизненные средства, принадлежащие потребителю данной услуги. Взамен своих жизненных средств он получает полезность научного труда или труд, создающий полезность. «Труд обменивается здесь, — писал К. Маркс, — не как потребительная стоимость для производства стоимости, а как сама особенная потребительная стоимость, как стоимость для потребления»[812].

В акте обмена, следовательно, участвуют овеществлённый и живой труд со стороны своих потребительных свойств, хотя в одном случае один труд приобретает объективную форму, а другой — субъективную. Содержанием обмена здесь выступает не стоимость, если учитывается количество того или иного труда, то это образует лишь формальную сторону дела, т. е. определённые количества труда служат для измерения особенных форм полезности труда или для их сопоставления. Обмен осуществляется на основе простого обращения, хотя каждый раз подчиняется господствующим экономическим отношениям.

---

811 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 457.

812 Там же. С. 456.

Что касается пропорций обмена услуг учёных на доход, то они определяются соответствующими экономическими законами производства. Получаемая в обмен на научный труд доля дохода зависит, безусловно, от соотношения спроса и предложения, а в конечном счёте — от издержек производства, с помощью которых осуществляется подготовка работников научного труда. Вместе с тем определение цены подобного рода услуг остаётся формальным актом, поскольку здесь обмениваются простые потребительные стоимости. С другой стороны, на этот формальный акт всегда оказывают влияние существующие экономические отношения. Если, например, производство услуг имеет характер капиталистического предприятия, то обмен услуг на доход предполагает, что владелец предприятия должен иметь определённую прибыль. Это обстоятельство учитывается в механизме образования цены на услугу, и обмен совершается по образцу стоимостных отношений, хотя по своей природе он сводится к обмену потребительных стоимостей. При обмене услуг на доход вне рамок капиталистического предприятия стоимостные категории приобретают формальное значение, поскольку, потребляя, владелец дохода приобретает не стоимость рабочей силы научного работника, а полезность его труда. Потребление труда учёного или учителя не приводит к тому, чтобы потребляющий эту услугу обогатился вновь созданной этим трудом стоимостью, приобрёл капитал.

Глава 23. Виртуальный мир постэкономического общества

§ 1. Отказ от экономики как жизненной основы общества

Одно из «изобретений» постмодернизма — это так называемое «постэкономическое общество», которое наступает после предшествующего ему общества, базирующегося на экономике. В этом обществе, по словам В. Л. Иноземцева, труд по производству материальных благ теряет своё значение, исчезает мотивация труда во имя удовлетворения основных материальных потребностей. «В отличие от Маркса, — утверждает

он, — который первым применил в своих работах понятие экономической эпохи, мы полагаем, что важнейшим условием её преодоления является не устранение эксплуатации или уничтожение товарного обмена, заменяемого плановым хозяйством, а осуществление необратимых изменений в характере человеческой деятельности, обусловливающих её трансформацию из трудовой в творческую... Как основная характеристика постэкономической эпохи, творчество противостоит труду и предтрудовой инстинктивной деятельности, характеризующей экономическую и доэкономическую эпохи»[813].

На что же опирается автор, разделяя общества и эпохи на экономические и неэкономические?

В первую очередь, конечно, на постмодернистский «логико-методологический» принцип дихотомии «экономическое — постэкономическое». Когда на историю накладывается формула «до — после», то ничего не остаётся, кроме как делить её на «экономические» и «постэкономические» эпохи.

Главное же сводится к тому, что такое деление даёт возможность автору отказаться от материалистического понимания истории и общества. И не только отказаться, но и «опровергнуть» тот общепринятый естественный факт, что люди, прежде чем создавать идеальные образы реального мира, в том числе и «виртуальные общества», должны есть, пить, одеваться, т. е. удовлетворять свои материальные потребности и для этого производить средства существования и орудия для их производства. Люди должны иметь возможность жить, чтобы быть в состоянии делать историю[814].

Общество вынуждено кормить и тех людей, которых освобождает от производства материальных благ, и тех, которые обслуживают общество продуктами своего умственного труда. Среди них оказываются и те, которые играют роли на «сценах» истории и имеют дело с образами людей и вещей, в том числе и с виртуальными. В их головах мир и общественная реальность

---

[813] Трансформации в современной цивилизации: Постиндустриальное и постэкономическое общество (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 2000. №1. С. 4.

[814] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3. С. 26.

может представляться в любом виде, в том числе и без экономики, с одним лишь производством информации. Дело лишь в том, что неэкономическое общество существует только в воображении тех людей, кто из вещей делает понятия, создаёт их смыслы и значения. Таково их предназначение. Создаётся иллюзия: жизнь представителей «золотого миллиарда» за счёт остальных 5 миллиардов живущего ныне населения как будто и есть образец для «построения» постэкономического общества.

Для обоснования своей концепции постэкономического общества В. Л. Иноземцев вынужден обращаться к авторитетам из деятелей мировой науки. На Аристотеля он не смог опереться, ибо тот признавал экономику в качестве нормальной для своей эпохи стороны жизни и осуждал хрематистику, т. е. деятельность по выколачиванию барыша. Античность, следовательно, знала экономику, Аристотель не относил её к доэкономическим эпохам.

Нашему постэкономисту трудно было обойти известную концепцию общественно-экономических формаций К. Маркса, поддержанную В. И. Лениным. В этом случае ему пришлось идти на искажение мысли К. Маркса: якобы К. Маркс писал не об «общественно-экономических формациях», а лишь об одной и единственной экономической формации, которой кончается предыстория, т. е. о капитализме[815]. Ссылка на К. Маркса, на его работу «К критике политической экономии», бьёт мимо цели, ибо К. Маркс там писал о «буржуазной», а не о какой-нибудь другой «общественной формации», которой кончается предыстория общества[816]. В. Л. Иноземцев же слово «буржуазная» выбрасывает, заменяя термином «экономическая» и делает из этого вывод, что экономическое общество у К. Маркса — это лишь один период истории, когда в деятельности людей превалируют материальные интересы. Автору достаточно было бы обратиться за разъяснениями к самому К. Марксу, который писал: «по мнению газеты мой взгляд, что определённый способ производства и соответствующие ему производственные отношения, одним словом, — „экономическая структура общества составляет

---

[815] Иноземцев В. Л. За пределами экономического общества: Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М., 1998. С. 176.

[816] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13. С. 8.

реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка, и которому соответствуют определённые формы общественного сознания“, „что способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще“ (формулировки из «К критике политической экономии». — ***В. Я. Ельмеев***), — всё это, по мнению газеты, справедливо по отношению к современному миру, когда господствуют материальные интересы. Но неприменимо ни к средним векам, когда господствовал католицизм, ни к древним Афинам или Риму, где господствовала политика. Прежде всего, удивительно, что находится ещё человек, который может предположить, что эти ходячие фразы о средних веках и античном мире остались хоть кому-нибудь неизвестными. Ясно, во всяком случае, что средние века не могли жить католицизмом, а античный мир — политикой. Наоборот, тот способ, каким в эти эпохи добывались средства к жизни, объясняет, почему в одном случае главную роль играла политика, в другом — католицизм»[817].

Не могут быть приняты и ссылки на авторитет Ф. Броделя. Насколько известно, и Ф. Бродель, и И. Валлерстайн в своих работах относительно капиталистической мироэкономики ***тоже*** имели в виду капиталистическое общество и не подвергали сомнению марксово понятие общественно-экономических формаций, высказываясь критически лишь по поводу их трактовки как обязательных и последовательных стадий истории. «Гений К. Маркса, — писал Ф. Бродель, — секрет силы его мысли состоит в том, что он первый сконструировал действительные социальные модели, основанные на долговременной исторической перспективе. Эти модели были увековечены в их первоначальной простоте тем, что к ним стали относится как к жизненным законам, априорным объяснениям, автоматически приложимым ко всем обстоятельствам и всем обществам... Эта жёсткая интерпретация ограничила творческую силу самой мощной системы социального анализа, созданной в прошлом веке. Восстановить её возможно только в долговременном анализе»[818].

---

817 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 92.

818 Бродель Ф. История и общественные науки: Историческая длительность // Философия и методология истории. М., 1997. С. 140.

Понятие «исторической системы» как единицы анализа истории, используемое И. Валлерстайном, по существу аналогично понятию общественно-экономической формации К. Маркса. Он, сравнивая понятие исторической системы с понятием общества или общественно-экономической формации, полагает, что они более или менее синонимичны и речь идёт о выборе формального символа. И. Валлерстайн считает ошибочным брать в качестве такой исторической единицы что-либо вещественное, например то или иное состояние сельского хозяйства или индустрии, и в этом смысле не допускает деления на общества «доиндустриальное — индустриальное — постиндустриальное», смешения капитализма с обществом, где господствует промышленность, т. е. с «индустриальным» обществом[819].

Очевидно, что ни одно общество принципиально не может обойтись без производства средств к жизни, без труда, с помощью которого они изготавливаются, ибо всё это является первичным условием жизни. Отказ многих отечественных авторов от материалистического понимания общества во многом объясняется догматическим толкованием экономики только как производства вещей, технологических процессов.

Материалистическое понимание истории требует особого внимания к особенностям применения его общей формулы, согласно которой определяющим моментом в историческом процессе является производство и воспроизводство общественной жизни. Но «к сожалению, — писал Ф. Энгельс о материалистическом понимании истории, — сплошь и рядом полагают, что новую теорию вполне поняли и могут её применять сейчас же, как только усвоены основные положения, да и то не всегда правильно»[820]. Эти предупреждения не потеряли своей актуальности и в наши дни. Например, в анализе таких социальных объектов, как духовное производство, производство знаний, информации некоторыми авторами допускается не только ограничение общей формулы материалистического понимания истории, но в ряде случаев её искажение.

---

[819] Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. С. 22, 34, 402.

[820] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37. С. 396.

Отклонения обычно начинаются с того, что материальное производство берётся не вместе с его определённой общественной формой, а лишь как материальная деятельность (труд) и её средства (производительные силы). Так, например, противопоставление творчества, производства знаний труду, отрицание роли труда в постиндустриальном обществе в определённой мере объясняются тем обстоятельством, что из непосредственного трудового процесса нелегко вывести причины возникновения и функционирования ряда важных общественных форм. Простое обращение к труду, по словам К. Маркса, наталкивается на необъяснимые вещи, которые обычно непосредственно не выводятся из труда. Так, для того чтобы развить понятие капитала, нужно исходить не из труда, а из стоимости, и притом из меновой стоимости, уже развитой в движении обращения. Перейти от труда прямо к капиталу столь же невозможно, сколь невозможно от различия человеческих рас перейти прямо к банкиру или от природы — к паровой машине[821].

Но это не значит, что труд перестаёт служить субстанцией капитала и стоимости, что стоимостью может стать не овеществлённый в продукте труд, а, например, знание как продукт чисто познавательной деятельности, не получившей опредмечивания. Обращение к материальному производству, труду при анализе общества, в том числе духовной жизни, является обязательным требованием материалистического метода. Вопрос, однако, в том, чтобы правильно понимать само материальное производство. Об этом было сказано в 14 главе книги.

§ 2. Деструкция трудовой стоимости и виртуализация экономики

Постэкономическое общество обычно связывается с деструкцией трудовой стоимости как отличительным признаком экономического общества. Существование стоимости, согласно мнению постэкономистов, исторически обусловливается главным образом тем, что как производители, так и потребители ориентируются

821 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 207; т. 49. С. 49.

в своей деятельности на удовлетворение материальных потребностей, придерживаются материальной (материалистической) мотивации[822]. Стоимостью, соответственно, обладают продукты, к которым относятся как к средству удовлетворения материальных интересов. Повторяемость и однородность результатов обычного индустриального труда позволяют людям использовать количественные стоимостные оценки его затрат применительно к общественной (а не индивидуальной) полезности создаваемых благ. В условиях постэкономического общества стоимость лишается объективных основ своего существования, превращается в субъективную, полезностную оценку особого рода благ — полезностей. Из основания существования стоимости исключаются субстанциональность абстрактного труда, наличие частной собственности, наёмной рабочей силы и ряд других объективных свойств экономики.

Из субъективистского понимания предпосылок существования стоимости выводятся и условия её преодоления в постиндустриальном обществе — если она сводится к субъективной оценке, то и преодолевается путём изменения представлений о ней, экспансией субъективных мотивов и целей как социально-психологических основ человеческой деятельности. Достаточно, следовательно, поменять ориентацию на материальное производство (чтобы жить, надо производить средства существования) на мотивацию противоположную — на производство духовных благ и на индивидуальное развитие личности, как не будет необходимости в стоимостной оценке полезностей, в их подведении под какой-то общий знаменатель, измеряемый количественной мерой.

Полагают, что постиндустриальное общество как раз и предоставляет такие условия: в нём материальное производство жизни и способ её производства уже не будут составлять основу функционирования и развития общества; процессы обобществления труда и производства уступят место индивидуализации субъекта труда и потребления, их де-социализации.

Деструкция стоимости со стороны производства, по мнению В. Л. Иноземцева, в формальном отношении происходит потому,

---

822 Иноземцев В. Л. За пределами экономического общества: Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. С. 307, 308.

что в постэкономическом обществе становятся невозможными количественные измерения сугубо индивидуальных затрат сугубо специфического, индивидуального труда. Вроде бы стоимость существует лишь тогда, когда производятся однородные товары однородным трудом, редуцируемым к среднему труду, который можно подсчитать. Там же, где труд строго индивидуализирован, его затраты подсчитать невозможно, и, следовательно, не будет и стоимости. Как будто время уже перестанет быть мерой труда.

В сущностном же отношении, как полагают, труд, превращаясь в интеллектуальную, информационную деятельность, перестаёт создавать субстанцию стоимости, ибо он уже не будет мотивироваться удовлетворением материальных потребностей[823]. И это говорится в условиях, когда большинство населения земного шара, в том числе и России, живёт, не имея прожиточного минимума жизненных средств. Судить о переориентации населения с материальных благ на продукцию с символической ценностью, т. е. по потребительскому поведению, как выразился академик В. Н. Страхов, чавкающего борова (который, наевшись, требует «духовной пищи»), не только антинаучно, но и аморально.

В обоих случаях, как видно из приведённых суждений, существование стоимости ставится в зависимость от способности субъекта измерять затраты труда и мотивировать свою деятельность иными, чем материальные, интересами. Субъективизм ещё более усиливается, когда рассуждают о деструкции стоимости со стороны потребления. Здесь прежде всего берётся на вооружение уже подготовленная субъективной школой предельной полезности замена стоимости полезностью, утверждение о том, что именно полезностные оценки, а не затраты труда будут приниматься во внимание в постэкономическую эпоху.

К этому тезису субъективной школы добавляют модернистскую трактовку полезности как высокоиндивидуальной, уникальной символической субъективной ценности, фиксируемой только «здесь и сейчас», в данной ситуации. Поскольку полезность индивидуализируется и субъективируется, то ни о какой соизмеримости полезностей не может быть и речи. Такого рода полезности

---

[823] Иноземцев В. Л. За пределами экономического общества: Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. С. 330–331.

уже не могут быть продуктом всеобщего, общественного труда, с которым связана стоимость. Автор вслед за Ж. Бодрияром заявляет, что предметом потребления становятся символические ценности, система знаков. «Объектом потребления действительно становится система знаков, и в этом отношении можно согласиться с социологами, обозначающими современный период как период доминирования символической ценности»[824].

Удалось ли В. Л. Иноземцеву обосновать действительную деструкцию стоимости в постэкономическом обществе? Нет, не удалось, ибо он борется не с реальной, а с виртуальной стоимостью. Он просто отождествил стоимость с полезностью, заменив первую второй, посчитав эту постмодернистскую операцию деконструированием понятия стоимости. Но ведь полезность была, есть и будет в любом обществе, она никогда не исчезала и не исчезнет. Если же стоимость определена как полезность, включена в понятие полезности, то она в этом качестве тоже остаётся в постэкономическом обществе. Чтобы как-нибудь согласовать свою позицию с марксизмом, основатели которого были решительными противниками вечности стоимости и её сохранения в будущем обществе, он ссылается на раннюю формулировку Ф. Энгельсом понятия стоимости как отношения издержек производства к полезности продукта, от которой Ф. Энгельс впоследствии отказался, усмотрев в ней уступку маржинализму[825].

Автору ничего другого не оставалось, как объявить о преодолении стоимости не в действительности, а лишь в представлениях людей, т. е. опять-таки виртуально. Ведь об исчезновении стоимости, по его мнению, свидетельствует то, что движение цен и других форм денежной оценки сегодня определяется не объективным отношением издержек и полезностей, а взаимодействием субъективных представлений об издержках и столь же субъективными представлениями о полезности.

Здесь стоимость как сущностное отношение подменяется её видимостью, причём доведённой до её символизации в товарных

---

824 Иноземцев В. Л. За пределами экономического общества: Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. С. 339.

825 «Она совершенно устарела и полна неточностей, которые сбили бы с толку читателя» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 33. С. 174.

знаках и этикетках. Сама же она остаётся по существу нетронутой. Она становится ненужной лишь как воплощение субстанциональности и, соответственно, как инструмент материалистического понимания экономической жизни общества.

Рассуждения, отрицающие стоимость, чаще всего нужны для того, чтобы «доказать» неприменимость трудовой теории стоимости К. Маркса и всего материалистического понимания истории к современному капитализму, который якобы уже становится «постиндустриальным» и «постэкономическим». На самом деле мы наблюдаем необычное расширение стоимостных (рыночных) отношений: стоимость накладывается на всё то, что раньше не могло и сейчас не может иметь стоимость (человеческое тело, человеческие органы, информация и т. д.). Отсюда масса искажений самой стоимости, которые выдаются за её преодоление. Чаще всего эти искажения происходят за счёт того, что стоимость пытаются выдать за полезность.

По утверждению известного исследователя современного капитализма И. Валлерстайна, начиная с 1968 г. «капиталистический мир-экономика столь настойчиво следовал своей логике бесконечного накопления капитала, что стал приближаться к своему теоретическому идеалу, превращению всего и вся в товар. Мы можем наблюдать, как это отражается во множестве социальных реалий: расширение механизированного производства; снятие пространственных ограничений на обмен товарами и информацией; деуралистика мира; приближение экосистемы к истощению; высокий уровень охвата процессов труда денежными отношениями; консьюмеризм/потребительство (т. е. громадные масштабы превращения в товар самого процесса потребления)»[826].

Автор полагает, что капиталистическая мироэкономика вступает в новый период экспансии, в результате которого всемирные экономические процессы приобретут ещё более товарную форму и ещё сильнее станет поляризация вознаграждений. Лет через 50, по его мнению, мировая экономика впервые в истории будет функционировать полностью в соответствии с законами стоимости, как они изложены в I томе «Капитала», что означает триумф

826 Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. С. 340.

закона стоимости во всех уголках, до сих пор сопротивляющихся его господству. Одновременно полная победа капиталистических ценностей является главным признаком кризиса капитализма как системы[827].

Триумф закона стоимости одновременно означает и триумф товарного фетишизма, который в современном постмодерне представлен как виртуальная реальность, пришедшая на смену экономической действительности. Покидая экономическую эпоху, утверждает В. Л. Иноземцев, человечество перестанет быть общностью в той или иной форме, т. е. перестаёт по существу быть обществом. Субъектом становится не социум, не общность людей, а совокупность с самим собой согласных, обособленных в своей структурной уникальности индивидов, не подчинённых в своей деятельности никаким экономическим законам. Человечество «вступает в эру абсолютной субъективности, где действия отдельной личности обусловлены её внутренними потребностями, продиктованными законами морали, имманентными каждому человеку новой эпохи»[828]. Автор даже не замечает, что для человека «новой эпохи», не нуждающегося в обществе, законы морали и сама мораль будут излишними.

Можно заключить, что в данном случае в основу жизни людей постэкономической эпохи кладётся самый обычный субъективизм, доведённый до солипсизма. Отсюда и претензии деконструировать понятие общества по постмодернистским меркам. Замещение экономического постэкономическим, человеческого общества постчеловеческим отождествляется с заменой реального виртуальным, т. е. образом, симулирующим реальность, что означает, согласно Ж. Бодрияру, «упадок реальности».

На самом же деле виртуализация экономического мира проистекает из товарного фетишизма, из того, что социальные отношения, надевая форму товарной предметности, вещности, тем самым наделяются сверхчувственным свойством фетиша, в данном случае — товарного знака, денежной купюры и т. п. В самой

---

827 Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. С. 396.

828 Иноземцев В. Л. За пределами экономического общества: Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. С. 173.

бумажной предметности денежных купюр ничего таинственного или виртуального нет. Превращаясь же в товар и приобретая стоимостную предметность, эти купюры становятся представителями отношений между людьми, т. е. выступают вместо общественных отношений людей. Товарная форма денег, их обмен образуют отражённый, виртуальный мир людских взаимоотношений, превращённых в отношения самих денег как товара.

Это не означает, что происходит дематериализация, развеществление общественной жизни, как об этом твердят постмодернисты, а, наоборот, идёт её фетишизация, всё более широкое превращение социальных отношений в отношения между вещами и вещными символами. Даже самые что ни есть идеалисты не осмеливались заменять материю духом, хотя и не признавали субстанциональность материи. Представители же постмодернистской концепции виртуальности постоянно талдычат о дематериализации экономики, о её постмодернистской ориентации, утрачивают способность к разумным умозаключениям. Об этом может свидетельствовать следующий набор слов, претендующий на итоговое заключение относительно понимания современности: «Итак, если овеществление — результат реализации ценностей, то развеществление — симптом их деактуализации. Симуляции, выдающие отсутствие реальности за её присутствие, умножаясь, становятся самодостаточны и делают проблему реальности иррелевантной. Понимание существа современности как виртуализации — развеществления общества — порождает массу проблем. Но единственно существенная возникает как следствие решения вопроса о ценностях: как возможно общество, лишённое ценностей? На столь зловеще звучащий для многих вопрос возможен столь же ироничный ответ: как виртуальная реальность»[829].

В действительности виртуальность — это сверхчувственность социальной товарной формы, выраженной тем или иным вещным свойством. Такого рода мистицизм товарной формы, её превращение в «виртуальную реальность» выдаётся за постэкономическое общество. Это, однако, не «после-современность»,

---

[829] Иванов Д. В. К пониманию современности: Критический вызов // Проблемы теоретической социологии. Вып. 2 / Под. ред. проф. А. О. Бороноева. СПб., 1996. С. 110.

а образ товарного производства на стадии его распада. Отчётливо обнаруживается то, чем ныне заполнено «постэкономическое время»: обслуживанием наркоманов, бандитизмом, коррупцией, деятельностью валютных проституток, игрой в рулетку, сидением за телевизионным ящиком и т. п. «Всё это, — говорил А. Ф. Зотов в беседе за круглым столом, — по-моему, и составляет суть мира, который вышел за пределы „экономического общества“»[830].

Несмотря на всё это, фетишизм товарного мира, вещная видимость общественных отношений, а вовсе не её преодоление, вводит в заблуждение экономистов, пишущих о постэкономическом обществе. Вместе с тем доведение этого фетишизма до крайности, до превращения всего и всякого в товар приведёт к обратному результату — к преодолению фетишизации мира экономики. «Именно универсализация закона стоимости сделает в конечном счёте невозможным сохранение мистического „туманного покрывала“ товаров». «Это произойдёт потому, что противоречивые процессы текущей фазы капиталистической мировой экономики столь основательно демистифицируют технику господства, что сделают последнее политически несостоятельным»[831]. Весь мистицизм товарного мира, все чудеса и привидения, окутывающие туманом продукты труда при господстве товарного производства, должны исчезнуть, как только сами производители возьмут свою общественную жизнь, своё производство под собственный контроль[832].

Наш отечественный постэкономист по вопросу о судьбах стоимости должен был бы опираться на суждение К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, которые были решительными противниками теории вечности товарного производства, стоимости, выступали против их сохранения в обществе, следующим за капитализмом. Этого он не делает, видимо, потому, что они исчезновение стоимости не связывали с исчезновением самой экономики и производства материальных благ как основы жизни общества. Поэтому автор не знает, что в действительности приходит

---

[830] Вопросы философии. 2000. №1. С. 19.

[831] Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. С. 396.

[832] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 86.

на место стоимости. Если полезность, то она уже им определена как стоимость и не может её заменить. «Мы не ставим задачу предложить новую концепцию стоимости; мы лишь анализируем процессы, радикально подрывающие представления об основах обмена»[833]. Не случайно он почти ничего не говорит о деструкции стоимости в основной области её функционирования — в сфере обмена. Не потому ли, что в постэкономическом обществе сохранятся почти все остальные стоимостные категории: товар, товарное производство, деньги, цена, прибыль и т. д. Некоторые оставляют и стоимость, объявляя в качестве стоимости знание, информацию и другие подобные же продукты (Т. Сакайя).

Кроме того, он не хочет иметь дело с марксистским пониманием будущего общества. Классики марксизма-ленинизма полагали, что в действительности стоимость преодолевается другим способом и при других предпосылках. Главным здесь выступает не потеря материальным производством своего значения основы общественной жизни и источника материальной мотивации жизнедеятельности, а развитие этой основы: прогресс производительных сил (производительности труда), предполагающий рост потребительной стоимости и уменьшение стоимости продукта; обобществление труда и производства, подрывающего частную собственность и отчуждение труда, с которыми опять-таки связана стоимость. Жизнь и богатство общества всегда будут базироваться на труде, а то, сколько времени и как будут трудиться люди будущего общества, должно определяться не стоимостью рабочей силы и жизненных средств для её воспроизводства, не потребностями получения прибыли, а разумными потребностями людей и полезностью нужных для этого благ. Не отказ от потребления, а развитие производительной силы и поэтому развитие как способностей к потреблению (потребительной силы), так и средств потребления — это тоже условия преодоления отношений стоимости. Их сохранение во многом объясняется ограниченностью потребления масс, поскольку это потребление базируется на присвоении их рабочего времени капиталом. Поэтому полагание общественного труда в форме противоположности капитала

[833] Иноземцев В. Л. За десять лет: Концепция постэкономического общества. М., 1998. С. 398.

и наёмного труда представляет собой последнюю ступень развития стоимости и основанного на стоимости производства[834].

Стоимость может заменить только её противоположность — потребительная стоимость, которую в своё время она вытеснила вместе с установлением господства товарного производства и которая составляет необходимую сторону любого товара, обладающего стоимостью. Знание законов движения потребительной стоимости и её источника — труда, создающего не только стоимость, но и потребительную стоимость, развитие её трудовой теории дадут возможность определить исходные параметры будущей не-стоимостной экономики и не-стоимостного общества, вращающегося не вокруг стоимости, а вокруг труда, непосредственно производящего средства жизни и развития человека и общества.

§ 3. К экономике трудовой потребительной стоимости

В отличие от теоретиков постиндустриального общества К. Маркс связывал преодоление отношений стоимости с развитием производства и крупной промышленности (крупной индустрии). Именно «по мере развития крупной промышленности созидание действительного богатства становится менее зависимым от рабочего времени и от количества затраченного труда, чем от мощи тех агентов, которые приводятся в движение в течение рабочего времени и которые сами, в свою очередь (их мощная эффективность), не находятся ни в каком соответствии с непосредственным рабочим временем, требующимся для их производства, а зависят, скорее, от общего уровня науки и от прогресса техники, или от применения этой науки к производству»[835]. По К. Марксу, именно развитие техники производства, применение науки к производству, а не просто развитие информации и средств информации, приводят к тому, что рабочее время перестаёт и должно перестать быть мерой богатства, «и поэтому меновая стоимость перестаёт быть мерой потребительной стоимости... Тем самым рушится производство,

---

834 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 212.

835 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 213.

основанное на меновой стоимости, и с самого непосредственного процесса материального производства совлекается форма скудности и антагонистичности»[836].

Что же приходит на место производства, основанного на меновой стоимости? По К. Марксу, — производство, которое являлось бы лишь средством для удовлетворения потребностей, производством ради потребительной стоимости, т. е. «таким производством, в котором господствовала бы только потребительная стоимость»[837]. Соответственно, стоимостная парадигма в теории должна уступить место трудовой потребительностоимостной парадигме.

Чтобы понять, зачем нужна на базе теории потребительной стоимости социальная экономия труда вместо политической экономии капитала, достаточно первоначально поставить вопрос следующим образом: если стоимость рабочей силы определяется общественно необходимым трудом, затрачиваемым на её воспроизводство, то чем определяется сам этот труд? Какими должны быть его количество и качество, его мера?

Труд, как известно, не обладает стоимостью, и трудовая теория стоимости, соответственно, не даёт ответа на этот вопрос. Сам живой труд, в отличие от его овеществления в стоимости товара, остаётся вне научного определения. Попытка А. Смита определить стоимость самого труда (живого) посредством стоимости его продукта (второе определение стоимости) оказалась безуспешной: обнаружилась её тавтологичность, неспособность вывести это определение труда из логического круга. Получалось, что трудом определяется стоимость товара, а стоимостью товара — труд.

Этот же вопрос о мере труда можно поставить не только по отношению к труду, производящему жизненные средства, но и ко всему общественному труду, создающему общественный продукт. Меру общественного рабочего времени тоже нельзя определить, если исходить из известных стоимостных категорий. Трудовая теория стоимости в решении этого вопроса тоже оказалась бессильной.

---

836 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 214.

837 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III. С. 50.

Становится очевидным, что сам живой труд, являющийся основой жизни и богатства, остаётся вне концептуального политэкономического определения. Поэтому создание политэкономической теории (социальной экономии) о столь важном и ни с чем не сравнимым по значимости факторе общественной жизни окажет, как убеждён автор, революционизирующее влияние на экономические науки. Речь идёт о новой научной теории, преодолевающей как стоимостную, так и полезностную (маржиналистскую) парадигмы. Она должна ответить, прежде всего, на поставленный выше вопрос: каковы экономическая природа и законы движения труда, если невозможно определить его стоимость?

Оказывается, труд обладает не менее важным качеством, чем его овеществлённое состояние в стоимости продукта, а именно: он и его носитель — рабочая сила — имеют потребительную стоимость. Соответственно, трудовая теория потребительной стоимости и будет той искомой концептуальной базой, на основе которой может быть преодолена теория стоимости и создана социальная экономия труда, выполняющая роль политической экономии в её широком смысле, которая всё ещё остаётся неразработанной.

Могут сказать, что подход к труду со стороны потребительной стоимости, поскольку речь идёт о полезности, объясняется теорией предельной полезности, маржинализмом. Это, однако, не так. Маржинализм выставил труд вместе с трудовой теорией стоимости за пределы своей парадигмы: за трудом в лучшем случае он может признать лишь отрицательную полезность. Вместе с тем следует учитывать, что такое отрицательное суждение высказывается по отношению к живому труду. Что касается овеществлённого в том или ином благе труда его продукта, то его полезность не только не отрицается, но даже признаётся в качестве цены, определяемой пределом этой полезности. Так что разницу между этими двумя «трудами» — живым и овеществлённым — следует строго соблюдать. Иначе трудовая теория потребительной стоимости может быть отождествлена с маржиналистской теорией полезности.

Как же потребительностоимостная теория отвечает на поставленный выше вопрос: чем определяется труд, необходимый для производства жизненных средств работника, т. е. для

воспроизводства самого труда? Таким ответом будет: этот труд определяется потребительной стоимостью жизненных средств, а по отношению ко всему общественному труду — потребительной стоимостью общественного продукта.

К такому выводу как бы невзначай вынужден был прийти уже Д. Рикардо, поскольку он не согласился со смитовским определением стоимости самого труда. Возражая А. Смиту, впавшему в эту ошибку, Д. Рикардо не мог сказать ничего иного, кроме как рассматривать продукт труда в его отношении к рабочему только как потребительную стоимость, причём иметь в виду только ту часть продукта, которая необходима рабочему для обеспечения его существования как рабочего. Но почему доля рабочего в потребляемом продукте определяется не стоимостью последнего, а его потребительной стоимостью, т. е. не затраченным на продукт рабочим временем, а его свойством сохранять живую рабочую силу, Д. Рикардо объяснить не смог. В итоге он был вынужден вернуться к стоимости, рассматривать рабочего в его отношении к продукту только как меновую стоимость, т. е. долю рабочего в стоимости продукта приравнять к стоимости рабочей силы. «Рикардо, который не делает различия между рабочей силой как товаром, продаваемым рабочим, как потребительной стоимостью, имеющей определённую меновую стоимость, и трудом, являющимся всего лишь потреблением этой силы in actu, не способен поэтому (не говоря уже об указанном Бейли противоречии — что живой труд не может быть оценён количеством труда, затраченного на его производство) показать, как может получаться прибавочная стоимость»[838].

К. Маркс акцентировал своё внимание не только на том, что труд не имеет стоимости, но и на том, что живой труд не может определятся количеством прошлого труда, затраченного на воспроизводство рабочей силы. «Сумма жизненных средств, требующаяся для нормального воспроизводства рабочей силы, определяется не их меновой стоимостью, а их потребительной стоимостью — их качеством и количеством, следовательно, не рабочим временем, которое требуется для их производства, которое в них овеществлено, а результатом этого рабочего

838 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 47. С. 46.

времени, реальным трудом, в той мере, в какой он представлен в продукте»[839].

К. Маркс, чтобы объяснить, почему потребительной стоимостью определяется рабочее время, требуемое для производства жизненных средств, последней фразой отсылает от потребностей и потребительной стоимости продукта к тому реальному труду, который представлен в этом продукте. Этим он хочет сказать, что за потребительной стоимостью продукта стоит живой труд, воплощённый в продукте не в виде стоимости, а в форме потребительной стоимости, т. е. напоминает о двойственной природе труда. Дело, однако, в том, чтобы объяснить, чем определяется количество этого живого труда? Если оно определяется представленным в потребительной стоимости трудом, то получается, что один труд (овеществлённый) определяет другой (живой), но выраженный не в стоимости, а в потребительной стоимости продукта. Тогда потребление продукта, в том числе жизненных средств, позволяет новому живому труду повысить свою производительность и тем самым уменьшить рабочее время, затрачиваемое на производство того же самого продукта или тех же самых жизненных средств и других продуктов, входящих в их производство. Речь идёт об увеличении производительной силы трудовой деятельности как положенной её же собственным продуктом.

Итак, потребительная стоимость продукта обнаруживает — через повышение производительности труда — своё воздействие на величину труда и рабочего времени, необходимого для производства продукта. В этом выражается исходная существенная значимость потребительной стоимости и стоящих за ней человеческих потребностей для объяснения движения человеческого труда, его продолжительности и масштабах создаваемого им богатства. Мерой необходимого рабочего времени в итоге оказываются потребности общественного индивида, потребительская сила общества.

В связи с этим возникает второй вопрос: как быть с лишением живого труда, т. е. труда, производящего потребительную стоимость, социально-экономической определённости, когда это делают под предлогом его всеобщего характера, а также когда

---

[839] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 47. С. 261.

относят потребительную стоимость к предмету изучения товароведения. Может быть, это вызвано господством в политической экономии стоимостной концепции? Если это так, то действуют ли закономерности движения труда, производящего потребительную стоимость, в современном товарном производстве, например, принцип обратной пропорциональности между ростом производительности труда и рабочим временем, выраженным в стоимости, и определится ли сегодня прибавочная стоимость (прибавочный труд) потребительной стоимостью рабочей силы, реализуемой в живом труде?

Ныне среди экономистов в хождении мнение, что якобы предметом экономической науки может быть только экономика товарно-денежного, рыночного типа, а какая-нибудь другая экономическая теория, имеющая своим предметом другой тип хозяйства, пока неизвестна. Имеются, однако, авторы, которые уверены в том, что по логике вещей стоимостную теорию должна заменить теория потребительной стоимости, но относят эту замену в далёкое будущее. Что касается настоящего времени, то для потребительностоимостной теории сегодня вроде бы нет соответствующего объекта[840].

Представляется, что с отрицанием существования объекта для теории потребительной стоимости согласиться никак нельзя. Его нельзя отрицать уже потому, что до возникновения капиталистического товарного производства во всей предшествующей экономике господствовало производство потребительной стоимости. Именно это производство, как уже отмечалось, Аристотель назвал экономией в противоположность хрематистике, которую впоследствии переименовали в политическую экономию, связав последнюю навечно с рыночной системой. По достоинству оценил Аристотеля Карл Поланьи: «Теперь, оглядываясь в прошлое с высот стремительно разрушающейся мировой рыночной экономики, мы должны признать, что сделанное им во вступительной главе Политики знаменитое различие между домашним хозяйством в собственном смысле и производством ради прибыли было, вероятно, самым блестящим пророчеством в области общественных

840 Черковец В. Н. Реалии современного мира и политическая экономия / Экономическая теория на пороге XXI века. СПб., 1996. С. 139.

наук, которое, несомненно, до сих пор остаётся самым глубоким анализом этого предмета»[841].

Последователи у Аристотеля, конечно, были, о чем свидетельствует Л. Ларуш в своей книге «Физическая экономика». Однако они не вошли, по понятной причине, в историю учений о рыночной системе. Не вошёл в эту историю и знаменитый Готфрид Вильгельм Лейбниц, которому Л. Ларуш отдаёт первенство в разработке политической экономии в конце XVII в. Целое направление в экономической теории, противостоящее хрематистике и не примкнувшее к маржинализму, оказалось незаслуженно забытым.

Особенно неприемлемо отрицание потребительной стоимости как стороны, существующей в современной экономической действительности. Ведь и ныне предпосылкой меновой стоимости товара остаётся его потребительная стоимость. Соответственно, труд должен быть и является прежде всего полезным, чтобы производить стоимость, функционировать как расходование человеческой рабочей силы в абстрактном смысле слова. И теперь, например, минимальное рабочее время, выраженное в стоимости потребительской корзины, определяется не её стоимостью, а потребительной стоимостью содержащихся в ней продуктов, товаров и услуг. Значимость зависимости минимального размера оплаты труда (МРОТ) от содержимости потребительской корзины столь велика, что она не идёт в сравнение ни с какой другой проблемой экономической жизни: она касается жизни большинства трудящегося населения, пенсионеров, студентов и других слоёв населения. На практике проблема минимальной заработной платы, прожиточного минимума вращается вокруг потребительской корзины, её наполнения потребительными, а не меновыми стоимостями. Государство, отвлекаясь от других проблем экономики, вынуждено каждый раз определять содержание потребительской корзины. Разве этот реальный процесс жизни не объект для изучения, для установления соответствующих закономерностей, касающихся движения потребительной стоимости!?

Реальный базис экономики составляет производство потребительных стоимостей, труд, производящий эти стоимости.

---

[841] Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002. С. 66.

Что касается труда, выраженного в стоимости, и самой меновой стоимости, то они служат лишь для взвешивания потребительных стоимостей на рынке, выполняют функции «гирь» при обмене, хотя речь идёт о социально-экономических «весах», они к тому же очень выгодны для прикрытия реального социального неравенства людей — их равенство в оплате труда формально («за равный труд — равная оплата»).

Но это не значит, что нет других способов ведения хозяйства, имеющего дело не с меновыми, а с потребительными стоимостями. В реальной своей производственной и иной деятельности люди исходят не из стоимостной эквивалентности затрат и результатов, а из того, чтобы меньшими затратами добиваться больших результатов. Это превышение результатов над затратами и есть основной закон труда, производящего потребительную стоимость. Его следует назвать законом движения потребительной стоимости и возвести на теоретический уровень, не меньший, чем уровень законов стоимости и предельной полезности. К сожалению, не всё то, что известно и делается на практике, является познанным.

Экономическая наука до сих пор не знает и отрицает возможность соизмерения потребительных стоимостей вне их сведения к стоимости (затратам труда) или пределам полезности благ. Но их можно соизмерять по другому критерию — по степени превышения результатов труда над его затратами, выраженной в единицах сэкономленного труда (рабочего времени) — человеко-год, человеко-день, человеко-час. Сэкономленный, высвобожденный труд в результате реализации потребительной стоимости является не менее, а более объективным критерием, чем затраты, выраженные в деньгах, или субъективные предпочтения, выраженные в ютилях или баллах.

В превосходстве результатов труда над его затратами, свойственном производству потребительной стоимости (но не стоимости), заключены инновационная сущность человеческого труда и возможность реального экономического развития. Все действительные законы этого развития — это законы труда, производящего потребительную стоимость. Без их концептуализации посредством трудовой теории потребительной стоимости они, к сожалению, всё ещё остаются вне экономической науки, базирующейся на стоимостной или полезностной (маржиналистской)

парадигме. Вне предмета существующей экономической теории остаётся половина экономической жизни, причём её базисная часть.

На основе закона потребительной стоимости могут и должны решаться многие экономические проблемы, которые раньше оставались нерешёнными, или получали неправильную трактовку. Каковы основные из этих проблем?

С переходом на критерий высвобождения труда снимаются оковы с развития производительных сил. Это развитие может осуществляться, лишь подчиняясь закону потребительной стоимости, а тормозиться — подчиняясь закону стоимости. Научно-технический прогресс становится действительным только приобретая соответствующую своей природе основу — превосходить высвобождаемым новой техникой (технологией) трудом затраты труда на их создание. Но это не те рабочее время и его экономия, которыми измеряется меновая стоимость техники. Уменьшение её меновой стоимости, как неизбежный результат роста производительности труда, как раз мешает получению высоких прибылей, погоня за которыми становится тормозом для научно-технического прогресса. Застой в этой области в нашей стране во многом был предопределён внедрением стоимостной формулы приведённых затрат в качестве критерия эффективности новой техники. Если добавленная к затратам (себестоимости) прибыль от капиталовложений, рассчитанная по нормативному коэффициенту их эффективности (т. е. по средней норме прибыли в 0,15), не достигалась, то новая техника, сколько бы много живого труда она ни высвобождала, не внедрялась. В теории оставались необъяснимыми факты прироста ВВП из увеличения соответствующих затрат капитала, ибо в этом случае нарушался бы стоимостной принцип равновесия затрат и результатов, т. е. оказывалось, что результаты растут быстрее, чем затраты капитала. Получался «таинственный» остаток, составлявший 75–85 % роста производства национального дохода. Причины его существования оказались неизвестными, ибо почти все теории и теоремы экономического роста вращались вокруг стоимостного принципа равновесия. Без подведения к математическому знаку «=» (равенства) ни одна теоретическая экономическая задача не решалась.

Трудовая теория потребительной стоимости позволяет решить эту важную научную проблему — объяснить возможность экономического и всего социального развития общества, что нельзя сделать сколько-нибудь удовлетворительно в рамках стоимостной парадигмы, которая пригодна только для анализа статичного состояния, а не развития общества[842]. Сегодня в пользу теории развития можно привести эволюционную концепцию в экономике, сторонники которой из институционалистов обращают серьёзное внимание на исходные эволюционные формы развития экономической системы. Вполне правомерно они выдвигают технику и технологию в качестве императивов экономической эволюции, признают участие в ней как рыночных, так и нерыночных факторов[843]. Оказывается, что рост величины реального продукта происходит, как утверждает сторонник эволюционной теории С. Ю. Глазьев, не по неоклассической формуле производственной функции — по затратам факторов производства, а определяется чем-то другим[844]. Но чтобы найти это «другое», надо, согласно Т. Куну, данную теоретическую систему заменить другой.

Возможность развития можно вывести только из потребительностоимостной сущности труда — из превосходства его результатов над затратами, в котором заключается инновационность человеческого труда вообще. К сожалению, это свойство труда, производящего потребительную стоимость, осталось, как уже говорилось, не замеченным «большой» наукой. Что же касается труда, выраженного через стоимость, то он инновационностью не обладает: затраты и результаты обратимы (эквивалентны).

Преодолевается запутанность вопроса о распределении по труду. Никто из классиков научного социализма не брал на себя ответственности считать этот принцип социалистическим. Не был дан ответ на вопрос: по какому труду происходит распределение благ — по труду, производящему стоимость, или по труду, создающему потребительную стоимость? Постулат

---

842 Шумпетер Й. Теория экономического развития. М., 1990. С. 52.

843 The Companion to Institutional and Evolutionary Economics // Ed. by G. M. Hodgson, W. J. Samuels, M. R. Tool. Aldershot, 1994.

844 Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М., 1993. С. 21.

«равная заработная плата за равный труд» предполагает равенство не имеющего стоимости труда и его оплаты.

Редко кто задумывался над этим вопросом. Ведь если речь шла о труде, производящем стоимость, то приходилось признать заработную плату выражением стоимости рабочей силы. Тогда почему не считать предпринимательский доход стоимостью рабочей силы работодателя?

Совсем по-другому выглядит распределение по труду, производящему потребительную стоимость. Во-первых, здесь имеется в виду не тот средний общественно необходимый труд, затраченный на воспроизводство рабочей силы и уравнивающий заработные платы, а сам живой труд и непосредственное рабочее время, затрачиваемые на производство потребительных стоимостей. Во-вторых, за основу берётся не стоимость, а потребительная стоимость рабочей силы.

Последняя оставалась вне теории и практики распределения и лишь изредка напоминала о себе в виде требования учёта производительности труда. Между тем именно потребительная стоимость труда и рабочей силы составляет собственную основу справедливого распределения как распределения по ***условиям потребления***. Это, конечно, не относимый к будущему принцип распределения по потребностям, но реальный принцип, учитывающий гуманистическую цель производства. Он не получил отражения в науке, как и сама трудовая теория потребительной стоимости.

В распределении благ по условиям потребления нет ничего невыполнимого. По этому принципу присваивают себе плоды прибавочного, но чужого труда предприниматели. Почему же этого не могут делать сами производители — присваивать продукт собственного труда, в том числе и прибавочного, ставшего для них столь же необходимым? Имелся опыт распределения общественных фондов потребления по условиям потребления — услуг образовательных организаций, медицинских учреждений, санаториев и домов отдыха и т. д. На этот принцип вполне можно перевести и распределение обычных потребительских благ. Мешает этому не столько уровень развития производительных сил труда, сколько их вложенность в «прокрустово ложе» стоимости. Только теперь стало очевидным, что приобретаемые прежде

общественные блага по условиям потребления намного превосходили по стоимости блага, приобретаемые на заработную плату.

В рамках трудовой теории потребительной стоимости, как было показано, получает решение задача соизмерения потребительных стоимостей, которая казалась неразрешимой вне стоимостного критерия. Оказывается, что высвобождаемый, сэкономленный труд служит не менее надёжным объективным соизмерителем потребительных стоимостей, чем его необходимые затраты — соизмерителем стоимостей. Тем самым преодолевается одна из главных теоретических преград, вставших на пути экономической науки. Из-за наличия этой преграды в своё время возник маржинализм с его отказом от объективного метода и уходом в субъективизм. Маржинализм не сумел преодолеть трудовую теорию стоимости и вынужден был в лице «Экономикса» пойти на компромисс с ней. Стоимость, в свою очередь, стала распространяться на всё то, что не имеет стоимости, но обладает свойством полезности. Продаются дети, человеческое тело, голоса депутатов и избирателей, властные полномочия и т. п. Рабочая сила объявляется человеческим капиталом, человеческий ум — продаваемой интеллектуальной собственностью. Реальная экономика вытесняется мнимой, виртуальной. Становится очевидным, что в этих условиях надеяться на помощь стоимостных механизмов в строительстве нового общества и новой экономики было бы бесполезно. Более того, этим можно лишь опошлить перспективу человеческого развития.

Потребительностоимостным принципом превосходства результатов труда над его затратами решается проблема действительной экономической и социальной эффективности. В рамках закона стоимости результат должен быть равным затратам. Единственным эффектом в этих рамках может быть лишь увеличение прибавочной стоимости за счёт соответствующего уменьшения стоимости необходимого продукта. Благосостояние одних может быть улучшено при таком же ухудшении благосостояния других (эффективность по Парето), что подтверждается увеличивающимся разрывом жизненного уровня богатых и бедных. Их соотношение в мире достигает соотношения 1 к 74 или ещё больше.

Теория потребительной стоимости, делая сэкономленный, высвобожденный труд, положительную разницу между ним и затраченным трудом критерием эффективности, а отрицательную —

отсутствием эффективности, тем самым органически связывает трудовой критерий с так называемым «индексом человеческого развития», предложенным ООН, хотя в нём исходным остаётся ВВП на душу населения в стоимостном измерении.

Глава 24. От капитала к труду

§ 1. Капитализм под маской постсовременности

Постэкономическое (постиндустриальное) общество в концепциях постмодернистов предстаёт ещё в одном парадоксальном качестве — обществом без труда. Капитализм же под названием экономического (индустриального) общества, наоборот, изображается трудовым обществом.

Как можно объяснить подобную нелепицу? Если следовать модернистским дихотомическим теориям, то постсовременному нетрудовому обществу должен быть противопоставлен (по правилам дихотомического деления) ретроасимметричный тип общества, т. е. нетрудовому — трудовое общество.

Главная же причина в другом: в нежелании называть капитализм обществом, где господствует не труд, а капитал. В этом случае была бы обнажена эксплуататорская сущность капитализма, что невыгодно для его защитников. Отсюда и попытки деконструировать социальную сущность капитала, заменяя её вещными характеристиками: индустриализмом, преобладанием роли прошлого труда, потребительством и т. д.

Нельзя, однако, оправдать отечественных авторов, которые не только защищают концепцию «смерти труда» во имя торжества капитала, но и причисляют К. Маркса к социологам, считающим капитализм обществом труда. «Все они (имеются в виду К. Маркс, М. Вебер и Э. Дюркгейм. — ***В. Я. Ельмеев***), — пишет Н. Л. Полякова, — описывали одно и то же трудовое общество, в котором особую роль играла система производства и разделения труда»[845].

---

[845] Полякова Н. Л. От трудового общества к информационному: Западная социология об изменении социальной роли труда. М., 1990. С. 7.

Более того, автор этого суждения полагает, что применение понятия «трудовое» к обществу, которое ранее называлось капиталистическим, индустриальным и т. п. «позволяет взглянуть на него совершенно по-новому и предполагает совершенно новую интерпретацию, исходящую из иной исторической перспективы»[846]. Ибо даёт возможность создать социологическую теорию, которая уже не исходит из первенства общественного бытия, поскольку труд сменяется информацией.

Как же на самом деле определял сущность капиталистического общества К. Маркс? Он, конечно, не отрицал того, что производство, труд составляют основу, обеспечивающую существование любого общества, в том числе и капиталистического. Но из этого не следовало, что общественный строй каждого общества, определяемого производством, не обладает своей спецификой, характеризующей его историческую сущность. Что касается капиталистического общества, то его сущностью, по К. Марксу, является капитал, но не как вещь и не просто как стоимость, а как общественное отношение, выражающее процесс извлечения из наёмного труда прибавочной стоимости благодаря господству капитала над трудом. «Необходимо, — писал он, — точно развить понятие капитала, так как оно является основным понятием современной политической экономии, подобно тому как сам капитал, — абстрактным изображением которого служит его понятие, — является основой буржуазного общества»[847]. Не случайно К. Маркс назвал свой труд «Капиталом», т. е. понятием, точно выражающим сущность общественного строя капиталистической формации.

Каким выглядит капитализм в его современном виде, если подходить к его оценке с позиций этой его сущности? Его, конечно, никак нельзя трактовать как «послесовременность», ибо было бы бессмыслицей называть тем, чего нет. Что же касается ныне существующей капиталистической действительности, то для её характеристики ***снова*** обратимся к оценкам, содержащимся в книге известного американского социолога и экономиста И. Валлерстайна «Анализ мировых систем и ситуация в современном мире».

---

[846] Полякова Н. Л. От трудового общества к информационному: Западная социология об изменении социальной роли труда. М., 1990. С. 7.

[847] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 288.

Автор книги исходит из того, что в настоящее время в мироэкономике существует лишь одна миросистема, которой является не постэкономика, а мироэкономика и которая по определению является капиталистической, а не посткапитализмом, ибо социализм предполагает создание нового типа миросистемы, но ныне он, по мнению И. Валлерстайна, составляет периферию мировой системы капитализма[848].

Действие капиталистической миросистемы он характеризует двумя фундаментальными противоречиями. Первое — это противоречие, на которое указывали марксисты XIX в. и которое он сам формулирует следующим образом: в то время, как в краткосрочной перспективе максимизация прибыли требует максимизации изъятия прибавочного продукта из непосредственного потребления большинства, в долгосрочной перспективе непрерывное производство прибавочного продукта требует массового спроса, который может быть создан лишь перераспределением этого прибавочного продукта.

Второе противоречие, которое он связывает с работами Мао Цзэдуна, сводится к тому, что подкуп оппозиции правящим классом с каждым разом растёт в цене и перестаёт приносить выгоды этому классу[849]. Что касается функционирования производства, то оно базируется на центральном противоречии — противоречии труда и капитала[850].

Все эти противоречия вызвали и обостряют кризис всей мировой капиталистической системы, причём речь идёт не просто о циклическом спаде, а о вековой тенденции, поворотном пункте, когда поддержание деятельности системы как таковой уже не является осуществимым выбором и жизнеспособным делом. «Вопрос состоит в том, вступила или вступает историческая система, в которой мы живём, капиталистический мир-экономика, в такое время хаоса»[851].

Отвечая на поставленный вопрос, И. Валлерстайн утверждает, что начало третьего тысячелетия (2000–2025 гг.) — это начало

---

848 Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. С. 57.

849 Там же. С. 56–57.

850 Там же. С. 409.

851 Там же. С. 350.

хаоса, расширение флуктуаций, в результате которых трудно будет вернуть систему в равновесие. Это новое состояние отличается от прошлого тем, что: 1) уменьшается способность государства поддерживать внутренний порядок; 2) люди начинают искать защиты с помощью всякого рода общественных групп, в том числе этнических, религиозных и др. как альтернативы гражданскому обществу и участию государства; 3) усиливается экспансия рода, миграция населения юга в северные районы; 4) ещё более распространяется «черная смерть» — СПИД[852].

В итоге после так называемой «бифуркации», в 2050 или 2075 г. «мы больше не будем жить в капиталистическом мире-экономике, вместо неё мы будем жить в каком-то новом строе или в новых строях, в какой-то новой исторической системе или системах»[853]. Если же такие оппозиционные силы, как антисистемное движение и частные предприниматели во всемирной классовой борьбе окажутся сильнее сил, стоящих у власти, то в конце концов «мы увидим завершение перехода от капитализма к социализму с отмиранием государства и межгосударственной системы»[854].

Из характеристики, данной И. Валлерстайном, современной капиталистической миросистемы следует, что существующие на Западе страны не вышли и не могли выйти за пределы капиталистического строя, их нельзя назвать посткапиталистическими, а капитализм объявить несуществующим. Наш отечественный автор В. Л. Иноземцев, к сожалению, продолжает настаивать на том, что эти страны уже стали постиндустриальными, эволюционировали за пределы капитализма, в них якобы прибавочный продукт уже служит всему обществу, о чём свидетельствует большая доля государственного бюджета в валовом внутреннем продукте этих стран[855].

Другие отечественные авторы, выступая от имени левой оппозиции, в этом вопросе тоже попали под влияние постмодернизма.

---

852 Там же. С. 365–369.

853 Там же. С. 370.

854 Там же. С. 398.

855 Иноземцев В. Л. К теории постэкономической общественной формации. М., 1995. С. 13.

Так, например, В. Валентинов не прочь государственный капитализм признать за социализм, а капитал (общественный и частный) — работающим в интересах народа. Деконструируя на манер постмодернизма понятие социализма, он его называет государственным капитализмом. Чем большую часть необходимого и прибавочного продукта трудящихся государство будет изымать в виде налогов в государственный бюджет, тем вроде бы общество будет ближе к социализму[856].

Хорош был бы социализм, если бы основную часть своего внутреннего продукта тратил на обслуживание армии, милиции, государственных чиновников и т. п. Достаточно сказать, что в России в 1999 г. в валовом внутреннем продукте производство товаров занимало всего 40,9% , а производство услуг — 50,1%[857], т. е. в этом отношении Россия догоняет и даже может перегнать США, что должно было бы свидетельствовать о превосходстве капитализма в современной России по сравнению с США.

На самом деле это свидетельствует о возвращении России к капитализму и переделке её экономики по требованиям западной модели капитализма — по модели разрушающего реальное производство монетаризма. К сожалению, некоторые социалистические авторы этого не хотят признать. «Какой же строй ныне в России? — спрашивает, например, А. Тилле и отвечает — рынка, рыночных отношений в смысле капитализма в России определённо нет и не предвидится. Есть крепостное право, элементы феодализма. Государство — не буржуазное, не капиталистическое, а нечто вроде коллективного помещика»[858]. Другой автор, Г. Элевтеров, также считает, что в современной России никакого рынка нет, нет настоящего акционерного капитала, фондового рынка, банковской системы, малого бизнеса[859]. Это говорится в то время, когда даже США признали Россию страной с рыночной экономикой, т. е. капиталистической страной.

В действительности мы имеем капитализм, реставрированный по образцу самой приспособленной к грабежу населения

---

856 Валентинов В. Оболгали мечту // Советская Россия. 2001. 8 декабря.

857 Россия – 2000: Экономическая конъюнктура. Вып. 2. М., 2000. С. 19.

858 Советская Россия. 2001. 23 октября.

859 Советская Россия. 2001. 25 октября.

модели — по монетаристской системе США. Разница лишь в том, что у США имеется возможность грабить весь мир, а у капиталистической России этой возможности нет, и ей пришлось и приходится грабить лишь свой народ: отобрали у него собственность на средства производства, теперь отбирают собственность на землю, а ещё раньше путём ваучеризации отобрали народные сбережения. Разве это не последнее слово в практике капиталистического грабежа?! Разве ваучер — не новое «завоевание» российских монетаристов?!

Можно понять человеческие эмоции, когда российский капитализм называют диким, воровским, криминальным и т. п. От этого капитал краснеть не станет и не будет оправдываться в том, что он всегда так возникал или реставрировался. Другое дело, когда хотят «научно» обосновать дикость российского капитализма. По модернистским рецептам ретроальтернативы его дихотомическую симметрию ищут в архаике. Уже упоминавшийся Ю. Н. Давыдов, например, российский капитализм считает разновидностью архаического, древневосточного государственного капитализма. «Тот факт, — пишет он, — что мы имеем с ним дело сегодня, ещё не даёт нам никаких оснований считать его современным капитализмом. Типологически он гораздо ближе схож с „архаическим“ капитализмом, заставляя ожидать от него того же самого, что он неизменно демонстрировал и продолжает демонстрировать сегодня на Западе»[860]. Но эти ожидания, по его мнению, напрасны, ибо удел России с её базарным капитализмом — катиться дальше вниз. Ей уготовлен «необратимый тотальный регресс — движение к деиндустриализации и демодернизации»[861], т. е. эволюция вспять, к архаическим способам хозяйствования, доминировавшим в глубокой древности, а впоследствии оттеснённым на периферию капитализма новоевропейского типа.

Для чего придумывается этот возврат к архаике? Для того, чтобы скрыть необратимость регресса всего мирового

---

860 Давыдов Ю. Н. Куда пришла Россия // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. II. 1999. №1. С. 96, 102.

861 Давыдов Ю. Н. Куда пришла Россия // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. II. 1999. №4. С. 109.

современного капитализма. Капитализм России не архаический (он скроен по рецептам западных советников). Вполне вероятно, что с него начнётся разложение мировой капиталистической системы, поскольку вхождение в неё России идёт полным ходом. Можно предположить, что антисистемное протестное движение тоже начнётся с России, которая вновь может оказаться слабым звеном уже полностью созревшей мировой экономической системы капитализма.

Каких бы названий ни приобретал капитализм, под какими бы масками ни выступал, даже если отказывается от признания своего существования и объявляет себя «посткапитализмом» (Р. Дарендорф), он оказывается исторически обречённым. В этом случае его идеологам ничего не остаётся делать, как объявить капитализм завершающим историю обществом, после которого может наступить, как об этом известил мир сотрудник Госдепартамента США профессор Ф. Фукуяма, лишь конец истории. Неужели гибель капитализма приведёт к гибели человечества?!

Суждения о границах общества, основанного на капитале, можно найти не только у К. Маркса, но и у многих современных авторов. Так, в книге Д. Медоуза и других «За пределами роста» подтверждается ранее ими сделанный в книге «Пределы роста» вывод о том, что если будут продолжаться существующие тенденции роста численности населения, индустриализации, загрязнения окружающей среды, истощения ресурсов, то пределы роста на планете будут достигнуты в течение ближайших ста лет. Что касается пределов по загрязнению в ряде областей и темпам использования ряда ресурсов, то они уже превышают допустимые границы[862]. Отечественный автор М. М. Голанский полагает, что начиная с 2010 г. будет происходить спад всей мировой экономики, будет положен конец развитию и саморазвитию, причём к этому приводит капиталистический рынок[863].

И. Валлерстайн полагает, что именно современный капитализм стал умирающим, вступил в последнюю стадию своей жизни. Причина, по которой существующая капиталистическая миросистема

---

[862] Медоуз Д. Х., Медоуз Д. Л., Рандерс Й. За пределами роста. М., 1994. С. 13.

[863] Голанский М. М. Будущее мировой экономики и перспективы России. М., 1994. С. 89.

вошла в эту стадию, состоит в том, что механизмы, которые применялись, чтобы выводить мировую экономику из периодов стагнации и вновь способствовать расширению системы, столь необходимому для накопления капитала, теперь включили в себя движение по асимптотическому приближению к пределам[864]. Россия в этом отношении, как уже было сказано, бежит впереди всех самых современных стран капитализма и, возможно, первой из них вновь перейдёт на другой, исторически оправданный путь — путь социализма, трудового общества.

Теоретическое обоснование дальнейшего социального и экономического развития общества самым тесным образом связано с преодолением стоимостной основы жизни, которая касается не только экономики, но и всей социальной сферы. Стоимость и её законы, будучи законами функционирования экономической основы общественной жизни, имеют прямое отношение ко всему тому, что обусловлено этой основой, т. е. к социальному.

§ 2. Перспективы развития общества — за развитием труда

У настоящих учёных не вызывает сомнения, что капитализм может быть заменён обществом, имеющим название «социализм». Это не выдумка социалистов, а необходимый результат общественного развития. Социализм порождается самим капитализмом в качестве его собственной замены. Противоположностью капитала, как системообразующей основы общества, может быть только труд. Социализм призван предстать обществом, в котором всё должно вращаться вокруг солнца труда (К. Маркс).

Почему же многими из интеллигенции так трудно воспринимается необходимость общества, в котором единственным властелином должен стать труд?

Прежде всего потому, что в истории с каждым её этапом увеличивалась численность непроизводительных классов, живущих за счёт чужого труда и получающих блага не по своему труду,

---

[864] Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. С. 393.

а по своему капиталу или за счёт капитала, созданного чужим трудом. Обществу раннего социализма, существовавшему в СССР, тоже не удалось освободиться от государственного наёмного труда, превратить трудовые коллективы в исходные системообразующие социальные единицы, остановить процесс разрастания управленческого аппарата и других групп непроизводительного населения.

Очевидно, что эта причина порождает всякого рода измышления относительно того, что в «постсовременных» обществах труд как таковой сойдёт с исторической сцены, потеряет свою роль источника богатства, заменится информационной деятельностью, умственными занятиями, якобы не требующими материальной деятельности по опредмечиванию своих результатов.

Главную же причину принижения созидающей роли живого труда следует искать в стоимостном подходе к его оценке. Защитники капитала с самого начала недооценивали живой труд и его носителя (рабочего) по сравнению с прошлым трудом, воплощённым в средствах труда, принадлежащих капиталу. Основанием для унижения труда служит то обстоятельство, что стоимость, созданная общественно необходимым трудом, согласно закону стоимости, не может быть большей, чем издержки самого этого труда.

В стоимостном отношении труд сверх своих затрат ничего большего не создаёт. Данное количество труда присоединяет к своему продукту одну и ту же сумму стоимости, хотя с ростом производительности труда растёт в продукте часть стоимости, перенесённой со старой стоимости. Если, например, английский и китайский прядильщики работали равное число часов и с равной интенсивностью, то в течение недели они создавали равные стоимости. Вместе с тем имело место колоссальное неравенство между стоимостью недельного продукта англичанина, работавшего с помощью мощных машин, и стоимостью недельного продукта китайца, имевшего только ручную прялку. В сотни раз большая сумма старых стоимостей присоединялась к стоимости продукта англичанина по сравнению с продуктом труда китайского рабочего[865].

---

[865] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 620.

Это служило поводом для того, чтобы буржуа и экономисты бесконечно восхваляли заслуги функционирующего в одежде капитала прошлого труда, приписываемые не самим рабочим, прошлым и неоплаченным продуктом труда которых являются средства производства, а их хозяину в лице капиталиста.

Не исчезло подобное отношение к непосредственному труду и в наше время. По свидетельству П. Игнатовского, собственники и распределители средств производства рассматривают труд чаще всего как чисто физическую, механическую деятельность, лишённую функции накопления и инновационности, которые перекладываются на капитал и предпринимательскую деятельность. Негативные оценки труда, по его мнению, инспирированы также возможностями получения огромных фиктивных капиталов за счёт выпуска неподкреплённых товарной массой денежных знаков и так называемых ценных бумаг, симулирующих реальные материальные ценности. Однако каждый раз, когда фиктивный капитал гибнет, приходится его возмещать за счёт трудовых накоплений большинства населения[866].

Чтобы оценить действительную созидательную роль труда, понять его инновационную сущность, необходимо его рассматривать не как созидателя стоимости, а как источник потребительной стоимости. Признание двойственной природы труда, на чем настаивал К. Маркс, является условием правильного понимания не только общей сущности труда, но и его роли как источника развития общества. Самое лучшее в моей книге, писал К. Маркс о «Капитале», — это «подчёркнутый уже в первой главе двойственный характер труда, смотря по тому, выражается ли он в потребительной или меновой стоимости»[867]. На этом основывается, утверждал К. Маркс, всё понимание фактов и именно это обстоятельство ускользнуло от внимания всех экономистов, т. е. терялось существо критического понимания вопроса[868].

К сожалению, эти упрёки К. Маркса не учли те экономисты, которые отрицают необходимость труда в так называемом

---

866 Игнатовский П. Труд и производство // Экономист. 2001. №1. С. 26.

867 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 31. С. 277.

868 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 32. С. 9.

«постиндустриальном обществе». Они оценивают труд с позиций его воплощения в стоимости, т. е. когда один и тот же труд, функционируя в течение одного и того же периода времени, воплощается в одной и той же величине стоимости, независимо от увеличения его производительной силы[869]. При стоимостном подходе к труду его творящая, производительная сила не выявляется. Её возрастание или падение «никогда не затрагивает прямо труда, представленного в стоимости... Каковы бы ни были изменения производительной силы труда, один и тот же труд, функционируя в течение одного и того же времени, фиксируется всегда в одной и той же стоимости»[870].

Совсем по-иному выглядит значимость труда для общества, когда он берётся в качестве созидателя потребительной стоимости. Именно здесь выявляется главная для развития общества сила труда — его производительная, творящая сила, принадлежащая конкретному, полезному труду, т. е. труду, производящему потребительную стоимость. Именно на эволюции и господстве такого производства базируется понимание будущего общества как общества труда.

Каким же предстаёт общество, базирующееся на труде, производящем потребительные, а не меновые стоимости?

Общество труда — это общество, в котором люди работают во имя лучшего удовлетворения своих потребностей и своего развития. Это достигается переходом на потребительностоимостную основу самого труда.

То, о чём постоянно говорилось в марксизме относительно цели и смысла общественной жизни, а именно о всестороннем и гармоничном развитии человека, об обеспечении полного благосостояния всех людей теперь воспринимается далёкими от марксизма известными западными теоретиками. Многими из них повторяется мысль В. И. Ленина, высказанная им при обсуждении проекта Программы РСДРП, относительно целей социалистического

---

869 В современной экономической литературе стоимость, особенно стоимость необходимого продукта, выраженную в заработной плате, сплошь и рядом ставят в прямую зависимость от производительности труда, нарушая тем самым логику, требуемую законом стоимости.

870 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 49. С. 172.

переустройства общества: «Не только для удовлетворения нужд... а для обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества»[871]. Достаточно ещё раз сослаться на высказывание основателя Римского клуба А. Печчеи, выразившего глубокую убеждённость в «необходимости полного и всестороннего развития возможностей и способностей всех людей планеты как непременного условия преодоления существующего неравенства и обеспечения здоровой и достойной жизни каждого. Именно этим целям, — по его мнению, — должны быть подчинены все стратегии, политические программы и перспективные планы в национальных и глобальных масштабах»[872].

К сожалению, эта идея основателя Римского клуба А. Печчеи не нашла должной реализации в концепциях устойчивого развития и развития человека, предложенных ООН. Понятие устойчивости оказалось инвариантом принципа рыночно-стоимостного равновесия, характерного для обратимых экономических процессов, исключающих развитие общественной системы. Оно не допускает превращения системы в свою противоположность, связывает такое превращение с крахом системы, что считается недопустимым.

Не случайно в модель мировой системной динамики, используемой для обоснования пределов роста, не был включён в качестве самостоятельного фактора научно-технический прогресс, ибо он приводит к нарушению стоимостного равновесия и в итоге — к уменьшению стоимости общественного продукта. Это опять-таки не согласуется с устойчивостью роста.

Что касается концепции развития человека и предложенного критериального индекса развития человеческого потенциала, то в них не нашли места показатели развития производства, в частности главный из них — состояние и уровень развития производительности труда. Этот показатель был и остаётся основным критерием развития производительных сил и самого общества, и тем более, человеческого потенциала. Именно в производительности труда находит своё имманентное выражение потенциал человека, развитие его способностей и потребностей.

---

871 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6. С. 232.

872 Печчеи А. Человеческие качества. С. 205.

Без обращения к труду, созидающему всё богатство общества, обосновать развитие общества и человека не представляется возможным.

По этому вопросу следует всемерно поддержать суждения известного учёного-экономиста П. А. Игнатовского, который постоянно настаивает на признании труда как основы развития общества. «При всех исторических формациях и их производительных силах, — пишет он, — жизнь общества каждой страны, а следовательно всего мира, сохраняет трудовую основу»[873]. В реальной действительности нет экономических процессов, социально-экономических и иных отношений, общественно значимых результатов вне труда, вне связи с трудом и его созидательной, материализованной силой. И эти возможности настолько реально незаменимы, что воспринимаются как воздух в жизни человека[874].

Для непредубеждённого человека определяющая роль материального производства очевидна. Во-первых, производство абсолютно необходимо для обеспечения жизни всех людей, в том числе и для тех, кто призывает поменять материальное на духовное. Во-вторых, без материального производства невозможно развитие людей, в том числе прогресса науки, культуры, образования, медицины и т. д. В-третьих, исходной предпосылкой формирования общественных отношений служит опять-таки труд и материальное производство[875].

Если положение дел рассматривать в масштабах всего мирового сообщества, а не отдельных социальных групп и их идеологов, то ненормальными выглядят суждения, призывающие к отказу от решающей роли труда в жизни общества, к отказу от производительности труда, да и от самого различения производительного и непроизводительного труда. М. В. Попов и А. В. Золотов, приводя высказывание западного историка экономических учений М. Блауга относительно того, что «разграничение производительного и непроизводительного труда, введённое Смитом, — это,

---

873 Игнатовский П. А. К развитию на основе труда // Экономист. 2005. №7. С. 3.

874 Там же.

875 Мишин В. И. Ленинская методология социального познания. Н. Новгород, 2003. С. 14–15.

пожалуй, одна из самых пагубных концепций в истории экономической мысли», справедливо возмущаются: пагубным для науки и практики является отказ от разграничения производительного и непроизводительного труда[876].

Игнорируя значимость труда, особенно производительного, люди в своей экономической деятельности попадают под власть слепых сил рыночной стихии, товарно-денежного, а теперь ещё и информационного фетишизма. Они вынуждены руководствоваться своими чисто субъективными предпочтениями, искать везде выгоду, следовать индивидуалистическим, эгоистическим интересам, подкупленной рекламе, советам всякого рода брокеров, дилеров и даже колдунов.

В подмене проблем развития производительных сил субъективистским подходом немалую роль играют деньги, которые сами по себе ничего нового не создают, но могут быть противопоставлены труду, исказить источники реального материального и духовного богатства, выдавая его за денежное богатство. Так, например, нехватка денег, которые не являются элементом производственного процесса, может приостановить этот процесс, привести к закрытию предприятия, к его банкротству, несмотря на то, что материальные и трудовые ресурсы могут функционировать и создавать продукцию. О том, что «вытворяют» деньги, свидетельствуют происшедшие в начале 1990-х годов события по данным Российского статистического ежегодника (1996): цены на товары в одночасье возросли в тысячи и более десяти тысяч раз — на электроэнергию в 15 342 раза, на бензин — в 14 995, на нефть в — 11 775, на кисломолочные продукты — в 14 802, масло растительное — в 8651, продукцию машиностроения — в 5538, обувь — в 4477, сахарный песок — в 3173, ткани хлопчатобумажные — в 2773 раза.

Этому субъективному управленческому произволу может быть противопоставлено только признание необходимости следовать объективным законам развития общества, которые по существу являются законами развития на основе труда и законами самого труда. По крайней мере можно назвать три таких основных

876 Золотов А. В., Попов М. В. Философия производительного труда. Н. Новгород, 2006. С. 3–4.

закона, объясняющих развитие экономики и всего общества: закон роста производительности труда, закон экономии труда (рабочего времени) и закон возвышения потребностей. Все они органически связаны между собой, ибо имеют общую базу — труд в его потребительностоимостной определённости.

Известная производственная функция, которой обычно объясняется экономический рост, по существу отрицает роль труда как единственного источника стоимостного богатства, приписывает эту роль капиталу или земле. «Триединая формула», послужившая исходной конструкцией для различных моделей производственной функции, ставила факторы производства в ложное отношение к стоимости общественного продукта: землю к ренте, капитал (средства производства) — к проценту, живой труд — к заработной плате. В данном случае мнимые источники стоимостного богатства отнесены к совершенно различным сферам и не имеют ни малейшего сходства. «Они относятся друг к другу примерно так же как нотариальные пошлины, свёкла и музыка»[877]. Конечно, заметил К. Маркс, глупо делать эти противопоставления, но ложная «триединая формула» остаётся формулой капитала и его политической экономии. Ныне к ней добавляют новые пары: «человек (труд) — человеческий капитал»; «пенсионер — пенсионный капитал; «мать — материнский капитал» и т. п.

В современной социологии мы встречаемся с тем же ложным противопоставлением социального действия (деятельности) и социальной структуры (системы). Полагают, что если исходить из деятельностного подхода, то можно обходиться без понятия общества, общественной системы (структуры). Почему-то деятельность соотносят со структурой, а не с человеком и обществом, способом их общественного бытия. Понятие общественного бытия, которое философия и социальная мысль вполне обоснованно считали своим достижением, ныне выпало из социологии.

Ещё более важным явилось установление понятия социальной субстанции, способом существования которой выступает общественная деятельность. В этом способе бытие обнаруживает

---

[877] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II. С. 380.

свои сущность, субстанциональное основание — тот же человеческий труд, овеществлённый в производительных силах общества, реализующих себя через тот же труд, но уже в виде живой человеческой деятельности. Труд, следовательно, выступает и как субстанция, и как деятельность, как бытие и как становление, как действительность и как возможность. Он составляет их общее основание, придающим им соизмеримость как двум противоречивым сторонам одной и той же сущности. Как таковые они не нуждаются в услугах как дуализма, так и антиномий. Бытие не нейтрализует деятельность, а деятельность — бытие (субстанцию).

Главное в решении проблемы сводится к тому, чтобы деятельность представить в её сущностном определении — как жизнеобеспечивающий, жизневоспроизводящий человеческий труд. Имеется в виду пока никем не опровергнутое научное положение о том, что труд в конечном счёте создал самого человека, и само общество могло возникнуть и развиться только на основе труда[878]. Соответственно, история развития труда даёт ключ к пониманию всей истории общества.

Можно вполне обоснованно утверждать, что теория развития общества может и должна базироваться на ***социальной теории труда***: именно трудовая теория даёт возможность для научного понимания общества как со стороны его структуры (общественных отношений), так и развития. Подобно тому как политическая экономия стала научной благодаря применению теории труда к анализу экономики, так и социология приобретает статус науки в той мере, в какой она строится на базе трудовой теории.

Если отвлечься от значения труда и производства, благодаря которым люди оказываются связанными определёнными общественными отношениями, образующими структуру общества (её образуют они, а не координаты действия или информационные сети), то главное назначение труда на сегодня заключается в решении проблемы как экономического, так и социального развития общества. Именно в отсутствии теории развития (или

878 Вызывает лишь сожаление, что в концепциях социального действия, человеческой деятельности (кроме марксистских) о труде почти ничего не говорится.

его отрицании) состоит беда современной общественной науки и нынешнего рыночного общества.

Чтобы преодолеть эту беду и обнаружить возможности и средства создания теории развития, обращаться кроме как к труду больше некуда. Тогда почему же социально-экономическая наука не взяла в качестве своего теоретического основания социально-трудовую теорию строения и развития общества? Почему обычный жизнеобеспечивающий труд, которым занято большинство населения земного шара, не положен в основу анализа развития общества?

Труд в общественной науке всё ещё представлен в рыночно-стоимостном обличье, в том числе и у К. Маркса. В меново-стоимостном отношении, согласно закону стоимости, труд в измерении затрат равен (тождественен) труду, воплощённому в результатах и измеренному по его результатам. В этом смысле в стоимости результатов труда ничего большего и нового быть не может. Что было в затратах, то и оказывается в результатах. За величиной прибавочной стоимости тоже стоит такая же величина затрат прибавочного труда. Вот за эту стоимостную эквивалентность затрат и результатов труда, представленную в хрематистике и каталактике, и ухватились противники и хулители жизнеобеспечивающего (производительного) труда. Одновременно заслуги прибавочного, но не оплаченного труда рабочих, выраженные в прибавочной стоимости, они стали приписывать своей «единственно творческой», мыслительной деятельности.

Виновата, следовательно, в этом отношении сама стоимостная парадигма, то, что в общественной науке труд представлен лишь в определённости одной социально-исторической своей формы — как абстрактный, выраженный в категориях меновой стоимости труд. На этой основе выросли все существующие социальные теории: теории равенства, свободы и справедливости, теории социальной статики и динамики и вытекающие из них принципы равновесия, порядка, устойчивого развития и т. п. Все они — порождения, в конечном счёте, господствующей стоимостной парадигмы и закона стоимости, имеющего своим аналогом естественный закон постоянства массы и энергии, преодолеть границы которого пытается И. Пригожин.

Между тем сущность человеческого труда далеко не исчерпывается его назначением служить эталоном в рыночном стоимостном обмене. Действительная его созидательная, инновационная сущность обнаруживается в производстве потребительной стоимости, посредством которой удовлетворяются жизненные потребности людей, в том числе и в развитии своей личности. (Стоимостями люди не питаются и не одеваются). В производстве потребительной, а не меновой стоимости, как раз и состоит основная определённость всемирно-исторической и социально-экономической формы труда. Но она оказалась вне как политической экономии, так и социологии, её лишали этой определённости, ей отводили, в лучшем случае, роль объекта изучения со стороны товароведения.

В этом случае упускается из виду самое существенное, что даёт труд для разработки социальной теории — его роль в обосновании самой возможности развития общества, особенно для дальнейшего его развития, для преодоления концепции постмодернизма. В отличие от принципа ***обратимости*** стоимости затрат и результатов труда, труд в качестве созидателя потребительной стоимости предполагает их ***необратимость***, что составляет необходимый атрибут процесса развития, перехода от одних форм к другим. Если, например, стоимость вина обратима в стоимость возделывания и обработки винограда, то вино обратить в виноград уже невозможно.

К сожалению, для понимания этих, казалось бы, очевидных необратимых жизненных процессов так и не удалось создать ни теорию экономической, ни социальной динамики. Существующие теории этого рода «вращаются» вокруг стоимостной (равновесной) схемы как экономического, так и социального воспроизводства.

Реализация рассмотренного выше принципа жизни трудового общества, т. е. жизни и труда во имя лучшего удовлетворения разумных потребностей и соответствующего всестороннего развития личности, может базироваться лишь на высоко развитой производительной силе полезного труда, освобождённого от стоимостной формы. Дело в том, что предпосылкой производства, основанного на стоимости, является масса затраченного непосредственного труда и рабочего времени, составляющих

решающий фактор производства стоимостного богатства. Современное стоимостное богатство в обществах капитала тоже базируется на массе рабочего времени. Если в странах семёрки, в частности в США, и наблюдается сокращение доли занятых непосредственно в производстве товаров и увеличения численности работников сферы услуг, то в капиталистической мирэкономике в целом сохраняется в качестве основы стоимостного богатства количество непосредственного труда и рабочего времени. Этим трудом населения стран третьего мира как раз и возмещается уменьшение собственного производительного населения в странах развитого капитализма. Что же касается России, то уменьшение занятых в материальном производстве объясняется кризисом.

В общем случае, чем выше производительная сила труда, тем более независимым от количества затрачиваемого труда становится созидание действительного (а не стоимостного) богатства. В этих условиях главным становится не количество труда, а его производительная сила, обусловленная развитием самого человека, науки, техники и их применением к производству. «В этом превращении, — предсказывал К. Маркс, — в качестве главной основы производства и богатства выступает не непосредственный труд, выполняемый самим человеком, и не время, в течение которого он работает, а присвоение его собственной всеобщей производительной силы, его понимание природы и господство над ней в результате его бытия в качестве общественного организма, одним словом — развитие общественного индивида»[879].

Труд, освобождённый от необходимости производить стоимость и базирующийся на высокой производительности, по мнению К. Маркса, будет выступать уже не столько как включённое в непосредственный процесс производства звено, а как труд, при котором рабочий выполняет функции контроля и регулировщика производственного процесса. Рабочий перестаёт быть его главным агентом, становится рядом с производственным процессом[880].

---

879 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 213–214.

880 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 213.

Это обстоятельство может служить поводом для отрицания основополагающей роли труда в будущем обществе. Чтобы оно не было так истолковано, К. Маркс специально подчёркивал, что труд не может стать игрой[881]. Для человека, который вступает в непосредственный процесс производства, труд остаётся школой дисциплины, а также ареной применения научных знаний и высоких технологий. В том и другом случае процесс производства будет служить сферой практического приложения рук, следовательно, и физической деятельностью.

Труду, предназначенному для производства потребительных стоимостей, не будет надобности делиться на необходимый и прибавочный, поскольку он тратится обществом в количествах, определяемых необходимостью удовлетворения существующих и потенциальных потребностей. Тогда весь труд, нужный для этого, будет необходимым. Вместо его деления на труд, производящий стоимость необходимого продукта и прибавочную стоимость, остаётся лишь общеэкономическая различённость, связанная с необходимостью иметь дополнительный продукт для неработоспособных членов общества, для страховки от всякого рода стихийных бедствий, для вложений в развитие новых сфер деятельности.

Главный же результат повышения производительной силы труда — это сокращение времени самого производительного труда, причём не необходимого в пользу прибавочного при длительном сохранении одной и той же продолжительности рабочего дня, а сокращение последнего до минимума. Этим создаётся возможность привлечь к жизнеобеспечивающему труду всю трудоспособную часть общества, исключить ситуацию, когда один общественный слой сбрасывает с себя и возлагает на другой общественный слой естественную необходимость труда. Тогда прибавочный труд рабочих масс перестаёт служить условием для развития всеобщего богатства, а не-труд немногих — условием для развития всеобщих сил человеческой головы[882].

---

881 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 221.

882 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 214.

Глава 25. Человек труда вместо человеческого капитала

§ 1. Труд как противоположность капитала

Чтобы реабилитировать капитал, прикрыть его эксплуататорскую сущность, капиталом стали называть всё что угодно. Под маской капитала ныне фигурируют капиталы: «человеческий», «социальный», «интеллектуальный», «символический», и т. д., и т. п. Почти все люди (кроме детей) объявлены обладателями капитала, даже у тех, кто живёт за счёт пенсии, оказывается, имеется свой «пенсионный» капитал. Нет среди всех этих капиталов только капитала по определению, т. е. капитала как прибавочной стоимости, извлекаемой из наёмного труда, и нет в составе субъектов «человеческого капитала» настоящих капиталистов, присваивающих результаты чужого труда.

Капитал, как показал автор «Капитала», — это не просто стоимость или сумма меновых стоимостей, хотя без этой предпосылки он не возникает. Не является капиталом та или иная вещь, в которой реализована стоимость и которая может служить средством производства. Не будет капиталом и человеческий труд, овеществлённый и накопленный в том или ином продукте труда и используемый в новом труде.

Капитал — это общественное, производственное отношение, посредством которого присваивается созданная трудом прибавочная стоимость, которая используется капиталом для собственного самовозрастания. Он составляет противоположность труду, является результатом его эксплуатации.

Преувеличение роли капитала по сравнению с его источником — трудом — давно известное занятие защитников капитала. При этом они под понятие капитала чаще всего подгоняют определения самой человеческой деятельности, свойства человеческого труда. Капитал в этом случае сводится к его определению как накопленного труда, служащего средством для нового труда. Не только накопленный опыт, навыки и знания работника, но и любой орган его человеческого тела получает название человеческого капитала. «В этом смысле, — писал К. Маркс, — рука, в особенности кисть руки, представляет собой капитал. Капитал был бы в этом случае лишь новым названием для вещи, столь же

древней, как человеческий род, так как всякий вид труда, даже самый неразвитый, как охота, рыбная ловля и т. д., предполагают, что продукт прошлого труда употребляется в качестве средства для непосредственного, живого труда»[883].

Ещё более жёстко по этому поводу высказался К. Маркс в другом месте: «так, например, говорят, что вещество глаза есть капитал зрения и т. д. Подобного рода беллетристические фразы, в которых по какой-либо аналогии подводится что угодно подо что угодно, могут показаться даже остроумными, когда их высказывают в первый раз... Но если их повторяют, да ещё с самодовольством, с претензией на научность, то они попросту глупы. Они хороши лишь для беллетристического типа болтунов, которые стремятся всё окрасить в розовые тона и которые своим сладеньким, как лакрица, дерьмом загаживают все науки»[884].

В последнее время в пропаганде подобных концепций особо усердствуют некоторые отечественные экономисты. Читаешь, например, книгу авторов из Санкт-Петербургского университета экономики и финансов и диву даёшься: неужели они не читали «Капитал» К. Маркса и забыли, что называется капиталом по определению, или же не хотят знать этого? В книге «Человеческий капитал в транзитивной экономике» (СПб., 1999) нет ни одной ссылки на «Капитал», хотя авторы живут уже в капиталистическом обществе и обязаны знать своё иное общество. «Капитал» К. Маркса отсутствует и в библиографическом списке, который тоже должен соответствовать требованиям науки и издательства, ещё не отказавшегося от своего названия «Наука».

Авторы всерьёз думают, что время, когда наёмная рабочая сила воспроизводилась в форме товара, ушло в прошлое. В постиндустриальном обществе, в котором они вроде бы уже живут сейчас, наёмный работник и его рабочая сила функционируют и воспроизводятся «уже не в товарной форме, а в форме „человеческого капитала“. Не только капиталист — предприниматель, но и сам работник относится к вложениям в свои производительные способности (экономические силы) как к капитализированным

883 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 206.

884 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 243.

накоплениям»[885]. Это время, по мнению авторов, тоже уже проходит: «современное общество эпохи зрелой стадии научно-технической революции и начальной стадии информационно-коммуникационной революции можно охарактеризовать как информационное общество... в котором структура творческих производительных сил человека актуализируется всё в большей и большей степени не в форме человеческого капитала, а в форме человеческих информационных ресурсов (потребностей, способностей, сил)»[886], т. е. человеческий капитал здесь уже называется ресурсом.

Чем можно объяснить подобного рода фантазии? Почему ⅔ мировых выбросов в атмосферу падают на «информационное» общество США, где доля информационного сектора, по данным авторов, составляет 60–75% ВНП? Почему России как постиндустриальному обществу надо догонять индустриально развитые страны, заняться своей индустриализацией? Почему наши уважаемые авторы поверили тем западным экономистам, взгляды которых были определены К. Марксом как «вздорные попытки представить рабочую силу в качестве капитала рабочего»[887]?

Какое же действительное место занимают рабочая сила и труд во взаимоотношениях с капиталом?

Первый аспект взаимодействия между капиталом и рабочей силой относится к их эквивалентному обмену как меновых стоимостей: рабочий, продавая свою рабочую силу, получает взамен заработную плату, составляющую вложенный капиталистом в эту плату переменный капитал, т. е. рабочий в лучшем случае получает меновую стоимость, равную стоимости жизненных средств, необходимых для воспроизводства своей рабочей силы.

Становится ли полученная работником меновая стоимость в виде заработной платы его капиталом? Этого не может быть, ибо, во-первых, здесь обмениваются эквиваленты, от этого обмена не происходит самовозрастание стоимости рабочей силы; во-вторых, заработная плата идёт на потребление рабочего,

---

885 Добрынин А. И., Дятлов С. А., Цыренова Е. Д. Человеческий капитал в транзитивной экономике. С. 14.

886 Там же. С. 15.

887 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 47. С. 175.

на возмещение и восстановление израсходованных его физических и умственных сил; в потреблении меновая стоимость жизненных средств исчезает. В этом отношении и сам труд для рабочего не является производящей богатство силой, средством обогащения или обогащающей деятельностью. Посредством простого обмена «рабочий не может ***обогатиться***, ибо подобно тому, как Исав уступил своё первородство за чечевичную похлёбку, так рабочий за определённую наличную величину стоимости своей способности к труду отдаёт свою ***творческую*** силу. Наоборот, рабочий должен обеднеть, так как творческая сила его труда теперь противостоит ему как сила капитала, как ***чуждая сила***»[888].

Превращение рабочей силы в источник производства настоящего капитала образует другой аспект их взаимодействия, которое осуществляется уже в производстве, а не в их обращении как меновых стоимостей. Здесь рабочая сила выступает по отношению к капиталу не как стоимость, а как потребительная стоимость, как живой труд, эксплуатируемый капиталом. Именно из потребительной стоимости рабочей силы извлекается прибавочная стоимость, в потребительной стоимости этой силы заложена творящая, производительная сила труда, отчуждаемая капиталом и превращаемая в силу капитала.

Может ли эта сила, реализуемая в труде, быть капиталом работника, т. е. его человеческим капиталом? Сторонники этой концепции обычно производительные силы труда подгоняют под человеческий капитал, понимая под капиталом не только орудия производства, но силы живого труда. «На постиндустриальной стадии развития общества с социально ориентированной экономикой рыночного типа, — пишут названные выше авторы, — производительные силы человека реализуются в форме человеческого капитала. Активом человеческого капитала является образование»[889]. В другом месте сказано: «человеческий капитал — это форма выражения производительных сил человека на постиндустриальной стадии развития общества»[890].

---

888 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 47. С. 177.

889 Добрынин А. И., Дятлов С. А., Цыренова Е. Д. Человеческий капитал в транзитивной экономике. С. 5–6.

890 Там же. С. 14–15.

Созидающие, творящие силы человеческого труда не нуждаются в том, чтобы к ним приклеивать ярлык «человеческого капитала», для них имеется имманентная им экономическая категория — «производительная сила труда». Что же касается человека как носителя труда, то он всегда был и остаётся главной производительной силой общества.

Другое дело, когда производительные силы труда переходят в руки капиталиста и становятся силами капитала. Если в качестве стоимости рабочая сила принадлежит самому работнику, то в качестве потребительной стоимости (труда) она существует только для капитала и является потребительной стоимостью для самого капитала, т. е. той опосредствующей деятельностью, с помощью которой капитал увеличивает свою стоимость. Для рабочего рабочая сила является потребительной стоимостью только как носитель меновой стоимости его рабочей силы, а не потому, что она производит для рабочего прибавочную стоимость, а потому и капитал. Рабочий, продавая рабочую силу, отчуждает от себя производительные силы своего труда, а капитал их присваивает. «В этом процессе обмена труд не является производительным; он становится производительным только для капитала... Поэтому все успехи цивилизации, другими словами, всякое увеличение общественных производительных сил, производительных сил самого труда, обогащают не рабочего, а капиталиста»[891]. Соответственно, капиталистическое производство в большей мере, чем какой-либо другой способ производства, является расточительным по отношению к человеку, оно расточает не только плоть и кровь человека, его физическую силу, но и его умственную и нервную энергию. «Действительно, только ценой величайшего ущерба, наносимого развитию каждого индивида в отдельности, достигается их общее развитие в те исторические эпохи, которые являются прелюдией к социалистической организации человеческого общества»[892]. О том, как ныне разрушаются производительные силы труда, свидетельствуют данные, приведённые в документах конференции ООН по социальному развитию (Копенгаген, 1995): в мире более 120 млн человек официально

[891] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 47. С. 177.

[892] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 47. С. 186.

признаны безработными и гораздо большее число работает неполный рабочий день; каждый десятый трудоспособного возраста является нетрудоспособным по болезни.

Теория человеческого капитала неприемлема и потому, что она превращает капитал в источник производства стоимости. Между тем производит стоимость только труд, он представляет единственную субстанцию продукта как стоимости. Что касается капитала, то он в качестве стоимости не производителен.

Стоимость и капитал, однако, не единственные продукты труда. Продуктом труда является и потребительная стоимость. Соответственно, человек и его труд, взятые по отношению к потребительной стоимости, приобретают характеристики, не имеющие отношения к производству капитала и стоимости. Если под капиталом имеются в виду объективные условия труда, находящиеся в собственности капиталиста, то они в процессе труда лишь присоединяют к продукту свою собственную стоимость, но не создают новой стоимости. Если же речь идёт о средствах производства, участвующих в создании потребительной стоимости продукта, то они здесь участвуют не в качестве капитала, а как орудие труда. Действие машины в процессе создания потребительной стоимости не имеет ничего общего с её бытием как стоимости, как капитала. «В действительном процессе труда все эти вещи оказывают услуги благодаря тому отношению, какое они, как ***потребительные стоимости***, имеют к прилагаемому к ним труду, а не как меновые стоимости и тем более не как капитал»[893]. Соответственно, в этом смысле слово «капитал» к ним не подходит.

Ещё менее подходит понятие «капитал» для характеристики физических и умственных производительных сил самого работника, чаще всего называемых «человеческим капиталом». То, что рабочая сила, взятая как стоимость, лишь обменивается на капитал, но не создаёт в этом обмене новую стоимость, это очевидно. Другое дело — потребительная стоимость рабочей силы, реализующаяся в живом труде. Прибавочная часть этого труда, т. е. прибавочный труд, создаёт прибавочную стоимость и, следовательно, капитал. В той мере, в какой повышение умственных и физических производительных сил самого труда уменьшает необходимую

[893] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III. С. 273.

часть труда и соответствующим образом увеличивает его прибавочную часть, это повышение, т. е. рост производительности труда, увеличивает капитал, но он не становится капиталом рабочего. Источником капитала каждый раз выступает прибавочный труд (время этого труда), а не производительность труда, которая в целом уменьшает стоимость продукта, поскольку уменьшается общественно необходимое время для её производства.

Почему же столь привлекательным стало желание обозначить капитал именем человека? Если отвлечься от намерений защитить могущество капитала, то можно было воспользоваться этим могуществом и для других целей — распространить его на человека, т. е. вместо капитала богатством общества объявить человека. Так поступали ещё пролетарские противники буржуазных экономистов, в частности один из социал-рикардианцев — Т. Годскин. Для него производительный «капитал» и искусный труд выступали как одно и то же, а истинным богатством он считал самого человека. «Капитал, — пишет он, — это своего рода ***кабалистическое*** слово... из тех ***общих терминов***, которые те, кто стрижёт остальное человечество, изобрели с целью скрыть руку, держащую ножницы»[894]. В качестве метафоры определением человека в роли основного капитала пользовался и К. Маркс. Он писал, что развитие человека, получаемое за счёт экономии рабочего времени, может выступать как величайшая производительная сила и как таковая обратно воздействовать на производительную силу труда: «с точки зрения непосредственного процесса производства сбережение рабочего времени можно рассматривать как производство ***основного капитала***, причём этим основным капиталом является сам человек»[895].

Очевидно, что в данном случае К. Маркс заменяет производство капитала производством человека как главной производительной силы общества. Это производство осуществляется в свободное время общества, получаемое за счёт сокращения рабочего времени, достигаемого в результате научно-технического прогресса. Выполнение человеком функций основного, а не оборотного капитала опять-таки предполагает функционирование

---

894 Годскин Т. Сочинения. М., 1938. С. 18.

895 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 221.

человека в качестве производительной силы в процессе труда, а не как агента обращения, где рабочая сила обменивается на переменный (оборотный) капитал, не имеющий прямого отношения к развитию человека.

В той мере, в какой производство рассматривается не как производство стоимости (капитала в значении прибавочной стоимости), а как производство человека и его жизнедеятельности, использование вместо последних метафоры «человеческий капитал» в определённой мере допустимо. Это понятие, однако, не должно отождествляться с капиталом в подлинном его смысле, т. е. рабочий не может отождествляться с капиталистом. Кроме того, нельзя согласиться с авторами, например с М. М. Критским, которые полагают, что современные развитые страны уже отказались от капитала как основного устоя экономики в пользу человека и человеческого капитала, что вроде бы наступило информационно-интеллектуальное общество, где исчезает примат материального производства. Современное общество, в котором всё превращается в товар, в том числе знания и информация, честь и совесть людей, у М. М. Критского оказывается столь «цивилизованным», что уже преодолевает вместе с трудом и отчуждение труда. Соответственно, учение К. Маркса о капитале объявляется устаревшим, хотя автор в своей книге ограничился переложением логики «Капитала» и её приложением к человеческому капиталу, трактующемуся как всеобщая форма экономической жизнедеятельности человека[896].

Чем же является, по М. М. Критскому, форма жизнедеятельности, образующая человеческий капитал?

Оказывается, что она — стоимость товара, превращённая из предметной формы в форму стоимости жизни. Почему же стоимость жизни является капиталом, а не обычной стоимостью жизненных средств, обменённых на переменный капитал капиталиста? Потому, что из предметной формы рабочей силы можно извлечь не капитал, а только заработную плату, а из стоимости жизни можно получить человеческий капитал. Если зарплате соответствует лишь необходимый труд и необходимый продукт, то за стоимость жизнедеятельности, если её продать, рабочий

[896] Критский М. М. Человеческий капитал. Л., 1991. С. 4.

может получить и часть прибавочного продукта, и прибавочной стоимости[897]. Из них и возникает человеческий капитал, если, конечно, не учитывать дополнительно потребительскую прибыль, получаемую из самого потребления жизненных средств.

Получается, что модификация стоимости рабочей силы приводит к соответствующему изменению его противоположности — прибавочной стоимости. Происходит изменение экономической субстанции доходов собственников, самой прибыли. Больше того, утверждается, что результаты расширенного воспроизводства таких духовных общественных благ, как наука и образование, ведущие к интеллектуализации экономической жизни, «коренным образом» меняют и «механизм эксплуатации». Экономическим основанием прибыли якобы всё более становится не прибавочная стоимость, производимая в рамках предприятия, а присвоение прибавочного труда, осуществляемого за его пределами. Осуществляется снятие прежнего экономического содержания прибыли. Оно состоит в том, что прибыль всё более обусловлена не непосредственным присвоением прибавочного труда и прибавочной стоимости, «а опосредованным — через интеллектуализацию производства и экономию труда»[898].

В рамках теорий «человеческого капитала» сочинены соответствующие концепции «инвестиций в человека» и «производства человеческого капитала». Социальный смысл этих концепций сводится к тому, чтобы функции труда передать капиталу, что имеет своим назначением оправдание претензий капитала на прибыль. Выполняются и чисто идеологические задачи — доказать, что предприниматели, капиталистические фирмы и государство участвуют во вложениях в «человеческий капитал» и в его производстве на равных основаниях с носителями наёмного труда — трудящимися — и могут претендовать на свою долю от использования их производительных способностей.

Получается, что предприниматели вкладывают часть своего капитала (переменный капитал) в оплату труда наёмных работников, а последние той же заработной платой как своим капиталом инвестируют формирование своих созидательных способностей.

---

[897] Критский М. М. Человеческий капитал. Л., 1991. С. 116.

[898] Критский М. М. Человеческий капитал. Л., 1991. С. 89.

Что касается государства, то оно само из изъятого в бюджет созданного трудом прибавочного продукта инвестирует образование, здравоохранение и тем самым вносит свой «вклад» в человеческий капитал.

Дело, однако, в том, что из этих инвестиций, согласно закону стоимости, дополнительного капитала не получить, они лишь возмещают издержки воспроизводства рабочей силы. Так, заработная плата является лишь эквивалентом стоимости рабочей силы, но не является ни для рабочего, ни для капиталиста источником накопления капитала. Точно так же часть предпринимательского дохода, используемого капиталистами в качестве своих жизненных средств, тоже не увеличивает их капитал и не считается вложением в их «человеческий капитал». Вложения же в рабочую силу ими приветствуются, даже ценой воздержания от излишнего потребления, ибо из труда они извлекают капитал.

В действительности же всё то, что считается инвестированием или вложением в человека, имеет своим источником труд. Идёт ли речь о вложениях капитала со стороны предпринимателей, или со стороны государства, все они извлекаются из прибавочного продукта, созданного трудом. Ещё в большей мере это относится к созидательным способностям работников. Их формирование и развитие инвестируется самим трудом. Так называемые «капитальные вложения» — это, в конечном счёте, вложения труда, инвестирование труда трудом. То, что общество (государство) или предприниматели вкладывают в сферу образования, здравоохранения, культуры в итоге тоже берётся из прибавочного продукта труда.

К сожалению, труд чаще всего лишается инвестиционных функций, миром экономики правят капитал и земельная рента, а вовсе не труд. Инвестировать вроде бы могут только их владельцы посредством банков, денег и т. п. Спрашивается, кто же инвестировал строительство громадных пирамид в Древнем Египте? Банков и денег там ещё не было. Но были дополнительные рабочие руки и дополнительный по отношению к существовавшему хозяйству рабский труд. Он и служил инвестициями в строительство пирамид.

В теориях «человеческого капитала» инвестициями в человека дело не заканчивается. Вслед за вложениями в человеческий

капитал должно наступить ещё и его производство, производимый капитал здесь опять-таки понимается в переносном значении — как производительные способности работника, т. е. метафора принимается за подлинный смысл категории «капитал». В этом случае ничего другого не остаётся, как признание того, что данный «капитал» является результатом труда самого работника, т. е. приходится ввести в игру сам труд.

Вопрос здесь, однако, в том, как в данном случае понимать сам труд — как созидателя стоимости или созидателя потребительной стоимости рабочей силы. Поскольку речь идёт о производстве капитала, хотя и «человеческого», то этим результатом должна быть стоимость, а производство человеческого капитала — производством стоимости рабочей силы как товара. В этом случае стоимость воспроизводства рабочей силы (заработная плата) будет эквивалентной издержкам, а «производство человеческого капитала» не будет производством действительного капитала, т. е. прибавочной стоимости.

Остаётся один выход: связать производство созидательных способностей человека с трудом, производящим и воспроизводящим не капитал, а потребительную стоимость рабочей силы. Тогда результатом производства и воспроизводства будет выступать уже не капитал, а сам человек как главная производительная сила общества. В этом качестве он и созидает настоящий капитал (прибавочную стоимость), но для капиталиста.

В теориях информационного общества, предлагаемого вместо общества труда, обычно производство знаний и информации объявляется исходной основой, обеспечивающей жизнь обществу. Главным в этом обществе фигурирует уже «интеллектуальный капитал».

Чтобы соответствовать понятию капитала, интеллектуальные силы наёмного умственного труда обычно выводятся из-под подчинения господствующему реальному капиталу, из них делается самостоятельный интеллектуальный капитал, принадлежащий самим работникам умственного труда. Если способностям к труду рабочих, их рабочей силе отказывают в свойстве быть неотчуждаемыми, то такая же способность к труду интеллигенции наделяется исключительным, неотчуждаемым её достоянием. Соответственно, предполагается, что эксплуатация умственного труда

со стороны капитала исчезает, работники умственного труда сами становятся субъектами своего интеллектуального капитала. Они возводятся в ранг исключительных собственников результатов своей духовной деятельности, не подлежащей отчуждению.

Каким же образом конструируется «интеллектуальный» капитал? Это делается по тем же рецептам, как и человеческий капитал, и выглядит довольно просто: сначала на обычный процесс умственной деятельности накладывается механизм производства стоимости — на одной стороне оказывается сама деятельность, её затраты, на другой — её результат в виде знаний, информации, трактуемых как стоимость. Затем к этому результату добавляют нечто подобное прибавочной стоимости и её формам — прибыль, процент или рента.

Для авторов, которые знания и информацию считают стоимостью, признание интеллектуального капитала не составляет никакой проблемы. Для экономистов, не согласных с утверждением о стоимости знаний, возникают определённые трудности: они вынуждены потребительную стоимость (полезность) знаний, информации отождествлять с интеллектуальным капиталом. Так, например, М. М. Критский, с одной стороны, утверждает, что «информация — это не затраты труда, не стоимость, а потребительная стоимость», а с другой — полагает, что «передача информации носит характер особого кредитного отношения» и что мнение о бесплатности идей в условиях товарно-денежных отношений себя не оправдало. Движение интеллектуального капитала он связывает с получением дополнительного дохода или в форме процента, или ренты на природную одарённость[899].

Отечественные авторы чаще всего следуют фантастическим суждениям Т. Сакайя о стоимости, созданной знанием, и об обществе, основанном на знаниях. Согласно этим суждениям, стоимость, представленная знанием или информацией, уже не имеет никакого, даже косвенного отношения к затратам её производства. Труд выводится из игры как источник прибавочной стоимости. Всё это связывается с наступлением постматериалистической ориентации в экономике и переходом на позиции

[899] Критский М. М. Человеческий капитал. Л., 1991. С. 103, 104, 105, 111.

субъективизма, базирующегося на разуме отдельного человека и субъективизированных стоимостях. Общество, соответственно, уже вступает в новый этап цивилизации, где движущей силой являются стоимости, создаваемые знанием. Это будет общество, базирующееся на знанием создаваемых стоимостях[900].

Ещё раз напомним приведённую Т. Сакайя в качестве примера ситуацию, когда галстук фирмы «Гермес» стоимостью в 20 тыс. иен превышает стоимость такого же и из того же материала сшитого обычного галстука на 16 тыс. иен. Считается, что стоимость галстука фирмы «Гермес» в отличие от стоимости обычного галстука (4 тыс. иен) и есть знанием созданная стоимость. По аналогии можно сказать, что недавно приобретённая нашим Эрмитажем от предпринимателя Потанина картина «Черный квадрат» Малевича стоимостью в 1 млн долларов тоже есть результат не спекулятивных сделок, а вложенного в неё знания или информации об эстетических свойствах квадрата или черной краски. Вполне возможно, что ночной горшок императора Николая Второго (Святого) будет тоже продаваться на аукционе в 1 тыс. долларов как созданная знанием стоимость. Верно, конечно, что «такое изделие является носителем ценности, выходящей за пределы расходов, связанных с его изготовлением».

Что же представляют собой эти ценности?

Они содержатся уже в том обстоятельстве, что, например, при покупке галстука данной фирмы покупатель абсолютно убеждён, что имидж этой продукции признан высококлассным, а её непревзойдённый дизайн будет служить отражением коллективной мудрости тех, кто так или иначе связан с фирмой, изготовившей эту продукцию. Другими словами, созданной знанием стоимостью обладает фирменное название, а поступок покупателя, который приобрёл продукцию, отражающую накопленную «мудрость» её изготовителей, признаётся разумным[901]. Эти слова могут быть отнесены как к «Черному квадрату» Малевича, так и к ночному горшку императора. Хорошим будет общество, основанное на такого рода стоимостях!

---

[900] Сакайя Т. Стоимость, создаваемая знанием, или история будущего // Новая постиндустриальная волна на Западе. С. 348.

[901] Там же.

В отечественной литературе в своё время теории «человеческого капитала» и «инвестиций в человека» подверглись серьёзному критическому анализу. Имеются в виду прежде всего работы В. С. Гойло, в которых с глубоким знанием дела раскрывается апологетический и вульгаризаторский характер подобных концепций[902]. Они далеко не новы, как хотят изобразить их почитатели. К. Маркс ещё в 1844 г. отмечал попытки буржуазных экономистов подобным методом устанавливать единство труда и капитала, утверждая, что: «1) капитал есть накопленный труд; 2) назначение капитала в самом производстве... состоит в производительном труде; 3) рабочий есть капитал; 4) заработная плата принадлежит к издержкам капитала; 5) по отношению к рабочему труд есть воспроизводство его жизненного капитала; 6) по отношению к капиталисту он есть момент деятельности его капитала. И, наконец, 7) политэконом исходит из предположения о первоначальном единстве того и другого как единстве капиталиста и рабочего»[903].

Можно понять тех современных отечественных авторов, которые перешли на службу капиталу и вместо труда преклоняются перед капиталом. Трудно, однако, объяснить, почему на эти позиции переходят защитники социализма. Достижение первоочередных целей, пишет, например, Е. Волобуев, в дальнейшем продвижении к коммунизму теперь вроде бы зависит в основном от нашего понимания элементарных экономических категорий, от понимания общественного, коммунистического характера современного государственного капитала (!), современной системы денежного обращения. Автор призывает вернуть «наш» коммунистический, государственный капитал трудовому народу и упрекает коммунистов за то, что они сегодня не стремятся передать этот капитал народу[904]. В прошлом же они, мол, упорствовали на распределении по труду, хотя труд нельзя было ни правильно учитывать, ни определять, сколько за него платить. В общем, и у этого автора на первом месте фигурирует капитал, но уже «коммунистический».

---

902 Гойло В. С. Современные буржуазные теории воспроизводства рабочей силы (Критический очерк). М., 1975.

903 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42. С. 134.

904 Ленинградский вестник. Апрель 2002. № 5.

§ 2. Умственный труд вместо интеллектуального капитала

Информационное общество, призванное заменить индустриальное, должно иметь своим основанием, как утверждают его предсказатели, интеллектуальный капитал в виде информации и знаний. Последние становятся определяющим фактором производства стоимости, отодвигая на задний план известные факторы производства — обычный капитал, землю и труд. Стоимость, в свою очередь, будет иметь своим источником не труд, а знания, вырастающие из информационно-коммуникативной деятельности.

Стоимость, созданная знанием или информацией, обычно выводится из-под действия законов, сформулированных в трудовой теории стоимости. Делается это под тем предлогом, что издержки такого производства из-за своей малой величины не соответствуют громадной величине созданной знанием стоимости. В творческой работе между затратами знаний на входе и объёмом знаний на выходе тоже нет значимого экономического соответствия, поэтому мерилом эффекта здесь не могут служить затраты. Согласно этому утверждается, что разработка универсальной концепции, аналогичной трудовой теории стоимости, применительно к созданной знанием стоимости, невозможна. Понесённые производителем знаний расходы в своей основе не имеют никакого отношения к стоимости созданного знанием продукта. В этом заключено фундаментальное отличие производимых знанием стоимостей от стоимости материальных товаров и услуг. Что же касается цены созданного знанием продукта, когда отсутствует всякая связь с издержками, то она устанавливается потребителями в зависимости от их субъективных предпочтений, а также ощущений, что такая цена «правильна»[905].

Эту мысль неоднократно повторяет В. Л. Иноземцев: в индустриальном, а затем в постэкономическом обществе, в котором издержки по созданию того или иного блага перестают быть значимым фактором, главная роль в определении ценности продукта закрепляется за полезностными оценками. Вместе с тем

---

[905] Сакайя Т. Стоимость, созданная трудом или история будущего // Новая постиндустриальная волна на Западе. С. 362–363.

он из этого делает вывод о подрыве фундаментальных основ традиционных стоимостных оценок. В той мере, в какой труд физический превратится в труд умственный и первый заменится вторым, труд уже не сможет служить источником стоимости[906].

В условиях современной рыночной экономики, когда всё превращается в товар, отказываться от стоимости бессмысленно, если даже речь идёт о её превращённых, ложных формах. В этой ситуации приходится принять одно их трёх возможных решений: а) отказаться от понятия стоимости, если речь идёт о создании знанием другого знания (интеллектуального капитала); б) подвести участие умственного труда в создании подобной стоимости под законы трудовой теории стоимости, имея в виду взаимодействие умственного и физического труда в производстве стоимости; в) решить проблемы будущего науки на основе трудовой теории потребительной стоимости.

Решение проблемы в современных условиях заключается не в отрицании роли материального производства и физического труда, а в правильном понимании их взаимодействия с духовным производством, в том числе производством знаний и производством материальной продукции при помощи знаний и науки. Знания становятся фактором производства не потому, что возникает самостоятельная отрасль экономического производства — духовное производство со способностью самостоятельно создавать экономически значимый стоимостной результат (стоимость, прибавочную стоимость), а потому, что они вторгаются в материальное производство и участвуют в создании экономически значимого продукта материального производства.

Соответственно, экономическое производство знаний следует изучать, опираясь на существующую методологию анализа общественного производства[907]. Аксиомой является то положение, что материальное производство определяет уровень развития образования и создаёт экономическую основу для осуществления умственной деятельности, как научной, так и образовательной. Во-первых, экономика во многом определяет состояние развития

---

906 Иноземцев В. Л. За пределами экономического общества. М., 1998. С. 130.

907 Ельмеев В. Я. Основы экономики науки. Политико-экономический аспект. М., 1977. С. 76.

познавательной деятельности, во-вторых, она создаёт определённый жизненный фонд для деятелей науки и системы образования. Наука и образовательная деятельность возникли, существуют и функционируют на основе создаваемого материальным производством прибавочного продукта.

Кризис современного производства, например, не позволяет выделять достаточные средства для науки и образования. Девяностые годы прошлого века в России были отмечены остановками предприятий и отдельных производств, увеличением числа убыточных предприятий, снижением налогооблагаемой базы и т. д. Основные макроэкономические показатели России (объём производства, реальная зарплата и др.) уменьшились в четыре раза. По уровню промышленного развития страна была отброшена в 50-е годы. Это не могло не отразиться на уровне развития образования. С 1980 по 2000 г. количество студентов в России сократилось на 550 тыс. человек; уровень образованности нации снизился с 10,4 до 9,6 лет; число студентов высших учебных заведений, приходящееся на 10 тыс. населения, упало с 216 в 1980 г. до 172 в 1997 г.

Чтобы экономически объяснить производство знаний, нужно его рассматривать, как уже подчёркивалось, в качестве результата процесса распредмечивания продукта материального производства. Одной из основных форм, в которых выступает распредмеченный продукт материального производства в духовной сфере, является деятельность по обучению членов общества, т. е. образовательная деятельность, или производство и воспроизводство знаний. В то же время в продукте материального производства уже воплощён прошлый человеческий труд, который (продукт) потребляется для обеспечения деятельности учёного, исследователя и т. д. Чтобы правильно понять процесс превращения результатов материального производства в явления духовной жизни, необходимо представить процесс производства знаний, научное творчество одной из форм развития человека и общества и рассмотреть его вместе с воспроизводством человека и общества. В этом случае духовно развитый, образованный человек предстаёт не только результатом собственной образовательной деятельности, но и превращённым результатом материального производства. К такому выводу можно прийти лишь при условии, если

само материальное производство не будет сведено к производству вещей, а будет представлено и как производство и воспроизводство человека. Речь идёт, однако, о действительном развитии личности, когда его мерой будет не овеществлённый в продукте труд (наоборот, его масса должна зависеть от спектра и количества человеческих потребностей), а экономия труда.

Механизм превращения результатов материального производства в явления интеллектуальной деятельности не нуждается в стоимостном обосновании. Производство знаний в своём сущностном аспекте является преобразованием результатов материального производства, взятых в их потребительных свойствах. Благодаря прогрессивному развитию производительных сил материального производства происходит сокращение рабочего и увеличение свободного времени общества. Это время обществом отводится для производства знания и осуществления научной и образовательной деятельности.

Наука и образование являются той основательной формой богатства, которая имеет форму как практического, так и идеального богатства. По Марксу, развитие науки, этого идеального и вместе с тем практического богатства, является лишь одной из сторон, одной из форм, в которых выступает развитие производительных сил человека, т. е. развитие богатства[908].

Стало быть, развитие науки является лишь одной из сторон, одной из форм, в которой выступает развитие производительных сил самого человека. Разнообразные виды научной и образовательной деятельности являются различными гранями и сторонами, многообразными формами, в которых выступает развитие производительных сил человека. Поскольку человек составляет главное общественное богатство, постольку образовательная деятельность и её результаты (образовательные блага) являются формами этого богатства.

Вещественные блага, составляя фонд материальных жизненных средств, выступают условием развития человека как общественного богатства. Посредством этого создаётся не только возможность образовательной деятельности, но и воспроизводство всей человеческой сущности, в том числе и его способности к труду

[908] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 33.

по производству знаний. В этом смысле через потребление материальные блага вновь способны превращаться в труд как своё субстанциональное состояние, в том числе и в образовательную деятельность. Поэтому мир материального богатства образует лишь условие для собственного осуществления человека, творящего духовно и осуществляющего научную, образовательную и прочую деятельность. Рабочее время здесь становится уже недостаточным показателем для измерения результата, ибо научная деятельность реализуется в свободное время общества. Следовательно, именно оно и должно выступать в качестве измерителя научной деятельности и её результатов. Это качественно новый уровень экономического и социального развития самого общества: переход от такого состояния общества, когда величиной измерения его богатства выступает рабочее время, к обществу, величиной измерения которого становится свободное время. Затраты на производство знаний — это затраты труда и свободного времени. Определённое соотношение массы свободного времени, затрачиваемого на производство знаний, и рабочего времени будет показателем уровня развития общества в отношении производства и воспроизводства знаний. В расширении свободного времени общества состоит способ развития образования и образованного человека.

Свободное время, хотя и связано с рабочим, своё собственное содержание не исчерпывает последним. Оно является социальной основой для осуществления собственно образовательной деятельности. Поскольку потребление образовательных благ, связанное с образовательным развитием индивидов, входит в пространство свободного времени общества, то, стало быть, чем больше объём свободного времени общества, тем шире масштабы образовательной деятельности (образовательного времени), служащей развитию человека и формированию его способностей.

Образование имеет социальную силу, которую можно выразить временем, отводимым обществом на образование, увеличение образовательного времени тождественно его развитию как духовного общественного блага. Причём формы проявления этой социальной силы образования могут быть представлены, во-первых, как увеличение массы свободного времени, затрачиваемого на осуществление профессиональной образовательной деятельности вполне определённой группы лиц, и, во-вторых, расширение

объёма свободного времени, затрачиваемого на разнообразную образовательную деятельность остальной части общества, т. е. теми людьми, которые не занимаются образованием профессионально, иными словами, потребляют образовательные блага. Поэтому более конкретно можно говорить о социальной силе образования как о развитии духовного облика человека: результатом образования выступает не просто знание, но и следствие его потребления — образованный и развитый человек.

Социальная сила образования может являть себя и в другом. В экономии рабочего времени состоит смысл роста производительной силы труда. Но тем самым создаётся основа и для дальнейшего производства свободного времени общества и увеличение его образовательной (социальной) силы. Таким образом, не только движение производительной силы труда способно обеспечить рост свободного времени, но и образовательное время влияет на продуктивность труда.

Эта сторона диалектики движения производительной силы общества свидетельствует, что социальный эффект образования проявляется в развитии производительных сил, а также в повышении соответствующего качества личности. Образование выступает и как средство развития человека, и как духовная форма его производительных сил, в которых материальный продукт производства модифицируется в духовное благо, а духовное благо — в материальный продукт и духовные свойства личности.

Знание, взятое само по себе и распространяемое через системы образования посредством коммуникационных технологий, не упраздняет товарно-стоимостной характер производства материальных благ в условиях рыночной экономики и его нацеленность на получение прибыли. Резкие колебания цен на уникальные товары, использующие новейшие знания и специальные технологии, сами по себе не отменяют меновые отношения. Денежная цена как таковая есть всеобщее выражение меновой стоимости, а всякая единичная цена — её то или иное особенное выражение. Источником прибавочной стоимости в товаре выступает не знание как таковое, а неоплаченный труд, использующий данное знание. Знания не имеют значения действительной основы стоимости, но они способны повлиять на конкурентоспособность товара. Это объясняется социально-экономической

определённостью и общественной ролью знания как духовной производительной силы общества, той объективной способностью знания в процессе собственной реализации в живом труде создавать продукт, который своей полезностью многомерно превышает затраты на его производство. Затраты на производство нового знания оказываются несопоставимы с результатами его применения: весьма незначительные затраты нередко приводят к рождению огромной силы новых знаний об окружающем мире.

Другой аспект воздействия знаний на экономическое развитие — это их влияние на производительность труда и его продукт в качестве потребительной стоимости. Образование является решающим фактором роста производительности труда, который представляется как экономия общественного труда. Роль науки и образования для развития общественного производства была отмечена ещё классиками марксизма: «Природа, — писал К. Маркс, — не строит ни машин, ни локомотивов, ни железных дорог и т. д. Всё это — созданные человеческой рукой органы человеческого мозга, овеществлённая сила знания»[909]. Техника рассматривается как овеществлённая сила знания, как превращённая форма науки, а размеры и эффективность средств производства ставятся в зависимость от науки. Проявлениями воздействия науки на производство являются экономия труда. Так, экономия общественного труда за счёт применения науки составила в период 1951–1975 гг. 823,5 млн условно высвобожденных работников при среднем высвобождении за пятилетие в размере 164,7 млн человек с тенденцией к росту. Более высокая доля прироста экономии общественного труда, полученного за счёт применения науки в производстве, во всём приросте экономии общественного труда может быть интерпретирована как следствие научно-технического развития[910]. Открытия в науке и их реализация вызывают изменения в общей сумме производительных сил. Данные оценки доли науки в изменении производительности труда являются свидетельством огромной значимости науки для развития общественного производства, подтверждают

---

[909] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 215.

[910] Нефёдов Е. М., Переверзева Т. А. Роль науки в повышении производительности труда. Л., 1979. С. 9.

её действенное функционирование в качестве усилителя факторов роста производительности труда.

Поскольку полезный эффект научной деятельности, производящей новые знания, неэквивалентен общественно необходимым затратам, а стоимостной парадигме присущи недостатки в объяснении научной деятельности и природы знания, то в качестве основного инструмента анализа предлагается рассматривать потребительностоимостной подход. «Разрешение противоречия между трудом как источником стоимости и трудом как создателем потребительной стоимости здесь (в новой парадигме) осуществляется в рамках одной и той же сущности труда: с развитием общества происходит отрицание господства затрат непосредственного труда (стоимости), т. е. затратной стороны труда, и превращение результатной стороны (потребительной стоимости) в господствующее начало»[911]. Приоритетность этого подхода определяется тем, что полезный эффект научной деятельности, производящей новые знания, неэквивалентен общественно необходимым затратам, что соответствует требованиям закона потребительной стоимости. Непроизводственной (образовательной) деятельностью, основанной на реализации произведённого в сфере материального производства продукта, создаётся новая потребительная, но не меновая, стоимость в виде разного рода общественных (в частности, образовательных) благ и воспроизводится самое главное — человеческая жизнь. «Трудовая теория потребительной стоимости является специфической формой существования производственных отношений, имеющей дело с воспроизводством самого человека и, следовательно, отношений людей по поводу собственного воспроизводства в качестве развитых личностей»[912]. Более того, превосходство результата по своей полезности (потребительной стоимости) над затратами труда на его достижение, составляет смысл и назначение человеческой деятельности и всего развития общества.

Сфера интеллектуального производства направлена на совершенствование сферы материального производства, т. е. имеет своей

---

911 Ельмеев В. Я. Трудовая теория потребительной стоимости – новая парадигма экономической науки. СПб., 1996. С. 5.

912 Долгов В. Г., Ельмеев В. Я., Попов М. В. Выбор нового курса. М., 1991. С. 83.

конечной целью новые технологии и рекомендации по оптимизации производства, через которые знания воплощаются в продукте труда (в увеличении объёмов производства, повышении качества продукции и т. п.). Таким образом, эти виды деятельности являются также производительными и в этом смысле материальными.

Информационное общество, как уже отмечалось, базируется, по мнению его апологетов, исключительно на интеллектуальном капитале, а последний — на знаниях, создающих этот капитал. Что касается обычного труда, производящего жизненные средства, то ему в этом обществе уготовлено самое ничтожное место или даже «смерть». Обычно не задумываются над вопросом — чем создаётся сама возможность заниматься умственной деятельностью для тех, кто не создаёт себе фонда жизненных средств, необходимых для обеспечения своего существования.

Очевидно, что для этого нужен труд, создающий жизненные средства. Проблема, соответственно, сводится к тому, чтобы этот труд сделать творческим, ареной применения сил науки и новой техники. Для этого нужны не просто знания, но и определённые социально-экономические условия. Главное из них — это превратить труд из способа производства стоимости в труд, производящий только потребительную стоимость. Дело в том, что инновационная, творческая сила труда — дать в результатах больше, чем его затрачивается — обнаруживается лишь тогда, когда его результатом выступает не стоимость, а потребительная стоимость.

Когда речь идёт о труде, производящем стоимость, последняя не может превосходить соответствующие общественно необходимые затраты на её производство. Этого нельзя допустить по закону стоимости, ибо одно и то же количество общественно необходимого труда всегда создаёт одну и ту же величину стоимости. Соответственно, в этом аспекте об инновационной сущности труда говорить нельзя, что могло служить основанием для отрицания значимости обычного труда и его созидательной роли.

С позиции стоимости невозможно объяснить, что труд создаёт излишек. К. Маркс не согласился с тезисом Прудона, что «всякий труд даёт некоторый излишек», ибо это даёт повод прибавочную стоимость выводить не из прибавочного труда, совершаемого в прибавочное время, а из самого свойства труда производить стоимость. В этом случае, отмечал К. Маркс, труд и прибавочная

стоимость неизбежно мистифицируются. «То обстоятельство, что рабочие работают сверх необходимого труда, Прудон превращает в некое мистическое свойство труда. Одним только ростом производительной силы труда этого не объяснить; этот рост может увеличить количество продуктов, производимых в течение определённого рабочего времени, но не может придать им никакой прибавочной стоимости»[913].

Чтобы обосновать инновационную сущность труда, необходимо иметь в виду эту его сторону — его определение как созидателя потребительной стоимости, что ведёт к преобразованию существующего общества.

Глава 26. От общества гражданского к обществу человеческому

§ 1. Гражданское общество и суверенитет народа

В последнее время у нас стало модным подражать Западу — обращаться к проблемам гражданского общества: собираются форумы, проводятся конференции, в которых выдвигается задача построить в стране гражданское общество, хотя уже принят Гражданский кодекс, выражающий и закрепляющий функционирование этого самого гражданского общества и его институтов. Казалось бы, достаточно извлечь из Гражданского кодекса его социально-экономическое содержание, чтобы получить характеристику существующего гражданского общества. Однако этого не делают. Обычно понятие гражданского общества используется для того, чтобы им прикрыть реставрируемое у нас капиталистическое общество, название которого не устраивает не только наших правящих кругов, но и представителей мирового капитализма. Те и другие предпочитают называть себя странами с «рыночной экономикой», гражданским обществом.

Что касается гражданского общества, то одни из его защитников готовы объявить строительство такого общества чуть ли не национальной идеей России, другие полагают, что гражданское

---

913 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. С. 143.

общество — это универсальное понятие, его концепция является одной и той же для всего мира. России остаётся лишь усвоить эту концепцию. В действительности, гражданское общество как в историческом плане, так и в современной России было и остаётся буржуазным (капиталистическим) обществом. Прав В. А. Тюлькин, заявивший на «Гражданском Форуме» в С. -Петербурге: «теория формирования так называемого гражданского общества как института, уравновешивающего, дополняющего и очеловечивающего капиталистическое государство, относится к категории примочек, румян и косметических кремов, не устраняющих язв капитализма»[914].

В отечественной литературе, даже у авторитетных авторов, гражданское общество рисуется как особая общественно-экономическая формация, основанная уже не на том или ином способе производства, а на вневременных ценностях свободы и справедливости, присущих человеческой природе как таковой. «Сущность гражданского общества, — пишет В. Г. Марахов, — раскрывается в его ценностях. Таких ценностей несколько. Но решающих, поскольку они затрагивают всех членов общества и делают их гражданами, — две. Это ценности свободы и ценности справедливости»[915]. Автор, однако, не забывает и экономических оснований гражданского общества — это товарно-денежные отношения, отношения стоимости, которые он тоже относит к ценностям, образующим некий социальный пространственно-временной континуум[916]. В итоге, капитализм в его современной либеральной маске, т. е. без ценностей социального равенства, подгоняется под более замаскированное название «гражданское общество».

Для России оно выглядит как продолжение нэпа, создавшего экономическую среду для действия закона стоимости. В отличие от этого своего прошлого, гражданское общество будущего может возникнуть, как полагает В. Г. Марахов, и в обход закона стоимости, предполагающего равенство причины и следствия, и даже

---

914 Гражданский Форум. Вып. 2. СПб., 2002. С. 150.

915 Марахов В. Г. Стратегия и тактика формирования гражданского общества в России // Гражданское общество России: Стратегия и тактика формирования / Под. ред. В. Г. Марахова. СПб., 2001. С. 5.

916 Там же.

в обход всякого закона, т. е. на основе чистой случайности вместо необходимости (закона)[917]. Социальной средой для такой возможности предполагается переход от физического труда к информации, взятой из соответствующих концепций информационного общества. Автор отказывает способу производства определять судьбы гражданского общества, сваливая вину на азиатский способ производства, помешавший социализму встать на путь гражданского общества. Не хочет он связывать понятие гражданского общества и с развитием труда, в частности с преодолением отчуждения труда, которое не исчезает, а только меняет свой знак с минуса на плюс. Не случайно из споров о гражданском обществе выпали известные тезисы К. Маркса о том, что старый материализм ограничивается созерцанием отдельных индивидов в «гражданском обществе», что точкой зрения старого материализма остаётся «гражданское общество» с его отчуждением труда, в то время как точкой зрения нового материализма является обобществившееся человечество, или человеческое общество.

Со времён Гегеля под гражданским обществом, в отличие от политического общества, понимаются отношения людей, взятых в качестве частных лиц с их собственными целями, потребностями, родом занятий и имущественными отношениями на базе частной собственности. В этом своём качестве одни частные лица соотносятся с другими такими же лицами, а их взаимоотношения опосредствуются их принадлежностью к определённым общностям сословно-классового или корпоративного порядка. «В гражданском обществе, — писал Гегель, — каждый для себя цель, всё остальное для него ничто. Однако без соотношения с другими он не сможет достигнуть своих целей во всём их объёме: эти другие суть поэтому средства для цели особенного. Но особенная цель посредством соотношения с другими придаёт себе форму всеобщего и удовлетворяет себя, удовлетворяя вместе с тем стремление других к благу... Особенность, ограниченная всеобщностью, есть единственная мера, при помощи которой каждая особенность способствует своему благу»[918].

---

[917] Марахов В. Г. Стратегия и тактика формирования гражданского общества в России. С. 7.

[918] Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 228.

Очевидно, что в данном случае Гегель имел в виду социально-экономическую сторону жизни буржуазного общества, главным стержнем которого, его социально-экономическим основанием, выступает частная собственность, трактуемая как право владения, пользования и отчуждения.

Принцип индивидуализма, характерный для гражданского общества, предполагает индивидуальную частную собственность в качестве «наличного бытия личности» (Гегель). Но в силу того, что каждый индивид реализует свои частные интересы через отношения с другими такими же индивидами, через участие в определённых социальных группах, объединённых общим для данной группы интересом, то индивидуальные интересы для своего осуществления нуждаются в социальных коллективных объединениях.

Окончательное становление частной собственности и соответственно гражданского общества происходит в эпоху капитализма. Именно капиталистическая социально-экономическая система с её требованием личной (гражданской) свободы человека становится стержнем гражданского общества.

Основу капитализма как социально-экономического уклада хозяйства составляет, как известно, частная собственность на капитал, экономическую форму которого приобретают средства производства. Поэтому социальная структура капитализма представлена двумя основными классами: собственниками средств производства (капитала) — буржуазией и пролетариатом, который, будучи лично свободным, но лишённым своих средств производства, остаётся лишь собственником своей рабочей силы. Формальное равенство перед законом в данном случае лишь определяет и гарантирует возможность для каждого быть частным собственником, но то, каким образом реализуется эта возможность, выходит за рамки данной гарантии. В экономической сфере реализация возможностей всех стать частными собственниками приводит к конфликтам частных интересов, которые принимают форму борьбы за наиболее выгодные условия производства и сбыта товаров, т. е. форму капиталистической (свободной) конкуренции как объективного закона товарного производства. Поэтому свободная конкуренция является неотъемлемой характеристикой функционирования гражданского общества.

Примат частного интереса и конкурентной борьбы выдвигают на первый план экономического пространства гражданского общества личность предпринимателя. Впервые о необходимости изучения этого феномена было заявлено в рамках классической политической экономии, где предпринимателем считался собственник капитала, который сам организует своё дело и управляет им.

Между тем все не могут быть предпринимателями и частными собственниками. Капиталистический уклад хозяйства, основанный на развитом общественном разделении труда, кроме предпринимателя требует живой труд, т. е. труд непосредственного производителя, без которого невозможно существование капиталистической хозяйственной системы. Институт предпринимательства сопровождается и дополняется институтом наёмного труда, форму которого принимает труд в гражданском обществе. Поэтому непременное условие реализации принципов гражданского общества — это законодательное закрепление и гарантия свободной продажи труда и свободного распоряжения своей способностью к труду, т. е. продажи своей рабочей силы, но для наёмных работников, а не работодателей. Реализация права обладания частной собственностью как принадлежностью либо к частным собственникам средств производства, либо к собственникам своей способности к труду означает, что именно экономические критерии становятся главными критериями формирования социальной структуры капиталистического общества.

В настоящее время у нас в стране проблемы становления гражданского общества возникают в связи с практикой социально-экономических реформ, направленных на тотальное разгосударствление экономики. Исходя из приведённых характеристик гражданского общества, можно сказать, что оно уже получило законодательное, конституционное оформление своих экономических основ. Прежде всего, принципиальное значение имеют закреплённые в Конституции РФ права частной собственности и государственная гарантия свободы деятельности обособленных экономических агентов. Данное положение содержится в действующей Конституции РФ в ст. 8 п. 2: «В Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности»; в ст. 9 п. 2: «Земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной,

государственной, муниципальной и иных формах собственности»; в ст. 35 п. 1: «Право частной собственности охраняется законом»; в ст. 36 п. 1: «Граждане и их объединения вправе иметь в частной собственности землю». Свобода экономической деятельности и конкуренции как другое необходимое экономическое условие закрепляются ст. 8 п. 1: «В Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности». Свобода быть наёмной рабочей силой фиксируется в ст. 8 п. 1 и в ст. 37 п. 1: «Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию».

Более конкретно правовая характеристика гражданского общества раскрывается в Гражданском кодексе РФ, в котором осуществлено юридическое закрепление основополагающих социально-экономических отношений, реализующих принципы и требования гражданского общества. Наиболее подробно определяется предпринимательство, которое (ст. 2 п. 1) выступает основным объектом регулирования гражданским законодательством: «Гражданское законодательство регулирует отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность или с их участием, исходя из того, что предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке». Практически вся система норм Гражданского кодекса направлена на регламентацию предпринимательской деятельности.

Конкуренция упоминается лишь в ст. 10 п. 1: «Не допускается использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке». Её регулирование выходит за рамки Гражданского кодекса и осуществляется посредством специального антимонопольного законодательства. Институт свободного наёмного труда тоже закреплён в действующем Гражданском кодексе, хотя более детальную регламентацию отношений в сфере наёмного труда можно найти в трудовом законодательстве.

Действующий в настоящее время Гражданский кодекс представляет собой кодекс, обслуживающий жизнедеятельность гражданского общества и проводящий в жизнь его требования и принципы, а значит сложившееся у нас в стране на текущий момент общество и по состоянию экономики, и по сформировавшейся социальной структуре можно охарактеризовать как гражданское.

При обсуждении проблемы соотношения прав социальных общностей и отдельного человека встречаются две противоположные концепции. Одни авторы стоят на позиции безусловного приоритета отдельного индивида, самоценности и самодостаточности личности, что обычно связывается с главной чертой западной цивилизации — индивидуализмом. Другие защищают первенство коллективного субъекта — общества, что служит обоснованию общинности, соборности, приоритета общих интересов и что характерно для отечественной цивилизации. В системе этих двух парадигм общество и индивид предстают как две противоположные сущности, противостояние которых не удаётся преодолеть ни в теории, ни в практике. В настоящее время перекос в сторону самоценности и самодостаточности отдельного индивида становится всё более очевидным: все международные акты, конституции разных стран охотно провозглашают права и свободы отдельного человека и почти совсем обходят права народа и других социальных общностей.

Как общество в целом, так и различные формы социальных общностей (народы, нации, классы, трудовые коллективы), до сих пор не имеют или почти не имеют соответствующих их социальному статусу прав. Между тем войны и другие большие социальные конфликты возникают не по поводу нарушения прав отдельной личности, а из-за непризнания прав народов, наций, классов и других общностей. Достаточно напомнить, что для защиты прав русского народа (а не отдельных русских) как в самой России, так и в странах СНГ нет ни одного международного документа, не говоря уже о существующей Конституции России. В ней правам и свободам отдельного человека отведена целая глава из 48 статей, а народу одна статья, где сначала народ объявляется носителем суверенитета (неизвестно кого или чего), а вернее суверенитета не своего, а власти, а затем освобождается от этой

функции, поскольку там же утверждается, что «никто не может присваивать власть в Российской Федерации» (ст. 3). Т. е. и сам народ не может присваивать вроде бы свою власть, источником которой он вроде бы является.

С принятием ныне действующей Конституции народы России лишились права верховного собственника. Общенародная собственность, лежавшая в основе единения народа, была устранена. Не допускается существование общей собственности у самоуправляющихся трудовых коллективов, насчитывающих более 50 человек. Согласно Гражданскому кодексу общая собственность возникает при поступлении имущества в собственность двух или нескольких лиц, т. е. общей собственностью может быть имущество, находящееся в собственности лишь нескольких лиц.

Народ по существу лишился прав на власть, рабочие и крестьяне уже не представлены в законодательном органе России, в государственных органах. Народ не имеет возможности присваивать власть, т. е. делать её своей. Его высшие властные функции сведены к участию или неучастию в выборах и референдумах, причём достаточно 20–25% участия. Результаты референдумов, да и выборов, как это случилось с референдумом по поводу сохранения СССР, не обязательны для власти. В этих условиях народ не может быть носителем собственного суверенитета.

Народы по существу лишены возможности самоопределения: это право, декларируемое формально, между прочим, отрицается суверенитетом федерации на всю её территорию и на её государственную целостность. О каком самоопределении русского народа может быть речь, если он не имеет ни своей собственной единой государственности, ни прав единого субъекта федерации. В этом отношении он не равноправен с другими народами, выступающими самостоятельными субъектами федерации. Вряд ли можно надеяться, что Псковская или Костромская области, Москва или Санкт-Петербург, да все вместе взятые области и края, смогут представлять единые интересы русского народа, они, скорее, представляют свои собственные региональные интересы, далёкие от общих интересов народа.

Не лучше обстоят дела с правами народов в международных правовых документах, особенно в их западных вариантах. Кое-что удалось сделать в области правовой защиты малых народов,

национальных меньшинств. Их права как коллективных образований сводятся к двум пунктам: к праву на защиту от деятельности, угрожающей их существованию, и к праву на самобытность. Большая же часть их фиксированных прав опять-таки сводится к правам отдельных лиц, т. е. подменяется правами отдельного человека.

Что же касается больших народов, то их права, декларируемые в «Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах» (1966), «Международном пакте о гражданских и политических правах» (1966) ограничиваются: а) правом на самоопределение, в силу которого они могут свободно устанавливать свой политический статус и обеспечивать своё экономическое, социальное и культурное развитие; б) правом свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами и не быть лишёнными принадлежащих им средств существования. Очевидно, что сами народы непосредственно эти права осуществлять не могут, эта обязанность возлагается на соответствующие государства, которые, в свою очередь, это осуществляют опять-таки через права отдельного человека. Отдельный человек и здесь выходит на первое место, а народ отодвигается на второй план.

По-другому и быть не может, ибо без признания собственности народа (общей собственности) на естественные богатства, ресурсы и средства существования, подобные права и право на своё свободное экономическое, социальное и культурное развитие народ осуществить не может, лишаясь при этом и возможности установить свой политический статус.

Под отрицание за социальной общностью (народом) самостоятельного статуса и возможностей его реализации в соответствующих правах подводится теоретическое обоснование, определённая концепция (и идеология), согласно которым реальным и самодостаточным существованием обладает только индивид. Что же касается общества и общественного целого, особенно их субстанциональности, то они лишаются этих своих свойств. Т. е. если, например, общественная собственность лишается своего основания в действительности, то ни о каком реальном праве собственности народа (общества в целом) на свою землю, естественные богатства и ресурсы речи быть не может. Без права общей собственности народ распоряжаться своими естественными богатствами тоже

не сможет. В то же время охотно признаётся ничем не ограниченное право индивида на свою собственность, т. е. право частной собственности, но только не право человека быть со-собственником общего достояния, иметь в нём свою долю для удовлетворения своих потребностей в совместных благах. Полагают, например, что если признать право каждого индивида на общественное богатство, скажем, на землю как на общее достояние, то каждый в качестве собственника исключает всех других, и общественная собственность становится невозможной, т. е. если всем, то никому в отдельности, а если каждому, то уже не всем. В итоге только частному лицу должна принадлежать собственность.

Конечно, если общество понимать формально-логически, как общий признак, не имеющий реального существования в единичном, или в виде чего-то особенного, то всякие общие состояния лишаются объективности. Пустым всеобщим является то, что свойственно всем, но само не является реально существующим явлением, не присутствует в отдельном (Гегель).

С этой номиналистической точки зрения и общество как таковое, и народ — это лишь имена, создания головы, понятия без реальности. Этим обстоятельством, т. е. отрицанием объективного существования общего, во многом объясняется отсутствие конституционно оформленных прав народа. Признаются лишь права, относящиеся к абстрактной личности. Что же касается прав, имеющих своим основанием субстанциональные отношения, характерные для общества и социальных общностей, в том числе и народа, то они исключаются из конституций и других правовых актов. Права личности как бы поглощают права общества, имеющие своей предпосылкой иные, отличные от оснований прав личности субстанциональные отношения.

Чтобы обессмыслить понятие общенародности и лишить отдельного человека права на общенародное достояние (если всем, то никому), приводится и другой теоретический аргумент — отрицается общественная сущность личности, т. е. существование общества и общественных отношений в качестве сущности человека, отвергается его определение как совокупности общественных отношений. Ведь в науке давно признано, что общее составляет основу бытия всех единичных явлений, что оно укоренено в единичном, как его сущность, что человек — существо

общественное по своей природе. Но многие социальные антропологи и «новые» социальные философы никак не хотят допустить применимость указанного общепринятого положения к человеку, полагая, что если признать общество образованием, в котором формируется сущность человека и в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности, то этим выводится сущность человека за пределы его личности и переносится вовне — в общество (общее), что вроде бы недопустимо.

Личность в праве, в конституции должна фигурировать со стороны своей социальной сущности, социальных, а не частных качеств: государственные функции — не что иное, как способы существования и действия социальных качеств человека, его общественной сути. Соответственно, суверенитет государства может быть только как суверенитет многих лиц, ибо отдельное, единичное лицо не сможет заполнить собой всю сферу бытия социальной сущности личности[919]. К. Маркс выявил непоследовательность и дуализм Гегеля, у которого народ и общество в качестве субстанции государства приобретают мистический характер (общество не рассматривается как действительная сущность действительного человека), а суверенитет государства сводится к личности государя (монарха). В результате абстрактная личность как субъект абстрактного частного права у Гегеля оказывается личностью государства в том же качестве абстрактной личности. Но в этом качестве суверенитет государя, по словам К. Маркса, может означать лишь произвол его воли («я так хочу», «государство — это я»). Глава государства может быть сувереном лишь постольку, поскольку в нём представлено единство народа, поскольку он сам только представитель суверенности народа, её символ. Суверенитет народа — не производное от суверенитета главы государства, наоборот, суверенитет последнего основан на суверенитете народа. В принципе же здесь не может быть дуализма: если суверенитет существует в государе, то нельзя говорить о противоположном суверенитете на стороне народа, ибо по своему понятию суверенитет не может иметь двойного, а тем более противоположного себе существования[920].

---

919 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1. С. 245.

920 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1. С. 248, 250.

Для обоснования социального статуса и суверенитета народа необходимо, во-первых, отказаться от противопоставления общества и индивида как двух самостоятельно существующих противоположных сущностей, особенно от превращения сущности индивида в самостоятельную, противоположную обществу сущность, придания индивиду определяющей роли по отношению к обществу в качестве абсолютного и фундаментального определения назначения отдельного человека. Общество и индивид не составляют двух противоположных сущностей, они различные, противоречивые стороны одной и той же сущности — общества людей, человеческого общества. К этому и сводится теоретическое решение вопроса. Что же касается их противопоставления как двух противоположных сущностей, то раз последние не могут быть одинаково действительными, т. е. дуализма сущности общества быть не может, то не могут быть истинными ни абсолютизация самодостаточности личности, ни превращение общества в существо вне людей. Индивид и общество как две стороны одной и той же сущности находят в последней своё определение согласно требованиям к такого рода понятиям, т. е. общество и есть то общее, которое образует сущность и является основанием существования как своих частей, так и себя как целого.

В этом отношении можно сослаться на авторитет Гегеля по решению им другого вопроса — вопроса о соотношении принципа особого лица и принципа всеобщего в гражданском обществе. Если настаивать на том, что каждый для себя есть цель, а всё остальное для него ничто, то эта цель без соотношения индивида с другими лицами как средствами недостижима. Отдельный человек вынужден вступать в отношения с другими и тем самым связывает себя с условиями всеобщности, которая становится почвой опосредствования деятельности всех особых лиц. В результате особенное лицо получает право на развитие всех своих сторон, а общество (всеобщее) — право выступать основанием существования особенного[921].

Важно, во-вторых, не сводить общество и социальные общности к сумме, к множеству составляющих их индивидов. Именно такое понимание общества (народа) служит основанием для отрицания

[921] Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 228–229.

за общностями (народами) специфических общих, коллективных прав и для редукции прав народа к правам человека. Права той или иной социальной общности (народа) возникают не из суммы прав составляющих её единиц и не из их одинаковости для всех индивидов, а из различённости, социально-генетической связи особенных лиц, из их принадлежности к единой субстанции, имеющей особую форму своего реального существования. На этой основе только и могут возникнуть права той или иной социальной общности, народа.

Такое решение вопроса в теории позволяет предположить и обосновать необходимость программы по выработке и реализации «Всеобщей декларации прав народов», аналогичной «Всеобщей декларации прав человека». В качестве критерия её разработки и эффективности можно было бы принять решение следующих вопросов:

а) в какой мере признаётся право народа (нации) владеть, пользоваться и распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами, т. е. право собственности народа на землю, право верховного собственника земли, на которой он проживает;

б) до какого уровня допускается самоопределение народа и самоопределение нации и какие ограничения допустимы в установлении народом (нацией) своего экономического, социального и политического статуса, развития своей культуры;

в) имеет ли народ способы непосредственного осуществления своего назначения как источника и основания государственной власти кроме участия в выборах и референдумах, является ли суверенитет народа единственным принципом, гарантирующим ему все права и свободы, или же возможны ограничения этого суверенитета;

г) возможен ли самостоятельный статус общечеловеческих (всечеловеческих) образований, имеет ли право на существование всемирное правительство и может ли человечество в целом служить для него основанием и источником его власти.

Можно ли надеяться, что разработанная с учётом этих критериев «Всемирная декларация прав народов» будет принята? Вряд ли западные страны на это пойдут. Они не откажутся от сведения прав народа к правам человека, а последних — к правам частного лица, частного собственника.

Другое дело — страны Востока. Им такая перспектива более подходит, и есть уже соответствующий опыт — это принятые «Алжирская всеобщая декларация прав народов» (1976), «Делийская декларация человеческих прав индивидов и народов» (1988). Россия с её многочисленными народами должна максимально поддерживать такие программы и активно участвовать в их осуществлении. Следует иметь в виду, что первым конституционным актом, принятым III Всероссийским съездом Советов в январе 1918 г., была «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», которая вошла в Конституцию Российской Социалистической Федеративной Советской Республики в виде её первого раздела. Согласно этой Конституции, народ приобрёл право собственности на землю, которая была объявлена общенародным достоянием. Национальным достоянием стали леса, недра, воды на территории России. Было признано равноправие народов и их право на самоопределение, вплоть до образования независимого государства. Вся власть передавалась трудящимся массам, рабочему населению, объединённому в Советах.

В последующих Конституциях СССР все эти права народов в основном сохранились, и лишь в действующей ныне Конституции они оказались урезанными. При разработке новой Конституции необходимо не только восстановить правовой статус народа, но и серьёзно его расширить и развить, особенно в части его практической реализации. С этих позиций должны оцениваться и предлагаемые проекты.

Общепризнанно, что Конституция 1993 г. абсолютизирует права отдельного лица, в том числе президента, в ущерб правам народа. Она начинается с утверждения прав отдельного индивида (ст. 2), которым затем отводится целая глава (гл. 2), состоящая из 47 статей (ст. 17–64). Что же касается прав народа, то они умещаются в одной статье (ст. 3), состоящей всего из четырёх пунктов и расположенной после исходной статьи о первенстве прав отдельного человека.

Новая Конституция, как нам представляется, должна начинаться с констатации её основы — народовластия, с того, что Российская Федерация является общим народным государством, выражающим волю всех входящих в неё народов. Вслед за этим должна фиксироваться в общей форме сущность народовластия:

а) суверенитет народа в государстве; б) принадлежность высшей власти народу; в) основные способы осуществления народом власти. Это значит, что народ должен выступать не просто источником власти и носителем не своего суверенитета, а суверенитета власти, а тем субъектом, который присваивает себе власть, т. е. следует признать, что власть никем, кроме как народом, не может быть присвоена, что сувереном является народ, а не президент или глава государства и не власть.

Эти общие положения, составляющие основу конституционного строя общества, подлежат раскрытию в специальных статьях, предшествующих изложению обязанности общества и государства по защите прав отдельного человека. Подчёркивание приоритета прав народа, а не отдельного индивида, соответствует не только коллективистским традициям народа, но и логике самого права — тому, что общее, субстанциональное составляет исходную основу права, в том числе и прав отдельного человека. Только в обществе, в составе народа возможно свободное и полное развитие отдельной личности, реализация её прав. По этой причине нельзя принять суждение о том, что государство исходит из приоритета прав человека при осуществлении социальной и национальной политики. Оно должно исходить из прав народа.

Важно определить статус народа как субъекта конституционной власти, а также те формы, в которых выражается этот статус. Здесь необходимо указать на то, что народ принимает, изменяет и отменяет Конституцию, для осуществления своей власти организуется в общественные объединения, политические партии, в трудовые, потребительские и иные коллективы, т. е. важно признать эти объединения в качестве конкретных коллективных субъектов власти, восстановить статус трудовых коллективов.

Нуждается в значительном расширении круг способов прямого воздействия народа на власть и непосредственного осуществления своей суверенной власти. Кроме участия населения в референдумах и выборах важно предусмотреть последствия его неучастия для судеб официальной власти и решения наиболее важных вопросов общественной жизни. Если, например, более ⅓ граждан не принимает участия в референдуме по изменению общественного строя или приватизации государственной собственности, то его результаты не признаются действительными. То же самое

относится и к неявке большинства граждан при проведении второго тура выборов или других подобных мероприятий.

Участия в референдумах и выборах явно недостаточно для непосредственного осуществления народом своей власти. Следует признать необходимость коллективной народной законодательной инициативы и коллективного обращения по поводу деятельности государственных органов, организации петиций и манифестаций, забастовок и других массовых выступлений. Представляются нужными и более серьёзные способы осуществления народом своей власти. В частности, акты гражданского неповиновения, политические стачки, применение силы против тирании и угнетения, что в неявном виде предусмотрено во «Всеобщей декларации прав человека» в качестве последнего средства воздействия на власть, не говоря уже о признании в Конституции США прав народа на восстание. В этом случае народ Ирака, а не США должен был свергать своего президента.

Что касается опосредствованных представительными органами форм осуществления власти народом, то в этой области народ выработал наиболее соответствующие его воле Советы, которые по существу и по названию должны быть народными. Они могут быть Советами народных депутатов всех уровней, муниципальными (местными) Советами, Советами трудовых и иных коллективов, общественных объединений и т. д.

Местные Советы народных депутатов (сельские, поселковые, районные, городские) не должны быть лишены властных функций, принадлежащих народу. Здесь речь может идти о том, чтобы местные Советы, как органы общественного самоуправления, возложили на себя как можно больше функций, выполняемых ранее сугубо государственными исполнительными органами. Вывод органов местного самоуправления из системы органов государственной власти оставляет местную исполнительную власть без соответствующей представительной основы и тем самым урезает права народа как субъекта и источника местной власти.

Нельзя ограничиваться общими положениями о власти народа без специальной главы о правах народа, предшествующей главе (разделу) о правах, свободах и обязанностях человека и гражданина. Из прав, принадлежащих народу, должны быть обозначены прежде всего общепризнанные права, касающиеся равенства

и самоопределения народов, т. е. необходимо признать, что все народы имеют право на самоопределение, и в силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают своё экономическое, социальное и культурное развитие. В соответствии с нормами международного права и принятыми на этот счёт международными документами фиксируются права малочисленных народов и национальных меньшинств — их права на защиту от деятельности, угрожающей их существованию, права на самобытность, сохранение родного языка и культуры.

Согласно международным пактам, должно определяться право народов «свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами», и они не должны оказаться лишёнными принадлежащих им средств существования. Представляется важным, чтобы землю и природные ресурсы в их естественном состоянии признать народной собственностью, и не ограничиваться указанием на то, что они составляют основу жизнедеятельности народов (ст. 9 Конституции 1993 г.). Без права собственности на землю и природные ресурсы народ не сможет установить не только свой политический статус, но и распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами и, следовательно, может оказаться лишённым средств существования. Без народной собственности на землю и основные средства производства не может обеспечиваться народовластие, без этого все записи о народе как носителе суверенитета власти, источнике власти остаются пустой фразой, не будут иметь не только прямого действия, но и какой-либо маломальской практической реализации.

Серьёзным конституционным установлением должно стать запрещение эксплуатации народа народом, недопущение экономических и иных соглашений, которые ухудшают экономическое и социальное положение народа, не отвечают принципам взаимной и одинаковой выгоды. Не допускается какая-либо дискриминация народа по национальной, расовой, религиозной, языковой или иной другой принадлежности. Ни один народ не может содержать в рабстве представителей другого народа, вести торговлю людьми. Уже пора предусмотреть право народов на безопасную жизнь, в том числе на жизнь без войн, которые возникают в результате нарушения прав народов. В своё время Япония создала серьёзный прецедент: в Конституции 1946 г. было

записано, что японский народ отказывается от войны как суверенного права нации. Последующие попытки сделать это положение общепризнанным в международном масштабе успеха не имели. В этой связи серьёзным делом было бы возведение права народа отказаться от войны в ранг общепризнанного международного права. В противном случае народы остаются без права на безопасность, без права жить без войн.

§ 2. Обобществление труда и социализация человека

Труду, служащему предпосылкой и постоянной основой соединения людей в общество, ныне стали приписывать противоположную роль — функцию разъединения людей, их индивидуализации. Полагают, что постэкономическое общество, переходя от труда к творчеству, базируется исключительно на индивидуализированной деятельности, осуществляет де-социализацию жизни. «В той же степени, в какой процесс становления и прогрессивного развития стоимостных оценок и отношений был идентичен процессу становления и развития общественного производства и протекал параллельно с процессом социализации производителей, — пишут О. Н. Антипина и В. Л. Иноземцев, — деструкция этих отношений обусловлена прежде всего *индивидуализацией* человека в его качестве как производителя, так и потребителя, имманентно присущей нашей эпохе. Та революция, которую многие ожидали как социальную революцию, проявляется как революция де-социализации, затрагивающей все стороны жизни людей»[922].

Здесь названные авторы повторяют высказывания, появившиеся в западной литературе: «трудовые процессы обретают всё более индивидуальный характер, происходит фрагментация деятельности в зависимости от производственных задач с её последующей реинтеграцией для получения конечного результата»[923].

---

[922] Иноземцев В. Л. За десять лет: к концепции постэкономического общества. М., 1998. С. 403.

[923] Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под. ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999. С. 496–497.

Соответственно, «труд... теряет свою коллективную самобытность, становится всё более индивидуализированным с точки зрения возможностей работников, условий труда, заинтересованности в нём и перспектив на будущее»[924].

В данном случае, с одной стороны, всё более углубляющаяся специализация технических функций труда преподносится как отрицание на этой основе совершающегося обобществления труда, с другой — на труд переносится индивидуализм буржуазного общества. Тогда само будущее общество предстаёт как скопление на вокзале или, в лучшем случае, на барахолке людей, не знающих друг друга и безразличных друг другу.

Теоретическим основанием для такой индивидуализации труда обычно берётся субъективизация его результатов как полезностей, оцениваемых исключительно субъектом. Такого рода субъективные оценки вроде бы ведут к устранению общественного характера затрат и их сводимости к абстрактному среднему труду. Как издержки труда, так и полезности, по мнению названных выше отечественных авторов, «утрачивают свой универсальный общественный характер, становятся индивидуальными потребностями и издержками»[925].

В действительности, общество никогда не откажется от измерения затрат труда временем. Даже тогда, когда меновая стоимость будет устранена, рабочее время остаётся созидающей субстанцией богатства и мерой издержек, требующихся для его производства. По уничтожении капиталистического способа производства, писал К. Маркс, определение стоимости остаётся господствующим в том смысле, что регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными группами общественного производства, наконец, охватывающая всё это бухгалтерия, становятся важнее, чем когда бы то ни было[926].

В качестве аргументов против обобществления труда и соизмеримости его затрат обычно используется нерешённость (или неумение решить) задачи соизмерения потребительных

---

924 Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М., 1999. С. 501–502.

925 Иноземцев В. Л. За десять лет. С. 403.

926 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III. С. 265; т. 25, ч. II. С. 421.

стоимостей на объективной (трудовой) основе. Приходится обращаться к субъективным оценкам, людским предпочтениям, имеющим чисто индивидуальный характер. Оценки результатов труда как субъективных полезностей затем переносятся на труд, а его естественно историческая, качественная дифференциация преподносится как его индивидуализация, как результат чисто субъективного выбора формы деятельности.

Для этих целей обычно ссылаются на особенности труда по созданию знаний, информации, которые якобы призваны заменить обычный жизнеобеспечивающий труд. Производство знаний, научный труд представляются настолько индивидуализированными и субъективизированными, что уже вроде «никто не может воспроизвести созданное человеком знание»[927].

Автор последних строк почти дословно повторяет тезис М. Штирнера о том, что в отличие от обычных (человеческих) работ есть работы единственного, которые «никто не может выполнить за тебя... Это — работы единственного индивида, и их может выполнить только тот единственный, между тем как первые следует назвать человеческими работами... Нельзя установить общего тарифа для оплаты Моей единственности, как это можно сделать для тех работ, которые Я выполняю в качестве человека. Только для этих последних работ может быть установлен тариф»[928].

Провозглашая единственность научного и художественного труда, М. Штирнер отделял человеческие работы от работы единственного индивида, подгоняя, как и современные апологеты индивидуального труда, первые — под стоимость (тариф), а вторые — под индивидуальную оплату за единственность, иногда очень высокую. У В. Л. Иноземцева получается то же самое: постэкономическое общество знает только индивидуализированный умственный труд, который не укладывается ни в какие общественные мерки, теряя всякий общественный характер, становится достоянием единственной в своём роде личности.

Между тем умственный труд, как и всякий другой, подчиняется общим законам труда, в частности закону обобществления:

---

927 Иноземцев В. Л. За пределами экономического общества: Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. С. 337.

928 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3. С. 389, 390.

развитие культуры, образования, науки не может происходить без воспроизводства полученных в них ранее результатов, в том числе новых. К. Маркс и Ф. Энгельс, возражая М. Штирнеру, в своё время отмечали, что не сам Моцарт, а другой композитор сочинил большую часть моцартовского «Реквиема» и довёл его до конца, что Рафаэль «выполнил» сам лишь ничтожную долю своих фресок[929]. Известно также, что на А. Дюма, оставившего 647 произведений (более шестисот томов), работал целый штат профессиональных литераторов.

Что касается научного труда, то воспроизводимость его результатов и его характер как всеобщего труда не подлежат никакому сомнению. Учёный всегда опирается на результаты предшественников и достижения современников. Он не может из самого себя черпать знания и на основе лишь собственного опыта развивать науку.

То же самое можно сказать об образовании. Образованными, по свидетельству Гегеля, можно считать в первую очередь тех людей, которые способны делать всё то, что делают другие, не подчёркивая свою единственность, тогда как у людей необразованных бросается в глаза именно их частность, поскольку их поведение не следует всеобщим свойствам вещей. Соответственно, истинное образование есть сглаживание особенности, необходимое для того, чтобы она вела себя согласно природе вещей. Оно предполагает тяжкий труд, направленный на преодоление голой субъективности, посредством этого труда субъект обретает в себе объективность[930]. Если обособленный труд и может создавать отдельные ценности, то ни общественного богатства, ни общей культуры он создавать не может. Кооперативная организация научного труда в современный период является необходимым условием научной деятельности. Причём кооперативным здесь выступает как непосредственно совместный труд учёных, так и труд всего научного сообщества.

Из сказанного следует, что аргументы, приводимые для отрицания общественного характера труда, его социализации не имеют сколько-нибудь серьёзного основания. Они

---

929 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3. С. 392.

930 Гегель Г. В. Ф. Философия права. С. 233.

инспирированы чисто идеологическими мотивами — стремлением сохранить навечно индивидуальную частную собственность, а вместе с ней и частные формы деятельности. Прикрывают же эти мотивы ссылками на специализацию труда, которая не только не отрицает необходимости его обобществления, но и требует его.

На самом деле именно частная собственность вызывает отчуждение труда, а вместе с этим отчуждением и десоциализацию человеческой сущности. Непосредственным следствием отчуждения труда, т. е. отчуждения человека от продукта своего труда, от своей жизнедеятельности, выступает отчуждение его общественной (родовой) человеческой сущности. Это, по словам К. Маркса, ведёт к отчуждению человека от человека: «положение о том, что от человека отчуждена его родовая сущность, означает, что один человек отчуждён от другого, и каждый из них отчуждён от человеческой сущности»[931]. Поэтому устранение частной собственности и отчуждения труда становятся условием преодоления индивидуализма и восстановления общественной сущности человека как совокупности отношений людей друг к другу, как общественных существ, что несовместимо с основными принципами гражданского общества.

Отсюда отрицательное отношение к гражданскому обществу как у К. Маркса, так и у Гегеля. С одной стороны, писал Гегель, погоня за удовлетворением особых потребностей, субъективных желаний и произвола разрушает личность; с другой — делает её жизнь случайной. «В этих противоположностях и их переплетениях гражданское общество представляет собой зрелище как излишества, так и нищеты и общего обоим физического и нравственного упадка»[932].

В этой связи К. Марксом был выставлен тезис о том, что гражданское общество после устранения частной собственности уступит место человеческому обществу, или обобществившемуся человечеству.

Что же понимал К. Маркс под человеческим обществом в противоположность гражданскому?

---

931 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42. С. 95.

932 Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 230.

В своих ранних произведениях К. Маркс имел в виду общество, в котором прежде всего реализуется социальная сущность человека как совокупности всех общественных отношений. Эта социальность предполагает преодоление антропологического подхода к человеку, т. е. преодоление старого материализма, сводящего сущность человека к природным связям изолированных индивидов. По Марксу, необходимо исходить не из абстрактного человеческого индивида, что было присуще антропологическому методу Л. Фейербаха, а из общественного характера человека, обусловленного определённой исторической формой общества.

Человеческое общество, в отличие от гражданского, базируется на общественной собственности, которая своим основанием вместо порождённой частной собственностью отчуждённости труда имеет обобществлённый труд. Такое общество К. Маркс называл гуманистическим, видя в нём «как положительное упразднение ***частной собственности — этого самоотчуждения*** человека — и в силу этого как подлинное ***присвоение человеческой сущности*** человеком и для человека; а потому как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития, возвращение человека к самому себе как человеку ***общественному***, т. е. человечному...». В нём произойдёт «действительное разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом»[933].

В этом обществе деятельность и пользование её плодами как по своему содержанию, так и по способу существования носят общественный характер, причём не только в форме непосредственно коллективной деятельности. Даже тогда, писал К. Маркс, когда человек занимается научной деятельностью, которую он может осуществлять и без непосредственного общения с другими, он занят общественной деятельностью. Ему не только дан в качестве общественного продукта материал его деятельности, в том числе язык, на котором работает учёный, но и его собственное бытие как общественная деятельность[934].

---

933 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42. С. 116.

934 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42. С. 118.

Общество, названное К. Марксом, человеческим, отличается от гражданского прежде всего тем, что индивидуализации человека, его индивидуализму противопоставляется обобществление (социализация) его сущности. Всякое проявление жизни человека здесь, по словам К. Маркса, даже если она не выступает непосредственно в форме коллективной, совершаемой совместно с другими, является проявлением и утверждением общественной жизни. Индивид непосредственно приобретает качество общественного существа, всеобщей формой существования которого является труд, причём, в первую очередь, — созидание орудий производства, с помощью которых совершается обмен веществ между человеком и природой.

По-иному выглядит человек в трактовке некоторых современных социальных и культурных антропологов. Он у них подогнан под члена гражданского, т. е. буржуазного, а не человеческого общества.

Прежде всего, в этом вопросе приходится встречаться с отрицанием сколько-нибудь серьёзного значения для антропологии (социальной и ещё более — культурной) определения сущности общества и человека как совокупности общественных отношений. Социальные антропологи не хотят связывать социальную сущность человека с общественными отношениями под тем предлогом, что в системе этих отношений нет места для индивидуальности, и всё общее, принадлежащее обществу как системе в её целостности, не может принадлежать отдельному человеку[935]. Их рассуждения таковы: общество как система обладает свойствами (системными качествами), которых нет ни у каждого его компонента в отдельности, ни у их суммы, т. е. они возникают не из отдельных и особенных составляющих общества, а только из их связанности в целое, из надындивидуальных, деперсонифицированных общественных связей и отношений. Поэтому, мол, методами социологии, особенно материалистическим пониманием общества как учением об «односторонней» детерминации человека обществом, социальность человека в антропологии и не раскрыть, и не обосновать. И вообще, в рамках исторического

[935] Пуляев В. Т., Шаронов В. В. Социальная антропология: Статус, предмет, проблемы // Социально-политический журнал. 1993. №7.

материализма теорию целостности человека вроде бы реализовать невозможно.

Какое же понимание общества (социальной системы) устраивает сторонников указанного подхода? Им, оказывается, выступает давно уже преодолённое представление об обществе как совокупности отдельных людей, множества относительно автономных, относительно самостоятельных индивидуумов. В этом контексте человек якобы приобретает личностность, индивидуальное бытие, а его деятельность не рассматривается в контексте общества как безличной субстанции. Наоборот, только в сфере индивидуального создаётся имманентная человеку субъективная структура, что открывает широкую перспективу для развития социальной антропологии.

Верны ли обвинения в адрес социологии, в частности исторического материализма, относительно того, что в её трактовке общества не остаётся места индивидууму и индивидуальному? Нет, такие претензии несостоятельны. К. Маркс, конечно, не отвечает за современных толкователей природы системных качеств, но у него был случай специально высказаться против понимания П. Прудоном общества как особого существа, стоящего над составляющими его лицами и имеющего свои особые законы, безразличные к этим лицам. В анализе системы «человек — общество» К. Маркс придерживался диалектического понимания отношения общего (общества) к единичному (индивиду). Он полагал, что существование общества реально лишь в форме существования особенных индивидов. Не персонифицируясь в особенных лицах, общество будет выглядеть пустой абстракцией. Общественные отношения, по его мнению, можно только мыслить, если их хотят фиксировать в отличие от тех субъектов, которые находятся между собой в этих отношениях[936].

Что же касается наиболее подходящего для современных социальных антропологов толкования общества как «множества относительно автономных индивидуумов», то в нём, по сути, отвергается социальная сущность человека, на нет сводится значение общества (общего) для понимания индивида, поскольку не принимается во внимание реальность общества (общего). Ведь в данном

[936] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 84.

случае общим для каждого из множества относительно автономных индивидов может быть лишь тот или иной родовой признак, т. е. тождественность людей по этому признаку. Рассмотрение же общества с точки зрения этого общего (общечеловеческого) признака как раз и упускает из виду различия людей, специфическую черту каждого, ибо общество (общее), образуемое по этому признаку, не будет знать никакой разницы между рабочими и капиталистами, католиками и мусульманами и т. д., поскольку все они — люди. Вот почему недостаточно сказать, что общество состоит из индивидов, людей. Люди как люди, как одинаковые существа не нуждаются в обществе. В обществе же, определяемом как совокупность (сумма) отношений и связей, человек получает своё «лицо». Люди, вступая в отношения друг с другом, тем самым выявляют свои различия, особенности, индивидуальность. Последние существуют только в обществе и посредством общества[937]. Вот почему желание угодить антропологам, определяющим общество как «множество относительно автономных индивидов», оборачивается отрицанием человеческой индивидуальности и восстановлением, вопреки первоначальным намерениям авторов, критикуемой ими надындивидуальной, деперсонифицированной системы социального бытия и, следовательно, традиционного антропологического метода, не знающего социальных различий людей, классов.

В этом случае социальным антропологам приходится соглашаться с представителями структурно-функционального, системного анализа, которые существенно умаляют роль понятий общества и общественной системы как средств познания индивида. У Т. Парсонса социальная система и система личности представлены как однопорядковые подсистемы. Личность выносится за пределы социальной системы и фигурирует лишь как часть среды, окружающей общество. Личность отсутствует и в составе структурных компонентов общества, к которым отнесены лишь нормы, ценности, коллективы и роли. Н. Луман отказывает индивиду в праве быть элементом, составляющим общество, считает эпистемологическим предубеждением суждения о том,

---

937 Человек как предмет социологического исследования / Под. ред. Л. И. Спиридонова, Я. И. Гилинского. Л., 1977. С. 31–32.

что общество состоит из людей или из общественных отношений. Оперативная закрытость общества, по его мнению, исключает людей из общественной системы. Он призывает гуманистов не обижаться на это, ибо личность в его теории общества совсем не отбрасывается, а лишь помещается в окружающую общество среду. Такое понятие общества исходит из полного разделения индивидуума и общества. Соответственно, как полагает Н. Луман, социология не может принять трактовку индивидуума как части общества, и лишь на основе их разделённости можно серьёзно рассматривать личность[938].

Источник подобных суждений — в непреодолённости дуализма в решении вопросов о соотношении общего и единичного, общества и индивида, социологического и антропологического методов. Через этот дуализм, как известно, не смог перешагнуть даже Гегель, поскольку общее и единичное у него в конечном счёте выступают как две противоположные сущности: общее как особая духовная сущность (идея) противостоит единичному, которое из-за своей конечности никогда не сможет подняться до истинной всеобщности. У Гегеля общее — принадлежность абсолютной идеи, обладает самостоятельным от единичного существованием и только мистически воплощается в единичном, эмпирически и конечно существующем. В вопросах соотношения общества и человека действительным субъектом, по Гегелю, становится мистическая субстанция, а реальный субъект предстаёт как инобытие и момент этой субстанции. Дуализм здесь проявляется как раз в том, что Гегель не рассматривает всеобщее как действительную сущность действительного человека, т. е. существующего, определённого, конечного. Другими словами, действительное существо он не считает подлинным субъектом общества.

Исторический материализм в лице К. Маркса, а не его истолкователей из числа неокантианцев, всегда настаивал на приоритете действительного человека, на том, что именно он составляет базис общества (носитель общего), является его творцом

938 Парсонс Т. Понятие общества: Компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль / Под. ред. В. И. Добренькова. М., 1996. С. 502, 512; Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии / Под. ред. А. О. Бороноева. СПб., 1994. С. 27, 30, 37.

(субъектом истории), его исходным пунктом и т. д. К. Маркс не мог согласиться с Гегелем и тем более с Прудоном в том, что человек (единичное) есть лишь превращённая форма некой духовной субстанции, некоего общего, стоящего над действительными индивидами. На самом деле, общество (общее), по К. Марксу, образует свойство, сущность действительного субъекта, и именно индивид есть подлинный субъект всеобщего и бесконечного. Поэтому общественная история людей есть всегда лишь история их индивидуального развития, а свободное развитие каждого — условие такого же развития всех. Общественные отношения, посредством которых происходит это развитие, относятся к индивидуальности людей, а не являются чем-то внешним для них. Общество (общее) есть не некая абстрактно-всеобщая сила, противостоящая отдельному индивиду, а его творение. Оно является сущностью каждого отдельного индивида, его собственной деятельностью, его жизнью. С этой точки зрения человек всегда остаётся субъектом создаваемых им социальных форм своего существования — семьи, государства, гражданского общества и т. д., которые выступают как общие для всех людей.

Итак, преодоление дуализма общего и единичного сводится к следующему: общество и индивид не есть две противоположные сущности. Если одна из них, скажем общество, преподносится как некая особая над индивидами (надындивидуальная, деперсонифицированная) сущность, то она теряет свою действительность (необходимость), свою истинность, своё оправдание. И, наоборот, если другая сущность — индивид — лишается свойства быть носителем общего, субъектом общества, не доводится до уровня всеобщности, то и он не будет действительной, истинной личностью. Общество и индивид по необходимости образуют две различные, противоречивые стороны одной и той же сущности. Сущность у общества и индивида одна, она и составляет основание для них обоих, для их различия и единства, выступает единством различия и единства, и одновременно различием единства и различия.

Такое решение вопроса о соотношении человека и общества, т. е. преодоление дуализма общего и единичного, предполагает соблюдение двух исходных правил метода познания социальной сущности человека. Первое из них — это рассмотрение человека

(индивида) в качестве отправного пункта анализа общества и его базиса. Ни обществу в целом, ни социальной группе не следует приписывать самостоятельное, независимое от составляющих их личностей существование. Действительным субъектом общества и всех социальных образований остаётся человек, индивид. В той мере, в какой социология при анализе общества исходит из реального человека (а не из социального действия или отношения взаимодействия и т. п.), она принимает антропологический метод, делая его и своим методом. Социология не может не согласиться с социальной антропологией в том случае, когда последняя стремится наполнить себя специфическим содержанием на пути движения познания от человека как субъекта к обществу, к объективизированным формам социального бытия. Нужно лишь дополнить эту мысль: отдельный человек приобретёт мощь, станет человеком с большой буквы, если будет возведён на уровень всеобщности, т. е. если его индивидуальная сущность станет одновременно и его общественной сущностью, совокупностью всех общественных связей и отношений. Лишь когда индивидуальный человек в своей эмпирической жизни, в своём индивидуальном труде, в своих индивидуальных отношениях станет родовым (общественным) существом, будет действовать по меркам любого вида, освоит свои собственные силы как общественные, тогда совершится человеческая эмансипация[939]. Очевидно, что такое понимание проблемы не имеет ничего общего с приписываемой К. Марксу мыслью об однолинейной детерминированности человека социальной средой, системой общественных отношений, о безоговорочном приоритете общества над личностью, о вторичности человека по отношению к объективным, деперсонифицированным, надличностным структурам. Приходится лишь сожалеть, что авторы подобных суждений не подтверждают их ссылками на работы самого К. Маркса, ограничиваются «безличностными» обвинениями в адрес исторического материализма, полагая, видимо, что антропологический метод не учитывается социологическим методом материализма.

Не следует забывать о втором требовании метода исследования социальной сущности человека: исходя из действительного

[939] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1. С. 406.

человека как субъекта общества, следует раскрывать сущность человека через социальные формы его существования. Здесь дуализм сущности снимается другим способом — путём превращения общего (общественного) в свойства единичного (индивида), т. е. общественная сущность становится сущностью индивида. Имеется в виду не только возвышение и превращение индивидуального в общественное, но и, наоборот, общественного — в индивидуальное, т. е. не только измерение общества с точки зрения человека (человек — мера всех вещей), но и измерение человека общественной меркой. Необходимо, чтобы общее «снизошло» до единичного, реализовалось в нём, стало его свойством. К анализу единичного с точки зрения общего и сводится основная задача теоретического анализа всеобщего[940].

Исторически общество в лице «верхов» монополизировало родовую (общественную) сущность человека в форме максимального развития представителей «верхов» в ущерб «низам», оставляя последним область частного, знание единичного, отдельного. Отсюда — недоверие ко всем, кто имеет дело с общим, у кого высокое развитие индивидуальности происходит за счёт принесения в жертву индивидуального развития большинства человеческих индивидов. Чисто теоретический дуализм общего и единичного оказывается практическим дуализмом общества и индивида. Можно надеяться, что общество, в конце концов, разрушит этот антагонизм, раздвоение на противоположные сущности единой родовой сущности человека, и развитие общества совпадёт с развитием каждого отдельного индивида.

§ 3. Ассоциированный труд и очеловечивание общества

Чтобы общество из гражданского превратилось в человеческое, необходимо ещё одно условие — нужно, чтобы развитие каждого предполагало развитие всех. В этом пункте очеловеченное общество тоже противостоит гражданскому. Лучшее, что может дать гражданское общество — это развитие отдельных

940 Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса. М., 1960. С. 153.

индивидов, идеал которого был выражен М. Штирнером в образе «единственного и его собственности».

Обобществление труда в рамках частной собственности и отношений меновой стоимости ещё не приводит к очеловечиванию всего общества. В этих условиях свои социообразующие функции труд осуществляет не непосредственно, а косвенно. Их берёт на себя обмен его стоимостных результатов, что с самого начала ограничивает социальные связи людей. Люди оказываются соединёнными в одно общество, становятся зависимыми друг от друга только как носители меновых стоимостей, т. е. не прямо посредством самого обобществлённого труда, а через отношения стоимостного обмена. В результате общественная связь людей предстаёт как зависимость безразличных друг к другу индивидов — носителей исключительно частного интереса, каждый из которых противостоит интересам других индивидов.

Кроме того, здесь как общественный характер труда, так и общественная (стоимостная) форма его продукта выступают как нечто чуждое самим индивидам, как нечто вещное: не как отношение людей друг к другу, а как их подчинение отношениям, существующим независимо от их воли и возникающим из столкновения безразличных индивидов друг с другом. В меновой стоимости общественное отношение лиц превращается в общественное отношение товаров (вещей) и представляется людям как нечто чуждое, от них независимая потусторонняя сущность[941]. Подчинённость этих отношений общественному разуму и контролю отсутствует. В итоге отчуждённость общественного труда, вызванная отношениями частной собственности, самым непосредственным образом препятствует очеловечению общества, его гуманизации.

С точки зрения степени очеловеченности общественных отношений людей, общество, согласно обобщениям К. Маркса, может приобретать три формы или стадии: а) первоначально — это отношения личной зависимости; б) затем отношения личной независимости, основанные на вещной зависимости; в) и, наконец, отношения, базирующиеся на свободной индивидуальности, предполагающей универсальное развитие индивидов и превращение

941 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 100.

коллективных, общественных производительных сил их труда в их общественное достояние[942].

Третья форма, будучи характерным признаком гуманистического общества, возникает из процессов обобществлённого труда, но из труда, обобществлённого непосредственно, т. е. когда ещё до обмена деятельностями люди работают на общий результат, принадлежащий всем и каждому. Это — общество людей, ассоциированных на основе совместного владения средствами производства и совместного контроля над ними, что позволяет труду заранее приобрести коллективный характер, делает его продукт тоже общим, коллективным.

В противоположность гражданскому обществу, в котором взаимная личная независимость и безразличие людей по отношению друг к другу ещё не создают условий для действительной социальной жизни, новая ассоциация предполагает действительную общность и всеобщность социальной жизни и социальных отношений. Она не отрицает индивидуальности и свободы личности, наоборот, делает их достоянием каждого. Более того, эта новая социальная общность, преодолевая капиталистическую частную собственность, в то же время восстанавливает индивидуальную трудовую собственность, основанную на кооперации и общем владении землёй и произведёнными самим трудом средствами производства.

Здесь общество социализируется через максимальное развитие каждого, в то время как в обществе, основанном на частной собственности, неизбежна ограниченность каждого не только из-за однообразности самих меновых связей, но и из-за подчинённости этим связям как вещным и внешним по отношению к индивидам отношениям. В последнем случае только кажется, будто индивиды независимы и свободно сталкиваются друг с другом в рамках этой свободы. Это — иллюзия, таковыми они являются лишь по видимости, поскольку не берётся в расчёт их полнейшая зависимость от стихийно складывающихся производственных отношений. Конечно, отдельное лицо может случайно освободиться от подчинения этим внешним отношениям, но этого не может добиться «масса закабалённых ими людей,

942 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 101.

ибо существование такой массы выражает подчинение, и притом неизбежное подчинение индивидов этим отношениям»[943]. Соответственно, свободная самоорганизация людей в общество возможна лишь на основе их контроля над своими общественными отношениями. Этого может достичь только новое, т. е. человеческое общество, являющееся продуктом ассоциации, распределяющей труд своих членов и подчиняющей общественное производство индивидам, которые управляли бы им как своим общим достоянием.

Гражданское общество, сколько бы ни приписывали ему свойств самоорганизованности, стабильности, солидарности и т. п., не способно освободиться от стихии рыночных экономических процессов. Поэтому, предупреждал К. Маркс, не может быть ничего ошибочнее и нелепее, нежели на основе меновой стоимости и денег предполагать контроль индивидов над своим производством и своими общественными отношениями[944].

О какой стабильности и солидарности гражданского общества в современной России может идти речь, если за 1990–2000 гг. строительства этого общества общая преступность выросла в три раза. Только в 2001 г. зарегистрировано свыше 3 млн преступлений, совершено 32 тыс. убийств, около 25 тыс. тяжких телесных повреждений, более 30 тыс. человек пропали без вести, каждый четвёртый мужчина имеет судимость. В настоящее время обитателями «социального дна» является 14 млн человек: 4 млн бомжей, 3 млн нищих, 4 млн беспризорных детей, 3 млн уличных проституток. «Разве мыслимо достичь в обществе согласия, примирения, — пишет декан социологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, профессор В. И. Добреньков, — если идёт жестокая борьба за передел собственности, когда не брезгуют ничем — подкуп, шантаж, заказные убийства. Всюду царит насилие и беззаконие. Общество разбалансированно, полностью разрушены духовные основы нации, традиционные представления о добре и зле... Россия медленно сползает в пучину зла, нравственно деградирует и превращается в уникальную по своим масштабам и глубине

943 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 107.

944 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 102.

криминальную страну»[945]. Профессор Добреньков уверен, что тот путь развития, на который встала Россия, исторически бесперспективен и грозит для неё огромными жертвами и будет стоить большой крови.

Очевидно, что без перевода отношений собственности, социальных и нравственных отношений людей на трудовую основу приостановить деградацию российского гражданского общества не представляется возможным. Сама эта основа, чтобы выполнить свою функцию по гуманизации общества, в свою очередь, должна приобрести ещё одно существенное свойство — освободиться от старого социального разделения труда между различными классами и социальными группами, несовместимого с дальнейшим обобществлением самого труда.

С одной стороны, разделение труда, будучи формой естественноисторической дифференциации человеческой деятельности, способствует процессам обобществления и социализации общества. С другой стороны, оно, как общественное, социальное разделение труда, лежит в основе деления общества на классы и соответствующего социально-классового неравенства людей, противоположных классовых интересов. В этом отношении оно предполагает отчуждённость общественного труда и не может служить признаком обобществившейся ассоциации людей.

Гражданское общество необходимо организуется как политическая ассоциация. Пока существуют социальное разделение труда и, следовательно, классы и социальные группы, люди неизбежно организуются в государство, посредством которого регулируются их общественные отношения. Экономической основой существования как государства, так и классов гражданского общества является противоположность города и деревни, умственного и физического труда, производительной и непроизводительной деятельности.

По-иному организуется общество, когда оно основывается не на разделении, а на соединении прежде социально разведённых видов общественного труда. Оно будет представлять собой ассоциацию, содружество людей труда, не знающих классовых

[945] Советская Россия. 2002. 10 сентября.

различий. Обобществление труда, позволяющее сочетать членам общества физический и умственный, производительный и непроизводительный, управленческий и исполнительский труд приводит к качественно новому типу социальной организации, в которой критерием объединения людей в общность явится их совместная трудовая деятельность.

Новое общество в отличие от гражданского предполагает установление общественной жизни, функционирующей на принципах разума, общественного интеллекта. В нём люди наконец-то будут строить свои общественные отношения согласно требованиям социальной науки. В этой связи следует отметить, что благородное желание освободиться от сегодняшних пагубных, неконтролируемых людьми стихийных рыночных процессов у ряда авторов принимает форму отказа от материальной детерминации общественных процессов в будущем обществе в пользу их идеальной детерминации. Выдвигается тезис о наступлении «исторического идеализма» вместо исторического материализма, т. е. тезис об определяющей роли общественного интеллекта (сознания) по отношению к общественному бытию если не в гносеологическом, то в онтологическом аспекте. Вместо принципа об усилении обратного влияния общественного сознания на общественное бытие выставляется всемирно-исторический закон роста идеальной детерминации в истории «через общественный интеллект, т. е. происходит „эволюция сдвига“ от доминанты стихийной, материальной детерминации на базе конкуренции и отбора к доминанте идеальной детерминации на базе кооперации и общественного интеллекта»[946].

Безусловно, автор прав в том смысле, что роль сознательности по сравнению со стихийностью возрастает, особенно если иметь в виду общество ассоциированного труда и общественного самоуправления, способного контролировать свою деятельность. Не кто иной, как Ф. Энгельс, оставаясь сторонником исторического материализма, утверждал, что если до сих пор результаты деятельности людей оказывались иными, чем те, каких желали и даже противоположные тому, что желали, то в более или менее

[946] Субетто А. И. Противоречия экономического развития России и стратегия выхода из исторического тупика. СПб., 2000. С. 53.

отдалённом будущем люди будут заранее знать необходимость изменения общественного строя и пожелают этого изменения, прежде чем оно будет навязано им помимо их сознания и воли[947].

Из приведённых слов Ф. Энгельса не следует, что стихийность тождественна признанию материальной детерминации общественного развития, а сознательность — её отсутствию. Независимо от того, ведут ли люди свою общественную жизнь со знанием дела и социальных законов, планируют и прогнозируют её ход, или этот ход осуществляется стихийно, они подчиняются законам своих общественных действий, своей общественной практики, причём подчиняются вместе с управляющей их делами головой, т. е. общественным интеллектом. Объективная, соответственно материальная детерминация общественного развития сохраняется и при переходе от стихийности к сознательности. Точно так же управление своими общественными действиями у людей не будет делом субъективного произвола, как это стали утверждать «новые социологи».

С тех пор, как в России началась эпоха рыночных реформ, их идеологи вновь взялись за отрицание обусловленности развития общества и управления им объективными экономическими и социальными законами. Налицо новая волна субъективизма кантианского и феноменологического толка: объективные законы функционирования и развития общества выносятся за пределы управленческой деятельности, не признаются законами, необходимыми для управления и планирования. Так, автор книги по социологии управления А. В. Тихонов, солидаризируясь с Э. Бернштейном в критике марксизма, ставит вместе с последним «очень современный и по сей день вопрос: если обществом управляет непреложная поступь „железных“ экономических законов и всё происходит независимо от воли человека, то что остаётся на его долю?»[948].

При такой постановке вопроса или в случае с «невидимой рукой» А. Смита ответ для вышеупомянутого автора очевиден: на долю человека вроде бы ничего не остаётся — там, где есть объективные законы, человеку делать нечего. Нужен

---

947 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20. С. 639.

948 Тихонов А. В. Социология управления: Теоретические основы. СПб., 2000. С. 142.

не какой-нибудь «железный» закон, а человек (правда, не всякий, а управленец), который всем управляет (и природой, и экономикой, и обществом, и самим собой). Поэтому автор не испытывает никакой нужды обращаться как к объективным общественным, так и к природным законам. Более того, с его точки зрения, управляться собственными законами общество не может. Нужен всегда управленец, правитель. Объективные социальные законы и управленческая деятельность человека противопоставляются друг другу как несовместимые способы функционирования общественного организма, составляют необходимую антиномию.

Так ли это? На самом деле никакой антиномии между ними нет. Её или выдумывают на манер неокантианства, или не умеют решить проблему взаимоотношения сознательной человеческой деятельности с её объективными законами. Так, например, тот же А. В. Тихонов, заменяя понятие объективного термином «естественное», а субъективного — словом «искусственное», вместо характеристики развития общества как естественноисторического процесса предлагает «рассматривать общество... как симбиоз принципиально неоднородных и неоднопорядковых систем: искусственной и естественной»[949]. При этом он полагает, что «признание социальной реальности в качестве искусственно-естественной социосферы имеет для социологии далеко идущие теоретико-методологические последствия, что искусственно-естественная дихотомия получит признание как важная оппозиция для описания и объяснения общества»[950].

Никаких двух, да ещё принципиально неоднородных, находящихся в оппозиции социальных реальностей на самом деле нет. Социальный мир не делится на мир, с одной стороны, «вещей в себе», «потока событий», естественных «социальных тел», безличностных отношений, с другой — на искусственно созданный мир людей (мир «для нас»), личностных отношений, сознательной человеческой, в том числе управленческой деятельности. Нет независимо от людей, от их деятельности существующего особого социального мира имманентных надличностных процессов (кроме

---

[949] Тихонов А. В. Социология управления: Теоретические основы. СПб., 2000. С. 67.

[950] Там же. С. 68.

природы и сделанных из неё вещей и технологических процессов). Существует один-единственный объективный социальный мир, отражаемый в сознании. Сознание противопоставляется объективной реальности только при решении гносеологического вопроса о первичном и вторичном. Вне этого вопроса социальная реальность и есть обладающие сознанием люди, их отношения и их деятельность. Когда говорят о естественноисторическом процессе, то имеют в виду их единство, а не разделённость человеческой истории на естественную и искусственную.

Противопоставление деятельности и объективных законов обычно сопровождается разделением общества на объективное и субъективное начала, что нередко выдаётся за исходное понимание истории, а решение вопроса сводится к признанию нерасторжимой координации указанных двух начал. Механизм действия законов общества в этом случае изображается как взаимодействие двух координат — субъекта и объекта, а возрастающее влияние субъекта (человека) на объект как бы определяет «кривую» этого взаимодействия. На место субъекта обычно вставляется одно лишь его сознание, которое объявляется равноправным с объективным естественноисторическим процессом. Этим вроде бы однокоординатное (монистическое) понимание общества заменяется двухкоординатным его пониманием, исходящим из субъектно-объектного отношения как базисного отношения общества, в котором тем самым независимость общественного бытия от общественного сознания заменяется их функциональной зависимостью.

Научное, материалистическое решение вопроса, преодолевающее субъективизм, лежит в иной плоскости. Во-первых, материализм не допускает дуализма в понимании сущности общества. Люди с их деятельностью и отношениями составляют, как подчёркивалось, единственную применительно к обществу форму собственно социального объективного процесса: нет двух отдельно существующих начал — объективного общественного процесса и деятельности людей. Объективный общественный процесс есть не что иное, как деятельность вступающих друг с другом в общественные отношения людей. История вся и слагается из действий личностей, «ход вещей» и состоит в действиях людей и ни в чём больше (В. И. Ленин). Соответственно, законы общественного

развития являются законами собственной общественной деятельности и отношений людей, а не какого-то вне людей находящегося естественного, но социального процесса.

Объективные социальные законы не должны выноситься по ту сторону отношений людей и человеческой деятельности вообще, а также управленческой деятельности. Их нельзя исключать при рассмотрении управленческой деятельности, заключать, как часто пишут, «в скобки», т. е. не принимать во внимание. Вместо нередко встречающегося неокантианского противопоставления (антиномии) объективных социальных законов и сознательной человеческой деятельности должен быть выставлен преодолевающий эту антиномию тезис: объективные законы функционирования и развития общества и есть законы деятельности и отношений самих людей, обладающих сознанием. Причём люди подчиняются законам своих действий и отношений вместе со своим сознанием, волей. Они не могут «игнорировать», «обходить» законы своей же деятельности и своих отношений, подобно тому, как и тело, падая, не может «игнорировать» законы своего падения — законы тяготения. В свою очередь, определяя общественные законы законами общественной человеческой деятельности, мы не должны исключать из их действия людей. Люди, их деятельность составляют необходимое составляющее объективной закономерной цепи событий. Объективные законы являются законами деятельности людей, законами производимых ими изменений, исправлений, в том числе и ошибочных. В этой связи лучше всего характеризовать место человека в механизме действия закона словами К. Маркса: «надо изображать... людей в одно и то же время как авторов и как действующих лиц их собственной драмы»[951].

К сожалению, в современной социологии люди чаще всего изображаются не как авторы, а лишь как введённые в историю действующие лица, чьи роли играют на общественной сцене социальные актёры[952]. В этой ситуации люди нуждаются в управлении со стороны режиссёра, деятельность которого отождествляется

---

951 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4. С. 138.

952 Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М., 1998. С. 10.

с функциями субъекта управления. В качестве примера приводится также деятельность дирижёра, которому передаются все функции управления оркестром. При этом забывается, что дирижёр или режиссёр в своей сценической деятельности сами подчиняются тому, что заложено авторами произведения — композитором или драматургом. Последние исключаются из этой деятельности, хотя они олицетворяют творцов истории, законам которой подчиняется сценическое действие. Применительно к истории, человек выступает исполнителем законов своих общественных действий, законов совершаемого им дела, автором которого он сам является и которое осуществляется им самим так же, как им пишется и исполняется сценарий собственной исторической драмы. Будучи его исполнителем, он подчиняется законам своего дела, своей общественной деятельности.

Разница здесь лишь в одном: будут ли законы собственных общественных действий применяться людьми со знанием дела, что увеличивает их господство над своей жизнедеятельностью, или же они не познали их и вынуждены им подчиняться слепо. К сожалению, этого рода разграничение нередко представляется превратно: стихийное, не осознаваемое людьми протекание событий отдаётся под власть законов, «невидимой руки» рынка, а планомерное, осознанное управление общественными процессами освобождается от подчинения объективным законам, ибо таковыми считаются лишь те законы, в осуществлении которых люди участвуют бессознательно. Под этим предлогом Н. Бухарин, Е. Преображенский в своё время считали невозможным совместить планомерную управленческую деятельность государства с признанием действия объективных законов.

В наше время это же самое делается посредством противопоставления организационно-управленческой деятельности людей самоорганизации и самоуправлению. Последние вроде бы осуществляются стихийно и в принципе исключают организацию и управление. «Стихийного управления, — заявляет А. В. Тихонов, — не бывает»[953]. Что же касается организации и управления, выставляемых как альтернатива самоорганизации, то их связывают с упорядочивающей деятельностью человека, его сознанием

[953] Тихонов А. В. Социология управления: Теоретические основы. С. 55.

и деятельностью, но не с действием объективных социальных законов. Для апологетов «управляющего, доминирующего» субъекта «социальный порядок» может устанавливаться лишь сознательно при помощи управленцев. Там, где он устанавливается на основе действия имманентных законов, там вроде бы сознание отсутствует и нет никакого управления. Поэтому не случайно в упомянутой «Социологии управления» нет ни слова о самоуправлении.

В действительности же организовывать или самоорганизовываться, управлять или самоуправляться люди не могут, не подчиняясь законам этих своих действий. Законы составляют основу их управленческой деятельности. Если этого не признавать, не использовать законы, то ждать какого-либо положительного эффекта от управленцев бесполезно.

В полном соответствии с признанием объективного характера законов должен решаться вопрос об их использовании. Использование человеком законов общества не образует особой сферы — социальной субъективной деятельности с присущим ей особым социальным механизмом, принципиально отличным от механизма действия объективных законов. Поскольку законы и есть законы деятельности человека, то управление есть не что иное, как сознательное или бессознательное использование законов природы и общества. Неправильно думать, отмечал В. П. Тугаринов, что «объективными являются лишь те законы, в осуществлении которых люди участвуют бессознательно... Надо различать действие, не зависимое от сознания, и действие, совершаемое с помощью сознания»[954]. Управление совпадает с действием и использованием законов.

Использовать закон — значит использовать знания о нём, совершать такие действия и вступать в такие отношения, которые соответствуют знаниям о законах, и не делать того, что не соответствует им. Поэтому проблема использования законов — это проблема их знания и деятельности согласно этому знанию. Здесь субъективность приобретает свойственный её понятию смысл: сознательность действия, знание дела.

---

954 Тугаринов В. П. Законы объективного мира, их познание и использование. Л., 1954. С. 14.

Из того факта, что объективный закономерный процесс общественной жизни складывается из практических действий, не проходя через общественное сознание и не охватываясь полностью им, не следует, что социальная управленческая деятельность не может быть обоснована и рационально направлена на достижение определённых целей, согласуемых с объективным ходом событий. Нельзя согласиться с доводами современного антирационализма, отвергающего возможность осуществления научно обоснованной управленческой и планирующей деятельности, основанной на объективных законах.

Ф. Хайек, например, положение о рыночной самоорганизации, не требующей управления и тем более планирования, превращает в аргументы против возможности рациональной управленческой практики:

а) против требования следовать на практике тому, что научно обоснованно и не делать того, что не поддаётся этому обоснованию и не подтверждается опытом;

б) против правила выполнять то, что понятно и не следовать тому, что непонятно;

в) против идеи о неразумности того действия или поведения, цель которого не определена заранее;

г) против того, чтобы делать что-либо, если следствия дела не предусмотрены заранее или невыгодны[955].

В итоге, по мнению Ф. Хайека, «самонадеянный рационализм» считает неразумным всё то, что либо не доказано научно, либо не вполне понятно, либо не имеет определённой цели, либо ведёт к каким-нибудь неизвестным следствиям. Рыночный «расширенный порядок сотрудничества» не может базироваться на принципах научности, конструктивного рационализма, планирования. Ни традиционные нормы морали, ни традиционные практики не удовлетворяют критериям рациональности, не являются заключениями нашего разума.

Рыночный «порядок» выходит за пределы человеческого понимания, желаний, намерений, т. е. индивиды не знают и не могут знать, каков будет конечный результат их деятельности, и,

---

[955] Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность: Ошибки социализма. М., 1992. С. 108–109.

соответственно, не могут заранее определять свои цели. Человек в своей практической деятельности, с этой точки зрения, больше походит на пчелу, которая в отличие от архитектора заранее не планирует и не замышляет, что и как строить, но строит, руководствуясь чем-то вроде инстинкта (как пчела), лежащим, однако, выше животного инстинкта, но не охватываемого разумом.

На самом же деле естественноисторический процесс, складываясь помимо общественного сознания создающих его лиц, тем не менее образуется из действий людей, которые каждый раз ставят перед собой определённые цели, ждут заранее предполагаемых результатов и так или иначе понимают, что они делают, чего хотят. Цель, воля людей, осознанность ими своих индивидуальных поступков, готовность к участию в той или иной деятельности — это субъективное сопровождение практической деятельности, без которого история не делается. Этого не отрицают материалисты, которым приписывается теория «железной» необходимости: «Что это за чепуха, будто разум и чувства не присутствовали при возникновении капитализма? Да в чём же состоит капитализм, как не в известных отношениях между людьми, а таких людей, у которых не было бы разума и чувства, мы ещё не знаем. И что это за фальшь, будто воздействие разума и чувства тогдашних „живых личностей“ на „ход вещей“ было „ничтожно“»[956]. Люди и тогда, заметил В. И. Ленин, в здравом уме и твёрдой памяти, находили чрезвычайно искусные способы, при помощи которых загоняли непокорного крестьянина в русло капиталистической эксплуатации, проводили политические и финансовые мероприятия, посредством которых осуществлялись капиталистическое накопление и капиталистическая экспроприация.

Объективная закономерность, складывающаяся из практических действий людей независимо от их замыслов, целей, намерений, тем не менее открывается наукой, человеческим разумом. Законы же науки становятся правилами практического действия и в этом смысле не только осознаются, но и используются людьми в своей практической деятельности. Люди, действуя, всегда подчиняются тем или иным законам, и в этом смысле их

[956] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1. С. 415–416.

практическая деятельность совпадает как с использованием, так и с действием социальных законов.

Управляющая деятельность членов общества и соответствующих институтов образует звено механизма действия и использования законов общественного развития. Изменяют ли люди свои производительные силы, или они перестраивают свои управленческие органы, они одинаково подпадают под действие объективных законов своей деятельности. В этом смысле не может быть особого механизма использования законов, отличающегося от их действия тем, что первый относится к объективным образованиям, а второй — к субъективным. Явления или формы практического проявления внутренних законов, например конкуренция или планирующая деятельность, не менее объективны, чем сами имманентные законы общественного развития. В противном случае понятия «использования закона», «механизма использования закона», неизбежно приобретают смысл некоего «воздействия» людей на объективные законы. Т. е. из механизма использования можно создать особую субъективную сферу, где не человек подчиняется законам своего действия, а законы подчиняются ему и он волен их игнорировать, отклоняться от них и даже устранять их по своему желанию. Независимо от того, добиваются ли люди своих целей или нет, ошибаются ли они в своих действиях или нет, они не могут в своей деятельности игнорировать её законы, не подчиняться им. Ведь речь идёт о том, что действующие и на практике используемые законы — это законы самой деятельности людей.

Когда речь идёт об использовании законов в смысле их знания и деятельности согласно этому знанию, то и категория субъективного фактора приобретает адекватное ей значение: сознательность действия, знание дела, интерес к данному делу. Названная субъективность в своём движении может не совпадать с объективными законами как законами собственных общественных действий тех же самых обладающих сознанием людей. «Под субъективным фактором разумеется не всякая сознательная деятельность людей (ибо человек всегда и везде действует сознательно, целенаправленно, а не инстинктивно, как действует животное), а деятельность сознательная в смысле общественного сознания, т. е. не просто деятельность отдельного человека,

направленная на удовлетворение его повседневных, будничных личных нужд, но деятельность, исходящая из понимания задач общества или того или иного класса в нём. Субъективный фактор в истории есть сознательная деятельность людей в смысле общественного сознания»[957]. Соответственно, роль субъективного фактора в смысле общественной сознательности, целенаправленности действий, а не просто роль деятельности людей, по мере овладения законами общественной науки может повышаться.

Нельзя, однако, это трактовать как возможность возвышения управленческой деятельности над объективными законами. Это было бы субъективистским пониманием общественного развития, опасность которого в последнее время возрастает. Было время, когда возрастание роли сознательного начала представлялось как возможность создания или уничтожения людьми объективных законов общества. Теперь говорят в более мягкой форме: люди вроде бы могут игнорировать эти законы, использовать или не использовать их, отклоняться или не отклоняться от них в своей деятельности. Целые периоды истории страны нередко объявляются ошибочными, общество вроде бы только то и делало, что отклонялось от объективных законов собственной деятельности, и, игнорируя их, вставало на ложный путь. Так, например, полагают, что сегодняшний кризис, упадок производства и жизненного уровня народа произошли не потому, что страна экономически перешла к рынку и стали действовать рыночные законы, а потому, что игнорируются законы рынка, в том числе закон стоимости. Но разве не этими законами определяется известный принцип: повышение благосостояния одних сопровождается соответствующим ухудшением благосостояния других (В. Парето). То, что стало с экономикой страны, произошло не вопреки законам рынка, а благодаря этим законам. Если не реализуются одни законы, то это лишь значит, что деятельность людей осуществляется по другим законам.

Склонность видеть главные причины современной деформации экономической и социальной сферы в ошибках управленцев, в том числе президентов, в их неумении правильно оценить те или иные

---

[957] Тугаринов В. П. Законы объективного мира, их познание и использование. Л., 1954. С. 175.

явления и вовремя принять решение есть субъективистский подход. Субъективист, признав нечто желательным или нежелательным, должен найти условия осуществления желательного или устранения нежелательного. Им не допускается даже мысли об объективном характере процесса развития общества, и потому ничего другого не остаётся, как говорить только о разных уклонениях от «желательного», о «дефектах», случившихся в истории вследствие того, что люди были не умны, не умели хорошенько понять того, что требуется, не умели найти условия осуществления разумных порядков. Ясное дело, что идея о естественноисторическом закономерном процессе развития общества в корне подрывает эту ребячью мораль, претендующую на наименование социологии[958]. Сегодня эту же мораль можно встретить в расхожей фразе — «зачем законы истории надо любить больше, чем мать родную».

Люди не могут игнорировать объективные законы прежде всего потому, что последние являются законами их собственных общественных действий и отношений. Что и как люди делают, в какие отношения вступают — таковыми и будут законы, которым подчиняются их деятельность и отношения. Поэтому нельзя отклоняться от закона собственной деятельности. Не бывает так, чтобы деятельность, если даже она нежелательна с точки зрения тех или иных социальных групп, не подчинялась собственному закону. Не бывает периодов, или «участков» истории, свободных от действия объективных законов. Если то или иное действие идёт вразрез требованиям одного закона, то это не значит, что оно не подчинено другому закону.

Речь может идти лишь о том, что люди, изменяя характер своей деятельности, свои общественные отношения, подчиняются законам этой своей новой деятельности и изменённых отношений. Если, например, свою экономическую деятельность общество направляет на получение прибыли, и люди завязывают между собой товарно-денежные отношения, то законами этой деятельности и этих отношений будут законы рыночного производства и обмена. Управленческая власть, какое бы положение ни занимала, не может игнорировать законы, ведущие к последствиям капиталистического производства. Остаётся лишь их

[958] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1. С. 134.

санкционировать в управленческих решениях и отделаться соответствующей фразой: «хотели как лучше — получилось как всегда». Управленческая деятельность в современных условиях подчиняется законам рыночного хозяйства, последствия функционирования которого в виде безработицы, кризиса возникают спонтанно, вопреки благим желаниям и обещаниям руководителей «поднять», «улучшить» жизнь людей.

Подчинение людей законам своей деятельности и своих отношений не означает отрицания общеизвестного факта, что историю делают люди, живые личности. Вопрос лишь в том, как понимать это «делание» людьми истории. Они её делают не тем, что создают новые законы или их изменяют, игнорируя существующие законы, а тем, что изменяют средства и продукты своей деятельности, создают вещи, продукты в той или иной социально-экономической форме. Изменения общественных отношений тоже исходят от людей — их носителей. Однако из признания активности делающих историю людей вовсе не следует, что объективные законы являются результатом, продуктом человеческой деятельности. Объективные законы могут выражать результаты, к которым люди приходят в своей деятельности и в своём общении, но сами не могут быть созданными людьми по своей воле законами.

Исходным здесь является то, что управление есть воздействие людей, общества на собственное функционирование и развитие, на производство и воспроизводство общественных отношений (общества и человека) на основе объективных законов природы и общества. Чем полнее и глубже люди познают законы своих общественных действий и опираются на них в своей управленческой деятельности, тем эффективнее осуществляется управление их собственной общественной жизнью.

Трактовка управления как одного из способов воздействия общества на самого себя проистекает не из какой-то постнеклассической социологии, а из давно известного положения о самодвижении и саморазвитии общества, о порождении человека человеческим трудом (Гегель), из выдвинутой К. Марксом концепции о том, что производство не сводится к созданию вещей, что оно есть одновременно производство и воспроизводство общественных отношений, т. е. самого общества и человека.

Теперь многие пользуются формулами «саморазвивающаяся человеческая система», «производство обществом самого себя», выдавая их за постиндустриальную парадигму всей науки или некой постнеклассической социологии. На самом деле они представляют собой достижения той социологии и той теории управления, которые достойны называться научными.

ОБЩЕСТВО ТРУДА — ОБЩЕСТВО ПРАВДЫ И СПРАВЕДЛИВОСТИ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Экономические отношения, сердцевину которых составляют трудовые отношения, представляют собой базисное основание общества. Это фундамент, но не всё здание.

Не менее важно исследовать с точки зрения примата трудовых отношений всё «здание» общества, во всём его многообразии. Конечно, это очень сложная проблема. Её раскрытие требует всестороннего, комплексного исследования с позиций многих научных дисциплин. В свете этого можно высказать некоторые соображения относительно значимости труда для выявления правды и лжи в самой жизни[959].

Хронические неудачи российской экономики последнего десятилетия вопреки радужным ожиданиям, навеянным переходом к официальному господству рыночных отношений и частной собственности, во многом связаны с тем, что в основу экономической и социальной политики положены отношения и категории, несущие с собой онтологическую ложь мистифицированных, фетишизированных форм жизни. Частная собственность делает людей не только глупыми, но и лживыми. Стоило только пообещать всех россиян сделать частными собственниками, как все погнались за ваучерами — за своей долей в общественной собственности. Ложь и обман оказались в исходных идеологических предпосылках реставрации капитализма. Иного и не могло быть.

Строить новое общество на иллюзиях, на неких превращённых формах сродни попытке строить дом из неподходящих материалов, без запаса прочности. При благоприятных условиях такое здание может существовать какое-то время, и в нём ещё можно

---

[959] См. об этом: Долгов В. Г. Заключение // Будущее за обществом труда. СПб., 2001.

жить. Так же и общество, государство при благоприятном стечении обстоятельств может существовать сравнительно сносно. Но при изменении экономической, политической, социальной обстановки оказывается непригодным для существования. В истории такое случалось нередко, в том числе в недавнем прошлом. Руководство Советского Союза вместо последовательной работы в направлении развёртывания научно-технического прогресса, социального развития на основе культа труда, совершенствования планового управления обществом в 60–80 годы XX в. погналось за сравнительно лёгкой прибылью путём добычи и продажи за рубеж сырьевых ресурсов, прежде всего нефти, газа, леса и т. п. Полученные в результате этого «нефтедоллары» позволили создать видимость благополучия. Их уродливое, рыночное распределение привело к социальному расслоению общества и в итоге — к краху как правящей партии, так и всего режима. «Нефтедоллары» позволяли некоторое время существовать без борьбы за новые технологии, прогрессивное развитие материально-технической базы, совершенствование человека труда, социальное благополучие.

Когда же партия спохватилась, время уже ушло. Начались метания от «ускорения» к «перестройке». Немного прошло времени, и снова теперь уже Россия попала под иллюзии лживого роста экономики, хотя это — всего лишь удачная конъюнктура на нефтяных рынках. По некоторым оценкам, за 2000–2002 гг. за счёт роста цен на нефть Россия получила дополнительно более 50 млрд долларов. Но как это отразилось на реальной экономике? Сколько построено новых заводов, фабрик, предприятий сельского хозяйства, дорог, школ, больниц? Может быть, модернизируется армия? Или получили государственную поддержку научные проекты, развивается система образования и высшей школы? Нет, этого не происходит. В лучшем случае государство участвует в обустройстве новых офисов, дворцов, резиденций. В общем, налицо «офисная экономика». Но время опять уходит. Новые «нефтедоллары» рано или поздно потратятся.

На государственном уровне не делается даже попытки осознать, на каком фундаменте строить экономику. Все надежды связываются с повышением деловой активности, конкуренции.

На самом деле этим лозунгом прикрывается деятельность по переделу сырьевых ресурсов и захвату новых плацдармов в транспортной инфраструктуре, связи, металлургии, пищевой промышленности.

Не случайно в последнее смутное десятилетие разгула спекулятивной, рыночной экономики как основы общества в стране бурно расцвела преступность, прежде всего мошенничество, аферизм, злоупотребление служебным положением, взяточничество. Потом уже всё это одевается в кровавые халаты разбоя, рэкета, непрерывных убийств.

Рыночный обман порождает ложь общественную. Именно этим, в значительной мере, порождаются, продвигаются, занимают на какое-то время ведущие посты в обществе и государстве разного рода авантюристы, лжепророки и прочие политические нули. Из них формируются целые общественные движения и партии.

Всему этому может противостоять только общество труда. Только на базе развития трудовых отношений, поддержки всей сферы развития человека труда возможно последовательное создание мощной экономики, современного промышленного и аграрного производства. Только это будет здоровой основой для всей системы социальных отношений. Правда труда порождает и правду жизни. По этому поводу справедливо написано у В. Г. Комарова: «1) принадлежность к негосподствующим и занятым жизнеобеспечивающим трудом „массам“ гарантирует их от самого страшного греха — от участия в общественном каннибализме, в деятельности по отчуждению жизни других людей; 2) социальное положение работников жизнеобеспечивающего труда в этическом и гносеологическом отношениях — не что иное, как расположенность к точке зрения правды; 3) у них, следовательно, больше, чем у господствующих „элит“, объективных социально-антропологических предпосылок и глубинной заинтересованности в том, чтобы не имитировать следование, а на деле следовать... принципам справедливости»[960].

Только при господстве трудовых отношений как основополагающих возможно построение правдивых, правильных человеческих

[960] Комаров В. Г. Правда: Онтологическое основание социального разума. СПб., 2001. С. 398.

отношений между людьми. В труде не обманешь: либо сделано, либо нет. Ибо чтобы добиться конкретного результата, создать продукт с его потребительной стоимостью, необходимо выполнить совершенно конкретный и последовательный набор операций. Невыполнение какого-либо действия, конкретной операции приведёт к ущербности продукта, к изменению его качества, можно даже сказать, что будет уже другой продукт. В этом сила конкретного труда, ибо он, изменяя форму предмета труда, делает его годным к потреблению. Здесь конкретный труд путём создания потребительной стоимости превращает последний в фактор производства и потребления. Использование потребительной стоимости кроме удовлетворения потребности влияет ещё и на структуру применяемого труда, ведёт к его экономии. Продукт конкретного труда, обладая более совершенной формой, несущей силу науки и природы, замещает, высвобождает большее количество труда, чем пошло на его создание.

Трудовые отношения не только создают экономическую основу для социального развития путём создания всё большего количества свободного времени общества, но и напрямую влияют на гуманитарно-нравственные отношения. В отличие от слепых рыночных отношений всеобщей купли-продажи, в кооперативно-трудовых отношениях возрастает роль осознанной истинно человеческой деятельности. Если в продажной экономике в основу маркетинговых стратегий, как правило, закладываются инстинктивные качества потребителя, как физические (голод, жажда, похоть и т. д.), так и психологические (страх, суеверие, честолюбие, тщеславие и прочее), то в трудовой кооперации ведущую роль играют разумные потребности, стремление к их удовлетворению с целью развития личности трудящегося человека.

Разумная, гуманитарная составляющая общества получает в таких условиях больший простор для своего воплощения. Она получает естественную, здоровую, социально-экономическую среду для реализации и развития. Это безусловно находит своё проявление в искусстве, литературе, юриспруденции, нравственности, морали, этике и эстетике, в культуре в целом. Исследование реализации трудовых отношений как базы развития общества во всех многообразных сферах жизни общества — задача и других социологических работ. Этому вопросу посвящён замечательный

труд В. Г. Комарова «Правда: Онтологическое основание социального разума» (СПб.: Изд-во С. -Петерб. ун-та, 2001. 556 с.), возрождающий высокую научную социально-философскую теорию, в центре которой — обоснование правды труда и общества, основанного на правде труда. Автор высказывает серьёзное беспокойство по поводу того, что засилье товарно-денежных иллюзий и предрассудков вытесняет из миллионов человеческих голов социалистические идеи, а вместе с ними и всякую сколько-нибудь систематизированную социальную теорию, заменяя её плоским конъюнктурным дискурсом.

Обществу, охваченному системным кризисом и подвергающемуся распаду, не нужны ни социальная теория, ни социальная наука. В условиях, когда знания и научная информация отнесены к миру товаров, люди науки перестают служить истине. Рыночные отношения делают из учёного владельца своей исключительной интеллектуальной собственности, т. е. собственности на свою интеллектуальную рабочую силу, без продажи которой эта его сила ничего ему не даёт. Его знания, даже если их называют интеллектуальным капиталом, не возьмёт ни один банк и не будет платить за них проценты. Продавая свою интеллектуальную силу, учёный вынужден служить её покупателю, носителю реального капитала.

Последний, особенно если он фиктивный, не позволяет наёмному научному работнику искать причины своего происхождения, заставляет работника науки скрывать истину. В результате общественная атмосфера, как справедливо утверждал академик А. Д. Александров, «наполнена у нас ложью, которая распространяется средствами массовой информации и даже академическими журналами»[961].

Не лучше обстоит дело и с образованием, особенно гуманитарным. Согласно требованиям, изложенным в докладе Всемирного банка о реформе образования в РФ, всякие вложения в систему образования должны рассматриваться как инвестиции в «товарный труд», в подготовку интеллектуальной рабочей силы. Соответственно, как призвал в своём выступлении на VII съезде ректоров вузов России Президент В. В. Путин, «необходимо стимулировать

[961] Советская Россия. 1997. 2 августа.

естественный процесс интеграции разных уровней и организационных форм образования и науки в единый рынок знаний».

Всему этому опять-таки может противостоять только наука, служащая интересам труда. Именно служба труду может превратить науку, как утверждал К. Маркс, в народную силу, превратить учёных из пособников классовых предрассудков, из честолюбивых государственных паразитов и союзников капитала в свободных тружеников мысли. Наука может выполнить свою истинную роль только в обществе труда[962].

Фундаментальный вывод о том, что будущее — за обществом труда, не означает, что это общество придёт само собой, без активных коллективных действий и борьбы человека труда. В том обнищании, в каком сегодня находится рабочий класс, во многом повинен и сам рабочий класс, не вполне осознавший, что вожди и идеологи могут помочь его борьбе, но не осуществят её за него. Те, кто поднимается на борьбу за улучшение своей жизни, этого улучшения добиваются. Об этом говорит богатый опыт Российского профсоюза докеров, сделавшего коллективный договор инструментом выражения своих интересов и отстаивания своих прав, Федерации профсоюзов авиационных диспетчеров России, Объединения рабочих профсоюзов «Защита труда», Объединения профсоюзов России (СОЦПРОФ), профсоюзов локомотивных бригад железнодорожников и ряда других профсоюзов.

Эти профсоюзы возглавили и провели успешную борьбу за прогрессивный проект Трудового кодекса России, разработанный Фондом рабочей академии. За этот проект проголосовало 189 депутатов Государственной Думы, и ряд его положений вошёл в принятый трудовой закон. Успех борьбы зависит от самих трудящихся, вновь усваивающих ту истину, что освобождение рабочего класса прежде всего дело рук самого рабочего класса. Общество труда — это общество, где власть принадлежит людям труда, и органы власти формируются в трудовых коллективах. Право на такую власть завоёвывается коллективной борьбой трудящихся за свои интересы, выражающие прогрессивные интересы всех членов общества.

---

962 Комаров В. Г. Правда: Онтологическое основание социального разума. С. 17.

В современных поисках национальной идеи, новой идеологической парадигмы, существа менталитета народа, без всяких на то оснований обходится постоянно присутствующий в народном менталитете императив — «правда, только правда». Вроде всем известно, что «нет ничего, кроме правды». Однако то, что известно, не значит, что оно познано (Гегель). Не является ли правда искомым основным принципом социальной жизни народа, его надежд и его социального разума, рассматриваемых с позиции ментальности? Если «да», то в чём состоит эта правда, каково её онтологическое основание?

Сегодня, как никогда, востребованы не только «правда — истина», но, главным образом, «правда — справедливость», правда жизни. Хотя правда и справедливость имеют общую основу, «справедливость» заключает в себе ещё и морально-правовое содержание. В отличие от «истины» категорией «правда» характеризуется реальная жизнь, а не только сфера социального разума. Правдиво ли всё то, что существует в действительности, особенно в нашей жизни — вот вопрос, поставленный ещё Гегелем относительно разумности действительности, на который мы должны ответить и на который осмелился дать ответ В. Г. Комаров в своей замечательной монографии.

Вопрос непростой. На наших глазах социальная и экономическая действительность теряет последние черты правдивости, а потому и разумности. Разве можно говорить о разумности того, что 40 млн наших граждан, т. е. ⅓ населения, оказались за чертой бедности, о разумности преступности, воровства, коррупции, захлестнувших страну. Разве можно всё это оправдывать от имени науки, как это ныне делают многие. Можно сказать, что балом стала править онтологическая и идеологическая ложь.

Неразумность действительности столь очевидна, что более правдоподобным будет вывод, противоположный тому, на котором некогда настаивал Гегель: ныне что неразумно, то действительно, а что действительно, то неразумно[963].

Главная причина всего этого — не просто в нашей неразумности, а в иррациональности самой сегодняшней практики, нашего

---

963 «Что разумно, то действительно; и что действительно, то разумно.» (Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 53).

общественного бытия. Эта причина — в охватывающем весь мир и страну товарном фетишизме, к которому ныне присоединился ещё и информационно-коммуникативный, компьютерный фетишизм. Объективная, онтологическая ложь товарно-рыночной жизни порождает и ложь её теоретических «испарений». Люди, в том числе и теоретики, подпадают под власть и внушение социальных кажимостей, превращённых форм, которые нас обволакивают неким мистическим туманным «покрывалом», закрывают действительную сущность истинного человеческого бытия. Всё, что на деле, в своей сущности не может быть товаром (человеческое тело, красота, честь, совесть) превращается в товар, в предмет купли и продажи. Создаются иллюзии, будто материальный жизнеобеспечивающий производительный труд становится ненужным, будто знания, информация сами по себе, без этого труда, создают стоимость и богатство, будто человечество уже вступает в форму общества без экономики (постэкономическое общество), будто достаточно войти в интернет, чтобы оказаться в новом информационном обществе с новой сетевой структурой, устраняющей трудовые, общественные отношения людей и социальных групп, т. е. социально-классовые отношения. То, что мы оказались без действующих заводов и фабрик, иными теоретиками считается, что мы вступили уже в «постиндустриальное общество».

К названной объективной причине следует добавить и субъективную — наличие значительного числа людей (идеологов), которые только тем и занимаются, что придают превращённые «смыслы» и «значения» действительным явлениям социальной жизни. Их деятельность сводится к тому, чтобы представлять других, играть их роли, быть действующими лицами и исполнителями разыгрываемой жизненной драмы. Это — чиновники государственного аппарата и представительных органов, выступающие от имени общества, писатели и актёры, представляющие реальную жизнь в книгах и на сценах театров, на телевидении, радио. Эти феноменологические процедуры, когда одно подставляется вместо другого, причём по меркам своей «колокольни», составляет другую причину существования лжи. Очевидно, что идеологи, оправдывающие перестройку и рыночные реформы, заявляющие, что «иного не дано», не могут претендовать на научность и истину.

Скорее, они — противники разумного, научности, объективной истины. Либеральной буржуазии, по словам В. И. Ленина, нужна её ложь, которую она выдаёт за величайшую правду, за святую святых торгашеского братства[964].

Этой идеологической лжи может противостоять только жизнеутверждающая сила правды, носителем которой всегда выступал и выступает народ. Эта сила обнаруживала себя в «Русской Правде» Ярослава Мудрого, в программе декабриста П. И. Пестеля, в многочисленных (ныне переименованных) названиях газет. Как ни парадоксально, сохранила своё название «Комсомольская правда». Ныне к спасительной силе правды обращаются намного чаще, чем когда бы то ни было, особенно левые силы. Не менее часто её охаивают правые, вкладывая ложный смысл в понятие «правое».

Где же искать объективный источник народной надежды на торжество правды, неискоренимой силы правдоискательства?

Их онтологическим основанием и субстанцией может служить только жизнеобеспечивающий человеческий труд, т. е. труд, производящий не смыслы и значения вещей, а сами вещи, материальные и духовные блага, являющиеся условиями жизнедеятельности человека. Он, вопреки современным мифам о «смерти труда», трудового общества, никогда не уйдёт в прошлое, не уступит место информации, которая без реализации посредством жизнеобеспечивающего труда ничего не даёт. Как прошлое, так и будущее — за обществом труда, в котором властелином станет труд и только труд. Тогда и восторжествует царство правды.

Соответственно, торжество принципа жизнеобеспечивающего труда составляет основу мировоззрения аутентичного, нефальсифицированного коммунизма и ему предшествующих форм народного правдоискательства, социального разума народа, всех социальных движений и революций.

К такому научно обоснованному выводу пришёл В. Г. Комаров, автор социологическо-философской концепции правды. Он, вполне осознавая значимость трактовки правды как истины, основы научного и социального разума, вместе с тем считал недостаточным ограничиться представлением о правде как

---

964 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11. С. 329.

о прикладной форме истины или особых моральных категорий — «правда — справедливость», «правда — честность» и т. п. Этим была бы снята онтологическая сущность как правды, так и её противоположности — лжи, лежащих в области общественного бытия.

К атрибутам, в которых обнаруживает себя труд как субстанция правды жизни и правда истории, следует отнести прежде всего правду трудовой жизни в противоположность нетрудовой, праздной жизни. Нетрудовая жизнь, как об этом гласит христианская религия, в самом начале рода человеческого привела к первородному греху. Люди были обязаны искупить этот свой грех лишь тем, что они в поте лица своего должны есть свой хлеб.

Атрибут своей правдивости трудовая жизнь приобретает, конечно, не как искупление первородного греха, а потому, что труд был, есть и будет основным способом существования людей, жизнеобеспечивающим началом общественной жизни. При этом таким жизнеобеспечивающим началом является труд, производящий потребительные стоимости, материальные и духовные блага, удовлетворяющие собственно человеческие (разумные) потребности. Именно в этом качестве, а не как всякая деятельность, труд присущ всем обществам, всей истории. К сожалению, в этом своём качестве труд менее всего познан и признан. Если и обращают внимание на труд, то на труд, производящий стоимость.

На стороне действительного труда, кроме производства и воспроизводства человеческой жизни, находится ещё одно важнейшее свойство — правда общего дела. Именно в общем деле, ***жизневоскрешающем труде***, по справедливому утверждению русского мыслителя Н. Ф. Фёдорова, добываются свобода и равенство, исключающие господство одних над другими, достигается истинное родство сынов и дочерей человеческого рода.

Объединяющая сила труда — это правда как общественное отношение. В процессе трудовой деятельности люди творят, воспроизводят как человеческую общественную связь, так и свою общественную сущность, поэтому правда оказывается на стороне коллектива, в конечном счёте — трудового народа.

Отсюда следует ещё одно важнейшее онтологическое основание правды — собственность на условия и результаты труда, основанная на труде, т. е. правда трудовой собственности.

Отношения собственности, возникающие из присвоения сил и предметов природы в процессе труда, имеют первым и последним своим законом закон тождества труда и собственности, т. е. трудовую собственность.

Принцип правды как справедливости в отношениях собственности нельзя вывести из имеющихся декларированных прав человека, ибо равенство людей в правах на собственность в них отсутствует: нет равного права собственности на средства труда и его продукт. Поэтому единственным источником справедливости как правдивости в отношениях людей здесь остаётся собственность на условия и продукт как своего индивидуального, так и общественного труда, т. е. утверждение единства труда и собственности.

В результате отчуждения труда от собственности образуется неравенство и несправедливость в распределении жизненных благ, что в современных условиях выражается в небывалом разрыве в доходах бедных и богатых. В поисках справедливости и равенства в этой сфере жизни обычно обращаются к известному принципу «от каждого по способностям — каждому по его труду», хотя он далёк от того, чтобы выражать равенство и справедливость.

Принцип распределения по труду может быть оправдан лишь в том случае, когда не будет ущемлён труд, а его мера будет определяться не стоимостью рабочей силы, а условиями потребления, возможно лучшим удовлетворением человеческих, а потому и разумных потребностей.

Сущность не исчерпывается её рассмотрением со стороны её онтологического основания в общественном бытии и жизнеобеспечивающим труде. Правда пребывает не только вне сознания, но в сознании — как социальная истина, т. е. правда жизни возвышает себя до социальной истины. Здесь она становится предметом не только гносеологии, но и социологии, что требует разработки особой социологической концепции правды как истины социального разума в разных формах его функционирования.

Современные модные учения о справедливости, равно и о равенстве, свободе своими теоретическими предпосылками обязаны классической политической экономии. Эти учения, в свою очередь, возникли как отражение реальных условий

функционирования простого товарного производства и товарного обращения, подчинённых закону стоимости. Свобода, равенство как чистые идеи представляли собой, по словам К. Маркса, всего лишь идеализированные выражения обмена меновыми стоимостями. В товарном обмене, покоящемся на обращении меновых стоимостей, равенство и свобода не только уважаются, но и приобретают свой реальный экономический базис как всеобщие принципы, т. е. как принципы всякого равенства и всякой свободы[965].

Ввиду того, что товар и труд вступают в отношения меновой стоимости, а потому и эквивалентности, их носители — люди — в социальном отношении приравниваются друг к другу как абсолютно равные, не имеющие никаких различий. Отсюда проистекают и известные принципы «Всеобщей декларации прав человека»: все люди рождаются свободными и равными, каждый человек обладает всеми правами, без какого бы то ни было различия.

Этого рода равенство и отсутствие различий между людьми как людьми не касаются, однако, реальных различий в их способностях и личных возможностях, а также в потребностях. Такая различённость и, следовательно, неравенство и несправедливость должны вроде бы покрываться всеобщим социальным равенством людей как людей. Важно лишь то, чтобы приоритетом такого правового равенства оправдывать те неравенства и несправедливости, которые имеют место в действительности.

Ситуация коренным образом меняется с превращением законов простого товарного производства в законы капиталистического присвоения, базирующегося на неэквивалентном обмене между трудом и капиталом, на отчуждении труда от собственности. Особенно это касается современного всё более углубляющегося экономического и социального неравенства в доходах богатых и бедных, отсутствия всякой возможности занять всем одинаковое место на ступеньках социальной лестницы.

Как быть тогда с принципами равенства, свободы и справедливости, взятыми из арсенала простого товарного производства и простого товарного обращения? Ничего другого не остаётся, как сохранить их, приспособив к условиям современного «кричащего»

[965] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I. С. 191.

социального и экономического неравенства между людьми. Капитал своё вечное право на плоды чужого труда обосновывает исходя из простых и справедливых законов обмена стоимостных эквивалентов. Дж. Ролз, например, определяет справедливость как честность. В её основание он кладёт тот же принцип равенства: каждый индивид имеет равное право со всеми на основные гражданские свободы. Что же касается имеющихся социальных и экономических неравенств, то они, по его мнению, обусловливаются и оправдываются, с одной стороны, наличием различий в естественных способностях и личных достижениях у индивидов, с другой, — приоритетностью всеобщего принципа социального равенства, в том числе применительно к возможностям индивидов и доступностью (открытостью) для всех тех или иных должностей в общественной иерархии. Социально-классовые различия могут быть устранены только для обеспечения равных стартовых возможностей, но не для установления равенства в достигаемых результатах: «Социальные и экономические неравенства должны быть устроены так, чтобы: а) от них можно было бы разумно ожидать преимуществ для всех и б) доступ к положениям (positions) и должностям был бы открыт всем»[966].

Равенство и справедливость в сфере возможностей не касается различённости и преимуществ, связанных с достигаемой человеком эффективностью, в частности «оптимальностью по Парето», согласно которой никто не должен выигрывать или проигрывать в реализации своих предпочтений, в своём рациональном выборе, пока не достигнута точка равновесия, при которой повышение благосостояния одних не может быть осуществлено без соответствующего ухудшения благосостояния других.

В итоге, обсуждение вопроса о социальной справедливости переводится в плоскость трактовки известного принципа «от каждого по способностям, каждой способности — по труду», который в своё время был принят прежними социалистическими школами в качестве критерия справедливости распределения благ. Этому принципу было придано важное значение в теории и практике социализма в СССР, от него не может отказаться современная Россия, в которой для трудящихся социальная справедливость

[966] Ролз Дж. Теория справедливости. Красноярск, 1995. С. 66.

всё более приобретает характер ведущей прогрессивной общественной идеи и социального идеала.

Чтобы оценить принцип распределения по труду с точки зрения социальной справедливости, нужно в первую очередь определить, по какому труду осуществляется распределение: а) по абстрактному труду, производящему стоимость, или б) по труду, создающему продукт в качестве потребительной стоимости. Это — два способа распределения по труду, они существенно различаются друг от друга, составляют противоположные способы присвоения жизненных благ. В литературе, к сожалению, они чаще всего не различаются или способ распределения сводится к стоимостному варианту — за труд равной ценности равное вознаграждение, справедливую зарплату («Всеобщая декларация прав человека». Ст. 23), хотя существо способа распределения (распределение по труду или по капиталу) обходится.

Если речь идёт о распределении по труду, результатом которого является меновая стоимость, то в данном случае распределение осуществляется по стоимости рабочей силы, выраженной в заработной плате. Здесь, как обосновывал К. Маркс, оплачивается не труд, который не имеет стоимости, а товар «рабочая сила», т. е. способность к труду. Но денежный эквивалент стоимости рабочей силы до сих пор сохраняет иррациональную форму платы за не имеющий стоимости труд.

В какой мере распределение жизненных благ по стоимости рабочей силы является справедливым? В той мере, в какой справедливо производство и обмен по закону стоимости в условиях товарного производства и рыночной экономики. В этих условиях купля и продажа рабочей силы на основе эквивалентного обмена предстаёт в общественном сознании единственно справедливым. Более того, на поверхности общественной жизни рынок выглядит настоящим эдемом прирождённых прав человека — равенства, свободы, справедливого обмена и т. п.

На самом же деле превращение рабочей силы в товар, а последнего — в собственность работодателя, позволяют ему из продавшего свою рабочую силу работника выжимать неоплаченный прибавочный труд и прибавочную стоимость. Тем самым справедливый эквивалентный обмен, совершающийся в сфере обращения, в сфере производства оборачивается явной

несправедливостью — неэквивалентным обменом и присвоением чужого труда и его продукта. Соответственно, всем известная стоимость, на основе которой осуществляется распределение благ под замаскированным названием «каждому по труду», заключает в себе величайшую несправедливость — эксплуатацию наёмного труда, лишение работника собственности на созданный им продукт.

К этому важно добавить ещё одну несправедливость, о которой обычно забывают: частная собственность не ограничивается собственностью на средства производства, она распространяется и на купленную работодателем реализуемую рабочую силу, а впоследствии — и на самого человека (продажа людей). Приватизированными оказываются сами люди, они становятся рабами с той лишь разницей от классического рабства, что в его основе вместо личной зависимости оказывается вещная зависимость. Работник после продажи своей рабочей силы если не в физическом, то в экономическом смысле лишается собственности и на эту реализуемую в труде свою силу, т. е. на отчуждаемый от собственности труд.

Почему же принцип распределения по труду, первоначально названный «каждый по способностям, каждому по способности» или «каждой способности по труду», оказался в арсенале теорий и практики социализма?

Касательно теорий, предполагающих в качестве экономической основы социализма товарное производство (Прудон, Дюринг и другие), можно сказать, что здесь справедливость распределения выводится из стоимостного эквивалента обмена труда на труд, например «часа труда на продукт часа другого труда» (Е. Дюринг). Обмен стоимостных эквивалентов отождествляется с обменом трудовых эквивалентов, т. е. труду приписывается свойство стоимости. На этой же почве возникли претензии лассальянцев «на справедливый и неурезанный доход», собственность рабочего на полный продукт своего труда. Ныне на этом настаивает, например, М. Каддафи[967].

Когда речь идёт о простом товарном производстве отдельных производителей, то там овеществлённый в продукте труд

[967] Каддафи. Зелёная книга. М., 2000. С. 56, 58.

(стоимость продукта) совпадает с живым трудом (потребительной стоимостью продукта). В этих условиях претензия на полный продукт своего труда вполне справедлива и оправданна, здесь действует закон тождества труда и собственности. Если же эти требования распространяются на развитое товарное производство, в котором товаром становится рабочая сила, то такого рода претензии теряют экономическое обоснование, хотя они вполне справедливы с точки зрения нравственного идеала и желания установить единственно справедливую трудовую собственность.

Как же ныне обстоит дело с распределением по труду и справедливостью в современной России? При рыночной экономике у нас в России трудящиеся получают блага посредством их распределения по труду. В своё время в СССР этот принцип был объявлен социалистическим, хотя никто из вождей, даже И. В. Сталин, не брал на себя личной ответственности за его социалистичность. Как быть в этом случае с социальной справедливостью данного принципа, используемого как при капитализме, так и при социализме?

Основоположники научной теории социализма для переходного периода от капитализма к социализму допускали распределение по стоимости рабочей силы там, где сохранялся бы капиталистический уклад и господствовала бы рыночная экономика. «Здесь, — по словам К. Маркса, — господствует тот же принцип, что и при обмене товарными эквивалентами: известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой»[968]. Соответственно, распределение по труду считалось, с некоторыми поправками, принципом, не выходящим за рамки буржуазного права и не устраняющим несправедливость и неравенство, поскольку продукты делятся «по работе». Поэтому в теоретическом плане принцип распределения по труду К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин не признавали собственно социалистическим.

Как же оправдывалось его применение в практике строительства социализма, например в СССР? Прежняя несправедливость этого принципа при социалистической ориентации экономики снималась тем, что рабочей силе перестали придавать значение

968 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19. С. 18–19.

товара, а труду — наёмного труда. Полагали, что наём работников государственными предприятиями при наличии общественной собственности не делал труд наёмным, ибо отсутствовала его противоположность — капитал. Однако забывали, что при указанных условиях принцип распределения по труду может быть социалистически и социально справедливым лишь тогда, когда имеется в виду конкретный труд, производящий потребительную, а не меновую стоимость, т. е. продукт, перестающий быть товаром, предназначенным для рынка. «Для социализма, который хочет освободить человеческую рабочую силу от её положения товара, — отмечал Ф. Энгельс, — очень важно понять, что труд не имеет стоимости и не может иметь её»[969]. Весь механизм оплаты труда и денежное хозяйство должны были при социализме строиться на учёте потребительной стоимости труда и рабочей силы.

К сожалению, на практике, в период строительства социализма в СССР труд как мера распределения не был осознан со стороны его потребительной стоимости, т. е. как непосредственный, живой труд. Господствующим оказалось распределение по труду по стоимостному, а не потребительностоимостному принципу. Если крупные средства производства не обращались как товары, то предметы потребления были объявлены и функционировали как товары. Получалась нелепость — рабочая сила, не будучи товаром, обменивалась на товар в виде предметов потребления.

По этой и другим причинам способ распределения жизненных благ всё более и более приходил в противоречие со способом производства, основанным на общественной собственности на средства производства. К положению заводов и фабрик, переставших служить объектом купли-продажи, т. е. товаром, не соответствовал способ распределения жизненных средств. На деле же только способ распределения последних, исходящий из потребительной, а не меновой стоимости рабочей силы, мог должным образом соответствовать общественной собственности на крупные средства производства. Можно сказать, что отсутствие этого соответствия было одним из главных неразрешённых внутренних противоречий, вызвавших падение социализма в СССР и безразличие к этому

[969] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20. С. 206.

со стороны значительной части рабочего класса и всего трудового народа. Самым несправедливым оказалось распределение, осуществляемое якобы по труду, а на самом деле — по стоимости рабочей силы. Говорили, что по-другому нельзя было поступать. Это — неправда, можно было по-другому, если бы знали, как это сделать и была бы соответствующая воля.

Экономической основой для действительно справедливого распределения жизненных благ может быть лишь их присвоение по условиям потребления, исходящего из достигнутого уровня развития производительных сил общества. Речь в данном случае идёт не об идеально справедливом распределении по принципу «каждому по потребностям», а о реальной потребительной силе труда, реализуемой согласно его производительной силе, выраженной в единицах сэкономленного труда.

Очевидно, что этот принцип распределения жизненных благ предполагает наличие собственности на средства производства, основанной на ассоциированном труде работников. Что же касается частной собственности на условия производства и экономики, направленной на возрастание стоимостей, то на этой экономической основе социально справедливого общества не построить. Экономически оно возможно лишь в условиях, когда господствующим станет не производство стоимости, а производство потребительной стоимости, предназначенной непосредственно для удовлетворения разумных потребностей общества, освободившегося от отчуждения труда.

Автор благодарит за участие в подготовке рукописи к изданию Ельмееву З. С., Всеволодову Ю. В., Всеволодова О. Б., а также коллег по работе — Долгова В. Г., Пруеля Н. А., Сошнева А. Н., Тарандо Е. Е., Ковальскую Т. Е.

Ельмеев В. Я.

МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ ЭПОХИ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

ЦИКЛ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ РАБОТ

Том IV (2006–2007)

Художник: Екатерина Симуни
Редакторская группа: Иван Шенцев,
Алексей Удовиченко, Андрей Моторин
Верстальщик: Виталий Евстигнеев
Безвозмездная финансовая поддержка: Павел Хорошко

КОНТАКТЫ

svremya.org

vk.com/svobodnoev

t.me/svremya

dzen.ru/svremya

КУПИТЬ И СКАЧАТЬ

ВИДЕО

РЕСУРСЫ

Подписано в печать 01.06.2026.
Формат 60 × 88 ⅛. Печать офсетная.
Издатель Англинова Л. Н.
194358, Санкт-Петербург, ул. Николая Рубцова, д. 9
Отпечатано в типографии ООО «Литография Принт»
191119, Санкт-Петербург, ул. Днепропетровская, д. 8, оф. 14
Сайт: www.litobook.ru, e-mail: info@litobook.ru,
тел.: +7 (812) 712-02-08